

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CONFINED TO THE LIBRARY.

VET. DK4-5276.085

БИБЛИОТЕКИ

2390

43

Л. Г. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПОЛКА.

Шкафы № 5 нисе

Книга № 1677.2051.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

и

Фаддеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ТРИНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1827.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Апрѣля 21 дня 1827 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ и Кавалеръ
Иродіонъ Вѣтринскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № IX.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ЖАЛОБЫ МУЖА.

Письмо къ Издателью Журнала.

Избираю Журналь вашъ, чшобъ сдѣлать чрезъ него гласными сокровеннѣйшія шайны моего сердца, и вслухъ произнесеть жалобы, копорыя многіе изъ подобныхъ мнѣ бормочуть себѣ сквозь зубы.

Меня зовутъ Горинъ; я имѣю добрую жену, двухъ сыновей, шрехъ дочерей и около шрехъ тысячъ рублей ежегоднаго дохода.

Когда я женился, шо все мое опеческое наслѣдство пошло на пригошовленія къ свадьбѣ. Мнѣ хошѣлось досшавить полное удовольствіе молодой женѣ своей: я купилъ новый домъ, меблировалъ его по здѣшнему, весьма щегольски; снабдилъ кухню и погребъ всѣмъ нужнымъ, и завелъ себѣ лошадей, чшобъ имѣть возможность съѣздить съ женою лѣпомъ куда нибудь прогуляться,

или избавишь ее зимою отъ неприятнаго пѣшеходства по снѣгу.

Наконецъ у насъ пошла дѣши. Женѣ моей нѣкогда было вывзжать часшо изъ дому. Я зналъ, что когда имѣешь дѣшей, по надобно жить съ расчетомъ. Лошадь и экипажи были проданы; но чрезъ то не сберечь я ничего. Сосѣдь мой Радинъ доспавалъ шрудами своими едва до двухъ тысячъ рублей въ годъ, и при всемъ томъ находилъ возможность сберегать ежегодно и отдавать въ ростъ по пяти сотъ рублей.

„Я не знаю, какъ онъ это дѣлаешь!“ сказала жена моя. — „Есть ли у тебя охота дѣлать такъ же, какъ онъ?“ спросилъ я.

Въ слѣдующее за шѣмъ Воскресенье мы посѣщили Радиныхъ, и поговоря о томъ и о другомъ, завели рѣчь о хозяйствѣ.

„Мы стараемся ограничивать себя сколько возможно“ — ошвѣчала Г-жа Радина. „Нынѣ времена плохія. Все дорого. Столь у насъ умѣренный, и хопя не изъ лакомыхъ блюдъ, но изъ здоровыхъ, и мы отъ него сымы. Кофе по ушрамъ не пьемъ мы уже съ давняго времени; его замѣняешь у насъ молоко. Кофе дорожаетъ годъ отъ году; молоко всегда въ одной цѣнѣ и при томъ гораздо здоровѣе. Обѣдъ нашъ состоитъ изъ зелени и мяса; ужинъ изъ куса

жаркаго и чашки бульону. Всѣ мы припомъ здоровы и веселы, и шакимъ образомъ находимъ возможность изворачивашься небольшимъ своимъ доходомъ. *Никакой лакомый кусокъ не можетъ быть столько вкусенъ, сколько горька забота о томъ, откуда взять денегъ.*

Возвращаясь домой, жена моя сказала: „оно хорошо; сберечь можемъ и мы кое-что, но пишашься нищенски, однимъ сухимъ хлѣбомъ, не значишь жишь. Развѣ мы для того на свѣтъ, чшобъ во всемъ себѣ ошказывать? Мы будемъ мѣшашь нашъ кофе съ цикорнымъ, тогда онъ будешь немного дороже молока г-жи Радиной, и все-таки ошпанешся кофе. Опъ обѣда своего мы шакже можемъ убавишь блюдо, и чрезъ шо сбережемъ не меньше, какъ и они.“

Сказано, сдѣлано. Жена моя ввела въ хозяйствѣ своимъ разныя ограниченія. Такимъ образомъ прожили мы года съ два, и все шак не ошложили ничего на сторону. Между шѣмъ число дѣшей нашихъ увеличилось. Для дѣшей нужны плашья: поршники не выходили почши изъ дому; понадобились няньки, лишняя прислуга и... Богъ знаешь, чшо еще.

У сосѣда Радина было шакже пяшера дѣшей, и при всемъ шомъ, въ концѣ кажды-

го года, онъ отдавалъ по прежнему сбереженные въ сечение онаго 500 рублей въ проценты.

„Я не знаю, какъ онъ это дѣлаетъ!“ сказала жена моя.

„Есть ли у тебя охота дѣлать, какъ онъ?“ — спросилъ я.

Мы опять пошли къ нимъ. Разговоръ скоро склонился къ хозяйству.

„Ахъ! Боже мой!“ сказала г-жа Радина: „при большемъ числѣ дѣшей идешь лучше, нежели я думала. Правда, что много дѣла, а мало времени, но мы ужъ шакъ и располагаемся. *У насъ все дѣлается пунктуально по часамъ.* Въ пять мы встаемъ, въ семь идемъ къ завтраку, въ двѣнадцать обѣдаемъ, въ семь ужинаемъ, а въ девять часовъ ложимся спать. Лѣтомъ и зимою все равно. *Почти нельзя повѣрить, любезная сосѣдушка, какъ много можно сдѣлать въ день, когда всякое занятіе имѣетъ свою положенную минуту.* Къ тому же у меня заведенъ строгій порядокъ въ домъ. *У насъ все имѣетъ свое назначенное мѣсто.* Опъ шого ничто не запериваешь, ничто не закладывается. Мнѣ не надо, какъ многимъ другимъ, какой нибудь чепверши или даже и получаса, для ошысканія заложенныхъ ключей, или иной вещи. Опъ шого у меня

не только доспаешь времени, но еще и оспаешься свободное. Ошь скуки я шью дѣшнѣя плашья и не имѣю нужды ни въ нянькѣ, ни въ поршнихъ.“

Мы возврашились домой. „Не забудь о ключахъ!“ сказала я женѣ своей. Она поняла меня. Нѣсколько мѣсяцевъ и у насъ шло все пунктуально по часамъ; все имѣло свое время и свое мѣсто. Но мало по малу надобно опяшь было искашь ключей. Дѣши подроспали, эшо увеличивало заботы. Нельзя было успѣшь усмошрѣшь за ними, нельзя обойшисъ безъ няньки, и при всемъ помѣ у жены моей были полны руки дѣла. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Я все не сберегъ ничего, а жена моя выбилась изъ силъ ошь работы.

Г. Радинъ жилъ по прежнему, и всякій годъ опкладаывалъ по 500 сбереженныхъ рублей на спорону.

„Не понимаю, какъ онъ эшо дѣлаешъ!“ сказала жена моя. „Всѣ его дѣши шакъ хорошо одѣшы, доходъ его не увеличился, а онъ все чшо нибудь сберегаешъ.“

Мы опяшь посѣшили сосѣда, и удивлялись, какъ онъ, при шакомъ семействѣ и при маломъ доходѣ, можешъ сущесшвовашъ.

„Почему жъ не шакъ?“ — опвѣчалъ онъ. „Чшо на одной споронѣ перяешъ, то

въ другой выигрываешь. Покуда у насъ не было дѣшей или было мало, я все таки иногда заглядывалъ къ пріятелямъ, и любилъ и ихъ попопчивашъ у себя бушылкою хорошаго вина. Моя жена также посѣщала своихъ знакомыхъ и приглашала иногда къ себѣ на чай. Теперь сидимъ мы дома; ибо *для родителей нтъ лучшаго и пріятнѣйшаго сообщества, какъ семья добрыхъ дѣтей.* А когда хороша погода, то идемъ всѣ вмѣстѣ гуляшъ и раздѣляемъ наши удовольствія, и такая прогулка не спойшъ и десятой доли того, что прежнія званія общесства. Такимъ образомъ посѣщенія и угощенія прекрапились, а съ тѣмъ вмѣстѣ женѣ моей нужно меньше плашьевъ, леншъ и другихъ вздоровъ. Госпиная комнаша сдѣлалась для насъ не нужна, мы опдали ее въ наймы, и на эти деньги покупаемъ для дѣшей ежегодно новыя плашья. Къ тому же намъ не нужно шецерь сполько мебели, не нужно сполько месши и чиспишъ, а опъ этого берегаешя болѣе, нежели думаешь.“

Мы возвратились домой. Это не шрудно, думали мы; можно и у насъ попробсвашъ. Мы спали меньше ходишъ въ госши, больше сидѣшъ дома, и посѣщенія къ намъ сдѣлались рѣже и рѣже. Опъ этого выиграли мы много дорогаго времени, много доро-

гихъ денегъ, и радовались, находя истинное удовольствіе въ кругу дѣтей своихъ. Но дѣти росли; мальчикамъ понадобились книги, плаша за ученье; дѣвушекъ должно было учить музыкѣ, танцовать. Прошло около двухъ лѣтъ, и я все не сберегъ ничего.

Напрошивъ того сосѣдъ Радинъ откладывалъ, какъ обыкновенно, всякій годъ сбереженные имъ 500 рублей, и отдавалъ въ проценты. И при всемъ томъ сыновья его ходили въ школу; дочери, какъ увѣряли насъ, танцовали изрядненько, и играли также на фортепьяно.

„Не понимаю, какъ онъ это дѣлаетъ!“ сказала жена моя. „Развѣ онъ укрѣпляетъ колдовашь.“

„Посмотримъ“ — отвѣчалъ я, и мы пошли къ нему.

„Нѣтъ!“ говорила намъ Радина: „мы дѣлаемъ это безъ колдовства. Но мы полагаемся, смотря по обстоятельству. Дочери мои помогаютъ мнѣ въ хозяйствѣ; у всякой помѣсячно кухня и погребъ на рукахъ; между нѣмъ другія шьютъ и вышиваютъ. Работы раздѣлены между ними надлежащимъ образомъ; отъ того все идетъ своимъ порядкомъ: одна другой не мѣшаетъ, одна другой не дожидается. А какъ ихъ работницъ много, то каждой досаждаетъ не

много дѣлашь. Старшій сынъ нашъ беретъ уроки у шанцмейстера и учишеля музыки. Чшобъ не забышь выученнаго, ему нужно повшоряшь дома прилежно; но кто дѣлаешь эшо самъ по себѣ охотно? Чшобъ добудить его къ шому, я задѣла его за самолюбіе. Мы сдѣлали его домашнимъ учишелемъ. Онъ учишь сесшеръ своихъ шанцовашъ и играшь на фортепіано, а брашьевъ Лашинскому языку, Ариемшикъ и прочему. Чему онъ сегодня въ школъ выучиваешся, какъ ученикъ, шо завшра дома преподаешь, какъ учишель. А чшобъ бышь дома хорошимъ учишелемъ, спарается онъ бышь внимательнѣе въ училищѣ, и пошому учишся лучше и прилежнѣе, нежели другіе. Мы не можемъ нарадовашься его успѣхами и помогаемъ ему, гдѣ и сколько можемъ. *Это ввели мы съ самага начала; всякій радовался шому и дѣлалъ охотно, пошому чшо эшо было ново. Теперь эшо не привлекаешь уже своею новостію, но обратилось въ привычку, а привычка есть вторая натура.*"

Мы возвращились домой. Разсуждали о шомъ, чшо слышали; но не могли ввеспи шого же у себя, пошому чшо время было упущено. Мы привыкли къ другому порядку, а привычка вшорая нашюра.

Правда, что и мои дѣти учились прилежно, но и дѣти Радина также. Я отправилъ сына своего доканчивашъ ученіе въ Университетъ. Радинъ отдавалъ старшаго изъ своихъ, котораго конечно имѣлъ свѣдѣній не меньше, какъ и мой, въ науку къ ремесленнику.

„Помилуйте, г. Радинъ, для чего вы это сдѣлали?“ спросилъ я у него.

„Почему жъ не такъ?“ отвѣчалъ онъ. „Мое такое правило, что сынъ мой долженъ напередъ выучиться какому нибудь ремеслу, чтобы бытъ въ состояніи честнымъ образомъ пропитать себя трудами рукъ своихъ, если труды головы не будутъ доставлять ему сколько нужно, или постигнешъ его какое несчастіе. Какъ скоро выучится онъ ремеслу, то пошлю его въ Университетъ. Когда окончишь тамъ ученіе, долженъ увидѣшь свѣтъ: пусть ѣдешь въ Германію, Францію и Англію. Для путешествія нужны деньги: онъ можетъ доставать ихъ ремесломъ своимъ, а на то, что сэкономишь, осматривай, какъ ученый, все достойное любопытства. Возвращаясь лишь двадцати слишкомъ домой, онъ не будетъ уже мнѣ въ тягосъ, и займется тѣмъ, что сочтешь выгоднѣйшимъ. Привыкну къ суровой жизни, онъ спанетъ ножки проша-

гашь по одежкѣ, и сдѣлаешься добрымъ, честнымъ, смышленнымъ, любимымъ и уважаемымъ гражданиномъ, супругомъ и опцемъ семейства.“

Мысль эта мнѣ понравилась. Я сказала о томъ женѣ своей. Она всплеснула руками. „Нытъ, любезный другъ!“ сказала она: „сынъ нашъ долженъ учись, попомъ служишь, и получишь хорошее мѣсто, которое можешь пропишашь его честнымъ образомъ. Тогда ему не мудрено будетъ взять жену съ доспашкомъ. А кто опдасть дочь свою за ремесленника?“ — Я сказала о томъ своему сыну. Онъ опвѣчалъ: „вы шупшите, башюшка! Если учись, то надобно учись *одному* чему нибудь, и учись *хорошо*. Погнавшись за двумя зайцами, ни одного не поймашь.“

Я оставилъ мысль свою. Между шѣмъ содержаніе сына въ Университетѣ сполно мнѣ денегъ, и довольно большихъ по моему состоянію. Дочери мои сполни мнѣ еще болѣе. Пора было думатьъ о ихъ замужствѣ, и попому надобно было одѣвашь ихъ лучше, водить въ общества, на балы и концершы, куда ихъ приглашали. Ихъ всѣ любили и хвалили. Мы экономничали, гдѣ только можно было экономничашь; но дѣвушкамъ нужны были, то новыя шляпки,

шо новыя ленпы, шо новыя башмаки. Въ однихъ и шѣхъ же плашьяхъ нельзя имъ было всюду показываться. Правда и шо, что большую часть шѣхъ плашьевъ кроили и шили онѣ сами; по нишокъ и иглокъ, леншъ и кружевъ, крепу и кисей не могли же онѣ сами дѣлать. Я расчишывала и пересчишывала, сберегала и опказывала себѣ во всемъ, кромѣ необходимаго, и при всемъ томъ всякій годъ долженъ былъ издерживать до 1000 рублей болѣе, нежели сколько получала доходу.

Г. Радинъ изъ года въ годъ, и нынѣ, какъ и прежде, сберегала по 500 рублей и отдавала ихъ въ проценшы. И при всемъ томъ дочери его были опрашно и со вкусомъ одѣшы, и въ угодникахъ у нихъ не было недоспашка, какъ и у моихъ.

„О!“ сказалъ мнѣ г. Радинъ. „Дѣвушка, если шолько она не опшрашительна, всегда найдешъ себѣ обожашелей. Объ этомъ нѣчего безпашкаться; ибо это весьма ешественно. Мои дочери не имѣють опличнаго образованія, не часто посѣщають Теашрѣ, не читають Романовъ; концершы играють сами себѣ дома, ходяшь въ гости къ своимъ подругамъ, и принимають ихъ у себя; но чтообъ имъ посѣщашъ публичныя базы и знашныя общештва — никогда.

Дѣвушка не должна приучаться къ такой жизни, о которой она не знаетъ еще, будетъ ли въ состояніи вести ее всегда. Умѣнье хозяйствовать и добрый нравъ есть лучшая рекомендація для дѣвушки; познанія и дѣятельность, лучшая рекомендація для мальчика. Самая важнѣйшая изъ ошибокъ нынѣшняго воспитанія есть та, что дѣвушекъ готовятъ больше для короткаго времени, въ которое онѣ слѣзутъ невѣстами, нежели для долгаго времени брачной жизни. У насъ много прекраснѣйшихъ невѣстъ, но мало, очень мало добрыхъ супруговъ. Между дѣвушкой до свадьбы и женщиной послѣ свадьбы такая же разница, какъ между лѣтомъ и зимою, между небомъ и землею.“

Онъ правъ! думала я, и сказала о томъ женѣ своей. „Онъ правъ!“ отвѣчала она: „но мы также не меньше правы! — Ему хорошо говоришь: онъ сколотилъ себѣ порядочную кучку денегъ; его дочери не оспанились безъ мужей. У насъ напрошивъ нѣтъ такого состоянія, и для того дочери наши должны спарашья нравиться не приданымъ своимъ, но личными достоинствами. Его дочерей ошущупъ и дома. Мы своихъ должны показывать публично, въ обществѣхъ и концерсахъ, на балахъ и вечеринкахъ,

иначе бѣдныя дѣвки останутся безъ мужей: на поварь, кошорый не выспавляющъ на показъ, мало охотниковъ.“

Я замолчалъ. Нѣчего было дѣлать; испорченнаго прежде нельзя поправить теперь.

Всѣ при дочери Радина вышли замужъ въ одномъ и томъ же году, за честныхъ и уважаемыхъ людей. Мои дочери все еще сидѣли дома или въ ихъ собраніяхъ. Угодниковъ было у нихъ довольно, но именно потому не было жениховъ. Дѣвушка, о кошорой молодые люди часно-говорятъ, кошорой много угождающъ, не естъ уже совершенно свѣжій цвѣшокъ, и всякій умный и благородный человекъ, ищущій себѣ нѣжную супругу, скорѣе спанетъ ее искавъ въ пининѣ домашней жизни, нежели на шумномъ паркетѣ шанцевальной залы. Многіе образованные молодые люди, кошорые при женитьбѣ не смотрятъ на приданое, не берутъ потому только дѣвушекъ, приученныхъ щеславными мамерами къ разсѣяннѣму разнаго рода и дорого спюющимъ удовольствіямъ, что не хотятъ или не могутъ позволить имъ продолжати шакого рода жизнь. Всякій, если и беретъ жену безъ сосноянія, хочеть по крайней мѣрѣ,

чтобъ она сохранила ему собственное его. И онъ имѣешь полное на шо право.

И шакъ, какъ сказано, дочери мои споюшь мнѣ о сю пору большихъ денегъ; сынъ мой споишь мнѣ шакже не мало. Въ шо время, какъ первыя играюшь роль въ блистательныхъ обществвахъ, сию я съ маперью дома и ѣмъ каршофель. И при всемъ шомъ дохода моего недоспанешъ на прошишокъ. Каждый годъ прибавлялъ я ошъ 800 до 1000 рублей, и пошому за шри года передъ симъ, принужденъ былъ продашь свой домъ и жить на кварширѣ.

Сосѣдъ мой Радинъ, выдавъ дочерей замушъ, перемѣнилъ совершенно образъ жизни. Онъ купилъ себѣ небольшой загородный домъ, заведъ себѣ лошадь и экипажъ, и не ошкладываешъ болѣе по 500 рублей въ годъ.

„Къ чему это шеперь?“ сказала онъ мнѣ на мой вопросъ. „Бережливостію своею я скопилъ себѣ хорошій капиталъ, съ кошораго получаю проценшы, досташочные для моего содержанія. Жена моя и я привыкли къ простой, суровой жизни, но мы спановимся шары. Мнѣ 56 лѣтъ, женѣ моей 43 года. Покуда мы были молоды, находили всякую пицу вкусною. Теперь зубы наши шупѣюшь. Мы должны искусшвомъ замѣняшь шо, въ чемъ природа намъ ошказ-

зываетъ. Мы вѣдимъ лучше и вѣдимъ чаще прогуливались, посѣщаемъ дѣтей своихъ и лелѣемъ своихъ внучатъ. Ахъ! другъ мой! вѣща жизнь вознаграждаетъ мнѣ всѣ шруды и заботы прежнихъ лѣтъ. Эшо настоящій рай, и я молю шолько Всевышняго, да позволишь мнѣ долго наслаждаться ею.“

Такъ говорилъ онъ, и въ глазахъ его блискали слезы. И у меня навернулись слезы, но не слезы радости. Ты понимаешь меня, почтенный Издапель! Не скажу ни слова болѣе. Старосць моя несчастлива и впереди не вижу никакого утѣшенія. Для шого рѣшился я сообщить тебѣ свою исторію. Она можешь принести пользу. Имя Горинъ, вымышлено, но шѣмъ не менѣе справедливо описаніе судьбы моей. Знаю, что шаква же судьба и многихъ людей. Они поюшь шу же жалобную пѣсню, какъ и я; шолько всякій на свой манеръ.

Твой усерднѣйшій чашатель

Горинъ.

ЗАПИСКИ ОБЪ АНГЛІИ.

1.

Б а н к и р ы.

On peut s'enrichir dans quelque art ou quelque commerce que ce soit, par l'ostentation d'une certaine probité.

La Bruyère.

Нѣшь въ свѣщѣ города, въ кошоромъ бы распочали деньги болѣе, нежели въ Лондонѣ; и нужды и прихоти множатся шамъ до безконечности, и купцы перебивающъ другъ у друга покупщиковъ всѣми приманками выспавки своихъ шоваровъ и всѣми шарпанскими способами. Къ шому же ешь одна очень спранная причина распочишельности: недосшапокъ денегъ; эшо, безъ сомнѣнія, покажешся парадоксомъ, а за всѣмъ шѣмъ суцая правда. Въ сей столицѣ ходящъ въ обращеніи бумажныя деньги, почему и привыкающъ шрашишь ихъ очень легко. Самые упошребишельные банкноты въ одинъ и въ пяшь фуншовъ сперлинговъ, называемые rounds, пропадающъ изъ кармашовъ вашихъ съ удивишельною скоросшю.

По сему-то всякій убѣдишься, что если изъ чего сосставишь эпизодъ въ путешествіи въ Англію, когда заговоришь о банкирахъ, играющихъ споль важную рольъ въ справѣ, гдѣ коммерція входитъ въ составъ дипломатики.

Едва кто изъ иностранцевъ пріѣзжаетъ въ Лондонъ, не запасаясь кредитивомъ на какойнибудь банкирскій домъ; если хочешь быть хорошо принятымъ, то къ этому необходимому запасу надобно прибавить еще рекомендательное письмо. Во Франціи не существуетъ разницы между тѣмъ и другимъ: кредитивъ самъ служишь обыкновенно достаточною рекомендаціею банкиру, къ которому онъ адресованъ; а рекомендательное письмо часто замѣняетъ кредитивъ. Иное дѣло въ Англіи. Съ однимъ кредитивомъ не пригласятъ васъ даже съѣсть; съ просимъ рекомендательнымъ письмомъ вы не получите ниже пол-кроны отъ банкира. Это справа величайшей почтосности. Тамъ не сдѣлають ни больше, ни меньше того, что должно.

На дняхъ молодой Французъ, купеческій сынъ, пріѣхалъ въ Лондонъ, и былъ адресованъ ко мнѣ; хотѣ онъ имѣть съ собою достаточный запасъ рекомендательныхъ писемъ, но я счелъ долгомъ ввести его въ раз-

*

ные дома, и между прочимъ къ одному изъ важнѣйшихъ банкировъ Ломбардской улицы.

Было девять часовъ поутру, когда мы пошли къ Спранду, самой торговой улицѣ въ Лондонѣ. Еще лавки несовсѣмъ были открыты. Товарищъ мой замѣтилъ мнѣ это, удивляясь при томъ лѣноспии людей, которые также хорошо знаютъ цѣну времени, какъ и денегъ. „Здѣсь все разочтено, мой любезный,“ сказалъ я ему. „Хоть продажа никогда не начинается ранѣе девяти часовъ, но лѣноспь въ этомъ случаѣ есть слѣдствіе опышности; всякій родъ шовара раскупаешся въ свои часы: чулочникъ открываетъ у себя двери за два часа до брилліанщика, своего сосѣда. Пара чулокъ можешь понадобиться бѣдняку очень рано поутру, а богачъ не пойдешъ, недоспавъ, покупать брилліанты; за то въ семь часовъ вечера, чулочникъ уже запираешъ свою лавку, а брилліанщикъ оспашся во всемъ блескѣ своемъ и за полночь.“ Между тѣмъ продолжали мы пушъ.

Спрандъ и смежное съ нимъ Сити, самыя лучшія части Лондона. Длинный рядъ большихъ улицъ, начинающійся отъ Charing-Cross и кончащійся у Royal Exchange (биржи), представляющъ самое блестящее и разнообразное зрѣлище. Съ лавками перемежа-

ны прекраснѣйшія зданія; палаты Лорда спояшь влощъ съ купеческимъ магазиномъ, и часто хозяева того и другаго принадлежатъ одной фамиліи. Въ Англіи, знатнѣйшія особы ограничивають иногда свое честолюбіе тѣмъ, что оставляють великое имя въ коммерціи. Нерѣдко Англійскіе вельможи, для пріобрѣтенія бѣльшей довѣренности опъ народа, записываются въ ремесленные цехи. Въ Лондонѣ естѣ Графы-плошники, Баронеты-сапожники, Маркизы-цирюльники. Это почестъ, воздаваемая коммерціи и промышленности.

Наконецъ мы пришли въ Lombard-street. Это маленькая улица, въ недалекомъ разстояніи опъ биржи; въ ней нашлось бы чѣмъ заплашишь за цѣлый Лондонъ, если бѣ его пустили въ продажу; шунъ живутъ богатѣйшіе Лондонскіе банкиры. Имя г-на Адамсона выставлено было, по обычаю, на мѣдной доскѣ, прибишой къ двери. Жилище его имѣло очень скромную наружность и нимаго не походило на жилища Парижскихъ банкировъ, кошорыхъ дома съ обширными дворами, съ длинными каштановыми аллеями и высокими галереями, прослыли бы въ Лондонъ за дворцы. Англичане мало заботятся о безпозездной пышности.

Я одѣлалъ чепыре сильныхъ удара у ворошъ, чѣтобъ подашь высокое поняшіе объ особахъ лашихъ; намъ ошперъ слуга въ корпшкомъ камзолѣ. Я замѣшилъ молодому Французу, чѣто по обѣимъ сторонамъ ворошъ висѣли кистни ошъ звонковъ. У одной была подпись: countinghouse-bell, а у другой: house-bell. По эшимъ звонкамъ распознаюшь, до кого имѣешь дѣло пришедшій: въ коншоррѣ, или въ домѣ.

Ничего не можешь бышь проще и прелестнѣе внутренности дома г-на Адамсона; въ сѣняхъ поспланъ былъ половикъ изъ лощеной холспины, кошорый покрывалъ лѣспшницу по всѣй длинѣ ея. На право и на лѣво большія комнаты, наполненныя коншорщиками, кошорые пишупъ всѣ споя за высокими коншорками à la Tronchin. Только и слышенъ скрипъ бѣгающихъ по бумагѣ перьевъ. Милліоны передвигались въ эшой мастерской банкира, а не было слышно звука ни одной кроны. Все шолько банковые билеты переходили изъ одного бумажника въ другой, въ чешъ подписей, дѣланныхъ купцами чепырехъ часшей свѣша.

Лондонскіе банкиры живутъ, почпи всѣ, за городомъ; пріѣзжаюшь же въ городъ шолько для надзора за своими дѣлами, присушствія на биржѣ, подписи счешовъ и

проченія писемъ; съ биржи ошправляюща-ся они пошчасъ въ свой country-house. Г-на Адамсона еще не было, когда мы пришли, почему и дожидались мы въ залѣ. Вскорѣ кабриолешъ оспановилса у ворошъ, и вошелъ къ намъ хозяинъ дома.

Сначала онъ спросилъ у насъ довольно сухо, чшб привело насъ къ нему. Молодой Л* подалъ ему свое рекомендашельное письмо, я сказала о немъ шо же нѣсколько словъ и шогда г. Адамсонъ привѣшшвовалъ насъ съ улыбкой, говоря: „дѣша мои и подагра дѣлаюшъ меня плохимъ для васъ шоварищемъ; но одинъ изъ моихъ племянниковъ, молодой человекъ, очень расшоронный, зашупишъ при васъ мое мѣспо, покажешъ все, чшо угодно, въ нашемъ краю, и поможешъ вамъ проводишъ пріятно время, которое вы здѣсь пробудете.“

Онъ попросилъ насъ войти въ его кабинетъ. Въ эшой комнашъ, довольно обширной, не было богашыхъ украшеній; въ ней глаза не ослабцались ни золошомъ, ни бронзою, ни хрусталею, но предеспнѣйшею для нихъ приманкою была изящная простопла, возвышаемая сполько же вкусомъ, какъ и опрашносшю. Два кресла, обинше чернымъ сафьяномъ, нѣсколько спульевъ и крошача Американскаго дерева, съ занавѣсами

Индійскаго полошна, составляли часть мебели. Даже служило украшеніемъ кабинету огромное бюро, покрытое письмами и бумагами, сжатыми въ спальныхъ щипцахъ; маленькіе стѣнные часы изъ чернаго мрамора, стоящіе на каминѣ, котораго край украшены были коралловыми вѣшьями и двумя Японскими вазами; ниша, наполненная бабочками и колибри; мраморный бюстъ Принцессы Шарлоты; портреты Пишша, Нельсона, Фокса, которые помѣщались между большими географическими картами, наклеенными на холстъ и вылакированными Арровсмишомъ (Arrowsmith); наконецъ бюстъ старой женщины, стоящій на подножій краснаго дерева.

Г. Адамсонъ, человекъ лѣтъ шестидесяти, весьма богатый и весьма уважаемый. Его лысая голова имѣетъ что-то благородное, когда не покрыва она сѣрою шляпою съ длинными полями. Онъ расположенъ по-хозяйски; при насъ же старый камердинеръ подалъ ему шуэли краснаго сафьяна, небольшой черной шелковый колпакъ и халатъ бѣлаго пике. Приказавъ принести себѣ завтракъ, онъ сѣлъ, въ ожиданіи, занимаясь дѣлами съ своими конторщиками. Кассиръ подалъ ему множество векселей для учета; онъ тотчасъ разобралъ ихъ по

разрядамъ съ удивительною легкостію и сложили въ двѣ кучи, изъ коихъ одна отправилась въ кассу, а другая обратно къ ненадежному векселедавцу. Одинъ конторщикъ далъ ему подписать ассигновки, другой вручилъ письма; послѣднія читала Г. Адамсонъ съ большимъ вниманіемъ и дѣлалъ карандашемъ замѣтки на полѣ каждого письма. Онъ предспавилъ намъ одного изъ конторщиковъ, сына Лорда Ал*, конторшій опданъ къ нему въ ученіе опцемъ.

Старый камердинеръ пришелъ опять, неся небольшой сполникъ съ полнымъ чайнымъ приборомъ и разными закусками. Г. Адамсонъ предложилъ намъ раздѣлить его завшракъ, и мы согласились, въ томъ намѣреніи, чшобъ имѣть время посмошрѣть еще на челоѡвка, конторшій между своими поварищами считаешся образцемъ Лондонскаго купечества.

Молодой Французъ изъавилъ предъ нимъ свое удивленіе, чшо онъ работаешъ съ такою дѣяшельностію, шогда, какъ могъ бы досшавилъ себѣ всѣ удовольствія шихой, беззаботной жизни. „Работа, сударь,“ онъ вѣчалъ банкиръ, положи колпакъ къ себѣ на колѣни: „сдѣчалась для меня необходимостію съ шѣхъ поръ, какъ перешала бышь моею обязанностію. Я очень люблю деревню, но

менѣ бы находилъ въ ней удовольствія, если бѣ не былъ принужденъ каждое утро осматривать ее, что бы проведши нѣсколько часовъ въ Лондонѣ. Я осудилъ себя на долгое время къ самой усадливой работѣ, чтобы доставить себѣ независимость, копорой наконецъ достигъ и ошъ копорой уклоняюсь теперь единственно по привычкѣ. Товарищъ мой пустился было въ рассказы о нѣкопорыхъ знаннѣйшихъ Парижскихъ банкирахъ; но г. Адамсонъ зналъ ихъ лучше, нежели онъ и, какъ мнѣ показалось, уважалъ очень немногихъ. И самые богачше, по видимому, не стояли выше другихъ въ его мнѣннн, что весьма удивительно въ Лондонѣ, гдѣ первѣйшая данъ уваженнн платннся золоту. „Ваше финансовое положеннн, господа Французы,“ сказалъ онъ: „нагнало къ вамъ съ нѣкопораго времени множество фокусниковъ (casse-cous), копорые прискакали по почтѣ, чтобы грабнншъ васъ и набогачашъся. Я всегда думалъ, что невозможно прнобрѣсти въ короткое время милліоновъ, не бывъ мошенникомъ или глупцемъ; а эшн два шншла не слишкомъ похвальны въ коммерціи. Банкрнство, какнмъ я занимался во всю мою жизнь и какое въ употребленнн у нѣкопорыхъ банкировъ нашего края, ешъ средство разбогачншъ не

иначе, какъ въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Всѣ выгоды въ немъ предвидящяся заранѣе благоразуміемъ и рачишывающяся безошибочно. Безразсудный, которій вздумаетъ придашь себѣ ходу, чшобъ скорѣе достигнуть цѣли, подвергается опасности спохкнуться на дорогѣ: въ случаѣ удачи весь свѣшъ закричишь о его счастиі, но возьмешь назадъ свои вклады. Коммерціа пребудетъ большаго благоразумія и продолжительнаго терпѣнія. Предпріяшя, дѣлаемыя на удачу и могущія бышь разорительными, не даюшь и тогда высокаго поняшя о нравственности того, кто ихъ зашѣялъ, когда они даже увѣнчающяся успѣхомъ. „Вонъ, прибавилъ онъ, покачивая лысою своею головою, испорія нѣкоторыхъ изъ вашихъ богатыхъ финансьеровъ, кошорые, по неслыханному счастию, нашли шайну сдѣлашь значительнѣе свою подпись, нежели свою голову. Совсѣмъ не шакъ,“ продолжалъ онъ, возвыся голосъ: „достигали богатства Барнетты, Самсоны, Ллойды, Рамсоны, и сполько другихъ.“

Говоря эшо, г. Адамсонъ приклебывалъ съ наслажденіемъ чай свой. Нашъ завпракъ вѣсколько зашянулся; мнѣ показалось, что Англійскій банкиръ большой охотникъ до шакихъ завпраковъ; припомъ не мѣшаюшь

они ему занимаешь и дѣломъ. Молодой Л* бмъ въ воспоргѣ онъ его проситоны, чи-спосердечія и ясныи мыслей. Всѣ мѣсна въ Европѣ, въ ихъ насшоящемъ положеніи, помѣщались въ головѣ его съ удивительнымъ порядкомъ. Въ каждомъ изъ важнѣйшихъ городовъ учреждена была г. Адамсономъ развѣдывательная коншора, поставляющая его въ возможность судить о мѣрѣ довѣренности къ разнымъ лицамъ, избѣгашъ невѣрныхъ спекуляцій и опасныхъ займовъ.

Дѣла его слѣдовали съ такою поспѣшностію одно за другимъ, что мы боялись, не мѣшаемъ ли ему, и раскланялись. На прощаньи г. Адамсонъ спросилъ у молодого человека, хочешъ ли онъ взять у него вдругъ всю сумму, на кошорую имѣешь кредитивъ, или, какъ обыкновенно дѣлають, будешъ брать по частямъ, по мѣрѣ своихъ надобностей? Товарищъ мой согласился на послѣднее, и расходчикъ принесъ ему пошчасъ нѣсколько шакъ называемыхъ draughts, родъ печашныхъ марокъ, кошорыми замѣняешся вся сумма и за кошоры плашашъ по предъявленіи; это очень употребительно въ Англїи, и принадлежитъ къ лучшему пону. Съ такими марками показываешъ всякому, что имѣешь банкира. Эшимъ возбуждаешся довѣренность, не смотря на шо,

что купцы часно попадали чрезъ шо въ просакъ. Знашныя люди въ Лондонѣ иначе и не плащашь, какъ посредствомъ своихъ банкировъ, въ кассу кенорыхъ будшо бы положили всѣ свои деньги.

Мы проспились съ г. Адамсономъ. Онъ просилъ насъ посѣщать его и прїѣхашь къ нему къ обѣду въ Наскнеу, прекрасную деревеньку въ окрестностяхъ Лондона. „Тогда,“ сказалъ онъ: „я отброшу дѣла въ спору, и спрятавъ банкира, покажу вамъ въ себѣ нолько добраго собесѣдника.“

2.

Продажа женъ въ Лондонѣ.

Qui que tu sois, elle est ou fut ta mère.

Legouvé, *Mérite des femmes.*

Лондонскіе Суды наказываютъ большою пенею челоуѣка, который не оказываешъ жалости къ скотамъ, но иѣшъ у нихъ закона, ограждающаго уничиженіе лучшей половинны челоуѣческаго рода! Напрошивъ, форма разводовъ, совершаемыхъ продажею женъ между чернымъ народомъ, основываешся, какъ кажешся, на обычаяхъ, перешедшихъ онъ древнихъ Бремоновъ еще прежде

Дашскихъ династій. Мужъ, недовольный своею женою, сомнѣвающейся въ ея вѣрности, или имѣющей доказательствъ на безпорядки ея, хочешь развеселиться: онъ скажешь о томъ женѣ своей, и они идутъ другъ съ другомъ въ публичное мѣсто, въ рыночный день. Мужъ ведетъ жену на веревкѣ, задышой за ея шею; онъ привязываетъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ продаютъ скотину, и продаетъ ее всенародно, въ присутствіи свидѣтелей. Обыкновенно Приставъ назначаетъ цѣну, очень же часто и самъ супругъ. По условію въ цѣнѣ, рѣдко превышающей нѣсколько шиллинговъ, покупатель отвязываетъ женщину и ведетъ ее также за веревку, которую отвязываетъ отъ ея шеи не прежде, какъ прошедши полрынка. Эпохъ родъ продажи, очень упопребительный въ Англіи, называется шамъ у простаго народа *horn-market*, *торгъ рогами*. Покупатель, всегда вдовый или холостой, обыкновенно бываетъ любитель проданнаго шовара. Купленная жена дѣлается законною его супругою. И дѣти, рождающіяся отъ сего союза, считаются также законными; законъ противъ прелюбодѣянія и многоженства не распространяется на такіе разрывы супружества, ни на вновь заключенные союзы. Случается однако иногда, что

купившій жену вспунаешъ съ нею въ бракъ церковнымъ обрядомъ, чшобъ ошспранишъ ошъ дѣшей своихъ всѣ припзанія. За нѣ- сколько лѣшъ предъ симъ, одинъ Англійскій Лордъ подалъ шому примѣръ. Похишивъ и пошомъ купивъ жену своего лакея, онъ об- вѣчался съ нею въ церкви.

Въ 1817 году 12 Апрѣля, проходилъ я чрезъ рынокъ Smithfield', на кошоромъ про- даешся скопина. Народу было множешво; я увидѣлъ человека, кошорый усиливался накинупъ веревку на шею молодой и пре- красной женщины. Несчастливая пропивилась и защищалась всѣми силами. Какъ они очень шумѣли и дѣлали буйшво, шо Приславъ захватилъ ихъ и ошвелъ къ Судѣ. На во- просъ о причинѣ шакого самоуправшва, мужъ ошвѣчалъ, чшо жена его нарушила су- пружескую вѣрносшь. Жена призналась чи- спосердечно, чшо невинносшь ея не совсѣмъ безъ упрека. Судья долженъ былъ шолько шерзаться шакимъ варварскимъ позорищемъ и сшенашъ, чшо законъ былъ нѣмъ для пре- дупрежденія подобныхъ безчиншвъ. Онъ сдѣ- лалъ все, чшо было въ его силахъ: велѣлъ мужу предшавишъ поручишельшво, чшо будешъ живъ мирно, а пошомъ сдѣлалъ обоимъ самымъ спрогія увѣщанія, и ошпу- сшилъ ихъ.

Подобная продажа совершилась 9 Декабря 1816 года, въ Донкасперь, на площади Buttасгозъ, ереди многочисленной толпы народа; мужъ продалъ жену Живописцу за пять съ половиною шиллинговъ.

Въ Веллингтонъ, 30 Января 1817 года продалъ нѣкто жену свою за полшора шиллинга, при чемъ попочивалъ купившаго кваршою пива, чшобъ распить за его здорье.

Еще несчастную, немѣвную и двадцати лѣтъ, припачилъ на веревкѣ жестокий мужъ на площадь Dartmouth 4 Апрѣля 1817 года, съ неслыханнымъ звѣрствомъ, и продалъ за двѣ гинеи. Плачевное положеніе этой женщины, бывшей замужемъ еще не болѣе полушора года, возбудило живѣйшее учасіе между зрителями; но она имѣла по ушѣшеніе въ своемъ несчастіи, что ее купилъ прежній ея любовникъ.

Почшаліонъ Самуиль Валлисъ привелъ однажды свою жену на рынокъ Кошпорберійскій и, накинувъ ей оброщъ на шею, привязалъ къ столбу, служащему для шакого же употребленія скотинъ: шущъ онъ предложилъ ее на продажу народу. Явился другой почшаліонъ, и купилъ эту женщину за чешыре бушыаки пива и одинъ шиллингъ, при многочисленномъ спеченіи народа. Про-

давшій былъ женашъ не болѣе полугода, и женѣ его было шолько девятнадцашъ лѣтъ ошъ роду.

Солдашъ Тупъ, находившійся въ оппугу въ Ношшингамъ, подозрѣвая жену въ невѣрности, рѣшилоса опдѣлаться ошъ нее продажею. Спараясь пріобрѣсть выгоду ошъ своего шовара, онъ высшавилъ жену на рынкѣ, и сдѣлалъ аукціонъ. Оцѣнка была сдѣлана въ при пенса, а за шесшъ получилъ ее одинъ любипель, которому передали ее съ оброшью на шеѣ при громкихъ рукоплесканіяхъ зрштелей.

Не шолько продажа мужьями женѣ въ упошребленіи, но и продажа мужей женами не безъ примѣра; и хопя Судьи очень не одобряющъ шого, но шочно шакже не смѣющъ унищожашъ шаккой продажи, какѣ и женской.

Очень необыкновенное дѣло представлено было на судъ Дрогедскаго Мера. Одна женщина, по имени Маргарита Коллинсъ, пожаловалась на своего мужа, чшо онъ ее оставилъ и живешъ съ другою женщиною. Мужъ въ защиту себѣ говорилъ, чшо жена его очень зла, чшо въ сердцахъ она предложила его на продажу за два пенса шой, во власни кошорой шеперь онъ находилсѣ; чшо наконецъ продала его за шри полуцен-

са, и по уплатѣ сей суммы, онъ былъ уведень покупщицею; что много разъ жена его, продавица, въ припадкахъ своей злости, шакъ его кусала, что все еще остающя на немъ знаки, хотя уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, съ шѣхъ поръ, какъ онъ ей не принадлежишь (и онъ показаль эти знаки). Покупщица, пошребованная къ свидѣтельству, подтвердила всѣ показанія и объявила, что она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе довольна своимъ приобрѣтеніемъ, и что она не полагаешъ, чшобъ былъ законъ, могущій развести ихъ, ибо право женщины продавашъ мужа, кошорымъ она недовольна, другой женщиной, кошорая шого хочешъ, должно равняшся подобному праву мужчины, кошорое всѣми признано, — особливо же, буде ешъ взаимное согласіе, какъ было въ насшоящемъ случаѣ.

Женщина, подавшая жалобу, была шакъ раздражена здравымъ сужденіемъ покупщицы, что забывъ уваженіе къ Меру, уцѣпилась въ лица двухъ своихъ прошивниковъ, и вѣрно расшерзала бы ихъ зубами и ногшьями, если бъ не розняли.

Какъ согласишь съ религіею Хрисшіанскою, и особенно съ Католическою, кошорая долгое время господшвовала въ Англіи, переходъ шакого обычая изъ вѣковъ вар-

варскихъ въ наше время? Рѣшишь это я не возьму на себя. Ограничусь замѣчаніемъ, что такой скандальный обычай сохранился понынѣ, и каждый день бывають новые прихвры онаго; что хотя въ нѣкоторыхъ Графствахъ Правительствовало, извѣщенное заблаговременно о подобныхъ продажахъ, спаралось тому воспрепятствовать, но чернь всегда прогоняла присылаемыхъ для того приславовъ, и удержала за собою то, что считаешь какъ бы своимъ правомъ.

3.

Заклады и кофскія ристанія.

Quand pourrai-je, au travers d'une noble poussière
Suivre de l'oeil un char fuyant dans la carrière?

Охота биться объ закладъ есть черша въ характерѣ Англичанъ, давно уже замѣченная. Спранно, что нація, копорая берешся судить обо всемъ, и копорая, надобно признашься, произвела большое число хорошихъ мыслипелей, такъ склонна прекращашь всѣ споры призывомъ случая на помощь діалектикъ!

Какова бы ни была причина, самое дѣйствіе продолжается постоянно. Чернь прозакладываетъ шиллинги объ успѣхъ ку-

лачнаго боя двухъ носильщиковъ. Празднолюбцы, бродящіе по приспанямъ и забавляющіеся, какъ не рѣдко бываешь въ Парижѣ, зрѣлищемъ упавшей въ воду собаки или челоуѣка, бьются объ закладъ, ушонушь ли они, или спасушь.

Биржевые спекуляторы, копорые дѣлающа полишиками, присмопрасъ, шакъ сказашь, къ вліянію дипломатическихъ уловокъ на монешные курсы, бьются объ закладъ о мирѣ или о войнѣ.

Чшобъ удовлетворять любимой своей прихоти, надлежало Англичанамъ ухищрашься на выдумкахъ такихъ происшествій, копорыхъ сомнишельная удача могла бы служишь равномѣрно приманкою для жадности обѣихъ партій. Если конскія респанія не на эшомъ основаны, шо по крайней мѣрѣ охоша бишься объ закладъ наша въ эшомъ заведеніи главнѣйшую себѣ пищу.

Какъ первообразная идеи, на копорыхъ основываешся мода, скоро измѣняюща всѣми опшѣнками, къ какимъ шолько способны, шо опшюда и вышло, что держа прежде заклады о бѣгѣ лошадей, вздумали пошомъ, для шой же цѣли, засшавляшь бѣгашъ людей, собакъ и другихъ живопныхъ. Позабавасъ соперничаньемъ эшихъ въ скорошши, засшавили другихъ соперничашъ въ си-

ль, чпюбъ шакже имѣшь случай держашь закладъ обь успѣхѣ борьбы. Ошсюда происходишь бой на кулакахъ между боксѣрами, бой на носахъ и когшяхъ между пѣшухами.

Принцы, Перы, опшорговавшіе купцы, недоросли, записные хвашы и, вообще, весь классъ празднлюбцевъ — шаковы сущь поборники закладовъ въ Англии. Нѣкоторыя удалцы изъ сихъ различныхъ званій соспавили себѣ шакую славу, которая можешь со временемъ воспрепятствовашь имъ продолжашь ихъ любимое занятіе. Никшо не осмѣлишя держашь прошиву нихъ заклада, когда замѣнишъ, что судьба безпрерывно имъ покровишельствуешь.

Капитанъ Барклай (Barclay), прежде нежели сдѣлался однимъ изъ счастливейшихъ закладчиковъ, былъ самымъ опважнѣйшимъ. Не только умѣль онъ предвидѣшь удачу, но припомъ былъ чрезвычайно изобрѣшашелень на соспавленіе новыхъ побужденій къ закладамъ. Въ немъ - шо родилась спранная идея, пущишь въ соспязаніе скоросшь лошади съ медлительностію улишки. Онъ держаль закладъ, что одинъ изъ его вѣзюковъ проскачешь на лошади восемьдесятъ миль въ меньшее время, нежели улишка проползешь сколько же вершковъ на мосткахъ, посыпанныхъ сахаромъ.

Недавно еще, вся Англія обратила вниманіе на закладъ, кошораго онъ былъ изобрѣшашель и дѣйствующее лице: онъ объявлялся пройши пѣшкомъ 1000 миль въ шаковое же число часовъ, идучи каждый часъ не болѣе одной мили.

Исполненіе этого заклада продолжалось болѣе мѣсяца; почему всѣ любители имѣли время пристать къ паршіямъ за или *противъ* Капишана Барклая.

Ничего ишь легче, какъ пройши милю въ часъ; но если разсудишь, что пѣшеходъ не можешь имѣть досшашочнаго ошдыха, идучи днемъ и ночью непременно по милямъ въ каждый часъ, то не удивительно, когда узнаешь, что въ двѣ послѣднія недѣли ноги его чрезвычайно распухли, попомъ сдѣлалась сильная лихорадка, а когда онъ кончилъ свое пушешествіе, выигравъ закладъ, то жестокая болѣзнь принудила его слечь въ постель на нѣсколько дѣсяцевъ.

Изъ всѣхъ поводовъ къ закладамъ, какіе упошреблялись у Англичанъ, конскія ристанія были у нихъ наиболѣе въ чести. Они-то разоряющъ и обогащающъ ежегодно большое число закладчиковъ, и закладчиковъ самыхъ знаменишыхъ.

Кромѣ выгоды, происходящей отъ обращенія капишаловъ, они доставляютъ и ту, что улучшаются породы лошадей.

Книга, очень упошребительная, кошорая каждый годъ перепечашивается, заключаешь въ себѣ исторію и генеалогію славнѣйшихъ лошадей во всѣхъ шрехъ Королевствахъ. Тушь найдешь имя, ростъ, цвѣшь и особые признаки каждой, имена ея предковъ и описаніе всего ея попомшва, всѣхъ ристаній, на кошорыхъ она опличалась, измѣреніе пространствъ, какія она перескакивала, суммы денегъ, выигранныя при закладахъ о ней, и проч.

Та же книга даетъ подробный и вѣрный опчетъ о всѣхъ революціяхъ, происшедшихъ въ шой или въ другой породѣ.

Чтобъ сказашъ все о лошадяхъ, надобно описашъ, какимъ образомъ производятся ристанія.

Эпсомъ, любимѣйшее мѣсто для конской скачки, лежишь близъ большой дороги изъ Лондона въ Поршсмущъ; эшо обширная равнина, нѣсколько выпуклая по срединѣ. Взглядъ на нее представился намъ, когда мы пріѣхали, восхишительнымъ. Навѣрное, никогда не увидишь во Франціи шакого собранія прекрасныхъ экипажей и прекрасныхъ лошадей. Женщины и мужчины, одѣшые въ

лучшіе ушренніе наряды, собрались здѣсь, числомъ до пятидесяти тысячъ.

Было уже близко двѣнадцати часовъ; опоздавъ нѣсколько минушь, мы бы уже не заспали скачки.

Мы взошли на возвышеніе, съ кошораго могли обозрѣватьъ все вокругъ насъ, какъ въ панорамѣ.

Около насъ все въ движеніи, веселостъ самая шумная! Всадники цѣлыми группами — и одинъ передъ другимъ, какъ бы нарочно, щеголяли прыжками коней своихъ; нѣкоторые шѣспились около того мѣста, гдѣ были мы, и казалось принимали живѣйшее участіе въ начинающемся зрѣлищѣ. Я замѣнилъ своему товарищу, что это славнѣйшіе закладчики, прѣхавшіе потѣшиться своею охотою.

Почти при каждомъ находился жокей или конюхъ, ошъ кошорыхъ, по долговременной ихъ привычкѣ къ ристаніямъ и къ управленію лошадьми, принимались господами совѣты на счепъ удачи или неудачи заклада.

Лишь только первый бѣгъ начался, какъ вся равнина взволновалась движеніемъ живѣйшаго восторга: мужчины махали шляпами, дамы плапками; раздались крики радости, гулъ любопытства! Всадники, ко-

шоры держали заклады, спѣшили *обогнуть возвышеніе*, чѣшбь слѣдовашь взоромъ за уснѣхами лошадей, пущеныхъ на рѣшанище. Ленны, цвѣшныя машеріи и другіе уборы, сосшавлявшіе шуалешь дамъ, придавали всѣмъ экипажамъ сходство съ безчисленными вазами цвѣшовъ, легко колеблемыхъ вѣшромъ.

Товариць мой удивился искусству, съ какимъ управляюшь лошадьми на скачкахъ. Не упомяя съ перваго порыва, спараюшся удерживашь бѣгъ ихъ, и тогда уже даюшь полную свободу ихъ рвенію, когда оспашесь не болѣе половины пуши, какой надлежишь имъ пробѣжашь. Все пространство бѣга сосшавляло около двухъ миль; уже на послѣдней половинѣ вшорой мили жокеи спшали приводишь въ дѣйствіе всѣ тайны своего искусства, чшобъ извлечь всевозможнѣйшій уснѣхъ изъ силы бѣгуновъ, на колнорыхъ они сидѣли. Не понимаю, какъ человекъ и животное могушь дышашь въ ихъ спремленіи? Дѣйствительнo, вѣшерь можно назвашь *ключю* ошносительнo скоросши, въ сравненіи съ Англійскими лошадьми. Чшбъ жъ бы сказалъ я, если бъ должно было сравнишь ихъ съ лошадьми другихъ странъ?

Онъ опличаюся не только спремительностію бѣга, но и послушаніемъ: ошпанавливаюся пошчасъ, какъ скоро вздумаешся всаднику удержашъ ихъ. Лишь только цѣль доспигнуша, онъ даюшъ себя запирашъ безъ малѣйшаго сопрошивленія (?).

Нужна ловкосшь и необыкновенное искусство здѣшнихъ жокеевъ, чшобъ избѣгашъ несчастныхъ случаевъ посреди шакого сборища народа и шакой шѣсношы! Рисшались не огорожено, почему весь народъ шолнишся на немъ и уже шогда даешъ дорогу, когда увидишъ лошадей близко. Никакая полиція не въ состояніи была бы измѣнишъ сей привычки: Англійскій народъ любишъ свободу до 'своевольшва.

Лошадь, принадлежащая Герцогу Йоркскому, выиграла для своего хозяина штысячь двадцашъ фуншовъ шперлинговъ; въ шопъ же или въ послѣдующіе дни, Принць выигралъ на другихъ закладахъ почти шолько же. Когда прекрашлось рисшаніе, шо заключили празднешво, какъ почи всегда бываешъ, сраженіемъ *боксеровъ*.

Тупъ были не опличнѣйшіе бойцы; эшихъ берегущъ всегда на важнѣйшіе случаи; люди, кошорые приобрѣли большую знаменишосшь, не согласились бы употребишъ себя *приправой* какого нибудь празднешва.

Когда назначаеться бой между ашлешами двѣсшвишешельно могучими, шо усшпроеиваеться для нихъ особое мѣшо; и народъ соби-раеться такими же безчисленными толпами, и заклады держашься на шакія же огромныя суммы, какъ на скачкахъ Эпсوما и Нью-маркета.

На дорогѣ было такъ пыльно, когда мы пошли *обратно*, что я принужденъ былъ согласишься съсѣсть въ первый stage (дилижансъ), какой намъ попался; но какъ я еще болѣе люблю воздухъ, нежели боюсь пыли, шо и помѣстился outside (снаружи), и шоварища посадилъ подлѣ себя. Мнѣ кажеться, пѣшеходамъ было нѣсколько опасно. Такое множештво экипажей кашилось по дорогѣ и съ такою скоростію, что не мудрено было попасься подъ колесо, прежде, чѣмъ услышишь: поди!

Товариць мой не посшигалъ, какимъ образомъ всѣ эти экипажи могутъ ѣхашь, не спалкиваясь; случалось, что видишь рядомъ при на очень узкой дорогѣ, и никогда не задѣваютъ одинъ объ другой. Но Англійскіе кучера такъ искусны, что, по собешвеннымъ ихъ словамъ, помнишь почти до шощины волоска размѣръ своихъ осей.

Примѣчашельна въ многочисленныхъ экипажахъ, покрывавшихъ дорогу, большая не-

соопвѣшшвеннось. Членъ Королевской фамиліи вхаль парой, какой нибудь Французскій Дюкъ чешверней, а олерный панцовщикъ, развалившись въ щегольскомъ ландо, скакаль на превосходнѣйшей шеспернѣ.

Пыль на большой дорогѣ вскорѣ изгладила всѣ неравенства: экипажи, лошади, кавалеры и дамы, все покрылось однообразнымъ сѣроватымъ слоемъ, подѣ кошорымъ скрылись различія званій; и когда, приближаясь къ Лондону, провзжали мы нѣкошорыя деревеньки, люди, выславившіеся въ окна, чшобъ насъ видѣшь, смопрѣли съ шакимъ же любопытствомъ на бѣдняковъ, наполнявшихъ дилижансы, какъ и на вельможей или на скомороховъ, опличавшихся своею пышносью.

Каждое Графшво въ Англіи имѣеть свои конскія скачки; но Эпсомскія, Ньюмаркетскія, Аскошскія, Экгамскія, Дюнкашерскія, Торкскія и нѣкошорыхъ другихъ мѣсть, считающся славнѣйшими, какъ по достоинству лошадей, такъ и по большому спеченію модниковъ, влекомыхъ любопытствомъ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАГЕДИЙ ШЕКСПИРОВЫХ (*).

ЕДИНСТВО ДѢЙСТВІЯ.

Единство дѣйствія, необходимое для единства впечатлѣнія, не могло уйти изъ виду у Шекспира. Спрашивается: какъ выдержалъ его среди полнаго числа происшествій, въ которыхъ столько движенія и сцѣпленія общолюдскихъ — въ этомъ пространномъ полѣ, объемлющемъ столько разныхъ мѣстъ, столько годовъ, всѣ званія обществѣ и развитіе столько положеній? Однако же Шекспиръ успѣлъ въ этомъ: въ *Макбетъ*, *Гамлетъ*, *Ричардъ III*, *Ромео и Юли*, дѣйствіе хотя и обширно, но всегда едино, быстро и полно, опъ того, что Поэтъ достигъ основное его условіе, пребывающее, чтобы занимательность сосредоточивалась тамъ, гдѣ сосредоточивается самое дѣйствіе. Лице, дающее ходъ Драмѣ,

---

(*) Изъ *Жизни Шекспира*, помѣщенной Г-мъ Гизо при его переводѣ швореній Бришанскаго Поэта.

есть по самое, которое возбуждаетъ въ зрителя нравственное волненіе. Въ Расиновой *Андромахѣ* осуждали двойность дѣйствія, или по крайней мѣрѣ, что соучастіе дѣлился между разными лицами, и сей упрекъ не безъ основанія: не то, чтобы всѣ части дѣйствія не споспѣшествовали одной цѣли; но, какъ выше сказано, участіе дѣлился между разными лицами, а по тому и средоточіе дѣйствія неопредѣленно. Если бы Шекспиръ спалъ обрабатывавъ подобный предметъ, впрочемъ не весьма согласный съ его гениемъ, то вѣрно бы онъ сосредоточилъ въ лицѣ Андромахи какъ дѣйствіе, такъ и занимательность. Любовь материнская носилась бы надъ всею Трагедіей, обнаруживая твердость духа вмѣстѣ съ опасеніями, силу свою вмѣстѣ съ горестями; онъ бы не посомнился вывести на сцену опрока, подобно какъ Расинъ, сдѣлавшись опважнѣе въ послѣдствіи, вывелъ опрока въ *Гвѳолиі*. Всѣ движенія души зрителевой влеклись бы къ одной почкѣ; мы бы увидѣли Андромаху дѣятельную: увидѣли бы, какъ она, для спасенія Аспіанакса, употребляетъ другія средства, кромѣ слезъ его матери, и всегда привлекаетъ къ себѣ и сыну своему по вниманіе, которое у Расина весьма часто развлекается

средствами дѣйствія, какія онъ принужденъ былъ почерпашъ въ бѣдственней судьбѣ Герміоны. По системѣ, принятой въ XVII столѣтіи Французскими драматическими Спихотворцами, Герміона долженствовала бытъ средоточіемъ дѣйствія; пакъ и ешь на самомъ дѣлѣ. На Театрѣ, болѣе и болѣе подчиненномъ власти женщины и Двора, любовь какъ будто бы должна была замѣститъ рокъ, господствовавшій у древнихъ: власть слѣпая, необоримая какъ и рокъ, ведущая такимъ же образомъ свои жертвы къ цѣли, указанной съ первыхъ шаговъ, любовь спавновилась неподвижною точкой, вкругъ которой все должно было обращаться. Въ *Андромахѣ*, любовь дѣлаешъ изъ Герміоны лице простое, обладаемое спрасъю, относящее къ ней все, что происходитъ предъ ея глазами, шцающееся покоритъ себѣ происшествія, въ угоду ей и для ея удовольстворенія; одна Герміона даешъ направление и ходъ Драмѣ; Андромаха являешся шолько для того, чтобы выдержашъ положеніе бессильное и скорбное. Такое соображеніе можешъ доставитъ случай къ удивительнымъ развишіямъ спрадательныхъ склонностей сердца, но не составляетъ дѣйствія прагматическаго; а въ развишіяхъ, кои не ведутъ прямо къ дѣйствію, занимаешельность мо-

жешь развлечься, и не безъ труда потомъ войши въ единственное направленіе, въ коемъ она можешь бышь выдержана.

Когда, напрошивъ того, средошочіе дѣйствія и средошочіе занимательности смѣшаны, когда вниманіе зришеля прильплено къ лицу, дѣятельному и неизмѣнному, коего характеръ, всегда одинаковый, исполнитъ судьбу свою, всегда измѣнчивую; тогда обстоятельство, сполнившіяся вкругъ тако-го лица, поражаютъ насъ только въ отношеніи къ нему; получаемое нами впечатлѣніе, отъ него самого заемлетъ краску. Ричардъ III переходить отъ одного замысла къ другому; каждый новый успѣхъ его увеличиваетъ ужасъ, внушенный намъ съ самаго начала адскимъ его коварствомъ; жalousть, пробуждаемая въ насъ поспешенно каждою изъ его жертвъ, шеряется въ чувствованіяхъ ненависти къ гонителю. Ни одинъ изъ сихъ частныхъ случаевъ не обращаетъ въ свою пользу нашихъ ощущеній: они непрерывно относяща, и все сильнѣе и сильнѣе, къ виновнику всѣхъ сихъ злодѣяній. Такимъ образомъ Ричардъ, средошочіе дѣйствія, есть вмѣстѣ и средошочіе занимательности; ибо драматическая занимательность не есть просто безпокойная жalousть, чувствуемая нами къ бѣдствіямъ,

или склонность, внушаемая намъ добродѣтелью: но ненависть, жажда мщенія, нужда правосудія небеснаго надъ главою злодѣя, для спасенія невиннаго. Всѣ сильныя ощущенія, способныя возвысить душу человѣка, могутъ увлечь насъ за собою и вселишь въ насъ соучастіе, можно сказать, пристрастное; имъ нѣтъ нужды обѣщать намъ счастье, ниже привлекать насъ нѣжностію: мы можемъ также вознестись до того высокаго презрѣнія жизни, которое шворилъ герой, до благороднаго негодованія противъ бичей человѣчества.

Все можетъ входить въ дѣйствіе, приведенное такимъ образомъ къ единому средоточію, опколѣ исходящъ и къ коему относясь всѣ происшествія Драмы, всѣ впечатлѣнія зришеля. Все, что прогаешь душу человѣка, все, что превозишь жизнь его, можетъ содѣйствовать драматической занимательности, коль скоро событія самыя разнообразныя, будучи направлены къ одной точкѣ и нося на себѣ одну общую печать, будутъ появляться только какъ спутники главнаго событія, увеличивая собою блескъ его и силу. Ничто не покажется низкимъ, мелкимъ или незначачимъ, если главное положеніе сшавишся опъ того живѣе, или

главное ощущение сильнѣе. Горестъ подъ-
 часъ усиливается зрѣлищемъ веселія; среди
 опасностей, шушка можешь воспламенишь
 опвагу. Чуждо впечатлѣнію только то,
 что его уничтожаешь; но все то, что съ
 нимъ смѣшивается, пишешь его и усили-
 ваешь. Лепешанье малолѣшняго Артура съ
 Губерномъ раздраешь душу, когда вообра-
 зишь, какое ужасное звѣрство Губернъ го-
 шовишься надъ нимъ исполнишь. Умилишель-
 ное зрѣлище представляешь собою Леди
 Макдуфъ, когда съ нѣжностію машери за-
 бавляешь дѣвскимъ умомъ своего сына,
 между тѣмъ, какъ уже рвущся у дверей
 убійцы, пришедшіе зарѣзать и сего сына,
 и другихъ, и ее самое. Кто бы спалъ, безъ
 сихъ общошательствъ, брашь участие въ
 этой сценѣ машеринскаго ребячества? Но,
 безъ этой сцены, сдѣлался ли бы Макбешъ
 споль ненавистнымъ, какъ онъ долженъ
 бышь за сіе новое злодѣйство? Въ *Гамлетъ*,
 не только сцена могильщиковъ, по размы-
 шленіямъ, какія она внушаешь, связываешь
 съ общею мыслью пьесы, но, мы знаемъ,
 что они копають могилу Офеліи въ при-
 существіи Гамлета: къ Офеліи будешь оп-
 носишься, когда ему о томъ скажешь, всѣ
 впечатлѣнія, порожденныя въ душѣ его ви-
 домъ сихъ опврашишельныхъ, жадкихъ ко-

шей, и равнодушіе, съ какимъ люди смощ-
ряшъ на бранныя ошанки того, что нѣ-
когда было прекрасно или могущественно,
почтенно или любимо. Ни одна подробность
сихъ печальныхъ пригошвленій не теряеш-
ся для ошущенія, кошорое они возбуждаютъ:
безчувшвенная грубость людей, обрекшихъ
себя на такое ремесло, ихъ пѣсни и шуш-
ки — все поражаетъ насъ; и формы и сред-
ства комическія такимъ образомъ безъ уси-
лія входяшъ въ Трагедію, кошорой впечат-
лвнія шѣмъ сильнѣе бывають, когда ви-
дишь, что они готовы пасть на человека,
уже постигнушаго невѣдомо судьбою, и ве-
селящагося въ виду бѣдствія, о коемъ еще
не знаешь.

Безъ сихъ комическихъ вставокъ, безъ
сего содѣйствія людей низшаго званія, сколь-
ко драматическихъ эффектовъ, сильно спо-
собствующихъ эффекту главному, ошались
бы невозможными! Приноровимъ по нынѣш-
нему вкусу шушки Макбешова приврапни-
ка — и никто не въ состояніи будетъ
безъ шрепеша вообразить объ ошкрытіи,
кошорое послѣдуетъ вскорѣ за симъ прили-
вомъ шушковой веселости, о зрѣлищѣ убій-
ства, еще шаящагося подъ сими ошпанка-
ми пиршественнаго упоенія. Положимъ,
что Гамлешъ первый былъ бы поставленъ

*

въ сношеніе съ истинью своего опца; тогда сколько пригошвлений, сколько поясненій было бы необходимо, чшобы довести насъ до того состоянія ума, въ какомъ долженъ бытъ Принцъ, человекъ высокаго рода, дабы повѣришь явленію призрака! Но призракъ являешся сперва солдашамъ, людямъ просподушнымъ, болѣе близкимъ къ испугу, чѣмъ къ удивленію отъ того; они рассказываютъ о немъ другъ другу ночью, споя наспражѣ. „То было здѣсь, въ ту минушу, „когда звѣзда, что блеспишь вонъ шамъ, „освѣщала эту же самую почку на небѣ; „колоколь, какъ и шеперь, пробилъ часъ.... „Тсъ! вошь онъ опять идешъ!“ Ужась произведень, и мы вѣримъ призраку прежде, чѣмъ Гамлетъ о немъ услышалъ.

Это еще не все. Содѣйствіе низшихъ званій доставляетъ Шекспиру новое средство дѣйствовать на сердца зришелей, средство, невозможное во всякой другой системѣ. Поэтъ, который можетъ брать свои дѣйствующія лица изъ всѣхъ состояній общества и представлять ихъ во всѣхъ положеніяхъ, можетъ также все вводить въ дѣйствіе, ш. е. непрерывно бытъ драматическимъ. Въ *Юліи Цезарь*, дѣйствіе открываешся живою картиною движеній и чувствованій народныхъ; какое изложеніе,

какой разговор могъ бы споль хорошо познакомиться насъ съ шѣмъ родомъ оболъщенія, коимъ Дикшапоръ дѣйствуетъ на Римлянъ, съ опасностью, каковой подвергается свобода Республики, съ заблужденіемъ и опасностями республиканцевъ, кои льстятся возстановить ее смертію Цезаря? Когда Макбешъ хочешь сбыть съ рукъ Банко, по ему нѣтъ нужды извѣщать насъ о своемъ намѣреніи въ лицѣ наперника, ниже требовашъ ошчепа въ исполненіи сего замысла, дабы довести о шомъ до нашего свѣдѣнія: онъ просно призываетъ убійць, говоришь съ ними; мы сами свидѣтели ухищреній, посредшвомъ коихъ пиранъ употребляетъ въ свою пользу спрасни и несчастія человѣческія; мы видимъ попомъ, какъ убійцы выжидаютъ свою жертву, наносятъ ей ударъ, и, еще окровавленные, приходятъ шребовашъ награды. Тогда Банко можешь намъ явиться: существованіе злодѣйства произвело свое дѣйствіе — и мы уже не опвергаемъ никакихъ ужасовъ, за нимъ слѣдующихъ.

Дѣйствительно, если хошимъ вывести на сцену человека въ полной силѣ его природы, по не будешь излишнимъ, когда мы призовемъ на помощь человека *всего*, покажемъ его во всѣхъ видахъ, во всѣхъ положе-

ніяхъ, возможныхъ въ его жизни. Представленіе будешь ошъ шого не только подиѣ и живѣе, но и вѣроподобнѣе. Не значишь ли обманываешь умъ на счетъ какого либо происшесшвія, когда предспавляешь ему одну часшь сего происшесшвія въ ясномъ видѣ и въ краскахъ сущесшвенности, а другую погребсши, унищожишь въ разговорѣ или расказѣ? Слѣдспвіемъ сего бываешь ложное впечашлѣніе, которое не разъ вредило дѣйсшвію превосходнѣйшихъ швореній. *Гоюлія*, образцовое произведеніе Французскаго Театра, все еще внушаетъ намъ какое-шо невыгодное предубѣжденіе на счетъ *Юдая* и въ пользу *Гоюлія*, которую не шолько еще ненавидишь, чшобъ радовашься ея гибели, не шолько бояшья, чшобъ одобряшь хипросшь, какою вовлекають ее въ сѣши. Совсѣмъ шѣмъ, *Гоюлія* не только извела своихъ внуковъ, чшобы вмѣсто ихъ царшвовашь: но *Гоюлія*, чужеземка, поддерживаемая на шронѣ чуждыми войсками; она возсшаетъ прошивъ Бога, чшимаго ея народомъ, оскорбляетъ, гнѣвишь Его водвореніемъ и пышноштію вѣры чуждой, шогда какъ вѣра народная, безъ почестей, безъ силы, исповѣдуемая въ спрахѣ *малымъ числомъ ревностныхъ ея чтителей*, ежедневнo гошова пасшь ошъ ненависти *Маюана*,

неспернимаго самовласшія Царицы и алчности пресмыкающихся во прахъ ея царедворцевъ. Здѣсь шочно видимъ прищъсненіе и несчастіе.... И все сіе заключено въ рѣчахъ Іодая, Авинира, Маана и самой Гооли. Но шолько въ рѣчахъ; а въ дѣйствіи мы видимъ, напрошивъ, что Іодай соспавляешъ заговоръ шѣми способами, какіе оспавляешъ еще ему неприяшельница его; видимъ осанливое величіе Гооли, видимъ хипроспъ, кошорая шоржеспвомъ своимъ надъ силою обязана презорливой жалоспи, каковую умѣла она внушипъ своею пришворною слабосшію. Заговоръ происходипъ передъ нашими глазами, о прищъсненіяхъ мы знаемъ шолько по слуху. Если бы въ дѣйствіи мы видѣли бѣды, кои влечешъ за собою прищъсненіе; если бы видѣли Іодая, пробужденнаго, подвигнушаго воплями несчастныхъ, опданыхъ на жершву чужеземцамъ; если бы негодование народа къ власти чуждой, *точащей кровь сирыхъ и бездомныхъ*, негодование, порожденное любовью къ вѣрѣ и опечешву, — оправдало въ глазахъ нашихъ пошупки Іодая; шогда дѣйствіе, шакимъ образомъ дополненное, не оспавило бы въ душѣ нашей никакихъ сомнѣній, и *Гооли*, можешъ бышъ, явила бы намъ идеаль драмашп-

ческой Поэзіи, по крайней мѣрѣ шакой, ка-
кимъ мы доселѣ его посшигали.

Греки легко досшигли сего идеала: ихъ
жизнь и ощущенія, малосложныя, могли бышь
изображены нѣсколькими широкими и про-
шными чершами; но народамъ новѣйшимъ яв-
лялся онъ уже не въ шѣхъ общихъ, чиспыхъ
формахъ, къ коимъ можно бѣ было примѣ-
нишь правила, начертанныя по образцамъ
древнимъ. Франція, принявъ ихъ, должна бы-
ла сжашься, шакъ сказашь, въ одномъ углу
человѣческаго существованія. Поэшы ея
упошребили всѣ усилія ума, дабы воздѣлашь
шполь шѣсное проспраншво; бездны сер-
ца человѣческаго были измѣряны во всю глу-
бину, но не во всю величину свою. Очара-
ванія драмашическаго искали въ наспоящемъ
его испочникѣ, но не исчерпали изъ него
всѣхъ дѣйшвій, какія можно было въ немъ
извлечь. Шекспиръ предшавляешъ намъ
способы и обильнѣе, и обширнѣе. Весьма бы
мы ошиблись, если бы предполагали, что
онъ выискалъ и выказалъ на свѣшъ всѣ
ихъ богашства. Когда Поэшь объемлешъ
судьбу человѣческую во всѣхъ ея видахъ, а
природу человѣческую въ всѣхъ сосшоянїяхъ
человѣка на сей землѣ, шогда онъ вшпу-
наешъ во владнїе неисшощимымъ богаш-
швомъ. Особенное свойство сей системы

есть то, что она, по своей обширности, избѣгаетъ обладанія геніевъ часпныхъ. Можно находишь ея правила въ твореніяхъ Шекспира; но онъ не зналъ ихъ вполнѣ и не всегда уважалъ. Онъ долженъ служилъ примѣромъ, но не образцемъ. Нѣкоторые Писатели, даже съ отличными даромъ, пытались сочинять Драмы во вкусъ Шекспировыхъ, не замѣчая, что имъ недоставало одного: пишешь ихъ шакъ, какъ онъ, — для нашего времени, подобно какъ Шекспиръ писалъ для своего. Это шакое предпріятіе, коего шрудностей, можешь бышь, никто еще зрѣло не обдумалъ. Мы видѣли, сколько искусства, сколько усилій употреблялъ Шекспиръ, дабы преодолѣть шѣ шрудности, которыя неразлучны съ сею системою. Въ наше время, ихъ еще болѣе, и онъ еще полнѣе раскрывающа шя предъ кришикой, которая нынѣ подсперегаешь самыя опважныя попышки генія. У насъ Поэшь, если бѣ осмѣлился пойти по слѣдамъ Шекспира, имѣлъ бы дѣло не шолько съ зришелями, у коихъ вкусъ шпроже, а воображеніе лѣнивѣе и разсыяниѣе: онъ долженъ былъ бы приводишь въ движеніе лица, запушанныя въ опношеніяхъ и выгодахъ гораздо многосложнѣйшихъ, обладаемыхъ чувствованіями гораздо разнообразнѣйшими, вдающіяся въ навыки ума не

столь простые, и въ спраспи не столь
 рѣшительныя. Ни ученіе, ни размышленіе,
 ни превози совѣсти, ни нерѣшимость мы-
 сли — часто не затрудняютьъ героевъ Шек-
 спировыхъ; сомнѣніе мало ихъ озабочиваетъ,
 а буйныя ихъ спраспи скоро спавяшъ ихъ
 вѣру на споронѣ желаній, или дѣла ихъ вы-
 ше самой вѣры. Одинъ Гамлешъ являетъ
 собою сіе смущное зрѣлице ума, образован-
 наго просвѣщеніемъ обществва, въ борьбѣ
 съ положеніемъ, кошорое прошивно его за-
 конамъ: нужно явленіе сверхъ-естествен-
 ное, чшобъ заспавишь его на чшо-либо рѣ-
 шисься, — нечаянный случай, чшобъ за-
 спавишь его исполнишь свое намѣреніе. —
 Будучи ежечасно спавимы въ положенія,
 симъ подобныя, дѣйствующія лица Трагедіи,
 написанной въ-нынѣшнемъ, романшическомъ
 духѣ, являли бы намъ шакую же нерѣши-
 мость. Мысли шѣсняшся и спалкиваюш-
 ся нынѣ въ умѣ чловѣка, обязанности —
 въ его совѣсти, препоны и узы — въ его
 жизни. вмѣсто шѣхъ элексприческихъ умовъ,
 быспро сообшяющихъ другимъ зароненную
 въ нихъ искру, вмѣсто шѣхъ людей пы-
 кихъ и просыхъ, коихъ замыслы, подобно
 Макбешовымъ, *мигомъ переходятъ въ руки*,
 свѣшъ предспавляетъ шеперь Поэшу умы,
 подобныя Гамлешову, умы, глубокіе въ на-

блюденіяшой внутрешней борьбы, копорую наша классическая система почерпнула въ порядкъ общешвенномъ, уже гораздо болѣе подвигнувшемся впередъ, нежели во времена, когда жилъ Шекспиръ. Толикое число ощущеній, личностей, выгодъ и понятій, копорыя суть необходимыя послѣдствія нынѣшней образованности, могли бы сдѣлашья, даже при самомъ проспомъ ихъ выраженіи, — затруднительнымъ и неудобнымъ для ношенія скарбомъ въ быспромъ ходѣ и смѣлыхъ оборосахъ системы романшической.

Со всѣмъ шѣмъ, надобно всему угодишья: самый успѣхъ шого шребуешья. Надобно, чшобъ разумъ былъ доволенъ, шогда, какъ воображеніе будешья заняшо. Надобно, чшобъ успѣхи вкуса, просвѣщенія, свѣтскости и, словомъ, человекъ, служили не къ шому, чшобъ уменьшашья или нарушашья наши наслажденія; но чшобы содѣлашья оныя достшойнѣ насъ самихъ, способнѣе соотвѣшествовашья новымъ нуждамъ, копорыя мы для себя изобрѣли. Если мы поидемъ безъ правилъ и безъ искусства пушемъ романшическимъ, шо надѣлаемъ мелодрамъ, кои могушья мимоходомъ расшрогашья шолпу, но одну шолпу, и шо на нѣскольго дней, равно какъ, влачась безъ дара, безъ *оригинальности* по слѣдамъ классическимъ, мы угодимъ шолько

шому холодному племені *Словесниківъ*, которое въ цѣлой природѣ ничего не знаетъ выше правилъ стихосложенія и важнѣе прехъ единствъ. Не въ помъ должно соспоить швореніе Поэта, призваннаго къ владычеству умами и обреченнаго славъ: онъ дѣйствувешъ на поприщѣ обширнѣйшемъ и умѣешъ въщашъ умамъ возвышеннымъ, равно какъ общимъ и простымъ способностямъ всѣхъ людей. Должно, въ помъ ивъ сомнѣнїя, чшобы шолпа шекалась слушаешъ драматическія сочиненія, которыя хошете вы сдѣлаешъ зрѣлищемъ народнымъ; но не надѣшешъ спашъ Поэтомъ народнымъ, если не соберете на сіе позорища всѣ шепени умовъ, коихъ совокупное чиноположеніе возноситъ народъ на вышину достоинства. Геній обязанъ слѣдоваешъ за развитіемъ природы человѣческой. Сила его соспоитъ въ помъ, чшобъ онъ въ самомъ себѣ находилъ, чѣмъ удовлетворитъ всегда и всему обществу. Такова задача, предлагаемая нынѣ на разрѣшеніе Поэзіи: она должна существоваешъ для всѣхъ, удовлетворяешъ вмѣстѣ и нуждамъ шолпы народной, и нуждамъ умовъ возвышенныхъ.

Безъ сомнѣнїя, сіи спрогія условія, кои могутъ бышъ посшигнушы и выполнены шолько дарованіемъ опличнымъ, удержи-

вають нынѣ ходъ Драмашическаго Искусства; въ самой даже Англіи, гдѣ, подъ покровомъ Шекспира, оно могло бы дерзати на все, — едва смѣешь оно робкими шагами слѣдовать за симъ Поэтомъ. И со всѣмъ тѣмъ, Англія, Франція, вся Европа пребуешь ошь Театра наслажденій и ощущеній, коихъ не можешь болѣе сообщати безжизненное предсавленіе міра, уже несущесвующаго. Система классическая зародилась въ жизни своего времени; время сіе прошло: образъ его оспался блиспашелень въ своихъ швореніяхъ, но сей образъ не должно списывать за-ново. Рядомъ съ памятниками вѣковъ минувшихъ, возникають нынѣ памятники вѣковъ новѣйшихъ. Какой будешь видъ ихъ? не знаю; но земля, на кошорой могушь бышь положены ихъ основанія, начинаешь уже выказываться. Эшошь слой земли не есть Корнелевъ и Расиновъ, ниже Шекспировъ: эшо нашъ! но система Шекспирова одна, по моему мнѣнію, можешь сообщити намъ чершежи, но коимъ геній долженъ воздвигать сіи зданія. Одна сія система объемлетъ шу всеобщность опношеній, чувствованій и соспояній, кошорая соспавляетъ нынѣ для насъ позорище дѣлъ жишейскихъ. Будучи прирдашь дѣшь очевидцами величайшихъ общесввенныхъ перерошовъ, мы не спѣсимъ добровольно дви-

женій нашего ума въ узкомъ пространствѣ
какого нибудь событія семейнаго, или въ
превогахъ спрасни усобной и личной.
Природа и жребій челоѵка явились намъ
въ черпахъ самыхъ выразишельныхъ и са-
мыхъ просныхъ, во всей ихъ обширности
и во всей ихъ движимости. Намъ нужны
карпины, гдѣ бы отражалось сіе зрѣлище,
гдѣ бы челоѵкъ являлся намъ весь и при-
влекалъ насъ къ себѣ. Нравственнае распо-
ложеніе умовъ, возлагающее сію необходи-
мость на Поэзію, не измѣнился; напрошивъ
шого, мы увидимъ, что оно со дня на день
будешь проявляешь и раскрываешь болѣ
и болѣ. Выгоды, обязанности, движеніе, об-
щія всѣмъ званіямъ гражданъ, будущъ еже-
дневно скрѣпляешь сію цѣпь обычныхъ от-
ношеній, съ копорою связываюшься всѣ об-
щенародныя чувствованія. Никогда Иску-
ство Драмашическое не могло черпать свои
предметы въ порядкѣ поняшій, споль на-
родныхъ и вмѣстѣ споль возвышенныхъ.
Никогда связь самыхъ просныхъ выгодъ че-
лоѵка съ правилами, отъ коихъ зависяшь
вышшія судьбы его, не предспавлялись споль
живо уму каждаго изъ насъ, и важность
событія можешь шеперь раскрышь въ са-
мыхъ мелкихъ своихъ подробностяхъ, какъ
и въ самыхъ важныхъ послѣдствіяхъ. При

шаковомъ соспояніи общества, должна успановишься новая драматическая сисшема. Она должна бышь обширна и свободна, но не безъ правилъ и законовъ. Она должна учредишься, какъ и гражданскій бышь, не на безпорядкѣ и забвеніи всѣхъ узъ, но на правилахъ, можешъ бышь, еще спрожайшихъ и шруднѣйшихъ къ соблюденію, нежели шъ, кои шребуюшся для упшвержденія порядка общественнаго прошивъ самовольства и безначалія.

Съ Франц. — Сомовъ.

III.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П И С Ъ М А Н А К А В К А З Ъ,
о Литературѣ, Наукахъ и Искусствахъ.

П и с ь м о т р е т і е.

(Окончаніе.)

Немноего мнѣ остаешся сказашь тебѣ о собшвенно-лишературныхъ нашихъ произведеніяхъ за прошлый годъ. Въ числѣ ихъ, весьма охотно назову тебѣ *Жизнь игрока*, описанную имѣ самимъ, книжку, въ копорой какой-то богобоязненный человекъ описываетъ всѣ зашвы и уловкы шѣхъ фокусни-

ковъ, кои переманивають деньги доврчивыхъ проспаковъ по зеленому сукну изъ ихъ кармановъ въ свои собсвенные. Французы очень удачно назвали сей классъ людей: *chevaliers d'industrie* (*витязи промышленности*); ибо у нихъ въ рукахъ есть самый надежный промыселъ, хопя они и не могушь, при малѣйшей искрѣ совѣспи, похвалиться, какъ сшарый рыбаць въ Идиллиі Гибдича, что ихъ промыселъ

„Есть промыслъ и чистый и честный.“

Чистый еще можно сказать въ одномъ смыслѣ, ш. е. когда они чиспенько подшасывають и передергивають карпы и дочиспа обирають неоспорожныхъ новичковъ; но назвашъ его *честнымъ* — вѣрно ни у кого языкъ не поворопишся. Какъ бы желательно, чтобы съ распроспраненіемъ истиннаго просвѣщенія, мало по малу уменьшался и наконецъ вовсе испребился эшопъ цехъ *промышленниковъ!* — Г. Издашель Московскаго Телеграфа вызвалъ на себя цѣлую книжку Аншикришки, подъ заглавіемъ: *Анти-Телеграфъ*, или *отраженіе несправедливыхъ нападеній Г. Полеваго*, сочиненную Г. Писаревымъ, молодымъ Писашелемъ, коего водевили и другія драматическія сочиненія часпо играюшся на Московскомъ Театрѣ и хваляшся Московскою публикою. Замѣчу

мимоходомъ, что если всѣ Гг. Сочинители, оскорбляясь несправедливыми нападками Г. Полеваго, станушь ему возражать каждый особою книжкою, то скоро наши собиратели библиотекъ должны будутъ прибавить нѣсколько шкаповъ для современной Русской полемики. Въ Москвѣ напечатана еще книжка, подъ заглавіемъ: *Дѣтскій Театръ*, содержащій въ себѣ при пролога на *именинные случаи*; театръ истинно *дѣтскій*, и по содержанию и по слогу; жаль, что не думая его сочинило!

Перейдемъ къ переводамъ. Въ прошломъ году вышли 3, 4 и 5 части *Антенскаго Пустынника*, перев. Г. де-Шаплетомъ, и 1-я часть *Пустынника Сенъ-Жерменскаго предмѣстля*, соч. Кольне, перев. А. О. — Оба перевода имѣюшь каждый свое достоинство; а Пустынникъ Антенскій оплещается еще и красошою изданія; одно только его заглавіе немного ошанавливаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, что значить *Антенскій Пустынникъ*? По-Французски ясно сказано: *L'Hérmite de la Chaussée d'Antin*; а *Chaussée d'Antin* въ Парижѣ есть цѣлая часть города (*). Мнѣ кажется, въ семь случаевъ переводчикъ другаго Пустынника поступилъ

(*) Въ Парижѣ есть и *улица Антенская* (rue d'Antin).

осторожнѣе, переведши полное заглавіе подлинника; ибо положимъ, что кто нибудь издасть бы у насъ *Пустынника Петербургской стороны или Московской части*, тогда пошъ, кто бы вздумалъ перевести это сочиненіе на Французскій языкъ, неужели бы написалъ въ заглавіи: *L'hérmitte de Pétersbourg*, или *L'hérmitte de Moscou*? — Здѣсь же, въ Петербургѣ, переведены два Романа Вальшера Скопша: *Аббатъ* и *Ивангое*; оба перевода хороши, особенно послѣдній. Въ первомъ, не знаю для чего, Переводчикъ вздумалъ распространить заглавіе: *Аббатъ или некоторыя черты жизни Маріи Стуртъ, Королевы Шотландской*; въ подлинникъ оно просто: *The Abbot*, ибо Вальшеръ Скопшъ не думалъ писать историческаго Жизнеописанія несчастной Королевы Маріи, а просто Романъ, въ которомъ позволялъ себѣ измѣнять по собственной волѣ событія историческія, или даже выдумывать происшествія небылыя. Впрочемъ, симъ заглавіемъ можешь быть переводчикъ хотѣлъ заинтересовать читающую публику, ибо у насъ Вальшеръ Скопшъ незнающимъ языковъ иностранныхъ почти незнакомъ; а Московскіе Гг. Переводчики Романовъ не очень усильно старались ознакомиться съ нимъ нашихъ Русскихъ читателей. Учасъ сего зна-

менишаго Писателя въ рукахъ сихъ Гг. Переводчиковъ, доспойна ожалвнїя : они не полько переводили его по Лексикону съ Французскаго, ш. е. какъ попало, не вникая ни въ духъ его сочиненїй, ни въ слогъ даже Французскихъ переводовъ; но сверхъ того, въ Москвѣ, подъ его именемъ выдавались чужїе Романы, и шоль же похожіе на Романы Вальшера Скошша, сколько чернѣй цвѣшъ на бѣлѣй. Таковы-шо, разгуливающїе въ Москвѣ подъ ложно - присвоеннымъ именемъ Романовъ Вальшера Скошша, какїе-шо *Гутавъ Вальдгеймъ* и *Бьглець*; ни въ Англїйскомъ собранїи Романовъ Баронета, ни во Французскихъ изданїяхъ перевода его сочиненїй, и въ поминѣ не бывало сихъ двухъ выродковъ. Спрашиваю: когда у насъ прекращашся сіи переводческія или (что еще правдоподобнѣе) книгопродавческія замашки — обманывають бѣдныхъ читателей лже - именными заглавіями? — Въ Орлѣ переведено и напечатано, *мждивенїемъ* И. Сышина, сочиненїе Г-жи Реяневиль о Герцогинѣ Ангулемской, съ шакимъ заглавіемъ: *Дочь Лудовика XVI, или непостоянство земнаго величїя*. Изданїе сіе (полагая въ счешъ и переводъ), кажешся, зашѣяно съ шѣмъ, чтобы доставить нуждающимся порядочный запасъ обершочной бумага. Жаль: подлинникъ сей книги

и по занимательному содержанию, и по хорошему Французскому слогу, заслуживаетъ лучшей участи. — Такая жь участь, по видимому, назначалась въ Москвѣ, новымъ Повѣстямъ Г. Бульи: Contes offerts aux enfans de France (*Повѣсти, посвященныя дѣтямъ Франціи* — сказано въ переводѣ). Или Переводчикъ не зналъ, что значить выраженіе: Les Enfans de France, и принялъ оное въ буквальный смыслъ, ш. е. за малодѣтнихъ Французовъ всякаго званія и сословія, или не зналъ, что оно (разумѣя въ настоящемъ его смыслѣ) у насъ не переводится шакъ, какъ Monsieur (въ смыслъ: браншъ Короля) и Madame (дочь или сестра Короля): но все онъ не зналъ чего-шо. Да полько ли одного этого? Онъ даже не зналъ, что les grands parens, значить не *великіе родственники*, а дѣдушка и бабушка, что le Prince Royal, не просто *Принцъ царской крови*, а именно Наслѣдный Принцъ, и много шому подобнаго. Словомъ: переводъ, бумага, печать и приложенныя къ сей книгѣ картины даюшь ей неоспоримое мѣсто подлѣ шой, о кошорой я говорилъ передъ симъ. — *Письма къ Эмили о Мифологій, соч. Демутъе, переводъ Вл. Дмитриева и Вас. Дуброва, ч. 1-я Гг. Переводчики не кошрудились выкнущь, въ чемъ состоишь*

все достоинство этой книги, и потому не выдержали его в своемъ переводѣ. Достоинство сіе, какъ всѣмъ извѣстно, состоятъ въ слогѣ; легкая проза и пріятные, замысловатые спички, нравились и теперь нравятся многимъ любителямъ утонченныхъ нѣжностей, особливо прекрасному полу. Это весьма посредственно выгравированный и весьма хорошо раскрашенный эстампъ: смойте съ него краски — и вся его предельность пошерна. Такъ и сдѣлали Гг. Переводчики: они смыли краски съ оригинала Демушье, и вышло, что краски сіи, подѣи въ водною кисью, слились во что-то неопредѣленное, безцвѣтное; а несовершенство подлинника, пачившіяся подѣи яркими красками и искусными опшѣнками, оказались въ всей ихъ наготѣ, и еще хуже опшѣ неискреннаго размыванія. Но кончимъ уподобленіе: переводъ сей сдѣланъ не влопадѣ; въ стихахъ нѣтъ и пѣни того опшѣрумія, которымъ опшѣчаютъ стихи Демушье; а въ прозѣ есть такіе тяжкіе грѣхи противъ смысла, слога и языка, что спрахъ и подумашъ!

Касательно теоріи Словесности и вообще Изящныхъ Искусствъ, въ прошломъ году вышли слѣдующія книги: *Опытъ Науки Изящнаго, начертанный Г. Галичемъ*. Со-

чиненіе сіе вѣсьма заслуживаетъ вниманія; хошя я вообщѣ того мнѣнія, что доискашь-ся и докажашь, почему хорошее хорошо, еще болѣе невозможно нежели докажашь происхожденіе свѣта и найши вѣчное движеніе. По крайней мѣрѣ Г. Галичъ не доказываетъ существованія, причинъ и дѣйствій Изыщнаго съ циркулемъ и масштабомъ Машемашика, или съ рѣзцемъ Анапомиеша, но основываетъ свое положенія на врожденномъ, шемномъ чувствѣ, по которому человекъ ошличаетъ красивое отъ безобразнаго, на необходимости идеи Изыщнаго, и на явленіяхъ, ошущивельныхъ для чувствва и для идеи. Раздѣливъ свой Опытъ на двѣ часши: на чисшую и прикладную, въ первой онъ разсмашриваетъ Изыщное въ его сущности или идеѣ, въ силахъ, коими оно содержится или приводишся въ движеніе, въ его явленіяхъ или ошношеніяхъ къ чувстввенному міру; во вшорой, излагаетъ теорію Изыщныхъ Искусствъ, не въ видѣ чисшныхъ правилъ каждаго, но въ общихъ черсахъ, коими они ошличающся одно отъ другаго. Въ сей вшорой часши, Сочинишель, перейдя отъ Искусствъ *образовательныхъ* (Ванія, Живописи и пр.), *тоническихъ* (Музыки) и *сценическихъ* (Театра, п. е. въ смыслѣ самаго представленія) къ *Поэзии*, говоритъ: „Художества сообра-

„зуюсь въ своихъ формахъ со спешенями
 „духовнаго существа человѣческаго, и еже-
 „ли сія внутренняя жизнь его раздѣлена
 „между созерцаніями, чувствованіями и дѣя-
 „ніями, то Поэзія или а) изображаетъ ви-
 „дѣнія, раскрывающіяся предъ умственнымнми
 „его очами, повѣствуя объ нихъ, какъ о
 „совершившихся событіяхъ — въ *Эпопею*,
 „или б) изливается въ поэтическихъ ощу-
 „щеніяхъ своего сердца — въ *Лирику*, или
 „наконецъ с) заставляешь насъ бытъ сви-
 „дѣтелями производимаго дѣянія — въ *Дра-*
 „*му*. Почему Эпопея, Лирика и Драма суть
 „необходимыя *самостоятельныя* формы Поэ-
 „зіи, соотвѣтствующія Пласикъ, Музы-
 „къ и Сценикъ.“ Весьма замысловатое и
 удачное примѣненіе жизни внутренней къ
 внешней жизни чловѣка, припоминающее
 намъ, что дѣйствія и наслажденія умствен-
 ныхъ нашихъ способностей аналогически
 связаны съ дѣйствіями и наслажденіями при-
 роды чувственной. Въ частности, можно
 бы многое оспоривать у Сочинителя; напр.,
 почему онъ почитаетъ *Оперу Олимпій-*
скимъ празднествомъ всѣхъ Искусствъ теа-
тральныхъ, тогда, какъ собственно Опера
 есть выродокъ сочиненій драматическихъ?
 почему онъ думаетъ, что *экзаметръ* долженъ
 быть *исключительнымъ стихомъ Эпопеи?*

Эпо мнѣніе болѣе основано на образцахъ, нежели на законахъ непреложныхъ. Главное дѣло состоишь въ томъ, чѣшбы Поэшь соблюлъ существенныя условія Эпопеи, а не въ томъ, корошкимъ или длиннымъ стихомъ, дакшилемъ или ямбомъ, съ рифмами или спондеями на концѣ стиха, рассказы-ваешь онъ о своемъ героѣ. Почему онъ думаешь, что обыкновенное стихосложеніе *Поэмъ романтическихъ тансы*, шогда, какъ сей родъ Поэзиі пользуется полною свободою и не подчиняется никакимъ основнымъ законамъ стихосложенія? Но эши почему повлекли бы меня слишкомъ далеко, а о книгѣ Г. Галича уже слишкомъ проспранно говорено было въ двухъ Журналахъ. Совѣшую тебѣ прочесть ее, и прочесть вниматель-но: въ ней многое пребуешь размышленія и соображеній. Тѣхъ же условій при чшеніи пошребуешь ошъ тебѣ переводъ сочиненія Тика, подѣ заглавіемъ: *Объ Искусствѣ и Художникахъ*. Хошя въ переводѣ и вспрѣчаешь много смѣло выдуманыхъ словъ и смѣло переведенныхъ выраженій, но самое сочиненіе имѣешь великое достоишство по философической шочкѣ зрѣнія, съ кошорой Авшоръ смошрѣлъ на Изыщное и на чув-ственныхъ прообразовашелей его — Худо-жешва. Крошъ шого, въ ней много лю-

бопышнаго и новаго о самыхъ Художникахъ, и если ты не читалъ еще сей книги въ подлинникъ, то не пожалѣешь о времени, кошорое упошробишь на прочшеніе перевода. — Не могу тебѣ шого же сказашь о *Военномъ Краснорѣчїи* Г. Профессора Толмачева, во-первыхъ пошому, что это заглавіе не со-ошвѣшсшвуешь плану и объему самой книги, кошорую бы приличнѣе назвашь пол-нымъ курсомъ Риторики; а во-вторыхъ пошому, что въ теоретической часши ея, особливо въ Логикѣ, многія опредѣленія или сбивчивы, или неполны, или и вовсе не со-ошвѣшсшвуютъ предмету. На это можно бы привесши доказательсшва; но книга сія была уже къ-шо разсмотрѣна, и разборъ ея напечатанъ въ С. Опечесшва. — *Опытъ Библиотеки для военныхъ людей*, изд. В. Соцомъ, содержишь въ себѣ системашическое указаніе источниковъ, въ кошорыхъ военный человекъ долженъ почерпашъ нуж-ныя для него свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ Военныхъ Наукъ. Первое изданіе сей полезной книги уже все раскуплено; вслѣдъ за нимъ появилось и второе, кошорому искренно желаю шакого жъ успѣха. — Г. Калайдовичъ напечаталъ *Краткое изложеніе правилъ для составленія ручнаго Словаря Русскаго, съ приложеніемъ пробныхъ лис-*

товъ Словаря. Г. Н. Гр., помѣстившій въ Сѣверн. Пчелѣ прошлаго года разборъ сей книжки (*), говоритъ, что всякій Русскій Словарь долженъ бытъ словопроизводный, что симъ облегчашся опредѣленія и пр. Я на сей счесть другаго мнѣнія, и согласенъ съ Г. Калайдовичемъ, что Ручной Словарь долженъ бытъ расположенъ по азбучному порядку; ибо здѣсь главное дѣло не въ опредѣленіяхъ, а въ удобствѣ присканія, что и должно бытъ цѣлю всякаго ручнаго Словаря. Прибавляшь же къ ручному Словарю *азбучный реестръ всѣхъ словъ*, значило бы, вмѣсто одного Словаря, издавашъ два, и объемъ шакой книги вышелъ бы изъ разряда ручныхъ (**). Въ пробныхъ листахъ Г. Калайдовича замѣшилъ я опредѣленія, вовсе излишнія для Словаря ручнаго; шаковы напр. опредѣленія сердца, души и ш. п. Я согласенъ, что нѣкопорыя, не всѣмъ извѣсныя

(*) Въ No 75 и 76.

(**) Въ Разборѣ сказано, что при словѣ *душа*, въ уменьшительномъ *душка*, въ пробныхъ листахъ Словаря не упомянуто, что *душкою* называется внутренняя подставка въ скрипкѣ. Но сія подставка называется шакъ только въ выговорѣ, въ правописаніи же должно бытъ: *дужка*, уменьш. слова *дуга*, что доказываешся и самымъ ея видомъ.

вещи и понятія, должны бытъ опредѣлены; но если опредѣляшь каждое слово, встрѣчающееся въ языкѣ, то ручной Словарь Русскаго языка едвали можно будешь вмѣстѣ и въ нѣсколько большихъ томовъ; и что жъ останешся послѣ того для Словаря не-ручнаго? Ты скажешь, фразеологія; но фразеологія не при каждомъ словѣ нужна, напрошивъ, при весьма многихъ она или бесполезна, или и вовсе не имѣешь мѣста. Не можно ли предполагашь по такимъ соображеніямъ, что въ семь объемъ Словаря ручнаго будешь содержашься почти при четверти Словаря подробнаго?

По части Наукъ нравственно-политическихъ, въ Москвѣ вышли двѣ замѣчательныя книги: а) *Вступательная лекція о возможности Философіи*, соч. Г. Профессора Давыдова, въ которой почтенный Сочинитель представилъ цѣль и пользу Философіи, попомъ содержаніе, форму, опредѣленіе, части оной и связь ея съ прочими Науками. б) *О Монархическомъ Правленіи*, соч. Г. Ювскаго, содержишь въ себѣ доказательства о благосостояніи народовъ и спранъ подъ правленіемъ Монархическимъ, основанныя на самыхъ событіяхъ, и опроверженіе ложныхъ умствованій, проповѣданныхъ въ минувшемъ вѣкѣ.

Изъ книгъ историческихъ, принимаю сие наименованіе въ обширномъ значеніи, ш. е. разумя подъ симъ Исторію общую и частную, записки о событіяхъ временныхъ, извѣстія о древностяхъ и пр. и пр., явилось въ прошломъ году также нѣсколько весьма заслуживающихъ любобышество. Назову шебъ всѣ, которыя вспомню, и сколько можно въ систематическомъ порядкѣ. Во-первыхъ, вышло прешіе изданіе *Руководства къ познанію всеобщей Политической Исторіи*, Г. Кайданова; ты уже знаешь это оплчное сочиненіе по двумъ первымъ изданіямъ, слѣдовашельно, говоришь шебъ о немъ снова — было бы излишнимъ. Замѣчу только, что сие 3-е изданіе во многомъ исправлено и пополнено, и сверхъ того оплчается ошъ прежнихъ болъшею щцашельностію со спороны типографической. *Исторія Иродотова*, пер. И. И. Маршановымъ; объ этой книгѣ ты также не пошребуешь ошъ меня опчета: Исторія Иродотова, равно какъ обширное предпріятіе и похвальный шрудъ почшеннаго Переводчика, шебъ извѣстны. Знаю также, что ты, по любви своей къ историческимъ книгамъ, прочишаль *Всеобщую Исторію древнихъ просвѣщенныхъ народовъ*, Г. Ершова; тыиъ Сочинишель издалъ продолженіе оной,

въ 2-хъ томахъ. Увѣренъ, что ты со временемъ прочтешь и эти два тома, не для того, чтобы снова учишься по нимъ Исторіи, но изъ любопытства, чтобы видѣшь, какъ Сочинитель, не вовсе знакомый съ швореніями славнѣйшихъ Историковъ иностранныхъ, общенною, такъ сказать, ошулю угадывалъ многое, ими сказанное. *Труды и Записки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ*, содержащъ въ себѣ много любопытныхъ разысканій и догадокъ, и показывающъ ревностную дѣятельность Членовъ сего полезнаго Общества. Но любопытнѣйшее явленіе изъ книгъ историческихъ въ 1826 году — есть безпрекословно *Исторія Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года, подъ предводительствомъ Суворова*, изданная Е. Б. Фуксомъ. Суворовъ, *Чудо-богатырь*, исполинъ Военнаго Искусства, являющъ въ сочиненіи Г-на Фукса въ полномъ своемъ свѣтѣ, какъ великій Полководецъ, какъ опытный и прозорливый Подполковникъ, и какъ умный, любезный частный человекъ, кошараго Спаршанскіе обѣды лакомили и пинали не чувствительность, а умъ и душу его собесѣдниковъ. *Письма морскаго офицера* (покойнаго Н. В. Коробки) служащъ допод-

неніемъ къ извѣстнымъ Запискамъ морскаго офицера, Г. Броневскаго, и содержащъ въ себѣ многія любопытныя подробности о кампаніи Россійскаго флота въ Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ Адмирала Сенавина. Кромѣ того, въ сихъ письмахъ такъ много разнообразія, какъ по : замѣчаній о спранахъ и народахъ, о современникахъ, по чему либо прославившихся, описаній разныхъ мѣстъ и произведеній Искусствъ, анекдотовъ и пр. и пр., что все сіе даетъ полное право этой книгѣ, написанной яснымъ и хорошимъ слогомъ, занять мѣсто подлѣ Записокъ Броневскаго. *Оправданіе Грековъ*, соч. Г. Марцеллою и изданное имъ въ пользу сиротъ и вдовъ Грековъ, падшихъ за Вѣру и отечество, заключаетъ въ себѣ историческое и достовѣрное изложеніе всѣхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ Греками отъ Турокъ. Все сіе представлено въ разговорахъ Грека съ Туркомъ. Книжка сія болѣе всего заслуживаетъ вниманія благошворительною цѣлюю, для копорой она издана. — Во время бывшаго въ прошлое лѣто въ Москвѣ спеченія Русскихъ и иноспранцевъ, по случаю Коронаціи, Г. Свиньинъ весьма кспашни издалъ на Русскомъ, и потомъ на Французскомъ языкѣ, весьма хорошую и любопытную книжку, подлѣ заглавіемъ: *Ука-*

ватель главныхшихъ достопамятностей, сохраняющихся въ мастерской и оружейной Палатѣ. Имѣя сію книжку, прѣвзимъ, особливо иностранцамъ, было чѣмъ руководствовашься при обзорѣннн сей Палашы. Формашь книжки, особливо Французскаго ея перевода, самый карманный.

По другимъ опрашамъ знаній чловѣческихъ, упомяну шебъ о *Запискахъ, издаваемыхъ Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ*, копорыхъ въ прошломъ году вышли 8, 9 и 10 часпи. Записки сіи заключающъ въ себъ любопытныя спашьи о мореплаваніи, Наукахъ, иногда даже и о Словесности, свѣдѣнія о примѣчательныхъ пушешествіяхъ, открытіяхъ, полезныя таблицы по часпи морскихъ Наукъ и пр. и пр. Жаль, что сіе занимательное и полезное изданіе не довольно у насъ цвнншея! Говоря о морскихъ Наукахъ, нельзя позабышь объ одной вспомогащельной для нихъ опрашли знаній математическихъ — объ Астрономіи. По сему предмету, Г. Перевощиковъ издалъ въ Москвѣ весьма хорошую книгу: *Руководство къ Астрономіи*. — Наконецъ, по часпи *Поэтичнн*, въ Москвѣ напечатано *Собраніе статей, относящихся къ Наукамъ, Искусствамъ и Словесности*, замѣствованныхъ изъ разныхъ

иностранныхъ периодическихъ изданій 1823, 1824 и 1825 годовъ. Если бь эта компиляція была лучше переведена, шо составила бы собою весьма хорошій памятникъ современныхъ открытій, учрежденій, жизнеописаній и ш. п. — Не знаю, къ какимъ Наукамъ или Искусствамъ отнести два слѣдующіе пракшаша, напечатанные въ Москвѣ: *Искусство не платитъ долговъ, или дополненіе къ искусству занимать, сочиненное человекомъ порядочнымъ, в Собраніе карточныхъ раскладокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ грандъ-пасіансовъ, усердно посвящаемое вѣзмъ дѣловымъ людямъ?* Пока ты не вразумишь меня на сей счетъ, или не придумаешь для нихъ какого либо новаго разряда, я помѣщу ихъ, впредь до разрѣшенія, между *изящными искусствами*, принимая на сей разъ слово *изящный* въ буквальномъ его смыслѣ, ш. е. изящный изъ общаго порядка вещей.

Письмо мое нечувствительно зашпнулось на многія страницы. Не испугайся его длины: это будетъ послѣднее въ нынѣшнемъ году. Vale.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обзорное происшествие 1826 года.

(Продолжение.)

Соединенные Штаты Северной Америки торжественно отметили в семьдесят шестом году своего существования, утвержденном 4 Июля 1776 года. Речь, которую Президент Адамс открыл 19-й Конгресс, и отчеты Спикера-Секретарей представили блистательную, основанную на лучших картинах великих успехов, связанных в течение сего времени в отношении к народонаселению, торговле и ремеслам, народному богатству и Государственным средствам. С 1822 года, учреждено было 1040 новых почтовых, а новых больших дорог построено на 1,500,000 Английских миль. Военный Департамент, военные Академии, укрепления и морская сила соразмерно были усовершенствуемы. Государственный долг 1 Января 1826 года расширился только еще до 81 миллиона

доллеровъ. И хопя упошреблены были большія суммы на погашеніе сего долга, на выдачу пенсіоновъ вешперанамъ, изъ конхъ немногіе еще находяпся въ живыхъ, на спроченіе крѣпосшей, на увеличеніе морской силы, на поупку земли опъ Индійцевъ и на внушреннее усовершеншвованіе, однако же Государшвенный доходъ въ 24 милліона доллеровъ, гораздо превосходилъ расходъ; 4 милліоновъ досшашочно было на уплашу проценшовъ съ Государшвеннаго долга, и около 7 на всѣ прочія Государшвенныя пошребности. Положено было, опшравить Посланниковъ на Панамскій Конгрессъ, чшобы учасшвовашъ въ сужденіяхъ онаго, если они шолько будущъ совмѣшны съ нейспралишешомъ, рѣшшешельно пршншшмъ Сѣверною Амеркшою. Съ Колумбією заключень былъ шорговой договоръ на весьма справедливыхъ условіяхъ; о семь же предмешъ начашы переговоры и съ прочими новыми обласшями Америки, повсюду на основаніи взаимности и предосшавленіи другъ другу величайшшхъ выгодъ, чшо сосшавляешъ главное правило Американской шорговой полишшш. Въ рѣчи Презшдеша упомянушо было шакже о шребованіяхъ, штѣющшхся на Франціи, Ншдерландахъ, Данш и Неаполь; прочія уже удовлешворены. Опшравленіе Де-

пушашовъ на Панамскій Конгрессъ подало поводъ къ сильнымъ преніямъ. Двѣ партіи въ обѣихъ Палатахъ Конгресса долго и упорно боролись между собою; главою оппозиціи былъ Вице-Президентъ Келоунъ. Наконецъ, большинствомъ 24 голосовъ прошивъ 19, Сенатъ положилъ отправишь шуда двухъ Предсавишелей, и Палата Депушашовъ согласилась на сіе рѣшеніе незначительнымъ большинствомъ голосовъ. 3 Апрѣля Сенатъ издалъ дошопамятное посшановленіе, чшобы никшо въ шрешій разъ не былъ избираемъ въ Президентш. Девяшнадашый Конгрессъ закрышь былъ 22 Мая, послѣ сильныхъ прешій и вопреки спараніямъ оппозиціи, шщешно искавшей продлишь засѣданія. Внѣшнія ошношенія обрашили на себя полное вниманіе Правительсшва, преимущественно сношенія его съ Англією, кошорая спаралась и на Американскихъ водахъ ушвердишь державный свой презубецъ, шѣмъ болѣе, чшо обѣ первосшепенныя морскія Державы съ безпокойсшвомъ смошрѣли на усиливающеся вліяніе своей соперницы въ новыхъ Американскихъ Государсшвахъ. Соединенные Шшашы получили перевѣсъ на сѣверномъ полуосшровѣ Новаго Свѣша, въ Мексикѣ и Гвашималѣ, Англія на южномъ, преимущественно въ Бразиліи. Къ сему присо-

единилосьъ еще множество спорныхъ пунктовъ, копорые легко могли бы причинить разрывъ; и по сей причинъ, новому Американскому Посланнику въ Лондонъ поручено было привести въ порядокъ дѣла, касающіяся преимущественно до опредѣленія сѣверо-западныхъ и сѣверовосточныхъ границъ, кораблеплаванія по рѣкѣ Св. Лавренція, права торговли въ Англійскихъ колоніяхъ, коего лишена была Америка, и шорга невольниками. Сѣверо-Американскіе Шшашы протесповали прошиву объявленія, что рѣка Ла-Плаша блокирована Бразильскими кораблями, пошому, что блокада сдѣлана была только на словахъ и недоспашочно подкрѣплена морскою силою. Соединенная экспедиція Колумбіи и Мексики прошиву Кубы не была одобрена прочими обласпями, съ коими по сему предмету совѣщались, и ошъ шого не состоялась. Крики (Индійское племя) согласились уступить всю землю въ Георгіи, и перейти на опведенную для нихъ землю къ востоку ошъ Миссисипи. Великій недоспашокъ въ денежномъ обращеніи долженствовалъ имѣть вліяніе и на Сѣверную Америку, шѣмъ болѣе, что главный ея шорговый городъ Нью-Йоркъ, въ копоромъ въ конецъ года считалось ошъ 152,000 до 153,000 жителей, находится въ шѣснѣйшихъ шор-

говыхъ связяхъ съ Ливерпулемъ ; однако же сіе бѣдшвіе счастливо миновалось. По удивительному спеченію обстоятельствъ, 4 Іюля, въ день пятидесятилѣтія обнародованія независимости, главнѣйшіе виновники оной, Джонъ Адамсъ и Томасъ Джефферсонъ, преемники Вашингтона въ Президентствѣ, скончались, первый на 91, послѣдній на 84 году отъ рожденія. — Въ новой рѣчи, произнесенной при открытіи двадцатаго Конгреса, Президентъ общаетъ сообщити договоры съ иноземными народами, представляетъ сношенія съ Панамскимъ Конгресомъ, совѣдуетъ занятыя исправленіемъ большихъ дорогъ и довершити учрежденіе земскаго войска и военной администраціи. — Отъ Бразиліи выспребованы важныя ограниченія блокадной системы на рѣкъ Ла-Платъ.

Еще въ концѣ прошедшаго года, вся область *Мексиканская* была освобождена отъ Испанцевъ, сдачею на капишулицію, 21 Декабря, крѣпости Санъ-Жуанъ-де-Уллоа, Американскаго Гибралпара, который командуетъ городомъ Вераacruzъ. Тамъ найдено было 300 орудій. Послѣ сего Вераacruzъ снова занялъ прежнюю степень свою, какъ главное мѣсто торговли съ Европою, которая во время осады перенесена была въ Альваредо, и по причинѣ великой торговой дѣя-

пешельности своей, быгшпро поднялась до прежней степени значительности. 1 Января опкрышь былъ Конгресь, и рчь, произнесенная Президентомъ по сему случаю, содержала въ себь блистательную картину важныхъ успьховъ, оказанныхъ уже юною Державою, и успокоительное увьреніе на счешь образа мыслей прочихъ Государствъ въ опношеніи къ оной. Мексика находится въ дружелюбнйшихъ сношеніяхъ съ Англією и разными Американскими обласпями; Франція и многія другія Державы изъявили желаніе вспуишь въ торговья связи съ сею страною. Г. Маршенъ признанъ былъ Французскимъ Консуломъ въ Мексикъ, Г. Мурфи Мексиканскимъ во Франціи, и въ день Св. Карла, Мексиканскій и Колумбійскій флагъ въ первый разъ развился въ гаваняхъ Французскихъ. Нидерланды послали въ Мексику Консула, Пруссія торговаго агента. Сверхъ того разнеслись успокоительныя извѣстія о расположеніи сьверныхъ Державъ къ сей Республикѣ, да и опъ самого Папы, который можешъ бытъ спрашился оппаденія Новаго Свьша опъ Папскаго прешола, получена была благосклонная грамота. Денежныя обязашельства Республики были выполнены въ точности. Государственный доходъ превышалъ уже расходъ

992,408 піаспрами; кредитъ возрастаетъ, торговля и ремесла приходящъ въ лучшее состояніе, рудники начинаютъ давать важную прибыль; Правительство съ успѣхомъ печется объ общественномъ воспитаніи и просвѣщеніи народа, и уже предприняло исполнскія работы, обещающія необъятныя выгоды, какъ напр. прорышіе Тегуаншепекскаго канала и усроеніе большой дороги по направленію къ Вашингтону, кошорая должна встрѣпшиться съ Сѣверо-Американскою. На всѣ сіи мѣры оказывалъ сильное вліяніе Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ. Невзирая на нѣкошорую ревность къ великому уваженію, пріобрѣщенному Боливаромъ, пробудившюся въ новой Республикѣ, заключень былъ дружественный и союзный договоръ съ Колумбією, и Конгресъ перенесень было изъ Панама въ городъ Такубаю, лежащій близъ Мексики. Уже юная Республика, въ соединеніи съ Колумбією, замышляла о завоеваніи острова Кубы; но Испанскій Дворъ, употребивъ послѣднее усиліе, снабдилъ его сухопутными войсками и флотомъ, кошорый однако же почти весь сдѣлался добычею бурь. Часщъ Палашы Депушатовъ не соглашалась на сію предложенную Сенашомъ экспедицію; сверхъ того, кромѣ другихъ Державъ, Англія и Соединенные Штаты не одобряли оной, а Бо-

диварь, которому надлежало принять на себя главное начальство надъ оною, еще все занявъ былъ въ Бولیвіи и Перу: посему она и не была приведена въ дѣйство. Между швѣмъ Мексиканскій флотъ, который подъ начальствомъ знаменишаго Сѣверо-Американскаго морскаго героя, Коммандора Поршера, уже спановился значительнымъ, повелѣвалъ на водахъ Кубскихъ и даже пробрѣлъ шамъ безопасное якорное мѣсто. Вліяніе Соединенныхъ Штатовъ сильно соперничествовало со вліяніемъ Англіи, и рашификація шорговаго договора съ Великобританіею нашла великія затрудненія. Въ Мексикѣ предполагають увеличитъ армію 6 конными полками.

Центрально-Американская или Гватемальская Республика, менѣе всѣхъ прочихъ поспрадала отъ революціонной войны. Сѣверо-Американскіе Штаты оказывали преимущественное вліяніе въ дѣлахъ оной. 2 Марша собрался шамощній Конгрессъ, и закрытъ былъ въ концѣ Іюня при благопріятнѣйшихъ надеждахъ. Съ Соединенными Штатами заключенъ былъ шорговой договоръ, и Подковникъ Кваршель отправился Нидерландскимъ Коммисаромъ въ Гвашималу. Посланникъ Сѣверныхъ Штатовъ принятъ былъ съ отличною почестію, и предложенъ

ный имъ планъ о проведеніи канала для соединенія обоихъ Океановъ былъ одобренъ Конгрессомъ.

Колумбійская Республика, значительно умножившая свою морскую силу, построениемъ въ Сѣверной Америкѣ четырехъ кораблей о 64 и одного о 24 пушкахъ, въ началѣ года также готовилась снарядить экспедицію противу Кубы, которая должна была состоять изъ 10,000 человекъ высаженныхъ войскъ, 4 линейныхъ кораблей, 3 фрегатовъ, 6 корветъ и 12 меньшихъ военныхъ судовъ, и отправиться изъ Картагены; однако Правительство оставило се намѣреніе, нашедъ внутри Государства довольно предметовъ, заслуживавшихъ его вниманіе. Конгрессъ открытъ былъ въ отсутствіи Президента Боливара, продолжающемся уже 4 года, Вице-Президентомъ Генераломъ Саншандеромъ, и именно въ Боготѣ, а не въ Оканѣ, какъ то прежде полагали. Онъ говорилъ, что Испанія все еще не внимаетъ представленіямъ безпристрастныхъ и опытныхъ Правительствъ, касательно признанія латвхъ Американскихъ областей; что можно надѣяться отъ Франціи скорого признанія Колумбіи; что съ Англіею и другими Американскими областями она находится въ самыхъ дружескихъ связяхъ, что

съ Папою, напрошивъ шого, она еще не согласилась; сверхъ шого обратилъ онъ вниманіе на затруднительное положеніе финансовъ и необходимость принятія мѣръ для прекращенія онаго. Содержаніе военной силы, причинявшее главный расходъ, все еще стоило 12 милліоновъ, и Республикѣ нужно было сдѣлать заемъ въ 30 милліоновъ пиастровъ. Главные доходы Республики, имѣющей нынѣ 3 милліона жителей, происходятъ изъ таможенъ, акциза, шабачной монополіи, солончаковъ и чекана монеты. — Каршагена и Пуэрто-Кабелло объявлены были свободными гаванями. Боливаръ въ осуществленіи, своемъ снова избранъ былъ въ Президентны, большинствомъ 583 голосовъ прошиву 23, а Генераль Саншандеръ Вице-Президентомъ. Прошивъ сего послѣдняго возсталъ сильный прошивникъ, пребывавшій не уничтоженія и не раздѣленія Республики на часты, какъ шо ошибочно утверждали, а только переменны образа правленія. Извѣстный со времянь войны съ Испанією, смѣлый Генераль Паезъ, пользующійся ошмѣнною привязанностію конницы, и преимущественно Мулашовъ, и обвиненный въ самоуправствѣ и приписаніяхъ, объявилъ желаніе Венесуельскихъ Шпашовъ образовать Республику, копорая бы соснола изъ

опшдальныхъ Союзныхъ Обласпей, подобныхъ Сьверо - Американскимъ, и опшправился въ Каракась, гдѣ и былъ принятъ съ воспоргомъ, ибо Венезуельцы оказывали ревность къ Кундинармаканцамъ (жителямъ бывшей Новой Гренады) и недовольны были перенесеніемъ Правленія въ Богошу. При възвдѣ своемъ, Паезъ издалъ успокоительную прокламацію, въ кошорой объявилъ, что будетъ ожидать рѣшенія Боливара. Генераль Бермудезъ возспалъ на Паеза, и написалъ нѣсколько прокламацій прошивъ него, однако же дѣло не дошло до кровопролитія. Мало по малу, изъ 12 Депаршаментовъ Республики, Венезуела, Апуре, Зулія, Аснай, Эсквада съ перешейкомъ и Магдалина объявили готовность свою принять союзную систему, предложенную Паезомъ; къ нимъ еще присоединилась богатая южная обласпь Гваяквиль, и всѣ совокупно пребовали рѣшенія Боливарова. Боливаръ объявилъ на сіе, что Колумбійскій Союзъ не распоргниуть шребованіемъ переменъ въ Правленіи, и что Паезу поручено было временно управлять въ Венезуель, при чемъ онъ сказалъ, что будетъ во всемъ слѣдовать правиламъ главнаго начальника; что впрочемъ все сіе дѣло должно бытъ рѣшено Національнымъ Собраніемъ. Однако же въ семъ объявленіи вы-

хваляемо было правленіе Боливіи. Надѣюся на скорое и совершенное рѣшеніе сего спорнаго вопроса, ибо 19 Октябрю, Генераль Паецъ имѣлъ въ Ла-Гваирѣ дружеское свиданіе съ Генераломъ Мендесомъ, посланнымъ шуда изъ Богошы. Вѣроятно, что Колумбія получитъ союзный образъ правленія, который вообще въ Новомъ Свѣтѣ оказался лучшимъ и безопаснѣйшимъ. 19 Мая, Колумбійскій Конгрессъ рѣшилъ утвердить Государственный долгъ, и старался привести въ порядокъ разспроенные свои финансы. Рудники начали доставлять великую прибыль, и нынѣ въ числѣ новой монеты будетъ чеканилась и плашинная. Колумбійская морская сила состояла изъ 4 линійныхъ кораблей о 74—62 пушкахъ, 2 фрегатовъ о 46—36 пушкахъ, нѣсколькихъ корветовъ, бриговъ и мелкихъ военныхъ судовъ. Испанская эскадра показала на высотѣ Каршагены, однако же вскорѣ обратился въ сторону. Послѣ непрерывной четырехъ или пятилѣтней засухи, наконецъ выпалъ въ семь году освѣжительный дождь въ большей части Южной Америки и Западной Индіи, имѣвшій благопріятнѣйшія послѣдствія для земледѣлія; съ другой стороны главный городъ, Богоша, сильно пострадалъ

ошь землетрясенія, нерѣдко случающагося
въ Южной Америкѣ.

(*Окантаніе впередъ.*)

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Э Р И Н Ъ.

Egin! the tear and the smile in thine eyes.

(*Ирландская мелодія Мура.*)

Эринъ! свои слезы, улыбка въ очахъ,
Смѣлся, какъ радуга на небесахъ!
Сквозь волнъ бѣдъ свѣшляя,
Сквозь радость шемнѣя,
Твои солнца, блѣднѣя
Восходятъ въ слезахъ.

Эринъ! слезъ безмолвныхъ ты вѣкъ не опрешь,
Эринъ! ты улыбки дошоль не найдешь,
Какъ радугой свѣшлой,
Свой лучъ разноцвѣтной,
Въ знакъ мира завѣшной
Въ одинъ не сольешь!

Ознобшникъ.

2.

К Ъ Н.

Страдалецъ произвольной муки,
Не сводишь ты съ нее очей,
Какъ Таншалъ жадно ловишь звуки

Ея младенческихъ рѣчей;
 Но щепсны всѣ швои шерзанья:
 Языкъ любви ей незнакомъ;
 Ей непоняшны ни спраданья,
 Ни блѣдность на лицѣ швоемъ.
 Когда, въ волненьи спрасши буйной,
 Ты съ жаромъ руку жмешь у ней,
 Ее пугаешь взглядъ безумной
 Внезапный блескъ швоихъ очей.
 Холодная къ швоей печали,
 Ея душа шиха, ясна,
 Какъ волнь въ недвижимомъ кристалѣ
 Съ небесъ глядящая луна.

Оз.

3.

О Д А А Н А К Р Е О Н А.

(Доте мой доте уулажес.)

Солнце въ небѣ ужъ высоко,
 Дѣвы милыя, молю,
 Мнѣ съ виномъ бокаль глубокой
 Поскорѣй, горю, горю!
 Огнь въ усахъ, языкъ пылаешь,
 Полдня зной палишь меня,
 Жаждой грудь изнемогаешь,
 Сохну, умираю я!
 Дайше мнѣ вѣнокъ душистой,
 Пущь, увлаженный виномъ,
 Жарь, прохладою росистой,
 Ошъ чела ошвѣшь онъ.
 Быстро свѣжія плѣнцы
 Блѣкнушь, сохнушь вдругъ чела!

Роза въ жемчугъ денницы,
 Канувъ слезы, ошцвѣла.
 Но какой, какой струю,
 Сердце, огнь швой угасишь?
 Можно ль чашей и росую
 Пламень страши прохладить!

Оз.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 7.

19. *Опыты въ Антологическомъ родѣ, или собраніе краткихъ Басенъ и Сказокъ, нравственныхъ мыслей, надписей, мадригаловъ, эпиграммъ, эпитафій и другихъ мелкихъ стихотвореній, Алексыя Илличевскаго, Санктпетербургскихъ Обществъ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ Дѣйствительнаго Члена и Вольнаго Любителя Россійской Словесности Члена Корреспондента. С. П. б. въ шипогр. Департаментна Народнаго Просвѣщенія, 1827. Съ гравиров. заглавною виньеткой; IX—132 стр. въ 16.*

(Не составляя лишерашурной шабелы о рангахъ, и не жалуя по ней классными чи-

нами Русскихъ Поэзовъ, подобно одному изъ Гг. Журналистовъ нашихъ — скажемъ, въ полномъ убѣжденіи, что многіе изъ *Опытовъ* Г. Иллйчевскаго — испинно весьма удачныя опыты. Назовемъ по заглавіямъ нѣкоторыя изъ пѣхъ, кои болѣе прочихъ намъ понравились; а ихъ число довольно значительное въ разныхъ родахъ: *Зеркало и вода.* — *Всякому свое.* — *Предостереженіе.* — *Примиреніе.* — *Несчастный Трубадуръ.* — *Къ изображенію Амура.* — *Ракета и звѣзда.* — *Авторская предосторожность.* — *Н. Н. при прощаніи съ нею.* — *Добродѣтель.* — *Къ портрету Петра Великаго.* — *Къ воспоминанію.* — *Отвѣтъ Карнеада.* — *С. Д. П-ой.* — *Разумъ чловѣческій.* — *Двумъ сестрамъ.* — *Надпись къ источнику.* — *Вѣрная примѣта* и пр. и пр. Всѣхъ стихотвореній, соснавляющихъ *Опыты въ Антологическомъ родѣ*, 260; въ концѣ оныхъ помѣщенъ эпилогъ, въ которомъ Авторъ говоритъ о трудахъ своихъ съ примѣрною и прямодушною скромностію: жаль, что не многіе Поэты и Стихотворцы слѣдуютъ сему похвальному примѣру. Заглавная виньетка, рисованная Г. Лангеромъ и гравированная Галаксіоновымъ, замысловата и хорошо опдѣлана; изданіе вообще очень красиво и исправно. Книжка сія вездѣ у мѣста и вездѣ будетъ имѣть, свое достоинство: и на шуадешъ, и въ кабинетъ, и въ библіошкѣ).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № X.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСЛАНДСКІЯ ПИСЬМА.

Повѣсть, соч. Генрика Цшоке.

I.

Г-жа Шшобенъ жила въ своей деревнѣ, лучшей во всемъ околоскѣ. Она всегда любила уединеніе, но съ мѣсяць уже, какъ веселости не прерывались въ ея домѣ: одно празднество смѣнялось другимъ, и среди веселой толпы, она сама какъ будто молодѣла. Но не пиршества, не вечеринки и не балы утѣшали г-жу Шшобенъ; спойло ей захошѣнь, чшобъ имѣнь всегда шакого рода удовольствія: она была изъ числа богатѣйшихъ владѣльцевъ во всемъ округѣ.

Нѣшь; въ насшоящемъ случаѣ нѣчшо важнѣйшее вливало ошраду въ ея сердце: къ ней, нѣжной и счастливой матери, возвратился изъ дальнихъ пущешествій сынъ ея Теодоръ. Три года, проведенные въ разлукѣ, засшавляли ее наконецъ бояшься, чшобъ

охоша спраншвовашь не оплучила его на-
всегда опь родины. Никакая другая спрасшь
не была, казалось, доспуна сердцу молодого
человѣка, кромѣ спрасши видѣшь чуждые
народы, чуждыя и опшдаленныя спраны. По-
тому-шо г-жа Шшобенъ испощалась на вы-
думкахъ сдѣлашь ему привлекательнымъ ро-
димый край, наследшвенныя владѣнія — при-
вязашь его къ нимъ всѣми возможными уза-
ми. Но не было нужды въ сихъ шумныхъ
увеселеніяхъ, блиспательныхъ пирахъ; силь-
нѣе всего привлекало его кропкое маперин-
ское сердце, какого не нашель бы онъ нигдѣ
на всемъ проспраншвѣ земнаго шара, ни-
гдѣ, между какими бь шо ни было людьми —
бѣлыми, черными или оливковыми.

„Ахъ, мапушка! милая мапушка! мо-
жно ли бышь счастливѣе меня!“ повшоряль
онъ часшо, цѣлуя опь души драгоцѣнную
руку, которая его воздѣляла. „Кшо шакъ
любимъ, шакъ искренно, нѣжно любимъ, че-
го желашь ему болѣе! Повѣрьше, я не раз-
лучусь уже съ вами!“

И хоша шысячу разъ дѣлалъ онъ подобныя
увѣренія, но все осшавалась она въ сомнѣніи.
„Пока, приковываеть его прелесшь новизны;
когда же все сдѣлаешся для него спард —
шогда онъ опашь будешь желашь переменъ.“
Такъ думала про себя г-жа Шшобенъ, и многое,

что она видѣла и слышала, усиливало ее подозрѣнія. И какъ иначе могла она располковашь себя по, что сынъ ея, всегда крошкѣй, сшепенный въ разговорахъ, спановилясь живѣе, лишь только начиналась рѣчь о неизвѣстныхъ народахъ? Какъ располковашь по, что изъ всей библиошеки г-на Абакука, тогдашняго Священника въ ближайшей деревнѣ, бралъ онъ для чшенія только пушешествія, а образцовыя проповѣди, нравственныя разсужденія, историческія сочиненія о шаромъ и новомъ свѣшъ, оставлялъ неприкосновенно?

Уже нѣсколько недѣль жила съ нею и единственная дочь ея, Тереза, выданная замужъ за Совѣшника Кульма, съ которымъ нарочно прѣвхала изъ резиденціи, чтобы радѣлишь общую радость. Оба молодые сунруги шарались смягчать такую скорбь за бошливой матери.

„Женише его!“ говорила Совѣшникъ: „тогда навѣрное останешся. Ничто такъ не привязываетъ къ дому, ошчизнѣ и челоувѣчешву, какъ сшасшливое сунругешство. Холоснякъ никому не принадлежишь; эпо всемірный гражданинъ, побродяга — безъ ошдыха и безъ цвѣли.“

— „Да, если онъ не влюбленъ въ какую нибудь прекрасную Лапландку“ — при-

молвила Тереза: „шо намъ легко вшо сдѣлашь.“

„Но подумайте же, дѣшн!“ — сказала со вздохомъ г-жа Шшобенъ: „вошь сколько уже недѣль сряду видишь онъ всѣхъ дѣвиць обширнаго нашего сосѣдства, и ему какъ будшо все равно, на нихъ ли смолръшь, или на пѣ рожицы, чшо малююшъ на обояхъ. онъ все задумчивъ; чшобъ сдѣлашь его разговорчивымъ, надобно завести рѣчь объ его Норвеги.“

— „Задумчивъ?“ спросила Тереза: „не знаешь ли шы, хороши ли собою Лапландки?“

„Конечно!“ — отвѣчалъ Совѣшникъ: „для шѣхъ, кшо любишь пишь рыбій жиръ.“

2.

У г-жи Шшобенъ не выходили изъ памяти послѣднія слова зяшя; она шолковала ихъ и шакъ и сякъ, шаралась развязать вшошь загадочный узелъ, и не могла.

„Чшо жъ вшо за люди, кошорые любяшь пишь рыбій жиръ?“ спросила она: „Вы слишкомъ фигурно выражаетесь для шарой, неученой женщины, любезный мой зяшь!“

— „Лапландцы, машушка“ — ошвѣчалъ онъ и съ усмѣшкой закинулъ назадъ голову.

„Неужели же только Лапландцы и любашь рыбій жиръ?“ спросила Тереза.

Совѣтникъ улыбнулся. „Твоя правда!“ сказалъ онъ: „и между нами ешь много охошниковъ.“

Эшимъ не успокоилась г-жа Шшобенъ. Она пошла въ свою комнапу и велѣла позвашь къ себѣ Амоса, давнишняго вѣрнаго слугу и спущника ея сына.

„Скажи мнѣ, Амосъ“ — начала она, положила ласково руку на плечо его: „шмы хорошо знаешь своего господина, знаешь его совершенно, знаешь лучше, нежели я. Ты видѣлъ его ежедневно во всѣ шѣ годы, какъ я была разлучена съ нимъ.“

— „Видѣлъ, сударыня.“

„Вѣдь шмы былъ съ нимъ и въ Лапландіи?“

— „И шамъ былъ, сударыня. То-шо была жизнь! Иногда мнѣ, право, казалось, будшо мы провалились во шьму кромѣшную.“

„Что жъ шамъ дѣлалъ швой баринъ?“

— „Его нельзя было ошшуда выманить. Онъ ползалъ въ ихъ лачугахъ, передъ кошорыми наши свиные хлѣва показались бы

дворцами, и развѣзжалъ въ ихъ саняхъ, на кошорыхъ я часто валялся, какъ обмерзлый чурбанъ.“

„Ну, а что ты скажешь, хороши ли собою Лапландки?“

— „Нѣтъмъ похваспашься, сударыня, исключая...“

„Исключая?“

— „Да, въ ихъ грѣховные годы, и самъ бы дьяволъ былъ красавецъ, если бь случилось ему бытъ молодымъ.“

„Любилъ ли швой баринъ рыбій жиръ?“

— „Какъ изволише разумѣшь?“

„Пивалъ ли онъ его?“

— „О, нѣтъ, избави Богъ! ни ему, ни мнѣ ни капли на языкъ не попадало.“

„И ты говоришь по совѣсти.“

— „Да хоть извольше предложишь ему шеперь для пробы.“

„Когда онъ собрался ѣхать домой, не замѣнилъ ли ты въ немъ какого-нибудь безпокойства или досады? Не видно ли было въ немъ иногда желаніе ворошиться назадъ въ чужой край, между шѣмъ какъ онъ приближался къ роднѣ?“

— „Вы какъ шуть попали, сударыня. Часто приходилъ онъ въ уныніе, и тогда, бывало, не знаешь, что съ нимъ дѣлалъ. Онъ все раскаявался, что не видалъ ошрова

Исландіи, или по крайней мѣрѣ Гренландіи; но Исландія особенно вершѣлась у него въ головѣ. Тамъ разшевелила сердечко его одна женщина.“

„Кшо жь шакая?“

— „Знаю шолько, чшо ее зовушь Эдда.“

„Чшо жь, видно она хороша?“

— „Я не имѣлъ чеспи лично ее видѣшь.“

„Вздыхаетъ ли же онъ шеперь иногда объ ошровѣ Исландіи?“

— „А вошь, вчера. Эхъ, сударь, сказала я ему, между нами говоря, здѣсь право лучше, чѣмъ на ошровѣ Исландіи. Да если бь меня захошѣли сдѣлать въ Исландіи Королежь, я опвѣсилъ бы пренизкій поклонъ, и ошася бы здѣсь. Тупъ баринъ мой нахмурился и проворчалъ: во вѣкъ себѣ не прощу, чшо, бывъ шакъ близко, не сдѣлалъ шуда.“

„Не напоминай же ему, смошри, объ ошровѣ Исландіи.“

— „Э! если бы шолько Эдда не напомина; а я самъ за себя поручусь.“

„Эша Эдда дѣвица, или замушняя?“

— „На шо не могу вамъ опвѣчать ни да, ни нѣшь. Полагаю однако, чшо опъ нея получаетъ опъ иногда письма. И кажѣтся, она очень шрогашельно пишешъ. Я не могу чашашъ, но знаю письма ея по конвершу, и

по печашн. Тупь предшавляешся алшарь и на немь пламя. Получивши шакое письмо, онь шакь радуешся, чшо каждая жилка препещешь въ лиць его и слезы изь глазь прорываюшся. Если бь меня выучили грамоть, я непременно бы спашь получаешь письма изь Исландіи.“

„И шеперь еще получаешь сынь мой Исландскія письма?“

— „Господи! какь же, еще въ прошедшее Воскресенье принесли ему одно. Пошому-шо онь цьмый день и прыгаль, какь будшо поддѣлалъ себь пружины къ подошвамь. Ахь, да, сударыня, надобно признашся, чшо Исландія должна бышъ прекрасная земля — судя ужь и по однимь письмамь. Только бы мнѣ умѣшъ читашь, шо не надо никакихъ писемь, кромь Исландскихъ. Да здѣсь они и дешевы. Въ Караскронѣ плашилъ я за каждое письмо по спольку цьмыхъ гульденовъ, сколько здѣсь ошдаю крейцеровъ. Правда, чшо у насъ и лучше усшроены почшы, нежели въ Норвегii и Лапландіи.“

Г-жа Шшобенъ ошпустила болшавиваго Амоса. Она была огорчена въ глубинѣ души, узнавъ болѣе, нежели чаяла. Исландскія письма ее расшревожили до крайности.

Прежде всѣхъ Тереза узнала ошъ доброй своей машери шайну обь оспровѣ Исландіи. Для объясненія загадки, она избрала ближайшій пушь: въ одно прекрасное ушро, прокрасась она въ комнашу браша. Теодоръ бросился къ ней на всшрѣчу. Она прижалась къ его сердцу.

„Такъ шы навѣрное ошпаешься съ нами?“ спросила она.

— „Навѣрное.“

„Свободень ли шы? Не шпанешь ли шебя другой магнись?“

Теодоръ покраснѣлъ. Тереза сжала его крѣпко въ своихъ объшпяхъ. Взоръ ея проникалъ глубоко въ его душу. Онъ пошущилъ глаза, улыбаясь.

„Ты уже ошвѣчалъ!“ сказала она.

— „Но чшо же? Я шебя не понимаю.“

„За шо я хорошо понимаю шебя. Ты любишь! — Я знаю.“

— „Ты намѣрена шущишь.“

„Ни мало. — Зачѣмъ же не взялъ шы съ собою свою даму?“

— „Какую?“

„Ту прелестшную, чшо пишешь къ шебѣ лисьма съ ошрова — какъ-бишь называешься ошровъ — изъ Исландіи. Кайся же, я

вѣдь женщина. Я шо же любила, хоши и не
вздила для шого въ Лапландію.“

Теодоръ смонрѣлъ съ удивленіемъ на се-
спру свою.

„Полно же скривашься, мой милый.
Машушка, всѣ мы желаемъ швоего счастья.
Ты любишь. За чѣмъ же спало дѣло? Же-
нись на возлюбленной. Въ чемъ нужно, по-
соблю я. Только не думай покинуть насъ
для Исландіи. Машушка умерла бы съ печал-
ли, а я вѣрно не переживу ея пошери. Тео-
доръ, шы всегда былъ добрый сынъ, добрый
братъ! Взгляни на меня; неужли шы пере-
мѣнишься? Скажи, шы любишь? не прав-
да ли?“

— „Не знаю.“

„Вошь забавно! Не знаешь, любишь или
нѣшь? Такъ я же знаю лучше. Если бъ на-
примѣрь, я подала шебѣ письмоце, съ пыла-
ющимъ алшаремъ на печаши — покраснѣлъ
ли бы шы?“

Онъ въ самомъ дѣлѣ покраснѣлъ. Она
поцѣловала, смѣючись, его запылавшую щеку.

— „Ахъ, Тереза, говоря по правдѣ, эшо
вздорь.“

„Что шакое?“

— „Любовь, о кошорой шы намѣка-
ешь.“

„О, вы, власшелины свѣша! что не кажешся вамъ вздоромъ, когда идешь дѣло о насъ, бѣдныхъ женщинахъ?“

— „Ты сама будешь смѣяшься надо мною, когда скажу тебѣ.“

„Гоповлюсь бышь скромнѣе.“

— „Узнай же все. Ты будешь смѣяшься, Тереза. Я сама чувствую: спранныя, романтическая, сумасбродная испорія...“

„Ты почти слишкомъ разсудивелень, чтобы играть роль любовника. Любовь, въ кошорой нѣтъ спранныостей, романческаго, сумасброднаго, не есть любовь. И пакъ, пошрудись расказашь. — Развѣ и моя любовь съ Кульмомъ не похожа на сказку?“

— „Изволь, расказу. Ты поможешь мнѣ совѣшомъ, а можешъ бышь знаешъ и дѣвущку.“

„Только не въ шакомъ случаѣ, если она Исландская уроженка.“

— „Нѣтъ, Тереза, она живешъ въ городкѣ Грауенбургъ.“

„Гдѣ жъ эшо? — Не въ Норвегіи ли?“

— „Въ придцати миляхъ опсюда; въ цышидесяци опъ столицы.“

„Гдѣ жъ ты сошелся съ нею?“

— „Нигдѣ.“

„Нигдѣ? Такъ ты ее не знаешъ?“

— „О, какъ нельзя лучше. Эшо Ангель!“

„Разумѣеши; вѣроятно только безъ крыльевъ. По крайней мѣрѣ общаешь ли она въ нашей юдоли плача?“

— „Въ Грауенбургѣ. Ея сердце, умъ ея, меня восхищаютъ. Впрочемъ она не хороша собою и не богата.“

„Не хороша? — Ты не въ себя. Вѣдь ты нигдѣ не сходилъ съ нею; а если она твоя идеалъ, такъ опъ себя, или опъ фантазіи твоей зависишь, чтобы она была хороша. Ну, давай!“

— „Она блѣдна и ряба.“

„Вошь спрашивай! да вѣдь ты не видалъ?“

— „Да; но вошь ея изображеніе.“

Теодоръ вынулъ изъ груднаго кармана миніашюрный поршрешъ на коси.

Тереза долго его разсматривала. Братъ ея говорилъ правду. „Вкусы различны“ — сказала она: „иногда же бываешь и спрашиваешь. Правда, что твоя возлюбленная не прелестна; но въ ней есть черта добродушія. — Такъ ты безъ околичностей влюбился въ поршрешъ?“

— „Нѣтъ, не въ поршрешъ. Но . . . . сядь здѣсь на софу. Еще рано. Мы поговоримъ безъ помѣхи. Ты молчалива?“

„Какъ рыба.“

Они съли. Теодоръ началъ рассказывать.

„Чешыре года назадъ, когда мы пошеряли башюшку, написаль я спихи: *Жертва смерти*, и положиль ихъ на музыку. Эпихи, съ принадлежащими къ нимъ форшоплянными ношами, были напечатаны. Чрезъ полгода послѣ шого, получилъ я письмо ошъ дѣвушки, подписавшейся Ошпилиєю Вангенъ. Надобно шебъ прочешъ письмо, чшобъ шы не получила ложныхъ поняшій объ эшой дѣвушкѣ.“

Теодоръ досталь бумажникъ и вынулъ изъ него сѣдующее письмо:

„Милоспивый Государь!

Можешъ бышь мнѣ совсѣмъ не прилично писашъ къ вамъ; но проспише дѣвушкѣ, кошорая нарушаешъ законъ приспойности по долгу признашельности: вы спасли мнѣ жизнь. Я лишилась ошца, добраго ошца, кошорого очень любила. Я сѣвлалась больна. Душевное разспройсшво причинило такое же и въ умѣ моемъ. Врачи боялись, чшѣ оно будешъ неизлечимо. Душа моя пишалась мрачными мечшами. Я спремилась по развалинамъ міровъ къ какой-шо ошдаленной зарѣ, кошорой не могла доспигнушь. Спраданіе было моимъ удѣломъ. Вкругъ меня но-

сились блуждающіе духи, налагавшіе на меня оковы, чтобы воспреляшествовать мнѣ достиженіе священнаго огня, мерцавшаго для меня въ лучшемъ свѣтѣ.

„Въ шакомъ болѣзненномъ положеніи услышала я звуки струнь и пѣніе. Это была ваша музыка, ваша *Жертва смерти*. Ахъ, вы то же потеряли добраго отца, и чувствовали столь же сильно свою пошерю, какъ и я. Мнѣ казалось, что я слышу небесную музыку; она покорила меня своею силою. Я залилась слезами; вмѣстѣ съ ними оплегло у меня и на сердце; разсѣялись мрачныя мои думы; спало свѣтлѣе вокругъ меня; блескъ зари явился ближе глазамъ моимъ; блуждающіе духи превратились въ моихъ, горько плачущихъ родственниковъ; я впала въ сильную горячку и легкими средствами меня вылечили.“

„Но вы, милосливый государь, мой спаситель. Ваша *Жертва смерти* воззвала душу мою изъ пьмы пѣмаго, пѣжкаго, помпшельнаго сумасшествовїа. Часпо повпоряди мнѣ послѣ то же пѣніе — въ уныніи моемъ я счастлива; живу, только слушая шоны ваши, вникая въ мысли ваши. Можешь бытъ это новое сумасшествовїе. Пустьъ и такъ. Мой отецъ заслуживалъ всего. Ахъ,

если бь мой прахъ взяла ша же могила, гдѣ
его прахъ покоишся!

„Почти цѣлый годъ не принималась я
за перо; эшо первыя строки. Я дала себѣ
объщъ; шеперь онъ исполненъ. Благодарю
вась, просшите мнѣ шолько.

Оттилія Вангенъ.“

5.

„Не дурно!“ сказала Тереза, улыбаясь.
„Мы, женщины, поплакали бы надъ шакимъ
письмомъ ошъ всего сердца. Но вы, съ ва-
шею сильною душею, вы философствуете
иначе.“

— „Одна въжливостъ повлекла за со-
бою другую. Могъ ли я молчать, получивъ
письмо ошъ шакого милаго, чувспивитель-
наго созданія? Я ошвѣчала; къ ея жалобамъ
прибавилъ свои; ушъшалъ ее и себя. Эшо
побудило и ее къ корошкому ошвѣшу, по
кошорому написалъ я снова. Непримѣшно
завязалось у насъ шакъ много вопросовъ и
ошвѣшовъ, чшо не видно было конца нашей
переписки. Не бывъ знакомы, любили мы
другъ друга. Каждое письмо былъ новый
шагъ къ довѣренности. Умы наши сошлись
и заключили союзъ, чуждый всѣмъ обыча-
ямъ и жишейскимъ ошношеніямъ. Для насъ не

существовало ни земли, ни условнаго порядка ея обитателей, ни чувственности, ни побочных видовъ, ниже какой страсти. Если небожители заключающъ союзъ любви и сознающа другъ другу въ своихъ чувствахъ, то наши чувства похожи были на ихъ любовь.“

„Правда, что это духовное сообщеніе, это чистое сліяніе душъ не имѣешь ничего общаго съ шѣмъ, что свѣтъ включаешь въ понятія о дружествѣ, любви, добродетельствѣ и проч. Это что-то необыкновенное, и пошму-то, какъ ты вѣроятно назовешь, романическое; пусть и такъ. Названіе ни придаешь, ни опшимаешь чести. Всякъ чувствуетъ *по своему* и называетъ *по своему*.“

„Ахъ, Тереза, эта незнакомая Опшнлѣ опшла у меня чувство и разумніе предешей всего знакомаго. Много зналъ я дѣвиць, но ни одна не заспавила меня и на минушу забышь о моей никогда невиданной. И что находилъ я вездѣ? Существова, въ кошорыхъ перевѣсь на споронѣ мяса и костей, а не духа; любовь ихъ воспаляетъ воображеніе и охлаждаетъ сердце. Существова, кошорыя, по минованіи первой любви, любяшь еще изъ щеславія, и думающъ боль-

ше объ экипажъ, чѣмъ о сердцѣ мужниномъ. Сущесства, котор . . .“

„Которыя ни на волосъ не хуже и не лучше мужчинъ!“ прервала Тереза. „Мимходомъ замѣчу тебѣ, Теодоръ, что ты очень невѣжливъ: разсуждая съ сестрой, не забывай, что и она женщина. Теперь можешь продолжашь.“

— „Но я сказалъ правду.“

„Я то же, дружокъ. Ты любишь, и любишь мечту, а совсѣмъ не то, что называешь духомъ. Ты гредишь, и пошому ни мало не дѣлаешь исключенія изъ легіона любящихъ, которыя, со всѣми ихъ бреднями, не переводятся подъ луною. Повѣрь мнѣ, Теодоръ, ты не Ангель, какъ и швоя небесная Опшидія. Люди всегда ошпанушся людьми, никогда не выйдуть изъ круга, предначершаннаго могущесственною природою. Что ты себѣ воображаешь, то же воображаешь каждый. Всякъ думаешь о себѣ, что онъ совсѣмъ не обыкновенный, что онъ сосшавляетъ важное исключеніе, что только въ немъ все иначе. Мы всѣ заблуждаемся, но всякій заблуждается по своему. Однако всего, что я преподавала тебѣ, не понимаешь ты даже, господишь философъ. Поймешь не прежде, какъ будешь имѣшь жену.“

§

— „Да и ты меня не понимаешь. Думай, какъ хочешь, а только я знаю Опшилю. Прочитай письма ея, тогда будешь судишь иначе. Не думаешь ли, что я меньше буду любить Опшилю, если узнаю даже, что она вышла за-мужь? думаешь ли, что нарушу къ ней вѣрность, когда сегодня же предстану предъ алтаремъ съ другою?“

„Я думаю, что вы оба грезите. Грезы же происходящъ отъ жару, который долженъ снѣдаться самого себя, пока неосвѣжился дождемъ, не прохладится вѣтромъ. И ни одного изъ васъ не забрала еще охота увидѣшь другъ друга?“

— „Я путешествовалъ на Сѣверъ Европы. Переписка наша продолжалась. Еще предъ началомъ путешествія сдѣлались мы искреннѣйшими друзьями. Вотъ копія письма, въ которомъ я уведомилъ ее о своемъ отвѣздѣ.“

6.

Теодоръ доспалъ письмо. „Впрочемъ оно слишкомъ длинно“ сказалъ онъ: „я прочту тебѣ только то, по чему особенно можно судишь, какого рода наше дружество:

„Предпринимая далекое и продолжительное путешествіе, я не прощаюсь съ ва-

ми, любезная Опшилія. Къ чему прощанье, когда я не оставляю васъ? Мы не расстаемся, ибо никогда не были вмѣстѣ. Все равно, тридцать или тысяча миль, ручей или Океанъ, раздѣляющъ насъ, души наши не раздѣляясь. Только обмѣнъ мыслей и чувствъ въ перепискѣ нашей нѣсколько зашруднилась ошдаченіемъ. Мы шережемъ нѣчто, но не все. Тѣмъ не меньше увѣрены мы, что духомъ неразлучны, и важнѣйшее, что передающъ другъ другу наши умы, посредствомъ мершвыхъ знаковъ письма, безъ того нашептывающъ они безпрерывно самимъ себѣ; это важнѣйшее — одно слово: люблю!“

„Да, Опшилія, я люблю себя! Ахъ, дозвоьте мнѣ это простое, искреннее *ты*, когда я говорю съ вами! *Вы* предполагаетъ по крайней мѣрѣ два предмета, означая множество. *Ты* же обращаешься къ одному единственному. Я *васъ* не знаю, ибо не видаль ободочки, какая *тебя*, милая душа Опшилія, въ себѣ заключаешь. Я не могу любить *васъ* — люблю *тебя*.“

„Ошдѣляясь опъ *васъ*, я шѣмъ крѣпче прилѣпляюсь къ *тебѣ*. Да, Опшилія, кто бы ты ни была, ошпанься шолько неизмѣнно шакою, какъ мнѣ явилась. Какой-то вѣщій голось, какъ будшо взываетъ ко мнѣ, что нѣкогда я васъ увижу — мы увидимся! О,

любезная Опшилія, я шрепещу этого мгновенія. Почши желаю, чшобъ мы никогда не увидѣлись. Мы люди, Опшилія. Досель бы-ли мы счастливы другъ другомъ; но горе намъ, если что нибудь въ наружности нашей намъ не понравится! если воображеніе насъ обманеть, и мы найдемъ другъ въ другъ чшо нибудь несошвъпспвующее предспавленіймъ нашимъ. Опшилія, шогда мы расшоргнемъ сами свое счастье.“

„Мы любимъ другъ друга. Мы близки и корошки, какъ брашь и сеспра. Мы знаемъ самыя шайныя изъ нашихъ помышленій. Мы предспавляемся взаимно другъ другу безъ покрова, безъ искусствва, безъ пришворствва. Подумай, Опшилія, когда наступишь время, и мы въ первый разъ увидимся лично, чшо шогда? Никогда не видавшись, мы предспанемъ, какъ чуждые другъ другу. Осмѣлюсь ли я приблизиться къ неизвъспному мнѣ существу, хошя бъ и зналъ, чшо въ немъ обшлаеть прекрасная душа, кошорую я люблю, кошорая меня любитъ? Искреннее ты, кошорое свободно сливается съ пера, замреть на ушпахъ. Прикосновеніе рукъ будеть со-всѣмъ не шо, чшо было прикосновеніе душъ.“

„Опшилія, если мы когда нибудь свидимся — шо мы найдемъ другъ друга, но не

узнаемъ. Говоришь ли изъ эпихъ успъ душа, кошорую любилъ я нѣкогда? спрощу я. Та, кошорая меня любишь и знаешь, найдешь ли меня, въ моей оболочкѣ, пакимъ, какъ я былъ для нея прежде?

„Дѣйствительно, Опшилія, учась наша, въ сравненіи съ участью другихъ любящихся, очень чудна. Мы, во взаимной нѣжности и вѣрности, должны бояться мгновения, кошорого другіе споль сильно желаютъ. Мы души, кошорые, свидясь, должны прешешъ за плоть свою. — Опшилія, мнѣ горько о томъ думаешь — это приводитъ меня въ уныніе.“

Теодоръ умолкъ. Тереза сказала, улыбаясь: „я вижу, что ваша духовная любовь есть премилое дурачество. — Какъ же духъ Опшиліи принялъ ошѣздъ швой? Не разсердился ли онъ немного?“

— „Мнѣ бы должно было прочиташъ тебѣ всю нашу обширную переписку. На шо мало времени, сеспра. Скажу тебѣ однимъ словомъ: я собираюсь шуда. Хочу ѣхашъ въ Грауенбургъ. Хочу видѣшь Опшилію. Она еще не знаешь, что я возвратился изъ пушешествія. Она и не должна знашь. Пусть увидишь меня, не зная. Я назовусь вымышленнымъ именемъ. Письма ея, кошорыя

рыя все еще посылаетъ она въ Копенгагенъ, нейдущъ далѣе, какъ въ Л*, къ моему другу Миллеру, кошорый присылаетъ ихъ мнѣ; шакже опсылаетъ онъ къ ней и мои, въ кошорыхъ все еще спавлю я: Копенгагенъ.“

„Ваши невинные души, какъ я замѣчаю, разумѣюшъ и шо, что называется иншригою. Но, государь мой, не думай, чшобъ шы совсѣмъ со мною раздѣлаася. Ты шребовалъ моего совѣша къ швоимъ духовнымъ похождениямъ. Требую же, чшобъ шы меня выслушалъ, и чшобъ шы ни шагу не дѣлалъ безъ моего вѣдома. Ты вѣдь въ моей власши. Ты далъ мнѣ адресъ своего неземнаго сущешва; шы знаешь, я неугомонна, и умѣю пишасъ письма.“

— „Неужели хочешь мнѣ измѣнить?“

„Ты долженъ испышашъ судьбу великихъ міра сего. Если не позволяюшъ они себѣ совѣшовашъ, шо надобно, чшобы позволили себѣ измѣняшъ. Я гошова помогашъ тебѣ вѣрой и правдой. Только иди шисше, чшобъ ишши надежнѣе — счасшіе швоей жизни зависишъ опъ шого, чшó шы спѣшишъ предприняшъ. Ты любишъ не дѣвушку, а самимъ созданную химеру. Ты, честная душа, еще не корошко знаешь нашу брашью, женщишъ. Нашему сердцу надобно какъ нибудь подурачишся — эшо для него необходимость.“

Твоя эфирная Опшилія, у себя дома, навѣрное совсѣмъ не то, что въ письмахъ, гдѣ можно писать и вычеркивать. Небесное существо, которое согрѣваетъ себя божественнымъ огнемъ, дома ѣстъ и пьетъ, какъ и всѣ мы, порожденіе человѣковъ, и наконецъ также точно помышляетъ о замужствѣ о зеркалѣ, объ устарѣлости, объ . . .“

— „Помилуй, Тереза! — Перестань, ради Бога перестань! — Иначе я убѣгу.“

„Но неужли же ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что добрая Вангень слѣплена изъ свѣта и воздуха? Боже мой, почему же дѣвущкѣ не думать о замужствѣ? Тушь ничего нѣтъ дурнаго! Но не будемъ бранишься. Любопытно мнѣ, по многимъ причинамъ, знаешь, какъ Опшилія приняла извѣстіе о своемъ ошѣздѣ. Прочитай мнѣ изъ ея письма, что по крайней мѣрѣ къ тому ошнотся.“

Теодоръ взялъ, не прекослова, бумажники, но лице его нахмурилось.

Онъ прочелъ, что слѣдуетъ :

„— — Вы пробудете въ путешествіяхъ одинъ, два, три года. Этимъ очень затруднишься переписка наша. Не смѣю ропсашь, и если бѣ смѣла, не захопѣла бы. Сердце мое привыкло къ упрашамъ. Ахъ, любезный другъ! если бѣ я могла упрашить

рое, если бь ничего у меня не осталось, если бь я была тамъ, гдѣ мой добрый отецъ!

„Я бѣдное швореніе, а все еще имѣю слишкомъ много! Мнѣ бы хотѣлось всего вдругъ лишиться въ здѣшнемъ мѣрѣ, пошому что все за шѣмъ шакъ сильно меня привлекаетъ, чтошбы послѣ еще сильнѣе перзашъ. Уже я не имѣю духу что нибудь полюбить, пошому что не имѣла бы духу перенести пошерю шого. Или меня обманываютъ, или я сама обманываюсь. Вошь моя участь,

„Да сопровождаетъ васъ счастье на пути вашемъ. Вы будете счастливы. Я стану за васъ молиться, и Богъ услышитъ меня. О, другъ мой, вы были ангелъ, исторгшій меня изъ мрака. Вы и довершили свое благое дѣло. Письма ваши заключали въ себѣ обильную пищу для моего ушвшенія и поддержанія. Вы останешесь для меня тѣмъ же, какимъ явился мнѣ въ моемъ горестномъ испуленіи. Упомленный дух мой находитъ себѣ родственную опору въ вашемъ. Къ чему мнѣ знать, кто вы? Будете ли вы писать ко мнѣ или нѣтъ, я все знаю, что вы обо мнѣ не забудете; знаю, что и въ смершній вашъ часъ вы будете любить меня, пошому что нѣтъ причинъ, по которой бы могла я сдѣлаться вамъ

равнодушною. Спану перечисывашъ письма ваши и переносишья, въ мечтахъ, въ послѣдніе часы моего сумасшествія — какъ было мнѣ хорошо тогда!“

„Увидимся мы на землѣ или нѣшъ, право, кажешся, все равно. Если умремъ вдалекѣ другъ ошъ друга, не выдавшия лично, неужели это пошеря? Двѣ души въ неизмѣримомъ мірозданіи вспрѣпились, полюбили одна другую, сообщили взаимно знаки своего существованія, попомъ лишающя средствъ сообщенія и, разлученныя, все еще любящъ, не зная ничего другъ о другъ.“

„Такъ и лучше. Вы мнѣ шеперь все; если бъ вы вздумали усилишь свое впечатлѣніе, вы бы его ослабили. Со временемъ, когда вы женишесь, покажите мои письма вашей супругѣ — она не приревнуешь меня.“

„Счастливаго пупи! Я швоя вѣчно. Ешъ Богъ. Вовсе не исчезнемъ. Если здѣсь пошухну, явлюсь индѣ — и если бъ, о Теодоръ, могла бышь вѣчно швоею!“

„Вошъ я сижу и плачу. Ошъ чего же вшо уныніе? Только одну имѣю пошребность: всегда о шебъ думаешь. Эшого никшо у меня не похишишь. Когда не буду о шебъ думаешь, не буду и существовашъ.“

Оттилія В*.

7.

„Какъ же далѣ пряталась нишъ судьбы вашей?“ спросила Тереза.

— „Очень естественнo. Мы часто переписывались, и все спановились другъ для друга необходимѣе. Только Опшиллiя оказывала болѣе пвердосши, нежели я. Съ годъ времени опказывалась она прислать мнѣ свой поршрешъ, о кошоромъ не преспавалъ я просишь ее. Наконецъ желанiе мое исполнилось; но своего поршреша не смѣлъ я никакъ предлѣжись. Она объявила мнѣ, что не хочешъ видѣшь моего изображенiя, ни даже въ очеркѣ или силуашъ.

„Между пѣмъ я видѣлъ, что привязанность ея ко мнѣ возрасташеть. Съ шеченiемъ времени спала она веселѣе. Воспоминанiе объ опцѣ не шакъ уже ее огорчашеть. Но все еще спрашишся она моего возвращенiя. „Заклинаю васъ, Теодоръ“ пишешъ она въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ: „не думайше меня увидѣшь. Слишкомъ смѣло и жесшоко разрушише вы собшвенною рукою нашъ элизiумъ, если захопише лично со мною познакомишся. Тогда шолько мы можемъ бышь счасшливы, когда ошпанемся какъ шеперь.“ Таковы нынѣ опношенiя наши. Пошому-шо я и оспавляю ее въ пѣхъ мысляхъ, будшо я еще въ Копенгагенѣ. По-

спараюсь увидѣть ее въ Грауенбургѣ, не давая о себѣ знать. Тогда пусть рѣшишь случай.“

„Ну, право“ сказала, смѣючись, Тереза: „стоишь труда сыграешь шакой романъ. Я не понимаю эпой дѣвушки. И мнѣ очень сомнительно, будете ли вы оба счастливы. Каждый изъ васъ обманывалъ самъ себя и другаго. Ваши ожиданія, ваши мысли слишкомъ напряжены. Вы найдете другъ въ другѣ обыкновенныхъ людей, и каждый разсердится тогда на самого себя. Мы, право, должны признаться въ самихъ себѣ, что не смотря на всѣ красоты душевныя, все таки мы не что иное, какъ бѣдныя пвари, сложенныя изъ костей и мяса. Ручаюсь, что въ швоемъ воображеніи вершился свѣженькая, хорошенькая дѣвушка, во всемъ блескѣ красы. Что же, если ты въ своей Ошшилін найдешь вялую, блѣдную, слабо-нервную женщину, привычную болѣе къ письму, чѣмъ къ хозяйству — ты поклонись низенько этому ангелу и ворошишься во свойси. Не сердись на меня. Люби себя душевно, должна же я по крайней мѣрѣ осперечь, чтобы ты не слишкомъ вдавался въ свои причуды, на случай невыгоднаго разочарованія. И въ самомъ дѣлѣ, Теодоръ, у нея самой должны быть худыя пред-

чувствія. Не напрасно, можешь бышь, за-
 прещаетъ она тебѣ личное знакомство. Дѣ-
 вушки всѣ одного покроя, и въ извѣст-
 ныхъ вещахъ спрахъ какъ любопытны.
 Впрочемъ я сдержу тебѣ слово. Черезъ двѣ
 недѣли поѣду съ мужемъ въ резиденцію, и ты
 опсправляйся съ нами. Чтобы случайно не
 измѣнишь себѣ, назовись другимъ именемъ.
 Въ резиденціи намъ легко развѣдашь о Гра-
 уенбургѣ, и тогда мы примемъ свои мѣры.
 Доволенъ ли ты? "

— „Доволенъ.“

8.

„Точно, милая маменька“ сказала Те-
 реза г-жѣ Шшобенъ: „нѣтъ иного средства,
 какъ дать нашему Теодору жену.“

— „То-то и есть, милая!“ отвѣчала
 нѣжная мать: „но не забудь объ Исландскихъ
 письмахъ.“

„Конечно. Именно опъ вѣпихъ писемъ,
 кошорыя могушь наконецъ сдѣлать его не-
 счастливимъ, должны мы увлечь его въ раз-
 свѣянность, скодь возможно пріятную. Въ
 сподлицѣ нѣтъ въ ней недоспапка. Туда уве-
 зу его съ собою на мѣсяць, или на два. Тамъ
 надѣюсь выгнашь изъ него всѣ причуды и
 охоту спранствовашь.“

— „Ахъ, душа моя! если бь это шебь удалось!“

Лишь только г-жа Шшобенъ согласилась на повъздку Теодора въ резиденцію, Тереза поспѣшила къ своему мужу. Она посвятила его, безъ дальнихъ околичностей, въ тайны Теодора. Совѣшникъ очень удивился снранноснямъ любви своего шурина, кошораго считалъ онъ всегда человекомъ умнымъ и разсудительнымъ; впрочемъ онъ одобрилъ зашьи Терезы, чшобы послапъ Теодора инкогнишо въ Грауенбургъ въ шакомъ случаѣ, буде извѣстїя, какїя получаютъ объ Опшилинъ въ резиденціи, не заспавяшъ его выбросить изъ головы всѣ причуды.

Прошло двѣ недѣли, Амосу приказано было укладывашься.

„Очень хорошо, сударь“ ошвѣчалъ онъ: „шолько пожауйспа, не въ Исландію! Здѣсь нисьма дешевле, воздухъ не шакъ суровъ. Въ шшопъ разъ, право, не привезете вы меня живаго изъ Лапландїи.“

— „Такъ далеко мы не пушимся!“ сказалъ Теодоръ: „Я повду съ сестрою. Одно шолько долженъ я крѣпко на крѣпко закашъ шебь, Амосъ. Не говори впередъ никому о нашемъ дальнемъ пушешествїи. Не говори никому о шомъ, кшо я шаковъ. Выдавай меня за дальняго родшвенника Совѣш-

ника Кульма, и называй меня Людвигомъ Гогенгеймъ. Исполняй все эшо, пока не дамъ другаго приказанія.“

Амосъ посмотрѣлъ сомнительно на своего господина. Лошади были гошовы, Друзья наши распрощались съ г-жею Шшобенъ, которая оспалась въ деревнѣ, и вскорѣ пріѣхали въ резиденцію, гдѣ Совѣшникъ Кульмъ имѣлъ прекрасный домъ и любилъ жить весело.

9.

Уже недѣли три провель Теодоръ или Людвигъ въ резиденціи, не помышляя о дальнѣйшемъ пупешествіи. Надобно было шакъ много ѣздишь по госпнямъ и принимаешь гостей у себя; безпрерывно балы и званые обѣды; въ обществвахъ шакое разнообразіе, но не безъ выбора; вездѣ господствовала въ нихъ дружеская искренность, какъ въ самомъ шѣсномъ кругу семейственномъ. Не шакъ привлекали обѣды и балы, какъ сами люди. Расчишывали дни, въ кошорые можно увидѣшься снова. Для нихъ удовольствіа общежитія не были главнымъ дѣломъ, а шолько опдохновеніемъ; почему и не упоминали они, а подкрѣпляли.

Этого Людвигъ Гогенгеймъ не ожидалъ опъ резиденціи. Вскорѣ сдѣлался онъ у всѣхъ знакомыхъ сеспры своей, какъ человекъ домашній; сдѣлался однимъ изъ значительнѣйшихъ членовъ ихъ круга. Познанія съ большою скромностію, любезностію и доброша безъ всякихъ приязаній, привлекали къ нему скоро сердце всякаго. Онъ чувствовала себя счастливымъ, но все...

„Что съ тобою дѣлаешься?“ спросила его однажды сеспра, когда они были одни, ибо при людяхъ она никогда не говорила ему ты: „что ты все брюзжишь? Чего недоспашешь тебѣ, душа ненасытная? Неужли тебѣ у насъ не нравишься? Подумай, собери свои мысли.“

— „Вошь этого - по мнѣ и недоспашешь.“

„Мужъ мой получилъ письмо опъ корреспондента своего изъ Грауенбурга.“

— „Что пишешь онъ?“

„Спроси — тебѣ дадутъ письмо. Твоя духовная Опшилія уѣхала въ 'Лейпцигъ', и не знаешь, скоро ли возвратишься. Кое-что пишушь также объ ея опношеніяхъ съ однимъ Саксонскимъ офицеромъ; утверждаешь, что она съ нимъ помолвлена. Однако я все тебѣ совѣтую, създишь въ Грауен-

бургъ, какъ скоро узнаешь объ ея обратномъ прѣздѣ.“

— „На счесть помолвки вѣрно несправедливо.“

„Я не чтила письма. Мужъ мнѣ сказывалъ. Но поешой!...“

Тереза убѣжала и вскорѣ принесла письмо. Браша своего нашла она сидящаго въ большой задумчивости, руки сложены крестомъ, голова повисла на грудь.

„Славныя вѣщи!“ вскричала Тереза: „Опшилія чрезъ нѣсколько недѣль прѣдешь сюда, для свиданія съ дальними своими родственниками; и уже отсюда прѣдешь въ Грауенбургъ. Вопшь прочитай самъ.“

Людвигъ Гогенгеймъ взялъ письмо и, не прочитавъ, положилъ на споль.

„Неужели и эшо не по тебѣ? Ты начинаешь мнѣ скучать своими причудами.“

— „Ахъ, сестра, не сердись! Въ самомъ дѣлѣ, я самъ чувствую свое сумасбродство. Но прошу тебѣя, не мѣшай мнѣ. Я подожду Опшилія, посмошрю на нее — но сдѣлай милость, не говори мнѣ о ней болѣе. Если она могла, послѣ споль священныя кляшвѣ ненарушимой вѣрноси...“

„Мечшашель! неужели же для тебѣя ей надо было ишши въ монастырь?“

— „Нѣтъ, не могу шому вѣрнѣ. Она меня любншь. Она не покинѣтъ меня! Если же бы рѣшилась на это — о, клянусь Богомъ, тогда не повѣрилъ бы я ни одной жѣнщинѣ.“

„Даже и мнѣ, мой милый бращецъ? А я вѣдь жѣнщина, въ полномъ смыслѣ этого слова.“

— „Ты меня мучншь.“

„И прекрасной, молодой вдовушкѣ, г-жѣ Сарѣ, шоже? А! ты краснѣешь. Людвнзь, Людвнзь! Берегнсь самъ себя и не морочь другихъ.“

— „Чшо такое ты возмечшала?“

„Нѣтъ, мнѣ совсѣмъ не мечшалось, какъ охотно вы другъ друга дразннше, или...“

— „Ты ошибаешься.“

„Или можешь бышь вернншься у шебя на умѣ ея двоюродная сестрнца, Фрндолина Бернекъ? Если бѣ я была мужчина, мнѣ шрудно было бы выбрашь изъ этихъ двухъ. Фрндолина шанцуешь масперски, и я право, думаю, чшо ни съ кѣмъ пакъ охотно не шанцуешь она, какъ съ шобою.“

— „Ты спановншься несносна.“

„Какъ ты былъ вчера. Скажн, развѣ это вѣжливо, чшо, попроснвъ прежде меня на вкосезѣ, ты пошелъ пошомъ съ Фрндолиною?“

— „Но. —“

„Но конечно, она смопрѣла на себя изъ подлбья, а шы на нее — въ шакихъ случаяхъ не мудроно позабышься. Нѣшь, государь мой, вы провинились, и должны бышь наказаны. Я прощу себя, если шы посшараешься поправишь свою вину сегодня у г-жи Сарь.“

— „Я не пойду шуда.“

„Вошь прекрасно! шы у нее на счешу. Она ждешъ себя еще къ чаю въ свой садъ. Нашу брашью не зовушь шакъ рано; мы придемъ послѣ. Но смопри! она любезна, и шушь не поможешъ шебъ никакая душевная и духовная красота швоей невидимки-Ошшиин.“

(*Продолженіе впредь.*)

II.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ УЧИЛИЩЪ.

Ueber gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern, von *Friedrich Thiersch*. Stuttgart und Tübingen, in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung; XXXII n 498 с. въ 8. (*).

При вступленіи на пресполю Баварскій, нынѣшній Король Лудовикъ обратился осо-

(*) Возвратившійся, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, изъ чужихъ краевъ Г. Спашскій Совѣтникъ О. Б. Грефе, благоволилъ сообщить мнѣ новѣйшее сочиненіе общаго нашего знакомаго Г. Академика *Тирша* въ Мюнхенѣ, подъ заглавіемъ: *Ueber gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern; von Friedrich Thiersch*. Stuttgart und Tübingen, in der J. G. Cotta'schen Buchhandlung; 1826. XII, IV, IV, XII n 492 с. въ 8. Почти въ то же время я имѣлъ удовольствіе получить отъ одного изъ усерднѣйшихъ опечествленныхъ Педагоговъ, Г. Исправляющаго должность Директора Училищъ Курляндской Губерніи, *И. Д. Брауншвейга*, изъ Митавы, сочиненія его: *Ideen zur Gründung lettischer Landmannsschulen*; Mitau, 1821. Gedr. bei I. F. Steffenhagen und Sohn. (XII n 82 с. въ и. 8), и *Die Organisation der Gymnasien nach christlichem Princip*; Riga und

бенное вниманіе на соспояніе Училищъ. Признавая воспішаніе *предметомъ величайшей важности* (höchstwichtige Angelegenheit), онъ, по справедливости, въ благоуспройсствѣ Училищъ видить средства къ обезпеченію Церкви, къ улучшенію нравовъ, къ усовершенствованію Наукъ и Художествъ, и къ образованію полезныхъ членовъ гражданскаго общества. Въ шаковомъ убъжденіи, Монархъ поручилъ Училищному Совѣщу, предсхавивъ ему новый планъ образованія Училищъ, соотвѣтствующій общеспельствамъ времени и поспребностямъ Баварскаго народа.

Порученіе сіе послужило поводомъ къ многоразличнымъ сужденіямъ, основатель-

---

Dorpat, 1825. bei C. J. G. Hartmann. Gedruckt bei J. V. Hirschfeld in Leipzig. VIII и 76 с. въ 8. Прочитавъ сіи книги, я рѣшился познакомиться просвѣщенныхъ соотечественниковъ моихъ съ содержаніемъ оныхъ. Для сего мнѣ казалось полезнымъ, положивъ въ основаніе сочиненіе Г. Тирша, присовокупивъ къ выпискамъ изъ онаго какъ разныя мнѣнія Г. Брауншвейга, такъ и нѣкоторыя собственныя примѣчанія.

Издавая все сіе на судъ отечественныхъ любителей просвѣщенія, я желаю, чшобы небольшой трудъ мой принесъ хотя малую пользу Россіи, коея Августѣйшій Монархъ удоспояваетъ учебныя заведенія особеннаго Своего Высочайшаго вниманія и покровительства. *П. Кеппекъ.*

ными или ложными, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія разсуждающіе взирали на Училища. Въ числѣ просвѣщенныхъ Либерашоровъ, публично въ семъ отношеніи изложившихъ свои мысли, нельзя не замѣтить Сочинителя объявляемой нами книги, ученаго Аншикварія и Филолога *Тирша*, весьма уважаемаго въ ученomъ свѣтѣ Члена Мюнхенской Королевской Академіи (*).

Сочиненіе его есть плодъ опытности и долговременныхъ основательныхъ разсужденій, о предназначеніи, устройствѣ и управленіи Училищъ, и имѣетъ цѣлю соглашеніе разныхъ мнѣній, возникшихъ болѣею частію отъ недоразумѣнія. Представляя каждое мнѣніе въ полной рѣзкости онаго, (ибо нерѣшимельность въ предметахъ политической важности вредна и непрощительна), Авторъ подвергаетъ оное строгому изслѣдованію. Изыскавъ первоначальныя причины каждаго мнѣнія, онъ, на началахъ несошительныхъ, основываетъ противныя свои доказательства, которыя не могутъ не

(*) Онъ самъ воспитанникъ Училища, славившагося подъ названіемъ: die Schulpforte in Thügingen (стр. 114). Въ Лейпцигѣ онъ довершилъ ученіе, подъ руководствомъ ошачнаго Филолога Германна.

обратишь на себя вниманіа чашапелей и самихъ соперниковъ его.

Сколь ни противоположны мнѣнія о полезнѣйшемъ устройствѣ учебныхъ заведеній; но здѣсь дѣло идеть объ истинномъ просвѣщеніи людей, о приближеніи ихъ къ высокой цѣли предназначенія чловѣка. Таковое-то истинное, совершенное образованіе чловѣка (идеаль воспитанія), должно руководствовашь умами и перомъ всѣхъ шѣхъ, кошорые рѣшающся судить о наилучшемъ устройствѣ Училищъ.

Изслѣдованіе о предназначеніи чловѣка, какъ въ гражданскомъ и семейномъ бышу, шакъ и за предѣлами земнаго бышя, одно можеть служишь къ опредѣленію высокой цѣли Училищъ, и сообразнаго тому устройства ихъ. Посему-то Г. Тиршъ, прежде всего спараешся съ точностію опредѣляшь предназначеніе оныхъ. (*Bestimmung der gelehrten Schulen*, с. 9—30). Потомъ онъ переходить къ разсужденіямъ о обязанностяхъ и правахъ самихъ преподавашелей (*Vom Lehrstande*, с. 31—104). Сии два изслѣдованія сосшавляють первое отдѣленіе сочиненія нашего Авшора.

Во вшоромъ отдѣленіи, Г. Тиршъ излагаетъ мысли свои о преподаваніи Закона Божія (*Religiöser Unterricht*, с. 105—120), и

о классическомъ учени (Classischer Unterricht, с. 121—222).

Въ прешней книжкѣ, Соч. говоришь о распределеніи и способѣ классическаго учения (Ueber Anordnung und Methode des classischen Unterrichts, с. 223—336), раздѣливъ книгу сію на слѣдующія спашьи;

1. Приготовительные классы (Vorbereitungsklassen, с. 223).

2. Нижняя Гимназія (Das untere Gymnasium, с. 239).

3. Политехника на ряду съ Филологіею (Die Polytechnik neben der Philologie, с. 274).

4. Высшая Гимназія (Das obere Gymnasium, с. 282).

5. Способъ классическаго учения (Methode der classischen Studien, с. 293).

6. Распространеніе классическаго учения на Пишнику, Историю, Риторикку, Философію (Ausbreitung der classischen Studien auf Poetik, Geschichte, Rhetorik, Philosophie, с. 309—336).

Наконецъ, въ четвертомъ отдѣленіи, Авторъ разсуждаешь объ изученіи отечественнаго языка и Словесности, о преподаваніи Математики, о устройствѣ или распорядкѣ Училищъ и о надзорѣ за поведеніемъ учащихся (Vom deutschen und mathematischen Unterricht. Von den Verhältnissen und

der Zucht der Schule). Машерин, входящія въ составъ сей IV книжки, расположены слѣдующимъ порядкомъ :

1. О ученіи Нѣмецкому языку (Vom deutschen Unterricht, с. 337).

2. О преподаваніи Машемашики (Ueber den mathematischen Unterricht, с. 370).

3. Заключенія : о главныхъ предметахъ ученія (Schlussbemerkingen über den Unterricht in den Hauptsachen, с. 380).

4. Преподаваніе постороннихъ (побочныхъ) предметовъ, новѣйшихъ языковъ, Естественной Исторіи и прилжныхъ Искусствъ (Unterricht in Nebenfächern, с. 385).

5. Исторія Баварскихъ Училищъ съ 1804 по 1825 годъ (с. 392).

6. О различіи въ вѣроисповѣданіи учащихся (Vom kirchlichen Unterschiede in den gelehrten Schulen, с. 417).

7. О надзорѣ за поведеніемъ учащихся (Ueber die Zucht der gelehrten Schulen, с. 417).

8. Объ отношеніи Гимназій къ высшимъ Училищамъ (Ueber das Verhältniss der Gymnasien zu den höheren Lehranstalten, с. 464), и наконецъ

9. Объ учрежденіи Университета въ Мюнхенѣ, с. 472—482.

Симъ Авторъ оканчиваетъ свои изслѣ-

дованія, къ коимъ присовокуплены еще слѣдующія два приложения :

1. Ueber Benutzung altdeutscher geschichtlicher Quellen zum Studium der Geschichte auf gelehrten Schulen, von Friedrich Roth, с. 483, и

2. Ueber das Studium der deutschen Sprache auf Schulen, von Joh. Andreas Schmeller, с. 486—492.

Кто изъ читающихъ сіе обозрѣніе книги Г. Тирша, не усмотритъ важности оной и для насъ Русскихъ? и кто, читавъ сочиненіе Г. Брауншвейга, не удивится, что оба Автора столь вообще согласны между собою, не взирая на то, что смотрятъ на предметъ, одинъ и тотъ же, съ разныхъ точекъ зрѣнія?

Главное разногласіе въ сочиненіяхъ Г. Тирша и Брауншвейга происходитъ отъ весьма естественной причины: отъ разности читателей, которыхъ они имѣли въ виду, и на коихъ желали подѣйствовать. Г. Брауншвейгъ писалъ преимущественно для Протестантовъ, Тиршъ для Капюликовъ. Первому казалось необходимымъ усилить ученіе Вѣры, не унижая впрочемъ и классическаго ученія; послѣднему же, въ борьбѣ съ Капюлическимъ духовенствомъ, предстояла обязанность другаго рода: надлежало, при должномъ уваженіи къ предме-

шамъ Богословскимъ, показашь и необходимость познанія Классиковъ и основаннаго на ономъ ученія. Науки и Вѣра, сказалъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ патріотовъ, должны вѣчно итти другъ съ другомъ параллельно. Это два колеса, везущія колесницу нравственнаго нашего бытія къ предназначенной цѣли. Каждое неумѣстное сдѣяніе ихъ между собою столь же опасно для человѣчества, сколько и опдаленіе ихъ другъ ошь друга можеть бысть для него пагубно. Разница между нашими двумя Авторами въ семь случаевъ состоишь въ томъ только, что Г. Тиршъ держишь одной, а Г. Брауншвейгъ другой спорной; спремящя же оба къ одной цѣли, и даже однимъ путемъ. И подобные мужи, заботящіеся объ успа- новленіи надлежащаго порядка вещей въ міръ, и подающіе къ тому благоразумные совѣты, не заслуживающъ ли названія благо- творителей человѣчества? Причины, почему предположенія Гг. Брауншвейга и Тирша вообще столь сходны между собою, посему очевидны: Вѣра (нераздѣльная съ нравствен- ностію), языки, Исторія, Математика, (Ху- дожества), нѣкоторыя познанія по частямъ Естественной Исторіи, и наконецъ перво- начальныя основанія Философіи (наипаче Логика), вошь предметы гимназическаго

ученія; все прочее принадлежитъ высшимъ, или частнымъ Училищамъ (Университетамъ, Академіямъ, или учебнымъ заведеніямъ, усроеннымъ исключительно для усовершенствованія юношества въ одной какой либо вѣтви человѣческихъ познаній).

Дабы, хотя нѣсколько, познакомить читателей съ достопримѣчательнымъ сочиненіемъ Г. Тирша, представимъ здѣсь нѣкоторыя выписки изъ онаго.

О предназначеніи Училищъ.

Во введеніи къ сей спашѣ (и ко всему сочиненію) Авторъ излагаетъ мнѣнія главнѣйшихъ двухъ парсій, на кои раздѣлена публика по предмету Училищъ. „Утверждающъ,“ говоритъ онъ: „что юношество наше испорчено, что Учищели негодны, что всѣ они охладѣли къ Вѣрѣ, что Греки и Римляне сдѣлались образцами, и идолопоклонничествомъ порожествуетъ надъ Христіанствомъ.“ Показавъ неосновательность первыхъ шаковыхъ посылокъ, Авторъ справедливо утверждаетъ, что ошъ чденія Греческихъ и Римскихъ Писателей, сподъ же мало сдѣлаешься идолопоклонникомъ, какъ и Магомешанцемъ ошъ изученія Арабскаго языка, или приверженцемъ Браны ошъ Санс-

кришскаго. Величайшіе училищели и ошцы церковныи, и самыи ревностныи Христіане (между прочими и Пешарка и Фенелонъ) словомъ и дѣломъ явили, что уваженіе къ Классикамъ никакъ не прошивно ученію Св. Евангелія.

„Надобно преобразовашь учителии, должно ошдѣлишь ихъ ошъ міра, и всего мірскаго, заключишь въ сшѣны, въ коихъ они не будушь уже имѣшь нужды забошишь о предмешахъ суешности, о пицѣ и одеждѣ, словомъ, должно слишь въ одно сосшояніе „учительское съ званіемъ духовнымъ.“

Разсуждающіи такимъ образомъ увлекающаи своимъ (впрочемъ не рѣдко благонамѣреннымъ съ ихъ спороны) чувствомъ къ невозможному, къ пагубному для общешва. Идеаль хошяшь они приспособишь къ жишейскому міру, котораго они или не знающъ, или знашь не хошяшь. Люди, рожденныи для общежитія, должны бышь воспитываемы также для общешва.

Присшупая къ разысканіямъ о предзначеніи Училищъ, Сочинишель показываешъ, что основаніемъ всякаго образованія должно бышь благоговѣніе къ Вѣрѣ, или чувство нелицемѣрной набожности (*religiöse Gesinnung, Frömmigkeit*, с. 9). Но пробужденіе и постепенное развитіе въ дѣшахъ и юношахъ од-

ного сего чувшва, не можешъ еще бышь
исключительнымъ предметомъ воспитанія.

Воспитаніе, по доводамъ нашего Авпо-
ра, должно состоять въ совокупномъ усо-
вершенствованіи въ *Наукахъ* (Wissenschaft)
въ развитіи чувства добродѣтели, или
благонравія (Gesinnung), и въ образованіи
вкуса (Geschmack). Послѣдній служишь ис-
починкомъ жишейскаго приличія, основа-
тельности, или существенности въ дѣй-
ствіяхъ, ясности и порядка во всемъ бышу
человѣческомъ. Вкусъ служишь признакомъ
образованности (Bildung) и поручитель-
ствомъ въ оной. Всѣ сіи блага вмѣспъ: по-
знаніе, нравственность и образованность
(Wissenschaft, Tugend, Bildung) подразумѣваюш-
ся подъ словомъ *людскость* (Menschlichkeit, —
Humanität), и въ достиженіи сей-шо *людско-*
сти, должна состояшь главная цѣль Училищъ,
изъ конкъ одни назначены для воспитанія
поселянь (des Landmanns), другія для мѣ-
щанъ (Bürger), а еще иныя для образованія
наставниковъ, правителей или распоряди-
телей (Verwalter) и судій въ народѣ.

О учителяхъ.

Въ главѣ объ учительскомъ званіи, г.
Тришь излагаешъ права и обязанности пре-

подавателей, показывая, что вообще вредно для Государства поручать учительскія должности исключительно одному какому либо сословію людей. Духовныя и свѣшскія особы, говоритъ онъ, должны имѣть равное право на занятіе учительскихъ мѣстъ; однѣ лишь умственныя и нравственныя способности ихъ къ исполненію сопряженныхъ съ оными обязанностей, должны руководствовать начальство въ раздачу сихъ мѣстъ. Но съ другой стороны, кажется, и переходъ изъ сего сословія въ каждое другое, безъ опасенія для общей пользы, не можетъ бытъ возбраняемъ. Должно только испоргнутьъ учителей изъ бѣдности (*den arm ist jeder, der nicht hat um seinen Verhältnissen und Bedürfnissen gemäss zu leben, с. 63*). и открывать имъ путь къ наградамъ, соразмернымъ ихъ заслугамъ, чтобы бытъ увѣреннымъ въ возможности имѣть достойныхъ профессоровъ и порядочныхъ учителей.

Въ подтвержденіе сихъ истинъ, Авшоръ прибѣгаетъ къ Исторіи Училищъ, обозрѣвая оныя вкратчѣ съ древнѣйшихъ временъ понынѣ.

Опъ Греческихъ *Грамматиковъ* (учителей грамоты), *киваристовъ* (учит. музыки, гитары или флейсы въ Віошія) и *Педаго-*

тригоузъ (учителей гимнастическихъ упражненій) до Вишій и Философовъ въ Афинахъ, въ Александріи и въ Римъ, а ошъ сихъ до новѣйшихъ временъ, г. Тиршъ, постепенно обозрѣваетъ ходъ и способъ ученія. Показавъ, что Веспасіанъ, первый опредѣлилъ значительный и постоянный доходъ Греческимъ и Римскимъ Вишіямъ (с. 34); онъ замѣчаетъ, что Христіане не боялись отдавать дѣшей своихъ въ ученіе къ идолопоклонникамъ, славившимся ученостію и краснорѣчіемъ. *Не они* опасались Классиковъ, но именно первый врагъ и гонитель Христіанской Церкви, Императоръ Іуліанъ, который, желая ослабить просвѣщеніе въ Христіанахъ, запретилъ чтеніе Гомера, Гезіода, Оукидида и Димосеена (с. 38). Напрошивъ сего, Свяшій Кирилль, Архіепископъ Александрійскій, въ рѣчахъ своихъ прошивъ Іуліана, ревностно защищалъ ученіе Классиковъ, коихъ пусшыя баснословія конечно могутъ шокмо показывать необходимость истинной Вѣры, обнаруженной Христіанамъ Божественнымъ Ошкровеніемъ (*).

(*) См. Juliani epist. XLII, Opp. T. I, p. 422 sq. Spanh. ■ Cyrillus contra Julianum l. VIII, p. 230. B. sq. ed Spanh.

Въ среднихъ вѣкахъ, одно лишь духовенство сохранило для насъ древнихъ Классиковъ, пока наконецъ въ Болоніи и въ Падуѣ образовались первые Университеты, въ коихъ преподавалось Правовѣдѣніе, Естественныя Науки, Медицина, Математика и Философія (с. 40) (*).

Когда Науки содѣлались общественымъ имуществомъ каждаго гражданина, учительскія мѣста спали давались лучшимъ, или къ занятію оныхъ способнѣйшимъ, не взирая на то, къ какому бы сословію сіи лучшіе ни принадлежали. Въ разныхъ Государствахъ, даже въ Испаніи, учреждены были конкурсы, и конечно къ пользѣ Училищъ (с. 41). Въ Германіи, число учителей свѣтскаго сословія умножилось преимущественно тогда, когда способнѣйшіе насавники были образованы Эрнестіемъ и Рейцомъ въ Лейпцигъ, Машшіасомъ, Геснеромъ и Гейне въ Гешпингенъ, Вольфомъ въ Галле, и Беккомъ и Германномъ въ Лейпцигъ; слѣдствен-

---

(*) Что наименованные здѣсь пять родовъ Наукъ должны бы были бытъ предметами пяти разныхъ Университетскихъ отдѣленій (ибо 4-хъ Факультетовъ по многимъ причинамъ недостаточно), на сіе явилъ уже случай обратишь вниманіе нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ чинашелей сихъ строкъ. К.

но весьма недавно; но и понынѣ, уже плоды филологическаго ученія (*) восхищаютъ просвѣщенныхъ мужей всѣхъ образованныхъ странъ Европы.

Система ученія, — распространившаяся со времени Базедова, Кампе и Зальцманна, по коей не *людскость*, но *польза* (полезное) сдѣлалась цѣлю Училищъ, въ копорыя съ того времени введено несчетное число новыхъ предметовъ ученія, — въ сѣверной Германіи процвѣтала недолго, но въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, она была водворе-

---

(*) О томъ, что именно составляетъ предметъ Филологіи — (ein Cyclus von Wissenschaften und Kenntnissen, welche früher unter dem Namen Philologie, jetzt häufiger noch unter dem Namen Alterthumswissenschaft begriffen werden) — говоритъ Авторъ на стр. 90 и 384. Въ послѣднемъ листѣ, Г. Тиршъ, разсуждая объ отношеніи классическаго ученія къ ученію Вѣры, опредѣляетъ сущность Филологіи такъ: Philologie ist die gelehrte Kunde des classischen Alterthums, wie Theologie die gelehrte Kunde des Religion, und umfasst als solche einen weiten Kreis engverbundener Wissenschaften. Филологическія Семинаріи, составляя какъ бы новое (шестое) отдѣленіе Университетскихъ предметовъ, должны, судя по мнѣнію Г. Тирша, служить основаніемъ Педагогическихъ Институтовъ, будучи предназначены для образованія преподавателей классическихъ предметовъ (с. 91 и д.)

на и существуешь не къ пользѣ учащихся.
(с. 45 и д.).

Въ Германіи, учителя долго оспавались безъ досташочнаго прирѣнія и поощренія. Недосшашокъ и малое къ нимъ вниманіе ошдѣляли ихъ опъ общесшва, и весьма многіе изъ нихъ содѣлались безвкусными педагогами (с. 53). Фридерихъ, первый Король Прусскій, по внушеніямъ Лейбница, прежде прочихъ пробудилъ въ Германцахъ уваженіе къ Липерашорамъ, кошорое попомъ еще весьма умножилъ Фридерикъ II, (начавшій впрочемъ, съ иноспранцевъ). Вскорѣ Французской Академіи, учрежденной въ Берлинь, прошивоспалъ Гёпшингенскій Университетъ, основанный Великобританскимъ Королемъ Георгомъ II, въ званіи Курфирша Ганноверскаго. Дѣло сіе поручено было незабвенному въ Исторіи просвѣщенія Барону Минхгаузену, коего девизъ, въ опношеніи къ ученымъ, былъ: *Honos et praemium*, (*честь и награда*). Вошь средствва, кошорыми Гёпшингенскій Университетъ содѣлаался и пребываетъ сонмищемъ достшойнѣйшихъ Ученыхъ!

На мѣста Директоровъ Училищъ, говоришь Г. Тиршь, должны бышь опредѣляемы мужи опличныхъ достшойнствъ, испинные и испышанные ревнишели просвѣщенія, ибо опъ нихъ наипаче зависишь успѣхъ подвѣ-

домшвенныхъ имъ заведеній; лучше опредѣлишь просвѣщеннаго иностранца, нежели соопчича, немѣющаго доспашочныхъ къ шому способностей (с. 59 и 60). Но шаковымъ опытнымъ Педагогамъ и извѣстнымъ Липерашорамъ должно доспавишь всѣ средсва къ шому, чшобы получаемаыя ими выгоды могли привязашь ихъ къ новой ошчизнѣ. Жалованье ихъ долженсшвовало бы просширашься ошъ 2000 до 2500 гульденовъ (ошъ 1100 до 1400 руб. серебромъ, с. 65) (*). Учишелямъ Гимназиі можно бы

(*) Нерѣдко Г. Тиршъ, въ объявляемомъ здѣсь сочиненіи, говоришь о самомъ себѣ, или о своемъ семействѣ, и лицахъ, съ коими онъ состоялъ въ разныхъ сношеніяхъ, шакъ, наприм. на с. 66, 87 и д., 94, 114, 144 и д., 266—274, 383 и проч. Симв самимъ онъ не мало умножаетъ къ словамъ своимъ довѣріе чшшателя, кошорый усматриваетъ, сколь основательное Авторъ имѣеть право судишь о предметахъ, касающихся до воспитанія юношества. Въ семъ именно случаѣ, на с. 66, Г. Тиршъ говоришь объ одномъ изъ своихъ учениковъ, кошорый, по причинѣ невыгоднаго положенія Учишелей въ Баваріи, за 6 лѣтъ предъ симъ переселился въ Пруссію, и нынѣ уже доспигъ до степени Дирекшора Гимназиі въ Ахенѣ, получая 1000 шалеровъ въ годъ жалованья, между шѣмъ какъ въ Баваріи, онъ, въ продолженіе сего времени, могъ бы дослужишься шокмо жалованья, не превышающаго 700 или 800 гульде-

опредѣлишь жалованья въ годъ ошь 700 до 1500 гульденовъ (ш. е. ошь 380 до 800 руб. серебромъ, с. 61). Молодымъ Учишелямъ, Авшоръ совѣшуетъ давашь первоначально ошь 6 до 8 сошь гульденовъ (ошь 350 до 450 р. серебр.), возвышая оклады ихъ *по-степенно*, шакъ, чшобы по совершениа перваго десятильшя службы, они получали уже ошь 1000 до 1200 гульденовъ (550 до 700 руб. сер.), а по испечениа двадцатильшняго служеня, уже около 1800 гульденовъ (до 1000 р. сер.).

Ошпуская досташочное жалованье Учишелямъ, и награждая ихъ почешными ошличяи, Начальштво можешъ бышь обнадежено, чшо впредь уже недосташка въ Учишеляхъ не будешъ, и чшо лучшяе изъ нихъ, вѣрныя пишомцы Музь, не спанушь думашь о переходѣ изъ учишельскаго званя въ другую, гражданскую или чашпную службу.

Тогда-шо и общее уваженя къ учащимъ и довѣряе къ нимъ возрастешъ въ согражданахъ ихъ, въ общештво конхъ они будушь въ сосшоянни возврашиться, не убѣгая уже людей по причинѣ бѣдношпи своей, или по несправедливому уничиженяю.

новъ (по настоящему курсу, ошь 1500 до 1600 руб. Госуд. ассигн.).

Но не одно обезпеченіе житейскихъ потребностейъ Училищамъ побуждаетъ любителей просвѣщенія желать, чтобы положеніе ихъ было улучшено. Каждый наставникъ, если онъ и самъ не въ состояніи содѣйствовать къ усовершенствованію преподаваемой имъ Науки, обязанъ, по крайней мѣрѣ, знать то, что другіе дѣлаютъ къ распространенію оной (с. 68). Небреженіе по сей части низводитъ ученаго на степень простаго маспероваго. Между шѣмъ исполненіе сего требованія сопряжено съ покупкою книгъ, на что нужны деньги, и нерѣдко суммы немалозначашія. Захочетъ ли благотворное Правительство ошказать своимъ Профессорамъ въ удовлетвореніи таковой ихъ надобности? Баварское Правительство, говоритъ Г. Тиршъ, признало необходимость умножить доходы Училищъ, и обезпеченіе дальнѣйшей участи наставниковъ конечно уже не подлежитъ сомнѣнію (*).

(*) Вотъ его слова: „Indess aber ist schon viel gewonnen, dass man den Grundsatz (eine grössere Summe zu bewilligen) anerkannt und den ersten entscheidenden Schritt gethan hat. Denn zu einer Zeit, wo der Beginn einer neuen Regierung und die Ansichten, welche ihren Anordnungen zu Grunde liegen, für Hebung und Stärkung der öffentlichen

Но дабы Правительство опускало жалованье шокмо мужамъ, заслуживающимъ довѣріе онаго, для сего нужно, чшобы опредѣленію къ должности предшествовало испытаніе, по крайней мѣрѣ въ шомъ случаѣ, когда ищущій учительскаго званія еще не приобрѣлъ уваженія посредствомъ изданныхъ имъ сочиненій (с. 97 и д.).

Кому неизвѣстно однако, чшо одни познанія въ Наукахъ еще недосташочны, для занятія мѣста учительскаго? Нужно, чшобы посвящающій себя званію Учителя былъ знакомъ и со способомъ преподаванія (Lehrmethode). Для сего-шо полезно имѣть Педагогическій Институтъ, или по крайней мѣрѣ Филологическія и Богословскія Семинаріи, въ коихъ будущіе Учители могутъ бытъ пригшсовляемы къ должности (с. 90 и д.). Въ Королевствѣ Баварскомъ Университеты, Вирцбургскій и Ландсгутскій, во все не имѣють Филологическихъ Семинарій, а Эрлангенская Семинарія сего рода не соопвѣщшвовала своему назначенію. Въ самомъ Минхенѣ, извѣстный Филологъ Якобъ (F. Jacobs), а послѣ него я самъ, говоримъ

Lehranstalten die erfreulichsten Hoffnungen zu fassen berechtigen, darf man dem zweiten getrost entgegen sehen (с. 62).

Г. Тиршъ (с. 94), по мѣрѣ возможности спарались о довершеніи Филологическаго курса такихъ молодыхъ людей, которые, окончивъ Науки въ Лицеѣ, могли еще осмѣиваться въ сей столицѣ. Образовавшееся такимъ образомъ Общество признано нужнымъ, и существованіе онаго упрочено Правительствомъ уже въ 1812 году. По переводѣ Ландсгутскаго Университета въ Минхенъ, Институтъ сей сдѣлается уже излишнимъ; ибо Филологическая Семинарія нигдѣ лучше не можеть существовать, какъ при самомъ Университетѣ.

Осмѣивается еще изложить мысли Автора, касательно участія Учителей въ управленіи Училищемъ. Заботливость покойнаго Короля о благе учебныхъ заведеній, вспрѣвшила въ самомъ исполненіи своемъ такіа препятствія, которыхъ, наипаче въ послѣдніе годы его царствованія, прошивились развишію разныхъ общепользныхъ начинаній (с. 100). — Тамъ, гдѣ Монархъ самъ зашрудняется въ личномъ исполненіи всѣхъ благихъ видовъ своихъ, желательнаго, чтобы частныя заведенія были поручаемы попечительству столь же благоразумныхъ, опытныхъ и просвѣщенныхъ мужей, каковъ былъ Баронъ Минхгаузенъ въ Геттингенѣ.

Важнѣ всего однако то, чшобы канцелярскія формы не спѣсниали дѣйствиій Директора и не опнимали у него времени, драгоцѣннаго для пользы учебныхъ заведеній, и слѣдственно для пользы общед. *Ректоръ* въ *Училищѣ* долженъ бытъ полнымъ господиномъ, шакъ шочно, какъ *Учитель* въ *своемъ классѣ*. Полезны однако совѣщанія всѣхъ въ совокупности Учишелей, коль скоро дѣло идеть о значительномъ преступленіи ученика, объ исключеніи его изъ Училища.

Опъ *Училищѣ*, усшроенныхъ на шакоемъ основаніи, гдѣ Директоръ и Учишели заслуживающъ полное довѣріе и дѣйствительно пользующся онымъ, не нужно шребовашъ болѣе одного опчеша въ годъ (с. 103). Въ справедливости показаній и, вообще, въ благоустройствѣ учебныхъ заведеній, досташочно удосшовѣряться одинъ разъ въ каждые два года, шакъ однако, чшобы ревизоръ проживаль на мѣсцѣ визишации по двѣ или по шри недѣли, а не на лепу, не вскользь осмашриваль бы шѣ заведенія, конхъ честь и благососшояніе ввѣрены его надзору.

Преспанемъ же, — говоришь Авшоръ въ концѣ первой книжки, — преспанемъ же изьявляшь одну шокмо добрую волю, принимаешь мѣры нерѣшишельныя и недосша-

точныя, медлишь и сомнѣвались! Училища наши далеко еще опстоаяшь опъ того, чѣмъ они бышь должны. Дѣйствуйше! ибо ваше собственное спокойствіе, счастье дѣшей вашихъ и благо опечесства того пребуюшь! Но обратше вниманіе и на то, что для опредѣленія рѣшищельныхъ мѣръ къ обезпеченію будущаго состоянія Баварскихъ Училищъ должно имѣшь досташпочное число мужей, достшойныхъ довѣренности и уваженія. Доколь же благія предположенія ваши еще не во всѣхъ опношеніяхъ обезпечены, дополь и не помышляйше о новомъ постоянномъ успройсшвѣ, которое могло бы навсегда упрочить цвѣшущее состояніе учебныхъ заведеній; дополь всѣ принимаемыя вами мѣры могутъ бышь шокмо временныя, а не прочныя, не долговѣчныя (с. 102 и 381)..

О преподаваніи Закона Божія.

Сего, кажешся, было бы досташпочно для показанія, сколь важно сочиненіе Г. Тирна объ успройсшвѣ Училищъ. Но да будешъ мнѣ позволено присовокупить къ сему и другія еще выписки изъ прочихъ шрехъ опдѣленій объявляемой книги, за изданіе коей Авшоръ, конечно, и нашу заслуживаешъ признашельность.

Чѣмъ болѣе несомнѣнно, что Г. Тиршъ есть одинъ изъ первенствующихъ и доспойнѣйшихъ поборниковъ классической Лихерашуры, тѣмъ большее должно обратить вниманіе и на сужденія его о преподаваніи Закона Божія.

Мнѣніе его въ семь отношеніи можешь служишь осадкомъ для опредѣленія, какъ доспоинства всего сочиненія, такъ и пош степени довѣренности, которую можно имѣшь къ его словамъ.

Дитя, говоришь Г. Тиршъ (с. 106), начиная учись въ благоуспроенныхъ домахъ съ начала 6 года — до совершенія 8 лѣшняго возраста, въ семейственномъ кругу своемъ, или въ народномъ Училищѣ (Volksschule), можешь получишь познаніе о важнѣйшихъ предметахъ Христіанскаго ученія и о событіяхъ, излагаемыхъ Священною Исторіею на основаніи Ветхаго и Новаго Заваша. Въ продолженіе слѣдующихъ 4 лѣшь, которія учащійся долженъ провести въ приугошовительныхъ для Гимназіи классахъ (по нашему въ Уздномъ Училищѣ), познанія его въ сихъ же предметахъ усовершеншя (*).

(*) Прощешаншь, довершивъ сей курсъ, можешь бышь доущенъ къ приобщенію Св. Таинъ Христовыхъ.

Желательно, чтобы во всех классах Гимназии, одна и та же духовная особа учила Закону Божию. Если же это невозможно, то надежись каждому обучающему Священнику поручать по три класса.

Вѣра можешь и должна бышь основана совокупно на *ученіи* (Unterricht), на *исполненіи* правил оной (Uebung) и на самомъ *навыкѣ* (Gewohnung). Уже древніе нравоучители, во времена, когда между нравоученіемъ (Morallehre) и Богослуженіемъ или вѣроисповѣданіемъ, никакой почпи не было взаимной связи, вопрошали: *добродѣтель* есть ли *даръ природы*, или *познаніе*? Умѣйшіе мужи почитаютъ оную *нравственную способностію*, пребующею развитія и образованія (с. 110).

Въ семь-то развитіи союпоишь Христіанское нравоученіе. Исполненіе или приведеніе въ дѣйство сего ученія необходимо; каждое утро, каждый вечеръ, и каждый воскресный или праздничный день, подають къ тому поводъ, самый еспешвенный. Но поводомъ симъ должно пользоваться поспоинно, шакъ, чтобы исполненіе (совершеніе Богослуженія или молишвы) сдѣлалось *навыкомъ*, нравственною необходимостію души нашей и сердца. Набожность Англичанъ заслуживаетъ уваженіе; но нѣшь сомнѣнія,

что и въ семь отношеніи могушь встрѣ-
 питься крайности. Потому-то, продол-
 жая во всѣхъ классахъ Гимназіи ученіе За-
 кону Божію, а именно въ нижнихъ трехъ
 классахъ по чешыре, въ высшихъ же по 3
 часа въ недѣлю (*), должно наблюдать, что-
 бы не было повсюрюемо то, что ученикамъ
 уже совершенно извѣстно, ибо шакое
 ученіе было бы сопряжено съ упомишель-
 нымъ повсюреніемъ (с. 118). Въ трехъ выс-
 шихъ классахъ Гимназіи, юношамъ ошъ 15
 до 18 лѣтъ, должно уже читашь въ поддн-
 никъ шворенія Св. Опець (Злашоуста,
 Василя, Лакшанція, Августаина с. 119).
 Равномѣрно полезно бы было читашь съ
 ними въ подднникъ нѣкошорыя книги Св.
 Писанія, по крайней мѣрѣ Новаго Завѣша
 (Евангелія, Двѣнія Апостольскія, Посланія
 Св. Іоанна и Св. Павла). Наконецъ препода-
 ватель Закона Божія могъ бы довершишь
 курсъ ученія изложеніемъ Церковной Исто-
 ріи. Что же касается до Христіанскаго

(*) Принимая во вниманіе десятилѣтнее непрерыв-
 ное преподаваніе въ Училищахъ Закона Божія, ка-
 жется, что при упреннихъ и вечернихъ молишвахъ
 и при Богослуженіи въ воскресные и праздничные
 дни, досташочно было бы учишь оному въ низшихъ
 классахъ по шри, а въ высшихъ по два часа въ не-
 дѣлю.

правоученія, шо благоразумный насшавникъ, конечно, соединить оное съ Догмашикою (с. 120).“

О классическомъ ученіи.

Пространно и убѣдительно Авторъ разсуждаешъ о пользѣ и необходимости классическаго ученія. Гимнастика для ума столь же нужна, какъ и для шѣла. Безъ постояннаго упражненія нельзя ожидать ни умственнаго развитія, ни укрѣпленія шѣлесныхъ силъ. Не взирая на сію истину, случается слышать жалобы и весьма образованныхъ родителей о томъ, что дѣтей ихъ слишкомъ мучашъ въ школахъ. Нерѣдко они (и не безъ основанія) ссылающся на собственнѣйшій опытъ, помня, какъ шрудно для нихъ въ юности было ученіе, и сколь мало они успѣвали. Быть можешъ! однако виновны въ семъ не Классики, не языки древнихъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ, но худой способъ ученія и неудобства учебныхъ книгъ (143 и д.). Для усовершенствованія метода классическаго ученія, Г. Тиршъ, какъ уже сказано выше, показалъ необходимость Филологическихъ Семинарій при Университетахъ. Что же касается до учебныхъ книгъ, шо нынѣ въ семъ отношеніи (слава Всевышнему Просвѣщенію ума человеческого!)

наспало лучшее время. Новѣйшіе Сочини-
тели Грамматики открыли непроницаемы
для предшественниковъ ихъ шайны облег-
чашь изученіе древнихъ языковъ (*). Пе-
шарка плакаль, видя предъ собою руко-
пись Гомера, копорой онъ не могъ чи-
шашь, а въ наши дни вспрѣчающся роди-
тели, гошовые плакаль, что дѣши ихъ дол-
жны чашашь, или читають Гомера (с. 146).
Скорбь ихъ однако весьма часто неумѣшна.
Умъ нельзя уподоблять сосуду, копорый мо-
жешь вмѣшашь въ себѣ шокмо извѣшное
количешво, и копорый поршился онъ упо-
шребленія (с. 147). Изощреніе умшвенныхъ
способностей посредшвомъ Классиковъ по-
лезно и для дальнѣйшихъ успѣховъ въ Нау-
кахъ, коими юноша займешься въ Универси-
шѣ (149). Безъ классическаго сего развитія,
учащійся весь вѣкъ свой останешь недо-
рослемъ, и ни огромныя шепради, ниже ве-

(*) Г. Тиршъ самъ сочинилъ превосходную Грам-
матику Эллинскаго языка. Писатель сихъ строкъ,
въ отношеніи къ оной весьма помнишь словесное
свидѣшельство незабвеннаго ветерана классической
Литературы, *Фосса* (Joh. Heinr. Voss), копорый,
бесѣдуя съ нимъ въ Гейдельбергѣ о разныхъ пред-
метахъ Словесности и Археологій, признавалъ Грам-
матику Г. Тирша лучшею для чшенія и вырази-
нія Гомера.

лучайшее прилежаніе часпо не будущъ въ состояніи пособить ему. Даже самыя Машемашики сознаюся, что воспитанники хорошей Гимназіи, знакомые съ классическими Писателями, несравненно лучше успѣвають въ высшей Машемашикѣ, нежели шѣ, копорые съ дѣтства, въ особу на сей конецъ успроенныхъ Училищахъ (in den Realschulen) были именно для оной приуготовляемы (с. 150).

Для людей, полагающихъ, что можно бы довольствоваться изученіемъ одного Латинскаго языка, присовокупивъ къ тому одни лишь переводы Греческихъ Писателей, Г. Тиршъ приводитъ слова Горація, копорый самъ совѣдовалъ усердно заниматься Эллинскими сочиненіями, говоря:

Vos exemplaria Graeca

Nocturna versate manu, versate diurna;

переводы же никогда не въ состояніи выразить всѣхъ красотъ подлинника. По сему-то Авторъ нашъ и не совѣщаетъ много занимать юношей переведенными уже Классиками, копорыхъ чтеніе болѣе служитъ къ развлеченію, нежели къ полезному упражненію учащихся (с. 154).

Опытъ доказываетъ, что изученіе Греческаго (и Латинскаго) языка почишають

излишнимъ, и даже вреднымъ для дѣшей, шъ полько, кошорые сами онаго не знаютъ (с. 159). Впрочемъ шо несомнѣнно, что ученіе долѣжно начинашь съ Лашинскаго языка, а не съ Греческаго, или не съ обонхъ языковъ вмѣстѣ (с. 160).

Непризнающіе пользы для насъ въ Греческомъ языкѣ, да обращають вниманіе свое на шо, что Священныя книги, служащія основаніемъ Христіанскаго ученія, всѣ писаны на языкѣ Греческомъ. И если Молла, какого бы шо ни было Магомешанскаго народа, учишься языку Арабскому, шо не къ спыду ли нашему послужило бы шо, когда бы у насъ не умѣли чипашь по-Гречески (с. 163 и 165)? Езуишы, во всякое время, претовали изученія языковъ Греческаго и Лашинскаго, и случалось, что они сами защищали способъ классическаго ученія ошь нападений со стороны невѣжества и фанатизма (с. 165 и 190).

Къ шому же и творенія Св. Опцевъ и всѣ основанія догматической системы изложены на языкѣ Греческомъ (167) (*). Но, не

(*) Если уже Нѣмцы, Кашолики и Протестанты, не сомнѣваются въ необходимости знать Греческій языкъ; шо нужно ли добазывать пользу онаго исповѣдующимъ Вѣру Грекороссійскую?

менье Богослова, и Правовѣдецъ (*), Историкъ, Философъ, Врачъ и самый Естествоиспытатель имѣюшь нужду въ познаніи Греческаго языка, для совершеннаго постиженія своего предмета (с. 171 и 182).

(*) Говоря о необходимости Греческаго языка для Правовѣдца, да позволено мнѣ будетъ привести слова одного Нѣмецкаго Ученаго, которыя ясно доказываютъ, сколь тѣсная связь существуетъ между Юриспруденціею и Философіею.

„Die Zeiten einseitiger Sprachforschung und unhistorischer Betrachtung des Rechts sind vorüber: wer die Sprache, und wer das Recht der Römer verstehen will, muss das Leben des Volkes nach allen seinen Richtungen studiren. Dadurch wird dem Juristen die philologische Seite des Alterthums so wichtig, wie dem Philologen die juristische; jedes isolirte Streben auf der einen oder andern Seite kann nur unreife oder kleinliche Früchte tragen, und ist hoffentlich, seit Niebuhr und Savigny zusammenwirkten, für immer verschwunden.“

Такъ говоришь Енискій ученый *A. W. von Schröter* въ своемъ разсужденіи: *Uebersicht der vorzüglichsten, seit dem Jahre 1813, besonders durch Codices rescripti neuentdeckten Stücke der griechischen und römischen Literatur*, — которое напечатано въ Лейпцигскомъ Журналѣ: *Hermes, oder Kritisches Jahrbuch der Literatur*, 1826, — ч. XXV, с. 282. — И какой основательный Правовѣдецъ рѣшился бы, на пр., безъ знанія Греческаго языка судить объ источникахъ Коричей книги и ш. п.?

Приводя новыя доводы для подшверженія того, что Классики не только не вредяшъ Христіанству, но даже служатъ проводниками къ оному, Авшоръ (с. 184 и д.) сообщаетъ Инспрукцію, данную въ 1584 году Герцогомъ Баварскимъ, Вильгельмомъ, наставникамъ и воспиташелямъ сыновей своихъ. Это жалкій памятникъ фанатизма, неумвспнаго и пагубнаго для просвѣщенія, въ коемъ исчисляюща бѣльшею частію уже забышыя Писашеля (*), могущіе яко бы замвнишь чшеніе *идолопоклонниковъ*, Ливія, Саллустія, Цицерона, Виргилія, Теренція и Горація. Къ сей Инспрукціи, которая, къ счастью, не имвля никакого вліянія на Баварскія Училища, Г. Тиршь присовокупляеть и замвчанія на оную Г. Тайнаго Соввщика Веспенридера (v. Westenrieder):

„Одно только совершенное незнаніе классическихъ Писашелей,“ говоритъ Г. Веспенридеръ: „(и можно бы прибавишь, неуввренокшь въ силъ Христіанскаго ученія), въ соспоянніи родишь въ комъ либо мысль, что Христіанинъ ошъ чшенія оныхъ можешь приспрасишься къ идолопоклонству.“

(*) Jovius, Sodoletus, Pombus (Cardin. Bembo), Osorius, Prudentius, Vieta (M. Hier. Vida, Cremonensis), Sanazarius (Sanazaro), Mantuanus (с. 186).

Еще въ наши дни существовали просвѣщенные мужи и дамы, которые надѣялись, что такъ называемое *или* Христианство, со временемъ истребишь всѣ слѣды соблазнительныхъ идолопоклонниковъ и ихъ Писателей (с. 190 и д.). Ошь Гомера до Ноюса, ошь Геродота до Плутарха, ошь Эния до Клавдіана, всѣ безъ изьяшя древніе Писатели, по убѣжденію ихъ, *нечестивы* (с. 192). Такъ ли разсуждали испинные Христиане, первые послѣдователи Спасителя? — Пусшь Св. Кирилль, пусшь Лепрарка, Фелонъ, Геллершь, Клопшпокъ, и всѣ великіе гении среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ училишь современниковъ въ несправедливой ихъ боязни! Плоды ошвращения ошь Классиковъ, — жалосные примѣры слабоумія, — къ несчастію, не разъ уже раждали въ насъ сосраданіе, и Авшоръ (на с. 183 и д.) расказывашь одинъ шаковый примѣръ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

К Р И Т И К А

П и с ь м о в ь К р ы м ь .

Предъ опъвѣдомъ, шы далъ мнѣ прехлопошливое порученіе — увѣдомляшь шебя обо всѣхъ новыхъ піесахъ, игранныхъ на здѣшнемъ Театрѣ, или напечатанныхъ въ здѣшней сподицѣ. Знаю швою спрасшь къ Театру, знаю, что въ бышность швою здѣсь, шы не пропускаль ни одного предсшавленія, опъ Трагедій Корнеля, Расина и Озерова, до Французскихъ мелодрамъ, превращенныхъ въ Оперы; но и шы долженъ былъ шакже знашь мою непреодолимую лѣнь, *il dolce mio far niente*, по которой я, въ силу Русской поговорки, *видѣль не видалъ, слышалъ не слышалъ*. Не дивись же, что я шебѣ ни спроки еще не написалъ обо всѣхъ игранныхъ здѣсь въ минувшій мясоѣдь оригинальныхъ и переводныхъ піесахъ: лѣнь меня одоляла, и она же нашепшываешъ мнѣ, что шы не получаешъ Пешербургскихъ афишь, и слѣдовашельно не спанешъ шребовашъ опъ меня опчеша, почему я не писалъ къ шебѣ о шакомъ-шо спектаклѣ, о шакой-шо піесѣ. Но шеперь вижу, что мнѣ вовсе не опшмод-

чашься: шы, можешь бышь, просмашриваешь, ради скуки, Русскій Инвалидъ, и можешь бышь, въ 41 и 42 Но прочель о появленіи на свѣсь Расинова *Баязета*, переведеннаго Г. Олинъмь. Если жь нѣшь, шо я на всякій случай, хочу предупредить бѣду и заклясь шьои выговоры и укоризны. Въ ушѣшеніе себѣ полагаю, чшо до шебя не дошли еще помянушыя Но Р. И., и приступаю къ дѣлу.

Въ Смѣси 41-го Но сей Газеты, помещена была слѣдующая спашья:

„Баязешь естѣ одна изъ лучшихъ Трагедій безсмертнаго Расина. Онъ самъ vybrалъ сей предметъ. Турецкіе нравы намъ знакомы очень мало; мы имѣемъ съ симъ народомъ связи шолько шорговья; ихъ презрительное обращеніе съ Европейцами, коихъ они чуждаются, боясь осквернишься, дѣлаюшь для насъ внушрренность ихъ дошювь недосшупною. Но мы знаемъ кровавую полишику Серальскую, слѣное рабшво заключеннаго въ шѣнахъ его многочисленнаго народа, спрасши Сулшаншь, кои выражаюшь онѣ кинжалами; онѣ всегда гошовы сдѣлашься жершвою, или спашьсь убійшвомъ: ибо мечъ всегда виситъ на волоскѣ надъ ихъ головою; знаемъ хакшерь и выгоды Визирей, кошорые, же-

„лая ускользнушь ошь роковой пепли, каж-
 „дую минушу гошovy возбудишь мяшежныхъ
 „Янычаръ прошивъ ихъ Повелишедя. Такой
 „предмешъ былъ доспоинъ шворца Бриша-
 „ника. Баязешъ увѣнчалъ Расина новыми,
 „неувядающими лаврами.“

Признаюсь, мой другъ, что прочитавъ
 эшу Вавилонскую *амплификацію*, я поди-
 вился новой нашей *журналистикъ* (*), со-
 споящей въ помъ, чшобы писашь, не спра-
 вясь ни съ чѣмъ, и шакъ сказашь, на угадъ.
 — Чшо значишь, напрымвръ, эшо амфигу-
 рическое выраженіе: „онъ самъ выбралъ сей
 предмешъ?“ Развъ Бришанникъ, Федра, Иѣн-
 генія и пр. и пр., писаны Расиномъ по за-
 казу? Какія доказашельсшва на эшо имѣешъ
 Г. Сочинишель спашьи? Кшо эши *мы*, ко-
 шорые имѣюшъ съ Турками связи *только*
 шорговья? Сочинишель вѣрно не подумалъ,
 о комъ говоришь. Каковы шебъ кажушся
страсти Султаншъ, кои выражаютъ онѣ
кинжалами? „Онъ“ — продолжаешъ Сочини-
 шель — „*всегда готовы сдѣлаться жертвою,*
или спастись убійствомъ.“ Много ли Сочини-
 шель насчиташешъ шакихъ убійшвъ въ
 цѣлой Турецкой Испоріи? Если бъ онъ по-

(*) Прости мнѣ и эшо длинное опшшуленіе, и
 эшо Телеграфское выраженіе.

прилежнѣ прочель шо, что путешественники, особливо женщины, коимъ удавалось проникать во внутренность гарема, рассказываютъ о Султаншахъ Турецкихъ, шо онъ бы узналъ, что *многочисленный народъ, заключенный въ стѣнахъ сераля*, есть, хотя и по неволѣ, весьма мирный; ибо у него ошняшы все способы сношеній внѣшнихъ, и суровость грубаго евнуха грозилъ ему гораздо больше и чаще, нежели *мечь*, кошорый Сочинителю угодно было *повѣсить на волоскъ* надъ головою Султаншъ. Но оставимъ прелестныхъ Одамыкъ выражать свои спрасши въ чешырехъ спѣвахъ, и обратимся къ переводу Баязеша.

„Два отличные наши опечесшвенные „Поэша (продолжаетъ Сочинитель спашыи, помѣщен. въ Р. И.), П. А. Капенинъ и В. „А. (*) Олинъ, перевели на Русскій сію „Трагедію: оба — шесписшопными спиха- „ми съ ршемами. Я имѣлъ случай слышать „сіи два перевода, чшпанные и сличенные „дѣйствіе за дѣйствіемъ. Очень видно было, „что Г. Капенинъ долѣ обрабошывалъ свои „спихи, опъ шого, *въ цѣломъ* его пере-

---

(*) Вѣрно опечашка; ибо даже на оберткѣ Трагедіи *Баязешъ*, посшавлено: „перевелъ съ Французскаго В. Н. Олинъ.“

„водъ лучше; у Г. Олина неисправность
 „риемъ, нѣсколько спранныхъ выраженій,
 „доказывающъ, что онъ поропился и не
 „далъ себѣ времени довеспи свои стихи до
 „того степени (*) совершенства, которое
 „составляетъ неотъемлемую принадлеж-
 „ность всѣхъ его стихотвореній (**). Со
 „всѣмъ шѣмъ, были многія мѣста и даже
 „сцены, гдѣ стихи Г. Олина, не только
 „живѣе, опрятнѣе, пламеннѣе, но и гораздо
 „вѣрнѣе, гораздо ближе къ подлиннику.

(*) Въ 29 Но Сѣв. Пч. вывѣшняго года, помѣще-
 но любопытное письмо къ Издашелямъ, о родѣ нѣ-
 которыхъ собщвенныхъ именъ Русскаго языка, кон-
 чащихся на букву ъ. Здѣсь видимъ, что Сочинитель
 спашы, помѣщенной въ Р. И., затруднился даже,
 въ какомъ родѣ поставишь нарицаш. имя *степень*,
 и пошому, какъ видно, держась во всемъ *середины*,
 поставилъ эшо имя въ *среднемъ* родѣ. „*До того сте-*
пени, которое,“ и пр. явно показываешъ, что онъ
 относитъ сіе слово къ роду среднему. Сіе имя упо-
 треблялось въстарину въ мужескомъ родѣ, но споръ
 объ оношъ давно уже конченъ, и шеперь даже въ
 приходскихъ школахъ склоняющъ его: *степень, сте-*
пени, степеню, слѣд. въ жен. родѣ.

(**) Мнѣ случалось однако жъ, читашъ нѣкоторыя
 стихотворенія Г. Олина, въ коихъ *совершенство* не
 составляетъ *неотъемлемой принадлежности*. Нѣшъ
 правила безъ исключенія.

„Предлагаемъ здѣсь нѣсколько Французскихъ
„отрывковъ, и печатаемъ ихъ рядомъ съ
„Русскими; пусть читатели сравнивають,
„судящъ и заключають.“

Сравнивать, судить и заключать по-
гда, какъ главный вопросъ идееть не о бли-
зости стиховъ Г. Олина къ подлиннику,
а о томъ, что они *живые, обратные, пла-*
менныя стиховъ Г. Капенина, читатели
конечно не рѣшатся, по самой простой
причинѣ: Г. Капенинъ не напечаталъ еще
своего перевода, а можно положить почти
навѣрное, что $\frac{99}{100}$ изъ числа читателей Р.
Иванова *не имѣли случая слышать си-*
два перевода, читанные и сличенные дѣй-
ствие за дѣйствиемъ; какъ хвалился шѣмъ
Г. Сочинитель спашь. Читателямъ ос-
тается только одно: сличить переводъ Г.
Олина съ подлинникомъ Расиновымъ, и не
на вѣру выписокъ, помѣщенныхъ въ Р. И.,
а взявъ подлинникъ и переводъ вполнѣ. —
Знаю, что ты никогда не разлучаешься съ
Расиномъ, однимъ изъ любимыхъ твоихъ
Поэтовъ; переводъ Г. Олина получишь ты
по тяжелой почтѣ, и тогда можешь на сво-
бодѣ сличать и сравнивать стихи Г. Оли-
на съ стихами Расина; но знаю также
твою неперпѣливостъ и охоту къ вопро-
самъ: такъ ли? какъ? и почему? Для удо-

влепворенія первой и въ упрежденіе послѣднихъ, спѣшу тебѣ сообщить нѣкоторыя мои замѣчанія.

Уже и въ выпискахъ, напечатанныхъ въ Р. И., какъ бы въ образецъ живописи, опрятности, вѣрности и близости къ подлиннику, находящаяся такія мѣста, кошорыя, на перекоръ Сочинишелоу спашьи, доказываютъ совсѣмъ шому прошивное. У Расина, напр., Осминъ говоритъ :

„Et depuis quand, Seigneur, entre-t-on dans ces lieux,
Dont l'accès était même interdit à nos yeux ?“

У Г. Олина :

„Давно ль позволено въ мѣста сія входить,
Мѣста, на кои мы и взоровъ не спремилъ ?“

Не стремить взоровъ на гаремъ могли бы Турки и по своей волѣ. У Расина сказано, что имъ *запрещено* было смолрѣшь на оныя.

Въ подлинникъ, Акомашъ говоритъ Осмину :

„Que ton retour tardait à mon impatience !
Et que d'un oeil content je te vois dans Byzance !“

У Г. Олина :

„Какъ жадно здѣсь тебя мои искали взоры !
Съ какимъ веселіемъ и радостью въ очахъ
Встрѣчаю я тебя Визаншю въ спѣнахъ ?“

Если вѣрность и близость перевода соотношъ въ шомъ, чшобы мысль Авшора расшянушь и переполнишь ненужными

вставками лишнихъ словъ; но конечно въ прехъ стихахъ Г. Одина заключается смыслъ двухъ стиховъ Расиновыхъ. Но выикнемъ поприжезнѣ, шакъ ли онъ выражень? Расиновъ Акомашъ, не забывая, что онъ Визирь, ни сколько не измѣняешъ въ рѣчахъ своихъ съ наперникомъ общему характеру Турецкихъ вельможъ — надменности. Вошь, въ близкомъ по возможности переводѣ прозою, слова его къ Осмину: „Съ какимъ непер-, пѣнемъ я ждалъ своего возвраша, и ка-, кимъ довольнымъ окомъ вижу тебя въ Ви-, заншии.“ Тупшъ нѣшъ спрашнаго, можно сказашь, выраженія: *взоры мои жадно тебя искали, нѣшъ плеоназма веселія и радости:* шупшъ Визирь говоришъ, какъ Визирь, съ шайнымъ своимъ клеврешомъ, а не какъ сладкорѣчивый любовникъ. Далѣе:

„Instruis-moi des secrets que peut t'avoir appris.
Un voyage si long, pour moi seul entrepris.
De ce qu'ont vu tes yeux parle en témoin sincère;
Songe que du récit, Osmin, que tu vas faire,
Dépendent les destins de l'empire Ottoman.“

Вошь какъ переведено въпо мѣсто Г. Одинымъ:

„Ошрой же шайны мнѣ, что хипро подъ рукою,
Ты въ пушешестви, предпринимаешъ шобою,
Тюей ко мнѣ, о другъ! преданности въ залогъ,
Проникнушь наконецъ и вывѣдашь шы могъ.
Что зрѣлъ, что слышалъ шы, въщай чистосердечно;

Опъ словъ швоихъ, Осминъ, повѣрь ты мнѣ, конечно
Зависитъ вся судьба державы Ошшоманъ.

И здѣсь пять стиховъ подлинника вни-
заны въ семь стиховъ Русскихъ, и внизаны
неудачно и вовсе не близко. Въ доказатель-
ство, посшараемся опяшь, какъ можно бли-
же (не нарушая однако жъ правилъ Русска-
го языка), перевести это мѣсто прозою :
„Извѣсти меня о шайнахъ, которыя могли
„дойти до швоего свѣдѣнiя въ семь долго-
„временномъ пушешествiи, предприняшомъ
„для одного меня. О томъ, что видѣлъ сво-
„ими глазами, говори, какъ чисшосердечный
„свидѣтель. Подумай, что опъ рассказовъ
„швоихъ, Осминъ, зависитъ судьба Ошшо-
„манской Имперiи.“ Выраженiе: *хитро подъ
рукою*, и весь стихъ: *твоей ко мнѣ, о другъ,
преданности въ залогъ*, принадлежатъ Г.
Олину; вмѣсто того, чтобы дополнишь
ими мысль Авшора, онъ шолько расшянулъ
ее и ослабилъ. Но какъ же Г. Сочинитель
спашь о переводѣ Баязеша рѣшился вы-
давать шакiе стихи за образчикъ вѣрности
и близости къ подлиннику? Какъ не замѣ-
шилъ онъ этого спраннаго повшоренiя, въ
одномъ и томъ же предложенiи, мѣспомме-
нiя *ты*: „Ты въ пушешествiи... вывѣдашь
ты могъ?“ Наконецъ, стихъ :

„Опъ словъ швоихъ, Осминъ, повѣрь ты мнѣ, конечно“

Совсѣмъ не то, что стихъ подлинника:
 „*Songe, que du récit, Osmin, que tu vas faire.*“

Раскиновъ Акомашъ не считаешь за
 нужное говорить Осмину шакія оговорки:
*повбрь ты мнѣ, конечно; онъ вовсе не счи-
 таетъ, чтобъ опъ словъ Осминовыхъ за-
 висѣла судьба Оттоманской державы; ибо,
 судя по стихамъ Г. Олина, можно подумать,
 что Осминъ имѣлъ неограниченную
 власть надъ сею державою. Въ подлинникъ,
 Акомашъ говоритъ наспояпельно: „поду-
 май, что опъ расказа швоего зависишь
 „судьба Имперіи;“ а это значить, что, со-
 ображаясь съ рассказомъ Осминовымъ, Ако-
 машъ и сообщники его должны были дѣй-
 ствовашъ. Конечно, поставлено въ Русскомъ
 стихѣ явно для рѣшмы, и шѣмъ хуже, что
 слишкомъ явно.*

Слѣдующіе два стиха:

„*Assurat est content, si nous le voulons croire,
 Et semblait se promettre une heureuse victoire...*“

Переведены загадочно:

„*Пришворно онъ, Султанъ, доволенъ горделивой,
 И, мнилось, льстилъ себя побѣдою счастливой.*“

Здѣсь опять слово *Султанъ*, поставле-
 но для наполненія полустршшя, а *гордели-
 вой* для рѣшмы къ послѣдующему стиху.

Замѣшимъ мимоходомъ, что въ 42 Но
 Р. И., предъ выписками изъ Баязеша Раски-

нова съ переводомъ Г. Олина, сказано: „Же-
 „лая еще болѣе доказашь, что Русскій пе-
 „реводъ Г. Олина можно, *безъ стыда*, по-
 „спавишь подлѣ Французскаго подлинника,
 „и пр.“ Можно, конечно; смѣлымъ Богъ
 владѣешь! Но какъ *безъ стыда* спавишь
 подлѣ прекрасныхъ стиховъ Расиновыхъ:

„Quoi! tu crois, cher Osmin, que ta gloire passée
 Flatte encor leur valeur et vit dans leur pensée?“

Сии стихи перевода:

„Какъ! другъ Осминъ! шы мнишь, что Акомаша слава,
 Льстя духу ихъ, хранишь еще на память право?“

Особливо послѣдній, кошорый шакъ
 живо напоминаешъ ошвѣшь Улисса въ *Дем-
 дамн* Тредьяковскаго, усшупая впрочемъ
 сему послѣднему въ благозвучіи:

„Въ Авлидѣ, содержа надъ войскомъ власши право.“

Средина сего явленія весьма ошпорож-
 но выпущена Сочинишелемъ спашьи; онъ
 зналъ, что у него не спало бы силъ ква-
 лишь и сравнивашъ съ стихами Расиновы-
 ми шакіе, каковы слѣдующіе:

„Хоть не-хотя они яремъ его несуть....

. . . . . Сей рабъ сюда явился,

Намъ подаль фирманъ, и — ни съ чѣмъ онъ возвра-
 шился.

. . . . . Юная Роксана

Гаремскимъ красотамъ *къ всѣмъ* предпочтена;

И даже, Государь, хошѣлъ онъ, чтошбъ она

Еще до сына, что прешаешь законы наши,
Священнымъ именемъ украсилась Султанши.“

Онъ зналъ, что желая завѣришь чиша-
щелей въ вѣрности и близости къ подлин-
нику многихъ мѣсць сего перевода, нельзя
выспавишь стиховъ, гдѣ мысль Авшора
выражена совсѣмъ инымъ и весьма стран-
нымъ образомъ. Такихъ стиховъ довольно
въ семь явленіи; вошь изъ нихъ нѣкошорые:
сличимъ ихъ съ подлинникомъ.

„Таъ, рѣдо между ихъ брашь брашьевъ ошавляешъ
Вкушаешь опасну чешъ породы славной шой,
Что слишкомъ близишь ихъ къ чалмъ его златой.“

Золотая чалма Турецкихъ Султановъ!
Неужли Расинъ сдѣлалъ пакою грубую ошиб-
ку? Посмотримъ:

„Le frère rarement laisse jouir ses frères
De l'honneur dangereux d'être sortis d'un sang
Qui les a de trop près approchés de son rang.“

Видимъ, что Расинъ ни для риѣмы, ни
для другой какой причины, не нарушилъ
здѣсь правдоподобія, и даже о чалмѣ не ска-
залъ ни слова.

„И быть благовольтъ участницей въ ихъ шайнѣ.“

У Расина, Акомашъ говоришь, что
Ашалида,
„... Veut bien, sous son nom, qu'il aime la sultane.“

Въ письменномъ слогу, Французское вы-
раженіе: *veuillez bien*, принимается у насъ

иногда какъ: *благоволите*. Такъ вѣрно и здѣсь понялъ его Г. Переводчикъ. Эша вѣликая выходка Акомашова опять напоминаетъ одно мѣсто въ *Деидамии* Тредьяковскаго, а именно, учтивости Царя Вулевполема къ Царю Улиссу:

„Гость вождельный нашъ! *прошу принять за благо*
„Здѣсь съешь и ошдохнуть съ пуши по морю злаго.“

„И наконецъ, о другъ! чшобъ *выиграть* меня,
Въ супруги мнѣ ошъ нихъ обѣщана она.“

У насъ говоришся: *выиграть время*, *выиграть сраженіе*, *выиграть тѣлбу*; но какъ *выиграть челоуѣка*?... Эшо выраженіе и неупотребительно, и спранно; даже если бъ и можно было себѣ его позволяшь, шо развѣ въ *Комедии*. Иные могушь подумашъ, чшо эшо переводъ не въ шомъ смыслѣ приняшаго глагола *gagner*; но въ подданикъ и шого нѣтъ:

„Cependant, cher Osmin, pour *s'appuyer* de moi,
L'un et l'autre ont promis Atalide à ma foi.“

Не думай, чшобы я нарочно выбралъ самое слабое явленіе изъ *Трагедии*: прочши ее всю — и увидишь, чшо я не имѣлъ нужды выбирать. Напрошивъ, я думалъ, чшо Г. Переводчикъ, со всѣмъ своимъ слѣхомъ, о кошоромъ онъ говоришь намъ въ своемъ предувѣдомленіи, посшарался по крайней мѣрѣ начало своего перевода обработашъ

получше; ибо и въ Словесности, какъ и въ другихъ дѣлахъ, многіе стараются *продать товаръ лицомъ*, и для того выказываютъ сперва лучшую его сторону. Послѣ сего, ты вѣрно не пошребуешь, чшобы я сдѣлалъ разборъ цѣлаго перевода и стихъ за стихомъ сличилъ его съ подлинникомъ: это былъ бы прудъ упоминательный для меня и бесполезный для тебя, и для тѣхъ, кому ты прочтешь мое письмо. Скажу тебѣ откровенно, что хотя Г. Редакторъ Р. И. и почелъ за нужное извѣстить своихъ читателей, что „Г. Олинъ весьма много исправилъ свой „переводъ, и что почти всѣ странныя выраженія исчезли и замѣнены хорошими стихами;“ но стихъ *хорошихъ стиховъ* очень мало, а *странныхъ выраженій* осталось еще очень много. Замѣчу тебѣ нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ. Во-первыхъ, тебѣ вѣрно бросишь въ глаза присрасіе къ нѣкоторымъ словамъ и оборотамъ, которые не должны бѣ были имѣть мѣсто въ Трагедіи: шаковъ, напр., употребляемый нѣкоторыми лирическими нашими Стихотворцами оборотъ *онъ*, вмѣстѣ съ именемъ того лица, къ которому относится сіе мѣстоименіе. Въ переводѣ Г. Олина встрѣчается онъ довольно часто:

„Чѣмъ былъ онъ *Солманъ*, и сколь ничтоженъ я...
 Меня, ты знаешь самъ, онъ любилъ, *Амуратъ*...
 Она смягчилась, *Роксана*, вѣроятно...
 Онъ смертію дышалъ, *Роксаны* гнѣвъ безвѣрный...
 Онъ должепъ, *Балзетъ*, явисься предъ народомъ...
 Просишь меня возмогъ подобно ей, *Роксанъ*...
 Такъ, шагъ, сомнѣнья нѣтъ, онъ хочетъ *Амуратъ*...
 И дай мнѣ знашь, когда онъ сгубнешъ, *Балзетъ*...
 Ахъ! гдѣ онъ, *Балзетъ*? Мнѣ гдѣ его найши?“

Глаголы: *сгубить, сгубнуть, сжертво-*
вать, также очень часто являющія здѣсь
 въ разныхъ наклоненіяхъ, временахъ и ли-
 цахъ:

„Спѣшишь ужъ, чшобъ *сгубить* намъ дни его безцѣнны...
 Или *сгуби* меня, вошь жертва предъ шобой...
 Васъ *сгубить*, вѣрь, мое къ тебѣ расположенье...
 Чшо коль мой жизни цвѣтъ рѣшилась я *сгубить*...
 Нельзя коль минушь ей безъ моего *сгубленья*...
 Но безъ меня *сгубить* жизнь Принца невозможно...
 Пойдемъ, и быстрый мигъ не *сгубимъ* въ гнѣвъ спра-
 стнонъ...“

Пусть узришь онъ, какъ я *сгубить* его горю...
 Къ шому жъ, я должепъ былъ нль самъ себѣ *сгубить*...
 А я, чшобъ не *сгубить* намъ часть еще досужной...
 Но я, возлюбленный! я — я себя *сгубила*!
 И не *сгубила* я любовника съ собой...
 Ей съ умысломъ служилъ, *сгубить* ее желая...
 Иль хочешь видѣшь самъ, какъ *сгубнетъ* Балзетъ...
 И дай мнѣ знашь, когда онъ *сгубнетъ*, Балзетъ...
 Хочу узрѣшь его, нль *сгубнуть* съ нимъ поспѣшно...
 Гошова *сжертвовать* любовью мнѣ своей...

Я сжертвовала имъ!.... Чему жъ дивишься ты?....
Когда онъ былъ готовъ имъ сжертвовать собой....

Въ одномъ явленіи (1-мъ вшорога дѣйств.), два
раза на одной страницѣ встрѣчается эпи-
шетъ: *боевой*, *кошорымъ*, не знаю въ ка-
кую силу, недавно вздумали у насъ замѣнить
выраженія: *ратный*, *бранный*, *военный*:

Миръ приводившихъ въ страхъ для лавровъ *боевыхъ*...
Родось, громившій насъ въ ошпорахъ *боевыхъ*....“

Боевые лавры и боевые отпоры! чего лю-
ди не выдумаютъ!

Судшанское знамя, или хоругвь Маго-
мешова, названа *штандартомъ*:

„Во имя Принца пусть несутъ *штандартъ* священный,
Бѣдь государственныхъ *сигналь* обыкновенный....“

Сераль еще молчишь, *штандартъ* не развивая....“

Не доспавало только, чтобы Байрак-
шара назвашь *штандартъ* - *юнкеромъ*!

Нѣкошорыя слова поставлены въ спи-
хахъ прошивъ своего ударенія:

„Предсшашь имъ *Сераль* законъ ее спршишь....“

Иди. Изъ *Сераль* исходи да заградишься....“

Присяга жъ съ *Сераль* въ прииѣрь другимъ начнешь....“

Любила *уже* я... и, ахъ! была любима....“

Что солнца *уже* Принцъ не узришь захожденья....“

Много естъ вшавокъ и добавокъ для на-
полненія спиха; во многихъ мѣсшахъ Г. Пе-
реводчикъ, для спиха же, сжертвовалъ плав-
носшію словошеченія, и переспавлялъ слова,

какъ ему заблаго разсудилось. Вотъ ико-
рые примѣры того и другаго:

Уже чрезъ происки я въ споронѣ швоей
Склонилъ *служителей Пророка алтарей...*
И пущь народу Принцъ покажеть наконецъ
Чело свое, *носить достойное вѣнецъ...*
Захочешъ поздно ты, *въ свомъ чтобъ склонный стѣни*
Принять его, народъ подъялъ на бунтъ знамени...
Извѣдашь спрасъ его сама хошѣла я
И Принца въ *мой* чертогъ вводила *предъ себя...*
Когда всего, бабъ я, не сдѣлаешъ мнѣ онъ...
Султанша, юноши довольная вниманьемъ,
Насъ легковѣрностью заставила своей
Ошибкой собственной дашь насладиться ей...
Толпы рабовъ, *дворца въ стѣнахъ сихъ заключенныхъ...*
Всшупи жъ опяшь, шебъ въ ничтожество обычно!..

Какимъ жалкимъ образомъ въ этомъ
вѣломъ сшихъ подавленъ превосходный сшихъ
Расина! Оскорбленная опказомъ Роксана,
говоришь Баязешу:

Rentre dans le néant, dont je t'ai fait sortir!

Много словъ и выраженій низкихъ и во-
все неприличныхъ Трагедіи; Ашалида спра-
шиваешъ шо у Фашимы (Заиры подлинника),
шо у Акомаша:

Онъ женился ль, вѣщай?...

Онъ женился ль, скажи?...

и послѣ говоришь своей наперсницѣ:

Какъ! мнѣ *на свадьбу къ* идши въ поскѣ моей?...
Ты зришь, все кончено: *онъ женится на ней!*

Роксана говоришь, вмѣсто Раснинова:
Faisons tiéux,
 ....Послушимъ же *хитрѣй...*“

Пошомъ, въ слѣдующемъ явленіи, оп-
 даешь Фашимъ шакой приказъ:

„Въги, стремись: пускай измѣнника изловяшь;
 Нымые пушь сей часъ свурокъ свой пригошовашь.

Баязешъ говоришь Роксанъ:

„Однако жъ ты скажи, *по совѣсти правдой!!*“

и въ этомъ же явленіи, гдѣ раздраженная
 новыми опказами Сулшанша посылаетъ
 его на смерть, употребленное Расиномъ сло-
 во: *sorte*, заглушено въ переводѣ словомъ:
поди.

Много есть стиховъ похожихъ на ско-
 роговорки, иногда даже и на загадки.

„Такъ, все я опъ себя *имѣю*, и ты права....

Судьею будешь намъ *труба молвы геройской...*

Какая цѣль *ея?* и я, а не она....

Рожденный средь *песковъ гернѣйшихъ Африканъ...*

Ахъ! *возвратись скорѣй, удвой полеть шаговъ...*

Что рабъ изъ спана *въ градъ съ закатомъ прибыль днѣ...*

Любимъ онъ *ею* и — еще есть время намъ....

....Какъ другъ

Такого Визира, *кипишь въ кошоромъ духъ (?)...*

Не *мнишь ли скрышь во лжи, скажи*, предашель злой ..

Не *отпывался (?)* до грозной шой минушы....

Но, *тщетнымъ симъ рѣчамъ поло-*
жимъ мы конецъ, скажу я стихомъ Г. Пе-
 реводчика, и заключу сіи часшныя замѣча-

нѣя общимъ. Кромѣ содержанія, въ переводѣ Г. Олина нѣшь и шѣни Трагедіи Расиновой: стихи вялы, рѣшмы нехороши, и часто, какъ весьма остроумно замѣчаешь Сочинитель спашьи, помѣщенной въ Р. И., *составъ не рѣшмы*. Мысли Поэта или ослаблены, или вовсе уничтожены; въ замѣнъ ихъ, есть такія прибавки, кошорыхъ Расинъ, будучи и Поэшь и человекъ ученый, вѣрно бы ужаснулся. Такимъ образомъ, кромѣ упомянутой мною *золотой чалмы*, ты найдешь еще

Выпвъ славныхъ Ошшожановъ,
Родоначальниковъ *Калкфовъ* (!) и Сулшановъ.

Вообще языкъ разговора, обороты рѣчи, выборъ словъ и выраженій, болѣе приличны Комедіи, нежели Трагедіи. Изъ удачныхъ же стиховъ я нахожу только одинъ, весьма близко выражающій мысль Расинову:
Раба жестокая рабы безчеловѣчвой...
Dupe esclave barbare esclave impitoyable.

Но ты скоро самъ прочтешь сей переводъ; желаю тебѣ болѣе моего успѣха въ ошисканіи шѣхъ *живыхъ, опрятныхъ, пламенныхъ, достойныхъ Расина* стиховъ, кои обыцаешь читателямъ сей Трагедіи Сочинитель спашьи, помѣщенной въ Инвалидъ. Если успѣешь въ томъ, порадуй и меня своею находкой; а до шѣхъ поръ — прощай!

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Л о р д ь К о к р е н ь .

Отецъ Лорда Томаса Кокрена, Графъ Дундональдъ, подобно знаменишому некогда Маркизу Ворчестеру, посвятилъ жизнь свою доспихвальнымъ предпріятіямъ и полезнымъ изобрѣшеніямъ. Мать его была дочь опшичнаго флотскаго Капитана Джилкриспа. Онъ родился 27 Декабря 1775 года и получивъ хорошее воспитаніе, переданъ былъ дальнѣйшему руководству дяди и крестнаго отца своего, Адмирала Александра Кокрена. Прослуживъ Мичманомъ въ Америкѣ и Бискайскомъ заливѣ, онъ произведенъ былъ въ Лейтенанта, и мало по малу дослужился до Капитанскаго чина. Въ первомъ сраженіи былъ онъ въ 1801 году на высотѣ Барселонской, гдѣ онъ напалъ на Испанскую бригадину, Эль-Камо, схватился съ нею и взялъ ее. Въ теченіе сего же года завоевалъ онъ еще 32 корабля. Вскорѣ потомъ онъ получилъ чинъ Поспъ-Капитана и поднялъ флагъ свой на 32 пушечномъ фрегатѣ Палладъ. Съ симъ кораблемъ онъ напалъ на при

Французскія судна о 18, 22 и 24 пушкахъ и принудилъ ихъ съссть на мель. Въ Маѣ 1806 года сдѣлалъ онъ, съ ошрядомъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, высадку на берегъ Франціи и разрушилъ шамъ множеству обсерваціонныхъ постовъ; спустя нѣсколько дней пошомъ, Паллада напала на Французскій фрегатъ и овладѣла имъ. Послѣ шакой успѣшной крейсировки, онъ въ шомъ же году возвратился въ Плимутъ, и узналъ о приглашеніи избирашелей въ Гонимонъ, копорые искали богашаго и знашлаго кандидата, желающаго бышь представителемъ ихъ мѣстечка въ Парламентъ. Онъ поспѣшилъ въ Гонимонъ и предложилъ свои услуги, однако же не былъ избранъ. Сіе не воспрепятствовало ему, когда Парламентъ разошелся по причинѣ смерти Пишша, снова явиться въ Гонимонъ, гдѣ онъ на сей разъ достигъ желанной цѣли. Однако же новый Парламентъ почти въ шо же время былъ распущенъ; шогда онъ вписалъ свое имя въ списокъ Весшминстерскихъ кандидатовъ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе публики, и былъ избранъ вмѣстѣ съ Франсисомъ Бордешомъ. Въ шо же почти время былъ онъ назначенъ Капитаномъ 40 пушечнаго фрегата Эмперіезъ, и поступилъ подъ команду Адмирала Колингвуда,

блокировавшаго Кадиксскую гавань. — 1 Юля 1808 года онъ сдѣлалъ нападеніе на замокъ Монгаль, важный постъ между Барцеллоною и Жироною, и покорилъ оный; попомъ онъ ошпалъ у Французовъ крѣпость Розась. По возвращеніи своемъ съ береговъ Испанскихъ, онъ получилъ приказаніе Адмирала Гамбьера испребишь Французскій флотъ, стоявшій на большомъ Рошфоршскомъ рейдѣ. При семъ опасномъ дѣлѣ, онъ оказалъ безпримѣрную храбрость, мужество и присутствіе духа. Когда непріятель, находясь въ гавани, починялъ себя въ совершенной безопасности, онъ рѣшился испытать своего счастья. Поставилъ на пустыя бочки до 1500 бочекъ пороха, на кошорыя положилъ еще 3—400 бомбъ и 2—3000 ракетъ и гранашъ. Пустыя бочки были связаны между собою веревками и желѣзными скобами, промежутки же наполнены сырою землею, для того, чшобы, укрѣпивъ основаніе сколь возможно болѣе, дать бѣольшую силу взрыву. Лордъ Кокренъ имѣлъ смѣлость, съ однимъ Лейпенаншомъ и чешырьмя машросами взойши на сіе орудіе разрушенія, и на семъ брандерѣ, не спрашась береговыхъ башшарей, кошорыя могли бы палишь въ него каменными ядрами, приблизилъ къ непріятельской линіи. Подведя адскую машину

свою какъ можно ближе къ Французскому флоту, онъ приказалъ малочисленной командѣ своей броситься въ шлюбку и наконецъ свѣлъ въ оную самъ, зажегши фичиль, кошорый, по его расчешу, долженъ былъ дать ему 15 минушь времени для удаленія. Но въ то время поднялся сильный вѣтеръ: фичиль сгорѣлъ скорѣе, и едва прошекло 9 минушь, какъ воспослѣдовалъ ужаснѣйшій взрывъ, кошорый когда либо произведенъ былъ искусвомъ человѣческимъ: въ одно мгновение разорвало 400 бомбъ и 3000 гранатовъ, и во всѣ стороны посыпался мепаллическій дождь. Второй Нельсонъ нашъ счастливо спаяся, но съ горестію былъ свидѣтелемъ смерти своего Лейпенанша. Двое изъ чешырехъ мапросовъ также едва не лишились жизни. Лордъ Кокренъ, достигши корабля своего Эмперьёзъ, потчасъ напалъ на Французовъ и одинъ пробылъ цѣлый часъ въ гавани, гдѣ и взялъ корабль Калькушшу. Кромъ того Французы лишились еще трехъ линійныхъ кораблей, и весь флотъ ихъ приведенъ былъ въ самое дурное положеніе. — Вскорѣ потомъ Лордъ Кокренъ пожалованъ былъ Кавалеромъ ордена Бани и возвратился въ Лондонъ. Въ Февраль 1814 года одинъ путешественникъ привезъ въ Дувръ ложное извѣстіе о смерти Бонапарша для того,

чтобы подышать курсъ Государственныхъ облигацій. Узнали, что Лордъ Кокренъ участвовалъ въ семь обманъ. Биржевые Спаршны подали жалобу на него, и Гг. Бушшо, Рандома, Беранжера, Джонсона и еще шестерыхъ другихъ, обвиняя ихъ въ умышенномъ обманъ чрезъ распространеніе ложнаго извѣстія. Дѣло сіе предложено было 8-го Іюня на разсмотрѣніе Королевскому Суду, и всѣ подсудимые были признаны виновными. — 21 числа призвали ихъ для выслушанія приговора. Кокренъ присужденъ былъ къ денежной пени въ 1000 ф. сш., къ годовому заключенію въ темницѣ Королевскаго Суда, и вмѣстѣ съ Гг. Бушшомъ и Беранжеромъ къ выставкѣ у позорнаго столпа, насупротивъ Биржи. — 5-го Іюля сдѣлано было въ Нижней Палатѣ предложеніе исключивъ Лорда изъ числа Членовъ оной, причемъ онъ, въ защиту свою, произнесъ днѣнную рѣчь. Однако же предложеніе принято было большинствомъ 140 голосовъ противу 44. — 16 того жъ мѣсяца онъ снова былъ избранъ Вестминстеромъ; на вопросъ Лорда Эбрингтона, касательно выставки у позорнаго столпа, Лордъ Каспльре объявилъ, что Король опмѣнилъ сію часть наказанія. — Въ собраніи Кавалеровъ орденъ Бани поручено было Францу Тоунсенду

исключишь изъ сего ордена Сира Томаса Кокрена. — 12 Августа 1814 года Г. Тоунсендъ отправился въ придѣль Гейнриха VIII въ Веспминстерскомъ Аббашствѣ, и снялъ со стѣны знамя Лорда Кокрена, споявшее между знаменами Лорда Бересфорда и Сира Бренпа Спенсера. Знамя сіе было изодрано и ногами брошено внизъ по ступенямъ, ведущимъ къ придѣлу. Сего не случилось еще ни разу съ самаго учрежденія ордена въ 1725 году. — Просидѣвъ нѣсколько времени въ темницѣ Королевскаго Суда, Лордъ Кокренъ безъ спросу ушелъ и въ тошъ же день явился въ Нижней Палатѣ, съ намѣреніемъ присягнуть въ качествѣ представителя Веспминстерскаго. Между тѣмъ явился шюремщикъ съ нѣсколькими полицейскими служителями, насильно вывелъ его изъ Палаты и приведя въ темницу, заперъ въ комнату, изъ которой невозможно было бѣжать; но ошъ сего здоровье его такъ сильно пострадало, что ему снова дана была свобода ходишь во внутренности темницы. Онъ оставилъ оную по испеченіи 12 недѣль. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ служило для него то, что уполномоченный его открылъ подписку для уплаты денежной его пени, кошую публика вскорѣ пополнила, хотя никто не смѣлъ давать болѣе шиллинга. Въ день освобожде-

нія своего, онъ явился въ Нижней Палатѣ, присягнувъ и пришелъ въ самую пору для того, чѣмбы подашь голосъ прошиву возвышенія содержанія Герцога Кумберландскаго. По странному случаю голоса были раздѣлены, и его голосъ рѣшилъ опроверженіе сего предложенія. — Послѣ шоккихъ огорченій естественнаго было, чѣм онъ вознамѣрился оставишь опечество. Юго-Американскія обласпи нуждались въ Адмиралѣ. Кокренъ, роскошно угостивъ уполномочившихъ его согражданъ, торжественно просился съ ними, и опплылъ въ Хили, гдѣ и принялъ начальство надъ флотомъ. М.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И.

1 8 2 7.

С л о в е с н о с т ь .

20. *Сочиненія Фаддея Булгарина.* 4 части 1^я, 2-хъ томахъ. С. П. б., въ типографіи Н. Греча, 1827. — Въ 1^ю ч. 191, во

2й 193, въ 3й 226, въ 4й 143 стр. въ 16 д. л. съ виньеткой и 4 каршинками.

(Въ сихъ чешырехъ часняхъ, Сочинишель собралъ разныя спашы, разсыянныя имъ въ разныхъ Журналахъ и Альманахахъ съ 1822 года, и раздѣлялъ ихъ слѣдующимъ образомъ: въ *первой* часпи помѣстилъ онъ спашы Историческія; во *второй* — военныя рассказы и Литературныя повѣствовательныя спашы; въ *третьей* — нравы, а въ *четвертой* — повѣсти. Кромѣ спашей уже извѣстныхъ, Г. Булгаринъ помѣстилъ въ семь собраніи нѣкошорыя свои сочиненія, нигдѣ еще ненапечатанныя. Таковы: *Переходъ Русскихъ чрезъ Кваркенъ, въ 1809 году* — *Очеркъ характера Петра Великаго* — *Приключенія Уланскаго Корнета подъ Фридландомъ, 2 Іюля 1827 года* — *Деревенскій житель (письмо отставнаго Коллежскаго Регистратора Фалалея Недоучкина, изъ провинци къ пріятелю въ столицу)* — *Славяне или освобожденіе Арконы, повѣсть древнихъ лѣтъ*. Изданіе сіе напечатано чешкими красивыми буквами, на хорошей бумагѣ, и къ оному приложены каршинки, рисованныя Художникомъ В. М. Смоковскимъ и гравированныя въ Вѣнѣ Гг. Шпёберомъ, Ковачемъ и Гофмагомъ. Предметы оныхъ слѣдующіе: 1) Виньетка

заглавнаго листа изображаешь Ишину и Сочинишеля, къ спашьъ: Предисловіе въ лицахъ; 2) Ужасная ночь, 3) Модная лавка, 4) Пущешешвіе по переднимъ и 5) Славяне. Послѣднія четыре картинки принадлежатъ къ спашьямъ, коихъ заглавія на нихъ означены.)

21. *Собрание разныхъ сочиненій Е. Фукса.*

С. П. б. въ шип. А. Смирдина, 1827.

Съ портретомъ Е. Б. Фукса и заглавною виньеткой. 236 стр. въ 8.

(Въ этой книгѣ, Г. Фуксъ помѣстилъ нѣкоторыя свои разсужденія, касающіяся предшешовъ, о коихъ необходимо знать людямъ, посвятившимъ себя военному званію; шакъ-вы спашья: *О военныхъ релляхъ, О военномъ краснорпчии, О причинѣ успѣховъ Россіи въ войны 1812 года.* Къ сему присовокупилъ онъ воспоминанія о разныхъ мѣстахъ и событіяхъ, копорыхъ онъ былъ очевидцемъ въ незабвенный Италіянскій походъ Суворова; но главное и занимательнѣйшее въ сей книгѣ составляютъ воспоминанія о семъ великомъ Полководцѣ. Книга сія богата сими воспоминаніями, и въ семъ отношеніи служилъ какъ бы дополненіемъ къ другому сочиненію Г. Фукса, изданному въ прошломъ году, подъ заглавіемъ: *Исторія Россійско-Австрійской Кампаніи*

1799 года, подъ предводительствомъ Генералиссимуса Князя Италийскаго, Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. Виньетка заглавнаго листа сочиненій Г. Фукса, представляеть Суворова, когда онъ видя нерѣшимость своихъ войскъ предъ Сен-Готтаромъ, велѣлъ рысть себѣ яму, говоря: „здѣсь похоронише меня: вы болѣе „не дѣши мнѣ, я болѣе не опецъ вамъ; мнѣ „ничего не оспашся, кромѣ смерти!“)

Драматическія сочиненія.

22. *Встрѣча въ гавани, или сердце дѣлу не поможетъ. Комедія-Водевиль въ 1 д. передѣланная съ Французскаго А. Рѣдкинымъ. М. въ тип. А. Семена, 1827. 117 стр. въ 16 д. л.*

(Водевиль сей пріятно можетъ занять не только зрителя, но и читателя, заманчивымъ своимъ содержаніемъ, живымъ, хорошо выраженнымъ разговоромъ и остроумными куплетами.)

23. *Гусарь-невеста, Водевиль въ 1 д. передѣланный съ Франц. М. А. Яковлевымъ. С. П. б. въ тип. Депарш. Народн. Просвѣщ. 1827. 62 стр. въ 8.*

(Въ 121 Но Русскаго Инвалида помѣщены замѣчанія на замѣчанія, напечатанныя

въ 55 Но Сѣвери. Пчелы на счепь изломаннаго Малороссійскаго нарѣчія, копорымъ говоришь одно дѣйствующее лице сего Водевля. Въ эшихъ замѣчаніяхъ, Малороссійское нарѣчіе названо *Хохлацкимъ*, а Малороссіяне *Хохлами*. Такого рода *солю* или *росоломъ*, не разъ уже подчивали чипашелей сего Журнала, и сія новаго рода ошропа можешъ назвашься характерисшикою одного извѣснаго нашего *Словесника*. Логика его такъ же давно уже извѣсна любителямъ чтенія; вошь новыя образчики оной, извлеченыя изъ замѣчаній на замѣчанія: „Борскій Студеншь Медицины, — ерго Борскій должень худо говоришь по Малороссійски; Борскій перерядился, чшобы дурачить скрягу-опекуна, — ерго Борскій должень худо говоришь по Малороссійски; въ *Козакъ Стихотворць* Малороссіяне не чисто говорятъ по Малороссійски, — ерго всѣ Сочинишесаи Водевилей должны заспавляшь свои дѣйствуюція лица такъ же говоришь на семь нарѣчій.“ Въ Сѣверной Пчелѣ сказано, что симъ способомъ можно забавляшь только раекъ; вѣрошно, Сочинитель сей спашь не думалъ еще, что и журнальныя спашь можно такъ же писашь для райка. Примѣромъ тому можешъ служишь *Библиографія* 117 Но Р. И.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСЛАНДСКІЯ ПИСЬМА.

(Оконтаніе.)

10.

Людвигъ Гогенгеймъ былъ смущенъ гораздо болѣе, нежели думала сестра его. Онъ проклиналъ себя за то, что вздумалъ пріѣхать въ резиденцію, а за всѣмъ тѣмъ былъ бы гошовъ скорѣе умереть, нежели ворошиться назадъ въ уединенную деревню своей матери. Въ глубинѣ души дѣлалъ онъ тысячи горчайшихъ упрековъ Ошпили, а за всѣмъ тѣмъ ея вѣроломство не было ему такъ горько. Онъ перялся въ лабиринтъ мыслей, допоть ему неизвѣстномъ. Со времени знакомства съ Ошпилией, это имя одно наполняло его сердце. Три года оспавался онъ вѣренъ своей возлюбленной. И какъ легко это было между красавицамъ Финляндіи и Лапландіи! Но теперь, при его возвращеніи на родину, теперь, на пути къ

ней, съ мыслями пріятно изумишь ее — шеперь... по случаю или необходимости, развернулись въ груди его желанія, кошорья не давали ему покоя.

Напрасно спарался онъ разсѣять себя — напрасно чиналь нѣжные листочки, исписанные рукою Опшиліи — пускнѣющая звѣзда этого милаго созданія уже заходила; никакое искусство не могло оспановишь ее. Другая звѣзда блиспала и владычествовала въ его внушреннемъ свѣпѣ.

Терезу вызвали по хозяйству. Онъ бросился на диванъ. Онъ закрыль руками лице свое. Ему казалось, что духъ Опшиліи предъ нимъ носишь. Ему слышалось нашепываніе прогашельныхъ ея жалобъ: „миѣ бы хотѣлось всего вдругъ лишишь въ здѣшнемъ мірѣ, пошому что все за шѣмъ только привлекаеть меня такъ сильно, чтобы послѣ еще сильнѣ шерзашъ!“

Наконецъ вспомнилъ онъ о письмѣ къ Кульму изъ Грауенбургá. Онъ поспѣшно схватилъ его, но въ немъ не заключалось ничего важнаго, и только въ концѣ нашлось нѣсколько строкъ объ Опшиліи:

„Вашему Высокородію, касашельно дѣвицы Вангенъ, осмѣливаюсь объяснишь, что я съ нею особеннаго знакомства не веду. Она упражняется въ учености; то ешь —

но чайпельно, Ваше В—діе, поняшь меня из-возили. Нынѣ же обрѣщается она въ Лейпцигъ, по приглашенію родственника своего, ошсшавнаго изъ Саксонской службы Полковника. Черезъ нѣсколько недѣль, какъ извѣсшили меня, полагага она бышь и въ мѣспѣ жшшельства Вашего В—дія. Дальнѣшійя о шомъ свѣдѣнія не премину сообщшшь въ скоросши.“

И шакъ ни слова о помолвкѣ, о вѣромсшвѣ! Злая выдумка Терезы!

„Она меня любишь! она мнѣ вѣрна!“ говорилъ со вздохомъ Людвигъ, расшаживая по комнашѣ.

„Чшо жъ эшопъ жалкій человекъ разумѣешь, говоря: она упражняешся въ ученосши! — Неужли женщина осуждена бышь первою служанкою въ домъ? Кшо осмѣлишся назначашъ нѣжному полу границы въ образованіи духа его? Какъ мужчина, не за однимъ шолько плугомъ или перомъ вырабошываешъ хлѣбъ свой насущный, шакъ и для женщины не естѣ единспвенное назначеніе шо, чшо бы, въ дѣвкахъ, служишь мужчинамъ куклою, въ замужсшвѣ нянькою дѣшямъ ихъ. Духъ женщины шакже возноспшся къ Богу и вѣчноспши, какъ и мужчины — и почему не возноспшся ему, когда чувсшвуешъ свободнымъ поделѣ свой? — Но —

искашь ли разсудка въ жалкихъ предубѣжденіяхъ народной черни?... Добрая Ошпилія! — Она, какъ бѣдный, осиротѣлый цвѣшокъ, распушій между репьемъ и ковылемъ, невидна и забыта въ глуши сего пернія, и ахъ! вмѣстѣ съ нимъ попирается ногами!“

Между шѣмъ какъ Людвигъ кришкочивалъ такимъ образомъ фразу Грауенбургскаго корреспондента, вошелъ въ комнату мальчикъ съ небольшимъ пакетомъ.

„Живописецъ приказалъ опшдашь г-жѣ Совѣшницѣ поршпрешы“ — сказала мальчикъ, и положи на столъ пакетъ, раскланялся.

Тутъ было нѣсколько миніяшюрровъ. Одинъ списанъ съ г-жи Саръ съ удивительнымъ сходствомъ, исполненъ души, обольстительнень, шочно какъ она сама; другой Терезинъ; третій — третій —

Людвигъ оспообенѣлъ — Людвигъ поднялъ его, въ жару, въ шренешъ — со слезами на глазахъ — онъ пошашнулся, покашился на диванъ, прилежъ пылающимъ лицомъ къ подушкѣ, и — поршпрешъ очушился у пламенныхъ устъ его.

Поцѣлуй, напечатлѣнный на холодномъ спеклѣ — вещь простишельная! Его не чувствововалъ, его не помнилъ Людвигъ. Только бѣдное сердце его сильно билось.

— „Ошпилія, другъ швой колеблется!“

Въ это мгновение входитъ Совѣшница. Людвигъ не видитъ ее и не слышитъ. Онъ недвижимъ — она считаетъ его спящимъ.

— Наконецъ Тереза кладетъ руку на плечо его. Людвигъ вспрепенулся. „Что ты?“ спросила она, удивляясь дикому его взору.

„Чувствую себя дурно!“ пролепешалъ онъ.

— „Однако ты въ хорошемъ обществѣ“ — продолжала Тереза, взявъ со стола поршрешы „Видѣлъ ты эти личики?“

„Нѣтъ!“

— „А гдѣ жъ шрешье? Гдѣ Фридолина Бернекъ? Неужели не принесли?“

„Вотъ!“ — Онъ подалъ поршрешъ, ошворачивался.

— „Ахъ, какъ похожа Фридолина! — Между нами говоря, твоя томная Опшилія съ золотыми локонами, унизанными, какъ сіяніе, вокругъ головы ея, все таки не сравнися съ этой въ ея кашпановомъ головномъ уборѣ.“

Людвигъ вскочилъ. Сестра удержала его. „Постой, право я не думала огорчить тебя. Неужели ты совсѣмъ не разумѣешь шулки? — Прошу же сей часъ поцѣловать меня!“

Онъ поцѣловалъ.

„Вошь, выбирай!“ сказала она, держа передъ нимъ поршрешы г-жи Сарь и Фридолины: „одну изъ нихъ я подарю тебѣ.“

Людвигъ, улыбаясь, покачалъ головою. „Ни одной!“ сказалъ онъ и поспѣшно удалился.

 II.

Былъ теплый Юньскій вечеръ; солнышко закапывалось.

Когда Людвигъ вошелъ въ садовую бесѣдку г-жи Сарь, тамъ было уже многолюдное собраніе. За чаемъ занимались чтеніемъ, кошорое перемежалось и разговоромъ — обо всемъ сладкомъ и горькомъ въ жизни. Людвигъ вмѣшивался довольно непринужденно съ своими замѣчаніями. Но мало по малу онъ спшалъ упадешь духомъ, сдѣлался молчаливъ и унылъ, самъ не зная, почему. Мы знаемъ однако. Между хорошенькими, мужскими и женскими личиками недоспавало одного: Фридолины Бернекъ.

Никшо не вспоминалъ о ней. Одинъ пожилой мужчина первый спросилъ, куда она дѣлась.

„Ходить въ саду съ Г. Тау“ — отвѣчала Г-жа Сарь.

— „Прекрасный молодой человекъ!“ замѣтила дама, сидѣвшая за каршочнымъ столомъ.

„Онъ очень образовалъ себя въ путешествіяхъ“ примолвила пожилой мужчина: „попросите его рассказать объ опасностяхъ, прошивъ которыхъ успокоялъ онъ въ Парижѣ. Онъ былъ тамъ во время Робеспьера; видѣлъ казнь Шарлотты Кордэ. Нельзя его слушать безъ ужаса и содроганія.“

— „Какъ ошзываетесь онъ о Кордэ?“ спросила дама.

„Почти, какъ вдохновенный!“ ошвѣчалъ шопъ: „И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не удивляться ея геройскому духу. Она рѣшилась освободить свое ошечество отъ чудовища, и радовалась, какъ Римлянка, гошпящейся казни. Я знаю всѣ упреки, всѣ хулы, взводимые на подвигъ благородной дѣвушки, но имя ея перейдетъ въ пошомство съ досшойною его славою.“

Пожилой господинъ непримѣтно разгорячился и жаромъ рѣчей его увлеклось все общество. Возникла ужасная оппозиція, главою которой была Г-жа Саръ. Только Людвигъ не принималъ участія въ преніяхъ. Съ пасмурнымъ взоромъ и сложенными крестомъ руками, стоялъ въ кругу спорящихъ и не слышалъ ничего.

„Такъ она ходишь съ Г. Тау? и онъ прекрасный молодой человекъ?“ шакъ разсуждалъ онъ про себя: „А она вѣдь знаешь, что я долженъ бышь здѣсь — сама просла меня прійти непременно и не принимашь другихъ приглашеній. И ходишь съ нимъ! — Не она ли шрепешала, шанцуя со мною? не она ли робко смошрѣла мнѣ въ глаза? и вдругъ задумчиво передо мною ошпанавливалась, и пошомъ, порхнувъ къ подругамъ своимъ, среди шушокъ и смѣха, все украдкой искала меня глазами? — Боже мой! все эшо неужели шолько любезничанье? — О, невинность! какой же взоръ, какой же видъ должна шы избрать себя, когда кокешки завладѣли сушественнымъ швоимъ образомъ? — Нѣшь, она не кокешка. — Чшо жъ дурнаго, ходишь съ нимъ по саду?“

Разговаривая шакъ самъ съ собою, Людвигъ незамѣшно обратился спиною къ гошпямъ и смошрѣлъ на дверь, ведущую въ садъ.

„Однако, вѣрно же не скучаютъ они вдвоемъ. Богъ съ ними! Я право не помѣшаю. Можешъ бышь пришелъ бы я очень не вѣ-время.“

Съ сими словами, копорыя конечно были шолько на умѣ, вышелъ Людвигъ Гогека.

геймъ въ садъ и, какъ человекъ степенный, пошелъ тихими шагами между фруктовыми деревьями.

„И что она занимаешь меня такъ? Недоспаешь еще того, чтобы я пустился подспергашь ее, какъ ревнивый муженекъ! — Нѣтъ, милосливая государыня, любезничайте, съ кѣмъ и какъ угодно; мнѣ право, мало нужды!“

Тутъ пробрался онъ цвѣтникомъ къ шемной аллеѣ, и осматриваясь вправо и влѣво, искалъ глазами — цвѣшовъ.

Остановясь передъ розовымъ кустомъ, сорвалъ онъ одну изъ распускающихся, прелестныхъ розъ.“

„Славный цвѣшокъ!“ опнесу его Г-жѣ Сарь. Изберу время — въ присущствіи дѣвицы Бернекъ. Пусть почувствуешь она по крайней мѣрѣ, что совсѣмъ не такъ близка моему сердцу, какъ можешь быть полагаешь.“

Тутъ очутился онъ въ довольно глухой рощѣ, насаженной въ Англійскомъ вкусѣ. По узенькой пропинкѣ, между кустами, пробирался онъ къ высокой горѣ, — шамъ сидѣла уединенно Фридолина Бернекъ.

Она сидѣла на деревянной, вѣланной въ обрывѣ горы, скамьѣ, въ задумчивости, прислонясь головою къ выдавшемуся камню, обвешанному плющемъ и оплѣняемому вѣшьями бузиннаго дерева съ ихъ бѣлыми, какъ снѣгъ, цвѣточными пучками. Видя ес шущь, кто бы не спросилъ ей? Только Людвигъ Гогенгеймъ, немилосердый — ахъ, можешь бышь о немъ — шо она и думала — шолько онъ, безчувственый — авдѣ Г. Тау совсѣмъ шущь не было — онъ принялъ швердое намѣреніе показать, будпо бы ее не примѣчаетъ, и пройши мимо шпороною.

Онъ шакъ и сдѣлалъ, и очушился — въ шрепешѣ возлѣ нее.

Фридолина испугалась не на шутку; а добрый Людвигъ совсѣмъ безъ пришворства спалъ извиняшьяся, что шспревожшалъ ее и помѣшалъ ей.

„Какъ здѣсь пріятно! Я совсѣмъ позабылась“ — сказала она.

— „Очень жалю, что вызвалъ васъ, можешь бышь, изъ міра еще пріятнѣйшаго.“

„Правда, что изъ самаго пріятнаго! Я думала...“

— „Вы не договариваете.“

„О другъ.“

— „Эпошь счастливецъ имѣешь причину на меня сердиться.“

„Не надобно забывашь близкихъ для дальнихъ.“

— „Могу ли надѣяться быть въ числѣ вшихъ близкихъ?“

„Пока захошите быть близко.“

— „Не ужели вы сомнѣвались когда нибудь въ моемъ хотѣніи? — Но — если бы я могъ доказашь. . . .“

„Вы спранны. Къ чему доказашельство, когда никакая недовѣрчивость ихъ не пребуешь.“

— „Никакая недовѣрчивость? Спало бышь вы повѣрили бы, что я для васъ сорвалъ эту розу?“

„Повѣрю; охотно вѣрю вамъ, и беру доказашельство.“

Людвигъ протянулъ къ ней препенущую руку съ розою. Фридолина хотѣла взять ее — и смотрѣла съ улыбкою въ глаза робкаго своего друга. Трудно рѣшить, кто былъ виновашь, но цвѣшокъ опдѣвился ошь своего колючаго стебелька и упалъ на землю.

Фридолина испугалась. Людвигъ наклонился и поднялъ цвѣшокъ.

„Худое предзнаменованіе!“ сказала, смѣясь, дѣвушка.

— „О нѣшъ, возьмите себѣ розу, а мнѣ остануся шипы.

„Раздѣль не очень дружескій.“

— „Пусть шакъ, но когда уколюсь шипами, возьмешесь ли меня вылечить?“

Ошвѣшъ оставался за Фридолиною. Она подала ему руку. Оба пошли вдоль по кустарнику, ведущему къ бесѣдкѣ. Пушь, очень короткій, былъ для нихъ длинень. Часто они останавливались.

И когда спояли они въ кустарникъ, взоры ихъ покоились другъ на другъ. Осины и липы шептались надъ ними, колеблемыя вѣтеркомъ вечера; шолько они были безмолвны и ничего не шептали. Но въ глазахъ Людвига выражалась крошкая жалоба: уже укололся шипами; будешь ли ты лечишь меня? И глаза Фридолины говорили: обманщикъ! я взяла у тебя не одну розу; ты далъ мнѣ и шипы.

Они пошли далѣ. Но это шествіе — не знаю, можно ли его шакъ назвашь — едвали двигало ихъ съ мѣста, и долго еще осины и березы шептали надъ ними, хотя они давно уже пошли ошъ нихъ. — И нимало не скучали они, хотя никто не говорилъ ни слова. То взглядывали другъ на друга, шо ошашь пошупляли глаза; души ихъ сливались во едино. Вокругъ нихъ

не было ни неба, ни земли, ничего близкаго, ничего опдаленнаго въ пространствѣ; для нихъ не было будущаго, не было прошедшаго. Рука въ руку, съ угнешенными въ груди вздохами, прогуливались они по кустарнику. Такъ гуляють блаженныя шѣни подъ пальмами элизіума.

Когда приблизились они къ розовому кусту, то снова остановились. Людвигу хотѣлось сказать: „здесь-то сорвалъ я для васъ розу, и въ первый разъ почувствовала язву отъ шиповъ.“ Фридолинѣ хотѣлось сказать: „ахъ, какъ мало цвѣшу и какъ много шиповъ! И когда первый осыплешся на родную землю, тогда осыпаются только шипы, и они остаются навсегда — переживаютъ всѣ радости.“

Предесная голова ея поникла въ уныніи, вздохъ замеръ на устахъ. Людвигъ хотѣлъ взять свѣжую розу, и взялъ — руку Фридолины. Онъ задремалъ, какъ бы сдѣлавъ уголовное преступленіе. Но легкое пожатіе нѣжной руки оживило его. Онъ наклонился и поцѣловалъ съ воспоргомъ благосклонную руку.

Вдругъ спало имъ, какъ бы все расцвѣло предеснѣе вѣкругъ нихъ; уже не видали и не чувствовали они шиповъ. Надъ ними горѣло вечернее небо, бросавшее красно-

ваший опливъ на деревья, кусты и цвѣшны. Казалось, на дальнемъ горизонтѣ всѣ предметы сжали розами, чшобъ торжествовать союзъ счастливой четы.

Они медленно возвращались къ обществу. Если бь можно было оспаться однимъ въ свѣпъ, ничего не желали бы они шакъ усердно!

„Фридолина!“ шепшаль тихо Людвигъ. — Она не опвѣчала, но рука ея обвилась плошнѣе вокругъ его руки. Дружеское имя зажгло новое пламя въ ея колеблемомъ сердцѣ, и долго опзывалось въ слухъ ея: Фридолина!

Лишь только подошли они къ бесѣдкѣ, какъ вдругъ позади ихъ раздался громкій голосъ: „Г. Гогенгеймъ! Г. Гогенгеймъ! письмо изъ Исландіи! письмо изъ Исландіи!“

Людвигъ испугался. Амосъ бѣжалъ во весь духъ черезъ садъ, держа письмо надъ головою. Людвигъ пошелъ къ нему на встрѣчу: „что ты шакъ шумишь, негодяй!“

— „Да посмотрише, сударь, оно прямо изъ Исландіи, посмотрише.“

13.

Онъ узналъ почеркъ и печать Опшнли. Ни въ какое другое время не могъ онъ

былъ болѣе пораженъ вѣщимъ письмомъ. Блѣдность его и послѣшное удаленіе служилъ пому доказательствомъ.

Фридолина пріоспановилась. — „Изъ Исландіи?“ спросила она Амоса, который сморщилъ съ изумленіемъ на своего господина, замѣтивъ перемѣну въ лицѣ его.

— „Такъ точно, сударыня, изъ Исландіи.“

„Развѣ швой баринъ тамъ имѣешь знакомыхъ? — Вѣдь это не съ острова Исландіи?“

— „Съ острова, сударыня.“

„Развѣ швой господинъ тамъ бывалъ?“

— „Въ жизнь свою никогда. Однако не надобно ему говорить о томъ, попомучно у него смертельная охота съѣздить туда.“

„Полно такъ ли? Мнѣ кажется это немпожко далеко.“

— „Гм! для нашего брата прогулка. Мы бывали, можешь, и дальше.“

„Что это значить: мы?“

— „То есть, я.“

„И швой господинъ?“

— „О, нѣтъ!“

„Съ кѣмъ же переписывается швой баринъ въ Исландіи, когда не бывалъ тамъ?“

— „Да, это не диковина. Мой баринъ человекъ ученый. На островѣ въ тамошней школѣ есть также ученые — такъ они и переписываются. Тутъ ничего нѣтъ мудренаго. Я служилъ у одного Профессора. Тотъ велъ переписку даже съ Римомъ и Венеціей, что на Адриатическомъ морѣ.“

Добрый Амосъ очень опѣшилъ при распросахъ прекрасной барышни, и, чтобы еще болѣе не промолвиться, сдѣлалъ пренизкій поклонъ и пустился по слѣдамъ своего господина.

Онъ нашелъ его въ самомъ опдалелномъ концѣ сада. „Подожди меня у входа, Амосъ.“ Амосъ пошелъ.

Людвигъ бросился на развалившуюся дерновую скамью. Онъ прочиталъ письмо Опшилии въ шрепій разъ. — Мы выпишемъ изъ него только нѣкоторыя мѣста, всего болѣе встревожившія нашего друга.

— — „Теодоръ! Теодоръ! Просишь ли ты мнѣ? Я спала непрерывно, ожидая своего возвращенія. Ужъ я не шакова, какъ была. Сновидѣніе, сегодня упрямъ, всю преобразило меня. Я какъ будто въ упоеніи.

„Не презирай меня. Виновна ли, что полюбила тебя несказанно! Ты всегда представляешься мнѣ добрымъ, превосходнымъ

человѣкомъ, во сто краше меня лучше. Неужели я виновна, что люблю себя?

„Ты явился мнѣ во снѣ. Я нашла тебя на берегу своего Сѣвернаго моря, подъ черными нависшими скалами, какъ ты изображаешь мнѣ ихъ въ своихъ письмахъ. На оподаленномъ горизонтѣ проблескивало синевашное пламя сѣвернаго сянiя и звѣзды плавали въ заревѣ небесъ. Тайный страхъ овладѣлъ мною. Я желала присуствiя живаго существа. Теодоръ, я тебя увидѣла. Ты заключилъ меня въ свои объятiя. Теодоръ! что я тогда почувствовала!

„Ахъ, не смѣйся надо мною. Я мечшашельница. Съ дѣтства была шакова, и всегда счастлива въ мiрѣ моихъ грѣзъ и мечшаний, нежели въ существенномъ. Въ шомъ я находила покой, добродѣшель и любовь; въ этомъ только мученiя, да мершвыя названiя прекраснаго, да мершвое искусство.

„Возвращись! хочу тебя видѣть. Неужели я должна умереть, не видавъ человека, шполь много цѣнимаго мною — спасаго мою жизнь? Я буду тебя любить, какъ сешра — будь моимъ брашомъ.

„Я ужасаюсь и шрепещу. Всѣ надежды мои блекнуть, желанiя ошцѣвшають и ошшаются безплодны. Одна между миллионами на землѣ, шпремлюсь я къ лучшей звѣздѣ.

Я никогда тебя не увижу — о мой Теодоръ, никогда! — Ахъ, если бы Ангель-хранитель мой погасилъ пламенникъ моей жизни въ тѣ минушы, когда я о тебѣ мечтаю!“ — — —

Людвигъ былъ внѣ себя. Онъ плакалъ, онъ цѣловалъ письмо. „Нѣшъ, Опшпилиа“ — говорилъ онъ: „нѣшъ, невинность небесная, тебя я не покину! — увижу тебя — не покину тебя!“ —

Онъ поспѣшилъ выдти изъ сада. Увидя Амоса, сказалъ:

„Укладывай чемоданы, Амосъ, и закажи мнѣ почтовыхъ лошадей. Завтра въ чешыре часа мы ъдемъ,“

— „Завтра въ чешыре часа?“ вскричалъ Амосъ, выпараща глаза.

„Вотъ прекрасно!“ сказала Совѣшница Кульмъ, которая въ самое это время приходила съ мужемъ своимъ къ саду. „Нѣшъ, г. Гогенгеймъ, шакъ поспѣшно не уезжаешь.“ И съ этими словами взяла она его подъ руку и повела въ бесѣдку.

— „Слушай, Амосъ, что тебѣ приказываю!“ закричалъ Людвигъ, оглядываясь.

„Не слушай, Амосъ! я за все отвечаю“ — закричала также, смѣючись, Тереза.

— „Но мнѣ надобно, непременно надобно! я вду въ Лейпцигъ!“ сказала Людвигъ.

„Подумайше“ — воскликнула Тереза, присоединясь къ обществу: „г. Гогенгеймъ хочеть насъ завшра оставишь; заказалъ себѣ лошадей и ѣдешъ въ Лейпцигъ!“

Госши составили кругъ около несчастнаго Людвигъ и спали осаждать его упреками и просьбами, чшобъ онъ осмался. Одна Фридолина стояла въ опдаленіи и не смѣла вмѣшаться въ число просящихъ.

Не щадили ни ласкъ, ни угрозъ. Каждый и каждая, наперерывъ, спарались сказать ему что нибудь пріятное. Между всѣми возникло соревнованіе, кто, силою своего краснорѣчія, успеешь преклонить упряма. Все напрасно.

„А всему виной Исландское письмо!“ сказала наконецъ насмѣшливо г-жа Саръ: „вѣрно его писали самыя милыя ручки.“

— „Исландское письмо?“ воскликнула Тереза, изумясь: „какъ? когда?“

„Амось объявилъ намъ!“ отвѣчала молодая вдова.

Тутъ послѣдовали новыя нападенія. Людвигъ былъ непоколебимъ; въ помъ только успѣли, чшо онъ назначилъ опъздъ свой не навѣрное завшрашній день. Всѣ бранили Исландскія письма. Со всѣхъ споронъ съ-

нались на счесть ихъ шушки и ошропки. Наконецъ позвали къ ужину, за кошорымъ положено было пошолковать еще объ эшомъ дѣлѣ.

Каждый изъ мужчинъ взялъ себѣ даму и повелъ ее въ домъ черезъ садъ. Людвигъ въ задумчивости споялъ у окна. Фридолина оспалась послѣдняя. Онъ замѣшилъ эшо и предложилъ ей свою руку.

Идучи по саду, Фридолина оспавила руку своего провожашаго и закрыла себѣ глаза плашкомъ. „Вы плачете?“ спросилъ Людвигъ измѣнившимся голосомъ. Она не ошвѣчала, и когда онъ хошѣлъ взять ее за руку, ошвернулась, говоря: „осшавъше меня, г. Гогенгеймъ, прощу васъ!“

— „Вы сердитесь на меня?“

„Ни мало.“

— „Вамъ не угодно, чшобъ я вхалъ.“

„Повзжайше! — завшра — сегодня“ —

— „Для васъ все равно?“

„Нѣшь, вы должны вхашь. И я эшому рада, очень рада.“

— „Повду же, если точно эшо васъ шакъ радуешъ. Ахъ, Фридолина, и при ошвѣздѣ моемъ всего болѣе меня огорчаешъ шо, чшо я узналъ васъ. Я несчастливъ — вы не можете предшавишь себѣ моего положенія — я очень, очень несчастливъ — мнѣ

доспались шипы. — Я долженъ вѣшать. Моя судьба зовешъ. Я самъ себя обманываю; удивительная, спранныя игра обстоятельствъ губишь меня. — Но объ одномъ умоляю, Фридолина, одного прошу, не судите обо мнѣ ложно! Въ моемъ опшущствѣи сберегите мнѣ хоть искру дружества.“

Она не отвѣчала.

„Взгляните на меня!“ продолжалъ онъ, но въ кошоромъ молчаніи, умоляющимъ голосомъ: „вѣдь вы не сердитесь?“

Фридолина опустила руки, закрывавшія лицо ея. Полный мѣсяць проглянулъ въ сіе мгновение изъ-за раздавшихся тучъ, и пролилъ легкій свѣтъ на деревья, кусты и цвѣты, какъ и на прелестное лицо Фридолины. Крошкій ангелъ, она спояла предъ Людвигомъ со взоромъ, исполненнымъ любви и умирія.

Помолчавъ, сказала она: „повзжайте и будьте счастливы!“

— „Я теперь ужъ несчастливъ.“

„И я“ — она хотѣла сказать болѣе, но не кончила.

— „Такъ я остаюсь; не поѣду!“ воскликнулъ онъ со слезами на глазахъ и заключилъ Фридолину въ свои объятія.

Она посмотрѣла ему въ лицо, увидѣла его слезы. „Любезный Гогенгеймъ! вамъ на-

добно, вы должны непременно вѣхать! Прошу васъ о помѣ. Или, если не можете, не хотите, то“ — —

„Договорите, Фридолина.“

— „То повѣду я.“

„Такъ вы бѣжите меня; не хотите меня видѣть? Развѣ я васъ оскорбилъ?“

— „Нѣтъ. Послушайте! Ужъ все равно. Останьтесь еще на три дни. Повѣжайте въ Воскресенье вечеромъ. Тогда повѣду и я. Не спрашивайте, почему. Не говорите о помѣ и въ обществѣ. Общаете ли?“

„Извольте.“

— „И вы оспрашиваете до Воскресенья?“

„Непретно.“

Она подала ему свою руку. Онъ прижалъ ее себѣ къ сердцу, и они присоединились къ обществу.

14.

„Такъ что не шутишь?“ спросила на слѣдующій день г-жа Саръ у Фридолины.

— „Ни мало. Я уважаю молодого человека. Правда, что онъ пріятель въ бесѣдѣ, живъ, острѣе, все, что ты хочешь. Но любишь его я не могу.“

„Вѣдь ты говоришь о Людвигѣ Гогенгеймъ?“

— „О немъ, конечно.“

„Ты непонятна мнѣ, Фридолина. Послушай! будь я дѣвица, и Гогенгеймъ предложилъ бы мнѣ свою руку, я — —“

— „Что жъ? чего не можешь дѣвица, но позволено двадцатицятилѣтней вдовѣ. Ему нѣтъ еще и шрицати.“

„Да меня онъ не любишь, а себя обожаешь.“

— „Ты ошибаешься. А если и точно взяла его охота немножко любишь меня, но согласишься, что этого для меня мало. — Короче, какъ другъ и собесѣдникъ, Гогенгеймъ нравился мнѣ; по любовникомъ былъ бы онъ для меня несносенъ.“

„Ты грѣзишь, моя милая. Какая же разница между любовникомъ и любимымъ другомъ? Неужли ты ожидаешь отъ мужчинъ, чтобы они были шакъ нѣжны, шакъ любезны, какъ въ Романахъ? — Да чипала ли ты хоть одинъ Романъ, въ которомъ бы описывалась испорія женатаго? Я не знаю ни одного сноснаго въ этомъ родѣ. Заключи же изъ этого, что мужчины въ мужьяхъ — очень незначительны. Только въ любовникахъ приманивають они нашу брашью разнообразіемъ своихъ дурачествъ. — Друга и собесѣдника передъ свадьбою, найдешь ты такпмъ и послѣ свадьбы; а романической

любовникъ снимешь свой дурацкій калпакъ; какъ скоро ты снимешь свой свадебный вѣнокъ. Не подумай однако, чѣмъ эшошь господчикъ не могъ бышь дуракомъ безъ дурацкаго колпака своего. Иногда — избави Господи! — выдешь изъ него шакой несносный, докучливый человекъ.“

— „Не по опыту ли говоришь ты?“

„Къ сожалѣнію! Мой спаричекъ — вѣчная ему память! — на пятьдесятъ девятомъ году своей жизни нѣжничалъ и любезничалъ не хуже хопъ бы какого Адониса, не смолля на кашель. Родители мои надували мнѣ о немъ въ уши шолько хорошаго, и всячески возбуждали мои ожиданія. Ну, я была доброе, послушное дитя: насъ обвѣчали. И ахъ, проспи ему Господи! послѣ свадьбы спарикъ мой спалъ уже совсѣмъ не шопъ. Кашель еще шаки бы я ему просшила, но...“

— „Пусть шакъ. Пускай ты говоришь правду. Только не шребуй, чего я не могу. Любишь Гогенгейма не могу я и не хочу. Скажу еще болѣе — шолько не давай ему замѣшишь — признаюсь тебѣ, что онъ мнѣ прошивень. Я не могу его шерпѣшь и даже шрудно мнѣ бышь съ нимъ ласковой. Вчера вечеромъ должна я была сдѣлать себѣ болѣе шое принужденіе.“

„Ты шушишь.“

— „Право нѣшь. Вошь и сегодня я не пойду на званый вечеръ, боясь шамъ его встрѣпишь. — Въ Воскресенье на вечеръ не могла я опказашъ Совѣшницъ Кульмъ. Благодарю Бога, чшо скоро я... ахъ, если бы уже прошло Воскресенье!“

„Такъ неужли я въ самомъ дѣлѣ ошиблась?“

— „Не знаю, въ чемъ; но я шебъ, какъ моей пріятельницъ, сказала сущую правду. Прошу же шебя шеперь объ одной милосши: не говори мнѣ о Гогенгеймъ. Я охотно усшупаю шебъ эшо завоеваніе.“

„И шакъ, милая Фридолина, будь опкровенна: спало бышь сердце швое принадлежишь другому?“

— „Да. Вошь видишь, я опъ шебя ничего не скрываю: но шеперь пожалушта кончи объ эшомъ. Я люблю, и люблю несчастлииво.“

„Еще шолько одно. Если бъ шы не любила другаго, и шогда Гогенгеймъ былъ бы...“

— „И шогда.“

 15.

Фридолина, возвращаясь въ свою комнату — она жила въ домъ г-жи Саръ — на-

шла у зеркала поршрешь Гогенгейма и завядшую розу, кошорую наканунь получила ошь Людвига.

Эши вещи произвели совсѣмь не шо дѣйствіе, какопо ожидада ошь нихъ г-жа Сарь. Фридолина остановилась какъ бы въ испугъ передь поршрешомъ; цошомъ взяла его вмѣстѣ съ облещѣвшекю розою, и пошла медленно къ дверямъ. „Мнѣ кажешся, меня хошашь насильно бросишь въ его объашіа“ — думала она. Въ эшо мгновеніе распворилась дверь и вбѣжала со смѣхомъ г-жа Сарь.

„Возьми!“ сказала Фридолина глухимъ, прерывающимся голосомъ.

— „Чшо шы?“ вскричала г-жа Сарь въ испугъ: „шы блѣдна, какъ смерть и вся дрожишь. Неужели шушка моя — шы нездорова.“

„Возьми!“ повшорила Фридолина и упала на кресла. Позвоня въ колокольчикъ, велѣла она подашь себѣ спаканъ воды.

„Напрасно шы эшо сдѣдала!“ сказала Фридолина.

— „Боже мой!“ возразида г-жа Сарь: „могла ли я ожидашь, чшобъ между вами была такая аншипашія, или какъ иначе я должна назвашь — эшо неслыханно! Кажалось, чшо вы другъ другу иравишесь. Уже при недѣли видѣлцсь почти каждый день.

Казалось, что вы прилежно наблюдаете другъ за другомъ, ищите свиданія. Еще вчера. . . .“

„Ты обѣщала не говоришь мнѣ о Гогенгеймѣ.“

Г-жа Саръ спала съ безпокойствомъ и молча ходишь по комнатамъ; веселость ея исчезла; она жалобно сморщивъ на Фридолину, хотѣла ей говорить, но опшвернулась, позвонила, и вошедшей служанкѣ сказала, что ей нужна кареша, чтобы ѣхать къ Совѣшницѣ Кульмъ.

Фридолина, услыша приказъ, кивнула съ досадою головою. Все подшверждало шавшееся въ ней подозрѣніе, что ее хотишь выдать за Гогенгейма. Теперь сдѣлалось ей ясно все, доподѣ непомяшное въ поспуцкахъ г-жи Саръ и Совѣшницы. Теперь она привела себѣ на память, какъ часшо, будто бы случаемъ, доставляли ей свиданіе съ Гогенгеймомъ. Въ ней взбуншовалась женская гордость ея. Едва могла она скрывать досаду свою. Испочникомъ слезъ облегчилось спѣсненное сердце ея.

Г-жа Саръ все еще расхаживала въ задумчивости взадъ и впередъ. Съ четверть часа были онѣ вмѣстѣ, и никшо не прерывалъ молчанія. Заспучала кареша у подѣ-

взда. Г-жа Сарь подошла къ Фридолинѣ и взяла ея руку.

„Ты плачешь, милая,“ сказала она: жалю, что, проливъ воли, себя огорчила. Со временемъ ты увидишь, что я точно желала тебѣ добра.“

— „Благодарю за доброе намѣреніе“ — отвѣчала Фридолина — и вся досада ея миновалась.

Г-жа Сарь была очень расстроена. Слезы гошovy были навернулись на глазахъ ея. Видя въ шакомъ же расположеніи Фридолину, она еще разъ осмѣлилась завести рѣчь о ненавистномъ предметѣ.

„Заклинаю тебя, моя милая“ — вскричала она умоляющимъ голосомъ: „заклинаю нашу родспвенною дружбой, будь чисто-сердечна со мною. Неужели ты такъ рѣшилась? Ты не можешь любишь добраго Гогенгейма?“

— „Не могу!“ промолвила, всхлипывая, Фридолина.

„Несчастливая, жалю о тебѣ. Онъ былъ бы для тебя лучшимъ...“

Фридолина прервала ея. „Ни слова о немъ между нами!“ И она бросилась, вся въ слезахъ, на кровать.

16.

Почти тоже и почти также было у Совишницы съ ея брашомъ въ тоже самое время; и ей не болѣе посчастливилось, какъ г-жѣ Сарь съ Фридолиною.

„Хочешь или не хочешь“ — сказала она: „я должна говорить тебѣ о Фридолинѣ. Ничего шакъ не желаю, какъ того, чшобъ она тебѣ понравилась. Предобрая дѣвушка! Она умѣешь всѣхъ къ себѣ привязать, и я увѣрена, что она тебя любишь.“

— „Я увѣренъ въ противномъ!“ вскричалъ Людвигъ. „И если бъ она любила меня, мнѣ невозможно.... Умоляю тебя всѣмъ на свѣшъ, оставь меня въ покоѣ.“

„Нѣшь Людвигъ, ты самъ себя обманываешь. Фридолина имѣешь навѣрное столько же ума, столько же чувствительности, какъ и швоя Опшилія; а при томъ надобно признаться, она прелестнѣе швоей невидимки. Если бъ я захошѣла, то могла бы продолжать сравненіе; но погоди, сегодня я узнаю еще многое.“

— „Откуда.“

„Отъ г-жи Сарь.“

— „Она развѣ знаешь Опшилію?“

„Она слышала о ней. Опшилію ожидаюшь сюда.“

— „Такъ я тогда и скажу тебѣ, а не прежде, рѣшительный свой отвѣтъ.“

„Тебѣ нечего ждешь, или ты жестоко накажешь себя. Ты живешь теперь въ мечтательномъ мѣрѣ. Ждешь Ангела и вдругъ явится такая обыкновенная дѣвушка, что ты съ досадою ошь нея опвернешься. Возможно ли, чтобъ человекъ образованный, знающій людей, опытный, такъ грубо ослѣплялъ себя? Представь себѣ, не должны ли бы дѣвушки влюбляться въ того или другаго писателя? Но онъ не такъ глупы. Известно, что ваша братья стихотворцы не всегда болшае сшихами; что въ обыкновенной жизни вы народъ, самый прозаическій, а велики только за письменнымъ столомъ. Для счастливой жизни, въ супружествѣ нужно болѣе, нежели одно воображеніе или вдохновеніе. Нужно здоровье шѣла и души, веселость духа, всегда одинаковал, снисходительность къ недоспашкамъ другаго; особый даръ, въ однообразіи домашней жизни развершывать всѣ новыя прелести, изъ сухой скалы изсѣкать источникъ; слезы осушать улыбкою... Вошь что нужно для брака.“

— „Ты славно ораторствуешь!“ сказалъ Людвигъ, улыбаясь.

„Смѣйся, смѣйся! Знаю, что ты лучше меня съумѣешь сказать все это. Но и самый искусный врач, когда занеможетъ, не помянетъ ни себя, ни лекарствъ, и беретъ ихъ изъ рукъ ученика. Я не много читала; но сужу по другимъ, что большая начитанность портишь сердце и голову. Кто много читаетъ, часто перяетъ свое собственное. Эти люди спановятся, сами про то не зная, обезьянами своихъ романическихъ героевъ. Въ своемъ кругу они уже не то, чѣмъ должны бытъ, потому что хотятъ бытъ болѣе, нежели мы, люди обыкновенные. Имъ свѣтъ кажется послышь и не для нихъ созданъ, потому что въ немъ ничего не требуется, кромѣ чистаго сердца и здраваго природнаго разсудка. Я знаю дѣвицъ, копорыя проплакиваютъ глаза надъ нѣжноспями въ ихъ романахъ, а поспыдились бы оказать помощь раздавленному на улицѣ нищему. Знаю маперей, копорыя пишутъ славныя колыбельныя пѣсни, тогда какъ ихъ собственные дѣти изводятся въ нечистотѣ.“

— „Что жъ ты не подбираешься поближе.“

„О, конечно, я знаю мужчинъ, копорыя, изъ любви къ романическому и диковинному,

лишають себя покоя и домашняго крошкато счассія.“

— „А я знаю женщинъ, копорья очень вѣжливы и любезны, но за всѣмъ шѣмъ безпресшанно ссоряшся и браняшся, пошому шолько, что имъ хочешся, чтобы всякій башмакъ былъ шишь на одну колодку, чтобы ни кто не смѣлъ думать и чувствовашь иначе, нежели онъ; копорья каждаго порядочнаго челоувка считають романическимъ героемъ, если онъ не шакъ читаешъ азбуку, какъ ихъ учили.“

„Ты не разсердишь меня. Но, Людвигъ, будь чистосердечень самъ передъ собой! — Ты любишь Фридолину, а не хочешь ее любить, чтобы ошашься вѣрнымъ Ошпилиа. Не шакъ ли?“

— „Говорю шобъ, Тереза, шоржешвенно и въ послѣдній разъ: къ Фридолинѣ я очень равнодушень. Сердце мое ничего къ ней не чувшвуешъ. О любви нечего думать, о бракъ и шого менѣ. И шакъ, объ этомъ ни слова!“

Терезу вызвали. Г-жа Саръ къ ней привчала.

Въ сердечныя обстоятельство, особливо двухъ любящихся, не долженъ мѣшашься никшо. У любовниковъ бывають разные, очень опасныя причуды, пошому что они

больны душею. Имъ хочется именно прошивнаго шому, чего хошашь ошь нихъ. Эшо было бы нужно знашь г-жѣ Саръ и Терезъ; но здоровые рѣдко помышляють о шомъ, каково имъ было передъ выздоровленіемъ. Пошому-шо наши дамы, желая все уладить, разлаживали шолько.

17.

Между шѣмъ бѣдный Людвигъ, дразнимый своими мечшами и чувсшвами, былъ еще очень далекъ ошь шого, чшобъ одержать надъ собою побѣду, какъ можеть бышь воображалъ. Онъ всѣми силами спарался испребишь образъ Фридоины въ своей памяти. Со всѣми убѣжденіями разума предшавляя онъ себѣ, чшо совершенно къ ней равнодушень, чшо шолько ея миловидность поразила его и ослѣпила на минушу. Ему казалось несообразнымъ съ достоинствомъ мужчины, съ швердосшію его характера, пожершвовашь испыпанною любовью и вѣрностью дѣвушки, которая любишь его уже шри года, первому, бѣглому, едва чешырехнедѣльному знакомшву съ особою, которая передъ другими женщинами опшичается развѣ шолько прелесшями своей наружности.

Но щещны были усилія сердца. Тщешно бралъ онъ съ груди своей портретъ Ошшилліи и въ самыя опасныя минушы держалъ его передъ глазами. Голубые глаза ея, какъ и прежде, выражали смиреніе. Золотыя локоны все еще казались лучезарностію. Но незамѣтно зашемнялся его *наружный* взоръ, а передъ *внутреннимъ* носился образъ Фридоины, со всею невыразимою миловидностію, какую даюшь любовь и юность. Изъ ея черныхъ глазъ говорило глубокое чувство; ея шемные волосы попушала пламень Ошшилліной лучезарности. — То являлась она предъ нимъ, какъ незадолго, озаренная сіяніемъ луны; шо въ танцахъ, лешающею возлѣ него, въ ослѣпительномъ свѣтѣ тысячи огней, съ челомъ, увѣчаннымъ радостію.

„И она меня любишь, о! конечно любишь!“ вскричалъ онъ въ воспоргъ. Онъ взялъ оляшь портретъ Ошшилліи. Въ невинныхъ глазахъ ея прочишалъ онъ упрекъ своей невѣрности. Самъ сдѣлался своимъ обвинителемъ. Его мученіе казалось ему нестерпимымъ и шысячу разъ жалѣлъ онъ, что не осшался въ ледовишой Лапландіи. Ахъ, шамъ спалъ онъ покойнѣе на звѣриныхъ кожахъ въ бѣднѣйшей хижинѣ, нежели шеперь на мягкомъ пуховикѣ.

Тереза, съ женскимъ лукавствомъ, не безъ удовольствія подкарауливала эту скрышную борьбу. „Ну, брашець,“ сказала она ему: „я теперь вижу, что ты, какъ истинный рыцарь, останешься вѣренъ своей красавицѣ. Я не хочу, въ своей волшебной сказкѣ, играть роль злой Феи и разлучать два нѣжныя сердца. Избави Богъ! — Пусть планъ мой не удался; но желанія мои должны всегда уступать своему счастью. — Будь покоенъ. И Фридолина — ты правъ и ошибка на моей сторонѣ...“

— „Что такое? Фридолина?“ вскричалъ съ горячностью Людвигъ.

„Она себя не любишь. Она — однако, умиешь ли ты молчать?...“

— „Она“... пролепеталъ Людвигъ.

„Она тайно помолвлена съ другимъ.“

Людвигъ поперялъ въ это мгновеніе слухъ, зрѣніе и всѣ чувства; онъ не помнилъ, стоишь ли онъ, лежишь, или ходишь. Тереза говорила еще многое, но братъ ея былъ уже безжизненная сшашуя; онъ не понималъ изъ всего говореннаго ни слова.

„Ты несносенъ!“ вскричала наконецъ Тереза и хлопнула его по плечу, какъ будто желая пробудить ошь сна. „Такъ вошь благодарность за пріятную вѣсь? Поздравляю Опшнцѣю. Она очень по радуется глу-

тому любовнику. Я ожидала покрайней мѣрѣ, что ты съ радости бросишься къ ногамъ моимъ, спанешь цѣловашь мои руки, вскочишь, велишь подвеспи своего коня, и спросишь: гдѣ жь она?“

— „Фридолина? — Какая мнѣ до этого нужда?“

„Ты очень несправедливъ къ этой милой дѣвушкѣ и обижаешь ее. Дурно! однако мы это оставимъ до другаго времени. Я не объ ней говорила.“

— „Но вѣдь ты сказала, что она помолвлена тайно съ другимъ.“

„Я же сказала и то, что Опшилія пріѣхала, что она здѣсь и что я скоро надѣюсь познакомиться съ этимъ безвѣстнымъ Ангеломъ?“

— „Опшилія здѣсь?“

„Ну же, какъ холодно! — Я совсѣмъ не узнаю тебя. Право, подобныхъ тебѣ любовниковъ цѣлая дюжина была бы еще легка для одной дѣвушки.“

— „Гдѣ живешь Опшилія?“

„Я не знаю. Я совсѣмъ этого не знаю, государь мой. На будущей недѣлѣ ты долженъ ее увидѣшь въ присутствіи двадцати другихъ дѣвицъ, тебѣ незнакомыхъ. И когда ты съ перваго взгляда узнаешь ее изъ двад-

цаши, тогда повѣрю я сочувствію душъ, и духовнымъ соотношеніямъ.“

18.

„Надѣюсь“ — сказала г-жа Саръ Фридолина: „что ты только шутила, собираешься отъ меня уѣхать?“

— „Нѣтъ!“ ошвѣчала Фридолина: „дядя мой желаетъ, чтобы я непременно приѣхала.“

„О, дядю я берусь успокоить. Ты огорчишь меня, если дѣйствительно такъ внезапно уѣдешь. Я должна буду подумать, что ты разсердилась за мою шутку, которой совсѣмъ бы и не было, если бы я ранѣе знала о Гогенгеймъ, что знаю теперь.“

— „Что жъ ты знаешь?“

„Вчера видѣлась я съ Совѣшницей и она очень искренно говорила со мною.“

— „Ну, вѣрно не могла она сказать о немъ ничего худого.“

„О, конечно!“ Я воображала только, что Гогенгеймъ любитъ тебя. Я принимала вѣжливости за чувства, и нѣжности вкрадчиваго обращенія за слѣды глубокой сирасши. Но вышло совсѣмъ не то. Гогенгеймъ не любитъ тебя.“

— „Ты лучше. Впрочем ты считаешь меня по, что я давно уже знаю. Мужчины, которые все любят, не любят ничего.“

„Нынь, моя милая, кь Гогенгейму это совсем нейдет. Он уже выбрал и оспашся вренъ своей героинь.“

— „Право!“

„Говоришь, что это прекраснѣйшая дѣвушка. Блондинка съ глазками небеснаго цвѣта.“

— „Ну — мнѣ все равно.“

„Тебѣ все равно?“ сказала г-жа Саръ, улыбаясь, и подойдя кь ней, положила дружески руки свои на ея плечи.

— „Конечно. Развѣ ты ожидала чего нибудь другаго“ — возразила Фридолина, пошупя въ полъ пасмурный взоръ свой.

„Я очень любопытствую узнать, какова его заповласая подруга. Она скоро придетъ кь намъ въ резиденцію. Ты должна оспашся — хотя бь и для того, чтобы видѣть вкусъ Гогенгейма.“

— „Не стоить труда! После завтра я непременно вду. По мнѣ пускай обожаютъ онъ хоть десять блондинокъ. Желаю ему успѣховъ.“

„На своемъ лицѣ, милая, не написано твоихъ желаній. Боже мой! какія складки

между бровями! — И ты говоришь правду? шебъ шочно все равно?

Фридолина молчала и порывалась изъ объяснй г-жи Сарь.

„Ты сердншься на меня?“ спросила по- савдняя.

— „Ни мало.“

„Посмотри же на меня прямо.“

Фридолина подняла глаза. Слезы бли- спали на ннхъ. Она вырвалась. Громко ры- дая, бросилась она въ свою комщану и за- перлась шамь.

Погода немного, вынула она оспашки завядшей розы, кошорья сберегала между своими драгоцннностями, какъ лучшую изъ ннхъ; эши жалкне, изсохше листочки раз- мешала она за окномъ, на волю въшровъ.

Въ Воскресенье Людвнзь ошправился съ сесшрою своею въ церковь. Рвдко посщалъ онь храмъ Божнй, но всегда съ чувшвами нспнннаго благочесння; охошнве же всего ходилъ онь шуда, когда сердце его было въ движеннн. Торжесшвенный сумракъ между шполпами, подъ высокими сводами и въ го- шмическихъ галлерейхъ храма, важность цер-

ковнаго пѣнія, возносимаго къ Престолу Всевышняго, мечты о прошекшей юности, возобновляющіяся при величавыхъ звукахъ органовъ, все его окружающее наполняло душу его благошворными чувствами. И никогда не пересступалъ онъ за порогъ храма, не бывъ покойнѣе въ душѣ своей: вся природа казалась ему тогда величественнѣе.

Во время всеобщаго пѣнія, взоры его невольно устремились на одинъ предметъ, внезапно его поразившій. На другой сторонѣ церкви сидѣла на скамьѣ у окна, между многими хорошо одѣшыми женщинами, одна, копорой лице было сначала закрыто чернымъ, сверхъ плечь висящимъ покрываломъ. Когда же незнакомка откинула свое покрывало, онъ едва усидѣлъ на мѣстѣ: такъ поразило его блѣдное лице съ золошыми кудрями. Еще за опдаленіемъ скрывались онъ него шончайшія черны сего лица; спанъ же и осанка были совершенно опшпилины.

Долго и приспально смолчалъ онъ. „Это она!“ кричалъ въ немъ внутренній голосъ и шрепешъ объялъ его членами. „Это она!“

Его безпокойство увеличилось, когда онъ замѣшилъ, что и незнакомка стала часто на него посмашривать, и пошомъ обращалась къ сидящимъ подлѣ нея женщи-

намъ, которыя послѣ того также искали его взорами.

„Не знаешь ли ты, кто это?“ шепнула онъ Терезѣ.

— „Гдѣ?“ спросила Совѣшница.

„Вонъ тамъ, на скамьѣ у окна, за послѣднимъ столпомъ, въ черномъ покрывалѣ.“

Тереза улыбнулась. „Я не знаю ее.“

Это не знаю еще болѣе подтвердило догадку Людвига. Въ немъ возродилась полная увѣренность. Онъ не сводилъ уже глазъ съ зашпорованной незнакомки, и чувствовалъ — не знаю, что — какую-то смѣсь любви, уваженія, удовольствія и робости.

Только въ одномъ не соотвѣтствовала Ошшилія его ожиданіямъ. Она была слишкомъ жива. То вспавала она и облакачивалась на окно, размахивала церковью; то разговаривала съ своими сосѣдками; то улыбалась кому нибудь изъ молодыхъ людей, стоявшихъ за ея скамьею и находившихъ случай молвить пріятное слово; то смотрѣла опять въ свою книгу; то поправляла и перебирала складки своего покрывала, и такимъ образомъ была въ безпрестанномъ движеніи.

Не такую представлялъ себѣ Людвигъ Ошшилію. Ему мечталась она съ прелестію крошкой Мадоны, съ миною спрадацикъ.

Живость, игривость, даже оскорбительная для святости мѣста, была не подъ задъ восхищительно-жалобнымъ тонамъ ея пѣсь.

„Возможно ли пакъ обмануться? Это ли милая мечшательница?“ говоришь про себя Людвигъ. „Думаешь ли она, какъ пѣщъ, и пакъ ли думаешь обо мнѣ?“

Въ эпомъ раздумьѣ взоры его неволью скользнули къ шой скамьѣ, на кошорой Фридолина и г-жа Саръ сидѣли въ безмолвномъ благоговѣннн. Предесшнне глаза Фридолинны не поднимались выше лншювь ея молишвенника. Казалось, что нѣжный голосохъ ея ошъ всей души изливался въ проспранную рѣку тоновъ, звонко раздававшихся подъ высокими сводами. Началось пвнне извѣспной спрѣфы:

Не щепно жаждешь ты вокоя,
Воспрянь, усталая душа! и пр.

Не одна душа почувствовала при эпомъ благошворное дѣйшвіе надъ собою, не ошнъ вздохъ вылетѣлъ изъ спѣсненной груди. Фридолина еще болѣе наклонила свою голову, можешъ бышь, чшобъ скрышь слезу ошъ взоровъ людей, ея окружающнхъ. Однако бѣлый плашокъ, примыпный на глазахъ, обнаружилъ ее Людвигу.

Онъ былъ въ сильномъ волненіи. Его дыханіе ускорилося. „Она спрадаецъ. Она несчастлива — ахъ, и неужели опъ меня? Она любитъ другаго, любитъ несчастливо, а я? Чшо это за свѣшь, въ кошоромъ вооще спремятся другъ къ другу одинаково настроенныя души и судьба безчувственно смываецъ насъ въ вѣчностъ, и мы, разлученныя, погибаемъ въ волнахъ, едва успѣвъ произнести обѣщъ въ чистой любви.

Пошомъ запѣли:

Конецъ борбѣ наспанешъ скоро,
 Минешъ спрадальческій швой бѣгъ,
 Тебѣ гошовъ — успокоенья брегъ!

Ему казалось, чшо всѣ прихожане шолько для него и пѣли сіи священныя слова. Онъ погрузился въ самого себя и взоръ его зашмился слезами.

Проповѣди онъ совсѣмъ почти не слушалъ. Опшилія и Фридолина непрерывно его занимали. Обѣ сидѣли въ равномъ опъ него разстояніи, но ни одна не помышляла, какое глубокое впечатлѣніе произведено ею въ сердце юноши, и какія сравненія между обѣими дѣлаюцца въ умъ его. Впрочемъ Опшилія не рѣдко на него посмашривала, и, казалось, взоръ ея все спановился пасмурнѣе. Фридолина же не бросила ни одного взгляда вокругъ себя.

Такое строгое благочестіе почти больше оскорбляло его, нежели сколько льстило ему внимательность Оппилии. „Не удостоишь ни однимъ взглядомъ, тогда какъ знаешь она, что я здѣсь — пусть не видно ничего и дружескаго!“

Онъ старался увѣрить себя, что всема къ ней равнодушенъ; что даже ненавидишь ее за такіе спранные пошупки. Принуждая себя сморгнуть только на Оппилию, онъ извинялъ ее живостью, находилъ ее любезнѣе Фридолины, и пошомъ — сморгнулъ опять на Фридолину, и какъ горько было ему, что все таки ни разу не взглянешь она.

Когда кончилось Богослуженіе, Тереза обратилась къ нему съ улыбкою, говоря: „Не бьется ли твое сердце? — Оппилія вѣдь здѣсь въ церкви.“

20.

Этого еще недоспавало. „Такъ это она?“ вскричалъ Людвигъ и въ то же время увидѣлъ, что блондинка поднялась и, вмѣстѣ со своими, намѣрена оставить церковь. Любопытство, любовь, надежда, а можешь бышь и маленькое мщеніе Фридолинъ, подстрекнули его дожидаться незнакомки въ дверяхъ церкви.

Онъ пошелъ туда и вмѣшался въ толпу народа, спѣсившагося въ дверяхъ. Близъ него стояла женщина съ накинутымъ на лице чернымъ покрываломъ. Черты этого лица скрывались за флеромъ и по недоспапху свѣта онъ огромныхъ столповъ и сводовъ. Но незнакомка смотрѣла на него. Онъ почувствовалъ, что какая-то нѣжная ручка взяла его руку; почувствовалъ легкое пожатіе, пожалъ самъ, и не помнилъ уже ни о чемъ въ свѣшѣ.

„Возможно ли?“ думалъ онъ: „Эта она! Она узнала меня еще въ церкви — такъ вошь онъ чего ея радость, ея безпокойство, ея живость. Но какъ же она узнала меня? Мое имя здѣсь неизвѣстно. Развѣ Тереза. . . .?“

Тутъ выбрались они изъ толпы на папершъ. Онъ все еще держалъ маленькую мягкую ручку. Кареша ожидала ихъ. Боже мой! какой злой обманъ! Подъ роковымъ флеромъ скрывалась не блондинка, а г-жа Саръ. Онъ повелъ ее къ карешѣ, въ смущеніи, которое возрасло еще болѣе, когда увидѣлъ онъ идущую сзади Фридолину, и когда принужденъ былъ и самъ сѣсть вмѣстѣ съ ними, волею или неволею — разсуждать было нѣкогда.

Довольнѣ всѣхъ казалась г-жа Саръ. Фридолина, съ полупоникшимъ, пасмурнымъ

взоромъ, сидѣла прошивъ врага своего, который, въ своемъ замѣшательствѣ, спалъ дѣлать самыя опривисшыя вопросы и получалъ опривисшыя, еще болѣе опривисшыя.

Г-жа Саръ нѣсколько времени поглядывала на нихъ съ насмѣшливою улыбкою. „Теперь вижу, друзья мои“ — сказала она: „что вы между собою большіе враги. — Боже мой! какіе ужасныя взгляды бросаеше вы другъ другу! мнѣ даже спрашно за васъ въ такомъ шѣсномъ мѣспѣ. Поберегите свой гнѣвъ хоть до шѣхъ поръ, когда мы выйдемъ на свободу.“

— „Не знаю, сударыня“ — лепешалъ Людвигъ: „съ чего кажешся вамъ, что я... можешъ бытъ дѣвица Бернекъ... въ такомъ случаѣ... не моя вина...“

„Извольте посмопрѣшь, какая невминосшь! Не вы ли покраснѣли съ досады, когда увидѣли Фридолину? Не должна ли я была, по вашимъ движеніямъ въ дверяхъ церкви, заключить, что вы гошовы съвсшь ее передъ глазами всѣхъ прихожанъ? Не приуждена ли я была держашъ васъ?“

— „Неужели и у васъ такія же обоннѣ мысли?“ спросилъ Людвигъ Фридолину.

„Развѣ не знаете вы, что г-жа Саръ любяшь шущипъ?“ опривчада Фридолина спрого и пошупила глаза.

Карета остановилась. Людвигъ, высадив даму, долженъ былъ проводить ихъ въ комнаты и оспаться тамъ на минушку. Г-жа Саръ, будто бы опозванная домашними дѣлами, вышла, и Людвигъ остался наединѣ съ Фридолиною.

Последняя почувствовала злобный умыселъ своей пріятельницы и снова шѣмъ оскорбилась. Людвигъ потерялъ всю бодрость. Никогда не чувствовалъ онъ такъ живо, сколь мила спала для него эша дѣвушка. Уже ясно представилось ему, что она любима имъ болѣе, нежели Опшилія.

„Такъ и вы были въ церкви?“ спросила наконецъ Фридолина, чтобы спросить что нибудь.

— „Вы не видали меня? Вы не хотѣли меня видѣть — едва и теперь меня замѣтили. Что жъ такое сдѣлалъ я вамъ?“

„Ничего — совершенно.“

— „Такъ безъ причины вы ненавидите меня?“

„Напрасно вы это думаете. И кто могъ вамъ сказать это?“

— „Вы сами, хотя и не на словахъ. Ахъ, Фридолина — если я смѣю называть васъ еще эшимъ прекраснымъ, дружескимъ именемъ — сщало бытъ, шочно было дурное предзнаменованіе, когда рассыпалась роза и

мнѣ оспались шипы! — Но и они берегущся у меня, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище.“

„Г. Гогенгеймъ, вспомните о вашихъ отношеніяхъ, — вамъ нельзя шакъ говорить. У васъ есть другая, лучшая подруга, кошо-рая готовишь вамъ розы — что жъ вамъ забошиться о шипахъ инаго рода?“

— „Для меня нѣтъ болѣе розъ. Фридолина, нынче для насъ послѣдній день; позвольте мнѣ шолько сегодня бышь ошкровеннымъ — ахъ, я очень несчастливъ...“

„Избави Богъ! Но, если не шеперь, то послѣ вы будете счастливы. Забудьте, что мы имѣли свою минушу слабости. Ваше сердце принадлежало другой. Сегодня послѣдній вечеръ проведемъ мы вмѣстѣ. Пошараемся же ишпробишь пошомъ всякое воспоминаніе другъ о другѣ. Оспавимъ пушную мечшашельность! Бросьте шипы — у меня и розы ваши не уцѣлѣли: онѣ мнѣ и не принадлежали.“

Все это сказано было не сурово, но шстрого. Людвигъ шрепешалъ присшыженный. Онѣ напечашавъ жаркій поцѣлуй на рукъ Фридолины, повернулся и оспавилъ ее.

21.

Послѣ шакого объясненія Людвигу же оспавалось болѣе радосшей въ мірѣ. Съ ра-

спроеннымъ лицомъ возвратился онъ домой, заперся въ своей комнатѣ и не вышелъ къ обѣду.

„Я люблю ее“ воскликнулъ онъ: „и одну ее! Какой пагубный призракъ воображенія привлекалъ меня къ этой Опшиліи, кошорой я не зналъ. Съ Фридолиною былъ бы я счастливъ, но я пожертвовалъ своимъ спокойствіемъ пустою шѣни — ахъ, что я говорю я, шѣни? — жалкимъ, ребяческимъ грезамъ, глупымъ причудамъ. И шакъ должно опказаться отъ небесъ, къ кошорымъ раскрывались мнѣ двери? Уже не могу ожидать я другаго на землѣ счастья, кромѣ шого, что мало по малу кровавыя раны мои будутъ приближать меня ко гробу. Уже не буду я счастливъ любовью, потому что шолько однажды поддается ей сердце. Только одна весна бываетъ въ жизни — все прочее упоминательное льшо, кошорое болѣе превозмощъ, нежели подкрѣпляетъ! — Опшилія! я клялся тебѣ въ вѣчной дружбѣ: пожертвую собою этой дерзкой кляшвѣ. Я швой — чѣмъ кто несчастливѣ, тѣмъ охотнѣе стараешься онъ дѣлать счастливыми другихъ.“

Вскорѣ послѣ обѣда собрались у Совѣшницы гости. Одна Фридолина явилась поздно. Она занималась укладкою вещей своихъ

для опъзда; покрайней мѣрѣ шакова была ошговорка, кошорою она воспользовалась, чшобъ сокрапишь горькіе часы эпого-вечера. Людвигъ шоже не выходилъ. Тщешны были спаранія хозяйки, чшобъ его вызвашь. Онъ боялся свиданія съ Фридолиной, — боялся минушы разлуки.

22.

Оба явились наконецъ почши въ одно время. На лицахъ обоихъ написано было уныніе, пишавшее ихъ души. Они спарались бышь какъ можно далѣе другъ опъ друга; но мысли ихъ вспрѣчались вездѣ. Украдкою спремилась ихъ взоры, чрезъ всю шолпу собранія, другъ къ другу.

Подали свѣчи. Тереза и г-жа Сарь были шакъ веселы, чшо одушевили собою все собраніе, и всѣ ликовали съ ними. Только Людвигъ и Фридолина ошавались нѣмы, какъ будшо совсѣмъ не принадлежали къ эпому веселому общешву.

Совѣшница повела наконецъ браша своего къ форшепьяно. „Если не хочешь говоришь“ сказала она: „шо дай по крайней мѣрѣ хопъ иначе себя слушашь.“

„Такъ вы играете на форшепьяно!“ вскричала г-жа Сарь. „Ну, какъ же вы умѣ-

еще скрывать свои таланты! прошу, безъ околичностей. Мы хотимъ васъ слушать; мы приказываемъ. Вы сегодня очень невѣжливы, и пошому васъ надобно взять въ руки.“

Людвигъ съѣлъ за фортепьяно. „И Фридолина тебя слушаешь — можешь быть игра своя привлечешь ее поближе!“ — шептали ему любовь, щеславіе и надежда.

Онъ фанпазировалъ самыми унылыми и мрачными тонами. Гости обступили его; только Фридолина оспавалась въ отдаленіи, непривлеченная игрою.

Въ печальномъ расположеніи духа попалъ онъ неволью на нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ своей *жертвы смерти*, посредствомъ которой познакомился съ Опшллією. Пошомъ всю эту музыку повшорилъ онъ еще, сопровождая своимъ голосомъ. Сердце его изливалось свободно въ шрогательныхъ жалобахъ, смягчаемыхъ религіозными чувствами.

Торжественная пишина въ залѣ спдѣшельствоввала, съ какимъ вниманіемъ и учашиемъ его слушающъ. Игра и пѣніе Людвигъ опшывались въ сердце каждаго. Тихое уныніе служило пригошвленіемъ къ послѣдовавшей вскорѣ всеобщей гореспи.

Но никто не чувствоввалъ сильнѣе Фридолины. Она вдругъ зарыдала и шихонько удавилась изъ залы.

•

Эмо не помѣшало пѣвцу, но другое обстоятельство вспревозмогло его до крайности. Уже онъ кончилъ пѣніе, которое сопровождалось еще нѣсколькими исчезающими звуками. Вдругъ являешся Амосъ и прошепсаяшся къ нему, чрезъ толпу окружавшихъ его слушателей.

„Письмо изъ Исландіи!“ закричалъ онъ своему барину.

— „Опять Исландское письмо!“ сказала, смѣючись, г-жа Саръ.

„Какъ? изъ Исландіи?“ заговорило съ удивленіемъ все общество.

„И адресъ написанъ по Исландски же?“ спросилъ одинъ Профессоръ и заглядывалъ на письмо черезъ плечо Амоса.

Людвигъ шрепешалъ, самъ не зная, ошъ чего. „Но вѣдь нынче не почтовый день. Откуда же письмо, Амосъ?“

— „Его принесли сюда въ домъ!“ ошвѣчалъ Амосъ: „А что оно изъ Исландіи, то я гошовъ голову свою прозакладовашъ. Ужъ шамошнія письма я очень знаю!“

Людвигъ взялъ письмо, оно было ошъ Опшиліи. На конвершѣ не спояло никакого почшамшскаго знака; адресовано было оно въ Коленгагенъ.

Тереза ошвела брата своего въ спорошю. „Твои Исландскія письма“ — сказала

она: „рѣдко располагаюшь себя къ веселости. Поди же въ кабинетъ, чшобъ никшо не увидѣль по крайней мѣрѣ швоего пасмурнаго лица.

Съ сими словами, шупня, полкала она его въ боковую комнату. Тамъ было шемновато. Одна шолько свѣча горѣла на шолѣ передъ зеркаломъ. Дрожащею рукою распечаталъ онъ пакетъ, и увидѣль давно знакомый почеркъ Опшилин. Въ письмѣ прочиталъ онъ слѣдующее:

„Я въ резиденціи, любезный Теодоръ, и завтра ошпшь изъ оной увѣжаю. Сюда прѣехала я за шѣмъ, чшобъ узнать чшо нибудь о тебѣ и познакомишься съ швоею сестрою. Одна изъ подругъ моего дѣшштва взялась представить меня ей подѣ чужимъ именемъ, для шого, чшобъ сестра швоя не открыла шого тебѣ. Теперь я сама тебѣ бшкрываюсь, и не хочу ничего ошъ себя сокрышь. Тебя не хочу я никогда обманывать, даже и самымъ невиннымъ образомъ. Требую же чшобъ и ты былъ ко мнѣ великодушенъ.

„Я несчастлива, любезный Теодоръ. Попробую дашь тебѣ ошчешъ въ моихъ чувстввахъ. Не осуждай меня, пока не прочтешъ нѣсколько разъ, съ полнымъ хладнокровіемъ и разсудительностію сихъ спрокъ, писанныхъ въ большомъ волненіи духа.

„Не шебъ, но себъ самой поклялась я, не давашь руки своей никому изъ мужчинъ, пока не узнаю шебя лично. Я поклялась опдашь шебъ свою руку, если чпы найдешь меня шого досшойною. — Ты попробоваль мой поршрешъ. Я послала шебъ чужой, чшобъ имвъшь удовольствіе узнашь шебя со временемъ, не бывъ узнацною. Признаюсь шебъ во всемъ, Теодоръ, — во всѣхъ невинныхъ моихъ хипросяхъ; — ахъ, мнѣ надобно признашся болъе, нежели въ эшомъ!

„Одинъ благородный молодой человекъ, уже помолвленный съ другою, увидѣль меня здѣсь. Я слишкомъ поздно узнала о прежней любви его... онъ человекъ очень добрый. Я видѣла шайную борьбу его... онъ оштался вѣренъ своей избранной; но сердце его уже не было вѣрно ему. Онъ даль мнѣ замъшишь спрасшь свою. — Теодоръ, я увлеклась... да, Теодоръ, я полюбила его. Но онъ оштался вѣренъ своей невѣсшъ, а я шебъ. Я сама во всемъ признаюсь шебъ... я сама... Ты вѣрно его знаешь. Онъ дальній швой родшвенникъ. Имя его Людвигъ Гогенгеймъ.

„Онъ знаешъ меня подъ вымышленнымъ именемъ Фридолины Бернекъ...“

Теодоръ не могъ чшпашъ далье. „Боже мой, эшо Опшилія!“ Пролепеталь онъ и упаль безъ чувсшвъ на полъ. Тереза и г-жа

Сарь, кошорья спояли у дверей кабинета и шуда заглядывали, вдругъ закричали объ. Онъ бросились къ Теодору, — онъ лежалъ, весь помершвѣлый, лице — какъ полошно, глаза закашились.

Тереза, рыдая, кинулась на шрупъ своего брата. Всѣ госпи спѣшили на крикъ.

„Теодоръ! Теодоръ!“ кричала Тереза: „о, милый брашъ мой!“

Ея крикъ возжегъ въ немъ искру жизни. Его подняли и нѣсколько друзей держали на рукахъ своихъ. Тереза, на колѣнахъ передъ нимъ, съ плачемъ и спономъ швердила его имя.

Между шѣмъ Фридолина вошла въ опущѣную залу. Одна шолько г-жа Сарь вспрѣпшила ее шамъ, ломая руки. Между шѣмъ и шуда доходили споны Терезы и беспреспаный крикъ: „Теодоръ, милый брашъ мой!“

Ужась овладѣвъ Фридолиною. „Ради Бога, скажите, что шакое?“ вскричала она, схвашивъ съ жаромъ г-жу Сарь за руку.

„Ахъ, милая Опшила, што была шушка — неудачная, несчастная шушка — поди шуда! Опшила, вѣдь што брашъ Терезы — вѣдь Гогенгеймъ — Теодоръ — —“

Болѣе г-жа Сарь не могла говорить. Она вошла опашъ въ кабинетъ. Тамъ го-

сти, беспорядочными группами, со свѣчами въ рукахъ, стояли вокругъ оживающаго брата Терезы. Уже на лица всѣхъ возвращалась радость. Только Тереза все еще плакала на груди его.

Ошведише меня къ Опшилія!“ шепталъ онъ едва внятно: „ошведише меня къ ней!“

Тереза вскочила и побѣжала въ залу. Тамъ стояла Фридолина, прислонясь уныло къ окну. „Ахъ!“ вскричала Тереза: „милая, милая Опшилія! не покинь моего брата!“ и бросилась, рыдая, къ ней на шею.

Между тѣмъ изумленные, ничего непонимающіе гости ошсупили и дали дорогу Терезѣ, которая вела уже Опшилію къ своему брату. Теодоръ узналъ свою возлюбленную. Онъ съ усиліемъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и пролепеталъ: „Я Теодоръ!“

„Опшилія! не покинь моего брата!“ вскричала опять Тереза.

„О Теодоръ!“ сказала Фридолина измѣняющимъ ей голосомъ и, рыдая, бросилась въ объятія любезнаго. „Опшилія! — Теодоръ!“ это были единственные слова, произносимыя счастливыми. „Ты моя, Опшилія?“ — „На вѣкъ!“ Они ушопали въ восторгъ.

Съ радосными слезами на глазахъ обняла Тереза г-жу Саръ: „впередъ будемъ шушишь умнѣ!“ сказала она.

„А я“ — примолвилъ вѣрный Амосъ, кошорый забосливо споялъ въ опдаленіи: „въ жизнь мою не принесу ему больше ни одного Исландскаго письма.“

II.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ УЧИЛИЩЪ.

(Продолженіе.)

Нѣшь сомнѣнія, что въ числѣ классическихкихъ сочиненій, ешь и шакія, конхъ чшеніе шребуешь разборчивосши со споронныхъ учащихъ. Такъ напрымѣръ благоразумный наспавникъ изъ Горація и Капулла, можешь опускашь разныя мѣспа, а изъ Пешронія и Марціала, онъ предспавишь ученикамъ своимъ одни шодько извлеченія (с. 198 и 199). Иужели Учишель Закона Божія,

копорый въ поже время ешь и нравоучи- шель, не успѣшь впечатлѣшь въ юношахъ чувства благоправія и уваженія къ прави- ламъ, предписаннымъ Религією? — Та добро- дѣшель, говоряшь одинъ Англійскій Писа- тель, копорая шребуешь непрерывнаго за собою надзора, конечно не споишь спере- женія (с. 199).

Сокрашь и Платонъ уже предчувство- вали нужду въ Св. Опкровеніи (с. 197). Да и много ли вообще такихъ древнихъ Пи- сашелей, коихъ полное чненіе могло бы бышь опасно для юношества? напрошивъ сего въ Сокрашь и Платонъ, въ Цицеронъ и Сенека, въ Эпикшетъ и Маркъ Аврелія, сколько упѣшишельнаго для чловѣчества! Свидѣтельствуя о семъ, уже Эразмъ Роп- шердамскій говорилъ, что чненіе класси- ческихъ Писателей (особливо Цицерона) служило ему къ обузданію спрасшей и къ душевному успокоенію (с. 201).

Испинное Христіанство ограждаетъ классическое ученіе ошь несправедливыхъ нареканій, а Классики въ свою очередь спо- собствуюшь къ убѣжденію въ истинѣ Хри- стіанскаго ученія (с. 204 *). Даже въ шѣхъ

(*) Сл. *Fr. Jacobi*, *Vermischte Schriften* Th. I, s. 44. Также *Jenaische Allg. literatur-Zeitung*, 1826, N. 209, с. 228.

случаяхъ, въ коихъ древніе Писатели не могутъ вполне удовлетворить всѣмъ потребностямъ нравственнаго нашего бытія; они полезны, ибо заставляють прибѣгнутьъ разсудительныхъ читателей къ успокоительнымъ доводамъ, представляемымъ Св. Откровеніемъ. Словомъ, ученіе Закону Божию и древнимъ языкамъ, должны быть нераздельными основами благоразумнаго воспитанія.

Но опасаясь еще защитить классическихъ писателей противъ политическихъ обвиненій ихъ, которые говорятъ: „Юноши, занимающіеся слишкомъ много классическою Литературою, привыкають къ республиканскому образу мыслей; они получаютъ обращеніе отъ монархическаго образа правленія и бывають недовольны гражданскимъ бытомъ своего времени.“

Въ опроверженіе сего мнѣнія Г. Тиршъ (с. 207, 210) замѣчаетъ слѣдующее:

1. Коренное понятіе о монархическомъ правленіи оживотворено и развито въ образѣ мыслей и въ безсмертныхъ твореніяхъ древнихъ Грековъ. Царь, по мнѣнію ихъ, представляется самимъ Зевесомъ; власть его, есть власть, дарованная ему отъ Бога; — подобно Юпитеру, и ему присвоенъ жезлъ правосудія, скипетръ, а не мечъ.

2. Гражданское устройство разных странъ Греціи было шоль различно, что объ одномъ, какомъ бы то ни было республиканскомъ правленіи, и говоришь нечего. Тамъ правленія Демократическія и Аристократическія, Олигархіи и Монархіи существовали въ одно и то же время. Наконецъ

3. Классики постоянно швердятъ, что покорность существующимъ постановленіямъ, есть первый долгъ каждаго гражданина. Греки ненавидѣли шолько тирановъ низкаго происхожденія, которые, присвоивъ себѣ прошивозаконную власть, могли подерживать оную одними лишь преступленіями.

И пакъ, можешь ли благоустроенное Правительство опасаться какого либо вреда отъ Классиковъ, которые въ древней комедіи и въ рѣчахъ своихъ открываютъ юношамъ, всѣ недоспадки Республикъ; всѣ буйства Аѳинской Демократіи, и жестокость Спартанскаго Аристократизма (с. 211)? Пагубно, когда всѣ хоятъ бытъ правителями; но вредно и то, когда Государство по часнямъ или, по разнымъ вѣшрвямъ, опдается въ совершенную власть и на произволь немногимъ.

Ненавистники классическаго ученія, не сошлются ли на послѣднія важнѣйшія рево-

люціи въ Европѣ? Не укажутъ ли на Великобританію и Францію? — Въ Англіи Кромвель дѣйствовалъ не посредствомъ Классиковъ: онъ упошребилъ во зло слово Божіе, Вещій Завѣтъ; а за Рейномъ разныя подражанія древнимъ, существовали только по однимъ названіямъ. Тамъ образцы были заимствованы не отъ самихъ классиковъ, но отъ новѣйшихъ изуродователей оныхъ. И развѣ незвѣстно, что тѣ самые велерѣчивые республиканцы, копорые тщеславились наименованіями Брушовъ и Ариспидовъ, не знали по Лашыни, а и того менѣе по Гречески (*)?

Сего конечно довольно для убѣжденія, не токмо въ безвредности, но и въ самой необходимости основательнаго классическаго ученія. Къ чему однако, можешь быть скажутъ нѣкоторые чинашеля, къ чему познанія древнихъ Писателей, съ коими мы расстаемся на всю жизнь, при выходѣ изъ Училища? Предлагающимъ сей вопросъ Г. Тиршъ отвѣтствуетъ: справедливо ли по

(*) Подробнѣе о семъ говоришь одинъ изъ почтеннѣйшихъ знатоковъ древности Г. Ротъ (Friedr. Roth) въ книгѣ: Ueber die fortdauernde Abhängigkeit unserer Bildung von der classischen Gelehrsamkeit. Nürnberg, 1825, на с. 5.

себѣ всегда судишь и о другихъ? Если ваши наставники не умѣли внушить вамъ всегдашней приверженности къ предметамъ, которыми они васъ занимали, если изученіе древнихъ языковъ вами не доведено до шой степени, чшобы вы и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, еще безъ труда могли читать произведенія Латинскихъ и Греческихъ Авторовъ; по ужели позволительно думать, чшо способа ученія, а съ нимъ и успѣховъ учащихся невозможно усовершенствовать? Успѣхи и плоды шакого усовершенствованія поднесъ уже восхищающъ знапковъ. Уже сущесшвующъ и между нами люди, и въ зрѣлости лѣтъ съ удовольствіемъ обращающіеся къ друзьямъ своей юности. Подобно многимъ знаменитымъ Англичанамъ, и у насъ есть мужи Государственные всѣхъ разрядовъ и славные воины, которые, для ошдохновенія ошъ должностныхъ занятій, проводящъ часы свои съ отличнѣйшими Писателями времени давнопрошедшихъ. И сіи-шо мужи, — (обстоятельство, которое заслуживаетъ особенное вниманіе) — сіи-шо самые почиатели Классиковъ, сущъ въ то же время и превосходнѣйшіе исполнители возлагаемыхъ на нихъ должностей!

О способъ классическаго ученія.

Предоставляя другимъ любителямъ просвѣщенія, болѣе меня свободнымъ опъ различныхъ занятій, изложивъ соотечественникамъ нашимъ подробно содержаніе оспальныхъ двухъ книжекъ сочиненія Г. Тирша, или же вполне перевесть оное на Россійскій языкъ, я не могу не коснуться хотя вкратцѣ содержанія оныхъ, не могу не упомянутьъ еще хотя о нѣкошорыхъ мнѣніяхъ сего Авшора, заслуживающихъ особенное уваженіе.

Говоря о томъ, какъ надлежало бы распорядить классическое ученіе, Г. Тиршъ раздѣляетъ всѣ вообще Училища на первоначальныя (народныя, или домашнія).

Предварительныя (Vorbereitungsklassen, Bürgerschulen), въ коихъ дѣти можешь находиться съ 8 до 12 или 13 лѣшняго возраста.

Низшую, изъ двухъ классовъ состоящую *Гимназію* (Das untere Gymnasium) и

Высшую Гимназію (Das obere Gymnasium).

Главнымъ руководствомъ всего ученія должно служить правило, чшобы ничему не учишься поверхностно. Основательность шущъ болѣе, нежели гдѣ-либо безусловна.

О первоначальномъ, домашнемъ, или народномъ ученіи, Сочинишель говоритъ между прочимъ, въ спашь о преподаваніи Закона Божія.

Въ предварительныхъ Училищахъ, долженствующихъ бытъ во всѣхъ малыхъ городахъ, обучаешь одинъ Учитель (с. 231 *); принимаешь въ оныя должно дѣшей никакъ не шарѣ 8 лѣтъ, если оныя еще вовсе не учились по-Лашини. Учишь Лашинскому языку наравнѣ съ опечеспвеннымъ. Не переводишь въ Гимназію учениковъ, незнающихъ совершенно сокращенной Лашинской Грамматики, и неумѣющихъ безъ погрѣшней прошивъ Синшаксиса переводишь на Лашинскій языкъ, незнающихъ содержанія легчайшихъ жизнеописаній Корнелія Непоща, или христомати прозаической и пишической (с. 234). Чешырехлѣпный курсъ въ сихъ Училищахъ, можешь бытъ раздѣленъ на произвольное число классовъ; удобнѣе всего однако раздѣлишь оный на чешыре. Когда же число учащихъ въ каждомъ классѣ менѣе 20, тогда полезно соединяшь по два класса вмѣстѣ, а при меньшемъ еще числѣ, и всѣ чешыре слишь воедино (с. 237).

(*) *Однѣ;* — оная сходство съ мнѣніемъ Г. Брауншвейга.

Число Учителей, судя по словамъ Автора, нужно будетъ умножить только въ томъ случаѣ, когда учениковъ будетъ слишкомъ много (с. 237). Лапинскому языку (вмѣстѣ съ отечественнымъ) обучать по два часа въ день, т. е. по 12 часовъ въ недѣлю (остальные часы, числомъ 14, по предположенію Автора, употреблять на изученіе другихъ предметовъ). Учителями въ сихъ предварительныхъ Училищахъ, могутъ быть опредѣляемы и такіе люди, которые сами не успѣли довершить курса ученія въ Университетѣ. Но предметы Гимназическіе, хотя некоторыхъ классовъ оныхъ, должны имъ быть совершенно извѣстны. Полезно бы было, чтобы къ способу преподаванія, они предварительно навывали въ качествѣ Учительскаго помощника (с. 229).

Авторъ, между прочимъ, весьма похваляетъ въ семъ отношеніи устройство подобныхъ городскихъ, или уѣздныхъ Училищъ (Pfaesserschulen) въ Виртембергскихъ владѣніяхъ. Весьма полезны, по его мнѣнію, производимые ежегодно въ Штутгартѣ испытанія тѣхъ учениковъ, которые назначаются для Богословскаго курса. Превосходнѣйшіе изъ нихъ, потомъ воспитываются на счетъ благотворныхъ стипендій, въ шакъ называемыхъ Монашырскихъ Учили-

цахъ (Klosterschulen, с. 231). При шаковомъ соревнованіи учащихся, а наипаче самихъ учащихся, 12 лѣтніе мальчики обыкновенно уже твердо знаютъ Латинскую Грамматику, а 14 лѣтніе и Греческую, и даже Еврейскую (с. 232); и все это безъ излишняго напряженія, не ко вреду, но даже къ пользѣ тѣлесныхъ силъ (с. 232) (*).

О раздѣленіи *нижней Гимназіи* на два класса, и о томъ, въ чемъ со строгостію долженъ быть испытываемъ каждый ученикъ, въ оную поступающій, упомянуто уже выше. Продолжая ученіе Латинскому языку, тушь уже преподается и Греческій. Учитель, несумѣющій въ одинъ годъ научить дѣшей правиламъ Грамматики и Синтаксиса, не способенъ для исполненія своей должности (с. 240) (**). Тушь въ печеніи двухъ

(*) Кто при этомъ случаѣ не вспомнилъ о недавно дошедшемъ до насъ извѣстїи, что одинъ изъ Виртембергскихъ ученыхъ самъ изучилъ Россійскому языку, для того, чтобы заняться преподаваніемъ онаго юнымъ единоземцамъ своимъ, желающимъ со временемъ переселиться въ Россію?

(**) Уже выше Г. Тиршъ говоритъ, что онъ по переселеніи своемъ въ Минхенъ, желая показать, сколь не трудно изучить дѣшей Греческому языку, успѣлъ въ печеніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, довести 10 и 12 лѣтнихъ учениковъ до чтенія Одиссеи.

дѣшъ обучашъ должно еженедѣльно по 8 часовъ Латинскому и по 6 часовъ Греческому языку. Для руководства полезно издашь особья Хрисмомашин, о сосшавъ коихъ Авшоръ нашъ говоритъ на с. 241 и 242.

Въ 1824 году опредѣлено, чтобы ни въ какомъ классѣ Баварскихъ училищъ не было болѣе 40 учениковъ (с. 245). Число сіе, по мнѣнію Г. Тирша, дѣйствительно наиболѣе соотвѣтствуетъ предназначенію учебныхъ заведеній. Но если явятся болѣе 40 учениковъ, ужели опказывашъ имъ въ пріемъ? Нѣшъ, это было бы несправедливо въ отношеніи къ частнымъ лицамъ и вредно для общества. Для сего-то Авшоръ нашъ предполагаетъ устроить *Вспомогательные классы* (Nebenklassen, с. 256). Въ низшихъ (народныхъ) и пригошовишельныхъ училищахъ, при размѣщеніи учащихся въ главный и вспомогательный классы, смощрѣшъ должно шолько на число оныхъ (и по разумѣшеня шамъ шолько, гдѣ не введенъ способъ ученія Ланкасшерскій). Въ Гимназиі же въ главный классъ помѣщать лучшихъ по экзамену, а прочихъ въ классы вспомогательные (с. 257). Какъ однако Гимназическій, на сей случай составляемый Комитетъ испытаній (eine auf bestimmte Zeit zusammentretende Behörde, — Collegium, с. 258.)

же въ состоянті подвергать экзамену до бо учениковъ, для того только, чтобы узнать, кого помѣстить въ главный и кого въ вспомогательный классъ; по надлежитъ полагаться на свидѣтельства Учительей приуготовительныхъ Училищъ, повѣряя токмо оное вообще испытаніемъ, на сей-то конецъ учреждаемымъ. При переходѣ въ каждый высшій классъ, должно сличать свидѣтельства вспомогательныхъ классовъ съ балами учениковъ главнаго класса, дабы изъ всѣхъ вообще учащихся избирать лучшихъ (с. 259). Такимъ образомъ ученикъ, оставшій отъ товарищей своихъ въ главномъ классѣ, будетъ перемѣщенъ при слѣдующемъ переводѣ во вспомогательный классъ (с. 260), а на мѣсто его поступитъ уже другой прилежнѣйшій.

Въ томъ же 1824 положено, чтобы ищущіе учительскаго мѣста, по крайней мѣрѣ въ продолженіе одного года приобрьтали навыкъ, обучая при какомъ либо учебномъ заведеніи. Сіи-то Кандидаты, по надлежащемъ испытаніи и одобреніи оныхъ, могли бы учиться во вспомогательныхъ классахъ (с. 261), и то безвозмездно, или же получая весьма небольшое жалованье, которое можно было бы составить изъ плашежа учениковъ, посѣщающихъ оныя классы (с. 262).

Очевидно, что при шаковомъ устройствѣ должно родиться полезное для училищъ соревнованіе между настоящими Учищеями и Кандидадами (с. 263), и между самими учищеиками главныхъ и вспомошательныхъ классовъ (с. 264). Тогда-то, когда въ классы принимаемо будетъ не болѣе 40 учениковъ, вовсе не нужны будутъ и домашніе учищеи (шакъ называемые *Инструкторы*, — *Instructoren*, с. 265 — 274). вспомошатели сѣи, при хорошемъ состояніи училищъ, даже вредны; о бесполезности же оныхъ свидѣтельствуетъ наипаче городъ Нюренбергъ, гдѣ до лучшаго устройства Гимназіи, (которымъ городъ сей обязанъ одному Виртембергскому Педагогу), издерживалось въ годъ до 30,000 гульденовъ на содержаніе шаковыхъ домашнихъ учищеей. Нынѣ прежніе Инструкторы сѣи разсѣялись; нѣкоторые же изъ нихъ, по словамъ тамошняго Бургомистра, въ самомъ Нюренбургѣ торгуютъ чернилами, перьями, бумагою и т. п. Существованіе сихъ Учищеей можешь имѣть только относительную пользу (*relativen, bedingten Nutzen*) тогда, когда Училища еще неблагоустроенны, когда наприм. число учащихся въ классахъ не соразмѣрно велико, (*) или же ко-

---

(*) Тамъ, гдѣ Правительство само обезпечиваетъ ученіе 40 учениковъ въ каждомъ классѣ, свидѣств-

гда домашнее воспитаніе шаково, что оно могло бы въ дѣтяхъ испреблять все добро, внушаемое имъ въ самомъ классѣ. Въ шакомъ случаѣ конечно благообразованный домашній учитель, можешь принесть нѣкошорую пользу, служа, шакъ сказать, ошводомъ пагубныхъ для юношесшва впечатлѣній. Къ сожалѣнію однако худые примѣры праздныхъ родишелей и пребываніе дѣшей въ полѣ невѣжесшвенныхъ слугъ, оспавляющъ по себѣ шакіе слѣды, кошорые рѣдко совершенно изгладить можно.

но по предположенію Г. Тирша, около 240 въ шесшкласной Гимназіи, и до 160 въ чешырехъ-класномъ пригошовишельномъ (Уѣздномъ) Училищѣ, — ужели шамъ, въ случаѣ великаго умноженія учениковъ (какъ напри: въ Виленской Гимназіи, гдѣ нынѣ числишся оныхъ 642), достаточные родишели не согласятся взносить ежегодно небольшую плату за ученіе дѣшей своихъ? При шаковой же платѣ и при пособіи со стороны Градской Думы, кажется, не шрудно бы вмѣсто одного училища учредишь шаковыхъ два и болѣе, смотря по мѣрѣ надобности. Тогда Кандидашы могли бы пособлять самими учителями, преподавая предметы ученія подѣ ихъ непосредственнымъ надзоромъ. Должно при эшомъ случаѣ обратишь вниманіе и на то, что въ низшихъ училищахъ, для нѣкошорыхъ предметовъ, преподаваемыхъ по Ланкастерской методѣ, число учащихъ можешь бышь несравненно большее, нежели въ Гимназическихъ классахъ.

Чишпашели конечно помнятъ, что цѣлю воспитанія Г. Тиршъ почишаетъ людскость, основанную на знаніи, нравственности и вкусѣ. Тѣ шокмо по истинѣ достойны названія доучившихся (ученыхъ), которые соединяють въ себѣ сіи три условія, совершенно благовоспитаннаго человека; шокмо они могутъ съ пользою для общества занимать важнѣйшія въ Государствѣ мѣста, приспособляя познанія свои къ практикѣ, или же передавая оныя пошомшву для предбудущаго овеществовленія.

По сему-то юноши, готовящіеся къ высшимъ должностямъ, или къ ученому какому либо званію, должны въ Гимназіяхъ довершать полный курсъ ученія, и изъ оныхъ уже переходить въ Университеты. Для сихъ-то именно юношей учреждаются высшія Гимназіи. Но въ гражданскомъ бышуде, мы находимъ много и другихъ еще состояній, которыя не имѣють нужды въ высшемъ классическомъ ученіи. Сюда принадлежатъ всѣ тѣ, кои со временемъ должны управлять большими заводами, фабриками или мануфактурами и шорговыми домами, шакже назначаемые для посшупленія въ военную службу, для служенія по часши Пущей Собщенія, по Соляной, Горной, Почшовой и Таможенной; равномерно будущіе домовод-

цы, и наконецъ всѣ тѣ, кои предназначены бышъ писцами и вообще гражданскими чиновниками низшаго разряда (с. 275).

Син, для коихъ высшія познанія не могутъ бышъ необходимо нужны, присущиѣмъ своимъ въ высшихъ классахъ Гимнази, могли бы только обременить оную, между тѣмъ, какъ они сами имѣютъ нужду въ ученіи другаго рода.

Если конечно и нынѣ еще люди, полагающіе, что дѣшеѣ до тринадцати - лѣтняго возраста должно бы приготовить вообще только къ гражданскому бышу, а съ 14 года уже тѣхъ, кои назначаются для ученыхъ званій, учить классическимъ языкамъ и ш. п. — Это другими словами значить почти то же, что „должно бы искоренить всю вообще ученость и высшее „образование людей.“ Покойный Король Баварскій, который самъ пользовался классическимъ воспитаніемъ, и какъ оль лично сказывалъ Г. Тиршу, уже на 8 году своего возраста, легко могъ читать Корнелія Непота, однажды, выслушавъ со снисходительностію, но вмѣстѣ и съ нѣкоторымъ нещербніемъ, проектъ одного новаго систематика по части воспитанія, который много говорилъ о преподаваніи Исторіи, Географіи, Наукъ Естественныхъ, умственныхъ,

вспешическихъ и ш. д. наконецъ спросилъ его: „Ну? а когда, же начнешь они учишь-ся Лашинскому языку?“ Позже, ошвѣстшовазь Педагогъ, тогда, когда они уже доста-точно ознакомятся съ предметами жишей-скими; году на 14^{мъ}. „Какъ, на четырнадцатомъ? шакъ ничему же они не научашся (— da werden sie einen Pfifferling lernen!) былъ хрощкій ошвѣшъ Короля на предложенія новаго учителя. И сн-шо слова заслуживающъ бышъ приговоромъ каждаго новаго плана ученія, въ коемъ шруднѣйшимъ предметамъ ученія предпочитаются легчайшіе, наполняющіе дѣшскія головы безплодными для нихъ познаніями (с. 279).

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

III.

К Р И Т И К А

ОТВѢТЪ СОЧИНИТЕЛЮ КНИГИ: ПОДАРОКЪ КРИТИКѢ за статью, помѣщенную въ 5 и 6 № Журнала: Сынъ Отечества, 1827 года, содержащую поддѣлки, утайки и другія метафорфозы текста книги: Военное Красноръчье,

Находясь въ обществѣ, нерѣдко принужденъ бываешь дѣлать то, чего бы самъ по себѣ, можешь бышь, никогда не предпринялъ. Зная самолюбіе писателей, ни одного изъ нихъ не думалъ я охуждать предъ свѣтомъ за недоспашки, усмашриваемые въ ихъ сочиненіяхъ; и ваша книга: *Военное Красноръчье*, по самому множеству погрѣшностей, не возбудила бы во мнѣ желанія прослышь кришикомъ. Но одинъ изъ моихъ Начальниковъ желалъ знашь о ней мое мнѣніе; я написалъ замѣчанія; они прочтены, слычены съ *Красноръчіемъ*, найдены основательными; мнѣ предложено издашь ихъ въ свѣсь въ одномъ изъ Журналовъ; и эшо послѣднее желаніе Начальника исполнено.

Признаюсь предъ вами, чшо я, чиншая вашу книгу, дѣйствительнo груспилъ; чи-

шая ваши возраженія, грустиль вдвое болѣе, ибо видѣль изъ ихъ названія и содержанія, сколь много унижаете вы себя оными въ глазахъ свѣта. При всемъ шомъ право собственной защиты повелѣваете мнѣ еще разъ побесѣдовать съ вами, для оправданія себя во многихъ тяжкихъ винахъ, весьма неосновательно приписываемыхъ мнѣ вами въ *Подаркѣ*. Будьте справедливы, Милоспивый Государь! не слишкомъ къ сердцу принимайте мои сужденія о вашихъ словахъ и мысляхъ, и опшѣшы на оныя, помня, что въ прекословіяхъ неизбежны оужденія съ прошивной намъ стороны. Приспуаеми къ дѣлу.

Напрасно избрали вы заглавиемъ возраженій вашихъ на мои замѣчанія — *Подарокъ Критику*. Это названіе слишкомъ обнаруживаетъ вашу гнѣвъ прошиву меня; а опъ гнѣва и ненависти, какъ говоритса у шого же Саллюстія, изъ котораго заимствованъ вами эпиграфъ (*) для возраженій вашихъ, — *всѣмъ людямъ, разсуждающимъ о дѣлахъ спорныхъ, надлежитъ воздерживаться; ибо, при оладычествѣ оныхъ, умъ*

(*) Non placuit reticere: ne quis modestiam in consuetudinem duceret. Sallust.

не удобно усматриваетъ истину (*). Сю послѣднее дѣйствительно и случилось съ вами: не усмотрѣвъ истиннаго смысла моихъ сужденій, вы представили замѣчанія мои *содержащими поддѣлки, утайки и другіе метаморфозы текста книги: Военное Красноурѣчье*; и сами написали отвѣтъ, наполненный передѣлками, утайками и превращеніями какъ моихъ словъ, такъ и собственно вашихъ, выписываемыхъ вами изъ В. Красноурѣчя, отвѣтъ, въ которомъ, сверхъ того, забыта всякая пристойность, который не столько оскорбителенъ для вашего Кришика, сколько предосудителенъ для васъ самихъ по смѣшной гордости, дерзкой презрчивости къ Кришику, наконецъ по Дикшаторскому и вмѣстѣ шутовскому шону. Не требуйте отъ меня, чтобы я выписалъ изъ Подарка сряду все то, на что отвѣчать долженъ: я назначаю отвѣтъ мой, не для продажи по рублю за экземпляръ, но для помѣщенія въ Журналъ, гдѣ не годилось бы занять 72 страницы спорною спашьею.

Стр. 2 и 6 Подарка. Причины, побудившія васъ къ сочиненію правилъ В. Кра-

---

(**) Omnis homines, qui de rebus dubiis consultant, ab odio... ira... vacuos esse decet: haud facile animus verum providit, ubi illa officiant. Sallust. Рѣчь Ю. Кесаря.

сворѣчя, нимаю не убѣдительны. Увѣренность ваша о томъ, что сія правила могутъ и должны составлять, если не особую Науку Словесности, по крайней мѣрѣ особую вѣтвь сей Науки, не имѣетъ прочаго начала: ибо виды Краснорѣчія — Краснорѣчіе *Духовное, Народное (?) и Судебное, или юрическое*, по вашимъ словамъ, свои правила *Риторики*, могутъ, равно какъ и В. Краснорѣчіе, смотря по ихъ содержанію, быть подводимы подъ общія правила родовъ: Писменнаго, Разговорнаго, Повѣствовательнаго, Догматическаго или Поучительнаго и Орапорскаго. Для объясненія особенностей каждого, довольно нѣсколькихъ словъ; не требуются цѣлыя системы.

Вторая причина — надежда благодарности за правила В. Краснорѣчія отъ Училищъ, паставляющихъ Словесности въ Военныхъ Училищахъ — уцѣпчивается сама собою: потому что она есть слѣдствіе, какъ вы говорите сами, первой причины; къ тому же В. Краснорѣчіе, когда вы написали его, вѣрно, не могло внушить вамъ мысли, что оно составляетъ книгу, какой еще, по достоинству, нѣтъ ни въ Россіи, ни въ другихъ странахъ Европы.

Третья причина — недостатокъ книги Военнаго слога въ Школахъ Гвардейскихъ

Подпрапорщикова — не есть причина. Попросили бы начальство купить Рихорку или Никольскаго, или Мерзлякова, или сократили бы *получше* свои правила Словесности, избравъ изъ нихъ, что есть собственно къ Рихорку относящагося.

Мнѣніе ваше, что *всѣ воспитательныя заведенія, имѣющія свои особыя цѣли, должны имѣть особыя учебныя книги* (ср. 3. под.), — едва ли можетъ бытъ принято въ полномъ смыслѣ. Никто не спалъ бы спорить съ вами, когда бы вы сказали сіе объ учебныхъ книгахъ, содержащихъ главные предметы того или другаго заведенія. Но и сіи книги должны различаться только бѣльшею подробностію въ изложеніи, а не планомъ и началами, о которыхъ вы не упомянули ни слова. Умы людей, по своей природѣ, уклоняюща одишь отъ другаго даже и тогда, какъ спарающа веспи ихъ по одному пути и къ одной цѣли. Цѣль общественнаго воспитанія, между прочимъ, есть единомысліе и единодушіе; достигается она единствомъ въ наспавленіи юношества. Мудрое Правительсво печется объ этомъ; но пособимъ ли мы ему, вводя во всякомъ Училищѣ особыя системы по всѣмъ Наукамъ? — Въ Наукахъ вспомогательныхъ и общихъ для всѣхъ за-

веденій, каковы, между другими, Граммати-
ка, Логика и Риторика, — не должно быть
ни малѣйшей разности: тогда менѣе будешь
разногласіа въ мысляхъ, не рѣдко ведущаго
ко враждѣ.

Преподавашъ въ военныхъ заведеніяхъ
правила одного Военнаго слога, если и до-
пустимъ возможность сего послѣдняго, не
годилося бы и пошому, что юноши, ко вре-
ду ихъ, были бы чрезмѣру ограничены по-
знаніемъ сего слога. Кто изъ нихъ можешь
сказашъ, что онъ до гроба останешся воин-
номъ? Сколько обшояшельствъ, насиль-
ственной рукою влекущихъ нерѣдко самого
героя на другое поприще! Но, если кто
и осмѣется въ семъ званіи во всю свою
жизнь, не имѣешь ли онъ нужды знать дру-
гіе слоги? — Безъ общихъ правилъ Красно-
рѣчія, зная только особую систему военна-
го, онъ не успѣешь въ оныхъ.

Вы говорите далѣе, что должно при-
мѣнять всю систему правилъ къ возрасту,
къ понятіямъ и цѣли юношей, обучающихся
Наукъ: безспорно, и это вездѣ такъ и дѣ-
лаешся. Но правила Краснорѣчія вездѣ пре-
подаются юношамъ, достигшимъ извѣстна-
го возраста, наставленнымъ уже во мно-
гихъ Наукахъ; ихъ не преподають дѣтямъ,
ничему необученнымъ, даже и Грамматику;

и посему также Риторика должна быть одинаково во всѣхъ заведеніяхъ проходима и во всей полношѣ; нѣтъ надобности, паче или здѣсь, ограничиваться однимъ родомъ, или даже однимъ видомъ слога.

Здѣсь (снр. 3 Подарка), безъ привѣтпой, для нѣкоторыхъ чинашелей вашего посланія ко мнѣ, связи — переходите вы къ *Начальнымъ основаніямъ Риторики и Поэзи*, съ предварительными объясненіями нѣкоторыхъ логическихъ правилъ, собраннымъ М. Талызинымъ, для 1 Кадетскаго Корпуса и изданнымъ въ 1818 году. — Для убѣжденія сихъ чинашелей, что вы не совсемъ безъ основанія обращаетесь прямо къ сей книгѣ, вышедшей въ свѣтъ почти задесять лѣтъ и вздумали порицать ее, не смотря на ея давность, объявляю здѣсь, что Сочинитель эпои книги есть вашъ *Критикъ*, какъ вы называете меня. *Вы сами* объ эпои знали; и при всемъ томъ, придираясь къ моей книгѣ, уопирбляете маневръ (снр. 3, 4 и 5 Подарка), нимаю недосшойный Профессора Словесности. Можно бѣ было эпо сдѣлать, и не прибѣгая къ приемамъ *кумушекъ*, которыя, въ порывахъ къ пересудамъ, указываютъ на жершву своего языка, и не хотяшь назвать его по имени.

Но чѣмъ провинилась предъ вами книга Талызина? — „Кромѣ заглавія (вы хотѣли сказать — кромѣ словъ: *собранныя для 1 Кадетскаго Корпуса?*) нѣтъ (въ ней) ни одного слова, собственно относящагося къ цѣли военнаго воспитанія юношества.“ — Не мое дѣло, Милосердивый Государь, писать объ этомъ; есть особыя книги Военныхъ Наукъ; есть безъ меня учителя Нравственности, Вѣры, Военносуднаго Права; воспитанникамъ читаются Военный Уставъ: а я наславляю по своей книгѣ законамъ мысли и слова; это видно и изъ ея заглавія и изъ содержанія. Она писана шакъ, что можетъ быть употреблена во всякомъ заведеніи; это не есть порокъ, какъ вы думаете. Не жибю надобности перемѣнять заглавія книги, и даже словъ *для 1 Кадетскаго Корпуса*, переходя въ другое заведеніе; поелику слова сіи значатъ то одно, что она печатана издательствомъ Корпуса. Подобныя приписки находящіяся на учебныхъ книгахъ Физики, Химіи, Машемашинки; но вѣрно сіи книги не состоятъ изъ особенно къ цѣли заведенія относящихся истинъ и правилъ.

Четвертая причина (спр. 6 Под.), побудившая васъ написать Правила В. Краенорвчія, — есть, какъ вы сами выражаетесь языкомъ, кошораго назвашь не умѣю,

самонадѣтельность; она, ослѣпивъ умъ вашъ, шепнула вамъ, что книга нужна, что книги нѣтъ (ваши собственныя слова). Благодарятъ ли васъ, какъ вы надѣялись того, читатели вашей книги и особенно учители, — не знаю; во мнѣ В. Краснорѣчіе произвело, не опрекаюсь, грустныя мысли о вредѣ, произтекающемъ отъ самонадѣянности и вынудило извѣстныя замѣчанія. Они вамъ не нравятся: причиною того — ваше самолюбіе, лукаго подольстившее самонадѣтельности вашей (стр. 6 Под.).

Моя чувствительность, такъ раздражающая васъ, не происходитъ ни отъ одного изъ пѣхъ прехъ испочниковъ, кошорые (стр. 7 Под) вы отпрыли въ Галлѣ, Малевраншѣ, Гораціи и Овидіи. — Ваше званіе не возбуждаетъ во мнѣ ни малой зависти; я знаю, что и въ моемъ собственномъ могу быть полезенъ обществу. Сверхъ того мнѣ извѣстно, что званіе не дѣлаетъ человека ни болѣе умнымъ, ни болѣе благороднымъ. О выгодахъ, вами получаемыхъ, яли, какъ выражаетесь вы словами Горація, *о козѣ, приносящей вамъ много молока*, никогда я не развѣдывалъ, ибо пруды мои доставляютъ мнѣ нескудный хлѣбъ. Ваши личныя достоинства, я знаю только *во Военному Краснорѣчію, Правиламъ Сло-*

весности, а теперь и по *Подорку*: опъ чего же мнѣ *чахнуть*? Лично знающіе меня скажутъ вамъ, что я до сихъ поръ нимаю не похожъ на чахоточнаго; скажутъ вамъ также, что у меня и *сердце не змѣнное, не источникъ пороковъ* (Лашинское *alimenta* ближе къ слову *разсадникъ* или *гипздилище*), а сердце просное, откровенное, по движенію котораго хвалю доброе съ восторгомъ и любовію, порицаю то, что нахожу несовершеннымъ, въ словахъ иногда довольно рѣзкихъ, но не выходя изъ предѣловъ приспосовности, особенно, предъ свѣтомъ. Примѣняшь къ частнымъ лицамъ суровыя слова писателей, каковы *змѣнное сердце, источникъ пороковъ*, можно только при увѣренности, что вы ихъ докажете. О предметахъ общихъ можемъ судить по произволу, хотя бы и не надлежало; но въ описывахъ о ближнихъ согласуемся съ ихъ родомъ жизни. Вы немилосердо журите меня за несогласіе съ вами во мнѣніяхъ, когда они утверждающія доводами: чпожь бы *мнѣ* надлежало съ *вами* сдѣлать за осужденіе моей нравственности, къ которому, не зная меня лично, вы не имѣете никакихъ поводовъ? — Но во мнѣ не змѣнное сердце; и я умѣю пренебрегать слова, почерпнутыя изъ Малѣбраншева источника чувствительности.

Спр. 9 Подарка. Сказанное мною въ извѣщаніяхъ, что многіе ошцы устраниють изъ системы насравленія дѣшей своихъ Логіку, по безпорядочному преподаванію сей Науки, не ешь ни вымысль, ни клевета: но, для убѣжденія васъ въ шомъ, надлежало бы называть ихъ, а объ эшомъ надобно напередъ попросишь у нихъ позволенія.

Скажише лучше вы сами, что такое — *Германско-Россійскія Логіки*? Почему съ такимъ пренебреженіемъ опзываешесь вы о Философіи Нѣмцевъ? Во всемъ ли проспращивъ вы обняли ее? — *Для сужденія о предметѣ*, — вы часшо сами эшо повшоряете, — *надобно познать его совершенно*. Не пошому ли нападокъ, съ вашей спороны, на сію Философію, что она опвлеченна! — Умы, довольствующіеся одними представленіями чувственными, шо ешь, основывающимися на чувственныхъ впечатлѣніяхъ, умы, обшкіе все, даже невещественное, облекашь въ грубый вещественный образъ, не шерпяшь опвлеченносшей, кошорья пугаюшь ихъ своею тонкосшію. Но все наше познаніе основывается на опвлеченіи; мы не могли бы мыслишь, ежели бы не имѣли силы опвлекать; всѣ наши погрѣшности происшекаюшь опъ неискусства въ семъ дѣйствіи. Нѣмецкіе Философы опш-

сказали надежнѣйшіе законы для сего искусства въ самой природѣ человѣческаго разума и въ природѣ вещей; указываяиъ всему свѣту оныя, для руководства въ умственой дѣятельности: а мы, вмѣсто того, чтобы съ благодарностию принять ихъ ученіе, не умѣя приступиться къ нему, дерзко порицаемъ ихъ! Когда же мы дождемся усовершенствованія по сему первому, послѣ Откровенія, предмету, долженствующему входить въ наставленіе юношества, особенно принадлежащаго къ первымъ состояніямъ общества? — И опъ чего сіе нападеніе? Опъ того, что языкъ Философовъ чуждъ для уха нѣкошорыхъ, неумѣющихъ опмичить а опъ б; виноваты ли сей языкъ разума, что не приготовились понимать его? Опъ крайкой Философіи Баумейстера, на которую, Г. Сочинитель Подарка, вы такъ часто мнѣ указываете, до Философіи Канша — пространство необозримо; и стоя на одной чертѣ съ Баумейстеромъ, нельзя ясно видѣть сотворенное опцемъ нынѣшней Германской Философіи, пересозданное и усовершенное послѣдователями его, или противниками, кошорые всеѣтаки опдаютъ ему справедливость. Вы нигдѣ не доказываете вашихъ мнѣній; у васъ одно доказательство — брань; ею оправдываете

вы и ненависть къ Философіи; а вашему — сіе volo, позволено недовѣрять, особенно послѣ Философіи, встрѣчающейся въ В. Краснорѣчїи и въ Подаркѣ.

Но вы нападаете на Нѣмецкую Философію и на тѣхъ, кто ей послѣдуетъ, для того, что вамъ хотѣлось еще поругать *Логикѣ Талызина*, безъ всякихъ доводовъ ея несовершенства. Докажите ея недостатки, убѣдите свѣтъ, что она *никуда не годится*, что *не образуетъ, не усовершенствуетъ молодыхъ умовъ*, а *ослабляетъ головы* юношей (не дѣтей, какъ вы сказали, ибо Наука сія проходитъ мною въ высшихъ окончательныхъ классахъ); докажите сіе и представьте лучшее; съ радостію приму оное, ибо я *не самолюбивъ до ослѣпленія* и нахожу въ себѣ довольно силъ отстать отъ *привычнаго способа преподаванія*, что почитаете для меня невозможнымъ. Моя *Логика* давно уже исправлена и пополнена; вы вздумали оуждать ее, пропустивъ девять лѣтъ, почему одному вамъ не должно было, при оправданіи себя, обращаться къ ней съ ругательствами. Но пишите о ней, прошу васъ. Чужія погрѣшности не заглаживаютъ нашихъ; защищая себя, не буду прибѣгать къ осужденію ни *Правиль Словаесности*, ни *В. Краснорѣчїя*; шолько не

оскорбляйше меня свидѣшельствами въ оныхъ.

На 10, 11 и 12 страницахъ Подарка, излагая содержаніе первыхъ шести главъ В. Краснорѣчія, вы все не доказываете необходимости смѣшивать съ Риторикою Грамматику и Логикку: изъ вашихъ словъ видна только необходимость употреблять въ Риторикѣ грамматическіе и логическіе термины, а ни чужь — опредѣлять и объяснять ихъ. И такъ въ подтвержденіе сказаннаго мною въ замѣчаніяхъ и опровергаемаго вами въ Подаркѣ, скажу еще: Грамматика и Логика должны предшествовать Краснорѣчію; смѣшивать ихъ, вырывая изъ нихъ кое что, для помѣщенія въ Риторику, не надобно. Если ученики ваши знаютъ Грамматику и Логикку, не отнимайте у нихъ времени изучиваніемъ неправильныхъ или неполныхъ опредѣленій и безъ связи излагаемыхъ правилъ: ежели не знаютъ, — пройдите предварительно объ сіи Науки въ систематической связи, хотя и кратко; безъ того запускаете умы слушателей и ни чему не научите.

Стр. 13 Подарка. Отпираясь отъ двойственнаго опредѣленія Риторики, вы указали мнѣ на претіе, находящееся въ концѣ 4 главы В. Краснорѣчія: еще лучше, — поло-

жимъ, что сіе впрочемъ возможное опредѣленіе, въ первой главѣ помѣщенное, равно шрешьему, во вшорой главѣ находящемуся; все таки вмѣспѣ съ первымъ выйдели два опредѣленія одной Науки, разной смысль имѣющія; вопросъ мой — *чему же обрѣтъ?* — все оспаеся умѣспнымъ; и въ немъ нѣшъ *проньрствѣ мелкой Критики*, кошорья ссылаясь на Блера, заблагоразсудимъ вы мнѣ приписывашь.

Спр. 13 Подарка. Защищая опредѣленіе Грамматики, сдѣланное вами въ В. Краснорѣчїи — „Грамматика содержитъ правила, соспавленныя изъ наблюденій, относящихся къ языку одного какого либо народа, или всего рода человѣческаго,“ (спр. 5, гл. III. В. К.), защищая сіе опредѣленіе, вы приводише, въ доказашельство годности его, слова, взяшья не въ слѣдующемъ періодѣ, а въ шрешьемъ; и слова сіи относяшся у васъ къ поясненію *частной Грамматики и Философской*, а не *Грамматики вообще*. И шакъ вопросъ мой, — *но къ чему ведутъ сіи правила?* — ошья у мѣспа; и *проньрства мелкой Критики*, приписываемыя вѣсь мнѣ вами, еще разъ не мнѣ принадлежашь. На спраницѣ 35 Подарка, вѣрно по забвенію, что уже защищали ваше опредѣленіе Грамматики, вшорично обращаешесь

къ моему вопросу; и, чтобы опорочить меня и злонамѣренностию и необдуманностию, прибавляете (спр. 36, сшастья 4 Под.) къ тексту В. Краснорѣчія — „Граммашика содержишь правила, выводимыя и проч.“ — слово *языка*, (*правила языка, выводимыя и проч.*); и основываясь на этой *поддѣлкѣ*, довольно счастливо оправдываете себя. Кто же *прибѣгаетъ къ пронырствамъ*? Сочинишель замѣчаній, или Сочинишель Подарка?

Спр. 15 Подарка. Жалуете мнѣ имя Прокруста за то, что я взялъ одно содержаніе періода о пользѣ переводовъ, а сами, *двукратно* выписывая эту же, періодъ изъ В. Краснорѣчія, — опсѣкаете предложеніе, — „вошъ польза для Словесности, приобретаемая изъ иностранныхъ Писателей“ — (спр. 7, 1 Ч. В. Кр.), предложеніе, изъ котораго нѣсколько словъ находишся въ моемъ сокращеніи цѣлаго періода, и на которомъ основываю мой вопросъ. — *Какія же разные свойства языка своего познаемъ изъ иностранныхъ Писателей?* — Вы оставляете безъ вниманія эту же вопросъ, на который и надлежало бы только отвѣчать, привязываетесь къ словамъ — *свойства языкъ своего* (виновать!), дѣлаете самыя обидныя предположенія, распянушыя объясненія пользы, пропсѣкающей опъ сравне-

для словъ иностранныхъ съ отечественными и проч. и проч. почти до 19 страници подарка. М. Г.! имя Прокруста, по всей справедливости, не ко мнѣ, а къ вамъ самимъ отнести должно.

Спр. 18 до 20 Подарка. Въ разсужденіи корней словъ, я все таки остаюсь при своихъ мысляхъ, что корни сии не могутъ состоять изъ одной или двухъ согласныхъ буквъ, напр. *мч*, *пр*, *пи*; ибо, повторяю сказанное мною въ замѣчаніяхъ и выброшенное вами (вѣрно также безъ умыслу?): — слова *коренныя* (или корни) *имѣютъ значеніе и творятся въ нуждѣ, именно для выраженія новаго понятія*. Звукоподражательныхъ словъ не много; они выражаютъ только дѣйствующее на слухъ; но есть много реченій, выражающихъ знаки не по звукоподражанію. Принимая для сихъ послѣднихъ за корень одну или нѣсколько согласныхъ, вы, ставъ искать сродства въ значеніи словъ производныхъ, почли бы имѣющими одинъ корень такіа, кои не выражаютъ никакого отношенія, никакой близости понятій. *Мыгать*, *мчатъ*, *примѣчать* будутъ имѣть, по вашему, одинъ корень: по какое отношеніе между понятіями, въ сихъ словахъ содержащимися? — Напрощивъ, если будете производить слова отъ корня, со-

сстоящаго изъ сочешанія гласныхъ и согласныхъ буквъ и имѣющаго значеніе; то, сколько бы ни было производныхъ, вы, при взаимномъ ихъ сличеніи, легко опыщеніе соотношеніе выражаемыхъ ими понятій и сшененъ ихъ значенія; а въ этомъ, кажется, и состоить польза ученія о корняхъ, другой я не вижу. Къ чему здѣсь указываете мнѣ на слова Сербовъ *крсть*, *прсть*? Мы найдемъ такихъ много въ нашихъ древнихъ рукописяхъ, напр. *вишъ пакъ хрбръ свѣ грдъ*. Что вы хотѣли доказать знаніемъ вашимъ Сербскаго языка? — У насъ дѣло идетъ о корняхъ словъ и о томъ, могутъ ли слова *быть произносимы* безъ гласныхъ; а вы указываете мнѣ на то, какъ нѣкоторыя слова *пишутся* у Сербовъ! — Прошу васъ произнести ихъ безъ гласной! — Прошу замѣнить при семъ *новую* съ вашей спорной *утайку*, для *осужденія* *вашего Критика*; вы изъ словъ моихъ выкинули цѣлое предложеніе (стр. 83, 5-Но, С. Оп.), на которое вамъ и отвѣчать *надлежало*.

Стр. 20 и до 25 Под. Вы истощили здѣсь всю ученость свою, въ защиту опредѣленій прозаической и стихотворной Словесности; и все остались неправы. *Изъясненіе* (выраженіе?) *мыслей и чувствованій*

есть знакъ общій и Прозѣ и Стихотворной Словесности (Поэзіи); *ладное и неладное* расположеніе словъ, не составляющихъ существенной разности между двумя родами Словесности: я имѣлъ причину замѣтить вамъ: *по крайней мѣрѣ, надлежало бы сказать, что сіи объясненія касаются одной наружной формы оныхъ.* Вы говорите (сир. 21 Под.), что не вами сдѣлано такое опредѣленіе произведеній Словесности стихотворныхъ и прозаическихъ: зачѣмъ же было и приводить его? Въ Науку входитъ только общее, всѣми принятое. Ваши ладны найдены мною неумѣстными и невразумительными, не для меня, М. Г., а для учащихся, потому, что вы вводите ихъ въ опредѣленіе вдругъ, не сказавши о нихъ ни слова. Напрасно вы для меня старались объяснять ихъ, указывая на древнихъ и новыхъ Писателей (Под. 23 и 24 сир.); вамъ должно было сдѣлать сіе въ В. Краснорѣчій для вашихъ читателей учениковъ.

Сир. 25 и 26 Под. — Опять *коренныя слова!* Почему, Г. Сочинитель Подарка, вы не слѣдовали порядку ни моихъ замѣчаній, ни В. Краснорѣчій, а бросались изъ одного мѣста въ другое безъ всякой связи? Кажется, не для того, чтобы лучше открыть мои грѣхи, а для того, чтобы упомянуть

чишашеля, ошвлечъ его ошъ повърки и мо-
ихъ словъ и вашихъ, и швъмъ легче убъдишь
его, что вы правы. — Всякій видишь, что
по вашему опредѣленію *кореннаго слова*, и
всѣ производныя, ошъ копорыхъ непосред-
ственно произошло хошя одно другое, бу-
душъ шакже *коренными*. „*Коренное слово*
ешъ шо;“ говорише вы: „*отъ котораго*
произошли другія слова чрезъ наращеніе
или перемъну окончанія.“ — *И*, посшавлен-
ное въ замъчаніяхъ вмѣсто *или*, почти не
перемъняешъ значенія цѣлой рѣчи; вниманіе
обращаешъ на слова: *отъ котораго про-*
изошли другія. Не находя другаго оправда-
нія, вы обратились къ эшой, по испинѣ,
неумышленной, хошя и маловажной, пере-
мънивъ союзовъ; и порядочно пожурили меня
(сшр. 27 Под.).

Сшр. 27 и 28 Подарка. Вы доказывае-
ше: поелику слово *способность* проис-
ходишь ошъ слова *способъ*, съ прибавленіемъ
къ нему окончанія — *ость*; шо *Словесность*
нелзя назвашъ *способомъ* выраженія мыслей
и чувспивованій, а непременно должно называ-
вашъ *способностию* не *многда*, но *всегда*.
Образцовое умспивованіе! Я винованъ шакъ
же и швъмъ, что не видалъ *метониміи* (сшр.
29 и 30 Под.) въ рѣченіи *Словесность*, упо-
шребляемомъ вмѣсто — *Litteratura!*

Спр. 30 Под. Вопросъ мой: что такое обыкновенная способность, неимлющая никакихъ отличительныхъ качествъ? (стр. 78, 5 Но С. О.) — оспается нерѣшеннымъ. Я спрашиваю васъ только объ этой чудной способности; а вы, вмѣсто отвѣта, объясняете мнѣ *три степени Словесности* — положительную, сравнительную и превосходную (???).

Спр. 31 Под. Я спрашиваю въ замѣчаніяхъ (тамъ же): чѣмъ Словесность вообще отличается отъ Словесности въ обширномъ смыслѣ? — Вы божитесь и клянетесь, что у васъ и нѣтъ Словесности вообще. Нѣтъ слова — вообще; такъ. Но смотрите главу первую В. Краснорѣчія, періодъ первый: „природная способность изъяснять мысли и чувствованія голосомъ членораздѣльнымъ называется *Словесностію*.“ Во второмъ періодѣ Словесность раздѣляется на *прозаическую* и *стихотворную*, — вами или другими, все равно; этого раздѣленія вы не отвергаете; оно таки и вѣрно; и всякій можетъ думать, что вы сами, упомянувъ о семъ раздѣленіи, принимаете его вмѣстѣ съ прочими нѣкоторыми. Зная, что *понятіе*, раздѣляемое на *виды*, есть *родовое* или *общее*, я справедливо принялъ Словесность вашего первого періода, раздѣляемую во

второмъ періодѣ на два вида — *прозаическую* и *стихотворную* — за *Словесность вообще*. И такъ вашъ Крипикъ сражается не съ внутренними мельницами, а съ дѣйствительною вашею ошибкою: помяшіе *общее* и понятіе *въ обширномъ смыслѣ* не суть одно и то же; а вы вашихъ Словесностей *общей* и *въ обширномъ смыслѣ* ничѣмъ не различаете. Чтoby обвинить меня въ *поддѣлкѣ*, относите мой вопросъ къ вашему послѣдующему, не посмoтрѣвъ на ваше же предъидущее. Ссылаюсь на всѣхъ, что не я — *поддѣльватель*, какъ вы изволите честить меня здѣсь (стр. 32 Под.), указывая на спашью Подарка подъ диптерою у (стр. 18), гдѣ это названіе мнѣ также пожаловано, и, какъ я доказалъ, также не мнѣ принадлежишь.

Стр. 32 Подарка. Пусть раздѣленіе Словесности на Словесность *въ обширномъ смыслѣ*, *Краснорѣчіе* и *Витійство*, будетъ означать три грамматическія степени ея — *положительную*, *сравнительную* и *превосходную*; соглашаюсь; но все вы не разграничили областей *Краснорѣчія* и *Витійства*, назвавъ одно искусствомъ выражать мысли и чувствованія ясно и красиво, а другое — искусствомъ выражать оныя *сильно* и *убѣдительно*. Рѣчь не можешь быть *сильною*.

и убедительною, не будучи ясна и красива; и на оборотъ она не ясна и не красива (но естъ, не изящна, не прекрасна), ежели имѣешь силы и не убѣждаетъ. Я наспомню (см. 5 Но Сына Оп. снр. 79) именно въ это разграниченіе.

Страницы 37, 38 и 39 Подарка — содержатъ доказательство, что ивъ Философскаго познанія о единственнѣхъ предметахъ. Для подтвержденія сего мнѣнія, мы прибѣгли было къ Шеллигу (снр. 38); однако поскорѣ отъ него къ Баумейстеру и имѣвшъ съ симъ послѣднимъ все таки и чего не доказали. Вы думаете, что, при познаніи предмета единственнаго, непременно вспрѣчающся одни чувственные знаки. Я вамъ назову единственные предметы напр. *Богъ*, *происхожденіе міра* и прочіе, копорые ничего чувственнаго не имѣютъ и познаніе о нихъ, вѣрно, не естъ чувственное, а философское. Сущность вещей, кинорою содержитъ единство, гармонія всего въ мірѣ существующаго, различіе въ всѣхъ родахъ, видахъ и единственнѣхъ предметамъ или недѣлимѣхъ, какъ разнообразнымъ явленіямъ ея: мы должны опъискивать и шо *сущное* (духомъ, разумомъ постигаемое), что находится въ недѣлимѣхъ и чего чувствами и умомъ (intellectu) постигнуто

не возможно. Познаніе сего естъ познаніе Философское и по Баумейшерову опредѣленію, вами приведенному. Шеллингъ же не довольствуешся односпоронносною: онъ именно для Философскаго разсмаприванія великихъ и малыхъ явленій, подъ копорыми разумѣются и единственныя предметы, почишаешъ необходимымъ совокупное представленіе вещеспвеннаго и невещеспвеннаго. Но вы не жалуешъ Нѣмецкой Философіи; и, поругавшись надо мною по своей Философіи, спѣвшише ошъ нее ошъ къ Грамматики.

Остановясь на сей послѣдней, и пожуривъ меня вашимъ манеромъ за слова: *трудно помять, что значать общія и частная Грамматика* и пр. (см. 5 Но С. Оп. сгр. 81) выписываешъ для меня объясненія изъ *вашихъ старыхъ тетрадей!!* (сгр. 40 Под.). Почему же не пославили сихъ объясненій, худы они или хороши, въ Военномъ Красноуричи? Молодой чипанель, не понявши васъ, не можешъ прибѣгашъ къ *вашимъ старымъ тетрадямъ*; опытный поймешъ васъ, но укоряшъ за неполнопу, за невразумительность, чшо мною и сдѣлано.

Сгр. 41 — брань. О предположеніяхъ *вашихъ* касательно происхожденія частпей рѣчи и еще кой о чемъ, я напишу вамъ

особую спашью; въ сихъ предположеніяхъ также довольно находишья превыспренней вашей Философіи, ненависниці ошвлеченоспей.

Стр. 42 и до 49 брань! Проходя ее мимо скажу на немногое по нѣскольку словъ. Нѣмецкое *Verstand*, не всегда можете вы перевести словомъ — *умъ* (*intellectus*). У *Кизветтера*, на котораго ссылаешесь вы, защищая свое опредѣленіе *Логик*, разумѣнся подъ симъ словомъ (*), какъ и мною сказано, вся сила мышленія со всѣми ея познавательными способностями, низшими и высшими, — *Verstand in weiterer Bedeutung*, а не одинъ умъ (*intellectus*), способность осмысливать понятія особенныя, частныя и общія.

На страницяхъ 47 и 48 Подарка, вы толкуете о словѣ *невольно*, ошшавая свое опредѣленіе *понятія*; приводите въ свѣдѣтельство своего мнѣнія нѣсколько словъ изъ *Канта*, совсѣмъ не къ мѣсту и не понявши его. Онъ говоритъ въ приведенномъ вами мѣстѣ о *познаніяхъ а priori*, а не о *понятіяхъ*; услышавъ о понятіяхъ а priori, приобретаемыхъ помощію ума (*intellectus*),

---

(*) Смолр. его *Logik zum Gebrauch für Schulen, dritte Auflage. § 10.*

а посему и опыта, онъ былъ бы очень изумленъ. Вы не поняли и Талызина: между словомъ — *неволью* и словами *не совѣствъ* свободно большая разность; одно отрицаетъ прямо, вполне; другія утверждаются съ ограниченіемъ. Самый Баумейсперъ (спр. 46 Под.) не защищаетъ васъ; ибо говоритъ, что душа не власна не сознавашъ ощущеній, коль скоро предметы внѣшніе поражаютъ органы чувствъ; о неволью приобрьшаемыхъ понятіяхъ у него здѣсь ни слова.

Объясняя свое опредѣленіе понятія (я спр. 49 Под.) вы сказали, что у васъ слово *возбуждаемое* равносильно слову *возобновляемое*, и сдѣлали опредѣленіе еще менѣе годнымъ: ибо слово *возобновляемое* не будешь вязаться съ словами — *присутствіемъ предмета*. Выразимъ съ этою переменною ваше опредѣленіе: „Умственное представленіе предмета, *возобновляемое* въ душѣ *присутствіемъ предмета*, или воспоминаніемъ онаго, называется понятіемъ (идеєю).“ — Поправьте еще какъ нибудь, получше!

Мое сужденіе объ *идель* и самыя *идем* вамъ не понравились. Причины? Аристотель не любилъ Платоновыхъ идей; Аристотель ближе къ практикъ; теорія же безъ практики (вы ссылаетесь на мои слова) — вещь пустая; и потому — прочь

идеи! — Это ли вы сказали первымъ периодомъ пятидесятой страницы Подарка? — Идеи не виноваты, что вы, читая великихъ Писателей, часто выбираете изъ нихъ то, чего у нихъ нѣтъ, или то, что въ нихъ составляетъ недоспашокъ. Теорія безъ практики вещь пустая; это говорено было и до меня; но не справедливо нападашь на нее, когда она съ пользою можешь быть приспособлена къ дѣлу. Держишься, М. Государь, середины: идеи истинныя — не то, что ваши предположенія о происхожденіи частей рѣчи.

Стр. 50, 51, 52, 53 и 54 Подарка. Вашъ гнѣвъ на меня за то, что похулилъ опредѣленіе *вашего сужденія*, и доводы ваши прошивъ меня, опровергаю приспособленіемъ теоріи вашей къ практикѣ. Вы назвали сужденіе — *соединеніемъ или раздѣленіемъ понятій въ умѣ*. Учащійся, по сему опредѣленію, судишь, — соединишь въ умѣ — *камень и яблоко*, не прибавляя ничего другаго, и назовешь это соединеніе сужденіемъ; онъ раздѣлишь въ умѣ понятія — *или рѣка, или дерево*, также не прибавляя ничего другаго, и это раздѣленіе назовешь сужденіемъ. Сіе тѣмъ легче можешь случиться, что вы подлежащее сужденія, объясняете словомъ *subiectum*, сказуемое — *praedicatum*, а связь

— словами *peris* и *corula*. Но по опредѣленію сужденія, приводимаго мною (5 No С. Ош. стр. 90) вамъ въ образецъ, впрочемъ не единственнѣй, эшого не пропзойдешъ; особенно, ежели вразумишельно будущъ опредѣлены подлежащее и сказуемое. И шакъ напрасно вы остаешесь при своемъ опредѣленіи, и доказываете, что оно равносильно приведенному мною.

Обьясняя въ Подаркѣ (стр. 54, 55 и далѣе) ваше опредѣленіе *умствования*, самымъ симъ обьясненіемъ, котораго у васъ нѣтъ въ В. Краснорѣчїи, показываете уже, что опредѣленіе сего дѣйствія мысли неполно; и, разбирая книгу, я имѣлъ причину сказать: „какая самопроизвольность въ опредѣленіяхъ! Какое пренебреженіе точности!“ — Кто изъ учащихся поймешъ васъ, когда вы скажете: „умствование есть извлеченіе одного сужденія изъ другаго, основанное на правилахъ логическихъ“ — ; и когда ему не преподаны сіи правила? Всякій будетъ представлять въ умствованіи два сужденія. Эшо опредѣленіе можешъ посему бытъ ясно только для знающаго Логику. Тридцатилѣтній вашъ навыкъ преподаванія (стр. 55) не даешъ вамъ права на самопроизвольность; учебная книга имѣетъ свои законы, ошъ кошорыхъ, измѣняя формы из-

ложенія, въ сущности вы опсшупашъ не можете и не должны.

Послѣ суровыхъ словъ прошивъ нѣкоторыхъ Писателей, перепечатавающихъ чужія книги (спр. 55 и 56), вы говорите мнѣ слѣдующее: „Знаете ли, м. г., какая теперь *самопроизвольность*, какое *небреженіе* точности приходишь мнѣ въ голову? Теперь я думаю даже, въ угодность вашей кришикѣ, что *умствование* состоишь не изъ *двухъ* сужденій, но изъ одного сужденія, и не только изъ одного сужденія, но изъ *одного* даже *понятія*. Послушайте; я докажу вамъ это: понятіе (идея) *развивалсь* и *разлагаясь* на свои составныя части (en se developpant) образуетъ *сужденіе*; *сужденіе* продолжая также *развиваться* и *разлагаться* на свои части, составляетъ *умствование*; слѣдовательно *умствование* состоишь или заключаешся не только въ одномъ сужденіи, но въ одномъ даже понятіи: вошь вамъ и доказательство сказаннаго мною! Quod erat probandum.“ — Вижу, что вы слышали или читали что-то умное; но не поспурились, какъ должно было, рассказали, и выразили здѣсь недостатковъ *умствования* въ лицахъ. Милосивый государь! по моему, лучше бышь *скропщикомъ*, но

размышляющимъ , нежели Сочинищедемъ — и не размышляшь.

Не гнѣвайшесь, Милосшивый государь, за то, что, какъ явствуетъ изъ моего разсмотрънїя Подарка, я оказываюсь правъ, не смотря на ваши усилїя обвинишь меня предъ свѣшомъ въ *поддѣлкахъ, утайкахъ и другихъ метаморфозахъ*, а посему въ зависти и злонамѣренности.

Если бы ваше *послѣсловіе* было написано мною; вы непременно обратились бы къ *Маринѣ* Княгинина, и занявъ у нее слова, по вашему обычаю, спросили бы меня: „эшо, сударь, находишь часомъ на васъ; или вы ошь роду шаковы? — (Княж. Ком. Неуд. Прим. Дѣйств. II, явл. III). — Меня это послѣсловіе изумляетъ: и я увѣренъ, что самый завѣшій непрїашель вашъ не могъ бы споль жестоко опозорить васъ предъ другими, какъ безславишь сіе послѣсловіе, въ кошоромъ особенно изъясляешся шакая презорчивость къ ~~вашему~~ извѣшному вамъ шолько по слуху, въ кошоромъ забыли вы уваженіе къ себѣ самимъ и своему сану. Ошзвъ, сдѣланный о Подаркѣ въ Сѣверной Пчелѣ, доказалъ вамъ невыгодность шона, вами приняшаго. Напрасно будеше вы разсылашь и разноситъ свой пасквиль на меня по всѣмъ учебнымъ заведенїямъ: вы ни-

кого, по желанію, не вооружите имъ прошивъ меня; можешь бышь, кой-кто посмѣлся, и едва ли не болѣе на вашъ счетъ, чѣмъ на мой. Ожидаю обѣщаннаго продолженія Подарка; буду чинать его; но если и въ ономъ осящется прежній шонъ, — избираю молчаніе: оно послужитъ мнѣ лучшимъ оправданіемъ.

М. Т.

Мая 26 дня, 1827 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Г Е Р М О Г Е Н Ъ.

Не черная туча неслась надъ Москвою;
 Не грозный въ раскатахъ Перунъ завывалъ:
 Шолбъ дымный, возникши до облакъ главою,
 Лазурь надъ столицей небесъ закрывалъ.
 Съ далекихъ предѣловъ Россійскаго края,
     Раздался звукъ бранной трубы;
 И мещью за пронь, за свободу пылая —
     Возстали отчизны сыны.

Господь правосуденъ и милосивъ въ казни!
 Свершилася мѣра несчастій и бѣдъ!
 „Возстаньте! воскликнулъ, на мещь безъ боязни!
 Воспрянь, разразися, громъ Росскихъ побѣдъ!“
 Труба зазвучала; мечи загремѣли —
     Гиганшъ пробудился на брань!...
 И въ древней столицѣ враги онѣмѣли —
     И долу склонилась ихъ длань.

Въ цѣпяхъ за отчизну, за святошь Престола,
 Великою жершвой коварствъ и измѣнъ,
 Въ часъ гибели близкой, съ надеждой на Бога —
 Молился въ шемницѣ свяшый Гермогенъ.
 Горючія слезы кашились струею
     Изъ мушныхъ и впалыхъ очей;
 И въ нихъ отражалось величье съ шоскою;
     Невняшенъ звукъ сшарца рѣчей.

Предъ нимъ неосступно Сарматы стояли,
 И съ ними вельможи, измѣны сыны.
 Къ предашельству мукой его принуждали —
 Безумцы, на гибель родимой страны.
 — Пиши, говорили, къ вождямъ и народу:
 Царь Русской земли — Владиславъ;
 И санъ свой получишь и власть и свободу —
 Къ нимъ волю Царя написать! —

Взявъ харшію блѣдный, дрожащей рукою,
 Къ вождямъ и народу мужъ вѣрный писалъ:
 „Мужайшесь въ брани! кровавой рѣкою
 Тронъ Русскій спасише! — Часъ мести насталь!
 Да будешь пошь прокляшь, кто въ сердцѣ при-
 знаешь —

Сармата отчизны Царемъ!
 Кто Русской короной его увѣчаешь —
 Прокляшь попомощва на немъ.

„О други! о братья! гнѣвъ Божій смягчился!
 Воздайше злодѣямъ мечемъ по дѣламъ!
 На милость разгнѣванный Богъ преклонился —
 Днесъ гибель Сарматамъ! спасеніе вамъ!
 Не вѣрьше Воярамъ, предашелямъ шрона: —
 Вамъ гибель гоповяшь они;
 Очистишся кровью прешоль и корона —
 И въ прахъ исчезнушь враги!...

Лишь юноша — Ангелъ, ниспосланный Богомъ —
 Возседеть со славой на шронѣ опцовъ,
 Величье отчизны, по бѣдствіимъ долгомъ,
 Возникнетъ изъ пепла Россійскихъ градовъ.

О други, мужайшесь! погибшимъ въ сраженьяхъ
Безсмертье гошовишь вънецъ!

Опчизнѣ измѣнникъ погибнешъ въ мученьяхъ...
Громише! — вамъ помощь — Творецъ!“

Трепещущъ Сармашы; блѣднѣешь измѣна;
Угрозы во взорахъ и ужась въ сердцахъ : —
Но свѣшель, спокоенъ былъ взоръ Гермогена,
Чишая свой жребій въ сверкавшихъ очахъ.
— Злодѣй и предашель! — воскликнулъ сонмъ злоб-
ныхъ ;

— Мученья и гибель тебѣ! —
„Мечъ Россовъ накажешь убійцъ беззаконныхъ!
Покоршвую вѣчной судьбѣ!...“

И палъ подъ ударами въ шажкихъ мученьяхъ,
Опчизны блюстишель, свяшый Гермогенъ....
За родину падшимъ миръ въ горнихъ селеніяхъ —
И слава въ попомсшвѣ позднѣйшихъ временъ;
И лавръ ихъ священной обрызганный кровью —
Пошомокъ слезой окропишь ;
Великій — дѣлами, къ опчизнѣ любовью —
И въ прахъ опечесшву щмшь.

А. Шидловскій.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И.

І 8 2 7.

Ф и л о с о ф і я.

24. *Платоновы разговоры о законахъ. Переводъ В. Оболенскаго, съ Греческаго. М. въ типогр. С. Селивановскаго, 1827. 555 стр. въ 8 д. л.*

(Знакомство съ твореніями великихъ Писателей, древнихъ и новыхъ, распространяетъ кругъ нашихъ свѣдѣній и ведетъ къ истинному просвѣщенію. Сравнивая, что было писано въ разныхъ вѣкахъ, отъ самой древности до нашихъ временъ объ одномъ и томъ же предметѣ, мы видимъ постепенный ходъ ума человеческого, видимъ, какъ сей умъ мало по малу открывалъ или постигалъ разныя истины; но не менѣе того удивляемся, что важнѣйшія изъ сихъ истинъ не случайно открыты, а были постигнуты умомъ, шакъ сказать, отъ самаго его дѣйствія. Къ числу таковыхъ ис-

шинъ, принадлежащъ великая Наука Законовъ. Мы видимъ, что одинъ изъ знаменитѣйшихъ Философовъ древности, Платонъ, котораго можно назвать *Поэтомъ Философiи*, мечшая о лучшемъ образѣ правленiя и зная, что безъ хорошихъ законовъ существовать оно не можешь — писалъ свои разговоры о законахъ; видимъ также, въ какую ясность приведено нынѣ то, о чемъ славный сей мечшатель или умшвовалъ сбивчиво, или едва только догадывался. Чтенiе сей книги весьма должно быть любопытно и для любителя древности, и для Философа; и для Законовѣдца. Г. Переводчикъ, совершившiй свой трудъ хорошимъ, яснымъ Русскимъ слогомъ, имѣеть право на благодарность нашихъ соотечественниковъ, равно какъ и всѣ тѣ, которые ознакомливають ихъ съ лучшими шворенiями древними и новыми, написанными на языкахъ чужеземныхъ.)

Теорiя Изящныхъ Искусствъ.

25. *Объ искусствѣ смотрѣть на Художества, по правиламъ Зульцера и Менеса, соч. Ф. Милицин. Переводъ съ Италiянскаго Валерiана Лангера. С.*

П. 6. въ шипогр. Генеральнаго Штаба,
1827. 186 стр. въ 8.

(Сочиненіе сіе весьма полезно для Художниковъ и для любительей Изящныхъ Искусствъ; ибо заключаешъ въ себѣ весьма ясныя и основательныя эстетическія разсужденія о сихъ искусствахъ. Переводчикъ, воспитанникъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, Г. Лангеръ, самъ, поспраши, отличный Художникъ, коего успѣхи въ ландшафтной Живописи уже извѣстны здѣшней публикѣ. Переводъ его написанъ хорошимъ слогомъ, и то, что въ подлинникѣ затруднило бы Переводчика, не спользнакомаго съ Искусствами, или Художника, не споль образованнаго, представлялось въ мысляхъ его и выливалось на бумагу съ самою удовлетворительною ясностію.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РАСКАЗЪ КАЗАНОВЫ

ОБЪ УХОДѢ ЕГО ИЗЪ ВЕНЕЦІАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИОННОЙ ТЮРЬМЫ, НАЗЫВАЕМОЙ: *Камеротти* (*).

Іюля 25 дня 1755 года, на разсвѣпѣ, *Мессеръ-Гранде* (**) вошелъ въ мою комнапу. Я проснулся, взглянулъ на него съ удивленіемъ и на вопросъ: „вы ли Якопо Казанова?“ ошвѣчалъ, что я, — все вшо въ одно мгновеніе. Тогда онъ пошребовалъ моихъ бумагъ и велѣлъ мнѣ пригошовишься, чтообъ ишши съ нимъ. Когда же я спросилъ, въ ка-

---

(*) I Camerotti, или i Piombi, ш. е. *каморки* или *свѣтатки*; шабъ называлась шюрма Государспвенной инквизици въ Венециі, по шому, что каморки сіи были сдѣланы подъ свинцовою кровлею дворца Сан-Марко, и лѣшомъ для заключенниковъ были испинно разоженною печью. *Прим. Перев.*

(**) Названіе одного изъ Полицейскихъ чиновниковъ, бывшей республики Венеціанской.

кую силу онъ меня арештовалъ, по онъ ош-
вѣчалъ: „Именемъ судилища Государшвен-
ной Инквизиціи.“

Два или три полицейскихъ служителя,
копорохъ онъ привелъ съ собою, мигомъ
забрали письма и разныя бумаги, лежавшія
въ моемъ бюро, и положили ихъ въ мѣшокъ.
Мессеръ-Гранде велѣлъ мнѣ тогда выдать
ему нѣкопорыхъ переплешенныхъ рукописи,
кои по словамъ его должны были у меня
находиться; шущъ шолько я догадался, кто
былъ мой доносчикъ. Забрали также и мои
книги, между коими было нѣсколько сочи-
неній кабалистическихъ, какъ напр. Clavicu-
la Salomonis, Zecor-ben, Picatrix и ш. п. Тѣ,
кои знали, что у меня были такія книги,
должны были почесать меня за колдуна, чѣмъ
я былъ очень доволенъ. Между шѣмъ, какъ
разбирали мои бумаги, я началъ одѣваться
почти машинально, велѣлъ себя выбрить и
причесать себѣ голову и надѣлъ шелковое
плащье. Мессеръ-Гранде сморѣлъ на меня,
ми сколько тому не удивляясь.

Вышедъ изъ комнашы, я съ удивленіемъ
увидѣлъ, что конвой изъ сорока человекъ
ждалъ меня на улицѣ. Такая излишняя пре-
доспорожнось, выманила у меня улыбку.

Мессеръ-Гранде привелъ меня на гондо-
лу и самъ сѣлъ подлѣ меня. Чешыре чело-

вѣка опсправились съ нами, прочихъ оппустили. Мы приплыли къ его кварширь, гдѣ онъ попчивалъ меня кофеемъ, онъ кошораго я опказался, и заперъ меня на при четверши часа въ своей комнашѣ. По прошествіи сего времени, вошелъ начальникъ *Сбировъ* и сказалъ мнѣ, что имѣешь предписаніе опвесши меня въ *Камеротти*. Мы снова сѣли въ гондолу, и проплывъ нѣсколькo перекрестныхъ каналовъ, причалили къ шюремной набережной. Меня ввели сперва въ комнашу, гдѣ находился какой-шо человекъ въ одеждѣ паприціа. Онъ взглянулъ на меня и сказалъ: „это почно онъ; посади-те его въ надежное мѣсто.“ Эшошъ человекъ былъ Секрешаръ Государшвенной Инквизиціи, Доменико Кавалли.

Меня сдали на руки главному смопришелю надъ *Камеротти*, и онъ, въ сопровожденіи двухъ шюремныхъ служишелей, повелъ меня черезъ множешво лѣшницъ и галерей въ какой-шо грязный и шемный чердакъ. Сквозь продушину въ кровль только шуда свѣшъ и входилъ. Я заключилъ по эшопу, что здѣсь мнѣ назначено было сидѣшь, однако жъ ошибся. Тюремщикъ схвашилъ огромный ключъ и опперъ желѣзную дверь, шуша въ шри вышиною. Въ срединѣ эшой двери, продѣлано было оконце съ рѣшешкою.

Войдя туда, я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на желѣзную машину, приближую къ сѣнѣ. Проводникъ мой замѣнилъ это, и сказала мнѣ, смѣясь: „Если хоните узнать употребленіе этой машины, то я вамъ объясню его. Когда по приговору высокородныхъ Гг. Инквизишоровъ, какой нибудь заключенникъ осужденъ на смерть, то его сажаютъ на эту спуль, спиною къ сѣнѣ, а на шею ему возлагаютъ до половины эту желѣзную ошейникъ. Вокругъ его обвиваютъ шелковую веревку, которою оба конца проходятъ сквозь стѣну этими прещинами, и прикрѣплены къ рукоящкѣ, которую до сихъ поръ вертятъ, пока спрадаецъ отдастъ Богу душу. Но духовникъ оставляетъ его не прежде, какъ онъ уже совсѣмъ ошодешъ.“

— „Очень замысловатая выдумка!“ сказала я: „и вѣрно на васъ налагается почешная должность — вертѣть эту рукоящку?“ Но достойный мой проводникъ ничего не ошвѣчалъ. Какъ скоро я вошелъ въ желѣзную дверь, она захлопнулась за мною, и уже сквозь оконце шюрешчикъ спросилъ у меня, чего я хочу себѣ повѣсть? — „Покажѣте ничего, ошвѣчалъ я.“ Тогда онъ меня оставилъ и я слышалъ, какъ онъ запи-

рала одну за другою все двери, ведшія въ мою шюрму.

Въ пѣсной шюрмѣ моей не было вовсе никакой мебели. Жаръ въ ней былъ несстерпимый, и я не иначе могъ дышать, какъ прислонясь къ оконцу двери. Сквозь него я видѣлъ пребольшихъ крысъ, кошорыя разгуливали по чердаку, составлявшему сѣни моей шюрмы. Эти физически гадкія швары, безъ малѣйшаго сѣраха подходили къ моей рѣшеткѣ, и я принужденъ былъ зашкнушь се отверстіе, чтобы не допустишь ихъ войши ко мнѣ. Тогда я оспался въ шемношѣ и погрузился въ мрачныя мои мысли.

Когда я увидѣлъ, что день проходишь, а шюремщикъ мой не возвращается, тогда началъ беспокоишься. У меня не было ни пищи, ни постели, ни даже на чемъ сѣсть. Во рпу я чувствовала шакую горечь, какой никогда еще въ немъ не бывало. Я все надеялся, что кто нибудь придетъ еще до ночи; но когда часы пробили полночь, тогда опчаяніе мое дошло до изсшупленія. Я реваъ, бился опъ злости, спучалъ въ дверь изо всей силы и дѣлалъ сколько шуму, сколько могъ; но никто его не слышалъ и никто не пришелъ. Эти напрасныя усилія меня истощили; наконецъ я расшанулся на полу.

Тщешно я спарался отгадать, по какому доносу, за какую шажкую вину меня заключили съ такою спрогосшію? Сіе не радѣніе о доспавленіи мнѣ самаго необходимѣйшаго въ жизни, казалось мнѣ незьясно. Однако жъ, ни волненіе мыслей, ни жеспкій полъ, на кошоромъ я лежалъ, не помѣшали мнѣ заснушь крѣпкимъ сномъ.

Ночный колоколь дворца Санъ - Марко, пробудилъ меня послѣ шрехъ - часоваго сна. Ужасно пробужденіе, когда съ нимъ мы видимъ вокругъ себя печальную сущеспвенносшь въ замѣнъ сонныхъ мечшаній. Лежа на лѣвомъ боку, я прошанулъ правую руку, чшобы взять свой плашокъ, смушно вспоминая, чшо положилъ его подѣ себя; каковъ же былъ мой ужасъ, когда мнѣ попалась рука, холодная, какъ мраморъ! Сшрахъ оцѣпенилъ меня съ головы до ногъ, и пяшь минушь лежалъ я безъ движенія. Мнѣ пришло на мысль, чшо подѣ меня положили мершвый шрупъ во время моего сна; ибо я швердо былъ увѣренъ, чшо на эшомъ мѣстѣ не было ничего, когда я ложила. Я рѣшилася убѣдинься въ шомъ новою попышкою, и на эшошь разъ почувспвовалъ, чшо холодная рука слегка двигалась. Наконецъ я дошела до истины: эша рука была просто моя собспвенная, но совершенно онѣмлялая,

по причинѣ положенія, въ какомъ я уснулъ. Это открытіе, само по себѣ довольно смѣшное, внушило мнѣ самыя мрачныя размышленія. Я видѣлъ, что въ уныломъ мѣстѣ, гдѣ меня заперли, разсудокъ шеряетъ власшь свою, воображеніе доспается въ добычу щещнымъ мечшамъ или ужаснымъ призракамъ, и въ смяшеніи моемъ, почши начиналъ сомнѣваться въ сущешвенности всего, что меня окружало. Я неперпѣливо ждалъ наешупленія дня, и меня занимали разныя думы.

Немного спустя по восходѣ солнца, ключи въ замкѣхъ защелкали и шюремщикъ мой пришелъ у меня спросить: надумался ли я, чего хочу къ обѣду? Я опнюдь не расположенъ былъ шушить, и сказала ему въ коропкихъ словахъ, чего мнѣ желалось. По его же наспоянію, я сдѣлала записку мебелямъ и вещамъ, кои мнѣ были нужны и кои должно было взять у меня изъ дому; но когда я прочела ему эшу записку, шо онъ сказала, что я долженъ изъ нея вычеркнущь книги, бумагу, чернила и перья, также зеркало и бришвы, какъ вещи запрещенныя въ шюрѣмахъ.

Въ полдень, шюремщикъ опяшь вошелъ ко мнѣ въ сопровожденіи пяши чедовѣкъ, приспавденныхъ для прислуги Государшвеннымъ преступникамъ, ибо въ семь каче-

спѣвъ и меня заперли. Люди сім принесли мнѣ поспешю, нѣсколько мебели и обѣдъ. Я принужденъ былъ ѣсть косяною ложкой, попому, что ножи и вилки строго было запрещено давати заключеннымъ.

Тюремщикъ спросилъ, какого кушанья хочю я на завшре? Попому, что онъ не могъ входить ко мнѣ больше одного раза въ день, и то упромъ пораньше. Онъ прибавилъ, что Его Превосходительство Секретарь Инквизиціи, вызывался прислать мнѣ книгъ, коихъ чтение прилично въ моемъ положеніи, нежели шѣхъ, копорыхъ я требовалъ, и въ копорыхъ онъ мнѣ отказалъ. „Засвидѣтельствуйте ему,“ отвѣчалъ я, „благодарность мою за сію милость, такъ какъ и за то, что онъ далъ мнѣ особую комнату.“ — „Я выполню это, если вамъ угодно; только не совѣшю вамъ шупишъ съ нимъ.“ — Я совсѣмъ не шучу, а чувствую въ полной мѣрѣ благосклонность, оказанную мнѣ шѣмъ, что меня помѣстили одного, а не съ кѣмъ нибудь изъ негодаевъ, запершихъ въ здѣшнихъ шюрмахъ.“ — „Что за негодаи, сударь? Нѣпгъ, у насъ здѣсь только порядочные люди и содержащая по причинамъ, кои извѣстны только Высокороднымъ Господамъ нашимъ Инквизиторамъ. Одиночество заключенника счж-

шаешься за наказаніе строгое, и вы первый за это благодарите.“

Этотъ человекъ былъ правъ; я очень живо почувствовала сіе чрезъ нѣсколько дней послѣ. Одиночество въ шюрмѣ, есть настоящая казнь, и никто не можешь, не извѣдавъ, знать, какво сидѣшь долго одному въ заперши, въ мрачной шюрмѣ и безъ всякаго занятія.

На другой день, шюремщикъ принесъ книги, присланныя мнѣ Секретаремъ. Я попросилъ у него пройхись по чердаку, но онъ мнѣ въ этомъ отказалъ. По уходѣ шюремщика, я жадно хватился за книги. Оба сіи сочиненія, были наполнены идеями изсупленными. Начитавшись въ цѣлую недѣлю сихъ твореній, я почувствовалъ, что они начали сильно дѣйствовать на мое воображеніе. Вечеромъ, когда я ложился спать, у меня было великое расстройство въ мысляхъ: я и теперь еще не могу безъ улыбки вспомнить чудовищныхъ моихъ грѣзъ. Если бы мнѣ тогда позволено было писать, то книга, которую бы я объ нихъ сочинилъ, была бы по крайней мѣрѣ страннаго содержанія.

Чтеніе сіе шѣмъ больше производило во мнѣ впечатлѣнія, что разумъ мой ослабѣлъ отъ бессонницы. Я слышалъ звонъ

Сан-Маркскаго колокола, какъ будто бы онъ былъ въ самой шюрмѣ моей, и звонъ сей всегда пробуждалъ меня середь ночи. Возня моихъ сосѣдокъ, крысъ, шо же мѣшала мнѣ спать; наконецъ безчисленное множество всякой мелкой гадины безъ пощады на меня нападало и причипяло мнѣ почки судороги.

Въ немногіе дни, я испрашилъ на пищу всѣ деньги, кошорыя взялъ съ собою; и судилище опредѣлило мнѣ 50 сольдовъ (*) въ день на содержаніе; этого было слишкомъ для меня досташочно.

Наступало самое жаркое время года; лучи солнечныя, падая во весь день на свинцовую кровлю моей шюрмы, нажаривали ее такъ, какъ парную баню. Потъ лилъ ручьями изъ всего моего тѣла, и частое круженье головы, предвѣщало мнѣ близкую лихорадку. Я принужденъ былъ лежать въ постели. Черезъ три дня, Лоренцо, видя, что я ничего не ѣлъ, понялъ, что я боленъ и привелъ ко мнѣ лекаря. Сей нашелъ во мнѣ сильный лихорадочный припадокъ и спалъ меня спрашивашъ; но я не хотѣлъ ему ошвѣчать при Лоренцѣ, кошораго присушствіе мнѣ опрошивѣло. Какъ шюремцкъ

(*) *Солдо*, шо же, что су Французск.

не хотѣлъ удалишься, шо докторъ вышелъ съ нимъ, и черезъ нѣсколько часовъ пришелъ опять, оставя Лоренца за дверью. Я объяснилъ ему мою болѣзнь; онъ присовѣщивалъ мнѣ пить много лимонаду и ушелъ.

На другой день лекаръ пришелъ ко мнѣ съ подлекаремъ, который пусшилъ мнѣ кровь. Они выпросили мнѣ позволеніе спать на чердакъ, гдѣ жаръ не такъ былъ несносенъ; но я ошъ шого отказался, боясь, что крысы шамъ будутъ меня шревожишь. Лекаръ жалѣлъ о моемъ положеніи; онъ предспавлялъ Секретарю о вредныхъ послѣдствіяхъ книгъ, ко мнѣ присланныхъ, и выпросилъ у него позволеніе, принесли мнѣ шворенія *Богеція*.

Послѣ нѣсколькихъ посѣщеній лекаря, я началъ выздоравливашъ и снова почувствовалъ позывъ къ ѣдѣ. Мнѣ позволено было по нѣскольку минушь прохаживашься по чердаку, смежному съ моею шюрьюю.

До 1 Окшября, я жилъ въ надеждѣ, что въ сей день перемѣнись мое положеніе, гбо зналъ, что въ эшо время члены судилица должны были смѣнисься. Я воображалъ, что они, бывъ убѣждены въ моей неповинности и спыдись своей несправедливости, держали меня въ шюрьмѣ шолько для шого, чтообы, какъ говорисься, при-

крышь свои грѣхи, и намѣревались выпустить меня при концѣ срока своего управленія. Тѣмъ больше я въ томъ убѣждался, что ко мнѣ никого не было прислано съ объявленіемъ о моей винѣ, и о сдѣланномъ надо мною въ свѣдѣніе того приговорѣ.

Все это казалось естественнымъ и вѣро-яшно; но я ошибался, думая, что такъ дѣла дѣлались въ Камерошти. Я не зналъ еще, что всякій гражданинъ сшановится виновнымъ по тому только, что на него былъ доносъ въ судилищѣ Инквизиціи.

Во всю ночь 30 Сентября, я не могъ сомкнуть глазъ: такъ нетерпѣливо ждалъ я наскупленія дня, кошорый, по моему предположенію, долженъ былъ возвратить мнѣ свободу. Но, съ утра еще, Лоренцо, принеши мнѣ обѣдъ, не сказалъ мнѣ ни слова. Такъ прошло пять или шесть дней; смущеніе мое было неописанно и я началъ догадываться, что меня намѣрены были продержать всю жизнь въ заключеніи. Тогда я рѣшился или уйти, или погибнуть въ сей попыскѣ. Это намѣреніе скоро сдѣлалось единственнѣйшимъ предметомъ моихъ мыслей. Особенное обстоятельство дало мнѣ выразумѣть, какъ глубоко эта мысль вѣзчалась въ умъ моему. Въ день извѣснаго землетрясенія, разрушившаго Лиссабонъ, я по-

чувствовалъ въ шюрмѣ моей сильное потрясеніе. Я мигомъ понялъ причину онаго, равно какъ и угрожающую мнѣ опасность; но единственнѣйшимъ моимъ тогда чувствованіемъ была радость оныя мысли, что я, можешь быть, не буду болѣе узникомъ.

(Положеніе Казановы было поже до конца года. Обстоятельства не позволяли ему ни на что покуситься къ своему избавленію. Въ Ноябрь мѣсяцъ, къ нему попеременно приводили двухъ шоварищей заключенія. Одинъ былъ камердинеръ одного знашнаго Венеціанскаго вельможи, осужденнаго на пятилѣтнее заключеніе и на десятилѣтнее изгнаніе, за то, что дерзнулъ влюбиться въ дочь своего господина. Онъ провелъ только нѣсколько дней съ Казановою. Другой былъ росповщикъ, обманувшій одного благороднаго Венеціанца; онъ высвободился шѣмъ, что заплашилъ за себя богатымъ выкупъ.)

Января 1, 1756 года, я былъ пріятно удивленъ, получа въ новый годъ подарокъ. Оный состоялъ въ халатѣ, подбитомъ мѣхомъ, въ шелковомъ одѣялѣ съ шерстяною подкладкою и въ медвѣжьемъ мѣху для согрѣванья ногъ; ибо моя шюрма была столь же холодна зимою, сколько жарка лѣтомъ. Вывѣсивъ съ симъ, извѣстили меня, что оп-

нынѣ могъ я спрашивъ по шести цеккиновъ въ мѣсяцъ, и покупашъ на эти деньги книги и газеты, какихъ мнѣ желалось. Сіи подарки присланы мнѣ были другомъ моимъ и покровителемъ Памприціемъ Брагадино.

Надобно побывашъ въ подобномъ моему положеніи, чшобы вполнѣ поняшь по удовольствію, какое мнѣ доставили сіи знаки вниманія и доброхопства. Я почти гошовъ былъ опказашься опъ всѣхъ покушеній къ побѣгу и покорисься моей судьбѣ: шакъ-то человекъ спановишся слабъ и шашокъ подъ вліяніемъ шажкихъ бѣдспвій.

Совсѣмъ швмъ, это расположение духа было не долговременно. Я зашримѣшилъ, прохаживаясь по чердаку, нѣсколько шарыхъ мебелей, сваленныхъ въ углу одиѣ на другія, и между ними я опшыскалъ желѣзный засовъ, шириною въ дюймъ, и длиною въ полшора фуса; я нашель шакже кусокъ чернаго мрамора, шести дюймовъ длины, кошорый могъ служишь вмѣсно шочильнаго оселка.

Я схвашиль и шо и другое, въ намѣреніи превратишь желѣзный засовъ въ оспрое орудіе. Трудности, вспрѣченныя мною въ исполненіи сего намѣренія, шолько болѣе подшпрекали мое упорштво. У меня не было инаго средства къ достиженію моей цѣ-

ли, кромѣ того, чшобы спочишь желѣзо шрениемъ объ камень. Я шрудился надъ симъ безъ устали цѣлыя двѣ недѣли, и по большей части въ совершенной шемношѣ. Смачивалъ я камень слюною. Эшо было шязкое испытаніе моего шерпѣнія. Руки мои всѣ были въ мозоляхъ, и шакъ напряжены, что я не могъ почти ихъ поворошить; но я успѣлъ наконецъ сдѣлать изъ засова осьмиугольный кинжалъ. Я гордился своею работою, хотя и не зналъ еще, какое употребленіе могу сдѣлать изъ моего оружія. Въ ожиданіи благопріятной минушы, когда могу употребить его въ дѣло, я спряшалъ его въ соломѣ, которою набиты были мои кресла, чшобы скрыть его опъ взоровъ Лоренца.

Послѣ нѣсколькихъ дней размышленія, ошановидся я на мысли — прорѣзать опшвершіе въ помостѣ моей шюрмы. Я зналъ, что подъ нею находилась зала судилища, въ кошорой я видѣлъ Секретаря Кавалли въ день моего задержанія. Я предполагалъ, что когда опшвершіе будетъ сдѣлано, то я спущусь почью по простынѣ въ эшу залу, спрячусь тамъ подъ судейскимъ шоломъ и буду ждашь благопріятной минушы для ухода.

Но какъ попреляшсповашь, чшобы не мели моею комнашы во все шо время, пока длишься будешь моя работа, и не возбудишь подозрвнй? Я вздумалъ сказашь Лоренцу, чшо пыль, которую онъ поднималъ при мешени, причиняла мнѣ боль въ груди. Онъ обвщался впередь ее прибрязгивашь, но я также и этому прошивился, подь предлогомъ, будшо бы онъ сырости я получу кровохарканіе. Однакожь, чрезъ нѣсколькo дней Лоренцо снова на шомъ настоядъ, говоря, чшо назавтре онъ выметешь мою комнашу. Я видѣлъ, чшо въ немъ пробудились подозрвнйя, и пошому распорядился слѣдующимъ образомъ.

Я запяшналъ кровью свой пѣшокъ, оцарапнувъ слегка себѣ руку, пошомъ легъ въ постелю и дожидался прихода шюрешшикова. Когда онъ вошелъ, шо я сказалъ ему, чшо въ сильномъ кашлѣ порвалъ себѣ кровяной сосудецъ и просилъ Лоренца прислать ко мнѣ лекаря. Сей послѣдній дѣйствительнo пришелъ, пуспилъ мнѣ кровь и предписалъ лекарства. Я приписывалъ свою болѣзнь пыли, которую поднимали, меша мою комнашу, и положено было впередь этого не дѣлать.

Со всѣмъ шѣмъ не пришло еще время начинашь мою работу. Холодъ былъ шакъ

силенъ, что я не могъ держашь въ рукахъ
 желѣза; шемноша долгихъ зимнихъ ночей
 мѣшала мнѣ работашь; ибо цѣлые 19 ча-
 совъ въ суши было шемно. Лампа была
 предметомъ всѣхъ моихъ желаній. Чшобъ
 имѣть ее, началъ я шѣмъ, что удержалъ
 подъ какимъ-шо предлогомъ глиняную крин-
 ку, въ кошорой приносили мнѣ салашъ, по-
 шомъ каждый день опливалъ въ нее масло,
 даванное мнѣ для салаша. Изъ мипшальнаго
 своего бѣлья надергалъ я нишей хлопчатой
 бумаги для свѣшленъ; выпросилъ себѣ кре-
 мень, какъ будшо съ шѣмъ, чтошобъ опускашъ
 его въ укусъ, выдавая эшо за превосходное
 лекарство ошъ зубной боли, кошорую буд-
 шо бы я спрадалъ. Поясная спашьная пряж-
 ка служила мнѣ вмѣсто огнива, грецкая
 губка замѣнила шрушъ; недоспавало мнѣ
 шолько сѣрныхъ спичекъ. Наконецъ, оказав-
 шаяся, по счастью, на шѣлѣ у меня сыпъ,
 доспавила мнѣ случай просишъ у лекаря,
 чшобъ онъ выпишалъ мнѣ мазъ, соспавлен-
 ную изъ миндальнаго масла съ сѣрнымъ цвѣ-
 шомъ, и вышребовалъ оба сіи снадобья по-
 рознь. На послѣдокъ, къ неизъяснимому мо-
 ему удовольствию, могъ я зажечь лампу и
 шѣмъ нарушишъ одно изъ спрожайше со-
 блюдаемыхъ постановленій для шюремъ. Со
 всѣмъ шѣмъ, я опложилъ еще до перваго

дни поста исполненіе моего замысла , опасаясь , чшобы глупости и своевольтство , въ кошорыя всѣ жшпели Венеціи вдающся , во время карнавала , не завели ко мнѣ въ шюръму какого нибудь новаго шоварища .

Карнаваль прошелъ безъ новыхъ приключеній , и я принялся за работу . Доски на помостѣ моей шюръмы , были шириною въ 16 дюймовъ ; я выбралъ самое лучшее мѣсто , и началъ прорѣзывать опѣ одного паза до другаго . Я переславилъ свою кровашъ , засвѣшилъ лампу и легъ на полъ , чшобы удобнѣе работашъ . Выдалбливаемые мною щепы сперва были не толще хлѣбнаго зерна , но попомѣ спановились онѣ больше и больше . Я складывалъ ихъ въ салѣешку , и послѣ выносилъ и высыпалъ за грудую шаррой мебели на чердакъ . Прорѣзавъ одну за другою при наспилки досокъ , нашелъ я слой малыхъ кусковъ мрамора , связанныхъ между собою извешпкой , и надъ коими мое орудіе не могло дѣйствовать . Я вспомнилъ о способѣ , кошорый Аннибалъ употребилъ при переходѣ чрезъ Альпы , и рѣшилъ извѣдашъ его въ семь случаевъ . Въ самомъ дѣлѣ , я увидѣлъ , чшо укусь , хошя и не размягчилъ мрамора , но доставилъ мнѣ удобство выпаскашъ цеменшъ , коимъ связаны были куски онаго . Сіе новое преплшсшвіе пре-

одолеялъ я въ чепыре дни, и нашелъ попомъ новую доску, копорая долженствовала быть послѣднею; но мнѣ очень трудно было ее прорѣзывать; ибо сдѣланная мною яма, была уже десяти дюймовъ глубиною.

(Къ Казановѣ привели новаго товарища заключенія; это былъ Графъ Фанарела ди Брешиа; онъ пробылъ только недѣлю въ *Пюмби* или *свинчаткахъ*. Казанова открылъ ему свою шайну и продолжалъ работу.)

23 Августа, работа моя была кончена. Одно неблагопріятное обстоятельство нѣсколько ее замедлило. Прорѣзавъ послѣднюю доску, я увидѣлъ сквозь маленькую щрецину, что я почто отгадалъ, и что зала инквизишоровъ была дѣйствительно подъ моею шюрмою. Но прорѣзанное мною отверстіе пришлось отчасти надъ полосою перекладиной, и это заставило меня прорѣзывать помосью свой съ боку, чтобы расширить отверстие. Я зацепилъ хлѣбомъ щрецинку, пробившую въ пошолокъ залы, дабы свѣсъ моей лампы не измѣнилъ мнѣ, ибо я рѣшился ждать до дня Св. Августина. Я зналъ, что наканунѣ того дня собирался великій совѣсъ, и что слѣдовательно, компания, чрезъ копорую я долженъ былъ уйти, будешь тогда пуща.

•

Но 25 Августа, произшествіе, о которомъ одно воспоминаніе и теперь еще приводитъ меня въ шепеть, разрушило всѣ мои намѣренія. Послышался звукъ замковъ — и меня объялъ смертельный страхъ. Сердце мое сильно забилось, я упалъ на кресла почти безъ памяти. Лоренцо сказалъ мнѣ сквозь оконце, что принесъ мнѣ добрую вѣсть. Я думалъ, что вѣсть сія была о моей свободѣ, и считалъ себя погибшимъ; ибо, если бы открылось мое покушеніе, то я навѣкъ бы лишился надежды освободиться. Лоренцо вошелъ, и велѣлъ мнѣ идти за нимъ. Я хотѣлъ одѣваться, но онъ мнѣ сказалъ, что это напрасно и что дѣло состояло только въ томъ, чтобы покинуть гнусную шюрму мою и перемѣститься въ хорошую комнату съ двумя окнами; что эта новая комната свѣтла, воздухъ въ ней чистъ и у меня передъ глазами будетъ изъ нея видъ на цѣлую половину Венеціи. Я былъ внѣ себя, потребовалъ уксусу, чтобы хотя мало очнуться, и сказалъ Лоренцу, чтобы онъ благодарилъ Секретаря; но просилъ бы его оставить меня на прежнемъ мѣстѣ. „Въ умѣ ли вы?“ вскричалъ Лоренцо: „вы отказываетесь отъ рая, чтобы спастись въ адъ.“ Вслѣдъ за тѣмъ, онъ подалъ мнѣ руку и велѣлъ

людямъ перенести мои вещи. Видя, что всякое сопротивленіе было бы напрасно, я рѣшился итти за нимъ и съ крайнимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что за мною несли также и кресла, въ кошорыхъ былъ спряшанъ безцѣнный мой кинжалъ. О! если бы Небу угодно было, чтобъ и рабоша моя, конченная съ такими забошами, могла послѣдовать за мною въ новую мою келью!

Опершись на плечо Лоренца, кошорый спарался развеселить меня своими шушками, скоро я пришелъ въ роковую комнату. Входъ въ нее былъ изъ коридора, въ двѣнадцашъ фушовъ шириною и въ два длиною; въ эшомъ коридорѣ было два окна съ рѣшешкой, шакъ, что сквозь оконце моей двери, я не только могъ пользоваться прекраснѣйшимъ видомъ на городъ, но и дышашъ свѣжимъ воздухомъ; а эшо было не оцѣненное благо для заключенника въ погдашнее время года! Но въ шу минушу, когда меня шуда ввели, я ни сколько не расположенъ былъ чувшвовашъ цѣну всѣхъ сихъ выгодъ.

Лоренцо оставилъ меня, сказавъ, что пойдетъ за моею кровашью. Новый спрахъ объялъ меня при сихъ словахъ, ибо все должно было ошкрышьяся. Я бросилъ въ кре-

сла съ ужасомъ и преданный горещийшимъ опасеніямъ.

Я зналъ, что подъ Дожескимъ дворцемъ, гдѣ я сидѣлъ въ заключеніи, было девятнадцать подземныхъ мѣшковъ, куда запирали узниковъ, надъ кошорыми приговоръ къ смершной казни смягченъ былъ въ вѣчное започеніе. Мѣшки сіи — сущія могилы, въ кои морская вода пропачиваешся сквозь узкія ошвершія, сдѣланныя для входа воздуха. Въ нихъ на два фуса соленой воды, кошорая воегда шамъ заспаниваешся, и пошому-то ихъ назвали *колодевями* (i Pozzi). Узникъ, не хомящій весь день сидѣшь въ водѣ, другаго средства не имвешъ, какъ полько взобращься на подмошпки, служащія ему вмѣсто посшеди. Онъ долженъ бышь въ безпрешанной войнѣ за свою пищу, съ превеликими морскими крысами, кошорыми наполнены сіи ужасныя гнѣздилища. И совсѣмъ шѣмъ, — повѣряшь ли? нѣкошорые започенники прожѣли долгія лѣта въ сихъ мѣшкахъ. Одинъ, родомъ Французъ, по имени Бегелень, обвиненный и осужденный за то, что игравши роль шпіона республики, былъ подлинно шпіономъ враговъ ея, запершъ былъ въ *Почци* на сорокъ пятомъ году, и умеръ шамъ въ започеніи на 82 году своей жизни. Туда-

то я ждалъ ежеминутно, что поведушь меня.

Черезъ два часа, я послышалъ снова шороплавые шаги Лоренца, который казался крайне сердитымъ. Онъ вошелъ ко мнѣ въ изскупленіи бѣшенства, изрыгая хулы на Бога и Святыхъ Его, и претовалъ, чтобы я опдалъ ему попоръ, которыми я прорубилъ помосъ, и сказалъ бы ему, кто мнѣ его доставилъ. Онъ обыскалъ меня, прилжно осмопрѣлъ мою кровать, постелю и всѣ вещи — и однако жъ не опыскалъ моего кинжала. „Такъ вы не хошите мнѣ ни въ чемъ признашься,“ сказалъ онъ: „можешь бышь, другимъ вы дадите опвѣшь.“ — „Если узнаюшь,“ опвѣчалъ я, „что я прорубилъ у себя въ шюръмъ полъ, и спанушь меня о помъ допрашиваешь, то я скажу, что опъ тебя получилъ нужные для того инспрументы, и что сего дня, опдалъ ихъ тебѣ обратно.“ При сихъ словахъ, онъ заревѣлъ опъ бѣшенства и началъ битья головою объ стѣну, шакъ, что почти возбудилъ во мнѣ жалосъ. Подчиненные его перенесли ко мнѣ всѣ мои вещи, даже мою лампу и мраморную дощечку. Лоренцо велѣлъ попомъ заперешъ окно въ коридорѣ, чтобы опняшь у меня чистый воздухъ; но почтишалъ себя счастливымъ, что шакъ

дешево опдѣлался, ибо кинжалъ мой ускользнулъ опшъ всѣхъ розысковъ.

Принесенные мнѣ на другой день съвѣшныя припасы сосшояли въ кисломъ винѣ, гнилой водѣ, прошухломъ мясѣ и чершвомъ хлѣбѣ. Комнашы моей не мели, но ключникъ щцашельно осмошрѣлъ помосшь, особливу у меня подѣ кровашью. Онѣ забылъ однако жѣ взглянушь на пошолокъ, а шамъ-шо я надѣялся сдѣлашь вшоричную попышку къ побѣгу.

(Казанова склоняешъ на свою споршу Лоренца, грозя объявишь судилищу, что онѣ способшвовалъ его намѣреніямъ уйши, и давъ ему денегъ. Спусти малое время, онѣ вошелъ въ сношенія съ другимъ заключенникомъ, своимъ сосѣдомъ, съ кошорымъ онѣ пересужался книгами, чрезъ посредшво Лоренца. Сей узникъ имѣлъ способы писашъ, и переслалъ къ Казановѣ много писаныхъ листковъ, въ коихъ описалъ ему свои приключенія, скрываетъ листки сіи въ книги. То былъ Марино Бальби; шоварищемъ заключенія въ его комнашѣ, былъ одинъ спарый Ипаліанскій Графъ. Изъ эшой переписки, Казанова уразумѣлъ; что имѣлъ дѣло съ человекомъ слабаго характера, и долженъ былъ недовѣряшь ему; но потомъ призналъ что ему нужна была помощь сего человека,

для приведенія въ дѣйство новыхъ своихъ покушеній къ уходу. Онъ написалъ къ нему о шомъ карандашемъ , кошорый Бальби переслалъ къ нему, запряпавъ въ книгу.)

Кинжалъ мой спалъ бесполезенъ у меня въ рукахъ , ибо надъ всѣми моими поступками спрого наблюдали, и каждый день осматривали мою шюрму; въ слѣдствіе того, я сосхавилъ свой планъ. Я написалъ къ Бальби , что онъ долженъ былъ во всей точности слѣдовать моимъ наставленіямъ , если хочешь уйти вмѣстѣ со мною, и что, если мнѣ удастся переслать къ нему кинжалъ, надобно, чтобы онъ прорѣзалъ шпину, раздѣлявшую насъ , что въ это опверстіе, я пролѣзу въ его шюрму, и тогда опшвѣчаю за то, что освобожу его и Графа.

Онъ опписалъ мнѣ, что даже и тогда, когда я успѣю пробраться въ его шюрму , я все таки буду въ заключеніи , шакъ какъ и онъ. Я повшорилъ, чтобы онъ держался моихъ предписаній , а о прочемъ бы не заботился. Я присовѣщовалъ ему шакже накупить гравированныхъ карпинокъ и наклеить ихъ на шпину своей комнашы, дабы шѣмъ закрыть прорѣзываемое имъ опверстіе.

Я скоро придумалъ средство, какъ ему переслать мой кинжалъ. Я упросилъ Лорен-

ца, досташъ мнѣ полстшю книгу въ лиспъ, надѣясь въ пыль переплеша ея запришашъ желъзо, и шакъ переслашъ его къ Бальби. Къ несчастію оказалось, чшо книга двумя дюймами была короче; должно было выискашъ еще вспомошательное средство.

Я сказаль Лоренцу, чшо по случаю праздника Св. Михаила, мнѣ желашельно имѣшъ два блюда макаронъ, пригошовленныхъ съ масломъ и Пармскимъ сыромъ, чшобы послашъ одно изъ нихъ шому заключеннику, кошорый снабжалъ меня книгами. Онъ обѣщаль мнѣ желаемое и вмѣстѣ извѣстилъ меня, чшо сосѣдъ мой просилъ у меня полстшаго моего фоліанша. Я ошвѣчалъ, чшо пошлю въ одинъ разъ и шо и другое, и подшвердилъ Лоренцу, чшобъ онъ достпаль мнѣ блюдо, какъ можно больше, прибавя, чшо я самъ его приправлю. Между шѣмъ, какъ онъ ходилъ за блюдомъ, я завернулъ весьма спарашельно въ бумагу мой кинжалъ, и заложилъ его въ пыль книги, думая, чшо когда сппашу ошдавашъ Лоренцу блюдо, посшавленное на книгу, шо онъ обрашпшъ все свое вниманіе на шо, чшобы не разсыпашъ макаронъ, и не замѣшпшъ, чшо изъ книги на два дюйма выказываешся какая-шо вещь. Я извѣстилъ Бальби о мо-

ихъ намѣреніяхъ, и просилъ его, принявъ ошъ Лоренца блюдо съ книгой вмѣстѣ.

Въ Михайловъ день, Лоренцо пришелъ съ большею кострюлей, полною макаронувъ. Я шопчасъ разложилъ макароны на два блюда, приправя ихъ масломъ и терпымъ сыроувъ. Въ шо блюдо, которое назначалъ я для монаха, налилъ я шоплаенаго масла до самыхъ краевъ. Пошомъ, поставилъ я блюдо на книгу, шакъ чшо совсѣмъ покрылъ имъ сію послѣднюю; опдалъ все эшо Лоренцу и просилъ его ишши ошпорожнѣ, чшобы не пролишь масла на книгу. Онъ находилъ сіе шруднымъ и предлагалъ мнѣ сперва опнести блюдо, а послѣ фоліаншь. Но я ему сказалъ, чшо подарки мои будущъ имѣшь больше цѣны, если доставяшся вмѣстѣ; онъ склонился на мои представленія и пошелъ съ сею двойною ношею. Я шопрѣлъ вслѣдъ за нимъ съ безпокойшвомъ, и скоро, къ неописанному моему удовольствію, услышалъ, какъ Бальби подалъ мнѣ условный знакъ, чшобы извѣшшишь меня объ успѣхъ моей выдумки.

Бальби упошребилъ слишкомъ недѣлю на прорѣзываніе ошверстія, и во все эшо время, безпрешанно пересылался со мною записками, увѣдомляя о ходѣ своей работы, и сообщая мнѣ свои сомнѣнія на счешъ у-

спѣха нашего дѣла. Въ опивѣшахъ моихъ, я изъяслялъ спокойствіе и увѣренность, которыхъ на самомъ дѣлѣ вовсе не чувствовалъ; но я упорно рѣшился вести дѣло до конца.

Октября 16 я услышалъ при удара, сдѣланные въ перегородку моей комнаты, и опивчалъ шѣмъ же. Это былъ знакъ, условленный между мною и Бальби, чтобы удостовѣриться въ нашемъ взаимномъ положеніи. Бальби на другой день написалъ ко мнѣ, что работа его кончена, но что онъ до шѣхъ поръ не прорѣжетъ совсѣмъ опвершія, когда наспанешъ рѣшишельная минуша, дабы не видно было прежде времени слѣдовъ его работы на перегородкѣ изъ моей комнаты.

Въ слѣдствіе сего, я назначилъ время нашего побѣга въ ночь на шрешьи сушики. Я думалъ, что, какъ скоро я проберусь въ шюръму Бальби, то могу прорѣзать крышу дворца, что это можно было сдѣлать въ нѣсколько часовъ; что мы выльземъ въ сіе опвершіе, и потомъ спустимся, какъ съумѣемъ, на улицу.

(Въ день, назначенный Казановою къ окончанію его намѣренія, къ нему привели новаго поварища. Это былъ шпионъ самаго низкаго разряда, именемъ Сордаччи, лукавый

и суевѣрный невѣжда. Казанова успѣлъ обманушь его, воспользовавшись его легковѣріемъ и суевѣріемъ. Онъ увѣрилъ его, что какой нибудь добрый духъ придетъ освободить ихъ, и для того разсвѣчешь, въ шакомъ шо часу, спящу ихъ шюрьмы.)

Все сдѣлалось по моему желанію: 31 Октябрия, въ условномъ часу, Бальби выштолкнулъ въ мою комнашу послѣднюю доску, насъ раздѣлявшую, и пролезши самъ сквозь сіе ошверстіе, бросился въ мои объятія. „Теперь,“ сказала я: „ваша работа кончена, а моя начнешся.“ Я взялъ кинжалъ, прошелъ въ шу комнашу, гдѣ былъ старый Графъ, сказавши напередъ Бальби, чтошобъ онъ присматривалъ за Сордаччи, котораго я не хотѣлъ оставишь одного. Я увидѣлъ, съ перваго взгляда, что Графъ не въ состояніи былъ за нами слѣдовать въ опасномъ нашемъ предпріятіи. Едва изъяснилъ я ему нашъ планъ, какъ онъ мнѣ сказалъ, что у него нѣтъ крыльевъ, чтошобы слезъшь съ кровли, на кошорую мы хотѣли вылѣзть, и что онъ будетъ шолько молиться за насъ.

Не теряя времени, я подмоспился къ пошолку и безъ дальняго шруда, началъ его прорѣзывать своимъ кинжаломъ. Меньше, нежели въ часъ, я сдѣлалъ въ немъ довольно

проспорную вырѣзку. Пошомъ возвратился я въ свою комнашу, изрѣзавъ на-скоро проспыни свои, плашье и бѣлье въ полосы, связавъ ихъ на-крѣпко, однѣ съ другими, и сдѣлавъ изъ этого нѣчто похожее на веревку, фушовъ во сто длиною. Пошомъ свернулъ вмѣстѣ остальное плашье, котораго не поршилъ. Сордачки примѣшивъ тогда, что его обманули, но мы уговорили его воспользоваться случаемъ и уйши вмѣстѣ съ нами. Мнѣ, какъ будто спало легче, когда я сбросилъ личину лицемѣра, которую въ печеніе цѣлой недѣли, носилъ передъ эшимъ челоувкомъ. Графъ увѣрялъ его, что мы подвергнемся величайшимъ опасностямъ, и что гораздо благоразумнѣе не извѣдывать оныхъ.

Я скоро докончилъ прорѣзъ въ кровль. Свинцовые листы, коими она покрыта, крѣпко были прибиты одни къ другимъ; но съ помощію Бальби и моего кинжала, я успѣлъ ошорвать одинъ изъ нихъ и поднялъ его своимъ плечомъ. Тогда я съ сожалѣніемъ увидѣлъ, что ночь была лунная, и что должно было дождаться полуночи, когда луна зайдетъ; ибо пріятный вечеръ выманивалъ шопны прогуливавшихся на площадь Санъ-Марко, и они легко могли бы увидѣшь, что мы бродили по кровль дворцовой.

(Въ продолженіе шрехъ часовъ, кои Казанова еще провелъ въ своей шюрми, ожидая закаша луны, — онъ нищепно спарался уговорить спараго Графа, дашь имъ въ заемъ сумму денегъ, копорая нужна имъ была для побѣга; Графъ далъ имъ шолько два цеккина. Бальби укорялъ Казанову за шо, чшо онъ вовлекъ его въ шакой умысель, копорато успѣхъ весьма сомнишелень; сей монахъ вовсе лишился бодрости).

Время уже было убираться. Мы взяли свои узлы съ плашьемъ; не позабыли и веревокъ. Мы были легко одѣшны, чшобы свободнѣе бышь въ своихъ движеніяхъ.

Я первый выльзъ въ опверстіе и пропянулъ руку къ Бальби, чшобы помочь и ему выльзшь. Мы находились на очень скользкой и покашисшой поверхности; я ползъ вверхъ съ великимъ трудомъ; Бальби шацился за мною, уцѣпясь за мое плашье. Кинжалъ мой, копорый я всовывалъ въ пазы, между свинцовыми лисшами, помогаль миѣ обдерживаться.

Когда мы были на половинѣ сей опасной дороги, Бальби просилъ меня на часъ осшановишься, пошому чшо онъ уронилъ одинъ изъ своихъ узелковъ, копорый, вѣроятно, скашисся въ дождевой жолобъ. На тошь мигъ, я чупъ было не опсправилъ его вслѣдъ

за узломъ; но Небо дало мнѣ силу сдержашь эшо первое движеніе гнѣва, и я уговаривалъ Бальби не горевашь о пошерѣ вещей, лежавшихъ въ эшомъ узлѣ. Мы все шакже ползли до самага гребня кровли, а на сей послѣдній сѣли верхомъ. Прямо прошивъ насъ былъ куполь Св. Марка, сосшавляющій часшь Дожескаго дворца, и гдѣ находишся домовая Дожева церковь, одна изъ великолѣпнѣйше украшенныхъ въ цѣлой Европѣ. Бальби положилъ наши веревки подъ себя, и хопѣвши сняшъ шляпу, уронилъ ее на крышу, съ кошорой она упала въ канаву. Бальби почель эшо худымъ предвѣспіемъ; но я ему далъ замѣшишь, чшо если бы шляпа упала на другую сторону, шо вспревожила бы часовыхъ, споявшихъ у арсенала.

Окинувъ глазами вокругъ себя, я сказалъ Бальби, чшобъ онъ оспавался неподвижно на своемъ мѣстѣ, между шѣмъ какъ я пойду обозрѣшъ кругомъ. Съ часъ я возмашся по эшой безмѣрной кровлѣ, въ напрасныхъ розыскахъ шакого мѣста, гдѣ бы удобнѣе было съ нея спустишся. Земля, окружавшая дворецъ, почти вся была въ оградахъ, а мнѣ казалось едва ли возможнымъ пробращься по шу сторону церкви.

Я хопѣлъ однакожь попышашся; но сдѣлавъ двѣ шреши дороги, замѣшилъ я слу-

ховое окно, сквозь кошорое, по моимъ мыслямъ, намъ можно было пробраться во дворецъ, а попомъ вышши изъ него, когда двери и ворота будутъ опворены на разсвѣтъ. Окно сіе снаружи было съ рѣшеткой, а извнутри со стеклами. Рѣшетка была деревянная, и я пошчасъ вышибъ чепыре планки, сильно ударя въ нихъ моимъ кинжаломъ. То же сдѣлалъ и съ окномъ, не боявшись, что могъ изрѣзать себѣ пальцы. Я возвратился попомъ къ моему товарищу, кошорый проклиналъ долгое мое отсутствіе, и полагая, что я остуился и упалъ въ канаву, хотѣлъ возвратиться въ пюрму свою. Онъ спросилъ, какія были мои намѣренія? „Узнаеше ихъ послѣ,“ отвѣчалъ я и велѣлъ ему слѣдовать за мною, неся на плечахъ связку веревокъ. Когда мы доползли до слуховаго окна, тогда я сообщилъ ему свои намѣренія, и спросилъ его мнѣнія, какъ бы намъ лучше пробраться въ окно? Первый легко могъ сойти шуда, когда бы товарищъ его сшалъ держать веревку; но второй могъ изувѣчиться, спрыгнувъ внизъ, можешь быть, на большой глубинѣ. Бальби пошчасъ вызвался первый спуститься, и я на это согласился. Я обвязалъ ему веревку около пѣла, и сѣвши верхомъ на сводѣ слуховаго окна, крѣпко держался за другой

конецъ веревки, разсмащивая его мало по малу, по мѣрѣ какъ Бальби спускался внизъ.

Онъ сошелъ безъ дальней опасности. Прищипнувъ къ себѣ назадъ веревку, я увидѣлъ, что выскока, съ кошорой Бальби спустился, довольно значительна, и что мнѣ никакъ нельзя опважиться соскокнуть туда. Я удалился отъ слуховаго окна, безъ всякаго рѣшительнаго предположенія, и дорогой, увидѣлъ на кровль небольшой заломъ, заслоненный спавнемъ. Тамъ лежало нѣсколько снарядовъ каменьщика, известка и лѣшница. Я схватилъ сію послѣднюю, привязалъ ее къ моей веревкѣ и пошацилъ съ большимъ трудомъ къ окну. Усилія, кои употреблялъ я, чтобы пошавить лѣшницу сквозь окно въ верхнее жилье, причинили мнѣ сильную судорогу, и это заспавило меня провеспи съ четверть часа въ бездѣйствіи. Это были самыя тяжкія минушы въ моей жизни. На послѣдокъ, я успѣлъ ввести лѣшницу въ окно; Бальби пошавилъ ее концемъ на полъ, я бросилъ къ нему узлы наши съ одеждой и слѣзъ самъ.

Спустившись внизъ, я оцуюлю обозначалъ мѣсто, гдѣ мы были запершы. Я ошперъ дверь и мы вошли въ большую залу, посреди кошорой стоялъ споль, а вокругъ него кресла. Я увидѣлъ окно, ошворилъ его

и при свѣтѣ звѣздъ мѣрять глазами ужасную вышину, съ кошкой мы не могли бы и подумать спуститься по веревкѣ. Я возвратился къ тому мѣсту, гдѣ оставались наши узлы, сѣлъ въ кресла и почувствовалъ такую сильную дремоту, что хотѣ бы этакъ сонъ споллъ мнѣ жизни — я все бы уснулъ. Всѣ силы природы были во мнѣ истощены необыкновенными моими усиленіями въ эту ночь. Бальби разбудилъ меня черезъ полчаса; онъ не могъ понять, какъ можно было спать въ такую минуту? Этакъ кратковременный отдыхъ возвратилъ мнѣ силы.

Какъ скоро я вспалъ, то началъ искать выхода изъ этой комнаты. Я открылъ большую желѣзную дверь, а на противоположной стѣнѣ другую, поменьше. Я засунулъ кинжалъ свой въ замокъ и симъ способомъ открылъ его. Черезъ сію дверь, вошли мы въ небольшую комнату; по срединѣ споллъ сполъ, на кошкѣ я нашелъ ключъ. Симъ ключемъ открылъ я другую дверь, которая провела насъ въ залу, заключающую въ себѣ архивъ Республики. Мы вошли потомъ на нѣсколько ступенекъ, и толкнувъ стеклянную дверь, вошли въ Дождескую Канцелярію. Тогда я догадался, гдѣ мы были. Я взялъ инструментъ, кошкѣ

*

прокалывали пергамень для приложенія къ нему печати, опдалъ его Бальби, чшобъ онъ помогъ мнѣ дѣлать прорѣзь въ двери, кошорую началъ я прорѣзывать кинжаломъ. Мы скоро прорѣзали довольно проспорное отверстіе; но острые концы, выдававшіеся кругомъ вшого прорѣза, грозили намъ занозить шѣло и осаднить кожу, когда мы начнемъ пышаться пролѣзть въ него; къ помужь, отверстіе было фушовъ на пяшь выше помоста, ибо мы прорѣзали его шамъ, гдѣ доски были шонѣ. Со всѣмъ шѣмъ, я подставилъ спуль своему шоварицу, онъ просунуль гдлову и руки сквозь отверстіе, а я вышолкнуль его вонъ. Пошомъ я самъ пролѣзъ до половины шуда же, и просилъ Бальби шацишь меня изо всей силы, не заботясь, чшо пѣмъ обдереть мнѣ кожу. Конча сіе, мы поспѣшно сошли по двумъ неремычкамъ лѣспницы, и добрались до перехода, ведущаго къ такъ называемой Королевской лѣспницѣ; но здѣсь чешыре преподшья двери, надъ коими всѣ наши попышки были безуспѣшны, остановили наше шествіе. Я сѣлъ подлѣ Бальби и сказалъ: „Я сдѣлалъ все, чшо шолько могъ; ошального должно надѣяться ошъ Провидѣнія. Сего дня и завшра приздничные дни, и сюда можешь бышь никто не придетъ.

Если же придущь, я пробьюсь силою, и вы пройдете вслѣдъ за мною; а если нѣшь, — шо мы умремь съ голоду, ибо я не знаю больше никакого средства.“

Бальби былъ въ отчаяніи; онъ осыпалъ меня упреками, на кошорые я не ошвѣчалъ. Въ это время, я занимался поправленіемъ моего наряда. Бальби одѣшь былъ простолюдиномъ, но его плашье не было изорвано и запяшноано кровью, шакъ какъ мое. Снявъ чулки, я увидѣлъ, что у меня на обѣихъ ногахъ по большой ранѣ; я изодрала носовой плашокъ свой и перевязала сіи раны. Пошомъ надѣлъ я шелковые чулки, рубашку съ кружевными манжешами, поправилъ себѣ волосы и нарядился въ щегольское шелковое плашье. Въ шакомъ убраннышвѣ, я могъ казашься молодымъ повѣсою, возвращающимъ ся съ ночной пирушки. Я подошелъ къ окну — и, какъ я узналъ о шомъ чрезъ два года послѣ, въ Парижѣ, — какой-шо празднлюбецъ, прохаживавшійся по площади, замѣшилъ меня, и сказалъ о шомъ спорожу. Сей послѣдній, думая, что заперъ кого нибудь въ эшихъ комнашахъ, спѣшилъ насъ выпустить. Услыша, что идущь по большой лѣспницѣ, я посмошрѣлъ сквозь замочную щелку и увидѣлъ, что шо былъ одинъ человекъ съ связкою ключей. Я подалъ знакъ

Бальби, чѣшобъ онъ молчалъ и дѣлалъ шо, что я спаву дѣлашь, самъ же спалъ подлѣ самага выхода въ дверь, спряшавъ мой кинжалъ подъ плашье. Дверь опворилась, и спорожь крайне удивилса, нашедши насъ шушь. Мы поспѣшно прошали мимо его, не сказавъ ни слова, сошли внизъ по большой лѣспнищѣ, кшакимъ образомъ, безъ помѣхи, вышли изъ дворца. Видно, спорожь шакъ былъ изумленъ нашимъ появленіемъ, что ему и въ мысль не пришло гнашься за нами.

Я никакъ не могъ ждашь безопасности въ спѣвахъ Венеціи: должно было пробрашься за границу. Я прошель Пьецешту, не шеряя времени и безъ оглядки. Прибывъ къ каналу, я бросилса въ первую попавшуюся мишь гондоду и сказаль гондольщику: „Еще одного гребца и вези насъ въ Фузину.“ Я безпечно раскинулса на средней скамьѣ, Бальби сѣлъ подлѣ меня и мы опправились. Какъ скоро мы проплыли шаможенную зашаву, я спросилъ у гондольщика: во сколько времени можемъ мы доплышь въ Мешпре? — „Въ Мешпре?“ опшвѣчалъ онъ: „вы велѣли везти себя въ Фузину.“ — „Такъ я опшибса; намъ надобно плышь въ Мешпре.“ Гондольщики не сдѣдали болѣе никакого возра-

женія и сказали, что мы можем доплыть сюда въ три четверти часа.

Я часом оглядывался назадъ и не видѣлъ за собою никакой погони. Солнце начинало тогда показываться на небѣ, и я съ восходомъ смотрѣлъ на сіе зрѣлище. Размышляя о происшествіяхъ минувшей ночи, о спеченіи обшійшельствъ, способствовавшихъ нашему побѣгу, я возчувствовалъ теплую благодарность ко Всевышнему, Который спасъ насъ Своимъ покровительствомъ. Наконецъ, во мнѣ спѣснилось столько много живѣйшихъ ощущеній, что я заплакалъ радостными слезами.

(Въ заключеніе довольно сказать, что послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, Казанова успѣлъ совершенно обезопасить себя отъ преслѣдованій Венеціанскаго Правительсва).

Съ Франц.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ УЧИЛИЩЪ.

(Продолженіе.)

Довершивъ ученіе во 2 классѣ Гимназіи (въ низшей Гимназіи), ученики посему могутъ и должны бы бытъ раздѣляемы на два разряда, одни поступающіе въ высшую Гимназію, прочіе же въ другое заведеніе, соединенное съ самою Гимназіею, подъ названіемъ: *Высшаго Гражданскаго (Мѣщанскаго) или Политехническаго Училища* (Höhere Bürgerschule, Realschule, Polytechnische Schule, с. 279). Уже въ Нюрнбергѣ успроено такое Училище, въ которое поступающъ юноши, посвящающіе себя торговлѣ и промышленности; а для подобныхъ же учебныхъ заведеній въ Минхенѣ и другихъ первенспвующихъ городахъ Королевства Баварскаго, Государственные чины (die Stände) уже назначили потребныя суммы (с. 280). Ученики, довершившіе курсъ ученія, во 2 классѣ Гимназіи бу-

душъ совершенно уже приготоовлены къ поступленію во всѣ прочія учебныя заведенія, по части военной, или пушей сообщенія, горныхъ дѣлъ и ш. п.

Обращаемся къ *Высшимъ Гимназіямъ*, собственно *ученымъ школамъ*, главному предмету сочиненія нашего Автора, ошъ коего и заимствовано заглавіе его книги: *Ueber gelehrte Schulen*. Она-шо назначена для образованія доспойныхъ хранипелей Наукъ, Государственнаго устройсва и самой Церкви.

Предметы ученія, впрочемъ подчиненные всегда чтенію и изыясненію классиковъ, сущь: Поэзія, Землеописаніе, Миѳологія, Испорія, Риторика и Философія (с. 232); по главнымъ Наукамъ, чешыре класса Высшей Гимназіи можно назвашь: *Питическимъ*, *Историческимъ*, *Риторическимъ* и *Философическимъ* (с. 283) (*).

(*) Ниже на с. 332, упоминавь о томъ, что первые два класса Гимназіи, составляющіе низшую Гимназію, могутъ бышь названы Синтаксическими, и изложивъ причины, побудившія его предпочесть сіи, впрочемъ, не первыя уже наименованія классовъ, всѣмъ прочимъ, наприм: prima, secunda — sexta, Авторъ нашъ говоривъ: „Das alles aber sind Formen, wel-

Поспешенность сія основана на природѣ чловѣка, ибо *Поэзія*, болѣе всего привлекательна для юношей; она же и всюду предшественствуетъ развитію умственныхъ способностей (какъ въ частныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ обществѣхъ); она пробуждаетъ охоту къ *Исторіи*, сія же открываетъ намъ силу *Краснорѣчія*, невольнымъ образомъ сближающаго насъ съ *Философіею*. И не по ли самое поспешное развитіе, подтверждаетъ намъ и *Исторія* Греческой Литературы? За Гомеромъ и Гезіодомъ послѣдовали Геродотъ и Ксенофонтъ; за ними Исократъ и Демосѣенъ, и наконецъ уже Платонъ и Аристотель (с. 284).

Но какъ успѣшь въ томъ, чтобы дѣши принимали истинное, усердное участіе въ преподаваемыхъ имъ предметахъ; безъ коего все будетъ только временнымъ дѣломъ памяти (*). Для сего нужно преимуществен-

---

che durch den Geist der Wissenschaft und die Wärme des Eifers erst, wie von einem lebendigen Hauche müssen durchdrungen werden, um sich in ihrer Zweckmässigkeit und Bedeutsamkeit zu zeigen und zu bewähren.“

(*) Въ Минхенѣ ученики одного Учителья, нагнѣвавшася ошложивъ испытаніе ихъ оцѣ на недѣлю,

но устранишь всякое неумѣстное развлече-
ніе, столь пагубное для учащихся. Развле-
ченіе сіе однако происходитъ не отъ од-
нихъ шокмо забавъ и бездѣйствія; излишнее
число предметовъ ученія, и частая мѣна
оныхъ, также служатъ поводомъ къ разсѣя-
нію юношества (*). Должно сколько можно

объявили ему, что они никакъ долго не могутъ по-
нять выученныхъ ими предметовъ („Ja Herr Pro-
fessor, so lange können wir das nicht merken, с. 286).
Случается и у насъ, что учащійся иногда говоритъ
наставнику своему, готовящемуся выслушать задан-
ный ему урокъ: „vite, vite, Mr. avant que je l'ou-
blisse!“

(*) И въ семъ случаѣ опять Г. Брауншвейгъ со-
вершенно согласенъ съ Г. Тиршемъ. Въ рѣчи своей:
„Welchen Einfluss hat die Zerstreungssucht auf den
Jüngling, der sich den Wissenschaften widmet?“ онъ
(на с. 3) говоритъ: „*Du sollst die Zeit nicht steh-
len.*“ Man stiehlt aber die Zeit nicht bloss durch völ-
ligen Müssigang, durch Carnichtsthun, sondern schon
wenn man sie *den* Gegenständen entzieht, denen sie
eigentlich bestimmt war. Dieses Entziehen der Zeit
dem einmal bestimmten Zweck findet schon statt,
wenn man sich mit mehrere Dingen, meist von un-
gleicher Wichtigkeit, zu einer und derselben Zeit
beschäftigt. — Далѣе же на с. 9: Die Zerstreungs-
sucht macht jede ächte Bildung des Geistes unmög-
lich. *Aechte Bildung des Geistes ist — der Stand-*

ранѣ доводишь учениковъ до того, чтобы они сами, и охотно въ класса, занимались учениемъ.

Именуемые Г. Тиршемъ Авшоры, коихъ чтеніемъ и изъясненіемъ въ продолженіе всего четырехлѣшняго курса, должно бы занимать учениковъ Высшей Гимназіи, соотвѣтствующъ самому названію каждаго класса оной. Впрочемъ, говоритъ онъ, составленіе плана для преподаванія каждой Науки, въ теченіе года, есть дѣло Дирекшора, совокупно со всѣми Учителями вѣреннаго ему заведенія (с. 292).

То что Авшоръ говоритъ о способѣ (методѣ) классическаго ученія, конечно заслуживаетъ полное вниманіе; но оно почти не подлежитъ извлеченію, и къ тому же не совсѣмъ входитъ въ планъ предсказываемаго мною (сколько можно краткаго) объявленія. Вникнувши въ слова нашего Сочинителя, дол-

---

punkt wahrer Humanität, die Quelle reiner Tugend и пр. Временное уединеніе, постоянство въ занятіяхъ и нераздѣльный съ онымъ порядокъ въ упражненіяхъ, для достиженія и поддержанія коего весьма полезны дневные записки учащихся (*Diarium*), суть, по словамъ Г. Брауншвейга, благонадежныя, испытанныя въ Мишавской Гимназіи средства къ предошращенію и искорененію разсыанности.

жны предпочтительно самые преподаватели, которые понынѣ иногда не ксташи держатся исключительно одного изъ двухъ различныхъ способовъ читашъ классиковъ (cursorische und statarische Lesung, с. 293). Случается даже и то, что простой переводъ называющъ объясненіемъ древняго Писателя (с. 295). Но нѣтъ ничего вреднѣе, какъ заставляющъ учащихся переводить Автора, не изъясняя затруднительныхъ оборотовъ рѣчи, или не совсѣмъ понявшихъ реченій. Это пагубный путь, удаляющій учениковъ отъ своего назначенія, превращающій способъ, обращающій ученіе въ дѣло чистой памяти, и подавляющій всѣ зародыши будущихъ успѣховъ (с. 296).

Упомянувъ о томъ, сколь часпо уже невѣжество вооружалось противъ просвѣщенія, и всячески оное поносило спаралось (с. 299), Г. Тиршъ показываетъ, что и Физіологія, въ свою очередь, не избѣгла неосновательной клеветы, со стороны людей, непостигающихъ цѣли и достоинства сей науки (с. 304).

Кришика, продолжаетъ Авторъ, немѣстная въ низшихъ классахъ, необходима въ высшихъ, при разборѣ древнихъ Писателей. Она - то преимущественно, приу-

чаешь юношей къ осмощрительности, къ шочности и основательности (с. 307 и 308).

Въ заключеніе 3 книжки своего сочиненія Г. Тиршъ опредѣляетъ предметы, должнствующіе войти въ составъ ученія чешырехъ высшихъ классовъ Гимназіи: Пипическаго, Историческаго, Риторическаго и Философскаго.

Въ *классъ Поэзіи*, правила Спихошворсшва излагающія согласно съ шѣмъ, какъ, по его мнѣнію, должны читаться и самыя Авшоры. Сперва надлежитъ говорить объ эпическихъ спихошвореніяхъ, потомъ объ элегическихъ и лирическихъ, и наконецъ о драматическихъ (с. 284 и 309). Разсматривается же Поэзія Греческая, Латинская и ошечешвенная, съ опредѣленіемъ опличительныхъ свойствъ каждой изъ нихъ.

Читать какъ въ семь, такъ и въ слѣдующемъ (Историческомъ) классѣ Гомера и Виргилія, Ксенофонша и Ливія (с. 240, 241 и 311).

Въ *Историческомъ классѣ*, при чтеніи упомянутыхъ классическихъ дѣписателей, преподавать Исторію, которую бесполезно было бы распространять на всѣ вообще классы. Въ Гимназіи лучше заставлятъ дѣшей выучивать наизустъ цѣлый Латинскій словарь, нежели одни названія

Фригійскихъ, Сирійскихъ, Португальскихъ или Польскихъ Королей, говоришь Авшоръ (на с. 310). Въ 4-хъ классахъ пригошовишельнаго (ш. е. Уѣзднаго) Училища, должно познакомишь учащихся съ новѣйшимъ Землеописаніемъ вообще. Въ двухъ классахъ низшей Гимназіи, присовокупишь къ сему, для сравненія, и древнюю Географію и Этнографію. Преподаваніе Исторіи начнешя въ классѣ Поэзіи, слѣдственно когда мальчикамъ будешь уже 14 лѣтъ (*), и довершишь въ классѣ историческомъ.

При семъ руководствовашься должно бы синхронистическими таблицами, шакъ однако, чшобы онѣ почишались не единственнѣмъ пособіемъ при преподаваніи Исторіи. Съ Древнею Исторіею, юноши знакомяшя уже при чшеніи Геродота, Ксенофонта, Плутарха и Ливія, и даже при обращеніи съ стихотворцами. Хронологическимъ порядкомъ имъ излагать должно важнѣйшія происшествія (эпохи), знакомя ихъ съ характерами великихъ мужей. Такимъ шолько способомъ, можно въ учащихся возбудишь нѣкоторую охоту къ дѣписаніямъ. Труднѣ сего изученіе новѣйшей Исторіи. По недосшатку классическихъ Писателей, по

(*) Такъ и по мнѣнію Г. Брауншвейга.

сей часши, должно учредити небольшую, изъ нѣсколькихъ часшей состоящую, библиошеку опечесшвенной Испоріи, которую, вмѣсто инаго чшенія, даватъ учащимся. Чшеніе въ самомъ классѣ учебной книги Испоріи, развлекло бы учениковъ (с. 313 и д.). Къ сему-шо чшенію опечесшвенныхъ Испориковъ, ошноситса упомянутое уже выше приложение Г. *Роша*, объ упошребленіи древнихъ Нѣмецкихъ источниковъ, для преподаванія опечесшвенной Испоріи въ Училищахъ Германіи (*).

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, должно старатса о развитіи въ дѣтяхъ способности, излагатса свои мысли ясно, точно и вразумительно. Для сего, съ 9 года уже они должны привыкатса къ произношенію небольшихъ избранныхъ мѣстъ, сперва на опечесшвенномъ языкѣ, а пошомъ и на языкахъ древнихъ. Способность сія однако усовершенсшвуется преимущесшвенно въ *Риторическомъ* классѣ, въ коемъ учащіеся произносятса или небольшія рѣчи, ими самими на сей конецъ сочиненныя, или же и безъ

(*) Слова Г. Роша еще болѣе ошнесетса можно къ нашему опечесшву. Сколь богата древними источниками Россія! и сколько выписокъ изъ лѣтописей можно и должно бѣ было предсшавлять учащимся!

всѣмъ къ тому пригособленія (с. 318). Просвѣщенный наставникъ въ классъ будетъ руководствоваться наиболѣе швореніями Аристошеля, Цицерона и Квинтиліана. Сюжеты для разныхъ рѣчей, заимствованныя изъ Греческой, Римской и отечественной (Нѣмецкой) Исторіи Г. Тиршъ предлагаетъ на с. 319 и 320, совѣтуя избирать подобныя же и изъ Литературы.

Въ *Философскомъ* классѣ, Учитель не спашеть преподавать полнаго курса Философіи. Подобно Историческимъ Наукамъ, и Философскія принадлежатъ къ круту Университетскихъ занятий. Въ Гимназіи должно только стараться о показаніи, до какой степени Древніе достигли по части Философскихъ изслѣдованій (с. 321).

Духъ нашъ, пробуждаясь къ самоувѣренности, шщится познавать природу вещей и мышленія. Сіе-шо умшвенное шрешленіе именуется Философіею. Ничшо не можеть быть прошивнѣ свойшву сей Науки, какъ простое зашверживаніе наизусть правилъ оной.

Не систематическое преподаваніе Философіи, но пригособленіе къ постиженію разныхъ системъ, и постоянное писаніе Философскаго любопытства, а съ нимъ вмѣстѣ и усовершенствованіе умшвенныхъ

способностей, — вошь въ чемъ должна состояшь цѣль Гимназическаго курса Философiи. Къ счастью для учащихся, естественное и поспешенное развитiе Философiи, ошь первыхъ началъ оной, никакъ лучше усмотрѣшь нельзя, какъ читая и соображая между собою Греческихъ любомудрцевъ, ошь Фалеса до Платона и Аристотеля (с. 323).

Начиная съ положенiй Ионической школы, наславникъ сперва переходишь, къ ученiю Элеатовъ, потомъ къ системамъ Дорiйцевъ, и наконецъ къ Ашпической Философiи и предшествовавшимъ Платону Софистамъ, распространяя ученiе до времени Аристотеля. Послѣ сего уже сѣдующiе ученые, (Академики, Перипатетики, Стомки и Эпикурсейцы), представляли шокмо въ разныхъ видахъ Философскiя преданiя великихъ своихъ предшественниковъ (с. 323—327). Ознакомившись, хошь сокращенно, съ Исторiею Философскихъ системъ, юноша, навыхшiй къ собственному разсмашриванiю, по вступленiи въ Университетъ, уже не можешъ сѣлаться рабскимъ послѣдователемъ любаго, предполагаемаго ему ученiя. Онъ самъ судишь, смчаешъ и избираешъ, — вошь прямой, вошь единственный путь къ Философiи, кошорой конечно при шаковыхъ обстоятельстввахъ, никакой просвѣщенный

мужъ уже боялся не сманешь. Учебная книга, излагающая сперва съ величайшею точностію постепенный ходъ философіи отъ Фалеса до Аристотеля, а въ слѣдъ за симъ Логикѣ и Психологію, по руководству послѣдняго дѣль сикъ Авшоръ, была бы драгоценнымъ подаркомъ для Училищъ. Въ ней главные положенія каждаго любомудрца, во всякомъ случаѣ, должно бы предлагать въ самомъ подлинникѣ (с. 328).

Философія довершаетъ курсъ Гимназическихъ упражненій; но въ числѣ предметовъ ученія, одушевы опечесивенный (Нѣмецкій) языкъ и Машемашка; концы Г. Тирша посвящаетъ особныя главы въ 4-хъ книжкѣ своего сочиненія.

О преподаваніи отечественнаго языка.

Сужденія Г. Тирша о способъ преподаванія Нѣмецкаго языка, шакъ естественны и сіюль легко могутъ быти приспособлены къ ученію Россійскаго языка, что изложенію оныхъ нельзя не посвятить здѣсь нѣсколькихъ спрокъ.

Мы знаемъ худо языкъ свой, говоришь Авшоръ, худо владѣемъ онымъ, какъ въ грамматическомъ, шакъ и въ логическомъ отношеніи. Но слогъ зависить отъ мненія

мыслей. Кто самъ ясно возникаешь предметъ своей рѣчи, тотъ конечно безъ труда и съ точностію можешь изложить оныя и словесно и письменно. Слѣдственно совершенство оцга зависишь еще совершеннаго познанія предметовъ, оныя нравственнаго воспитанія; а сіе оныя развитія умственныхъ способностей; еще основанія ученія (с. 336). Посему-то уаученіе учебныхъ заведеній служишь надеждѣмъ путемъ и къ усовершенствованію елота (с. 339). Учишь въ высшихъ классахъ сухой Грамматикъ живаго опечеспвеннаго языка, естъ трудъ безплодный; учишь же въ высшихъ классахъ по цѣлымъ часамъ и въ опредѣленное время опечеспвенныхъ Авторовъ, значить занимашь юношей въ классахъ шѣмъ, чѣмъ бы они должны занимашься дома, въ часы опдохновенія. Сначала вниманіе ихъ ослабѣваетъ, потому они скучающъ и наконецъ предаются сну (нравственному или физическому); или зашѣваюшь шалости (с. 340). Посему-же, и установленное въ 1816 году въ Баваріи изобиланіе преподаваніе Немецкаго языка въ высшихъ классахъ, признано неумѣстнымъ и опмѣнено уже въ 1844 году.

Но какъ же научишь по-Немецки? спросишь шлоторые шашропш. Опшви-сывуемъ словами Веланда: „*Читай Цене-*

рона.“ Цицеронъ же самъ, а съ нимъ и великий Випія Лициній Крассъ, (L. Licinius Crassus) свидѣтельствуютъ о томъ, что они Лашинскому языку научились опъ Грековъ (с. 345). Кшо сямъ еще не довольствовуешся, шенъ нуеиъ вспоминиъ, что Лашинскій языкъ на письмъ образовался преимущественно послъ вѣпорой Пунической войны, когда появились великіе Римскіе Трагики и Комики. И что же говоришь самъ о себѣ Плавій? — Что онъ шолько изложилъ по варварски (*vergit barbare*) шю, что Демоеиломъ было написано на Греческомъ (с. 347). Отличнѣише Поэты, подобно другимъ знаменитымъ мужамъ, образуешся по великимъ примѣрамъ (*).

Первенствующіе въ народѣ Писатели могутъ служишь *пособіями*, но не *средствомъ* къ совершенному изученію опеческвеннаго языка или къ усовершенствованію слога (с. 349). Клопшшокъ, Лессингъ,

---

(*) Мы въ свою очередь вспомниъ о Нѣмецкихъ примѣрахъ, кони пользовался В. А. Жуковскій и самъ Ломоносовъ; о Французскихъ, коноры служили образцами для Крылова и Башюшкова и ж. д. Если подражанія иногда превосходятъ самыя образцовыя подлинникъ; то *жизель большаа тестъ* и слава шворноскому гению подражателю! ...

Винкельманъ и Гердеръ, говоришь Авторъ, не обучались Нѣмецкой Грамматики (*), но они имѣли случай познать основательно классиковъ. Такимъ-то образомъ, и наше юношество должно учиться правиламъ Нѣмецкаго языка, сличая формы онаго непосредственно съ формами древнихъ языковъ (**). Должно, однако же непрерывно упражняться юношество въ правописаніи, при чемъ для справокъ съ пользою могутъ быть употребляемы Грамматика или словопроизводный Словарь (с. 350). Совсѣмъ иное дѣло, обученіе Французскому языку; для него Грамматика необходима. Нѣмецкій языкъ, есть языкъ живой (*lebende Sprache*); онъ пишется такъ, какъ говорится; Французскій же, касательно Грамматики, существуетъ только по преданію (*überlieferte Sprache*). Совершенное познаніе онаго и въ самой Франціи,

---

(*) Кому, въ семъ отношеніи, по крайней мѣрѣ по слухамъ, неизвѣстны слабости и первенствующаго въ числѣ Русскихъ Лириковъ?

(**) Кто знаетъ, какъ у насъ составились сверхъ Славянскія, а въ слѣдъ за ними и самыя Россійскія Грамматики, по примѣрамъ Греческихъ; пошль найдешь, что таковыя сличенія для Русскихъ еще удобнѣе и важнѣе, нежели для прочихъ народовъ.

требуетъ долговременнаго упражненія въ Грамматику (*).

Полезно было бы сославить для юношей, обучающихся въ приугошовишельномъ классѣ, небольшую библіотеку, или Анеологию, изъ сочиненій удобовразумительнѣйшихъ Поэтовъ (какъ-то: Геллерша, Пфефеля, Уца, Якоби, Шполберга, Гельши и проч.) и Прозаиковъ: (Лессинга, Гердера и Гебеля). Чтеніе Авшоровъ, могущее служить пошмо къ развлеченію, слѣдственно ко вреду учениковъ высшихъ классовъ, въ низшихъ классахъ (именно въ приугошовишельномъ, или увздномъ Училищѣ) можешъ быть полезно къ оживленію ученія. Не должно бы пошько назначашъ для сего опредѣленныхъ часовъ, а предославляшъ шакое занятіе собственному усмотрѣнію благоразумныхъ Учишелей, которые могушъ шребовашъ, чтошбы дѣши выпшверживали наизусть лучшія чишанная имъ мѣста (с. 352 и д.).

Каждый часъ, посвящаемый классическому ученію; ешъ въ то же время и лек-

---

(*) Мы, кажется, въ семъ отношеніи, болѣе сходствуемъ съ Нѣмцами. Желательпо пошько, чтобы мы еще болѣе сообразовали наше правописаніе съ обыкновенною рѣчью, дабы не сдѣлашъ изъ языка *жваго*, языкъ въ отношеніи къ правописанію пошмо условный.

ція, способствующая къ совершеннѣйшему познанію языка опечесшвеннаго (с. 353). Издоженный выше способъ упражненія классическими языками, служишь и къ опредѣленію того, какимъ образомъ занимать должно учащихся опечесшвенною Словесностію. Опъ эпическихъ твореній, должно бы перейти къ лирическимъ, а опъ сихъ уже къ драматическимъ произведеніямъ, такъ однако, чшобы изъ послѣднихъ предлагать въ высшемъ классѣ Гимназіи одни только очерывки, предоставляя учащимся упощреблять свободное опъ ученія время, для чтенія оныхъ вполнѣ. Равномѣрно, должно бы давать учащимся для чтенія въ свободное время, и лучшія прозаическія сочиненія, преимущественно книги въ родѣ писемъ И. Мюллера къ Боншешпену, Герена твореніе о древнихъ народахъ, Лессинговъ Лаокоонъ и его же Археологическія письма (Antiquarische Briefe), разныя сочиненія Винкельмана, Гердера и ш. п.

Гимназиста должно занять и древними памятниками своего опечесшвеннаго языка. Для сего-то нужно ознакомить его съ Грамматикою кореннаго языка въ томъ видѣ, въ коемъ оный существовалъ въ X и XI вѣкѣ (с. 355). Къ хорошей Грамматикѣ дол-

жно бы присоединить для нужных справокъ и порядочный Словарь (*).

(*) Не сто ли и у насъ нужно бы сдѣлать, въ отношеніи къ языку Славянскому? — Базь сомнѣнія, — и для насъ это еще несравненно нужнѣе, нежели для иностранцевъ, по той причинѣ, что всѣ Священныя книги Грекороссійскія Церкви издаются на языкѣ Славянскомъ. Если посему для Нѣмца доспашочно познакомишься только слегка, или предварительно, съ сочиненіями, извѣстными у нихъ подъ названіями: die Nibelungen, der Titurell u. Pergival, то у насъ, кажется, можно бы претовашь, чтобы древнимъ памятникамъ Славянскоѣ письменности, было посвящаемо доспашочное вниманіе и время. Если не Пѣснь о походѣ Игоря, то покрайней мѣрѣ, другіе образцы Славянскоѣ письменности, должны бы бытъ разбираемы въ классѣ. Тушь же полезно будешь познакомишь учащихъ (какъ съ пинщическимъ изображеніемъ Куликовоѣ битвы, такъ и) съ похвалою Димитрію Донскому, изъ коихъ ошрывки напечатаны въ 428 и 429 прилѣч. къ V тому Исшоріи И. М. Карамзина. Учители Закона Божія уже доспашочно облегчили уроками своими шрудъ учащихся Славянскаго языка. Иногда, (только не всегда), можеть бытъ, не худо бы поручать и самому Священнику преподаваніе Славянскаго языка. Слѣдующимъ Г. Тирша, послѣ поученія Владимира Мономаха, можно бы (въ историческомъ классѣ) читать другія списанія изъ лѣтописей и грамматъ, пошомъ (въ риторическомъ) древнія рѣчи (наприм. слова Кирилла Епископа Туровскаго), и наконецъ (въ фи-

Нельзя требовать отъ человека того, чего онъ и самъ не имѣешь. По сему-то безразсудно было бы заставлятъ малолѣтнихъ еще дѣшей сочинять рѣчи и ш. и. Должно сперва обогатить учащихся мыслями, и потомъ уже побуждать ихъ къ изложенію оныхъ. Доколѣ же развитіе умственныхъ способностей въ юношахъ не достигло еще надлежащей зрѣлости, доколѣ, и даже тогда еще, — должно занимать ихъ пе-

---

лософскомъ) сочиненія Философскія, а по недостатку въ оныхъ, древнѣйшіе переводы швореній Св. Опцевъ (папр. Григорія Богослова, о коемъ см. Библиографич. листовъ 1825 г. с. 85 и д.). Сличеніе сихъ переводовъ съ Греческими подлинниками ихъ, какую пользу могло бы принести для изученія древняго языка! Опытный наставникъ, предпочитая, въ отношеніи чисто филологическомъ, древнее новѣйшему, не упустишь случая показать учащимся разность въ языкѣ древнихъ памятниковъ, происходящую отъ вѣка и мѣста ихъ написаній. — Но всего бы лучше, на сей конецъ составишь хотя небольшую Славянскую Христомашію, съ присовокупленіемъ къ ней крашкаго, нужнаго для выразумѣнія оной Славянскаго Словаря. Учащійся, получивъ въ Гимназіи понятіе о ходѣ древняго Славянскаго языка, легко распространитъ и упрочитъ сіе познаніе въ Университетѣ, гдѣ нужно будешь обратишь его вниманіе и на Литературу другихъ Славянскихъ народовъ.

реводами и подражаніями лучшимъ Писателямъ (с. 359), или же изложеніемъ того, что было уже читано въ классѣ. Въ свое время, полезно еще низшаго до высшаго класса заставлятъ учащихся декламировать разные отрывки на языкахъ Латинскомъ и греческомъ. Въ Историческомъ классѣ занимаютъ наиболѣе историческими сочиненіями; въ Риторическомъ, сочиненіемъ рѣчей. Философскаго же класса Учитель, долженъ обратить вниманіе и на то, что диалектика есть главнѣйшее орудіе Философіи (с. 366).

Къ сей же главѣ, о способѣ преподаванія Нѣмецкаго языка, принадлежитъ второе прибавленіе къ книгѣ Г. Тирша. Это списанъ Г. Шмеллера, извѣстнаго Сочинителя Грамматики нарѣчій Южной Германіи. Авторъ оной, говоря объ отношеніи греческаго нарѣчія къ языкамъ древнимъ, классическимъ, замѣчаетъ, что послѣдніе, по крайпей мѣрѣ въ низшихъ классахъ, разсматриваются, какъ предметы довольно отдаленные еще глазъ нашихъ, для надлежащаго ихъ созерцанія; греческій же языкъ подобенъ стеклу; сквозь которое мы на оное сможемъ. Дабы разглядѣть самое стекло, должно отдалить оное еще глазъ нашихъ (с. 488). Посему-то полезно познатъ

вашъ языкъ пошъ, ошъ коего происходишь, употребляемая нами рѣчь. Перехода ошъ сего корня къ принадлежащей намъ вѣщамъ, мы наилучшимъ образомъ видимъ, какъ языки образуются и измѣняются въ послѣдствіи вѣковъ. Впрочемъ преподаваніе сего предмета, Г. Шмеллеръ совѣдуетъ ошнестъ шокмо къ одному или двумъ, окончательнымъ классамъ высшей Гимназіи, или даже и не вносишь въ курсъ ученія, но преподаваніе шокмо въ видѣ ошдѣльныхъ, независимыхъ ошъ онаго лекцій (с. 489), чшо можешъ бышь въ ошношеніи къ древнему Нѣмецкому языку, и достающо. Учишь же оному полезно и необходимо, говоришь Авторъ, исчисливъ въкращѣ достапримѣчательные для Филологовъ памятники Нѣмецкой письменности съ X вѣка до новѣйшихъ времени.

О преподаваніи Математики.

Послѣдній предметъ ученія, о коемъ разсуждаешъ Г. Тиршъ ешъ Математика. Усомнишь ли кшо-либо въ пользу оной? Нѣшь; но въ *ученыхъ школахъ* обучаешь сей Науку должно не пошому шолько, чшо она полезна, а собшвенно для развитія умственныхъ способностей, для шочнѣйшаго понят.

ни о разнѣтныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, словесъ для образованіи челоуѣка.

Арифметика, допорою ошдѣльными часами преподаются поспешенно въ приготоуиельномъ Училищѣ, въ низшей Гимназіи же должна быти преподауема въ полной связи и въ видѣ Науки (с. 371).

За симъ непосредственно въ первомъ классѣ высшей Гимназіи слѣдуешь преподаваніе Алгебры, кошорая очевидно доказуееть, екоуь вообше полезны и необходимы для челоуѣка познанія опвлеченныя (с. 370).

Геометрія научаееть насъ, шакъ сказашь, мыслишь посредствомъ глазъ, между тѣмъ, какъ Грамматика дѣйствуетъ на насъ помощью слуха. (с. 377).

Прощедши Алгебру до кубическихъ уравненій, не должно обременять учащихоя алгебраическими выкладками для исчисленія, по часамъ Геометріи, въ кошорую надлежитъ включити и коуическія свченія.

Вообше насшавнику полезно бы было руководствоваться Эвклидомъ, Архимедомъ и Аполооніемъ Пержескимъ (с. 874 и 379).

Полный курсъ ученія.

Взгашемъ шперь на весь курсъ, предволагаемого Г. Тиршемъ ученія. Исчислимъ

главныя, по мнѣнію его, предметы, и по-
смотримъ, что онъ говоритъ о вспомога-
тельныхъ (или побочныхъ) лекціяхъ.

Къ главнымъ предметамъ принадлежатъ:

1. Языки Латинскій, Греческій и оше-
щественный (со включеніемъ кореннаго).

2. Законъ Божій и

3. Машемашика.

Предметы сіи преподаются въ продол-
женіе всего курса ученія, ошъ низшаго при-
гошовишельнаго до высшаго гимназическа-
го класса. Дѣшм и юноши обучающа онымъ,
въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, съ 9
года до конца 18.

Сверхъ сего попеременно, или лучше
скажашъ, посшепенно, преподаются: Геогра-
фія (какъ новѣйшая, шакъ и древняя), Есте-
ствословіе, Поезія, Исторія, Риторика и
Логика.

Вошъ все, что, по усмотрѣнію Г. Тир-
ша, можешъ входить въ составъ полнаго
гимназическаго курса. Новѣйшіе языки и ис-
куства (даже рисованіе и музыку), по мнѣнію
его, полезно бы было предославить обученію
въ казеннаго училища, на иждивеніе самихъ
родителей. А дабы дѣши имѣли время за-
няшъся сими посторонними для училищъ
предметами, предполагашъ, что бы по

средамъ и субботахъ по полудни въ школахъ не было ученія (*).

(*) Кажется, что не бесполезно было бы оставить при Гимназіяхъ, на прежнемъ основаніи, преподаваніе рисованія и двухъ новѣйшихъ языковъ, предоставивъ впрочемъ учащимся право учиться одному изъ нихъ или же и обоимъ. Нужно бы только, чтобы лекціи сіи не были тѣсно соединены съ опредѣленными классами, такъ напр. чтобы ученикъ высшей Гимназіи могъ учиться новѣйшему иностранному языку и въ Уездномъ Училищѣ, и на оборотъ, смотря по сдѣланнымъ имъ уже успѣхамъ. — Существуетъ однако языкъ другого рода, языкъ высшій и общій всѣмъ чувствительнымъ существамъ, бошорый, по вліянію своему на нравы, заслуживаетъ особенное уваженіе Правительства. Это *Музыка*, служащая утѣшеніемъ въ горестяхъ и возвышающая самую радость челоуѣка. Она-то кажется, должна бы входить въ составъ предметовъ ученія низшихъ (Уездныхъ) училищъ. Уже Г. Брауншвейгъ замѣтилъ, (въ книгѣ *Organisation d. Gymnasien*) что изощреніе слуха, по сіе время, слишкомъ мало обращало на себя вниманіе. Въ элементарныхъ (первоначальныхъ) классахъ, говоритъ онъ, должно не только наблюдать за правильнымъ произношеніемъ звуковъ, — явственнѣе чпеніемъ какъ прозы такъ и стиховъ, — но и самой музыкѣ, особливо пѣнію, слѣдовало бы назначить особые часы. — Еще не задолго предъ симъ въ Харьковѣ существовалъ особый, учрежденный въ 1773 г. классъ инструментальной и вокальной музыки, на содержаніе коего производилось въ годъ, изъ остаточныхъ суммъ по 1000 рублей. Классъ сей упраздненъ въ 1805 году, въ то самое время, когда уничтоженъ сборъ съ Дворянскихъ дѣшей при поступленіи ихъ въ Гимназію. Сумма, на содержаніе онаго отпускавшаяся, была предназначена на другіе предметы. — Нужно ли на казенномъ издѣвленіи содержать особыхъ учителей музыки при высшихъ

Слѣдующая таблица, составленная на основаніи словъ Г. Тирша, въ семь отно-

Училищахъ (напр. при Университетѣ), это вопросъ другаго рода; но при низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, преподаваніе музыки безъ сомнѣнія весьма было бы полезно. Въ округахъ Дерптскаго и Виленскаго Университетовъ, музыка не оставлена безъ вниманія. При Виленскомъ Университетѣ, а именно: при тамошней Семинаріи для образованія приходскихъ Учительей, существуетъ школа Органистовъ (Журн. Депар. Народн. Просв. ч. 1. с. 446 и д.), а по Высочайше утвержденному 4 Іюня 1820 года. Уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ И. Дерптскому Университету (§ 17), при каждой Гимназіи Дерптскаго Округа, имѣешь бышь учитель музыки и пѣнія. По утвержденному же въ 5 день Ноября 1804 года Уставу учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ прочимъ Университетамъ (§ 8), Гимназіямъ дозволено содержашъ учителей танцованія, музыки и тѣлесныхъ упражненій (Гимнастики), если шо позволяшь доходы оныхъ. — То же самое подтверждено Главнымъ Правленіемъ Училищъ 27 Марта 1819 г. въ Расписаніи учебныхъ предметовъ для Гимназій, Уѣздныхъ и Приходскихъ Училищъ (см. Журн. Депар. Народн. Просв. ч. 1, стр. 315). — Кто при семъ случаѣ, не вспомнишь съ чувствомъ признательности о благихъ видахъ покойнаго Государя Императора Александра Павловича, который вполне умѣлъ цѣнить пользу музыки, особливо для людей удаленныхъ отъ общества, отъ друзей своихъ и родственниковъ? Сохраненное намъ А. К. Шпорхомъ въ превосходномъ по временномъ изданіи его *Russland unter Alexander dem Ersten* (No XII. с. 369 и д.) извѣстіе о томъ, что Государь, по собственному побужденію повелѣлъ, обучать музыкѣ въ Горномъ Кадешскомъ Корпусѣ, служишь памятникомъ великаго вниманія Его ко всѣмъ сословіямъ своихъ подданныхъ, и въ шо же время прекраснѣйшею чер-

шеніи, съ большею ясностію, познакомишь чинашеклей съ предполагаемымъ имъ расположеніемъ курса ученія:

шою возвышеннаго его характера. „Der Kaiser hat befohlen, (сказано шуть) dass diese Kunst ein Gegenstand des öffentlichen Unterrichts im Bergkadettenkorps seyn soll, „damit die jungen Leute, die grösstentheils bestimmt sind ihr Leben einsam in entlegenen Hüttwerken zu verleben, in ihr einen Trost und Zeitvertreib finden könnten.“ — И кто не согласится на шо, что музыка со временемъ съ пользою могла бы замѣнить игру въ карты и другія подобныя упражненія праздныхъ людей? Еще кажется полезно бы было учащимся, довершающимъ гимназическій курсъ, въ послѣднемъ годѣ ихъ пребыванія въ училищѣ, дать понятіе о полномъ кругѣ человѣческихъ познаній. Надлежало бы показать имъ вкратцѣ сущность каждой Науки и взаимную связь между собою всѣхъ нашихъ познаній. Такимъ образомъ юноша, поступая въ Университетъ, имѣлъ бы уже нѣкоторое предварительное понятіе о цѣли и предназначеніи сего высшаго разсадника Наукъ. Такое приготовленіе къ университетскому курсу, кажется, сколько же необходимо, какъ и предварительное понятіе о постепенномъ развитіи древнихъ философскихъ системъ, какъ и познанія въ Логикѣ и въ эмпирической Психологіи. — Оно нужно для того, чтобы юноша послѣ перехода ошъ Позшовъ къ Исторікамъ, ошъ сихъ къ Вишіямъ и Философамъ, былъ предваренъ о новомъ для него родѣ занятій, — о систематическомъ упражненіи въ Наукахъ. Тутъ въ Университетѣ и самыя классики уже разсматриваются въ высшемъ философическомъ отношеніи; ибо Философія, какъ замѣчаетъ и Г. Тиршъ (на с. 384), относится къ классическому ученію, какъ Богословіе къ преподаванію Закона Божія.

		НАРОДНОЕ ИЛИ ДОМАШ- НЕЕ УЧИЛИ- ЩЕ.
Классы		
Возрастъ		Отъ 5 до 8 лѣтъ.
1. Законъ Божій: Капихизисъ и пр. Чтеніе Св. Ощевъ Церковная Испорія		— — —
2. Языки: ошечешвенный . . . . . Лашинскій . . . . . Греческій		— — —
3. Машемашика: Ариомешика . . . . . Алгебра . . . . . Геомешрія		— — —
4. Ешечешвенная Испорія		—
5. Землеошсаніе: Новѣйшее . . . . . Древнее		— —
6. Повзія		—
7. Испорія		—
8. Ршпоріяка		—
9. Философія		—
Число часовъ въ недѣлю		—

ПРИГОТОВИТЕЛЬНОЕ УЧЕЛИЩЕ.				НИЗШАЯ ГИМНАЗ.		ВЫСШАЯ ГИМНАЗИА.							
1	2	3	4	СНИЖАЮЩИЕ КЛАССЫ.		Клас. Повыш.		Клас. Историк.		Клас. Риторик.		Клас. Фило- софия.	
				1	2	1	2	3	4	3	4		
Омь 8 до 9 л.	—10	—11	—12	—13	—14	—15	—16	—17	—18				
4	4	4	4	4	4	4		3	3				3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
12	12	12	12	14	14	14	14	14	14	14	14	14	14
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	4	4	4	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	4	4	4	4	4	4
2	2	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	4	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
26	26	26	26	26	26	26	26	25	25	25	25	25	25

Примѣчаніе. Новѣйшіе иносѣранные языки и Искусства, какъ уже сказано выше, сущь предметы, по предположенію Г. Тирша, не входящіе въ составъ курса гимназическаго ученія. Имъ должно обучаться въ свободные часы, для чего по Средамъ и Субботамъ по полудни не полагаешся никакихъ лекцій.

Такимъ образомъ учащіяся, занимающь въ классѣ еженеѣльно по 26 часовъ, ш. е. по три часа по утру и по два послѣ обѣда (кромѣ Среды и Субботы), будущь имѣющь досѣшашочное время для пригошювленія себя къ слѣдующимъ урокамъ и для изученія сверхъ сего какого либо языка, или Искусства (*). Благоразумію самихъ насѣавниковъ предосѣавляешся наблюдашъ за шѣмъ, чшобы дѣлни не ошягчались чрезмѣрнымъ единообразіемъ ученія, и при переходѣ опъ одной лекціи къ другой, пользовались нѣкопорымъ, впрѣчемъ весьма крашкимъ ошдыкомъ (с. 383).

(*) Въ отношеніи къ шому, съ какаго именно часа утра начинашъ ученіе, полезно бы было, кажешся, сообразовашся съ Уставомъ учебныхъ заведеній, подѣдомыхъ И. Дерпшскому Университету (§ 40), кониъ сіе предосѣавлено на усмошрѣніе Дирекшора Училищъ и Учишелей.

Теперь однако спрашивается: сколько въ какомъ Училищѣ или классѣ должно быть Учищелей?

Благоустройство Училищъ требуетъ, чтобы въ *каждомъ классѣ* было *сколько можно меньше* Учищелей. Преподаваніе языковъ опечесшвеннаго, Латинскаго и Греческаго, непременно должно быть поручаемо одному лишь Учищелю. Ошъ шаковаго соединенія сихъ шрехъ предметовъ преимущественно зависигъ успѣхъ во всѣхъ оныхъ. Сей-шо наставникъ, преподавая въ какомъ либо опредѣленномъ классѣ Училища, есшъ собственно, шакъ называемый *классный Учитель* (*). Онъ обязанъ сверхъ сего преподавать въ высшихъ классахъ Гимназіи

(*) Судя по нынѣшнему устройству Педагогическихъ Инстититутовъ, конечно не вездѣ еще удастся ошискать шакихъ Учищелей. Но приготошишь оныхъ безъ сомнѣнія *можно*. Если одинъ Учищель могъ преподавать Философію, Изящныя Науки и Политическую Экономію; то ужели нельзя приготошишь людей къ шому, чтобы они могли учить языкамъ опечесшвенному, Латинскому и Греческому? И сколь великая польза и облегченіе ошъ шого произошли бы для преподаванія Грамматики вообще, при постоянномъ сличеніи между собою грамматическихъ формъ сихъ шрехъ языковъ?

главный предметъ своего класса, ш. е. Поэзію, Исторію, Ришорику или Философію.

Въ пригошовишельныхъ классахъ, гдѣ опышному насшавнику почши не нужно пригошовляшьсѣ къ лекціямъ, всѣ предметы ученія преподаешъ одинъ шолько Учишель (*).

Таковой Учишель долженъ бы учишь по 26 часовъ въ недѣлю; или по 22 часа, коль скоро Законъ Божій преподаешся другою особою.

Въ низшей и высшей Гимназіи, класный Учишель будешъ учишь шолько по 18 часовъ въ недѣлю; онъ же у себя на кварширь будешъ разсмашривашъ предсшавленные ему учениками упражненія. Сверхъ шесши, шакъ называемыхъ класныхъ Учишелей при Гимназіи, должны находишьсѣ еще два Учишеля,

---

(*) При немъ конечно не худо бы имѣть сошрудника или помощника (Collaborator). Сіи, ббольшою частію молодые люди, гошовящіесѣ къ учишельскому званію, въ ошсущствіе Учишеля занимають его мѣшпо, или же обучають дѣшей, явно ошсшающихъ въ ученіи ошъ соучениковъ своихъ. Сошрудники сіи, по мнѣнію Г. Брауншвейга (Organisation d. Gymn., с. 39 и 48), обучають шакже мальчиковъ, за какую либо вину на время удаленныхъ изъ класса. Они же могушь бышь опредѣляемы Библиошечарями, Смошршшелами при коллекціяхъ, и даже писцами при Дирекшорѣ, или Смошршшелѣ Училищѣ.

одинъ преподающій Законъ Божій, а другой Математику. Первому доспало бы обучашь не болѣе 21, а послѣднему по 24 часа въ недѣлю (*).

Оспасаешя замѣтивши, что преподаваніе Есшесшвословія Г. Тиршемъ опнесено шокмо къ пригошовишельнымъ (Узднымъ) Училищамъ. Впрочемъ, говоришь онъ (с. 389), бышь можешъ, что въ высшихъ классахъ Гимназіи опкроешя еще случай съ пользою возобновишь сіе ученіе (**).

(*Продолженіе средь.*)

(*) Когда бы низшая, изъ двухъ классовъ состоящая Гимназія, была переименована въ высшее Уздное Училище, тогда Учищелю Математики въ Гимназіи, надлежало бы обучашь въ недѣлю не болѣе 16 часовъ. Между шѣмъ же, Учищель Математики въ высшемъ Уздномъ Училищѣ, могъ бы преподавашь оную въ большихъ городахъ въ двухъ разныхъ Уздныхъ Училищахъ, или же обучашь Математику и въ шѣщанскомъ или Полишехническомъ Училищѣ (Realschule).

(**) Къ сему уже способствуешъ уменьшеніе часовъ, назначенныхъ для преподаванія Закона Божія. Довольствуясь на сей конецъ въ послѣднемъ классѣ Гимназіи двумя часами въ недѣлю, можно бы опшальше два часа, посвятивши основаніямъ Физики.

К Р И Т И К А

О Россійской Грамматикѣ.

Въ прехъ нумерахъ Русскаго Инвалида нынѣшняго года (104, 105 и 106) напечатано объявленіе, что Императорская Россійская Академія, по предложенію почтеннаго своего Президента, Его Высокопревосходительства Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Адмирала Александра Семеновича Шишкова, занялась составленіемъ новой Пространной Россійской Грамматики, и что Краткая Россійская Грамматика составляется Членомъ оной Академіи, А. Х. Воспоковымъ. Извѣстіе пріятное и важное! Мы давно чувствуемъ необходимость въ хорошей учебной книгѣ опечесшвеннаго языка, и кому если не Членамъ сего именишаго Сословія предлежитъ слава совершенія сего великаго и общепользнаго подвига? Желая показашь опечесшвенной публикѣ, сколь великъ и важенъ сей трудъ, и сколь необходимая нужда наспоить въ скоромъ и успѣшномъ исполненіи онаго, разберемъ одну *Россійскую Грамматику*, изданную въ 1826 году шестымъ изданіемъ, и, за недоспашкомъ луч-

шей, упошребляемую во многихъ нашихъ Училищахъ. Благодаря почтеннымъ Членамъ Академіи, и патріотическому рвенію знаменитаго Предсѣдателя оной, и сія книжка, вмѣстѣ съ многими другими, будетъ замѣнена руководствами, основанными на истинныхъ правилахъ громкаго и величественнаго языка Славяно Россійскаго! Пришпунемъ къ дѣлу.

1. Граммашика сія расположена безъ всякаго порядка; въ ней не наблюдено должной поспешенности; во многихъ мѣстахъ говорихся о предмѣсахъ необъясненныхъ выше, и п. п. Такъ, на примѣръ, на стр. 5^й говорихся о шворительномъ падежѣ единственнаго числа, а падежи и числа и численны и опредѣлены на страницѣ 9^й. Ученикъ выучивъ 5^ю страницу, не поймешь ея, и вся Граммашика вскорѣ наскучитъ ему. — Такимъ почно образомъ, на страницѣ 68^й помѣщены правила произведенія причасій, а на 70^й находится ихъ опредѣленіе; на 69^й произведеніе дѣпричасій, а на 71^й опредѣленіе оныхъ. На стр. 75^й, въ опредѣленіи союза, говорихся о періодахъ, копорые опредѣлены не прежде 113^й. И въ семъ самомъ опредѣленіи полуюшъ о логическихъ предложеніяхъ, копорыя къ сей Граммашикѣ *нигдѣ* не опредѣлены.

На сгр. 31^н говорится о грамматических лицахъ, а опредѣлены оныя на страницахъ 38 и 39я.

2. Многія опредѣленія въ сей книгѣ недоспашочны и даже совершенно ложны. Такъ, на примѣръ, на сгр. 11 говорится, что *имя* есть часъ рѣчи. Такой часи рѣчи нѣтъ, а есть имя существительное, прилагательное и числительное. Сгр. 7. „Простое слово состоитъ изъ одного какого нибудь слова, ш. е. простое слово есть простое слово. — Сгр. 9. „Число показываешь одну или много вещей, также дѣйствіе одной или многихъ вещей.“ А названія *качествъ* развѣ не полагаются во множественномъ числѣ? Сгр. 11. „Склоненіе есть измѣненіе конечной буквы какого-либо слова.“ Нѣтъ! иногда перемѣняюща двѣ и при конечныя буквы; напр. *гражданинъ, граждане, черный, чернаго*, и ш. п. Сгр. 13. „Собирательное имя есть общее названіе многимъ лицамъ или вещамъ одного рода. Наричательное принадлежитъ многимъ лицамъ, вещамъ одинакаго рода.“ Какая жъ между ими разность? — Сгр. 11. „Слово лице означаешь существо одушевленное.“ Нѣтъ! Это недоспашочно. Лице собственно означаешь челоуѣка. Имена существительныя: *слонъ, конь, лось*, означающъ су-

щесства одушевленныя, но не лица. — Спр. 31. „Мъсшюименіе ешь часшь рѣчи скло-няемая.“ Эшо не нужно въ опредѣленіи: скло-неніе не ешь сущесшвенное свойство мѣ-сшюименія. Спр. 35. „Глаголы (между про-чимъ) показывають *страданіе веши.*“ Лю-бопышно знашь, поймешь ли ученикъ, что значить *страданіе веши.* — Спр. 72. „На-рѣчіе ешь часшь рѣчи *неизмѣняемая.*“ Эшо несправедливо, ибо здѣсь же, на спр. 74^ѣ ска-зано, что нарѣчія упошребляюшся въ сравни-тельной степени. Сверхъ шого говорюшся о нарѣчіи: „Оно пошавляется при глаголахъ и при именахъ прилагательныхъ для пока-занія обстоятельствъ, къ сосшюянію или дѣйствію чего ошносительныхъ.“ Что зна-чить: „обшюительствъ, къ сосшюянію или дѣйствію чего ошносительныхъ?“ Не пони-маемъ.— Спр. 74. „Предлогъ ешь часшь рѣчи *несклоняемая*; спр. 75, союзъ ешь часшь рѣчи *несклоняемая*; спр. 76, междометіе ешь часшь рѣчи *несклоняемая!*“ Къ чему все эшо, когда, на спр. 8^ѣ, уже сказано, что сіи часши рѣчи въ окончаніи своемъ нико-гда не измѣняюшся?

3. Въ сей книгѣ помѣщены недосша-точные и многія невѣрныя правила, какъ напримѣръ, на спр. 7^ѣ, говорюшся, буд-шо слова: *бѣленькій, красенькій, овна-*

чающъ недоспашокъ въ качествѣ: неужели *ббленькая бумажка* значишь несовершенно бблая? — На стр. 14^н, въ исчисленіи именъ мужескаго рода, кончащихся на *ь*, помѣщены *борть* и *лань*, имена женскаго рода; *пастырь*, *писарь*, означающія мужчинъ, и опредѣленныя выше, а пропущено множесто словъ, какъ на примѣръ: *бексель*, *вензель*, *вепрь*, *волдырь*, *глухарь*, *голубь*, *грифель*, *деготь*, *дождь*, *журавль*, *карась*, *киль*, *коготь*, *куколь*, *курень*, *ларь*, *локоть*, *лосось*, *нетопырь*, *ноготь*, *окунь*, *олень*, *пастырь*, *плетень*, *рубль*, *слѣпень*, *стержень*, *сухарь*, *трутень*, *угорь*, *уровень*, *фитиль*, *червь*, *шелудь* и пр. Таблица склоненій весьма недоспашочна и сбивчива. Въ именишельномъ падежѣ 1го склоненія, кромя *а*, *я* и *я*, показаны еще окончанія *уя*, *ея*. Къ чему это? Если хошѣли симъ показашь, что сіи слова въ родит. падежѣ множеств. ч. имѣющъ *уй*, *ей* (*статуй*, *шей*), то для чего пропущены окончанія *ая*, *оя*, *ья* (*свая*, *портмоя*, *выя*), имѣющія также *ай*, *ой*, *ый* въ родительномъ падежѣ множественнаго числа? — Въ именишельномъ падежѣ сего 1го склоненія поставлено пять окончаній, а въ родительномъ два: кошорое изъ пяти принимашь первое или послѣднее, не показано; на же сбивчивость встрѣчаешся и въ

другихъ графахъ сей таблицы. Въ 3^{мъ} склоненіи показано вовсе неупошребительное въ Русскомъ языкѣ окончаніе *я* (*теля, ягня*); на 22^{мъ} стр. говорится, что сіи имена оканчивающся на *окъ* (п. е. на *енокъ*), а на 23^{мъ} показано склоненіе: *ягня, ягнати*. На 16^{мъ} стр., въ примѣръ 1го склоненія, приведены слова *вода* и *слуга*. Первое склоняется правильно, но послѣднее въ род. падѣжѣ имѣетъ исключеніе, о коемъ упоминается послѣ. — На стр. 19, сказано, что имена *Алексѣй, Юлій, водолей* склоняются какъ *соловей*; слѣдственно: *Алексѣя, Юлья, водоля* и пр.? На той же страницѣ прилагательное *Орловъ* наименовано существительнымъ, и показано невозможное склоненіе собственнаго имени *Азовъ* во множественномъ числѣ. — На стр. 21, сказано, что имя *палецъ* склоняется, какъ *кузнецъ, льстецъ* и пр., п. е. *палеца, палецу*, а не *пальца, пальцу*. На стр. 25, показано неупошребительное окончаніе прилагательныхъ: *синей, прежней*. Усвѣенныя окончанія только показаны, но ни чѣмъ не опредѣлены. — На стр. 27; утверждается, будто: *презвѣщный, препохвальный, весьма и очень уменъ*, есть превосходная степень. Въ склоненіяхъ именъ прилагательныхъ вовсе выпущены прищажательныя: *Божій,*

человѣчій, слововій, отцевъ, дочернихъ, и ш. п. Ученикъ щещенно будещъ искашь ихъ. На сшр. 28, упомянушо, что Божій склоняешся по общей таблицѣ, слѣдственно: *Божаго, Божему, ми. ч. Божіе*. Равномѣрно не показано склоненіе числительныхъ: *третій, двое, трое, пятеро* и пр. Сказано, на сшр. 30, что кончащіяся на *ъ* склоняются по 2^{му} склоненію, слѣдственно: *одинъ домъ, одна дома, одну дому?* — На сшр. 33, сказано, что *чей* склоняешся какъ *сей*, ш. е. *чего, чему, чіи, чихъ*, а не *чьего, чьему, чьи, чьихъ*? Спряженія еще сбивчивѣе склоненій: время въ глаголахъ на сшр. 37^ѣ показано *восемь*, а на 55^ѣ прибавлено къ нимъ, безъ всякаго опредѣленія, еще *пять*, и того *тринадцать*! Авторъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на *виды* глаголовъ. Съ 42^ѣ сшраницы начинающся *примѣры* спряженій, а шолько съ 60^ѣ показаны *правила* оныхъ. Послѣ примѣра *мѣрю*, сшр. 45, говорится, что также спрягаешся глаголъ *боятся* (слѣдственно: *боюсь, боишься*); на сшр. 47, что *видѣть, глѣдѣть, терпѣть, вертѣть, сидѣть*, спрягаются какъ *грѣть* и *смотрѣть* (ш. е. *видѣю* или *ви-дѣю, терпѣю* или *терплю, вертѣю* или *вертлю, сидѣю* или *сидю!*) Припомъ, въ сихъ примѣрахъ при прошомъ глаголъ показанъ

происходящій ошъ него сложный, какъ су-
 щественная часть просшаго. Авшоръ не
 видѣлъ или не хотѣлъ видѣшь, что гла-
 голы *смѣрять*, *сдвинуть*, *согрѣть*, *по-*
смотреть, *построить*, *вымыть*, *уко-*
лоть, *сдуть*, смысломъ своимъ совер-
 шенно удалились ошъ просшыхъ своихъ
 глаголовъ, и что напримѣръ въ глаголахъ
согрѣть, *вымыть*, наспоющее время ешъ
 не *грѣю* и не *мою*, а *согрѣваю*, *вымываю*.
 На спр. 54 сказано, что глаголь *запре-*
щать не имѣешь наспоющего времени, а
запрещаю? На спр. 56 говоришся, будшо
взялъ, ешъ прошедшее совершенное время
 глагола *брать*! Слѣдственно *сѣлъ* ешъ
 прошедшее совершенное глагола *кушать*.
 На спр. 59 являешся какой-шо неизвѣстный
 глаголь *бѣчь*. Авшоръ вврояшно хотѣлъ на-
 звашъ глаголь *бѣгать*, кошорый имѣешь
 однокрашную форму *бѣгнуть*, упошребляе-
 мую въ сложныхъ глаголахъ; напримѣръ *при-*
бѣгнуть, ошъ коей, происходишь усѣченное
 прошедшее время *прибѣгъ*. Но *бѣчь*! На спр.
 60^а сказано, что глаголы въ неокончатель-
 номъ наклоненіи кончашся на *ть* или *чь*; а
иць? *взещь*; а *ти*? *итти*, *ползти*. Тамъ же,
 будшо *досадить* и *обидѣть*, сушь простые
 глаголы. — Съ 63^а спраницы, начинаюшся
 правила произвожденія времени: *ть* съ предъ-

идущею буквою *а*, *ѣ* или *я*, перемѣняешся на *ю*; на примѣръ *двигать*, *двигаю*; *владѣть*, *владѣю*. Слѣдственно, должно говорить: *кричаю*, *шумѣю*, *плясаю*, *хохотаю*, *казаю*, *хотѣю*? Окончаніе *ыть* перемѣняется на *ою*; на примѣръ: *мыть*, *мою*; *рыть*, *рою*, но *слыть* имѣешь *слыву*. И только-то? а *быть*? а *плыть*? а *тыть*? *Ить* съ предъидущею буквою *б*, *в*, *м*, *п* (почему нѣшь *ѣ*?) перемѣняешся на *лю*; на примѣръ: *люблю* и пр.; но *пить* имѣешь *пью*.“ А *вить*, *бить*? Въ концѣ сихъ правилъ сказано: „что изъ оныхъ есть нѣкоторыя исключенія, которыя для краткости здѣсь не упоминаются.“ Но сія исключенія необходимо нужны; оныя были бы гораздо полезнѣе многихъ лишннихъ страницъ сей книжки; напр. правилъ о сосъавленіи именъ съ глаголомъ, кои не ведутъ ни къ чему. На стр. 166 говорится о прошедшихъ временахъ, и что же? „Прошедшія времена производятся ошъ неокончательныхъ наклоненій чрезъ перемѣну *ть* на *лъ*; напр. *вергать*, *вергалъ* и проч.“ А *терѣ*? А *распухѣ*? А *берегѣ*? А *плягѣ*? На стр. 75 слова: *окрестѣ*; *противу*, поставлены въ числѣ предлоговъ; на стр. 93^ѣ сія же слова помещены въ нарѣчіяхъ, а на 94^ѣ *окрестѣ* является ошъ между предлогами. На стр. 74, сказано; будшо нарѣчія, кончащіяся на *о*,

а особливо качество означающія, употребляющіяся въ степеняхъ сравнительной и превосходной. Следственно: *именно, сколько, елико, столько, двояко*, имѣють сравнительную степень?

Словосочиненіе также недостаточно, сбивчиво и ошибочно. Въ ономъ нѣшь предварительнаго объясненія предложеній и частей онаго, которое опнесено въ замѣчаніе къ правиламъ о знакахъ прерыванія. И самое Словосочиненіе начинается синтаксической ошибкою: *два или многія имена* и пр. Нѣшь правилъ постоянныхъ: вездѣ сбивчивые вопросы: *куда? гдѣ? когда?* и на каждый по нѣскольку разныхъ опвѣщевъ. Въ исчисленіи глаголовъ и именъ, пребывающихъ различныхъ падежей, пропущена половина. Въ правилахъ о сочешаніи именъ числительныхъ, не сказано ни слова о сочешаніи съ оными именъ прилагательныхъ, напр. *три черные кафтана*, или *три черныхъ кафтана*. На спр. 90, сказано: что глаголы *алкать* и *блѣднѣть*, кромѣ именишльнаго, (ш. е. подлежащаго) никакихъ падежей не принимающъ. Неужели? А: *алчетъ славы, блѣднѣетъ отъ боязни?* — На спр. 92 приведенъ примѣръ: *Семирамида убита отъ сына своего Нинія*. Никто шакъ не пишешъ и не говоришъ. На спр. 94, въ числѣ

предлоговъ, пребующихъ шворительнаго надежа, пропущень: *надъ*. На сшр. 97 въ 5^й сшрокъ, сказано, что междомешіе *о* пребуешъ падежа *именительнаго*, а въ 12^й, что оное принимаешъ падежъ *звательный*. Что правда?

Правила *Правописанія* не лучше прежнихъ; напримъръ: на сшр. 100 сказано, что въ именишельномъ падежъ средняго рода единшвеннаго числа всъ причасшя и прилагашельныя пишущся на *о* или *е*. Почему не сказашъ вообще, что въ склоненіи именъ прилагашельныхъ положительной степени не бываешъ буквы *ь*? Въ § 197 сказано: „имена сущесшительныя, въ окончаніи коихъ при выговоръ слышится звукъ буквы *е*, всегда пишашъ должно чрезъ *е*, а не чрезъ *ь*, напримъръ: *лице, море, поле, сокровище* и пр. „А въ *лиць, въ морь, въ домь, въ водь*? И здъсь въ окончаніи при выговоръ слышится *е*. На сшр. 103 и 104 показано, что нарѣчія: *гдль, вездль, нынль, здльсь* и глаголы *вельть, вертьть, висьть* пишущся чрезъ *ь*, а не чрезъ *е*, и вслѣдъ за шѣмъ сіи же самыя слова (*гдль, нынль, здльсь* и глаголы: *вельть, вертьть, видльть, ви.льть*), помѣщены въ списокъ словъ, на кошорыя нельзя положишь правила! Въ семь списокъ нахо-

дѣшя и другія слова лишнія: *имѣніе, затѣи, зрѣмый, медвѣдь, пѣвчій, пѣсня, пѣтухъ, сѣмя*, на кои есѣ общія правила, и нѣкошорыя, помѣщенныя вопреки правиламъ; на примѣръ: *лѣчитъ, прѣбніе, пишушя: лечитъ, преніе, ошѣ легчитъ, легчу, прать, пру*. На стр. 106 сказано, что послѣ *г, ж, к, ф, х, ч, ш, щ*, буква *ѣ* ни въ началѣ словъ, ни въ срединѣ не пишешя. А *кѣмъ и чѣмъ*? Если бѣ сказано было, что буква *е* въ собшвенно Русскихъ словахъ послѣ *г, к, х* не пишешя, то сіе было бы справедливѣе. На стр. 108, слова: *Турингія и Машпѣда*, помѣщены въ числѣ Греческихъ.

4. Не спанемъ распросшраняшя въ замѣчаніяхъ о примѣрахъ: оныя преимущественнѣо заимствованы изъ напечатаннаго за 80 лѣшъ предѣ симъ *Житія Александра Великаго*; на примѣръ: „уже варвары, когда Александръ ввелъ въ городъ фалангу, (спроевое Македонское войско) разбѣжались, куда кого боязнъ загнала.“ „Славнѣйшую побѣду получаешъ, кшо побѣждаешъ себя.“ — „Александръ Великій всшупилъ на прешоль двадцати, а умеръ шридцати лѣшъ ошѣ роду.“ И эшо не правда: онъ умеръ на 33 году.

*

Въ заключеніе повшоряю: честь и слава мужамъ, предпринимающимъ загладишь сей недоспашокъ! Они приобрѣшуть право на вѣчную благодарность ошечества!

Р. Ц.

*бывшій Учитель Россійской
Словесности.*

Москва,

Іюня 3 дня 1827 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

С О Н Е Т Ъ.

Съ младенчества души безсмертцемъ вдохновенный,
 Я' не спрашусь грозы ужасной міра бѣдъ;
 Но съ швердосшью иду, куда меня ведешь
 Свѣшнильникъ разума и Вѣры возделъникъ!

И пушь мнѣ грудь пѣсникъ порока ожесточенный;
 Пушь всюду зло въ глазахъ, враги за мною въ слѣдъ:
 Забошь мучительныхъ, желаній мрачныхъ нѣшъ
 Въ душѣ возвыщенной, шерпѣдемъ укрѣпленной.

Иду — и вошь весна на западѣ мой;
 А гордый духъ еще въ бореньѣ съ сушами...
 Вошь моря бурнаго шрашней на брегѣ я,
 И море бурное шрашней глушишь волнами;
 А — Сшомкъ разумомъ — я все пою: *Силъ,*
„Свѣтъ, о Вѣра, мнѣ безсмертія лугами!“

Алексѣй Чаплинъ.

МОЙ УГОЛОКЪ НА ПАРНАССѢ.

На высотѣ Парнасса благодатной,
 Гдѣ все цвѣшешь, ошеуда къ небесамъ
 Невидимо струишься омніамъ
 Благоуханья ароматный;
 Гдѣ Музы пламенные вспарь
 Съ богами шайныя бестды раздѣляли,
 И на увѣнчанный оливами алтарь
 Великіе зѣмли для жершвы возлагали
 Искусшвъ возвышенныхъ несплатные труды:
 Тамъ, шамъ — у водъ прозрачной Ипокрены —
     Проложены мнѣ легкіе слѣды
 Къ безсмершю Эагрскою Каменною! —
     Когда Ашропы мрачной власш
 Сущешвованья нишъ мою разрушишъ роковую,
 Мой духъ воспорженный шамъ будѣшъ посѣщашъ
     Свою сопушницду свяшую.
     Тамъ буду я душею къ небесамъ
 Тамншвенно паришъ въ плѣншпельномъ забвешъ
     И въ жершву приносишъ богамъ
     Земное вдохновенье !

Н. Л.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обзорное происшествие 1826 года.

(Окончаніе.)

Австралія во многихъ отношеніяхъ можешь бышь причислена къ Новому Свѣту, ибо сія часть Свѣта не только лежишь часшію на западномъ полушаріи и нова для насъ, какъ по времени своего опкрытія, такъ и по удивительной своей природѣ; но сверхъ того здѣсь возникаетъ образованность, кошорой, можешь бышь, вскорѣ спанушь подражать и Европа и Америка. Быстрѣ прочихъ процвѣщаетъ все болѣе и болѣе познаваемый великій материкъ Австраліи, *Новая Голландія*, вмѣстѣ съ соседственною съ нею *Фант-Дименовою землею*; сношенія ея съ другими землями и вывозъ ея непрерывно умножаются; каждый мѣсяць отправляется отсюда въ Англію большой корабль съ произведеніями страны сей, къ кошорымъ нынѣ принадлежишь и сахарный тростникъ. Одно изъ важнѣйшихъ ея произведе-

ній, естѣ опмѣнно шонкая овечья шерсть, и посему разбойническое нападеніе шуземцевъ, имѣвшее сѣдшвіемъ разореніе нѣсколькихъ большихъ овечьихъ сшадъ, было причиною справедливаго сожалѣнія. Между шѣмъ разбѣжавшіяся овцы еще болѣе распросшраняшся во внушренности сей страны, кошорая, послѣ перехода Англичанъ чрезъ Синія горы, все болѣе спановишся извѣсною и посшепенно образуешся; говорашъ, что за сими горами опкрышо челоувѣческое племя, бѣлаго цвѣша, имѣющее гораздо бѣльшія способности, чѣмъ доселѣ извѣстныя Новоголландцы. — Кишовая ловля на Южномъ морѣ досшавляешъ богатѣйшую добычу, между шѣмъ, какъ въ Сѣверномъ Ледовишомъ морѣ она посшепенно уменьшаешся. Сандвичевы ошрова успокоились и признали молодого и лѣшняго Короля своего, Карбіавли. Англичане основали колонію на ошровѣ *Мельвилъ*, кошорая, какъ надѣюшся, будетъ современемъ вшорымъ Сингануромъ. Французы имѣюшъ намѣреніе учредишъ колоніи въ *Новой Гвиней*: и сии шакже могушъ сѣдшаться весьма важными. Англичане предупредили Голландцевъ въ основаніи новыхъ колоній на сѣверномъ берегу Новой Голландіи.

Положеніе *Азіатской Турціи* сдѣлалось въ семь году для Поршы еще опаснѣе, по безпреспанной боязни, чѣобы не вспыхнуло ищеніе многочисленныхъ въ сей спранѣ Янычарь. Курды продолжали обыкновенныя свои разбойническія нападенія и разбили Пашу Алеппскаго; а горныя жипели Ливана обезпокоивали Дамассій пашалыкъ. Мяшежный Иманъ Гуссейнъ, въ Аравіи, покоренъ былъ Турецко-Египетскимъ оружіемъ, надъ кониъ Вехабишы снова одержали верхъ. Дикія племена *Туркоманскія* шакже взволновались: онѣ сдѣлали нападеніе на *Авганистанъ* или Восточную Персію. Изъ Индіи получены нѣкошорыя новѣйшія извѣстія о необьяшной *Киттійской* Имперіи. Въ ней находится 20 обласпей и 185 главныхъ городовъ. Подаша простирающся до 13,250,000 ф. сш., доходъ деньгамъ и произведеніями до 30 милліоновъ фуншовъ, а шаможенный сборъ въ одномъ Каншонѣ до милліона фуншовъ шерлинговъ. Число гражданскихъ чиновниковъ простираешся до 9511, военныхъ офицеровъ до 7552 чел. Армія представляешъ необразованное и невоинственное соимще въ 1,263,000 человекъ, изъ числа коихъ одна Ташарская и Монгольская конница заслуживаешъ нѣкошорое уваженіе. Вся извѣстія согласующся въ шомъ, чѣо сія

огромная Монархія болѣе и болѣе приближается къ паденію, что Кишайцы, съ болѣею досадою носятъ его разслабленныхъ Монголовъ, и что сіе неудовольствіе причиняетъ частыя, опасныя безпокойства, преимущественно въ пограничныхъ областяхъ. Побѣдоносная война Англичанъ противъ Бирманскаго Государя весьма превосходила Кишайскаго Императора, пошому что они теперь безпрестанно приближаются къ его владѣніямъ, и онъ почиаетъ Бирманскаго Монарха своимъ союзникомъ. Напрошивъ того пишушь, что *Кохинхина* приходитъ въ цвѣтущее состояніе, ибо Французы распросстраняютъ тамъ ремесла, торговлю и образованность, и что даже Кохинхинскій фрегаты отправился для открытія. Франція состоитъ постоянно въ дружественныхъ связяхъ съ сею Монархіею, и вступила съ нею въ весьма выгодныя для себя торговыя сношенія.

Остъ-Индская Компанія продолжала въ началѣ сего года опасную войну противъ *Бирмановъ*. Кишайскій Императоръ и Сіамскій Король щетно старались примирить ихъ. Англичане, страдавшіе отъ cholera morbus, часто были обезпокоиваемы Бирманами въ своихъ зимнихъ кварширахъ; неудовольствіе и опасеніе неудачнаго конца войнѣ

сей дошли до того, что Г. Юмъ, хотя и безъ успѣха, предложилъ въ Парламентѣ смѣнить Генераль-Губернатора, приведшаго Индію въ столь опасное положеніе, которое еще умножено было моровою язвою въ Калькутту, неурожаемъ индиго, раздорами и междоусобіями въ другихъ мѣстахъ Индіи. Храбрость и дисциплина Бриганскихъ войскъ вскорѣ принудили Бирмановъ къ перемирію и усупленію въ переговоры, при чемъ они согласились выдать Англичанамъ 2,000,000 ф. ст. въ вознагражденіе за пощери ихъ, и усупишь имъ четыре важныя области, Рангунъ, Пегу, Маршабанъ и Арраканъ. Однако же Король ихъ не хотѣлъ подписать сихъ условій: снова началась вражда, которая подала случай Англичанамъ, спѣсившимъ столицный городъ Уммерапуръ, къ новымъ побѣдамъ; тогда Бирманы гошовы были къ заключенію еще выгоднѣйшихъ для Англичанъ мирныхъ условій, въ коихъ участвовалъ и Король Сіамскій, и по которымъ они усупали имъ семь областей и соглашались, чтобы еще четыремя другими управляли начальники, по выбору Компаніи; сверхъ того обязывались выплащать имъ 1,000,000 ф. ст., дать имъ свободу торговли, и снять пошлину съ Бриганскихъ кораблей, за что Англичане пре-

доставили ту же выгоду Бирманским судамъ. Еще разъ надменность *златоногаго* Государя Бирманскаго возстала противу рашификаціи пракшапа; онъ собралъ новое сильное войско, надъ коимъ однако же Англичане одержали 20 Января сподъ блистательную и рвшисельную побѣду, что ему оставалось только согласиться на вышепомянутыя условія, и 24 Февраля подписанъ былъ мирный договоръ, копорый не только обогатилъ Бришанскія владѣнія изобильнѣйшими обласями, служащими для Калькушпы вѣрнымъ оплошомъ противу Бирманскихъ набѣговъ, но и доставилъ Англичанамъ шакой же перевѣсъ въ верхней часли Индіи, каковымъ они пользуются въ нижней, и возможность вытѣснить изъ сей часли Южной Азіи всѣхъ соперниковъ своихъ, преимущественно же сподъ опасныхъ для нихъ Сѣверо-Американцевъ. Они немедленно спарались упошребить съ пользою ушупленные имъ обласи, и заловили на рѣкѣ Маршабанъ новый городъ Амгерстшоунъ, копорый можеть сдѣлаться важнымъ шорговымъ мѣшпомъ. Тогда и Сиккапурекая колонія, посредствомъ копорой они съ Юга присвоивающъ себѣ шорговлю верхней Индіи, и шѣмъ распросшраняющъ великое вліяніе свое на семь полуостровъ, получили

еще бѣльшую важность. Трудно найти колонию, которая въ столь короткое время, сдѣлала бы столь значительные успѣхи. Въ 1819 году, Синкапуръ былъ еще рыбацкою деревенькою, въ которой было 150 жителей, коихъ въ концѣ 1825 года считалось уже болѣе 50,000, и сие число непрерывно увеличивается. Торговые обороты сей колоніи въ 1824 году уже простирались до 20 милліоновъ фунтовъ сп. и умножались по той же мѣрѣ, такъ, что Синкапуръ нынѣ принадлежитъ къ важнѣйшимъ торговымъ мѣстамъ на Земномъ шарѣ. Всѣ прочія распри также успѣшно были прекращены въ теченіе сего года. Компанія поладила съ Персією и Раджею Лагорскимъ, и счастливо опраздила нападеніе Пиндарійскихъ разбойниковъ на Кучскую область, а Лордъ Комбермиръ завоевалъ 18 Января Индійскій Гибралтаръ, важную крѣпость Буршпоръ. И такъ, подъ управленіемъ Лорда Амгерста, прошивъ кошораго въ началѣ года возстало столько непріятелей, одержаны были блистательнѣйшія побѣды, по сию и по другую сторону Гауга, а Брипанское владычество еще болѣе утвердилось, распространилось чрезъ оба Индійскіе полуострова, и открыло новые торговые пути для мѣжъ Ангаійскихъ издѣлій на драгоценнѣйшія Азіатскія

произведенія. — Неизвѣстный дошоль источникъ Буремпушера открытъ былъ въ Ассамскомъ Государствѣ. Брипанская армія лишилась одного изъ храбрѣйшихъ и опытнѣйшихъ воиновъ своихъ, Сира Давида Охперлонга, служившаго въ Индіи 47 лѣтъ.

Мы уже выше упомянули объ опасности возмущеніи въ воспочной часпн *Явы*, противу Нидерландскаго владычества, которое прервало даже сообщеніе между Самарангомъ и Батавією. Война продолжается, и шуда послано было подкрѣпленіе. Нидерландскія войска спрадають опъ *cholera morbus*. *Суматра* спокойна, но говорятъ, что на *Моллукскихъ* островахъ также начались безпокойства. Важная колонія, кошорю Испанцы еще владѣють въ Полинези, состоить въ *Филиппинскихъ* островахъ; она по двумъ, вышедшимъ въ главномъ городѣ *Манила* сочиненіямъ, имѣеть около 2 милліоновъ жителей, различныхъ племенъ и вѣроисповѣданій, и ежегодно плашеть по дашь въ 1,500,000 піаспровъ; но и здѣсь въ послѣдніе годы произошли безпокойства, кошорые дѣлають владычество Испаніи надъ сими островами сомнительнымъ.

Изъ *Африканскихъ* Государствъ, *Египетъ* преимущественно обрашиль на себя вниманіе Европы, со времени вступленія въ

управленіе Мегмета - Али. Сей Паша распроспранилъ предѣлы своихъ владѣній на югъ, восшокъ и западъ, вспунилъ въ шорговья сношенія съ Европою, завелъ фабрики, и принялъ ревностное участіе въ войнѣ прошиву Грековъ; но благородные плоды образованности созрѣваюшь только подъ открытымъ небомъ, а не въ шеплицахъ малодушнаго корыслолюбія и воспочнаго деспотизма. Египецъ обдѣлывъ ошъ присвоенной Вице-Королемъ монополіи, шорговашъ хлѣбомъ и драгоцѣнною хлопчатною бумагою; нѣскольکو неудачныхъ спекуляцій, потеря значительныхъ суммъ при происшедшемъ въ Англіи великомъ недоспашкѣ въ деньгахъ, частые походы прошивъ Грековъ и Вехабишовъ испощили казну его. Онъ вздумалъ поправитъ свои финансы новыми притѣсненіями и налогами, кошорые возбуди къ мяшежу поселянъ въ окрестностяхъ Каира. Вехабишы учинили снова впаденіе въ обласшь Юнху, и не вспрѣшили сильнаго сопротивленія. Говоряшь, что Паша, усшрашенный угрозами Лорда Кокрена, поссорился съ Сулшаномъ, кошорый возложилъ на него все бремя войны прошивъ Грековъ. Фабричные работники, кошорыхъ Вице-Король кошѣлъ подчинитъ Египешскимъ законамъ, оставили его землю, равно какъ

и нѣсколько Французскихъ и Испаліанскихъ офицеровъ, коюрме, по прибытіи въ Марсель, предспавши въ весьма невыгодномъ видѣ характеръ и поступки Пашы, положеніе Государства и войска его. Торговая полмишка Франціи, непрерывно обращающая вниманіе свое на Египецъ, подала поводъ къ дружественнымъ сношеніямъ съ Вице-Королемъ. Сорокъ молодыхъ Египціи посланы были на воспитаніе въ Парижъ, и шаяъ были ласково приняты. Египецкіе военные корабли спрочались въ Марсели, и Французскіе офицеры, находившіеся въ Египецкой службѣ, не перьямъ мѣсяць, занимаемыхъ ими въ опечесивъ. Въ Канръ, копорый даже намѣреваюшя освѣтитъ газомъ, выходишь нынѣ Газета на Арабскомъ и Испаліанскомъ языхахъ. — *Варварійскія Государства* непрерывно спавашъ военныи суда для Турецкаго флота. *Аджирцы* враждуютъ противъ Испаніи, и не только захватываютъ корабли ея, но и дѣлаютъ высадки на ея берегахъ; подобные поступки ихъ противъ Римскихъ кораблей, прекращены были угрозами Франціи. Въ *Мароккской Имперіи* свирѣпствовало ужасный моръ и голодъ; говоряшь, что Мароккяны возимърились брашь Ганзейскіе и Ирусскіе корабли. Смѣлые путешественники, *Маіори*

Леентъ и Клаппершонъ, сдѣлали важныя
 открытія во *внутренности Африки*; пер-
 вый прибылъ въ *Томбукту*, а послѣдній
 перешелъ чрезъ высокія горы, открылъ об-
 ширное Государство, существованіе коего
 доселѣ было неизвѣстно, находился еще
 только на два дни вѣды отъ Нигера и ка-
 зался увѣреннымъ, что сія рѣка изливаеца
 въ *Бенинскій заливъ*. Въ началѣ сего года
 утверждали, что Англія совершенно отка-
 жется отъ опаснаго владѣнія *Капъ-Косшь-
 Касшя* на *Золотомъ берегу*, однако же
 Генераль Камбель былъ назначенъ Генера-
 лемъ-Губернашоромъ и отправился туда
 съ свѣжимъ войскомъ. Вскорѣ пошомъ *Ашан-
 тин* напали на колонію такъ сильно что
 Губернашоръ долженъ былъ призвать всѣхъ
 жишелей къ оружію. Завязалось кровопро-
 лишное сраженіе, въ кошоромъ Ашантин ли-
 шились 5,000 человекъ а Король ихъ былъ
 тяжело раненъ, и умеръ 7 Августа. Англи-
 чане одержали сію побѣду не безъ значи-
 тельной потери; съ ихъ стороны было 800
 человекъ убитыхъ и 2,000 раненыхъ. Фран-
 цузы при *Сенегалѣ*, также должны были
 бороться противу возмущившихся Негровъ,
 коихъ шестидесячный корпусъ какъ гово-
 ряшь, нѣсколько разъ, разбивалъ Французскій
 гарнизонъ. — Всѣ усилія къ прекращенію

торга невольниками доселѣ оставался щещными; въ одинъ городъ Рио-Жанейро въ печеніе года привезено ихъ 25,000. — Колоніи, учрежденныя на *Мысль Доброй Надежды*, не были обезпокоиваемы Кабрами, но перпѣли ошъ сильной засухи. Англійская экспедиція, ошправившаяся для ошкрышій къ *Восточной Африкѣ* и *Мадагаскарѣ*, спаралась войти съ сими спранами въ шорговья связи. Наконецъ мы можемъ еще упомянуть о немаловажномъ слѣдствіи для плаванія въ Индію, происекшемъ ошъ пребыванія Наполеона, на лежащемъ между Спарымъ и Новымъ Свѣшомъ ошровъ *Св. Елены*. Оно побудило обратиться особенное вниманіе на сосѣдственнѣй, дошолъ необитаемѣй ошровъ *Вознесенія* (Ascension); сію голую скалу покрыли землею, обрабошали оную и шѣмъ преврашмили ошровъ сей въ новую выгодную станцію для путешествующихъ въ Ошпъ-Индію.

Пер. М.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И.

1 8 2 7.

П о э з і я.

26. *Цыганы.* (Писано въ 1824 году). М. въ типограф. Авг. Семена, 1827. 46 стр. въ 12 д. л.

(Года за три предъ симъ, ошрывокъ изъ сей Поэмы, заключающей въ себѣ картину кочевой жизни Цыгановъ, былъ помѣщенъ въ одномъ Альманахѣ; и тогда уже любители Русской Поэзіи нешерпѣливо желали прочесть всю Поэму, предугадывая въ ней новыя, занимательныя положенія, оныя появленія Алека, ушельца городовъ, въ кругу полудикихъ Цыгановъ. Догадки сіи оправданы самимъ Поэтомъ: раздражительное самолюбіе Алека не уживается съ простыми правами и раздольнымъ образомъ жизни Цыгановъ; мучимый ревностію, онъ подшерегаешь невѣрную подругу свою, Земѣиру, и убиваешь ее и сообщника ея измѣны. Такой

примѣръ неслыханныхъ допоя между Цыганами порывовъ спрасши, возмущаешь робкую ихъ совѣсть: они изгоняють изъ шатора своего чедовѣка, гошоваго нарушишь приняшья ими правила и жершвовашь всѣмъ, даже жизнию другихъ людей, въ угоду необузданной своей воли. — Вся сія Поэма написана какъ бы ошдѣльными карпинами, въ которыхъ живосць изображеній и звучность, сладосць стиховъ Пушкина, совокупляясь съ заманчивосцію предмета, дѣйствующь на воображеніе чишашеля шройнымъ очарованіемъ. Прочишавъ послѣднюю страницу, все еще не останавливаешься, не хочешь разспашься съ Повѣстію: все ждешь новыхъ собышій, или ищешь въ душѣ своей новыхъ впечатлѣній, Такова сила истиннаго дарованія! утаенное или недосказанное имъ, ошкрываеть передь нами рядъ неясныхъ карпинъ, и пробуждаеть шакія ощущенія, въ которыхъ мы сами себя не можемъ дашь опчеша.)

27. *Дневъ и Перк, Повѣсть оз стихахъ.*
 Сочиненіе А. Подолинскаго, С. П. б.
 въ шипогр. Главнаго Управленія Пушей
 Сообщенія, 1827. 37 стр, въ 8.

(Молодой Поэшь, неизвѣстный доседь
 чишающей нашей публикѣ, предьявляеть

симъ стихошвореніемъ свое право гражданства на Парнасѣ Русскомъ, и право неоспоримое. Стихи его плавны и звучны, языкъ чистъ и хорошъ, слогъ приличенъ предмету и хорошо выдержанъ. Вымысль, конечно, не богатый; но вездѣ видно воображеніе пылкое, подчиненное правильному вкусу; видно также и то, что Поэтъ имѣетъ довольно основательныя понятія о Восточной Мифологіи. Какъ первое (по крайней мѣрѣ печатное) произведеніе новаго Поэта, стихошвореніе сіе заслуживаетъ полное вниманіе и ободреніе пѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, кои съ удовольствіемъ видятъ возникающіе таланты.)

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О Т Р И Н А Д Ц А Т О Й Ч А С Т И .

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Жалобы мужа	3
2. Записки объ Англии	18
3. Исландскія письма	97
	(Оконч.) . 193
4. Расказъ Казановы	303
II. Иностранная Словесность.	
Характеристика Трагедій Шекспировыхъ .	45
III. Отечественная Словесность.	
Письма на Кавказъ, (Оконч.)	63
IV. Критика.	
1. Письма въ Крымъ	164
2. Ошвѣщъ Сочинишелю книги: Подарокъ Кришкеу	266
3. О Русской Грамматикѣ	374
V. Народное Просвѣщеніе.	
Объ устройствѣ Училищъ	131
	(Прод.) . . 249
	(Прод.) . . 342
VI. Современная Исторія и Политика.	
1. Обзорніе промшешвій 1826 года. (Прод.)	81
	(Оконч.) . 389
2. Лордъ Кокарень	183

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Эринъ	95
Къ N.	94
Ода Анакреона	95
Гермогенъ	297
Сонетъ	387
Мой уголокъ на Парнасѣ	388
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ	95
	189
	300
	401.

Digitized by Google

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Евдеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1827.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Іюня 22 дня 1827 года.

*Цензоръ Надворный Советникъ и Кавалеръ
Иродіонъ Вятринскій.*

НЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XIII.

I.

ЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

РУЖБА НА СЪВЕРЬ.

Сот. Крузе.

ывающъ происшествія, которыя, какъ
убоко пошрясались ими души людей,
мавшихъ въ нихъ участіе, за всѣмъ
возбуждающъ мало вниманія въ свѣтѣ
ши незамѣченныя, — исчезающъ въ вѣч-
и; но шѣмъ разительнѣе должны они
для зоркаго наблюдателя. Къ такимъ
шествіямъ принадлежишь и слѣдую-
Предупреждаемъ, что напрасно бы
читатель искашь слѣдовъ его нынѣ:
ближе будешь онъ находись къ ош-
емымъ мѣстамъ, шѣмъ болѣе предспа-
ему даже несообразностей; что по-
и, что время, мѣста дѣйствія, коро-
се несущественное давно измѣнилось;
емъ въ самой сущности удержана пол-
щина.

Въ Копенгагенѣ есть не очень большая, но симметрически расположенная осьмиугольная площадь, которую образуютъ четыре зданія, недурной архитектурѣ; посреди оной, возвышается статуя незабвеннаго по добротѣ своей Короля, который, сидя на конѣ, все еще благословляетъ любезный ему народъ. Въ прехъ изъ сихъ зданій помѣщается, со времени случившагося во дворцѣ пожара, Королевская Фамилія, живущая тамъ въ величественной простотѣ. Четвертое зданіе, расположенное къ рейдъ, служитъ, какъ бы символическою оградой отъ непріятельскихъ нападений со стороны моря, вмѣщая дѣйствительную, съ давнихъ лѣтъ существующую ограду государства въ сѣвнѣхъ своихъ, именно образованіе Дашскихъ моряковъ. Это Морской Кадетскій Корпусъ, который подобясь въполнѣ жилищу Короля, гордится, что на немъ, какъ и на мечехъ пинюцехъ его, нѣтъ ни малѣйшаго пятна.

Сіи-то сѣны заключаютъ въ себя ядро Дашскаго юношества, не потому, чтобы сюда помѣщали отличившихъ и наиболее подающихъ надежду дѣшей, — тогда предназначаемое поприще было бы для нихъ слишкомъ ограничено; — а по Спаршанскому

воспитанію, какое они получающъ, и посредствомъ копорого, Король и Ошечество въ шакомъ шѣсномъ соотношеніи и шакъ глубоко впечашлѣвающся въ ихъ юныхъ умахъ, что развѣ одно шолько спавишся ими еще выше — честь!

Пусть Философскимъ взорамъ представляешся эша богиня блестящею химерою; но въ лѣшописяхъ государшва и въ нравспвенномъ достоинствѣ чешовѣка, владычешвуеш она почти съ Богоподобною силою, и я смѣло произнесу, — Дашскій Морской Корпусъ ешть храмъ ея.

Изъ всѣхъ, болъшею частію прекрасныхъ и, что главное, здоровыхъ воспитанниковъ ошличались нѣкогда двое взрослыхъ юношей. Оба молодцовашы, исполнены шалайповъ, мужешвенны и прилѣжны — порода и богашество не служишъ ни кому ошличіемъ внушри сихъ спѣнъ; оба, равно любиме начальникомъ и шоварищами, были они между собою, не шолько не дружны, даже холодны, хошя никогда не, выходило у нихъ неприяшностшей, и ни одинъ не могъ расшолоковать себѣ, что бы шакое не нравилось ему въ другомъ.

Какъ ни спрого наблюдали за нравспвеннымъ образованіемъ кадешовъ, но невозмож-

но было, въ такомъ большомъ числѣ, совершенно опклонипшъ вкрадчивую зависть и неукротимое своекорыстіе. Сии пороки глубоко вкоренены были въ одномъ изъ молодыхъ сердець сего разсадника Дашскихъ мореплавателей. Джонъ Формеръ, назовемъ его такъ, былъ сшарѣе обоихъ помянутыхъ юношей, опредѣлился въ корпусъ пашью годами ранѣе, чѣмъ они, и считалъ себя уже за двадцать лѣтъ.

Между шѣмъ два юноши, о кошорыхъ сказали мы прежде, неупомимымъ принадлежаніемъ и взаимнымъ, хопя и невольнымъ, соревнованіемъ, такъ опличили себя, что перескочили длинный рядъ поварищей, находившихся между ними и Формеромъ. Сей послѣдній, долженъ былъ опасашься даже, что и онъ останется у нихъ назади, погда, какъ недалеко уже была и цѣль достиженія офицерства, съ важнымъ по службѣ надъ ними старшинствомъ. Сей молодой человекъ родился въ Вестиндіи, отъ знанной Дашской фамиліи, и прожилъ тамъ до пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, — среди няги и баловства со стороны родителей и рабской покорности отъ всѣхъ, его окружавшихъ. Богатство, праздность и гордость, съ которыми думалъ онъ прожитшъ весь свой вѣкъ, внушили въ него понятія, совершенно не-

сообразныя съ шѣмп, какихъ требовало Спартанское воспитаніе въ Корпусѣ. Здѣсь ничего не значила, ни пышность, ни значность породы; надлежало засшавишь уважашь себя по внутреннему своему достоинству, а оно было невелико, и Формеръ горько ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Чашо принужденъ онъ былъ сносить насмѣшки отъ младшихъ себя мальчиковъ, копорымъ не могъ опплатишь за то ничѣмъ, потому, что они были бойчѣе, оппважишь и сиэишь его; сшаршіе же шоварищи обрашались съ нимъ съ шакою же суровосшію и пренебреженіемъ, какъ прежде онъ поступалъ съ рабскою шолпою его прислужниковъ. Пробужденная отъ изниженности душа его, привела въ движеніе свои дремавшія силы, и наиболѣе шу, кошорая была здѣсь нужишь — силу разсудка. Дальновидный, проныравный взоръ Формера скоро обозрѣлъ свое положеніе. Жаловашься онъ не смѣлъ, видя, что наказаніе, какое навлекли бы за собою его бабьи пересказы, — шакъ назывался здѣсь всякій, безъ исключенія, доносъ начальству — не доставило бы ему облегченія; а напрошивъ еще большую, шайную истпительность со шпороны его шоварищей. Охотно бы оставилъ онъ корпусъ и выбралъ себѣ другое поприще, но

зналъ непреклонную волю отца своего, который, привыкнувъ, къ безпрекословному повиновенію рабовъ, пребывалъ такого же и ошъ дѣшей своихъ. Такимъ образомъ необходимость заснавила Формера покориться судьбѣ его; по необходимости спалъ онъ изощряя свои способности и замѣнивъ, что внушаетъ симъ уваженіе, получилъ къ шому бодрость, а съ шѣмъ вмѣстѣ научился и хитрости. По старой привычкѣ спремившись къ улучшенію своего положенія, началъ онъ льстишь своимъ учителямъ и шоварищамъ; чувствовалъ однако, что эта леть не должна бышь рабская и что одно шолько стараніе сообразовашься съ ихъ понятиями, можешъ бышь увѣчно успѣхомъ. Съ шѣмъ вмѣстѣ возбудилось и его честолюбіе: какъ ни тяжело было для взнѣженнаго юноши, но онъ не ошспавалъ ошъ другихъ, въ обычныхъ между пишомцами Спаршайскихъ борьбахъ и играхъ, которые не обходились безъ синихъ ляшенъ и ушибовъ, и если никогда не удавалось ему въ нихъ первенствовать, то все не былъ онъ и посѣднимъ. Со скрежетомъ зубовъ и скрышнымъ негодованіемъ, что попалъ въ толпу такого грубаго народа, повиновался онъ однако, когда, напримѣръ, среди ночи, по шайному призыву одного изъ шоварищей, которому не спалось,

вдругъ вспрепенулся всѣмъ, бросающъ шеп-
 лое свое ложе и, полунагіе, бѣгушъ къ снѣ-
 говымъ кучамъ на дворъ, валяющъ въ мяг-
 комъ снѣгу, и пошомъ, дрожа отъ холода,
 ищущъ онаяшъ успокоенія на ностеляхъ.
 Такъ удалось ему превозмочь непріятное
 впечатлѣніе, какое произведено было имъ
 съ перваго раза, и уже прилежаніемъ и не-
 прерывнымъ напряженіемъ пробужденныхъ
 душевныхъ силъ, успѣлъ онъ приблизиться
 къ шой цѣли, кошорая манила всѣхъ сихъ
 юношей. Съ достиженіемъ офицерскаго зва-
 нія, должно было окончиться всякое соперни-
 чество; кто однажды внесень въ списокъ,
 шомъ слѣдуешъ по старшинству до сама-
 го Адмирала, и обязанъ неизмѣнною подчи-
 ненностью старшему. Впрочемъ эта под-
 чиненность чувствительна только по дѣ-
 ламъ службы. По сему-шо, имѣя въ виду,
 что съ каждымъ ускореннымъ шагомъ въ
 юности, спаненъ послѣ ближе къ мѣ-
 шамъ начальническимъ; всѣ пишомцы,
 а слѣдственно и честолобивый Джонъ,
 съ неушомимою дѣятельностью помога-
 лись прочнаго старшинства надъ дру-
 гими. Въ первомъ классѣ, старшіе кадеты
 назывались уншерь-офицерами. Между сими,
 Джонъ былъ изъ первыхъ. Оба юноши, пре-

жде упомянутые, на которыхъ наиболѣе обращенъ былъ опеческій взоръ дальновиднаго начальника, были въ томъ же классѣ, въ числѣ младшихъ пичомцевъ. Ожидали экзамена, а съ нимъ вѣроятно и производсва въ офицеры. Джонъ, упоенный надеждою, шрепешалъ однако, чтобъ пѣ юноши, которые исподынкскими шагами подвигались впередъ, и между которыми старшему едва было девашнадцашъ лѣтъ, еще въ послѣднiя минушы, какъ говоришся, не сѣли ему на голову.

Каждый изъ шѣхъ шрудился, между шѣмъ, въ шичи про себя; они смотреши другъ на друга гордымъ взоромъ, почши похожимъ на вызовъ; но въ благородномъ образѣ мыслей, пренебрегая каждое мелочное средство къ прѣвознесенiю себя, не находили они повода къ явному между собою разрыву. Поссорить ихъ очень хотѣлось Джону, какъ замѣчали его шоварищи, и онъ скрышнымъ образомъ употреблялъ къ тому всѣ способы, надѣясь, можешъ бышь, изъ ихъ пасильшвенныхъ посшупковъ извлечь для себя пользу, какой не могъ ожидать опъ своихъ шаданшовъ и прилежанiя. Время испышанiя назначено было, какъ обыкновенно, незадолго до дня рожденiя Короля, котораго и безъ шого юноши ожидали всегда съ восшоргомъ,

еще болѣе, когда имъ предшяло
 себя радостными успѣхами и по-
 награжденіи, обыкновенно въ шоть
 здаваемыя.

онецъ экзаменъ начался и соспоа какъ
 весныхъ, такъ и письменныхъ задачъ,
 жался нѣсколько дней. — Въ это время
 не было опдыха для юношей. Каждая
 посвящена была наукамъ или иску-
 , кошорыми также почти всѣ зани-
 усердно. Давно уже было извѣстно,
 жонъ имѣеть рѣшительный шалантъ
 ованію, а случай хоптъ на эшопъ
 шобъ онъ, избравъ для себя одинъ изъ
 ѣйшихъ предметовъ, всшупилъ неволь-
 состязаніе съ шѣми, кого наиболѣе
 ся. Два младшихъ его шоварища, о
 ыхъ говорено выше: Гольгеръ Ан— и
 маръ Ре—, снимали шущю коніи съ
 овъ, кошорые величиною, шрудноспя-
 искусствомъ опдѣаки, ни мало не успу-
 избранному имъ.

днажды, когда всѣ шрое, съ нѣкошю
 еще шоварищами, занимались въ обы-
 ное время рисованіемъ въ учебной за-
 крышой для всякаго, случилось, что
 ра съ большою послѣшностію по-
 зали къ начальнику. Онъ зашоропилъ
 окрылъ рисунокъ шонкою Кишайскою

бумагою, и ушелъ, не опнеся, какъ дѣлалъ обыкновенно, доски въ свою комнашу. Возвращаясь черезъ часъ времени, не нашелъ уже онъ никого въ залѣ; всѣ вышли со своими рисовальными досками, только его оставалась еще тушь. Хотя начинало уже смеркаться, но ему хотѣлось еще поработать, и онъ открылъ рисунокъ. Какъ же былъ онъ пораженъ, когда увидѣлъ его испорченнымъ во многихъ мѣстахъ и, казалось, умышленно. Онъ споялъ, какъ полумертвый. Тушь разрушилась не только плодъ продолжительныхъ трудовъ его, но и прелестнѣйшая надежда, копорую основывалъ онъ на умноженіи симъ рисункомъ *чиселъ* по его занятіямъ. Числами опмѣчалась на экзаменѣ доспонаспво рѣшенныхъ задачъ или вообще успѣховъ по какому либо предмету, и сложностью ихъ по всѣмъ предметамъ обозначалась общая степень опмѣчія.

Опъ нѣмага испуга Гольгеръ перешелъ вскорѣ къ юношеской горячности. Онъ созвалъ товарищей. Ихъ громкія восклицанія привлекли учителей. Явился наконецъ и самъ начальникъ. Спали прилежно разсматривать рисунокъ и накладку. Очень трудно было рѣшишь, случаемъ или злымъ умысломъ сдѣлалось поврежденіе. Легко могло бышь, какъ и самъ Гольгеръ не отрицалъ, что рисунокъ

оспавался еще мѣсами несовсѣмь сухъ, когда онъ покрылъ его, ибо шолько передъ шѣмь, загруншованъ былъ въ немъ воздухъ; но за всѣмъ шѣмь, оказывались слѣды злоумышленія, хошя накладка и не была нисколько измята.

Начальникъ, покачивая головою, обратился къ пишомцамъ и произнесъ имъ рѣчь, въ кошорой увѣщевалъ сказашь правду, есмь кшо по неоспорожности эшо сдѣлалъ, чшо все гораздо лучше, примолвилъ онъ, нежели допусшишь подозрѣнїе, чшо между шѣми, кошорые всю жизнь свою посвящающъ чеши, ешь одинъ, способный на шакой злой посшупокъ. И вмѣсто выговора обѣщалъ онъ даже полную благодарносшь шому, кшо разувѣришь его въ шакомъ жестокомъ предположенїи. Говоря эшо, быспрымъ взоромъ окинулъ онъ ряды воспитанниковъ, ловя измѣненїе лицъ ихъ. Но всѣ безмолвспшвовали; шолько Джонъ легонько шолкнулъ Гольгера и кивнулъ ему на Вольдемара. Сей, какъ и всѣ, былъ мраченъ и нѣмъ; но ошь внимашельности Гольгера не скрылось, чшо онъ блѣднѣе другихъ. Однако Начальникъ или не замѣнилъ шого, или приписалъ другой причинѣ; почему и Гольгеръ ошвѣчалъ Джону шолько косою миною, какъ бы упрекая, чшо онъ хочешъ возбудишь въ немъ

неблагородное подозрѣніе. Такимъ образомъ случай оспался не раскрытъ, не смошря на всѣ старанія пишомцевъ и Начальника. Послѣдній жалъвъ очень, что Гольгеръ лишился нѣсколькихъ числъ, ибо времени оставалось уже не много, и нельзя было успѣшь пригосовишь другой значительный рисунокъ. Впрочемъ ушѣшая своего любимца, Начальникъ относилъ это къ узовкамъ судьбы, кошорымъ подверженъ каждый смертный, и говорилъ, что шѣмъ почтеннѣе мужъ, умбюцій швердо сноситъ неизбежное, и шѣмъ скорѣе зашавишь онъ уважать себя, чѣмъ ранѣе научишь управлять собою и спавишь себя выше всякаго своекорыспія.

Тутъ Джонъ во второй разъ шолкнулъ Гольгера и обрашилъ его вниманіе на Вольдемара, у кошораго бѣглая краска явилась на лицѣ и заступила мѣсто прежней блѣзости. Тогда подозрѣніе вкралось и въ душу Гольгера; однако, взвѣсивая слова Начальника, онъ преодолѣлъ себя, и постарался освободишья отъ сего ненавистнаго чувства.

Черезъ два дни случилось новое происшествіе, кошорое возбудило еще болѣе вниманія. Въ шакое время, когда почти всѣ воспитанники сидѣли въ классѣ, вошелъ Вольдемаръ съ рисовальной доской своей и

разсказала громко, но съ равнодушіемъ, очень прошивоположнымъ шой горячности, какая оказана была въ подобномъ случаѣ Гольгеромъ, что рисунокъ его весь изрѣзанъ: пакъ онъ нашель его въ своей комнашѣ и принесъ показашь поварищамъ.

Всѣ снова изумились. Начальникъ, которому шопчасъ о шомъ донесли, не смотря на всегдашнее спокойствіе духа, до шого пораженъ былъ внимъ извѣстіемъ, что едва не вышелъ изъ себя. Пишомцы бо-азливо на него смотрѣли; Джонъ поблѣднѣлъ шочно шакже, какъ въ то время Вольдемаръ. Гольгеръ не сводилъ съ него глазъ. Онъ, казалось, замѣнилъ это и вдругъ вышелъ изъ среды поварищей.

„Позвольте мнѣ говорить!“ сказала онъ Начальнику. „Извѣстно, что у насъ были рисунки, не только одинаково шрудные, но и лучшіе изъ всѣхъ въ корпусъ. У моихъ поварищей они испорчены непоняшнымъ и самымъ пошпиднымъ образомъ; мой цѣль. Я дрожу всѣмъ шѣломъ ошъ досады, пошому что чувствую, какъ случай сей; клонящійся къ моей пользѣ, можешъ подашь на меня подорвнѣе. Прошу же васъ арестовашь меня и держашь подъ присмотромъ, пока не будетъ произведено шпрожайшаго слѣдствія, и, какъ я надѣюсь, найдешся виновный.“

„Я увѣренъ“ — ошвѣчалъ ему счальникъ: „что никто между нами не жешъ нишашъ такого неблагопродзрѣнія къ поварищу; никто не позволишь себѣ этого. Если же въ этого, то къ уничтоженію такого предположенія, ешь вѣрныя средства шорыхъ я говорись шеперь не шашъ чемъ само собою разумѣешся, что жайшее сльдшвіе должно бышь сдѣше положеніе, какъ я самъ вижу, конечно въ подобныхъ обстояншхъ зашруднишельно вездѣ, шолько не ш кровлею. Во всякомъ случаѣ оди должно имѣшь лучшія мысли о сшвариващахъ.“

Но и сльдшвіе ничего не Самъ Вольдемаръ доказывалъ, что ниже кто другой изъ его поваровъ могъ бышь виновашъ; пошому, что уходиль въ это время изъ корпуса прочіе были въ классахъ.

Между шѣмъ, по экзамену, Джонъ и еще нѣсколько старшихъ шаниковъ, въ офицеры; а Гольдердемаръ ошались первыми Уншеръми. Ихъ числа равнялись Джоновъ, еслибъ предшавили они рсунки, гда конечно бы шали выше его,

нятому правилу, споль молодымъ
 -офицерамъ еще нельзя было бы по-
 ть въ офицеры, по ему доспалося
 бытъ за ними еще съ полгода въ
 . Джонъ, радуясь вшайнъ, сдвдаль
 по замѣчаніе, кошорое вврояшно не
 и опъ обоихъ опспавшихъ юношей.
 насшупленіемъ вскорѣ дня рожденія
 , казалось, всякая досада забывалась
 на была успунишь мѣспо шумной,
 льной радости. Въ самомъ корпусѣ
 ло празднество и балъ, на кошо-
 ебольшія сердечныя обспояшельства
 й заставляли ихъ забышь все про-
 . Хошя блестящіе офицерскіе мунди-
 золошыми эполешами, предметъ пла-
 шихъ ихъ желаній, со всѣхъ споронъ
 авлялись ихъ взорамъ и невольн
 дали въ душѣ зависть, но среди ша-
 оржества, въ присущствіи любимаго
 ка, кошорому посвящалась ихъ жизнь,
 и честь, спарались они поддержашь
 въ благородное самочувствіе и не из-
 себя ни однимъ взглядомъ
 въ полной увѣренности, что въ
 въ не найдется ни одного ученика,
 ый бы могъ уронить свое досто-
 о и званіе, самъ начальникъ не
 въ ограничивашь на эшошъ разъ ихъ
 2

юношеской вольности. Въ то время, когда названные госжи, мѣшаясь въ полкъ молодыхъ кадетовъ, сославляли съ ними длинные ряды, и при громкихъ звукахъ музыки, кружились въ танцахъ — старшій классъ воспитанниковъ вмѣстѣ со вновь-произведенными офицерами, забрался въ особую комнату, и всѣ, забывая на минушу первый огонекъ, вспыхнувшій въ груди ошъ прелесныхъ глазокъ, наливали бокалы пѣнящимся Шампанскимъ и осушали ихъ за здравіе Короля, опечесства, ихъ флага, ихъ Начальника и званія ихъ, какого, казалось имъ, въ цѣломъ мірѣ нельзя найти лучше. Хоть и не въ ладъ съ опголосками близкой музыки, запѣли они опечесственную пѣснь безсмертнаго Эвальда, и звучный, чистый голосъ Вольдемара проникалъ даже въ слухъ танцующихъ, когда онъ въ воспоргѣ произносилъ одушевленныя слова:

Для Дашчанъ къ чесши, славъ путь —

Ты, мрачное, грозное море!

Вошь другъ! его безстрашна грудь:

Его спихіей вѣрной будь,

Ты, мрачное, грозное море!

Онъ радъ опасностямъ, бѣдамъ,

Какъ радо бурямъ и вѣтрамъ

Ты, мрачное, грозное море!

Съ пылающими лицами и съ гордою осанкою вышли юноши опашь въ залу, и всшупили въ

танцующихъ. Но по ихъ между собою
 гиванью, должно было заключить, что
 у нимъ какія нибудь шайныя зашты.
 вышельно, едва кончился балъ, едва
 или они, каждый свою прелестную,
 но ожидающимъ у подъзда экипажамъ,
 небольшой кругъ юныхъ офицеровъ и
 ихъ уншеръ - офицеровъ, вмѣсто ка-
 воихъ, пробрался въ комнашу одного
 молодого Лейшенанта, который не
 лъ еще ошъ прежняго поварищесства,
 болѣе, что былъ опредѣленъ учивше-
 въ одномъ изъ младшихъ классовъ и
 вался кварширою шупъ же въ кор-

згоряченные общемо радостію и ви-
 юноши не помышляли о снѣ. Усѣв-
 по мѣшамъ, они говорили между со-
 полголоса, чтобъ не вывеситъ нару-
 е шайное сборище, но твердо рѣши-
 ешрѣшишь день, не разлучаясь. Нѣ-
 о бушылокъ Шампанскаго было на-
 , и какъ полная луна свѣшила прямо
 а, шо свѣчи всѣ погасили. Нельзя бы-
 нь пѣсней; ихъ замѣнили разговоры,
 ными бокалами. Всякой получилъ свою
 корошаго жвачнаго шабаку, который
 комъ же большомъ употребленіи ме-
 дешами шого корпуса, какъ цигарки

*

у молодыхъ людей въ Гамбургѣ. По спашку случая и удобности пустились предпріимчивыя шалости, стали рассказывать: веселые анекдоты слѣдъ одинъ за другимъ на перерывъ. Джонъ шорый, вмѣстѣ съ другими вновь-пріденными офицерами, принадлежалъ къ пирующихъ, казался въ себя опьянѣвшимъ и въ полной увѣренности, что наконецъ спигъ своей цѣли, расшутился до крайности, что было въ немъ очень необходимо.

Привлеченный послышавшимся шумомъ подошелъ онъ вмѣстѣ съ другими къ окну, опшорилъ его и усшремилъ глаза на дворъ, кошорый былъ весь покрытъ спящимъ ковромъ шолько передъ шѣпавшаго снѣга. Но все было тихо; вѣшли прочь; онъ одинъ остался у окна, ли общей радости, досадилъ ему кшизъ шоварищей непріятною для него кою. Было ли шакъ въ самомъ дѣлѣ шеншалъ ему обманчиво какой нибудшпренній голосъ, шолько онъ счелъ, что нимъ обходяшся не совсѣмъ по-дружесшэномъ избранномъ кругу. Мысли о швмѣстѣ съ вишными парами, бродили шловъ его; сначала съ опчаянія, потомъ давно приняшому правилу, спшалъ онъ

шь какую нибудь глупую шалость, но бы могъ ошлѣчиться и поддер- еба въ мнѣнїи другихъ, не слишкомъ, ну казалось, шеперь для него выгод- ъ эту минушу спросили его, о чемъ къ задумался.

водно успремься глазамъ на кор- копорый, въ полъаршина шириною, бьль вдоль нодъ всѣми окнами верх- шажа, онъ сказалъ съ горделивою ю: „ты знаешь, что въ самой край- мнѣ этого шажа, спишь хоро- я горничная, жены Начальника наще- ы часто грозилась придти къ этой ѣ, но исполнишь этого нельзя, по- чпо шушь, въ серединѣ, живушь гос- , а съ шого краю дверь всегда на Она же все насмѣхалась только надъ Но вошь предсавилась мнѣ вдругъ пушь, для всѣхъ открышый, кто не сиць и вздумаешь пожелать добраго красавиць, а можешь бышь и сорвать поцѣлуй.“

ь бросились къ окну, чшобъ осмо- опасный пушь, на кошоромъ и свѣ- ова могла бы закружиться, по чрез- ой высотѣ надъ дворомъ. — „Ну же, ододецъ?“ вскричала назойливо Джонъ.

„Я не пойду!“ ошвѣчалъ одинъ изъ поварихей: „я еще, слава Богу, въ полномъ умѣ.“

— „Что за глупости!‘ вскричалъ Вольдемаръ съ упрекомъ: „кому придешь охота шакъ дурачиться! Я увѣренъ, что ты послѣдній согласился бѣ на это.“

„Право? И какъ увѣришь!“ — возразилъ Джонъ съ досадою.

— „Такъ увѣришь!“ — прервалъ его въ запальчивости Вольдемаръ, забывав о благоразумномъ упрекѣ, только что передъ тѣмъ имъ самимъ сдѣланномъ: „что я обязываюсь выпрыгнуть изъ этого окна на дворъ, если у тебя доспанешь смѣлости пройши къ окну Маріанны и ворошишься назадъ.“

„Въ умѣ ли ты, Вольдемаръ?“ вскричалъ съ опасеніемъ Гольгеръ. „Пройши по корнизу совсѣмъ не опасно, если только швердо рѣшишься; но выпрыгнуть изъ окна — шущь не можешь отважностью, шущь навѣрное надобно свернуть себѣ шею.“

— „Сказано!“ ошвѣчалъ Вольдемаръ, взглянувъ на Джона съоса и не безъ прервнїя.

Джонъ закусилъ себѣ губы. — „Бышь шакъ!“ вскричалъ онъ вдругъ, ободряя себя

и бросивъ напередъ за окно стаканъ свой :
„мы увидимъ, сдержишь ли онъ слово!“

Всѣ изумились ; но когда Гольгеръ , по какому-то предчувствію , хотѣлъ удержавъ его , другіе не допустили ; всѣ жадничали приключенія , на которое бы у каждаго достало духу . Джонъ взлѣзъ на корнизъ , и пылая отъ вина и щеславія , безъ малѣйшаго признака робости , пробрался къ крайнему окну , постучался въ него , пожелалъ дѣвушкѣ добраго утра и ворохнулся также непринужденно .

„Ну!“ закричалъ онъ , прыгая съ окна въ комнапу : „я совсѣмъ!“

Вольдемаръ , котораго , лишь только спалъ онъ возвращался , ошолелъ отъ окна и сидѣлъ призадумавшись — при этихъ словахъ вдругъ вскочилъ .

„Въ умѣ ли ты?“ закричали прочіе , не допуская его къ окну : „кто изъ насъ сомнѣвается въ твоей смѣлости?“

„Оставь!“ сказалъ Гольгеръ , съ мрачнымъ взглядомъ на Джона . „Завѣвшему врагу своему не пожелалъ бы я этого , не только...“ Онъ не договорилъ .

— „Разумѣешься“ — возразилъ Вольдемаръ съ принужденною улыбкою : „кто же въ самомъ дѣлѣ можетъ на это рѣшиться? Еще жизнь не надѣла мнѣ . Постойте же !

я только смѣрю, для шупки, высоке ли шупь.“ Онъ подошелъ къ окну и оборотясь къ шоварицамъ, указавъ на уголь комнашы, говоря: „подайте брашцы, вонъ тамъ веревка съ гирей!“ Потомъ вдругъ вспрыгнувъ на окно и съ сильнымъ размахомъ бросился внизъ, прежде нежели ктонибудь могъ удержать его.

Всѣ осподбенѣли въ испугъ. Никшо не осмѣлился взглянуть за нимъ въ слѣдъ. Но еще мгновение, и всѣ вдругъ бросились къ дверямъ.

Тупъ Гольгеръ, блѣдный какъ смерть, но сохранившій присущствіе ума, поспѣшно удержалъ ихъ. „Поспойте!“ закричалъ онъ. „Развѣ не помните вы, что мы всѣ можемъ сдѣлаться несчастными, если не будемъ осторожны. Пустъ двое пойдутъ со мною! Только не ты, Джонъ!“ примолвилъ онъ, не смотря на него. „Пойдемъ ты и ты!“

Сколь возможно скоро, и сколь возможно безъ шума, побѣжали шрое шоварицей внизъ по лѣсницѣ. Не безъ шрепеша опшво-рили они дверь на дворъ; едва осмѣлились взглянуть на упавшаго, боясь увидѣть его мершвымъ. Но первый взглядъ успокоилъ ихъ нѣсколько; Вольдемаръ сидѣлъ на кучѣ снѣгу.

„Ты живь! слава Богу!“ сказала, подбывая къ нему, Гольгеръ.

„Слава Богу!“ ошвѣчалъ онъ, едва переводя дыханіе: „но дайше мнѣ опомнипсья. Хошь я и мѣшилъ на эшу кучу, а все кажешся, переломилъ себѣ ногу.“

Такъ и было. Какъ человекъ, не могъ Вольдемаръ сначала преодолѣшь смертельную шоски, кошорая держала его въ оцѣпененіи, но вскорѣ прежняя бодрость духа оживила его. „Я какъ будшо весь разбишь“ — сказала онъ: „но эшо ничего. Ошнесише меня легонько на пошель и смоприше, чшобъ никшо, кромѣ нашего круга, а особливо Начальникъ, не зналъ объ эшомъ прозшесшвіи.“

Удалось дѣйствительно скрышь его ошь всѣхъ: сказали, что Вольдемаръ случайно упалъ на лѣсниць. Уже спуся многіе годы, когда совсѣмъ другіе люди заселили корпусъ, эшошь анектошь сдѣлался гласнымъ между офицерами. — Но весьма ошибся Джонъ, предполагая, что сей случай доставишь ему болѣе уваженія ошь шоварищей. Напрошивъ, ни одинъ изъ свидѣтелей онаго никогда не былъ къ нему близокъ; особенно же Гольгеръ оспался навсегда къ нему холоденъ; еще всѣхъ ласковѣе обращался съ нимъ самъ Вольдемаръ. За холодишсья

плашиль Джонъ шакою же холодноешію, хотя поварищеское приличіе, какимъ они обязаны были другъ другу, никогда не нарушалось ими, и никто изъ офицеровъ, не принадлежащихъ къ ихъ кругу, не могъ подозрѣвать, чѣмъ существовало между ними какое нибудь несогласіе.

Но необыкновенная перемѣна произошла между двумя юношами, пивавшими прежде другъ къ другу почти враждебныя чувства. Сей случай, какъ бы сковаль ихъ на вѣкъ неразрывными узами. Гольгеръ почти не отходилъ отъ постели Вольдемара, а сей все съ бѣльшимъ умиленіемъ взираль на возрастающія поличенія о немъ презнлаго его соперника.

Выше всего въ мѣрѣ уважалась въ корпусѣ честь, которой законъ повелѣваетъ сдерживать данное слово, не взирая ни на какія препятствія. Гольгеръ, считая себя способнымъ пожертвовать для нея даже своею жизнью, и можетъ быть, не признавая ни въ комъ другомъ сподъ возвышеннаго чувства, былъ пораженъ дерзкимъ поступкомъ Вольдемара и грудь его преисполнилась живѣйшаго удивленія. Въ отважномъ духѣ юноши, узналъ онъ свой собственный; шайное раскаяніе въ томъ, что онъ и одну минушу могъ цѣлать, на него

хотя легкое, но позорное подозрѣ-
уждало въ душѣ его какое-то пы-
лашательное самоотверженіе. И боль-
ыдился вшайнѣ своего прежняго
нїя онѣ юноши, который споль
мьмь чувствовашь. Такимъ обра-
ногіе часы, когда осматривали ихъ
проводили они въ молчанїи, почти
спномъ положенїи. Имъ невозможно
нать искренній, а шьмъ еще мене
ный разговоръ, пока не послѣдова-
у ними полнаго сознанїя, къ кошо-
мешупишь было очень шрудно для
мбо гордый, возвышенный духъ каж-
наль умиленїе слабостїю, и слы-
сшавишь говоришь свое сердце. Но
шому, какъ бышрая рѣка, проры-
онецъ плашины, все вдругъ за собой
ль, должно было спремленїе ко вза-
юбви преодолѣть ложный спыдъ,
раждавшїй, и сомкнушь съ неразру-
силою двѣ души, одними чувстввами
вшїя.

ь и случилось. Въ первый вечеръ,
орый позволено было Вольдемару
съ постшан, собрались у него по-
свидѣтели его подвига. Не забыли
и съ собою вина и поставишь
на случай неожиданной помѣхи се-

го маленькаго пиршества. Живость разговора увлекала каждаго и разумѣлся, чини ни одна малѣйшая подробность той доспомяташней ночи, не ускользнула отъ воспоминанія собесѣдниковъ. Одинъ Гольгеръ почти не принималъ въ томъ участія; онъ былъ молчаливѣе, нежели когда-либо; но невыразимая радость блискала изъ прекрасныхъ глазъ его.

Когда наступилъ часъ вечерней молитвы, надобно было распашься, чшобъ явишься въ общей залѣ, а пошомъ ишши спашь. Только Гольгеръ, пользуясь выпрошеннымъ позволеніемъ ходишь за больнымъ, оштался при немъ. Ему дозволено было обмѣняшься кроватями съ другимъ шоварищемъ и жишь въ одной камерѣ съ Вольдемаромъ. По болѣзни послѣдняго, еще двое жившіе съ нимъ пишомцы, были на время удалены. Такимъ образомъ два юноши, жаждавшіе взаимной довѣренности, сидѣли на свободѣ другъ прошивъ друга, и въ первый разъ по выздоровленіи одного изъ нихъ, могли непринужденно обьяснишься; но Гольгеръ все еще не могъ найши словъ: онъ смощрѣлъ безмолвно, почти мрачно передъ собою, Вольдемаръ замѣшилъ въ немъ необыкновенную шоску.

„Здоровъ ли ты?“ спросалъ онъ забашь-

ты говорилъ шакъ мало во весь вечеръ не пилъ вина.

Я не могъ“ — ошвѣчалъ Гольгеръ
 мая глазъ: „не могъ въ присут-
 ствѣ другихъ; хочу напередъ выпить одинъ
 бо.“ — Онъ вскочилъ и досталъ па-
 чокъ, нарочно имъ спряшанныхъ. —
 Пить ли ты пить со мною?“

„За вопросъ?“ сказала Вольдемаръ
 ты: „съ кѣмъ же охотнѣе?“

Ты не шутишь?“ продолжалъ Голь-
 геръ брызнули изъ глазъ его. „Я
 этого. Нѣтъ, нѣтъ! я чувствую,
 ты ненавидѣшь меня.“

„Я?“ вскричалъ Вольдемаръ и вско-
 чилъ такъ быстро, что жестокая боль
 прошла въ его, еще слабой ногѣ; онъ
 обхватилъ и зашатался. Гольгеръ
 бросился, чтобы поддержать его.
 Вольдемаръ обхватилъ его обѣими руками,
 стояли оба, заключенные въ крѣп-
 кихъ объятіяхъ.

„Поспишь ли ты со мною?“ сказалъ,
 Вольдемаръ, Гольгеръ: „я дурно разумѣю о

Я что же о тебѣ“ — воскликнулъ
 Гольгеръ замирающимъ голосомъ. „Но
 этого болѣе не будешь.“

„О нѣшь! клянусь Богомъ! никто
подтвердилъ Гольгеръ. „Но ты долженъ
перъ узнать всю вину мою; Богъ вѣд
ошь чего, только я близокъ былъ, В
марь, къ тому, чшобъ тебя ненави
Но лишь только выпрыгнулъ ты за о
моя душа прыгнула въ слѣдъ за тобою
съ нею вся злоба моя, моя ребяческая
вись — да, завись, упала, раздавлен
къ ногамъ твоимъ. Съ шѣхъ поръ чувел
въ себя сильное влеченіе поцакать на
нависшій прежде груди твоей. Не см
моей горделивой глупости: я точно,
бы видѣлъ, самого себя въ тебѣ просла
нымъ. Между шѣмъ просишь прощенія
не ворочался глупый языкъ мой; но ше
шперъ — ахъ, можешь ли ты проси
меня?“

— „Развѣ я не такъ же виноватъ
редъ тобою? — Изгладимъ же прошед
соединивъ сердца наши для неразры
дружества.“

„Да будетъ!“ воскликнулъ Голь
„пущь это вино ознаменуешь союзъ
Чѣмъ бы мнѣ еще убѣдишь тебя въ
раскаяніи? мнѣ хотѣлось бы оцдѣть
частицу самого себя, но не знаю, как
Поспой!“ — продолжалъ Гольгеръ, съ
движеніе радости; пошомъ схватилъ

маленькой морской коршикъ, засучилъ себѣ рукавъ и легонько укололъ руку. — „Вошь кровь моя! выпей нѣсколько капель съ своимъ виномъ, и тогда мы навѣки будемъ принадлежать другъ другу!“

Огонь его сообщился и Вольдемару, не столько пылкому. Улыбаясь и со слезами на глазахъ, можешь быть въ первый разъ съ швѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ ребячества — схватилъ онъ коршикъ и также прокололъ свою руку, выжалъ въ спаканъ его нѣсколько капель пурпуровой влаги. — „Знаешь ли,“ сказалъ онъ, подавая спаканъ Гольгеру: „что предки наши поже кровью своею пили союзъ братства, заключаемый на жизнь и смерть?“ Молча, рука въ руку, выпили они однимъ духомъ кровавое вино.

„Вошь шакъ!“ сказалъ Гольгеръ и разомъ, онъ и другъ его, шакъ сильно опустили на столъ спаканы, что оба разбились въ рукахъ ихъ. — „Развѣ мы хуже предковъ нашихъ? Будемъ не менѣе вѣрны, не менѣе пверды. Да не осмѣлился претий смущать насъ между собою! Въ ту роковую ночь прояснилась мнѣ истина. Теперь я навѣрное знаю, кто испортилъ рисунокъ мой.“

— „Можешь быть!“ отвѣчалъ Вольдемаръ опривисшо, съ мрачнымъ взоромъ.

„О, навѣрное! — Ты конечно самъ въ томъ увѣренъ. Да безъ сомнѣнiя, та же рука разрушила и твою рабoшу, хошя...“

— „Нѣшь, Гольгеръ!“ прервалъ его вдругъ Вольдемаръ. И на величайшаго негодя можно взводишь небылицу. Мой рисунокъ — я поклялся, съ эшѣхъ поръ не имѣшь никакихъ ошъ себя шайнъ! — мой рисунокъ разрушилъ я самъ.“

„Самъ! зачѣмъ?“ вскричалъ изумленный Гольгеръ.

— „Ты шель всегда передо мною, и если я старался спашь выше себя, шо все не хошѣлъ бышь обязаннымъ шакому обыкновенному случаю за превосходство свое, кошораго, можешь бышь, и не заслуживалъ; но съ шѣмъ вмѣшѣ не хошѣлъ я и хвасташься симъ, споль еспешивеннымъ чувствомъ; пошому-шо...“

„И шы рѣшился на шо?“ вскричалъ Гольгеръ, прижимая сильно къ сердцу своему его руку: „и еще прежде, нежели Начальникъ нашъ сдѣлалъ шому негодяю намекъ, кошораго не хошѣлъ онъ поняшь? Ну, шеперь я не могу видѣшь въ шевѣ самага себя; пошому, чшо шы гораздо меня лучше. Мы оба принадлежимъ къ почешивѣйшему сосшоянiю въ мiрѣ, но шобою оно должно гордишься. Однако и шущь прокрадса нѣ-

кто.... Послушай! мы заключили неразрывный союзъ вѣрности; сославимъ же еще вмѣстѣ ограду нашему флагу — чтобы, какъ снаружи не смѣлъ никто запятнать его, такъ и внутри оставался бы чистъ голубой цвѣтъ одежды сыновъ его. — Если нѣкто — зоркимъ взоромъ будучи слѣдовалъ за малѣйшимъ его поступкомъ.“

„И я не менѣе“ — отвѣчала Вольдемаръ. Да, да, мы одинаково мыслимъ — будемъ и дѣйствоватьъ единодушно. Какъ чистъ флагъ, такъ же чиста должна быть одежда сыновъ его. Снисходишь къ проступку, но ненавидишь безъ милосердія всякаго, кто порочитъ свое званіе — онъ недостоинъ дружбы.“

— „Конечно недостоинъ“ — сказала, размышляя, Гольгеръ: „но все было бы жестоко, если бы пришлось нашего товарища....“

„Жестоко!“ продолжалъ Вольдемаръ нѣсколько покойнѣе: „но могли ли бы мы быть менѣе строги къ самимъ себѣ? Послушай, Гольгеръ! ты другъ мой, инако я не имѣлъ и не буду имѣть; но если бы случилось невозможное, — если бы ты сдѣлалъ поступокъ, недостойный флага, я самъ потребовалъ бы швоей крови. И неужели ты, на оборотъ, не захопѣлъ бы того же?“

— „Я хочу болѣе!“ вскричалъ Гольдъ, „Надобно помнишь, что и мы люди! Въ старое время члены братаства клялись опмицать за смерть другъ друга, шакъ мы поклянемся опмицать самимъ себѣ за оппорченность. Не предполагаю возможности, но шребую опшь себя въ сію святыню минушу, шребую обѣщанія: если случишь несчастіе, сдѣлашь шакую пошпоть, кошорый ты, ты съ чистую швою душою, и я самъ, найдемъ дурнымъ, и шакъ спойнымъ носимаго нами мундира, — ты шакъ немедленно повергнешь меня мершвы, шакъ чинобъ изгладишь посрамленіе нашего звѣща. Обѣщай мнѣ. По невозможности поводъ шакъ шому, мнѣ будешь легко сдѣлашь себѣ шакое же обѣщаніе. Но все таки дадимъ другу слово.“

„Почему не шакъ?“ отвѣчалъ Волмаръ. „Въ самомъ дѣлѣ, если бь со шакимъ случилось что нибудь подобное, я счелъ бы еще благодареніемъ, когда рука друга шакъ вишь меня опшь заслуженнаго посрамленія предъ цѣлымъ свѣтомъ. Въ эшомъ случаѣ будешь смершельная рана посаждена услугою дружбы. Я не понимаю однако, чимъ образомъ радостныя чувштва наши взяли шакое странное направленіе.“

„Опъ пого“ — возразилъ Гольгеръ, смѣячись: „что шупъ вмѣшался бездѣльникъ, и“ — прибавилъ онъ съ пасмурнымъ видомъ — „бездѣльникъ, кошорый носишь нашъ мундиръ; и шакъ....“ Друзья ударили по рукамъ, и шѣмъ запечатали взаимный обѣщъ.

Черезъ полгода они, безъ дальнѣйшаго испытанія, поступили въ ряды офицеровъ.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

II.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ УЧИЛИЩЪ.

(*Окончаніе.*)

Исторія Баварскихъ Училищъ съ 1804 — 1825.

Оставивъ безъ вниманія предлагаемую Г. Т. (на с. 391—417). Исторію ученыхъ школъ въ Баваріи съ 1804 по 1825 годъ, значило бы не показавъ, на какихъ наблю-

деніяхъ Авшоръ преимущественно основно многія изъ представленныхъ имъ закладній. Зная, сколь вообще примѣры нужны объясненія правилъ и доказательствъ оправданія положеній, я не только считалъ нужнымъ представить извлеченіе изъ главы, но даже изложу содержаніе ой болѣею частію въ точномъ переводѣ.

Монастыри Баварскіе, принявъ для обпеченія дальнѣйшаго своего существованія начальство надъ Училищами, довели ой до того, что Правительство, въ 1804 году, принуждено было совершенно переобразовать учебныя заведенія. Тогда въ Минхенѣ изданъ планъ ученія для всѣхъ Курпфальцскихъ Баварскихъ среднихъ Училищъ (Lehrplan für alle kurpfalz-bayrischen Mittelschulen). Изсмену въ школахъ жизнь, ученіе, представлявшее только путь нѣкогда процвѣтавшихъ знаній, Правительствомъ надѣлано освѣжить преподаваніемъ въ Училищахъ наукъ, полезныхъ и для житейскаго быту.

Перерожденіе истинно классическаго ученія (humaniora) въ школьный бездушный педантизмъ, побудило нѣкоторыхъ друзей человечества искать иного пути къ лучшему образованію юношества. Надобно, говорили они, бросить безплодныя упражненія

аняшься природою и вещьми полез-
 облегчишь ученіе разнообразіемъ и
 физическія силы шѣловженіями
 жненіемъ. *Базедовъ*, находившійся
 иланшропическомъ заведеніи) въ *Дес-*
Камле въ Брауншвейгъ и *Зальцманъ*
 епфеншалъ, были основателями сего
 воспитанія, которъй попомъ дове-
 высшей еще сшепели *Песталоцци-*
 395).

кимъ образомъ пошрясена прежняя,
 ванная временемъ система; но съ
 мвспѣ поколебались и прочнѣйшія
 всякаго дѣльнаго и высшаго обра-
 Дальновидные мужи ужаснулись опа-
 , предстоящей основательному про-
 ю, и — началась борьба между дву-
 ишпельными партіями, борьба, кошо-
 ричины лучше прочихъ изложилъ
 ммеръ (J. Fr. Niethammer) въ книгѣ:
 it des Philantropismus und Humanismus
 Theorie des Erziehungsunterrichts unserer
 аа, 1808. Доводы его убѣдили Бавар-
 равительство уже въ 1808 году, вновь
 зовашъ Училища. Къ изданному по-
 шановленію (Allgemeines Normativ der
 ung der öffentlichen Unterrichtsanstalten
 igreiche Bayern), присовокуплены бы-

ди еще (липографированныя) въ 1810 и 1813 г. дополненія о способъ и основаніяхъ опредѣленнаго онымъ ученія (Ausführlicher Erlass an die sämmtlichen General- und Kreis-Kommissariate des Königreichs über die Methode und Grundsätze des in dem Normativ vorgezeichneten Unterrichts; с. 398),

Успроены были *приготовительныя Училища*, *низшія Гимназіи*, съ принадлежащими къ нимъ мѣщанскими Училищами, собственно такъ называемыя *Гимназіи и Лицеи*,

Въ первыхъ (Primärschulen), раздѣленныхъ на 4 класса и назначенныхъ для обученія дѣтей, съ 8 по 12 годъ, 12 часовъ въ недѣлю, были назначены для *Лашинскаго языка* и 16 для прочихъ предметовъ (sächlicher Unterricht).

Тоже самое распоряженіе введено и въ *низшихъ Гимназіяхъ* (Progymnasien), съ тѣмъ однако, что приспособлено и обученіе *Греческому языку*. Успроенныя при сѣхъ *Гимназіяхъ мѣщанскія Училища*, были назначены для обученія предметамъ высшей гражданской промышленности, и для приготовленія къ *подшефическому образованію* такихъ юношей, когорые, посредствомъ дочныхъ или *положительныхъ Наукъ* (scien-

ses exactes) намѣревались образовашься въ высшемъ Училищѣ, и даже въ Университетѣ. Какъ Прогимназиі, такъ и мѣщанскія Училища сіи, состояли изъ двухъ классовъ.

Курсъ гимназическаго ученія былъ раздѣленъ на 4 класса, такъ точно, какъ и курсъ ученія въ мѣщанскихъ или политехническихъ Институтахъ (Realinstitute). Гимназическое ученіе было основано на классикахъ; политехническое же на точныхъ или положительныхъ Наукахъ.

Такимъ образомъ ученіе мальчиковъ съ 12 года, принимало различное направленіе: одни посвящались классическому, другіе реальному или политехническому ученію. Лицен, тамъ, гдѣ находились, были составлены изъ двухъ философскихъ классовъ, занимаемая мѣсто между Гимназіями и Университетами.

Дабы однако, ученіе въ Гимназіяхъ неограничивалось однимъ только чтеніемъ и толкованіемъ классиковъ, (на что назначено было по 12 часовъ въ недѣлю), определено преподавать еще въ оныхъ: Законъ Божій, ученіе должностямъ (человѣка и гражданина), Мифологію и Археологію, Космографію и Физіографію, Землеописаніе, Исторію (въ нѣсколькихъ классахъ), также логическія

упражнения (logikalische Uebungen), въ Философію, введеніе въ познаніе вѣдъ, связи Наукъ, и Французскій языкъ (въ классахъ). Такое умноженіе числовъ, конечно могло служить по уменьшенію основательности ученія. Но сложная сія машина не безъ труда была введена въ движеніе, за малую плату образованными Учищеями (с. 39).

Тотчасъ въ первые годы, появились сего новаго устройства, оканчивающаго политехническія (мѣщанскія) Училища безъ Лашинскаго языка, не могли обрести въ свою пользу общественнаго мнѣнія. Нѣкошорыхъ мѣстахъ они вовсе не существовали; въ другихъ же, скоро оныя или были присоединены къ народнымъ училищамъ, въ видѣ высшаго мѣщанскаго училища. Изъ основанныхъ на первый разъ двухъ политехническихъ институтовъ (institute) Авгсбургскій, по недостатку учащихся, упраздненъ уже въ 1808 году. Другой, въ Ниренбергѣ, угрожая погнѣбной спарой, основанной Меланхтономъ, существованію, не могъ пріобрѣсти довѣрія гражданъ, доколь городъ не принялъ онаго на свое общественное попеченіе. Но и шунтъ онъ существовалъ только до 1816 года (с. 40).

Такъ-то погибли политехническія Училища, большею частію отъ того, что изъ оныхъ вовсе исключено было классическое ученіе, а низшія и высшія Гимназіи не могли достигнуть цѣли пошому, что въ оныхъ число предметовъ ученія было слишкомъ велико. Не менѣе вредно было и то, что родители, желая непременно, чтобы дѣти научились сперва отечественному языку, отсылали ихъ въ Лашинскую школу не ранѣе 10, 11 и даже 12 года, что не позволяло достаточно и основательно приготовить учащихся. Къ тому еще присовокупилось невѣжество преподавателей Философскаго класса, которые, не достигая цѣли своего опредѣленія, сами преподавали *полный курсъ* Философіи, — не сообразствующій ни дѣламъ, ни понятіямъ Гимназистовъ.

Но всему этому можно бы было еще пособить: — надлежало бы только усилить классическое основаніе всего ученія, исключивъ излишніе предметы преподаванія и улучшить качества и состояніе Учительей. Для сего въ 1816 году предпринято новое преобразование учебныхъ заведеній. — И что же сдѣлано? — Низшія приготовительныя Училища, пребывавшія укрѣпленія, ослаблены; ибо изъ четырехъ классовъ сдѣлано два.

Къ тому же всѣ они были вовсе ошдѣлены ошъ прочихъ учебныхъ заведеній, лишены права на полученіе суммъ изъ училищнаго капишала, и предославлены на попечительнаго вѣдомства, бѣльшею частію ошъ нѣзкихъ приходовъ и недоснашочныхъ мѣданъ. Еще хуже, почти, поступлено самыи Гимназіями. Вмѣсто того, что дашь другое направленіе Философскому нію, оно исключено было вовсе, а вмѣстѣ съ Училищемъ Философіи, удалены были Профессоръ Машемашики. Трудно повѣрять сему въ 1826 году!

Философія и Машемашика перенесены были въ Лицей. Такимъ образомъ, Гимназія была совершенно ошдѣлена ошъ Университета (с. 404), не взирая на то, что еще предполагалось, чтобы учащіяся Гимназій поступали въ Университетъ. Превращенная мѣра сія была вредна скорѣе.

(*) Такой переходъ ошъ классическаго ученія къ систематическому упражненію въ Наукахъ, безъ какого къ тому пригосовленія, Г. Брауншвейгъ, безъ основанія уподобляетъ паденію Ифесша (Библія), кошорый, будучи изверженъ ошъ соннаго, принужденъ проводить земное многотрудное бытіе свое въ мрачной кунницѣ.

для Гимназій, сколько же, и даже болѣе еще, для Университетовъ. Изъ первыхъ выходили молодые люди, недовершившіе надлежащимъ образомъ гимназическаго курса, неприведшіе въ умъ своемъ въ порядокъ всего того, чему они обучались въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ; а въ Университетахъ поступали такіе, которые не были еще доспашочно къ тому пригошовлены, т. е. не имѣя предварительныхъ понятій объ основаніяхъ, постепенномъ развитіи и связи человѣческихъ познаній. Класный учитель, и то одинъ только, долженъ былъ преподавать по 18 часовъ въ недѣлю, сверхъ языковъ Латинскаго и Греческаго, также опечественный языкъ нѣсколько (etwas) Математики, Исторіи и Географіи, и по изгнаніи Философій, съ вѣдущею основательностію Законъ Божій. Классы были наименованы по порядку: классами *Вѣры, добродѣтели, надежды и любви*. Въ высшемъ классѣ, (удаливъ даже основаніе Философій), требовалось изложеніе единства Христіанскаго ученія и умозерцанія. Каждое слово въ семъ отношеніи, было бы излишнимъ примѣчаніемъ! И вошь на чемъ кошѣли основаны прочіи школы ученыхъ (der gelehrten Schulen)! — Чувствовали, что нужно уменьшитъ число Учительей въ каждомъ осо-

бенномъ классѣ, и для сего, — даже Машемашки и самый Законъ Божій, заставлялъ преподавать единственнаго лишь класса Учишеля. Поперянь былъ средній пущь съ нимъ и возможность достигнуть учебныхъ заведеній! Пуще всего опшкихъ мѣрь поспрадала Машемашки. пагубныя послѣдствія сей крайности сружались шакъ окоро, что уже по прспвнн немногихъ лѣтъ, спали (не опшкаясь впрочемъ явно опш приняшой системы), подъ разными предлогами, вводилъ въ нѣкопорыхъ заведеніяхъ, особыхъ Учишелъ Машемашки, а пошомъ и Закона Божіа. Самые успѣхи учащихся въ Географіи и Исторіи были поддерживаемы только удіемъ просвѣщеннѣйшихъ наспавниковъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по введеніи сей, весьма неуспѣшительной для просвѣщеннѣйшихъ мужей системы ученія, высочайшее начальство, водворившее оную, было переименовано. Не взирая однако на явное неудачное устройство Училищъ опш системы, взирая на неуспѣшность оной, торжественно признанную и новымъ высочайшимъ начальствомъ прежній порядокъ и безпорядокъ, оставлены въ своей силѣ, и существовали до 1824 года. Такимъ образомъ, не менѣе семи лѣтъ

спарались пособлять всѣмъ неудобствамъ только частными средствами (с. 407).

Въ упомянутомъ 1824 году, желаніе пособить явному неуспроисву, наконецъ приблизилось къ своему исполненію. Но не прошло года, послѣ начертанія новаго плана Училищъ (Schulplan), какъ уже, по причинѣ многихъ препятствій, опять должно было принять новыя дѣятельнѣйшія мѣры.

Вмѣсто того, чѣобы обратились къ постановленіямъ 1816 года, и исправили показанные выше недоспашки оныхъ, вмѣсто введенія Лашинскаго языка въ низшихъ классахъ, приготовительныя Училища оставлены при двухъ только классахъ; и самый надзоръ за оными порученъ мѣсшному начальству, которое уже должно было пещися о содержаніи оныхъ. Пагубныя послѣдствія сего споль очевидны, чѣо не пребуютъ никакого изложенія.

Низшія Гимназіи (Прогимназіи), копорыя удобно могли бы соспавлять особыя Училища, назначенныя для окончательнаго приготовленія къ гимназическому курсу (с. 409), были присоединены къ высшимъ Гимназіямъ. Наконецъ, къ симъ же высшимъ Гимназіямъ, присовокупленъ еще Лицейскій классъ, въ коемъ, сверхъ изъясненія Греческихъ и Лашинскихъ Писателей, надлежало

преподавашъ Исторію, Математику, и изъ Философскихъ Наукъ наипаче Логіку. Теперь впали еще и въ другую крайность. Казалось, что всѣ несовершенства происходящія отъ недоспашочнаго ученія Философіи, копорую каждый Университетскій студентъ, обязанъ былъ слушати въ продолженіе одного года, а Лицейскимъ въ теченіе двухъ лѣтъ, до поступленія въ какой либо опредѣленный Факультетъ. Почему же, спросили, *одна* только годъ въ Университетѣ? Развѣ возможно съ основательностію довершити въ теченіе года весь Философскій курсъ? И шакъ, для водворенія основательности, (и дабы не прибавляти къ Университетскимъ 4^{мъ} годамъ, ученія нашего) присовокупленъ былъ Философскій классъ къ Гимназіямъ. — Слѣдственно, начало основательности полагалось только въ высшихъ классахъ. Не значить ли это, прикрывашъ пестрою маншіею красивыхъ словъ шоще тѣло ученія? И одна Логіка доспашочна ли для совершеннаго мышленія? — Конечно споль же мало, какъ и одно лишь познаніе правилъ Поэзіи или Риторики, для произведенія кого либо въ Поэзіи или въ Риторикѣ.

Не рѣшено было и то, принадлежатъ ли Лицейскій классъ къ самой Гимназіи,

Или не составляла ли оный родъ особаго
 высшаго Училища. Ученикамъ, довершившимъ
 курсъ гимназическій по прежнему, безъ пред-
 варительнаго посѣщенія Лицея, позволя-
 лось поступать въ Университетъ. Весьма
 естественнo, что Лицей отъ сего опу-
 стѣли. Запушанность увеличилась еще бо-
 лѣе, когда надлежало уменьшить число гим-
 назическихъ классовъ. Какъ бы нарочно но-
 вому плану былъ пожертвованъ низшій
 классъ Гимназіи. Тогда-то ученики, довер-
 шившіе ученіе въ приготовительныхъ клас-
 сахъ, не были еще приготовлены къ по-
 ступленію въ Гимназію. Учредили между
 приготовительнымъ Училищемъ и Гимна-
 зіею, новый классъ (*provisorische Classe*), въ
 коемъ до чрезмѣрности накоплялось число
 учащихся; между тѣмъ, какъ въ пакъ на-
 зываемомъ Лицейскомъ классѣ, былъ недо-
 статокъ въ слушателяхъ. Кончилось тѣмъ,
 что Директорамъ предоспавлено было пра-
 во, успривать Училища по собственному
 своему усмотрѣнію, на основаніи какого
 либо прежняго постановленія (с. 413).

Учрежденіе Лицейскаго класса при Гим-
 назіяхъ, было вредно еще и потому, что
 въ ономъ преподавались не всѣ предметы,
 коимъ обучались въ самыхъ Лицеяхъ. По се-
 му-то тѣ, копорые намѣревались пребыть

второй годъ Философскаго курса не въ Университетъ, но въ Лицеѣ, не были доспашочно пригошовлены для высшаго класса сего заведенія.

Не взирая однако, на всѣ неудобства сего новаго плана ученія, нельзя опказать ему въ справедливомъ уваженіи къ нѣкошорымъ благимъ мѣрамъ, въ ономъ изложеннымъ. Таковы напр. ограниченіе числа учащихся въ каждомъ особомъ классѣ и улучшение учительскаго жалованья; умноженіе классическаго ученія, опредѣленіе особыхъ преподавательей Математики и Закона Божія, и наконецъ введеніе Философскаго пригошовленія для поступленія въ Университетъ. Вопшь положеніе, въ коемъ новое начальство нынѣ принимаетъ подъ свое покровительство учебныя заведенія. Двадцатилѣшняя опышность и многократныя неудачи наилучшимъ образомъ могушь руководствовать его попечительностью, при опредѣленіи новыхъ дѣшительныхъ мѣръ. Къ счастью Баваріи, несомнѣнно однако, что Учителища, не взирая на всѣ неудобства, препяшествовавшія успѣхамъ оныхъ, нынѣ находяшся въ лучшемъ положеніи, нежели предъ симъ за двадцашъ лѣшъ.

О вѣроисповѣданіи учащихъся.

Изложивъ мысли свои о предметахъ ученія, Г. Тиршъ обращается къ общешельсхвамъ, оныхъ почтнѣйшаго опредѣленія также зависѣшь можешь благоденствіе учебныхъ заведеній.

Говоря о терпимости, исходящей ошъ Преспола Монаршаго, объ основанномъ на оной общеспвенномъ мнѣніи, упрочивающемъ благоденствіе всѣхъ подданныхъ, и наконецъ о слабыхъ по уму и по числу своему противникахъ сего чувсхва благородной терпимости, Г. Тиршъ (на с. 428) обращается къ малочисленной сей полцѣ слѣдующими словами: „So strebst du umsonst in die Stunden der Dusterheit umzukehren, wenn die Nacht vergangen ist, in den Frost des Winters, wenn die Tage des Frühlings sich über die Fluren ausbreiten. Die Sonne hat sich höher über den Horizont emporgeschwungen: ihr erwärmender Strahl hat über Hain und Flur seine Kraft ausgebreitet. Was du auch beginnst, dass es anders werde: die Knospen und Blumen des jungen Jahres werden hervorbrechen, und welches auch deine Wünsche seyn mögen, du selbst wirst in seinem Umschwunge fortgetragen und von seiner belebenden Kraft berührt werden; wenn auch dein Fuss schon am Rande des Grabes steht, und deine Augen

sich unverrückt auf das Bild einer Zeit richten, welche dir in dasselbe vorangegangen ist.“

Въ особенності Авторъ похваляеть мѣры Баварскаго Правленія Училищъ за то, что оное не дѣлало никакого различія, относительно вѣроисповѣданія учащихся, въ то время, когда надлежало безъ оплагашельства прислушашь къ улучшенію Училищъ, и что тогда только начало обращашь и на сей предметъ вниманіе, когда уже доспачочно было образовано училищелей изъ Баварской націи. Тогда то спали въ Каполическихъ городахъ Королевства опредѣлять болѣшею частію Каполиковъ, а въ Протестантскихъ Протестантовъ, что самое, если бы было наблюдаемо не во время, конечно принесло бы токмо вредъ, а не пользу. Въ Авгсбургъ, единственномъ городѣ, гдѣ еще существуетъ распря между Каполицизмомъ и Протестантствомъ, Г. Тиршъ совѣтуешъ опредѣлять Училищелей обомъ вѣроисповѣданій, для успѣшнѣйшаго вселенія въ жилищелей единодушія; почему и нынѣшнее существованіе при памощней Гимназіи Протестантскаго Ректора (Вагнера) и Конректора изъ Каполиковъ (Гасшрейпера), онъ признаешъ весьма умнѣшнымъ (с. 431).

надзоръ за поведеніемъ учащихся.

ава о дисциплинѣ или надзоръ за
іемъ воспитанниковъ ученыхъ школъ
der gelehrten Schulen), менѣ прочихъ
авляешь рѣшительныхъ совѣщовъ Ав-
По сему она, кажешся, и менѣ удовле-
пельна. Какъ однако, главнымъ предме-
разысканій Г. Тирша, было распреде-
ученія, то ослаеешь поблагодарить
за шѣ извѣстія, которыми оны въ сей
намъ предлагаешь.

предѣлишь приличныя во всякомъ слу-
ры, къ поддержанію благоустройства
ихъ заведеній, говоришь Сочинитель,
и не шруднѣе еще, чѣмъ назначить съ
вѣрностію благонадежнѣйшій ходъ уче-

е рѣшаясь самъ собою опредѣлить въ
спши, какую надлежало бы наблюдать
лину въ Нѣмецкихъ Училищахъ, Г.
(на с. 460 и д.) думаешь, что въ
шншеніи, не худо было бы пригласить
ищеннѣйшихъ Директоровъ разныхъ
щъ, къ изложенію мыслей ихъ, осно-
къ на долговременной опытности. Они,
ишимъ образомъ, могли бы опредѣлить
ненія учащихся къ учащимъ, и сихъ
иныхъ къ Директору и родителѣмъ.

*

Вообще же Авшоръ нашъ полагаетъ, что юношамъ должно бы воспрещены гостеніе публичныхъ мѣстъ, шанцовъ, пиршествъ, концершовъ и театра. — За отсутствіемъ родителей, назначить кварширы, въ коихъ имъ проживать можно, или же соединить ихъ въ особыхъ домахъ, подъ надзоромъ опредѣленныхъ на сей конецъ Инспекторовъ. Далѣе, предписать распорядокъ ежедневныхъ занятій, наблюдать за опрятностію одежды и чищеною книгъ; за почтенымъ посвещеніемъ лекцій, за поведеніемъ, въ отношеніи къ учителямъ и товарищамъ; — въ случаѣ же непослушанія, подвергать учениковъ такимъ наказаніямъ, копорыя въ состояніи вразумить ихъ, и въ то же время предохранить отъ домашняго баловства. Неумѣстное чедовѣколюбіе въ школахъ, есть ужаснѣшее безчеловѣчіе; ему - то бѣлая часть развращенныхъ юношей обязана своею погубею (с. 461) (*).

Для совершеннаго образованія молодыхъ людей, столь же необходимъ строгій над-

---

(*) Предписываемая въроу снисходительность къ слабостямъ ближнихъ, была бы весьма неумѣстна, въ отношеніи къ школьнымъ пресуупленіямъ. Это весьма хорошо знали уже древніе мудрецы и Священныи мужи, сохранившіе для насъ какъ въ Ветхомъ, такъ

зоръ за поведеніемъ, какъ и основательность въ ученіи (с. 432). Но самая строгость бываетъ двойкая; и Авшоръ по сему случаю, рассказываетъ видное имъ въ Училищахъ Италіянскихъ и Англійскихъ, въ конхъ строгость дисциплины основана на началахъ совершенно противоположныхъ.

Въ Италіи *Instituteure* и *Governatore*, *Prefetto* и *Sottoprefetto*, *Confessore* и *Archiprete* все стараются проникнуть внутренность учащагося и завладѣть оною; въ Англии наблюдаютъ только за точнымъ исполненіемъ училищныхъ правилъ, не касаясь личности и расположеній учащихся. Посемуто, Италіянскія школы образуютъ болѣею частію людей малодушныхъ, скрытныхъ и лукавыхъ, словомъ, покорныхъ льстецовъ, скрывающихся подъ личиною смиренныхъ агнцевъ; Англійскія же, мужей бодрыхъ, самостоятельныхъ и числосердечныхъ (с. 438 и д. 458 и д.)

Въ Римѣ мальчики, съ юныхъ лѣтъ направляются въ Семинаріи и Пансіоны. Въ

и въ Новомъ Заветѣ благія поученія, къ сему предмету относящіяся. Удостоверись въ семъ, могутъ слѣдующія мѣста Св. Писанія: Прищей Соломон. XIII; 23; XIX, 18; XXII, 16; XXIII, 13 и 14; XXIX, 15 и 17; — Иисуса сына Сирахова XXX, 1 и д; и Посланія къ Ефессемъ VI, 4.

особенной одеждѣ, сходствующей съ
 нымъ облаченіемъ, они, въ опредѣленны
 сь дня, подъ предводительствомъ дух
 воспитателя ихъ, по - парно прохажива
 ютъ въ молчаніи, или же громко читаю
 тъ книгу. Пламенность Римская въ нихъ
 рена строгостию, и блѣдность лицъ
 свидетельствуетъ о разслабленіи силъ ихъ
 при заведеніи, всякое свободное движеніе
 прещается, и каждое занятіе под
 строгому надзору. Наказанія состоятъ
 въ уменьшеніи или лишеніи пищи, въ у
 нѣннѣ работъ и въ содержаніи въ за
 рѣдкѣ въ тѣлесномъ наказаніи.

Въ Англіи соблюдается большая
 строгость въ школѣ и въ порядкѣ ежедневн
 ностей; въ свободныя же часы, ученикамъ
 дается полная воля для игръ и безвредныхъ
 занятій. Иностранцу даже нельзя совѣ
 шаться въ школу, если онъ безъ проводника явится на
 назначенное для ученическаго гулянья
 мѣсто, всѣ же не другъ, но повелитель уча
 щихся, онъ не забываетъ о наклонностяхъ его, и
 старается о точномъ соблюденіи постановлен
 ныхъ правилъ. Верховный наставникъ (Heath
 е) есть полный господинъ въ Истонѣ (г
 училищѣ въ Лондонѣ). Онъ одинъ, въ ч
 облаченіи своемъ, въ состояніи соде
 лать въ боязни до 600 юныхъ Англичанъ.

Герцоговъ, Графовъ, Маркизовъ и просныхъ дворянъ (Gentlemen), всѣ равномерно подвласны его розгамъ (Birkengeis), коими онъ одинъ въ правѣ изъ своихъ рукъ наказывашь ослушныхъ. Когда Госпожа Жанлисъ спросила славнаго Борка въ Лондонѣ объ основаніи (principe) ихъ воспитанія! Боркъ ошправился съ нею въ *Hydepark*, и шущь, показывая на березникъ, сказала: вошь орудіе нашего воспитанія! Всякіе другіе побои, и даже брань, произведи бы вредное вліяніе на юнаго Англичанина; къ розгъ же онъ привыкъ съ дѣтства. Общественное мнѣніе защищаешь сію систему воспитанія, на основаніи коей, верховный Учитель шолько всшупаешь въ права и обязанности родителей (с. 442). Но шущь, въ Ишонѣ, онъ одинъ шолько имѣешь исполнительную власшь (executif power); онъ лично долженъ наказывашь провинившихся, между шѣмъ, какъ у насъ Учитель спыдился бы сей обязанности (*).

Въ Англіи намѣревались было ввести дисциплину швердой земли въ одномъ военномъ Училищѣ. Послѣдствіемъ сего было то, что для усмиренія воспитанниковъ, надлежало

(*) Ушавомъ учебныхъ заведеній, подвдомыхъ И. Дерптскому Университету (§ 66), Учителямъ именно возбраняешь ударишь ученика.

послалъ военную команду; тогда они объявили себя осажденными, и для избѣжанія кровопролитія, осталось одно средство: дозволить имъ свободное возвращеніе въ свои дома. Призвръ сей побудилъ начальство ввести въ семь Училищъ прежній спаро-Англійскій порядокъ.

Верховный Учитель въ Эпонъ имѣетъ Ассистентовъ, кои между собою раздѣляютъ надзоръ за всеми вообще учащимися. Самое обученіе, производящъ частные Учители или попечители (*privy tutors*), подъ надзоромъ Училища. Учители сіи, которые иногда уже съ дѣтства находились при своихъ воспитанникахъ, обучаютъ юношей на квартирахъ, и состоятъ въ вѣдѣніи ассистентовъ и верховнаго Учителя. Публичныхъ лекцій бываетъ немного; иногда въ день не болѣе двухъ или трехъ часовъ; онѣ служатъ преимущественно для повѣрки успѣховъ (с. 447).

Въ самомъ Училищѣ помѣщаются около 100 питомцевъ, коихъ ежедневная пища состоитъ въ баранинѣ, за обѣдомъ жареной, а вечеромъ вареной (*). Прочіе живутъ по

(*) Однако съ недавняго времени, по особому заведенію какого-то благотворителя, стали приправлять мясо сіе картофелемъ (с. 449).

у спешенныхъ вдовъ, имѣющихъ опы-
наго Учишеля дозволеніе, содержашь
ошь 6 до 10 и болѣе воспитанниковъ.
орядокъ домашней жизни опредѣленъ
тноспію, и хозяйка обязана строго
ашь за своими воспитанниками. Умол-
о несоблюденіи ими какихъ либо пред-
ыхъ правилъ, лишило бы ее навсегда
содержашь у себя учениковъ (с. 451);
но же одной жалобы шаковой началь-
ь одобренной хозяйки, для несо-
аго и непрекословнаго наказанія по-
щевъ ея, кошорые зимою въ 7, а лѣ-
въ 8 часовъ вечера, непременно дол-
ышь дома (с. 460 и д.). Малѣйшее оп-
еніе ошь сего правила, равно какъ и
сякаго другаго училищнаго посшано-
о, подвергло бы учащагося наказанію:
сѣкли бы, не взирая ни на лѣша его,
состояніе его родителей. Г. Тиршь
ываешь, что онъ однажды съ сопущ-
ь своимъ былъ въ госняхъ у шой да-
у коей между прочими воспитанника-
ходился и сынъ Бругама (Brougham). Съ
инимъ удовольствіемъ, они замѣтили
иноспъ комнашь, разсмашривали со-
лучшихъ классическихъ сочиненій и
къ книгъ, нужныхъ для выразумѣнія
; любовались шочноспію письменныхъ

упражнений, и радовались основательности въ классическихъ познаніяхъ. Съ ними былъ молодой человекъ (Crawford), жившій онду да шагахъ въ двадцати, у другой хозяйки. Въ 8 часовъ, говоришь Г. Тиршъ, онъ спѣшилъ домой, никакъ не внимая нашему приглашенію, чшобы онъ ошъ насъ не ошлучался. Для сего нужно было дозволеніе главнаго Учишеля, которій на письменной просьбѣ нашей подписалъ: „дозволяешся на два часа, во уваженіе ошличныхъ особъ, о шомъ „просящихъ.“ Тиршъ возвратился къ намъ сей весьма образованный воспитанникъ, котораго послѣ 10 часовъ вечера, уже ничшо не могло бы болѣе удержашъ въ нашемъ кругу (с. 454). — Воспитанникамъ Ишонскимъ въ Лондонѣ, дозволяешся жить шолько по сю сторону Темзы, коей мостъ ешъ предѣлъ всѣхъ ихъ прогулокъ. Никакія празднества прошивоположнаго берега не могутъ извинишь перехода чрезъ оный. Гулянья бывають шолько на опредѣленномъ для шого мѣстѣ, и ученикамъ на улицѣ недозволешся самимъ собою вшупашъ въ разговоръ съ чужими для нихъ лицами.

Власть высшаго Учишеля такъ безусловна, чшо ей никакая другая власть прошивишся не можешъ. Доказательствомъ сему служишь примѣръ Фокса. Сей, будучи

еще юношею и любимцем отца своего, Лорда Голланда, былъ взявъ въ Парижъ, когда Лордъ, въ званіи Великобританскаго Полномочнаго Министра, вѣдиль шуда для мирныхъ переговоровъ. Фоксъ былъ введенъ въ блистательнѣйшіе круги и осыпанъ ласками. Почетное званіе родителя и собственныя его дарованія обращали на него всеобщее вниманіе. Но протекли дни роскоши и непрерывныхъ празднествъ, и ему надлежало возвратиться въ Ишонъ. Тушь онъ вздумалъ явиться въ щегольскомъ одѣяннiи молодого кавалера, въ привезенныхъ съ собою изъ Парижа кожаныхъ панталонахъ и въ сапогахъ (*). Товарищи смали около него шодпиться и удивлялись его костюму. Но Докшоръ Деви (Davis), тогдашній главный Учитель, замѣшивъ сіе, шотчасъ приговорилъ его къ наказанію за ошсшупление ошъ школьныхъ правилъ. Фоксъ смалъ проливившись. „Такъ я исключу васъ!“ былъ ошвѣщъ Учителемъ. Фоксъ писменно убѣдительно просилъ отца своего, истиннаго

(*) Обыкновенная одежда воспитанниковъ въ Ишонѣ, состояла въ синемъ фракѣ и желтыхъ нанковыхъ исподницахъ; обувь же въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ. Токмо въ добротѣ и шонкости нашей допускается различіе (с. 448).

друга самаго Короля и сильнѣйшаго тогда Министра, чтобы онъ опвращилъ ошъ него наказаніе. Лордъ Голландъ пышался было освободить ошъ розги взрослога уже сына своего, но послѣ нѣкоторой переписки, онъ опвѣчалъ ему, что не можеть спасти его. Тогда наказаніе съ бдльшею еще строгостію приведено въ исполненіе, и оно шакъ подѣйснвовало на молодаго Фокса, что онъ во всю жизнь свою благословлялъ е. и. ш. Докшора Деви, пробудившаго его ошъ пагубнаго очарованія и возвращившаго его самому себѣ (с. 456).

Изгнаніе учащихся изъ школы зависить непосредственно ошъ главнаго Учишеля. Оно для исключеннаго служить шакимъ пятномъ, которое во всю жизнь его нешгладимо; ни званіе, ни богатство, ниже какія бы-шо ни были ошлачія, не въ состояніи когда либо испребить онаго (с. 455). Но за шо и главный Учишель непременно долженъ быть справедливъ. Малѣйшее не правосудіе или присшрасшіе, съ его шпорны, было бы поводомъ къ его собшвенной гибели. Тогда самые воспитанники довели бы его до ошчаянія (с. 457).

Но не одною строгостію поддерживающія благосостояніе Англійскихъ школъ и успѣхи учащихся. Подобно наказанію, и на-

грады превосходнѣйшихъ учениковъ въ Англіи, у насъ необыкновенны. Такъ напр. въ Училищѣ сохраняющся поршрешы лучшихъ воспитанниковъ, ось конхъ въ послѣдствіи времени, можно было ожидать великихъ подвиговъ. Г. Тиршъ видѣлъ шамъ поршрешы Пипша, Каннинга, Фокса, Веллеслея и другихъ знаменимыхъ мужей, писанные въ юности ихъ. Если же ученикъ на лекціяхъ, слушающихъ испышаніемъ, явилъ превосходные успѣхи; но главный Учитель одобряеть его, между шѣмъ какъ онъ же, послѣ лекцій, наказываетъ розгою лѣнивцевъ. Буде же кто-либо предшавишь необыкновенно удачное занятіе, напр. очень хорошіе Лашинскіе стихи, но случается, что въ награду за сіе, цѣлое Училище пользуется полуденнымъ гуляньемъ, что иногда уже на всю жизнь впечатлѣвало въ соученикахъ уваженіе къ виновнику шакого празднества (с. 446).

Наши Нѣмецкіе Педагоги, говоритъ Г. Тиршъ, стали нѣкошорымъ образомъ подражать Испаліянцамъ, желая, по безпредѣльному своему челоувколюбію, выикашь въ глубину сердець воспитанниковъ, дабы шѣмъ лучше успѣшь въ передачѣ онымъ благосши души своей (с. 459)! — Въ нашихъ Гимназіяхъ, опносительно дисциплины, много не-

опредѣленнаго, и вообще недоспашокъ въ швердыхъ правилахъ; случается и то, что новомодные воспитатели не препяшшву юшь юношамъ доходить до самой бездн погнбелн, дабы опъ оной уже опвлечъ ихъ насильшвеннымъ образомъ; спарнкн дла ющая младенцами, дабы успвшнше руковод швовашъ двшей, и, что всего важнше, лубой Соввшникъ, или неблагоразумная супру га его, вооружается пропнвъ Учнтеля, ко шорый наказываетъ порочнаго сына ихъ; между швмъ, какъ въ Англн, и сильнвшій Мнннстръ не въ состояннн опшврашнть розгн опъ своего лубннца. Къ сему у насъ присовокупаются еще нарушающня домаш ннй порядокъ пнршества и разнныя гуляны, танцы, балы, шеашры и концершы, — за ннми слвдующъ: госпнннцы, шракшыры, а наконецъ и заемныя дома (с. 460).

Сшрогосшь необходима! Но съ другой шпороны, Учнлнще не должно бышь уподоб ляемо н смнрншельному дому (с. 462). Не должно лншашъ юношей независнмостн, прилнчной лвшамъ ихъ; не должно препяш швовашъ свободному развитню всвхъ ихъ способностей, доколв двшствн воспитан никовъ не пропнвын порядку; не слвдуешъ разрушашъ свойшвенной каждому своемч ности (Eigenthümlichkeit). Воспншателнмъ

въ сего, для укрѣпленія въ юноше-
 скесныхъ силъ, надлежишь спарашь-
 нообразіи игръ ихъ, не вмѣшиваясь
 въ оныя (с. 462 и 463). Образова-
 тельное не опдѣльно опъ укрѣ-
 пительскихъ силъ. Но да усраниша
 насъ вся неосновательная боязнь и
 живоспъ къ самимъ себѣ и къ юно-
 шеской недовѣрчивоспъ, копорая уже за
 то дѣль предъ симъ, обмешала насъ
 пенешами, спѣсня грудь нашу и
 рукъ! Токмо съ благороднымъ до-
 вѣреніемъ къ намъ самимъ и къ сынамъ на-
 шимъ будешъ надлежащимъ образомъ
 въ Училища и образовапъ людей
 полезныхъ, швердаго и добраго права
 !

дѣль совѣтовъ Г. Тирша, выслушаемъ
 одного изъ ревностныхъ воспитателе-
 шесства въ нашемъ опечешвѣ. Об-
 щее къ сочиненіямъ Г-на Брауншвейга
 примь, что говоришь онъ, (въ книгѣ
 Organisation d. Gymnasien и пр.), о надзо-
 рѣденіемъ учащихся, и вообще о
 мнѣ и порядкѣ Училищъ.

шавникъ долженъ спрожайше наблю-
 опряпностію учащихся, какъ въ
 нѣи къ одеждѣ, шапкѣ и къ книгамъ

ихъ (*). Равномѣрно, и самое Училище должно быть помещаемо въ приличныхъ полахъ, могущихъ численною своею служить примѣромъ для учащихся (с. 43).

Въ школахъ должна господствовать истина, а не ложь (с. 44) (**).

Директоры или Смолпришели Училищъ, въ отношеніи къ Учищеламъ, должны быть болѣе наблюдаателями, нежели повелителями, особливо въ присущихъ воспитанниковъ.

О необходимыхъ распоряженіяхъ, Директоръ съ Учищелами можешь разсуждать въ класса, не предъ учениками (***) . Строгоси въ избраніи Учищелей, можешь освободити

(*) Величайшая точность и опрятная наружность принадлежать къ неизмѣннымъ условіямъ хорошихъ учебныхъ книгъ, какъ сіе замѣчено уже въ *Библиографическихъ* листахъ 1825 года на с. 159.

(**) Посему-то уже въ Уставахъ учебныхъ заведеній, поданныхъ Университетамъ (Высочайше утвержденнаго 5 Ноября 1805 г. § 44) сказано: Учищель долженъ всегда, какъ самъ говоритъ правду, такъ и дѣшею наставляешь говоритъ оную. (Період. сочин. о успѣхахъ народнаго просвѣщенія No VIII, с. 24).

(***) Въ § 49-мъ Устава учебныхъ заведеній, поданныхъ Университетамъ, положено, чтобы въ первое Воскресенье каждаго мѣсяца, Учищели Гимназій собирались къ Директору для педагогическихъ совѣщаній.

Директора ошь излишняго самоуправства, шоль вреднаго для Училищъ (с. 37 и д.).

Публичныя экзамены сущь токмо испытанія бѣльшаго или меньшаго самолюбія самихъ Учищелей. Дирекшоръ, принимающій въ Училищъ учениковъ, пусть посвящаетъ по цѣлымъ днямъ учебныя заведенія, а родители пускай приходять, когда имъ заблаго-разсудится, для удостовѣренія себя въ духъ, господствующемъ въ Училищъ. Переводъ учениковъ изъ низшаго класса въ высшій, долженъ зависеть непосредственно ошь самихъ Учищелей: Дирекшоръ и въ семъ случаѣ можеть быть только наблюдателемъ. Но ошибшись въ выборъ Учищеля, да смѣняеть его безъ замедленія, а престарѣлымъ Учищелямъ Государство да воздаеть дань, должную ихъ трудолюбію.

Къ главнымъ положеніямъ Г-на Брауншвейга, на конхъ онъ основываетъ свое мнѣніе, принадлежить по, чшобы Училища въ устройствѣ своемъ сколько можно болѣе соощвъшшвовали мірскому бышу нашему. По сему-шо, онъ полагаетъ, чшобы не было въ классахъ, существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ Консуловъ, Цензоровъ и Дикшаторовъ (с. 10). Училища, особливо сельскія, по его мнѣнію, могли бы уподобляеться церковнымъ приходамъ, въ конхъ Уч-

тель былъ бы главою; лучшіе ученики сход-
сшвовали бы со спаршинами (с. 37), а учи-
тельскіе помощники (коллабараторы) съ
Діаконами (*).

Учительскіе помощники или соспрудни-
ки, на самомъ опытѣ пригошовляюща къ
учительскому званію, что конечно весьма
полезно и нѣкопорымъ образомъ замѣляетъ
Семинаріи (или Педагогическіе Институты,
с. 40).“

Къ важнѣйшимъ замѣчаніямъ Г-на Браун-
швейга, кажешся, принадлежишь то, что
система образованія юношества, должна бы
быть основана не на одномъ честолюбіи,
но паче всего на *совѣсти*. Примѣчательны

(*) Неумѣшность сего замѣчена уже въ Рижской
Газетѣ, Ostsee Provinzen Blatt 1825, No 23, коея
Издашель ипрочемъ оканчиваешъ любопытное объ-
явленіе свое о книгѣ Г. Брауншвейга слѣдующими
словами: Aber dessen allen ungeachtet muss man
den Vortrag mit dem Ausrufe begleiten: „Hört ihn!
Hört ihn!“ und dem Verfasser die Hand drücken
mit einem „Dank dir!“ — Предположеніе, чтобы
лучшіе ученики были наставниками слабѣйшихъ,
какъ видно, сближаешъ обыкновенныя школы съ
Ланкастерскими, на кои Г. Б. обращаетъ вниманіе
также въ сочиненіи своемъ объ устройствѣ Латыш-
скихъ народныхъ Училищъ (Ideen zur Gründung
eltlicher Landmannsschulen, с. 16, 46, 62).

въ семь отношеніи и слова Комменшатора его (на стр. 44), который говоритъ: „Den Ehrtrieb zum Haupthebel der Erziehung machen, heisst Wildlinge auf Wildlinge pflropfen. Was das für Früchte giebt, lehren die Universitätsduelle.“ Изыскивая способъ замѣнишь, (хотя опча- сти) нынѣ употребительныя средства къ пробужденію въ учащихся соревнованія въ ученіи и къ удержанію ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, Г. Б. излагаетъ причины учениче- скихъ прегрѣшеній. Просшупки юношества, говоритъ онъ (с. 46), происходятъ наиболее 1) отъ непамятованія закона, или 2) отъ шалости, т. е. отъ чувства излишней си- лы (Muthwille, Spielen mit der Kraft), или же 3) отъ чувственнаго побужденія (sinnlicher Reitz), преодолевающего нравственную волю (den geistigen Willen). По сему-то надлежитъ:

1) Принять мѣры прошивъ забвенія, всегдашнимъ напоминаніемъ постановлен- ныхъ правилъ, такъ, чтобы каждый воспи- танникъ, по окончаніи дня, самъ могъ ис- числить предъ насшавникомъ своимъ всѣ свои упущенія.

2) Спрожайше наблюдать за шѣмъ, что- бы учащіеся не съ намѣреніемъ поступали прошивъ постановленій. Лучше и не давать такихъ законовъ, которыхъ спростаго ис- полненія нельзя требовать, и наконецъ,

3) Въмѣсто чувственныхъ побужденій, по мѣрѣ возможности, возбуждаешь въ ученикахъ высшія (умственные и нравственные) желанія.

Провинившагося должно доводить до собственнаго признанія, и въ особенности побуждаешь его къ раскаянію и вознагражденію сдѣланнаго опущенія (Sühne der Schuld). Тѣхъ, кои въ винѣ важнѣе, можно бы (по мнѣнію Авшора) на время оплучать отъ общей утренней и вечерней молитвы, или отъ ученическаго прихода, п. е. отъ школы, поручая ихъ до времени учительскимъ соупрудникамъ. Наконецъ необщующихъ исправленію, исключаяшь вовсе изъ Училища, отсылая ихъ къ родителямъ, которые обыкновенно сами виновны въ ихъ нравственной порчѣ (*). — *Члѣмъ ты взглядушь гнау*

(*) Хорошо Г. Брауншвейгъ, въ семь отношеніи излагаетъ мысли свои въ другомъ, упомянутомъ выше сочиненіи: Ideen zur Gründung lettischer Landmannsschulen (с. 9 и д.). Вотъ его слова: Die neue Schuleinrichtung muss auf die weibliche Erziehung besondere Rücksicht nehmen. Von dem Weibe, als der Mutter, hängt die erste Characterbildung des Kindes ab; auf dem was sie gethan und gebildet, baut der Lehrer bloss später fort und nur selten, mit äusserster Mühe, oft auch gar nicht mehr, ist er im Stande, wieder herzustellen, was damals ge-

свою? вошь вопросъ, копорый, по мнѣнію Г. Б., должно предлагать воспитанникамъ, недоспигшимъ еще 16 года (с. 49; учениковъ же высшихъ классовъ можно спрашивать: какимъ образомъ спанешъ ты ошнынъ владѣшь собою въ подобномъ случаѣ? (с. 75).

Къ благоадежнымъ средопвамъ правственнаго воспитанія, Г. Брауншвейгъ причисляетъ ушреннія и вечернія молитвы или чшеніе Св. Исторіи, и если можно, произнесеніе въ воскресные и праздничные дни проповѣдей, сочиненныхъ и говоренныхъ собсшвенно для юношества. Мысль сія, кажешся, весьма достойна вниманія, особливо въ помятый случаѣ; когда бы Учитель Закоан Божія, въ продолженіе первой лекціи нослъ

---

fehlt worden. Darin stimmen alle Pädagogen überein.“
Образованіе женскаго пола конечно есть предметъ величайшей важности, отъ коего несомпѣнно зависить и дальнѣйшій успѣхъ въ истинномъ просвѣщеніи цѣлаго народа. Хотя предложенный Г-мъ Брауншвейгомъ (тамже на с. 70 и д.) способъ заведенія дѣвичьихъ приходскихъ Училищъ шеперь и неможешъ еще бышь приведенъ въ дѣйствіе въ Россійскихъ губерніяхъ нашего Государства; но не менѣе шого слова Авшора заслуживающъ вниманіе всѣхъ вообще попечителей и рѣшителей народнаго образованія и благоденствія.

шакowychъ проповѣдей, заставляя учащихъ излагать въкратцѣ содержаніе оныхъ. Въ высшихъ классахъ, Учитель могъ бы даже обращать вниманіе на самое расположеніе разныхъ частей говоренныхъ проповѣдей, и т. п.

Приведши такимъ образомъ мнѣніе одного изъ нашихъ Педагоговъ, непростибельно было бы не упомянуть о дисциплинѣ, установленной превосходнымъ, и за предълами нашего опечесства уважаемымъ Уставомъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ И. Дерпшскому Университету. Насправленія, данныя въ § 66 онаго Училищамъ, конечно, суть плодъ долговременной опытности одного изъ просвѣщеннѣйшихъ друзей юношества. Достаточно прочитавъ одинъ только § 22, въ коемъ изложена необходимость и цѣль классическаго ученія, для усмотрѣнія великихъ достоинствъ сего училищнаго Устава, одного изъ превосходнѣйшихъ памятниковъ по части Исторіи просвѣщенія, во дни безсмертнаго для оной Александра!

О высшихъ Училищахъ и Лицеяхъ.

Обратимся къ сочиненію Г-на Тирша, и послушаемъ, что говоритъ онъ о Лицеяхъ и такъ называемыхъ высшихъ Училищахъ.

Главнымъ предметомъ благоустроенныхъ Гимназій было и должно быть классическое учение (*). Но если, помощію Машемашки и Философіи, не пригошовишь юношей къ Университетскому курсу, то внезапный переходъ оныхъ ошь гимназическаго ученія и сопряженной съ онымъ дисциплины, къ быту Университетскому, подобенъ будешь скачку изъ вѣрныхъ высотъ въ бездну мрачной для него премудрости.

Желаніе ввести поспешенность въ ученіи, служило поводомъ къ учрежденію Протестантскими высшаго гимназическаго класса, подъ названіемъ *Селекты*, а Иезуитами, которые заблагоразсудили вовсе отдѣлать ошь Гимназій Философію, къ основанію Лицея (с. 465). По ихъ по системѣ, курсъ гимназическаго ученія именовался: *Studia in-*

(*) Не для того только, чтобы знать по-Гречески или по-Латыни; но дабы приучишься подобно древнимъ отличнѣйшимъ мужамъ мыслить классически, и подобно имъ выражаться на своемъ отечественномъ языкѣ. Для сего-то необходимо нужно дашь учащимся повѣстіе о древнихъ вѣкахъ, руководству ихъ къ тому историческими, археологическими и мнѣологическими объясненіями. См. упомянутый выше § 22 Устава учебныхъ заведеній, поданныхъ И. Дерптскому Университету.

feriora seu humaniora; Лицейскій же: *Studia altiora*.

Какъ однако по тогдашнему образу мыслей, Математика и Физика принадлежали еще къ Философiи, по и курсъ пригошовишельнаго для Университетовъ ученiя, принадлежало распространить на два года (*). —

(*) У Протестантовъ: *Selecta et Suprema*. Подобное раздѣленiе Училищъ на высшiя и низшiя, существовало и въ Кiевѣ. Тамъ Мiтiрополищъ Пётръ Могила (въ началѣ XVII вѣка) завелъ, по призыву Иезуитскихъ Коллегиумовъ, полный курсъ Словесныхъ Наукъ отъ низшихъ классовъ до Философiи и Богословiя, раздѣливъ учениковъ на два разряда: *высшiй* и *низшiй*. Первые именовались: *Sodales majoris congregationis*, и состояли изъ студентовъ Философiи и Богословiи, а другiе *Sodales minoris congregationis*, изъ учениковъ Риторики и низшихъ.

Съ 1700 г. Кiевскiй Коллегиумъ, (переименованный потомъ въ Академiю), былъ раздѣленъ на 8 классовъ, а именно:

1. Аналогiи (фара); классъ сей упраздненъ уже въ 1701 г.

2. Грамматики низшей.

3. — — — средней.

4. — — — высшей.

5. Пiнщическiй.

6. Риторическiй.

7. Философскiй.

8. Богословскiй.

Въ Вирибургъ Лицейскій курсъ сей былъ соединенъ съ самымъ Университетомъ, и слушатели пригошовишельныхъ лекцій оставались при прежней гимназической дисциплинѣ. Тамъ, гдѣ не было Университетовъ, учреждались особые Лицеи, чрезъ кои ученики изъ Гимназій должны бы были переходить въ Университеты. — Въ Епископскихъ Митрополіяхъ, къ Лицейскому двухъ-

---

Языкн Латинскій, а при немъ и Греческій преподавались во всѣхъ классахъ. Съ 1738 г. присовокуплены еще классы:

1. Еврейскій.
2. Греческій-Филологическій.
3. Нѣмецкій, а

Въ 1753 г. и 4 Французскій.

Въ 1784 г. Преосв. Митрополитъ Самуилъ учредилъ классъ *рисованія*; онъ же устроилъ классы:

Исторіи,
 Географіи и
 Чистой Математики.

См. Описаніе Киевопечерскаго Собора и Киевской Іерархіи (Кіевъ, 1825. 4) прибавл. 41, с. 213, 217 и 218. Классъ Исторіи, сколько извѣстно, былъ среднимъ, между Писимическимъ и Историческимъ. — Объ учебномъ порядкѣ, существовавшемъ въ учрежденномъ въ 1722 году Харьковскомъ Коллегіумѣ (Славено-Греко-Латинскихъ школахъ), говорится въ прибавленіи къ 1й части Исторіи Россійской Іерархіи, с. 632—640.

годичному курсу иногда былъ присоединяемъ еще двухъ-годичный Богословскій курсъ, и учебныя заведенія сего рода, получали названіе *полныхъ Лицеевъ* (Vollständiges Lyceum, philosophisch-theologische Specialschule, с. 466).

Но какую пользу Лицеи, или шакъ называемыя высшія Училища, приносятъ Государству? — Лишняя Гимназія возможеши довершити надлежащимъ образомъ и привести въ нѣкоторый систематическій порядокъ курсъ десятилѣтняго ученія, они въ то же время ошторгають ошъ Унивѣрситетѣ часпъ Наукъ, несомнѣнно къ оному принадлежащихъ. Посему-то уже Каноникъ Браунъ, занимавшійся въ 1774 году усовершенствованіемъ Училищъ въ Баваріи, утверждалъ, что Лицеи суть заведенія, котормъ споятъ великихъ денегъ, а приносятъ мало пользы (с. 469).

Мудро, говоритъ Авторъ, и достойно подражанія, существующее въ Баваріи постановленіе, чшобы спуденшы, поступающіе изъ Гимназій въ Унивѣрситетъ, въ продолженіе цѣлаго года, слушали общія или Философскія лекціи. Такимъ образомъ въ Унивѣрситетѣ продолжается шолько ученіе, начашое уже въ Гимназіяхъ. Одни шокко спуденшы, съ успѣхомъ доверчившіе пригошовишельный курсъ, могутъ, цо наде-

жащемъ испытаніи, избираешь какой-либо опредѣленный Факультетъ, который, на семь основаніи уже не будешь обременяемъ слушателями, еще недоспашочно пригош-
 овленными къ высшимъ Наукамъ. Но въ пред-
 варительные курсы сіи, не должно включатьъ
 излишняго числа предметовъ ученія. Неспра-
 ведливо и вредно было бы требовать, что-
 бы въ продолженіе одного года спуденшъ
 выслушалъ полный курсъ Философскихъ На-
 укъ, всю Исторію, Математику и Физику,
 Химію и всѣ части Естественной Исто-
 ріи, при томъ же Филологію, Исторію Ли-
 тературы, Исторію просвѣщенія и еще
 разныхъ другія Науки. Достаточно того,
 чтобы онъ занимался основательно фило-
 софіею, Исторіею и Математикою, съ при-
 соединеніемъ къ тому Филологіи, какъ про-
 долженія классическаго ученія. Требованъ
 въ одинъ годъ болѣе сего, значило бы тре-
 бовать невозможнаго и шъмъ самымъ ис-
 поршилъ дѣло. Въ Эрлангенѣ существуетъ
 полезное распоряженіе, на основаніи коего
 не дозволяется посѣщать лекцій Богослов-
 скаго ошдѣленія шъмъ, кои не доказали еще
 на опышъ, что они къ тому уже доста-
 шочно пригошвлены.

Показавъ, что шакъ называемыя выс-
 шія Училища или Лицеи, основанныя для

пригопшовленія Гимназисшовъ къ Университетскому курсу, сушь не шолько бесполезныя, но даже вредныя заведенія (überflüssige und selbst schädliche Anstalten, с. 471) (*), Г. Тиршъ излагаешъ мысли свои о пользѣ и необходимости перевесить въ Минхень Ландсгущскій Университетъ (**).

З а к л ю ч е н і е .

Но, да не подумаешъ кино либо, говоришь Г. Тиршъ въ заключеніи всего сочиненія, обращаясь къ благимъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ просвѣщеннаго Короля своего, да не помысаяшь, что Авшоръ сихъ строкъ щипишься предупредишь его дѣйствія, или дашь онымъ направленіе! Разсуждая о предметѣ воспишанія, онъ изложилъ шолько чистосердечно мысли свои, и чышашель, шпольхо же, какъ и онъ самъ, чистосердечный, конечно не спанешъ обвиняшь его въ дерзости, или неумѣшности его замѣчаній.

(*) О вредѣ, причиненномъ Лицеями успѣхамъ просвѣщенія во Франціи, гдѣ оными даже дунали замѣнишь Университетъ, см. Периодическое сочиненіе о успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія No VI, с. 80 и д.

(**) Извѣшно, что нынѣ Университетъ Ландсгущскій дѣйствительно уже переведенъ въ Минхень.

Мы живемъ во дни, спраждущіе разными болѣзненными припадками; но въ такое время и въ такіе, въ кои благонамѣреннымъ и просвѣщеннымъ мужамъ дарована возможность насаждать семена будущаго благоденствія и величія. Времена наши суть плодъ обстоятельствъ, въ коихъ нерѣдко погибель была для насъ столь же близка, какъ и самое спасеніе. Опасности и враги, какъ явные, такъ и скрытные, не чужды ни какому вѣку, и будущая участь наша извѣстна одному Богу! но Онъ даровалъ намъ и средства, во всякомъ случаѣ, встрѣчать судьбу нашу съ благоразуміемъ. Одно лишь истинное, чистосердечное единодушіе, въ состояніи опредѣлить наилучшія мѣры, для воспитанія юношества, на коемъ основано счастье грядущихъ поколѣній.

Не въ помѣ дѣло, кто совѣтуешь, но что именно предлагается на уваженіе современниковъ, для пользы общей, и пребудешь спокойнаго и непредубѣжденнаго разсмотрѣнія. Дѣло идетъ не о бездѣлицѣ, но о величайшемъ благѣ, красящемъ родъ человѣчскій, о главныхъ источникахъ народной добродѣтели, силы и счастья; ибо несомнѣнно изрѣченіе древняго мудреца, утверждавшаго, что помѣ по истинѣ упрочиваешь и умножаешь благосостояніе Государства, кто

совершенствуешь учебныя заведенія (с. IX и д.).

Сими словами Г. Тиршъ сопровождается послѣднюю книжку своихъ разысканій о назначеніи и устройствѣ ученыхъ школъ. Предавая оныя на усмотрѣніе просвѣщенныхъ соотечественниковъ, Издашеть сихъ извлеченій и замѣчаній душевно желаетъ, чшобы трудъ его принесъ хотя малую пользу. Вошь цѣль его искреннихъ желаній, вошь лучшая награда за добрую его волю!

П. Кеппенъ.

III.

К Р И Т И К А

Андромаха. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Сочиненіе П. Катенина (*).

Оригинальная новая Трагедія, есть рѣдкое явленіе въ Русской Литературѣ: оиѣ показывающся у насъ на сценѣ или въ печаши почти также, какъ комешы на звѣзд-

(*) Представлена въ первый разъ на Императорскомъ С. Петербургскомъ Театрѣ, 3 Февраля 1827 года.

номъ горизонтѣ, по ешь, изъ одного десятиавшія въ другое. Было время, когда слава, безцвѣтныя подражанія Французскимъ Трагикамъ, прикрашенныя Русскими именами дѣйствующихъ лицъ, гораздо чаще видѣлись на Театрѣ нашемъ, и по новоспи, радосшно были принимаемы зришелями, кошорые не были избалованы ни богатсшвомъ, ни внушренимъ доспоинсшвомъ сихъ даровъ Мельпомены, и никогда не вооружались спрогимъ вкусомъ прошивъ новаго произведенія. Съ пѣкошораго времени, миновала и сія година посредсшвенности: мы, не сдѣлавшисъ богаче, спали разборчивѣе, или справедливе сказашъ, равнодушнѣе къ симъ попышкамъ Повшовъ, нашихъ соошечесшвенниковъ.

Какъ изъяснишь причину шакой холодноспи? Во Франціи, гдѣ круглымъ счешомъ, ежегодно представляется ошь 10 до 15 новыхъ Трагедій, ни одна изъ нихъ не преходитъ въ молчаніи: хороша ли, худа ли она, публика произносишь о ней свой приговоръ, и Журналы, всегдашніе опголоски мнѣнія публики (по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ литерашурныхъ), опцающъ опчешъ объ успѣхѣ или паденіи новаго сочиненія. У насъ, чрезъ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ, являешся новая Трагедія, сочиненная Русскимъ Повшовъ, кошораго имя уже съ весьма выгод-

ной стороны извѣстно въ Поэзіи Драма-
тической, и Журналы въ печеніе нѣсколь-
кихъ мѣсяцевъ храняшь упорное молчаніе
даже о существованіи сей новой Трагедіи.
Желая доказать, что не всѣ наши соше-
стивенники съ одинакимъ равнодушіемъ
смотримъ на произведенія Русскія, рѣшилсѣ
я написать критическій разборъ Трагедіи
Г. Кашенина, и прошу васъ, Мм. Гг., помѣ-
стить оный въ вашемъ Журналь.

Не спяну возобновляшь при семъ во-
проса, уже нѣсколько разъ дѣланнаго: дол-
жно ли положить за непремѣнное правило,
чтобы предметы для Трагедіи были изби-
раемы изъ лѣтописей опечесшвенныхъ, или
по крайней мѣрѣ изъ Исторіи времени, къ
намъ близкихъ, времени, кошорыхъ нравы
не совсѣмъ еще для насъ чужды, и гораздо
намъ знакомѣе по вѣрѣ, единоплеменству
или сосѣдству, порядку гражданскому и жи-
тейскому, нежели отдаленная Древность,
кошорая, и по не вполнѣ, живешь для насъ
только въ книгахъ? Вопросъ сей рѣшишь
шрудно, ибо къ разрѣшенію онаго потребуеш-
ся много обстоятельствъ постороннихъ:
степень дарованія и познаній Поэты, из-
вѣстность и занимательность лицъ и про-
исшествій, кошорыя онъ выбралъ предме-
томъ своей Трагедіи и ш. д. Такимъ обра-

зомъ, предметы древней, Миеологической Истории, по образу нашего воспишанія, знакомѣ намъ, нежели большая часть событій, случившихся въ средніе вѣки, и даже въ новѣйшія времена. Многія лица изъ сей Истории, суть *данныя*, съ именами которыхъ мы связываемъ уже понятія о ихъ характерѣ, понятія, напечатлѣнные въ насъ глаубокою древностію чрезъ весь рядъ вѣковъ послѣдовавшихъ. Мы знаемъ по преданію, что Агамемнонь былъ швердъ и гордъ, что Улисъсъ былъ хитръ и краснорѣчивъ, что Ахиллъ и сынъ его Пирръ были пылки и неукрошимаы. Съ другой стороны, въ предметахъ Трагическихъ мы, по большей части, любимъ видѣть бореніе челоуѣка съ судьбою, или съ злобою себѣ подобныхъ; и чѣмъ выше челоуѣкъ поставленъ на степеняхъ жизни, тѣмъ болѣе бѣдствія его возбуждаютъ въ насъ соучастія. Въ семъ случаѣ мы почти не разбираемъ, единоплеменникъ и современникъ ли нашъ щось, или поселяешь въ насъ своими несчастіями сіе чувство состраданія; или язычникъ, рожденный въ племени, намъ чуждомъ, и за многіе вѣки до нашего времени. Сіе эстетическое состраданіе есть чувство, допускающее въ душѣ нашей безъизъянную шерцимость.

Прибавимъ къ тому, что сіи предметы древней Испоріи служили и теперь еще служатъ, какъ бы оселкомъ, на коемъ извѣдывающся и изощряющся стихотворческія дарованія почти всѣхъ образованныхъ народовъ. Они сдѣлались общиною, на которуу всѣ сіи народы имѣють равное право; и тѣмъ охотнѣе предъявляютъ оное, что предметы сіи, будучи хорошо постигнуты и выполнены, въ одинакой степени дѣйствуютъ на просвѣщеннаго Француза, Англичанина, Германца, Испанца и Россіянина. Съ сей точки зрѣнія, намъ рѣчь разсматривать новую Трагедію Г. Кашенина.

Многіе, прочитавъ заглавіе сей Трагедіи, конечно подумали, что она есть по крайней мѣрѣ подражаніе или Андромахъ Расина, или Андромахъ Эврипидовой. Но Трагедія Г. Кашенина имѣетъ общаго съ твореніями Повшовъ Греческаго и Французскаго, — только заглавіе и имена некоторыхъ дѣйствующихъ лицъ (*). У Эврипида, Андромаха шрепещешъ о жизни Молосса, сына своего оупъ Пирра, котораго, равно какъ и ее, хочешъ погубишь Герміона. Въ Трагедіи Расиновой, Андромаха съ Аспіанаксомъ, сыномъ своимъ оупъ Гектора, уже

(*) Именно: Андромахи и Пирра.

нѣсколько дѣшь живешъ въ Вуеропѣ, въ дворцѣ Пирровомъ. Сей Царь Эпирскій влюбленъ въ Андромаху, но долженъ всшупишь въ бракъ съ Герміоною, дочерью Менелая и Елены. Между шѣмъ, союзъ Греческихъ Царей посылаетъ Ореша, сына Агамемнонова, къ Пирру, съ шребованіемъ выдашь имъ юнаго Аспіанакса, кошораго машъ успѣла спасши ошъ Улисса во время разрушенія Трои. Орешъ, пишая безнадежную, но испушенную спрасъ къ Герміонѣ, находмъ ее во дворцѣ Пирровомъ, гдѣ сія Спаршанская Княжна, пылаешъ шакою же любовью къ Пирру. Видя, что онъ медлитъ въ исполненіи даннаго ей обѣща и наконецъ хочешъ заключишь брачный союзъ съ Андромахою, гордая Спаршанка оскорбляется: любовь ея успунаешъ мѣсно мценію. Сіашо шройсшвенная любовь и сіе мценіе оскорбленнаго самолюбія, сосшавляюшь главную завязку, весь интересъ Трагедіи: нѣжность Андромахи къ сыну, ея шревоги за жизнь его, ея самопожертвованіе для его безопасности, — сушь какъ бы дѣйсшвія придашочныя, вводныя; ибо все вниманіе, все учасшіе зришелей обращено къ Герміонѣ. Она, а не Андромаха, ешъ главное дѣйсшвующее лице: она подспрекаетъ Ореша шребовашъ выдачи Аспіанакса, она же, въ

угоду своей ревности, манишь Орестша сперва неясными, опдаленными надеждами, потомъ явнымъ обѣщаніемъ любви своей, и заславляешь его убишь Пирра. Наконецъ, къ довершенію соучасія, она лишаешь себя жизни надъ шрупомъ Пирра; тогда, какъ объ Андромахъ мы знаемъ только, что она тошовилась совершишь призну по семь несчастномъ Царѣ, и что народъ взялъ ея спорону; о сынѣ же ея, невяляющемся ни на минушту въ цѣлой Трагедіи, и по тому не можемъ внушишь намъ соучасіе — мы вовсе ошпаемся въ неизвѣсности, и даже не заботимся о немъ. Вопшь содержаніе сей Трагедіи, имѣющей впрочемъ неопъемлемое достоинство, по бурному движенію сираспей, изображенному пламеннымъ перомъ Расиновымъ.

Г. Кашенинъ смопрѣлъ на сей предметъ совершенно съ другой почки зрѣнія, и шакъ его обрабешывалъ. У него шакже замѣшиваешь любовь Пирра къ Андромахъ, но вся занимательность, все участіе зрителей, основаны на материнской любви сей Царевны къ сыну ея Асшіанаксу. Дѣйствіе происходитъ въ сшѣнахъ Трои, въ шу страшную ночь, когда Греки разрушили сей городъ и испребили весь родъ Пріамовъ. Андромаха, не вѣдая еще объ ужасахъ, ее окру-

жающихъ, открываешь наперсницъ своей Клеонъ, свои опасенія о судьбѣ Иліона и милаго своего сына, рассказываешь ей страшный сонъ, возмутившій ночной покой ея. Въ сіе время приходишь воинъ и возвѣщаешь ей гибель Трои ошъ Грековъ, вышедшихъ изъ деревяннаго коня, коварнаго ихъ дара Троянцамъ. Горестная Андромаха, боясь, что сама не уйдетъ ошъ преслѣдованія Грековъ, поручаешь Клеонъ скрыть Астіанакса въ гробницъ Гекшоровой. Когда велѣніе ея уже исполнено, являешь Пирръ, ошъ котораго она уходитъ, боясь съ нимъ встрѣпиться. Но онъ видѣлъ ея уходъ; онъ ведишь воинамъ своимъ окружишь черпоги Гекшора, но, не выпуская ошподъ никого, щадить всѣхъ женъ и ошроковъ. Пирръ объявляешь пришедшему съ нимъ Улиссу желаніе свое, получишь во мзду своцъ заслугъ предъ Греками, изъ всѣхъ добычь Троянскихъ, жену и сына Гекшоровыхъ. Улиссъ идетъ объявишь о шомъ собору вождей Греческихъ, давъ напередъ Пирру почувствовашъ, что Греки опредѣляютъ Астіанакса искупительною жершвой за шѣхъ, которые пали ошъ руки ошца его Гекшора. Пылкій Пирръ шѣмъ раздражается и открываешь любимцу своему Алкиму, что онъ любить Андромаху; что не разъ уже

шерпѣвъ оскорбленія ошъ Ашридовъ, го-
 шовъ, если на сей разъ получишь ошказъ
 ошъ Агамемнона, доказашъ права свои ору-
 жіемъ. Между шѣмъ хипрый Улиссъ убъ-
 ждаешъ Агамемнона принести малолѣтнаго
 Аспіанакса въ жершву ненависти Грековъ,
 и возбуждаешъ раздражительную гордосшъ
 вождя Царей прошивъ Пирра, не шая личной
 своей ненависти къ юному Царю Эпирско-
 му. Входишь Пирръ, повшоряешъ свои шре-
 бованія, но Улиссъ лукаво посъваешъ сѣмена
 раздора между имъ и Ашридомъ. Пирръ пла-
 менѣешъ месшію; видишь Андромаху, пред-
 лагаешъ ей свою руку и защишу ей и сы-
 ну; но она ошвергаешъ его предложенія;
 шогда онъ, дыша злобою, хочешъ предупре-
 дить Грековъ и самъ умершвишь младенца
 предъ глазами его машери. Въ шрепшемъ
 дѣйствіи, Андромаха рѣшаешся ошдать си-
 на своего на сохраненіе уцѣлѣвшимъ вѣрнымъ
 Троянцамъ, вызываешъ его изъ гробницы
 Гекшоровой, расшочаешъ ему машеринскія
 ласки и снова скрываетъ его при прибли-
 женіи Улисса. Коварный сей Царъ шребуешъ
 ошъ нея сына, и догадываясь о причинѣ не-
 ошшшупнаго ея пребыванія при гробѣ Гек-
 шоровомъ, грозить разрушишь оный и ош-
 даешъ о шомъ повѣленіе своимъ воинамъ.
 Тогда Андромаха, лишаась всей надежды сна-

ени сына, въ опчаяніи сама выдаешъ его Улиссу, но заклинаешъ его о пощаду. Въ четвершомъ дѣйствіи Андромаха, по совѣту Клеоны, падаешъ къ ногамъ Пирровымъ, молишь его о заспупленіи; онъ снова предлагаешъ ей любовь свою, она еще колеблешся; въспъ о приходѣ Априда рѣшаешъ ее: она даешъ роковое слово Пирру. Новый, жаркій раздоръ между Агамемнономъ и Пирромъ, кошорый вырвалъ младенца изъ рукъ кровожадныхъ Грековъ и вручилъ его на храненіе жрецу Калхасу; оба Царя оскорбляють другъ друга жестокими укоризнами и угрозами, наконецъ рѣшающся кончить единоборствомъ, колы скоро Калхасъ объявишь имъ велѣніе боговъ объ Аспіанаксѣ. Въ пяшомъ дѣйствіи, Пирръ гошовишся ишши на бой съ Агамемнономъ и завѣщаешъ воинамъ своимъ охрану Андромахи. Она изьявляешъ Клеонѣ спрахы свои о сынѣ, посылаешъ ее узнать о судьбѣ его; на нерсница скоро возвращаешся и возвѣщаешъ ей, что Улиссъ спвшишь къ нимъ съ маслчною вѣшвию. Но Улиссъ повѣспвуешъ несчастной сей машери о гибели сына ея, хошя не опъ руки Грековъ, но опъ грома небеснаго. Тогда свшующая Андромаха, признавая въ семъ событіи волю боговъ, поко-

решся своей участи и заключаешь Трагедию прощаніемъ съ своею отчизною.

Изъ сего изложенія, легко можно увидѣть разность Трагедіи Г. Кашенна, съ Трагедіей Расиновой, разность, состоящую въ завязкѣ, въ интересѣ прагматическомъ, во времени и мѣсцѣ дѣйствія, въ господствующихъ справахъ дѣйствующихъ лицъ и наконецъ въ самомъ окончаніи. Вниманіе и соучастіе зрителей непрерывно обращаются къ Андромакѣ, и не развлекаются никакою постороннею спрашью; ибо любовь Пиррова и раздоръ его съ Апридомъ, относятся къ той же причинѣ, ни сколько не ослабляютъ главнаго дѣйствія. — Мы видѣли ходъ Трагедіи; теперь разсмотримъ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Воспоминаніе о роднѣхъ.

Родимый край, страна отцовъ!
 Какъ быстро дни мои мелькали,
 Когда, не вѣдая печали,
 Я росъ въ кругу швоихъ глупцовъ!
 Меня младенца веселили
 Ихъ спраши, важность, суеши,

Ихъ занимательныя были
 И безразсудныя мечшы.
 Любиль я жаркіе ихъ споры
 О гончихъ, зайцахъ и поляхъ,
 И оглушающіе хоры
 И рюмокъ звонъ на ихъ пирахъ. —
 Но мнѣ забавѣ казались
 Бесѣды важныхъ ихъ супруговъ,
 Когда онѣ, сосшавя кругъ,
 Горячимъ чаемъ упивались. . . .
 Какой былъ шумъ! какой былъ звонъ!
 Одна рассказывала сонъ,
 Другая жизнь своей насѣдки,
 Иныя жъ съ видомъ простицы
 Сплетали злыя клеветы
 На счешъ какой нибудь сосѣдки....
 И признаюсь: среди нихъ дамъ
 Я кой къ чему привыкъ и самъ.

Судя по нимъ о цѣломъ свѣтѣ,
 Я въ немъ не зналъ большаго зла;
 Я вѣрилъ счастливой планетѣ —
 И мирно жизнь моя цвѣла.
 Средь шолпы самодовольной,
 Въ дыму желаній и надеждъ,
 Игрою цѣвницы своевольной
 Я забавлялъ моихъ невѣждъ.
 Ихъ одобреньемъ бывъ утѣшенъ,
 Я восхищался; но они —
Онъ сумасшедшій, онъ помѣшанъ:
 Твердили, будучи одни.
 Чшо нужды въ шомъ? по крайней мѣрѣ
 Я оставадся въ доброй вѣрѣ,

Чшо и съ невѣдой и съ глупцомъ
 На свѣшъ семъ ужншься можно,
 И чшо Вольшеръ весьма безбожно
 Бросалъ на нихъ саширы громъ. . . .
 Я росъ и — выросъ. Дни лешъли.
 Мои сѣде земляки,
 Какъ прежде, чуждые шоски,
 Исправно пили, сладко ѣли,
 Травили зайцевъ и шолсѣли. . . .
 Вдругъ — Богъ мой! — одного изъ нихъ
 Не знаю какъ задѣлъ мой спихъ! . . . .
 Мгновенно поднялась шревога —
 И оглушенъ былъ бранью я!
 „Онъ врагъ людей, опшшупникъ Бога!“
 Взывали жены и мужья.
 Какое множешво прокляшій
 Изъ ушъ соошничей и брашій
 Упало на мою главу! . . . .
 И я дышу! и я живу!
 Но я не ждалъ конца шревоги;
 Почши слезою прахъ опщовъ,
 Скорѣй, скорѣй — давай Богъ ноги
 Въжашъ ошъ добрыхъ земляковъ!

И шакъ ихъ злобою гонимый,
 Печальный госпъ чужихъ земель,
 Покинулъ я приюшъ родимый,
 Почшешныхъ предковъ колыбель. . . .
 Ошъ раннихъ лѣшъ къ шпранамъ далекимъ
 Я былъ надеждою манямъ;
 Мнѣ бышъ хошълось одинокимъ —
 Въ чужой шправъ, для всѣхъ чужимъ.
 Сбылось безумное желанье!

Я былъ одинъ въ полѣ людей,
 Какъ осужденный на изгнанье,
 Какъ всеми брошенный злодѣй. . .
 Мнѣ жить на свѣшъ скучно было;
 Я мирныхъ радостей не зналъ;
 Душа пущѣла; нравъ дичалъ,
 А сердце шайной грустью ныло. . .

Блуждая изъ сироты въ сироту;
 Я свѣшъ извѣдалъ понемногу —
 И скоро ль, шрудную дорогу
 Окончивъ, мирнымъ сномъ засну —
 Не знаю. . . .

Но блянусь судьбою,
 Клянусь мечтами жизни сей,
 Чшо не спущаю опашь ногою
 На землю родины моей! . . .
 Зачѣмъ? къ чему? и чшобы нынѣ
 Я могъ найши въ моей пущынѣ?
 Ахъ! развѣ чушь примѣшний слѣдъ
 Давно, давно минувшихъ лѣтъ: . .
 Травой заросшія могилы,
 Гдѣ подъ хранищельнымъ крестомъ
 Двухъ незабвенныхъ пепель милый
 Лежишь, обьяшый вѣчнымъ сномъ. . .
 И шамъ же. . . шамъ ешь холмъ забышый,
 Подъ комъ холоденъ и шихъ,
 Спишь безпробудно мужъ сердшый,
 Забывши мой несчастный спихъ.
 Избави Богъ меня отъ злосши!
 Нѣшь, не держещъ моя нога

Попрашь разрушенныя кости
Землю взяшаго врага!

Александръ Брюховъ.

С. П. б., 1 Юля, 1827.

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И.

1 8 2 7.

Естественныя Науки.

28. *Начальныя основанія Химіи, Александра Ювскаго. Часть I. О простыхъ Химическихъ веществахъ. Изданіе второе, совершенно вновь переработанное. М. въ пип. С. Селивановскаго, 1827, въ 8. IV—162 стр.*

(Сочинитель раздѣляетъ свой курсъ Химіи на три части. Въ первой, нынѣ вышедшей въ свѣтъ, говоритъ онъ о простыхъ началахъ, во второй намѣренъ говорить о веществахъ сложныхъ, а въ третьей о Химіи органическихъ веществъ. Все это основано на открытіяхъ новѣйшихъ Химиковъ. Номенклатура нѣкоторыхъ веществъ переведена имъ на Русскій языкъ. Судя по сей первой части, можно заключить, что со-

чиненіе сіе написано хорошимъ и яснымъ слогомъ, что также составляетъ весьма важное достоинство; ибо не всё, или справедливѣе скажешь, немногіе изъ ученыхъ, посвятившихъ себя Наукамъ почтенымъ, заботящихся о чистотѣ языка и правильности слога: большая часть изъ нихъ забываютъ, что отъ ясности изложенія зависитъ ясность понятій, кои мы хотимъ передать другимъ.)

Л и т е р а т у р а.

С т и х о т в о р е н і я.

29. *Элегіи и другія стихотворенія Дмитрія Глѣбова.* М. въ тип. Августа Семена, Императорской Медико-Хирургической Академіи, 1827. 301 стр. въ 8.

(Въ этомъ собраніи, содержащемъ болѣе 70 стихотвореній Г. Глѣбова, въ разныхъ родахъ Поэзіи (Лирическомъ, дидактическомъ и пр.), есть многія весьма хорошія стихотворенія; есть и посредственныя, но вообще перевѣсъ на сторонѣ хорошихъ. Некоторыя изъ нихъ принадлежатъ самому Г. Глѣбову, другія, и болѣею частью, суть переводныя изъ Латуве, Мильвуа, Бейрона, Горация и пр. и пр. Книга издана весьма хорошо; приложенныя къ ней заглавная виньетка и двѣ картинки, весьма искусно выгравированы Г. Ческимъ.)

П р о з а.

30. *Письма о Франціи въ 1815 году, Сира Вальтера Скотта, подъ именемъ Павла. Перевелъ съ Французскаго М. П... съ.* М. въ шип. Ръшепникова, 1827. 2 ч. въ 1й 188, во 2й 199 стр. въ 8.
31. *Письма Павла къ своему семейству, соч. Сиръ Вальтера Скотта. Перевелъ съ Франц. Г. П. М.* въ шип. Императорскаго Московск. Театра у А. Порхорскаго. 1827. 3 ч. въ 1й 184, во 2й 118 и въ 3й 113 стр. въ 12 д.

(Когда письма Павла появились впервые во Французскомъ переводѣ, шо Журналисты Французскіе сильно вооружились на Сочинителя ихъ, и опасши были правы. Зако-ренныя народныя предубѣжденія на счетъ Французской націи, въ копорыя впалъ зна-менитый изобразишель Шотландіи наравнѣ съ другими единосемцами своими, Англичанами, конечно давали право Писателямъ Французскимъ, негодовавъ за возобновленіе ихъхъ запоздалыхъ восклицаній и ушарьныхъ насмѣшекъ, кои два вѣка сряду повшоряюшся Англичанами о заморскихъ ихъ сосѣдяхъ. Такимъ образомъ, въ *Письмахъ Павла* встрѣчаемъ обидныя, часшо несправедливыя вы-ходки прошивъ народнаго характера Фран-цузовъ, иногда слишкомъ исключительное

приспращае къ своимъ соотечественникамъ, иногда даже шулки въ родъ шѣхъ, кошорыя Англичанами зашвержены съ надписей на Гогаршовыхъ каррикатурахъ (sopre maigre и gresouilles и ш. п.). Хорошо любишь свое отечество, похвально предпочитаешь его всѣмъ чужимъ краямъ; но не просишительно искажашь въ чужеземцахъ все: и доброе, и зло, что имъ добро, ни худо, а просишь принадлежишь къ правамъ и обычаямъ народнымъ, — въ угоду худо исполкованной, національной гордости земляковъ своихъ. Это поселяешь даже какую-то недоувѣрчивость и къ исторической части *Писемъ Павла*. Правда, что при дальнѣйшемъ чтеніи, недоувѣрчивость сія находишь причину, еще основательнѣйшую; ибо въ этомъ сочиненіи все, или почти все, приписывается воинскому искусству Лорда Беллингтона и храбрости Англійскихъ войскъ, и очень немного дается на часть союзныхъ съ ними войскъ Прусскихъ; между тѣмъ, какъ извѣстно, что успѣхомъ сраженія при Ватерлоо или Бель-Альянсѣ, Англичане и Полководецъ ихъ, обязаны быспрошѣ Блюхера, неутомимости и сшойкой храбрости Пруссаковъ, кошорые ни сколько не уныли отъ временной неудачи. — Обращимся къ Русскимъ переводамъ: первый изъ нихъ (въ 2хъ

помахъ) довольно хорошъ, хотя и ешь въ немъ ошибки прошивъ Русскаго языка и слога; за то второй (въ 3хъ часяхъ), кромъ тяжкихъ грѣховъ по двумъ вышепоказаннымъ списаньямъ, заключаешь въ себѣ еще множество грѣховъ прошивъ здраваго смысла; а за одно выраженіе (во 2й часши), Переводчикъ долженъ каяться и передъ благоприсойностию. Сей послѣдній переводъ и изданъ сообразно литературному своему достоинству: напечатанъ дурнымъ шрифтомъ на сѣрой бумагѣ послѣдняго разбора и усъянъ типографическими ошибками.)

32. *Талисманъ, или Ришардъ въ Палестинѣ. Изъ Исторіи временъ Крестовыхъ походовъ, Вальтера Скотта.* М. въ тип. С. Селивановскаго, 1827. 3 часши; въ 1й 261, во 2й 260 и въ 3й 290 стр. въ 12 д. л.

(Неизвѣстный Переводчикъ сего Романа, столь же мало щадилъ литературную славу Вальтера Скотта, какъ и второй Переводчикъ *Писемъ Павла*. Иногда онъ не понималъ текста, иногда переводилъ его въ дурныхъ Русскихъ, или лучше сказать, не Русскихъ выраженіяхъ. Главнѣйшая цѣль Романовъ ешь, — доставивъ читателямъ пріятное развлеченіе въ часы досуга; но какая пріятность читать книгу, написанную такимъ слогомъ, какимъ пишутъ ученики, едва начинающіе переводить съ иностранныхъ языковъ? По нашему мнѣнію, гораздо пріятнѣе читать Бову Королевича и Петра Злапыхъ ключей, въ которыхъ простой, сказочный слогъ Русскій, а не шарбарскій.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XIV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУЖБА НА СВЕРЬ.

(Продолженіе.)

Спусти нѣсколько времени, предположено было послать корабль къ островамъ Западной Индіи, какъ время отъ времени дѣлалъ и прежде. Начальникъ корпуса, простиравшій родительскія попеченія на любимыхъ своихъ питомцевъ долго еще и послѣ ихъ выпуска, старался, какъ и всегда, привести поскорѣе въ возможнѣйшую дѣтельность молодыхъ офицеровъ, чшобъ юношеское упоеніе радости и свободы не сдѣлалось для нихъ вредно. Такимъ образомъ, многіе изъ послѣдняго выпуска назначены были на отправляющійся корабль, а въ томъ числѣ и шрое юношей, кошорые такъ близко шли другъ за другомъ въ корпусъ.

Двое изъ нихъ, сдѣлавшись друзьями, съ той самой минутой жили, какъ говорились, душа въ душу, дѣлили между собою

скорби и радости. Назначение въ дальнее плавание доставило обоимъ большое удовольствіе, но за всѣмъ тѣмъ, оно же нагнало облако печали на чело Вольдемара. Не любовь ли вкралась въ сердце юноши? — Нѣтъ, для истинной любви еще не было жѣста въ его сердце; оно наполнялось только чувствами дружбы со всѣми мечтательными ея призраками; а любовныхъ шалостей, какъ ни велика прелесть, сообщаемая имъ юношеской жизни, какъ ни много доставляющъ онѣ пріятныхъ часовъ дружбы своими плюшовскими шайнами, мы все не смѣемъ называть именемъ любви. Печаль его была иного рода. — Гольгеръ былъ сынъ весьма досташочныхъ родителей, Вольдемаръ имѣлъ одну только бѣдную мать. Хотя въ самомъ еще корпусѣ велся похвальный обычай, что жившіе въ одной каморѣ воспитанники, делились по-брашки своимъ наличнымъ деньгами, хотя и послѣ у обонхъ друзей, была почти одна касса, и Вольдемаръ ни мало не совѣшился располагать ею, какъ своею собственною — малѣйшая нерѣшимость въ семъ случаѣ жестоко бы оскорбила его друга; — но теперь, когда споль дальній путь требовалъ немаловажныхъ издержекъ на одежду и другіе запасы, а у бѣдной матери его, давно уже со страхомъ ожидавшей се-

го времени, не было никакихъ средствъ по-
собишь ему, — теперь никакъ не могъ онъ рѣ-
шиться открытъ другу свое заштруднившее-
ное положеніе. Его понятія о чести гово-
рили ему, что веселость и забавы на счетъ
избытковъ друга, ни мало не прошивны ей;
но для мелочныхъ житейскихъ нуждъ, онъ
не рѣшался прибѣгнуть къ тому же сред-
ству. Между тѣмъ безпечный въ семь ош-
ношеніи другъ, слишкомъ увѣренный во вза-
имной ошкровенности, не помышлялъ о
шомъ и не могъ догадаться, тѣмъ болѣе,
что Вольдемаръ всячески старался не дать
ему замѣнить своего смущенія.

Уже думалъ онъ заключить сдѣлку съ
какимъ нибудь ростовщикомъ, какъ вдругъ
получилъ извѣстіе отъ заботливой матери,
что все нужное для него приготоваено.
Онъ прибѣжалъ къ ней въ изумленіи, почти
въ испугъ. Не удивляйся такъ“ — сказала
она, смѣючись: „я нарочно готовила тебѣ
эту нечаянность: нѣсколько лѣтъ сряду
копила я для себя по немногу, и хотя все
еще думала сперва, что не справлюсь сво-
ими денженками, но вышло напрошивъ.“ Въ
самомъ дѣлѣ, къ величайшему своему уди-
вленію, благодарный сынъ нашелъ въ сдѣ-
ланномъ для него запасѣ даже избытокъ, и
его золотые вѣдешны не уступали тѣмъ,

какіе пригошовили для себя самыя досташочныя изъ его шоварищей, ни блескомъ, ни цѣнностію.

Корабль былъ снаряженъ; подняли якорь и попутный вѣтръ понесъ великолѣпную громаду шакъ спремительно, что черныя волны Капштегаша забѣлели пѣною. Но не долго непостоянный вѣтръ благопріятствовалъ плаванію. Поднялась буря и сдѣлавъ значительныя поврежденія въ корабль, загнала его въ небольшую гавань въ Норвегіи.

На рейдѣ, въ этой мазелькой пристани, случилось на корабль происшествіе, само по себѣ незначительное, но послужившее какъ бы дурнымъ предзнаменованіемъ: Капитанъ корабля, человекъ пожилой, а на видъ даже старый, но еще бодрый духомъ и умѣвшій выдавать съдины свои и согбенную спину за признаки множества испытанныхъ житейскихъ шревогъ, имѣлъ, кромѣ разныхъ другихъ странностей, особенное пристрастіе къ аншикамъ и драгоценнымъ камнямъ. Сдѣлавъ порядочное собраніе перстней, грудныхъ булавокъ и необдѣланныхъ рядкихъ камней, одинъ другаго лучше, возилъ онъ ихъ въ красивомъ ящичкѣ вездѣ съ собою. Особенное удовольствіе доставляло ему, показывая въ это сокровище кому

бы то ни было. Тушъ съ большими красно-рѣчьемъ описывалъ онъ и выхвалялъ каждый камышекъ, рассказывалъ его исторію и утѣшался удивленіемъ зрителей.

Однажды послѣ обѣда, кошорымъ онъ угощалъ нѣсколькихъ прїѣхавшихъ къ нему изъ городка чиновниковъ, вынушъ былъ ящичекъ, давно знакомый всѣмъ офицерамъ на корабль. Въ то время, какъ разсмапривались вещи, вдругъ поднялся на палубѣ шумъ. Капишанъ бросился шуда и всѣ за нимъ, а ящичекъ оспался не запершъ. Причина суматохи оказалась однако неважною: изъ шрома повалилъ дымъ; это подадо поводъ закричашъ: пожаръ! Но какъ не нашлось опасности и вскорѣ все приведено было въ порядокъ, шо госпи возвратились въ каюту и Капишанъ спалъ опяшъ занимашъ ихъ рассказами о камняхъ. Тушъ вдругъ онъ оспановился, поблѣднѣлъ и хоши, опомнясь, продолжалъ рѣчь свою, но уже ошрыхисно и сухо; а пошомъ вскорѣ кончивъ, заперъ свой ящичекъ и вышелъ въ примѣшномъ смущеніи.

По уходѣ гостей, офицеры, пошолковавъ между собою о причинѣ внезапнаго разспройства ихъ Капишана и предугадывая непрїятную истинну, рѣшилисъ наконецъ спросишъ его.

„Не понимаю, какимъ образомъ,“ — отвѣчалъ онъ: „но конечно по собственной моей неоспорожности, очень дорогой перстень исчезъ изъ моего ящика. При гостяхъ не хотѣлъ я говорить о немъ, чшобъ не оскорблять ихъ; да и теперь, если бъ бы не спросили, не сказалъ бы ни слова; знаю впрочемъ, что эта вещь не можешь смутить никого изъ васъ. Вы вѣрно помните перстень....“ И шутя спалъ онъ описывавшю поперяную вещь со всѣми подробностями, со всею точностью любителя, впрочемъ безъ намѣренія, единственно по вѣгдашнему своему приспращию. Показавъ такимъ образомъ о своей потерѣ, онъ уже не вспоминалъ о ней ни однимъ словомъ, во нѣмъ болѣе удивлялись и полковали между собою офицеры. Вольдемаръ, который во время пропажи былъ на вахтѣ, узналъ о томъ уже отъ своихъ товарищей. Дни черезъ два корабль пустился опять въ море. Произшествіе казалось забытымъ.

Спусти нѣсколько времени, Гольгеръ прохаживался однажды въ задумчивости на палубѣ; къ нему присоединился Джонъ, съ которымъ оба друга давно уже оставались при однихъ только учтивостяхъ, чего, казалось, онъ не замѣчалъ. После нѣсколькихъ равнодушныхъ словъ, сказалъ онъ съ весьма

проницательнымъ взглядомъ, въ кошфромъ выражались вмѣстѣ и любопытство и опасеніе: „какъ я радъ, что Капишанъ нашелъ свой перстень! Удивительно только, почему онъ молчитъ, тогда какъ вѣсть о потерѣ его пронеслась между нами, какъ бѣглый огонь.“

— „Нашелъ? въ самомъ дѣдѣ?“ спросилъ непринужденно Гольгеръ.

„Неужели же нѣтъ?“ ошвѣчалъ Джонъ съ удивленіемъ. „Мнѣ по крайней мѣрѣ казалось такъ, потому что вчера и сегодня видѣлъ я его въ рукахъ у Вольдемара. Онъ еще разсматривалъ его такъ умиленно. — Вѣдь ты знаешь, что наши каюшны раздѣлены только парусиною. Я подумалъ, что если перстень у него, то вѣрно онъ взялъ его у самаго Капишана. Мнѣ странно, что ты ничего о томъ не знаешь. Ну, братъ, и я не стану больше говорить ни слова!“

— „Эшо ложь!“ вскричалъ Гольгеръ запальчиво.

„Ложь!“ возразилъ также Джонъ, однако вскорѣ опомнясь, прибавилъ: „ну, вошь увидишь! я очень хорошо помню перстень, кошорый пошерялъ; ты самъ возьмешь назадъ свое слово.“ — Тупъ Джонъ ошошелъ къ другому товарищу.

Пылая ошъ гнѣва, едва въ соціоніи себя удерживашь, Гольгеръ устремилъ на него неподвижно 'взоръ свой. Онъ гошовъ былъ ипши въ ту же минушу къ своему другу, но сильное волненіе духа его удерживало; гошовъ былъ подтвердишь кровью своею вырвавшееся у него поспѣшное слово, къ кошорому подавъ поводъ коварный взглядъ Джона; обнаружившаго ясно подозрѣніе на Вольдемара, но это значило бы подвергнушь и жизнь друга игрѣ случая.

Скрѣпясь, но не въ силахъ скривашься, вошелъ онъ къ Вольдемару съ такимъ мрачнымъ видомъ, что сей въ изумленіи спросилъ, здоровъ ли онъ.

„Я немножко разсердился!“ отвѣчалъ онъ: „Дѣло вышло все изъ пошерянаго персшия, сшали удивляшьяся ошъ пропажъ, и...“

— „Онъ у меня!“ прервалъ его Вольдемаръ: „непоняшнаго шущъ нѣшъ ничего.“

„У шебя?“ вскричалъ изумленный Гольгеръ: „у шебя, — а Кацшманъ....“

— „Скоро получишь его. Ахъ, еслибы шы зналъ, какъ шяжело мнѣ съ нимъ разсшашья! Еще все недоспавало у меня къ шому силъ; да мнѣ и въ самомъ дѣлѣ хочешся выдумать какой нибудь невнятный обманъ. Никто не знаетъ, что я лашель его.“

„Однако, можешь быть, почему знаешь!“
возразилъ поспѣшно Гольгеръ.“

— „Если шакъ, то конечно нельзя мѣн-
кашь. Но мнѣ будешь очень горько. — Са-
дись и выслушай, какъ все случилось“ —
продолжалъ Вольдемаръ весьма непринужден-
но. „Знай же: перстень украдець — малень-
кою обезьяною Капишана: по крайней мѣрѣ
шакъ должно полагаешь, пошому что она
часто срываешь, и какъ ее всегда наказы-
ваешь за шалости, какія дѣлаешь она на
свободѣ, то изъ хитрости или смиренія,
или Богъ знаетъ почему, ей вздумалось спря-
тать похищенное въ такое мѣсто, откуда
да не могла уже послѣ достать, пошому
что ее опять посадили на привязь. Дни
черезъ два сорвалась она снова и случайно
или явнѣ, шолько ошмыкала свою добычу
и спряталась въ уголку, гдѣ я нечаянно ее
замѣнилъ. Я взялъ кусокъ парусины и хо-
шѣлъ ошорожно накрыть ее, чшобъ она
не бросилась на мачшу, какъ вдругъ побѣ-
жала она внизъ по лѣстницѣ и въ испугѣ
уронила перстень. Мнѣ шощасъ пришло
въ голову, что это долженъ быть пош-
рянный; я поднялъ его и не посмотри хо-
рошейко, понесъ къ Капишану. Слуга ска-
залъ мнѣ однако, что онъ легъ уснуть. Ду-
мая доставивъ ему пріятную нечаянность,

и никому не сказавъ о находкѣ и пошелъ къ себѣ въ каюшу, гдѣ и спалъ разсмащивашь перстень. Предсхавъ же себѣ мое удивленіе, мой испугъ, когда я узналъ его, хотня уже нѣсколько лѣтъ не видалъ. Тушъ объяснились мнѣ слова доброй моей матери; загадка, лежавшая у меня на душѣ, разгадалась; перстень принадлежалъ ей.“

— „Какъ? что это значить?“ спросилъ Гольгеръ съ удивленіемъ и участіемъ.“

Тушъ рассказалъ ему Вольдемаръ чистосердечно, какъ былъ онъ озабоченъ необходимыми издержками предъ опъздомъ, и какъ неожиданно dospала ему все мать его. „Теперь только,“ — продолжалъ онъ: „у меня открылись глаза. Изъ всего прежняго богатства отца моего, по превращеніи судьбы, оставался у моей матери одинъ, отъ него полученный, дорогой перстень. Имъ обручались они, и она скорѣе гонима была на все, нежели разсмащивашь съ эщиръ сокровищемъ. Въ шеченіе многихъ лѣтъ претерпѣвая нужду и употребляя послѣдніе крохи на хворое мое дѣшество, она все таки не коснулась драгоценнаго залога своего исчезнуваго счастья. И наконецъ однако, изъ любви къ сыну, кошораго желала снрядить досшойно званія, имъ носимаго, — мнѣ живо предсхавляешся, какъ все это

случилось — поередшвомъ кого нибудь изъ друзей своихъ, знавшаго приспращше нашего Капитана къ дорогимъ камнямъ, она предложила ему свой перстень черезъ шреши или четверными руки. Онъ ввроятно съ радостію за него ухвашилъ, какъ за вещь, весьма рѣдкую, и вошь я шеперь шолько сдѣлааъ это отккрышіе, въ изобиліи, меня гнешущемъ. Можешь шеперь вообразить, съ какими чувствами взоръ мой покоился на сей драгоценной жершвѣ машеринской любви, и какія горько-сладостными воспоминанія возбудились во мнѣ. И что жъ? Неужели эти счастливыя минушы должны мелькнуть, какъ метеоръ во мракѣ? Неужели, имѣя нѣчто существенное къ моей отрадѣ, я долженъ его лишиться, къ сильнѣйшему еще шерзанію души моей? Капитану дорогъ одинъ камень; онъ останешся при немъ; его онъ долженъ получить и получить: но что ему въ этомъ священномъ для меня волошѣ, кошорое обвивалось вкругъ нѣзнаго пальца моей машери, на кошорое шакъ часто взирала она съ любовію, кошорое вѣрныя уста ея часто съ радостію, чаще же съ горестными слезами цѣловали? Ошиваю ли это еокровище, когда узнааъ его, когда принималаъ его, со всѣми нѣжнѣйшими дѣтскими чувствами, къ моему сердцу,

когда горю пламеннымъ желаніемъ возвра-
тишь его подъ шопъ кровь, гдѣ бы на вѣкъ
надлежало ему оставаться, откуда только
для меня оно скрылось? Вошь посмотри,
у меня есть кольцо, увѣсисное, чистаго
золота, дороже, нежели то. — Не разъ уди-
влялся ты искусству рукъ моихъ; я смѣл-
ся, но вошь, оно пришлось мнѣ къшаши:
разсмотришь хорошо першень, я нашелъ,
что камень держится только шпильками
въ маленькой чашечкѣ кольца; съ дорожнымъ
инструментомъ нашего доктора было бы
легко, но все кажешся мнѣ, будто я не въ
правѣ, и вошь я колеблюсь, не лучше ли
прямо признаюсь во всемъ Капитану, или
прежде“ —

— „Въ умѣ ли ты?“ прервалъ Гольгеръ.

„Почему жъ?“ спросилъ Вольдемаръ,
удивясь: „только бѣ не испортишь перш-
ня, и...“

— „Лучше во всемъ признайся прямо.
Капитанъ вѣрно втайнѣ горюешь еще о
першнѣ: ну, если онъ, если кто нибудь
узналъ бы, что ты нашелъ его и держишь
у себя — можешь бышь даже и знаешь
уже.“ —

„Какъ!“ вскричалъ Вольдемаръ, вскочивъ
съ живостию: „кто же осмѣлился.... Но
ты говоришь правду: я уже былъ однажды

въ подозрѣніи понапрасну, и не зналъ о томъ. — Прочь! прочь! теперь это золото горитъ въ рукахъ моихъ, а все мнѣ жаль — какъ будто, расставаясь съ нимъ, должно отказаться отъ всякаго на землѣ счастья.“

— „Объяви чистосердечно свое желаніе; не ужели ты стыдишься своей бѣдности?“

„Гм! не должно бы — но проклятое высокомеріе — однако ты правъ — я готовъ на это и сей часъ.“

Онъ пошелъ къ Капитану. Сей принялъ его строго и сухо, съ такимъ видомъ, что другой, на мѣстѣ Вольдемара, болѣе подозрительный, подумалъ бы пошчасъ, что про него шепнули уже что нибудь оскорбительное. Но холодность Капитана была непродолжительна; вскорѣ протвой протгашельный расказъ Вольдемара, сдѣланный съ угязпеніемъ порывовъ гордости, обезоружилъ его и преклонилъ къ испинно опеческой крошоспи. Юноша заключилъ рѣчь свою прямодушною просьбою, чтообъ Капитанъ оставилъ ему маловажное кольцо и позволилъ замѣнить его другимъ, въ которое брался хорошо вѣлать камень. Капитанъ выслушалъ его до конца, но не отвѣчалъ ничего на его просьбу, а только,

взявъ перешень, наказывалъ ему кучу благодарностей и поспѣшилъ созвать всѣхъ офицеровъ, чѣмобъ имъ объявить эшошъ радостный случай.

Въ первую удобную минушу послѣ шото, какъ они разошлись, Джонъ подвернуася къ Гольгеру и съ колкими взглядомъ шепнулъ ему: „пу чшо, береша ли шеперь назадъ свое слово?“

„Нѣшъ!“ отвѣчалъ Гольгеръ не громко, но довольно рѣзко, шакъ чшо Джонъ невольнo содрогнулся: „нѣшъ, Лейшенантъ Ре-хонъ и нашель першень, и держаль его у себя; но шонъ и видъ, съ какими вы говорили о шомъ, все шакъ заключаль въ себя ложъ и вы эшо знали очень хорошо; ложъ, говорю я, и гошовъ расквишашься съ вами за сказанное.“

Съ эшики словами, сопровождаемыми поразительнымъ взглядомъ, оставилъ онъ Джона, кошорый не подумаль удержашъ его и съ нѣхъ поръ всячески старался избѣгашъ съ нимъ встрѣчи.

Между шѣмъ плаваніе продолжалось очень счастливо. Недѣльн проходилъ за недѣлями. Уже были они близки къ мѣсту своего назначенія, какъ однажды за шоломъ, къ конорому приглашено было нѣсколько офицеровъ, Капитанъ спалъ утверждашь

какую-то очевидную несправедливость по морской науке. Офицеры, а съ ними и Вольдемаръ, не могли при этомъ не улыбнуться; немножко съ досадою обратился Капитанъ къ послѣднему, смѣвшему прямо прошивъ него, и смѣлъ вызывать его удариться объ закладъ, съ шакимъ повелительнымъ тономъ, что Вольдемаръ, будучи и самъ приведенъ въ сомнѣнiе, смѣлъ неблагоуразумнымъ отказашься. „Наврасно ко мнѣ обращаешься ты“ — сказалъ онъ ему только: „то, что я могу употребить на закладъ, не стоить и труда.“

„Зачѣмъ на деньги?“ сказалъ Капитанъ; „вонъ у васъ хорошенькая грудная булабочка. Давайте ее, а я тоже дамъ какуюнибудь бездыку.“

Вольдемаръ снялъ булавку и опдалъ ее избранному посреднику, которому и Капитанъ вручилъ небольшой фушляръ, вынутый въ шуже минушу изъ его ящика. Тотчасъ навести справку по книгамъ. Правда оказалась на сторонѣ Вольдемара, которому и возвратили булавку его вмѣстѣ съ выигрышемъ. Тогда же поднялись изъ за стола. Онъ открылъ фушляръ и нашелъ тамъ — персень своей махери. Спрогий взглядъ Капитана заставилъ его укротить свои чувства; да и послѣ, когда имъ слу-

чалось бытъ наединѣ, Вольдемаръ не смѣлъ сдѣлать ихъ гласными, видя, что шого не хошѣлось начальнику и зная хорошо характеръ его. Но шѣмъ съ бѣльшею благодарностію сшалъ онъ носить сію драгоцѣнностъ на груди своей, и съ нешерпѣніемъ ожидашь шой счастливой минушы, когда въ сосшояніи будешь, съ дѣтскимъ радушіемъ, возврашшь ее въ руки своей матери. Только другу ошкрылъ онъ свою радость.

Цѣль плаванія была достигнуша; но едва шолько вваились они въ пристань, какъ нагналъ ихъ небольшой шлюпъ, привезшій Капитану приказъ, изъ котораго увидѣли, что внезапно шучи собрались вокругъ мирнаго дошолъ горизонша ихъ ошчешства, и что ему должно соединить всѣ свои силы для ошраженія непріятельскихъ. Кораблю надлежало немедленно возврашиться, но не чрезъ Бришанскій каналъ, какъ обыкновенно, а вокругъ Шотландіи къ Норвежскимъ берегамъ. Капитанъ едва шолько времени позволилъ себѣ упошребить, чтобы запасшись свѣжею водою и провіантомъ. Все снова пришло въ движеніе, кошорое возбудило и внушрешнюю дѣшельностъ молодыхъ офицеровъ. Каждый изъ нихъ горѣлъ нешерпѣніемъ попасшь въ пылъ битвы, соошвѣшсшвующій пылу его юности. Толъ-

ко Вольдемаръ неполнѣ участвоваль въ семъ общемъ соревнованіи. Шлюпъ привезъ и для него извѣстія, кошорья, вмѣсто радостныхъ ожиданій, пишавшихъ его душу, наполнили ее горестію. Мать, снрядивъ его, можешь бышь по предчувствію, шакъ богашо къ плаванію сдѣлаа свою послѣднюю машеринскую жершву. Опшусья его въ пушь славы и чести, она перешла на пушь вѣчнаго успокоенія, лишь шолько сынъ пропаль съ глазъ ея. Вольдемаръ мужешвенно укрощаль горесть свою и слезы; шолько мрачное облако нависло на радостномъ прежде взорѣ его. Другъ умѣль щадить и уважать въ немъ чувшва благородной нѣжности.

Обратное плаваніе началось и счастливо и поспѣшно, хошя желаніямъ юности все еще казалось оно медленно. Осеннія бури не замедлили однако показашь надъ ними права свои, лишь шолько перевалились они за Гебриды. Гордое зданіе долго преодолевало борьбу въшровъ и посмѣвалось ихъ упорству; но шѣмъ какъ бы еще болѣе раздражало ихъ. Уже кипящее море и ревушая буря, соединенными силами грозили ему гибелью. Блѣдный, но все еще бодрый народъ, сквозь наносимыхъ и ежедневно болѣе сгущающихся шучь, предусмашриваль одну не-

ушомленную смерть, которой угрозы еще сильнѣе свирѣцествовали ночью, во кракъ непроницаемомъ. Ушомленные безирерывными трудами машросы, чишали судьбу свою и надежды во взорахъ офицеровъ, которые, сохраняя швердую, венринужденную осанку, поглядывали однако сомнишельно на Какшана. Сей послѣдній былъ покойнѣе, бодрѣ всѣхъ; онъ ни на минушу не сходилъ съ палубы, расхаживалъ взадъ и впередъ, размавалъ хладнокровно приказанія и — грызъ орѣхи.

Въ сіи ужасныя часы, младшіе офицеры должны были занимать опаснѣйшіе посты, и часно, въ ободреніе нижнихъ чиновъ, подвизались крѣпкими мышцами въ шруднѣйшихъ работахъ. Въ то время, когда силою бури, концы высокихъ мачтъ склонились почти до поверхности моря, они безспрашно лазили по реямъ, которыхъ края купались перѣдко въ холмиющихся, сердитыхъ валахъ.

Часно Вольдемаръ устремлялъ жадный взоръ въ безирерывно разверзшую пучину смерти; но всегда замѣчалъ въ шакомъ случаѣ, что Гольгеръ находится вблизи его и какъ будио стережень, чиноб другъ его, явно иренебрегая смертью, не забылъ иредоспоромости, которую обязанъ жизни. Такой надзоръ наконецъ возмутилъ его. Не

безъ досады спросилъ онъ: „зачѣмъ вы слѣдуешь всюду за мною по лямбамъ?“

— „За чѣмъ?“ — ошвѣчалъ Гольгеръ: „развѣ не заключили мы союзъ брашства? И если намъ суждено скоронить себя въ вшой влажной пучинѣ; то не ужели смерть опнинешь у насъ опраду, погрузитесь въ море вѣспѣ, грудь съ грудью, рука въ руку?“ Въ это мгновеніе, вдругъ корабль зашрещаль, спрашнымъ шолчкомъ всѣхъ бросило врознь; но въ этомъ грозномъ шолкѣ нашии они свое спасеніе; корабль съль на мель. — Они были у береговъ Норвегин равне, нежели полагаи; брежущій разевѣшь ошкрыль имъ береговыи скалы. Съ послѣдними силами корабля, смягчился и напоръ въшра; уже валы не вздувались шакъ высоко; машросы употребили ошашокъ силъ своихъ на выкачиваніе воды и срубку мачиш; имъ удалось пусшить корабль въ ходъ и причалишь въ шу самую кришань, гдѣ и прежде искаи они себѣ убашща. Еще до шого, въ первую, въсколькo покойную минушу, Вольдемаръ опозвалъ Гольгера къ шшороямъ и сказалъ:

„Возьми и шоси вы вшопъ перешель; имъ его менадобно.“

Гольгеръ шшопрѣлъ на него съ удивленіемъ.

*

„Да, да!“ продолжалъ шопъ. „Памяшь машери для меня дорога, но эшошь персшень приводишь меня въ уныніе. Онъ возбуждаешъ во мнѣ чувства, недстойныя мужа швердаго. Онъ былъ нѣкогда подаркомъ вѣрности; пусть же, вмѣсто того, чшобъ дѣйшвовашъ на меня пагубно, доставишь онъ мнѣ удовольствіе, вручишь вѣрному другу памяшникъ того часа, въ кошорый избавленъ я имъ опъ мрачныхъ, нецшовыхъ помышленій. Порадуй меня, возьми его; да и что изъ моего, не принадлежишь тебѣ; также какъ и швоимъ, я свободно располагаю?“

— „Хорошо, беру и сберегу его для швоей невѣшны!“ опшвчала Гольгеръ, взявъ персшень и повѣсивъ его на грудь свою.

„Для невѣшны?“ горько возразилъ Вольдемаръ. „Моя невѣшпа — мрачное море! Уже кажешся мнѣ, будшо оно манишь насъ въ свои объштія.“

— „Что за печальныя мысли, когда опасносшь уже миновалась? Наслаждайся жизнию — она прекрасна!“ Тушь подошли поварищи и разговоръ прервался.

Корабль, почти пошопая, дошацился до берега. При осмопрѣ нашлось, что починка его была бы, въ шакомъ ошдаленномъ мѣспѣ, или вовсе невозможна, или сопряжена съ издержками, какихъ не спонлъ онъ

самъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, Каишанъ не смѣлъ иѣшкасть, и рѣшился, не смотря на продолжающіеся осеннія бури, ошъ кошорыхъ шолько чшо усдѣли, они укрьшсья, перевести экипажъ на небольшую яхшу и плышь въ резиденцію Короля. Большую часть мапросовъ распустили, а изъ офицеровъ младшіе должны были, по принятому правилу, оставашься для охраненія Королевскаго имущества: пушекъ, амуници, словомъ всего, чшо могло бышь спасено съ корабля и годишься къ употребленію. Сін младшіе офицеры были два друга, къ кошорымъ судьба и здѣсь пріобщила злаго спущника, въ лицѣ Джона. Ихъ занятіе сопряжено было со многими затрудненіями, и шребовало, къ бѣльшей досадѣ, продолжительнаго неопредѣленнаго времени, хощя и можно было надѣяшься, чшо непріятельскія дѣйствія, неполнѣ начавшіяся, съ насшуиленіемъ зимы пресѣкушься. Къ тому же, не весело было и самое пребываніе въ шшомъ маленькомъ береговомъ городишкѣ, кошораго гавань защищалась шолько нѣсколькими шанцами, наскоро починенными, и содержащими небольшой опрядъ пѣхоты, съ кошорою моряки, по давнишней, конечно ребяческой враждѣ, никогда не жили въ ладу, даже и по службѣ.

Тайныя отношенія обоихъ друзей съ Джономъ, еще болѣе усиливали ихъ досаду. Давно уже Вольдемаръ спалъ примѣчая, что Гольгеръ немнѣе, какъ съ большимъ презрѣнiемъ обращается съ Джономъ, хотя сей шушками и разными увершками стараешься отвлечь вниманiе прочихъ отъ существующихъ между ними непрiятностей. Какъ Гольгеръ не говорилъ о томъ ни слова, и даже избѣгалъ ошвѣщать на двѣяние ему намеки; но Вольдемаръ и счелъ, что дѣло сосноишь въ нанесенной Джономъ тайно обидѣ его другу, почему и спалъ удерживаясь отъ распросовъ. Ни безпокойства, ни любопытства его не превозжили; свою честь считалъ онъ неприкосновенною подѣ собственною защитою и надзоромъ дружбы; только невольнымъ образомъ сдѣлался онъ еще холоднѣе къ Джону. Сей между тѣмъ, по опѣздѣ Капишана, увидѣвъ, что поварищи совершенно его оставили и говорили съ нимъ только по службѣ, въ которой, какъ старшiй, былъ онъ ихъ начальникомъ. Весьма естественнo, что важнѣе бесѣды съ ними, искалъ онъ другой, гдѣ только могъ найши, и съ рѣдкою при его званiи предупредительностию къ пѣхотнымъ офицерамъ маленькаго гарнизона, вслушался въ сообщество съ ними, спалъ уча-

сидованъ въ ихъ веселыхъ пирункахъ и за-
пѣяхъ; а наконецъ шакъ забывался въ ихъ
кругу, что возбуждалъ сильное негодование
своихъ поварихей. Оба друга, кромѣ нѣ-
сколькихъ знакомствъ въ городѣ, и то не
весьма привлекательныхъ, не имѣли никого,
съ кѣмъ бы могли раздѣлять время, и при-
нужденны были, большею часпю, посвящать
часы свои уединенію, а съ шѣмъ вмѣспѣ и
скукѣ.

Между шѣмъ, въ продолженіе зимы, въ
сердце Вольдемара вдругъ заронилаь искра
шой епрасши, о кошорой прежде говорилъ
онъ не иначе, какъ съ горькою усмѣшкою.
Одна изъ жишельницъ маленькаго городка,
очень любезная дѣвушка, умѣла шакъ силь-
но привязать его къ себѣ, что онъ еще не-
жертвливѣе спцалъ желать весны и войны,
принимая послѣднюю за средство оплчить
себя и улучшить свое положеніе. Годьгеръ,
кошорому онъ ошкрылся, и предъ конорымъ
въ первый разъ началъ разсуждать о важ-
ности семейственнаго счастья, слушалъ
его, не понимая; ибо истинная любовь бы-
ла ему неизвѣсна, хотя и не чуждался онъ
радостей, кошорымъ придають ея имя.
Связь надъ краснорѣчивыми увѣщаніями
Вольдемара, не могъ онъ однако не сожа-
лѣть, что уже не шакъ часто, какъ преж-

де доставалось ему проводить съ нимъ время, и что нерѣдко другъ въ большомъ нещепивннн оставялъ его. Томимый бездѣйствіемъ, ибо весь корабельный снарядъ давно уже прибранъ былъ къ мѣсцу, спалъ онъ заглядывашъ время онъ времени въ биллиардную залу, единственннн во всемъ городкѣ мѣсто собранія молодыхъ людей. Туть по неволѣ надобно было еблизашъ съ шѣми, кого онъ прежде избѣгалъ, и шущъ же, къ сожалѣнію, узналъ онъ всею мѣру предосудительнаго учасія, принимаемаго Джономъ въ самыхъ неумѣренныхъ шалостяхъ. Силь огорчался онъ шѣмъ болѣе, что другъ его, уже не съ шакимъ, какъ нѣкогда, жаромъ, принималъ его горькія на то жалобы. Съ шѣхъ поръ взоръ его спалъ слѣдовалъ повсюду за Джономъ, подобно тому, какъ взоръ господина слѣдуешь за неопесаннымъ слугой, кошорому по необходимости даль неши дорогой сосудъ, и на кошораго за малѣйшее неловкое движеніе, возбуждается въ немъ сильная досада. Нанесенныя ему Джономъ небольшія личныя оскорбленія, почти забышы имъ были по пламенной заботливости о чести мундира.

Наспунила весна; ледъ въ гавани рушился и размешался по валамъ моря. Скука шѣмъ шомишельннн была для Гольгера,

какъ и для его шоварищей, чѣмъ съ большимъ нешерпѣніемъ ожидалъ онъ дальнѣйшаго своего назначенія. Къ тому же шягошили его, какъ и другихъ, недоспашокъ въ деньгахъ. Большое разсчояніе онъ сподицы и, по погодашнимъ общоящельсшвамъ, зашруднишельность переписки, засшавили его довольсшвовашься весьма ограниченнымъ содержаніемъ, и шо получаемымъ черезъ Джона, кошорому поручено было, необходи-мѣйшую для команды сумму взяшь, именемъ Короля, у городского Начальсшва. Если бъ впрочемъ Джонъ и могъ давашъ въ пособіе болѣе, нежели сколько слѣдовало; шо друзья шого никакъ бы не захошѣли, ибо видѣли, съ какимъ легкомысліемъ расшочаешъ онъ значишельныя въ ихъ положеніи суммы, и спрашились послѣдсшвій.

Въ это время неожиданно вбѣжалъ въ гавань поврежденный **скій военный бригъ, кошорый съ большимъ шрудомъ пробрался между разсѣянными по морю льдинами. Въ городкѣ экицажъ надѣялся исправишь свое судно и привесши его въ сосшояніе къ дальнѣйшему плаванію. Изъ всѣхъ прибывшихъ офицеровъ, едва шолько спаршіе имѣли видѣ людей нѣсколько образованныхъ, а прочіе, закоренѣлые невѣжды, поддерживались въ распушной жизни своей шолько неограни-

ченною надъ ними власнію начальниковъ , кошорые однако и сами нерѣдко вдавались въ безчинства, навлекавшія большія непріятности жителямъ городка. Никто изъ сихъ чужеземцевъ не говорилъ языкомъ еспраны, въ кошорой они находились, и шолько немногіе изъ спарскихъ умѣли по Французски и по-Англійски. Первыиъ изъ сихъ языковъ, говорили порядочно Вольдемаръ и Гольгеръ, а на послѣднемъ Джомъ объяснялся какъ на родномъ; пошому что узналъ его еще въ дѣтствѣ, бывъ у отца своего въ Индіи. Это сблизило ихъ съ иностранцами: Канишанъ брига былъ почти неразлученъ съ Джомомъ и во всемъ съ нимъ совѣшвался, а Гольгеръ, по обыкновенной предупредительности въ обращеніи Дашскихъ моряковъ съ чужими офицерами ихъ званія, считалъ себя обязаннымъ услуживать имъ, въ чемъ шолько могъ. По сему нерѣдко засиживался онъ въ биліардной залѣ и былъ свидѣтелемъ самыхъ шумныхъ явленій, въ кошорыхъ, къ величайшей, едва скрываемой досадѣ своей, всегда видѣлъ участникомъ Джона. Всего нестерпимѣе для него было, когда сей, играя и проигрывая въ бѣнку, забывалъ о крайности, въ какой они находились, и съ безразсудною запальчивостію промещивалъ послѣднія свои деньги.

Уже нѣсколько разъ наивревался Гольгеръ просить его, чшобъ онъ по крайней мѣрѣ не въ мундирѣ посвящалъ эту безнужную шайку; но самъ никогда не снималъ мундира, какъ бы желая придать хоня нѣсколько важности и лорда среди невоздержанія и безчлвства. И дѣйствительно, его присутствіе, его возвышенное самочувствіе, державли въ границахъ грубости даже и высшихъ офицеровъ. Изъ сихъ, одинъ только заслуживалъ его уваженіе и дружбу: это былъ второй по Капитанъ изъ командовавшихъ на бригѣ, человекъ пожилой, родомъ Французъ; его правила, казалось, наиболее согласовались съ Гольгеровыми, и онъ мало участвовалъ въ буйныхъ забавахъ своихъ товарищей. Самъ же Капитанъ былъ чрезвычайно пристрастенъ къ игрѣ.

Вечеромъ, наканунѣ того дня, котораго назначенъ былъ для отплытія брига, шелъ Гольгеръ, уже довольно поздно, въ бильярдную залу, чшобъ сдержашъ данное слово на провѣды. Еще издали услышалъ онъ величайшій шумъ и возню, котораго и не удивилъ его, ибо онъ зналъ, каково можешъ быть прощанье грубыхъ людей. Но какое ужасное зрѣлище представилась глазамъ его! Посреди многочисленнаго пьянаго собранія большею частью раздѣвныхъ людей, на полуц-

одеждою каршономъ сполъ лежалъ мундиръ, на кошоромъ держалмсь еще сполъ знакомые ему аполешы, и чужеземный Капитанъ, едва сполъ на ногахъ, колешилъ по чемъ даждой, съ громкими ругательствами и насмѣлками. Смущный крикъ, смѣхъ, прокляція окружающихъ, служили музыкой къ енцимъ ударамъ. Нѣсколько находившихся шунтъ. Данчанъ, съ явнымъ негодованіемъ бросидсь на встрѣчу Гольгеру, когда она воцелъ, какъ обыкновенно, въ поавомъ мундиръ. На мгновение оспановился онъ, какъ вкопаный, пономъ вдругъ вынулъ сабаю свою и съ пвердоощію, кошорая пошчасъ проспрезвидъ большую часшь предшоящихъ, вскричалъ: „что это? кто смѣенъ ругатьсь дакъ мундиромъ здѣшняго края и шѣмъ, кошорый ношу я? Оидьчайше вы, чужеземцы, и дайте мнѣ олчешъ!“

„Когда негодяй“ — лепещалъ Капитанъ: — „проигралъ мнѣ штысячу шалеровъ и не плашишь, когда онъ убѣжалъ — ившь, вошь онъ лежишь еще здѣсь!“ — продолжалъ онъ, качаясь, и лишь шолъко кошъль ошашъ приударить по мундиру, какъ повалился на полъ.

Тупъ всшупился гарнизонный Лейшенаншъ, переодѣшый во фракъ, и спшалъ говорить хошя въ извиненіе буйныхъ, но съ

явною злобою во взорѣ: „они всѣ порядочно напились“ — сказалъ онъ: „Лейптенантъ Формеръ поже былъ хмѣлень, да и я не безъ того. Какъ въ компаншѣ сдѣвалось жарко, то всѣ они давно сняли свои мундиры. Завтра никто не узнаешь, что здѣсь происходило.“

— „Лейптенантъ Формеръ хмѣлень не былъ“ вскричалъ Гольгеръ, не обращая вниманія на посредника. „Онъ пошелъ на минушу къ себѣ, чтобы доспашъ денегъ и удовольствовишь вонъ - эшого безумца; онъ конечно не воображаетъ, что могли здѣсь позволить себѣ. Онъ возвратишься и пошребуешь, чтобы съ нимъ расквишались.“

Помышляя только о томъ, чтобы спасти и поддержать честь своего званія въ глазахъ сихъ грубыхъ чужеземцевъ, Гольгеръ упошребилъ всю власшь надъ собою, чтобы подавишь бѣшенство свое проливъ недосшойнаго своего шоварица. Онъ посѣщилъ въ жилище Джона и нашель, что сей скорыми шагами разхаживаетъ по компаншѣ: лисшолетъ въ рукъ, на шолѣ порохъ; то и другое попеременно осшанавливаетъ на себѣ его нервшительный взоръ, искаженный самымъ дикимъ ошчаянiемъ.

Гольгеръ спалъ передъ нимъ, сложа руки, и съ подавленнымъ въ груди негодова-

місць, сквозь спящія уста, пронісесь :
„чию узнашь я?“

— „Оспавь меня!“ оспивчалъ Джонъ опсправиспо: „я быль безъ голови — и же-
перь еще не опомнюсь; шпелча шалеровъ
долгу и ни гроша въ кармань.“

„И чесшь нашего корпуса, шундира,
олага, кошорому шнє клясє.“ —

— „Эпо-шо и бєснєть меня!“ оспивчалъ
Джонъ глуко.

Сін слова, какъ бальзань, влились въ
возмущенную душу Гольгера. Онъ почув-
ствовалъ родъ сосспраданія къ жалкому че-
ловѣку. „Если спасеніе возможно, шо оно
будешь!“ воскликнулъ онъ. „Я достану де-
негъ.“

„Нѣшь, нѣшь!“ сказалъ Джонъ, кляча
головою. И эша сущма не спасетъ меня,
шолько опспрочлшшь спшдъ и казнъ мою.
Забранннє мною казеннє дєнѣгн шожє всѣ
убишнє; ихъ-но желєє спєсшнє, попалєє я
въ новую пєшлє. Все мєгъ бнє и возврєщшшь,
но не шопчєсь. Мнє ождєєшє єждєнєвє
повєєвннє, и мнѣ долѣно будєшъ ондєшъ
опчєшъ; шєгдє-шнє, шєгдє — ахъ, Боѣ
шєй! — мое поношеніє — чесшь нашего
корпуса!“ Онъ сильно ломєль себѣ руки. —
„Нѣшь, все пропєло — однєко я блєгдє-“

реть себя“ — прибавилъ онъ слабымъ голосомъ.

„Опнъ благодарности уволь!“ Для тебя право ничего бы я не сдѣлалъ, но швою одежду ношу и я. Берусь доспашь всѣ деньги, но шмы долженъ драться, завтра же рано по ушру, пока не ушелъ бригъ.“ — Тушь расказалъ онъ корешко, что видѣлъ. — „Я буду швоимъ секунданшомъ!“

— „Гопшовъ. — Но возможно ли это? Ты, шмы хочешь бышь моимъ спасителемъ!“ вскричалъ Джонъ съ горячностью.

„По необходимости. Все случившееся мы предадимъ забвенію, шолько съ однимъ условіемъ.“

— „Гопшовъ на всякое.“

„Ты выйдешь въ ошсшавку.“

— „Какъ! — Хорошо, но шолько не шощасъ. Подумай самъ о чести моей, о чести нашего корпуса, шакъ много люблю дѣлшмой. По крайней швръ шогда уже, какъ мы выведемъ изъ этого городка.“

„Смошри по обшешельствамъ, какъ найду я нужнымъ — слышшь ли? Одрвайся же; я скоро явлюсь къ тебѣ.“ Спрося, какъ велика вся проигранная сумма, онъ его ошавилъ.

Гольгеру, какъ скоро онъ пришелъ въ себя онъ первыхъ впечатлѣній биллиардной

заны, вспало на умъ обстоятельство, которое счелъ онъ за намекъ Провидѣнія. Когда-то пріѣхалъ его Французъ случайно видѣлъ персень, носимый имъ на груди, и говоря, что знаешь, какъ дорого можно сбыть это сокровище въ настоящее мѣсяцъ и въ благопріятное время, предлагалъ ему значительную за него сумму. Гольгеръ не хотѣлъ тогда и слышать о такой продажѣ. Но теперь — въ этомъ оставался единственный способъ, достать на-скоро столь большую сумму, въ какой имѣлъ онъ надобность. Къ тому же чужеземцы съ разсвѣтомъ дня должны были пуститься въ море, следовательно вся исторія кончена будетъ разомъ. Дуэль, какъ онъ полагалъ, отклонить и малѣйшую идею о шрусости. Правда, что персень былъ уже обѣщанъ невѣстѣ друга въ день ея свадьбы, но его настоящее употребленіе было священо, было необходимо. Самъ другъ не одобрилъ ли его, узнавъ обстоятельства, и оспаривающееся за отдачею камня, кольцо не будетъ ли шѣмъ драгоценнѣе собственно для него, для друга, для невѣсты? Онъ вспомнилъ, что некогда Вольдемаръ говорилъ ему, какъ легко можно камень отдѣлать отъ кольца, и тотчасъ принялся за это дѣло. Оно удалось какъ нельзя лучше. Тогда побѣжалъ

онъ къ Французу, кошорый только что на-
мѣревался итти совсѣмъ на корабль. Торгъ
былъ заключенъ легко и скоро; деньги по-
лучены чистымъ золопомъ.

Джонъ, къ кошорому пришелъ онъ по-
шомъ, ждалъ его въ сильной поскѣ; при
видѣ блестящаго золоша, онъ вдругъ обо-
дрился и послѣдовалъ за нимъ. Въ билиард-
ной залѣ никого уже не было, но Капишанъ
положенъ былъ въ пошель въ шомъ же са-
момъ домѣ. Не смотря на всѣ предсказан-
нiя слугъ, его разбудили. Еще съ шуманною
годовою, едва могъ онъ припомнить слу-
чившееся; ему опсчитали деньги, и съ шу-
домъ могли вполковашъ необходимосшь ду-
ли. Наконецъ убѣдясь въ своей винѣ, далъ
онъ честное слово явиться въ назначенное
мѣсто и въ условенный часъ. Тогда Голь-
геръ опыскалъ еще шого гарнизоннаго офи-
цера, о кошоромъ было упомянуто выше,
и просилъ его бытъ вшорымъ секунданшомъ.
Ему хотѣлось, чтобъ въ случаѣ нужды, ду-
ель сдѣлалась гласною. Пошомъ передалъ
онъ Джону остальныя деньги и разстался
съ нимъ холодно, общавъ на разсвѣшъ
прийти за нимъ.

Въ назначенный часъ, Гольгеръ нашелъ
его уже одѣтымъ и по наружности ничто

не открывало для наблюдательнаго взора , чтобы сердце его было не на мѣстѣ.

Лишь только перешутили они черезъ порогъ , какъ пришла эскафеша , которая принесла столь нестерпивожданое рѣшеніе судьбы ихъ. Деша надписана была Джону , какъ имѣвшему въ рукахъ своихъ главную команду. Промедленіе , хотя бы на четверть часа , въ раскрытіи Королевскаго приказа , считалось каждымъ морскимъ офицеромъ за великое преступленіе. Джонъ , взявъ дешу , пришелъ въ замѣшательство. Самъ Гольгеръ понудилъ его распечатать , предоставляя ему сдѣлать наскоро , какія нужно , распоряженія и сколь возможно послѣдствіе явиться куда слѣдовало ; онъ припалъ на себя объявить чужестранцамъ о причинѣ его промедленія и задержанія ихъ.

Капитана съ двумя секунданцами нашелъ онъ уже на мѣстѣ и въ большемъ нетерпѣніи , потому что поупылый въспрь благопріятствовалъ ихъ ошпытію. Онъ прямо рассказалъ имъ истину ; но прошло четверть часа , и еще четверть , а Джонъ не являлся. Капитанъ довольно грознымъ тономъ объявилъ , что ждать долѣе не намѣренъ и не можетъ. Тутъ вызвался Гольгеръ засшупить мѣсто своего товарища и , какъ свидѣтель оскорбленія своего мундира ,

опомогшишь лично. Принимая на себя двойную борьбу, за ошсуществующаго и за себя, онъ предложилъ, кому изъ своихъ противниковъ угодно попробовать привести его не въ состояніе, сразиться во второй разъ. Выступилъ секундантъ Капишана. По довольно продолжительномъ сраженіи, удалось Гольгеру обезоружить противника. Неперпѣливый Капишанъ, котораго едва ли не единственною добродѣтелью была буйная ошважность, почти въ то же мгновеніе самъ бросился на Гольгера. Эша, не совсѣмъ позволятельная поспѣшность, взволновала въ молодомъ человѣкѣ кровь, и безъ того спруившуюся уже изъ легкой раны; однако онъ выдерживалъ и это нападеніе съ большимъ упорствомъ и неуспрашимостію. Капишанъ дрался на смерть, онъ это видѣлъ и увѣренность въ шомъ дала новыя силы рукъ его, такъ что самъ не поспѣвая, какимъ образомъ, онъ повергъ противника къ ногамъ своимъ.

Въ эшу минушу, изъ-за угла скалы явился Джонъ; онъ бѣжалъ шоропливо, но не задыхался отъ усталости; еще издали, вынувъ свою саблю, махалъ онъ ею и горячо изъяслялъ досаду, что не поспѣлъ ко времени. Къ нападенію на второго секунданша, съ кошорымъ онъ хотѣлъ, казалось, соспѣ-

занься, его не допустили. Время было уже всѣмъ подумашь и о шомъ, чшобъ раненаго Капишана опнессти на шлюпку. Лишь шолько это было сдѣлано, чужестранцы опшвали къ бригу, кошорый немедленно поднялъ паруса.

Всѣ прочіе опсправились въ городокъ. Гарнизонный офицеръ спашъ съ шѣхъ поръ оказывашъ Гольгеру необыкновенное уваженіе, кошорое, вѣроятно ради его, просширалось и на Джона. Сей послѣдній распустилъ обо всѣмъ произшедшемъ шакіе саухи, кошорые, по крайней мѣрѣ въ явѣ, не опшавили и слѣда худаго о немъ мнѣнія.

Между шѣмъ Джонъ, умѣвшій извинишъ передъ Гольгеромъ свое опсущствіе, показалъ ему присланные приказы. Они сосшодли въ шомъ, чшобъ усшроишъ въ городкѣ магазины и лазарешъ, по удобному изъ него сообщенію по всѣмъ направленіямъ въ море; и чшобъ снарядишъ небольшую пловучую башшарею для защиты гавани. Съ шѣмъ вмѣстѣ давалось знашъ, чшо съ гошовымъ уже къ опсправленію фрегашомъ, принадежся небольшая шкуна для прикрышія входящихъ въ гавань купеческихъ судовъ; а командующій фрегашомъ и вмѣстѣ всею расположенною по берегамъ флотшліею, сдѣлаешъ дальнѣйшія распоряженія. — Судя по числу

приказа, надобно было вскорѣ ожидать прибытія фрегата. Офицерамъ надлежало прежде всего заняться составленіемъ изъ осшашковъ спараго корабля пловучей башшарен.

Сердце Гольгера наполнилось новыми, радосными надеждами; онъ поспѣшилъ къ Вольдемару, и расказавъ прежде о нихъ, сообщилъ ему попомъ и о случившемся поединкѣ.

Вольдемаръ, которыи со времени поимовки своей — по крайней мѣрѣ другу его шакъ казалось, — уже не съ прежнимъ жаромъ раздѣлялъ его мнѣнія, выслушалъ все внимашельно, пожалъ ему руку и покачалъ головою. „Если бѣ шло дѣло шолько объ одномъ драгоценномъ камнѣ“ — сказалъ онъ: „но за кого подвергалъ ты жизнь свою. — Смошри, истина все штаки выйдешъ наружу, а если и мѣшъ, думаешъ ли ты, что вшощъ негодѣй надолго избавишъ насъ ошъ подобнаго посрамленія? Ручаюсь, что онъ не сдержишъ даннаго тебѣ слова, да и не можешъ, какъ весьма справедливо самъ тебѣ замѣнилъ. Мы принуждены будемъ, можешъ бышъ, служишъ подъ его начальствомъ: онъ старшій изъ насъ. Но швое намѣреніе было благородно, и если какой нибудь подлець и не можешъ замарать нашего званія, на ко-

шоромъ, какъ на свѣпломъ зеркалѣ, вмгъ изчезаетъ каждое нечистое дуновение; но все лучше, когда оно ни на минушу ошъ него не померкнетъ.“

Гольгеръ не съ веселымъ духомъ оставилъ своего друга, однако грусть его разсѣялась вскорѣ въ заняшїяхъ; вмѣстѣ съ другими приложилъ онъ большее стараніе, чшобъ скорѣе снарядить пловучую башта-рею. Ежедневныя приказанія раздавалъ въ вшой работѣ Джонъ. Такъ прошло нѣсколь-ко дней. Въ это время замѣнилъ Гольгеръ, чшо деньщикъ Джона, одинъ изъ машрозовъ съ ихъ корабля, безпрестанно вершлся у него на глазахъ. Этошъ машрозъ былъ ему очень извѣстенъ, нерѣдко исполнялъ его порученія, иногда по такимъ дѣламъ, кошо-рья любяшъ оспорожность и молчаливость, и вшими обоими качествами, съ прибавкою вѣрности, могъ онъ шочно похвалиться; но безъ всякаго дѣла шакъ ухаживашъ за чужимъ господиномъ, — это не могло бышъ безъ причины. Однажды онъ пришелъ даже въ кварширу Гольгера, и когда попался ему на глаза, шо смѣшался и не зналъ, чшо ска-зашъ.

„Чшо ты, Мадсъ?“ спросилъ Гольгеръ, смѣючись: „ты увиваешься около меня, какъ будшо кошка вокругъ горячей каши. Вѣрно

захошлось шебѣ въ море? Ахъ, брашъ! здѣсь, въ эпомъ захолустыѣ нѣшъ и порядочнаго суденышка, чшобъ можно было смѣшь показаться сердышымъ въпрамъ — иди, ты не нашель ли какого?“

— „Нашель, сударь, нашель одинъ брандеръ, шолько не шакого рода, какъ вы думаете. Въ эпомъ сырость и плесень покрыли всю пороховую камеру, а все падобно бояшсья, чшобъ одна искра не подняла на воздухъ и флагъ нашъ и всѣхъ насъ.“

„Я тебя не понимаю. Говори, что шакое.“

— „Не смѣю, сударь; позволъше мнѣ шолько просишь васъ, нельзя ли избавишь меня опъ моего Лейшенанша; у меня совсѣмъ нѣшъ охоты служишь ему.“

„Вошь хорошо, нѣшъ охоты! Да развѣ будушь спрашивашь, есть ли у тебя охота? — Не съ ума ли ты сошелъ?...“

— „Бышь можешь, г. Лейшенаншъ; со мною что-шо не даромъ; кусокъ въ горло нейдешь, шоска измучила. Говоряшь, она заразишельна, а я право еще молодець хомъ куда, и не хочу, чшобъ меня назвали бабой.“

„Что ты болтаешь? что шакое заразишельно?“

— „Лихорадка, сударь; но у васъ я шощасъ бы выдѣчился. Сдѣлайте опече-

скую милость. Мой Лейшенаншъ, у кошораго прогнали вы лихорадку, вамъ ни въ чемъ не откажешь.“

„Негодяй! какъ ты смѣешь...“ Гольгеръ прервалъ самъ себя, закинувъ гнѣвомъ и ужаснувшись мелькнувшей мысли, кошорой не смѣлъ еще дать мѣсна въ умъ своемъ.

— „Что дѣлалъ, сударь! Вѣдь еще дьяволъ не ослабилъ меня и я долженъ вѣрнѣшному, что видѣлъ своими глазами.“

„Что жъ ты видѣлъ?“ спросилъ Гольгеръ, едва переводя дыханіе.

— „Вошь хорошо, г. Лейшенаншъ, что такъ прямо изволише спрашивать. Теперь я расскажу все. Я, сударь, не глупъ, хоть и стараюсь никогда не разсуждать, какъ и господа офицеры приказываютъ; однако, вошь вечера два назадъ, какъ вы, г. Лейшенаншъ, раскраснѣвшись, прибѣжали къ моему Лейшенаншу, кошорый былъ такъ блѣденъ, будто наглошался морской воды, и какъ на другое ушро вы его опять всполосили — шущъ я не могъ не сдѣлать кой-какихъ разсужденій. На большое письмо, что ему подали, бросилъ онъ взглядъ шолько слегка, а пошомъ пустился скорыми шагами за вами; я же, въ шемношъ, за нимъ и также скоро, только разумѣешь осто-

рожно, шѣмъ бодѣше, что онъ спалъ поне-
многу убавляшъ шагу. Впрочемъ онъ былъ
въ шакомъ раздумѣ, что, кажешся, не вдругъ
замѣшилъ бы меня, если бъ я на него и
нашкнулъ. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ
тому мѣсту берега, кошорое вѣрно изводи-
ше знашь, шѣмъ медче и мешкошнѣе ша-
галъ; наконецъ прокрался онъ въ одно ущелье,
изъ кошораго выглядывая на берегъ, могъ
видѣшь все. Что шущъ за дрянъ шакая! по-
думалъ я, не во гнѣвъ сказанъ, про себя, и
шихохонько вскарабкался на гору, ошкуда
могъ видѣшь и своего господина и всѣхъ,
кто былъ на берегу — не могъ шолько ра-
зобращъ, по каковски они между собою го-
ворили. Изъ ухвашокъ ихъ скоро цонялъ я
однако, въ чемъ дѣло; пошому что я не
глупъ, какъ вамъ докладывалъ. Ужъ вынули
и сабли, начали драшъся, а мой Лейше-
наншъ шоялъ ни живъ ни мершвъ, не смѣлъ
пошевелишъся. Меня шакъ спала забирашъ
охоша соскочишъ къ нему въ ущелье, вы-
хвашишъ его саблю и высшупишъ на его
мѣсто. Эшо было, когда на васъ г. Лейше-
наншъ, накинулъ уже другой. Но нашему
брашу не веляшъ мѣшашъся въ барскія дѣла.
Когда вы шибли съ ногъ и другаго, гора
свалилась съ плечъ у моего господина. Онъ
выбѣжалъ, какъ угорѣлый, а я ворошилъся

домой, пошому чшо видѣлъ по, о чемъ и не думалъ. Туть испышалъ я, чшо худо шамъ разсуждашь, гдѣ иребуешся одно почшеніе.“

„И не разсуждай! разумѣешь меня?“ сказалъ Гольгеръ: „но со мной ты долженъ говорить прямо: скажи, мила ли тебѣ мундиръ Королевскій?“

— „Какъ мила жизнь моя,“ отвѣчалъ Мадсъ.

„А чешь Датскаго флага?“

— „Пуще жизни!“

„И если бѣ попался тебѣ негодий, который вздумалъ бы покрыть ее пашномъ..“

— „Я гешовъ преслѣдовашь его, и самъ бросился бы съ нимъ въ море.“

„Не сказалъ ли ты кому нибудь, чшо видѣлъ?“

— „Ни одному дьяволу; однако, сударь, дьяволъ вѣрно ужъ свѣдалъ.“

„Пускай его, только не говори ни одной душѣ; съ эшимъ условіемъ я беру тебѣ къ себѣ, пошому, чшо ошъ эшого зависишь чешь наша, — моя чешь.“

— „Я буду нѣмъ, какъ рыба. Довольно шого, чшо вы знаете — вы вѣдь смѣете разсуждашь.“

„Ступай же.“

Но и Гольгеръ осмался нѣмъ, какъ рыба; даже другу своему не осмѣлился онъ отккрышь, какой смѣлъ угрожаешь ихъ званію въ лицѣ малодушнаго шоварища. Но точно ли была прусоссть причиною поступка Джонова? Мысль о ней изъ успѣ Мадса перешла къ Гольгеру и привела въ сильное волненіе кровь его; но ни чеспный деньщикъ, по своему просподушію, ни его собственная чистая душа, не могли коснуться подозрвнія, что можешь бышь медлишельность Джоона произоншла отъ надежды увидѣшь гибель того, кто въ эту самую минушу спасалъ честь его, но кто вмѣстѣ былъ неподкупнымъ свидѣшелемъ его гнусности, присмѣдилъ его своимъ великодушіемъ и шѣмъ еще глубже вкоренилъ ненависть въ его сердць. Гольгеръ провелъ цѣлую ночь безъ сна, въ мучишельныхъ думмахъ. Ему казалось, будто бы судьба сильными порывомъ влечетъ и его, и все, что ему любезно, въ неминуемую погибель; единственное утѣшеніе находилъ онъ въ шомъ чувствѣ, что дѣйствовалъ по внутреннему своему убѣжденію. Ушро заспало его сидящимъ въ глубокой задумчивости у окна, какъ вдругъ сильный пушечный залпъ возвѣшилъ ему прибышіе ожидааннаго фрегата.

Вскорѣ и онъ одушевился общемою радостію. Привезенныя съ родины благопріятныя извѣстія возвеселили духъ его. Одинъ изъ пріѣхавшихъ, лазарешный хирургъ былъ давно ему знакомъ и особенно весьма преданъ его другу; ошъ него могъ онъ развѣдать о многомъ. Но всего радостнѣе была для нихъ обоихъ вѣсть, сообщенная самимъ Капитаномъ Фрегага, чедовѣкомъ ошличныхъ свойствъ. Начальникъ Академіи сильно за нихъ предспашельспвовалъ и вмѣстѣ съ нимъ усшромъ шакъ, что въ привезенномъ корабельномъ экипажѣ находилось небольшое шолько число спарыхъ ошцеровъ, которые имѣли уже вѣс свое назначеніе; а прочіе сосшояли изъ младшихъ, шолько что выпущенныхъ изъ корпуса. Такимъ образомъ, осшававшимся цѣлую зиму въ городкѣ ошцерамъ, успѣвшимъ оказашъ себя съ хорошей спороны, можно было предспшавишъ высшія мѣста. Капитанъ нашелъ въ городкѣ много спаринныхъ знакомыхъ; въ первые дни своего прибышя, упошребленные на то, чтошбъ кончишъ сооружеиіе пловучей башшарей, онъ медлилъ назначеніемъ должностшей найденнымъ на берегу ошцерамъ, приказавъ имъ шолько подашъ себя полный ошчешъ во вѣхъ ихъ дѣйшвіяхъ.

Наконецъ, спусти нѣсколько дней, прое шоварищей были къ нему позваны. Джонъ, какъ старшій, получилъ начальство надъ привезенною шкуною. Гольгеру, какъ сѣдовавшему за нимъ, поручена была бапшарен, а Вольдемара назначили вшорымъ командиромъ шкуны, подъ начальствомъ Джона. Объявивъ сіи назначенія, Капишанъ сказалъ имъ :

„Изъ всего, что я здѣсь слышалъ, должно заключишь, что вы, господа, вѣрные, испытанные друзья между собою; почему и не зашрудняюсь я сказать нѣсколько словъ въ предоспереженіе одному изъ васъ, передъ другими, которые шакъ благородно оберегали его добрую славу. До меня дошли слухи“ — продолжая онъ, обращаясь къ Джону — „которые могли бы побудишь меня дать вамъ, Лейшенаншъ Формеръ, низшее мѣсто, впредъ до разбору дѣла; но Лейшенаншъ Ан—, шакъ сильно всшупился за вашу честь, что, кажешся, пашно смышо, почему и не хочу я огорчишь вашихъ благородныхъ друзей, давъ имъ предпочтеніе передъ шѣмъ, чье внутреннее достоинство, бышь можешъ, невинно навлекшее нарѣканіе, ставишь себѣ порукою шакое дѣшельное учасніе дружбы. Благодарите ихъ за мою снисходительность.“

Вольдемаръ бросилъ, при сихъ словахъ, споль быспрыжъ и многозначащій взглядъ на Гольгера, чшо сей невольню пошупилъ глаза въ землю. Когда же друзья оспалились наединѣ, они безмольню, и какъ бы въ смущеніи смошрѣли одинъ на другаго. „Безподобно!“ вскричалъ наконецъ Гольгеръ. „Насъ какъ будшо дѣлають порукою въ дальнійшемъ поведеніи Джопа. Признашья, шущъ есть о чемъ подумашь!“

— „Да, вмѣсто ошспавки, онъ будешъ забавляшья шѣмъ, чшо можешъ мяъ приказывашъ“ — сказала сухо Вольдемаръ, и легкая краска покрыла его щеки. „Вошь плоды швоего благороднаго засшупническаго за честь нашего званія! Если бъ мы покойню предосшавили его судьбѣ, чего бы онъ и заслуживалъ, шы сдѣлался бы шеперь Командиромъ шкуны, а я получилъ бы башшарю.“

Гольгеръ не ошвѣчалъ ни слова; но еще въ шошь же день пошелъ къ Капшпану и подъ шѣмъ предлогомъ, чшобъ не разлучишь друга съ предметомъ любви его, спшалъ усиленно просишь позволенія, перемѣнишь съ нимъ своимъ мѣшпомъ. Капшпанъ согласился и сдѣлавъ перемѣщеніе, а вмѣстѣ расшрѣдѣливъ привезенныхъ младшихъ ошщцеровъ на шкуну и на башшарю, ошшравилъ

ся на фрегатѣ своемъ въ назначенный для него постъ.

„Что ты сдѣлалъ?“ сказалъ въ удивленіи Вольдемаръ, сжимая руку своего друга.
„Смѣю ли я принять такую жертву?“

— „Тутъ нѣтъ жертвы“ — отвѣчалъ Гольгеръ. „Какъ намъ нельзя оставаясь вмѣстѣ, то я хотѣлъ, чтобы не разлучили меня съ тѣмъ, что меня любезнѣе всего въ мѣрѣ; при томъ же, я долженъ одинъ расквашиваться въ томъ, что сдѣлалось нашимъ бременемъ по моей милости; мой долгъ не спускаетъ съ глазъ Джона, и не въ моихъ ли рукахъ онъ теперь?“

„Глупецъ!“ вскричалъ Вольдемаръ, качая головою — „онъ твой начальникъ. — Прошедшее имъ забыто, а въ настоящемъ онъ дастъ себя знать. Смори, будь остороженъ.“

Гольгеръ безмолвствовалъ; каждое слово его друга, и все, что онъ слышалъ, все, что онъ видѣлъ, болѣе и болѣе шагало его сердце. — Изъ сказаннаго начальникомъ Джону, надобно было заключать, что свѣшь ни мало не обмануть на счетъ случившагося; что молчаніе вынуждено только его геройскимъ поступкомъ, и вмѣсто поддержанія чести корпуса, сдѣлано то, что глаза всѣхъ обращены на пашню, хотя смы-

шее, но все, какъ бы гошове выдши снова наружу.

Джонъ былъ очень удивленъ и смущенъ швъиъ, что Гольгеръ самъ вызвался идти къ нему подъ команду. Но мрачное облако, нависшее на бровяхъ его, вскорѣ измѣнилось въ принужденную, дружескую улыбку, съ какою онъ съ швъиъ поръ не переславалъ вспрѣчашъ своего подчиненнаго. Свиданія ихъ были очень часты; по цѣлымъ днямъ проводили они на шкунѣ; посрѣдностью ея снаряженія и обученіе экипажа, набраннаго опчасши изъ береговыхъ жишелей, дославляли имъ много хлопотъ. Вскорѣ весь экипажъ увидѣлъ разницу между своими двумя начальниками: одинъ, раздражаемый малѣйшимъ недоумѣніемъ или невольною ошибкою, не упускалъ случая выказашъ свою власшь, хотѣлъ какъ бы дашъ волю какой-то скрытой досадѣ, и, разумвешся, такое обращеніе, не могло привязашъ къ нему никого изъ подчиненныхъ; другой, напрошивъ, щадилъ ихъ, даже примѣнно огорчался своевольствомъ ихъ прищвсншеля, какъ по собственному добродушію, шакъ пошому, что ~~зналъ~~, :сколь дорога привязанность нижнихъ чиновъ въ минувшъ рѣшишельныхъ. Тутъ самый опытъ доказалъ Гольгеру, что жестокость неразлучна съ шрусосшію: ра-

сказъ Мадса, копоратаго, по общиннѣ, взялъ
 онъ къ себѣ, вернувшись безпрестанно у него
 на умъ и грызъ его внутренность. Одной
 только усильною дѣятельностью превозмо-
 галъ онъ скорбь свою, какъ на немъ лежалъ
 наиболѣе присмотръ за работами, но но-
 чти совсѣмъ не ощущалъ онъ корабля.
 Вольдемаръ, также весьма занятой обучені-
 емъ дославшихся ему молодыхъ офицеровъ,
 сходилъ съ башмакомъ только для посвященія
 своей невесты; и такъ друзья видѣлись
 очень рѣдко, и то всегда на минушу.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

II.

В О С П И Т А Н І Е.

О выгодахъ общественнаго вос- питанія.

Изъ всѣхъ заботъ, которыми обременя-
 ютъ себя пажные и добрые отцы, устроая
 счастіе семействъ своихъ, самую близкую
 къ сердцамъ ихъ и самую трудную въ ис-
 полненіи заботу, составляетъ попеченіе о
 воспитаніи дѣтей ихъ. Человекъ желаетъ

жизнь въ памяти существъ ему подобныхъ, даже и послѣ своей смерти, и преимуще- ственно желаетъ въ оной жизнь посред- ствомъ своего попомощва. Посему-то доб- рые и благоразумные опцы были всегда и лучшими гражданами; мысль — оставишь въ наслѣдство дѣтямъ своимъ честное, про- славленное заслугами, или, по крайней мѣ- рѣ, неочерненное ни малѣйшимъ пресупле- ніемъ, имя — всегда укрѣпляла ихъ въ пре- цеденіи самыхъ пятгоспныхъ обязанностей гражданскихъ. Восхищеніемъ для сердець ихъ пишашъ, при первыхъ дѣйствіяхъ юныхъ сыновъ, необманчивую надежду о томъ, что въ будущемъ, своими личными достоинствами и заслугами на поприщѣ службы Госу- дарственной, они поддержашъ славу дома своего, или дадутъ ему новый блескъ, како- го доселѣ не имѣлъ оный. Сія надежда оправ- дывается единымъ мудрымъ воспитаніемъ юношесства. Многіе однако лишены были наслажденія симъ утѣшительнымъ чувст- вомъ, при недоспашкѣ средствъ къ должно- му образованію дѣшей своихъ и при тыся- чѣ другихъ непреодолимыхъ препятствій, вспрѣчаемыхъ частнымъ лицомъ въ совер- шеніи поль пріятнаго долга; они видѣли, къ тяжкой горести своей, какъ сыны ихъ коснѣли во мракѣ невѣднія, чтобы во всю

жизнь обременяешь собою и домъ свой и общество, — видѣли, и не были въ силахъ опровергнуть зла для нихъ ужаснаго. Сколько много по сему обязаны родители мудрымъ правительствомъ, облегчающимъ труды ихъ по сему важному предмету, принимающимъ на себя попеченіе о приуголовленіи имъ надежныхъ опоръ на дни ихъ старости, опечесиву достойныхъ гражданъ!

Однако есть люди, которые обыкли во всемъ видѣть одни несовершенства и, съ усиленіемъ описывая часто мнимыя недостатки въ предметахъ самыхъ священныхъ, оуждаютъ ихъ по онымъ. Они нареканія шаковыхъ не избѣгли и общественное воспитаніе. Они не усматриваютъ возможности, чтобы лица, по ихъ мнѣнію, чуждыя для дѣшей, являли должное при назначеніи усердіе; воображаютъ, что, по множеству совокупно воспитывающихся, наславники, при всей своей благонамѣренности, не могутъ успешно сообщать свѣдѣнія по той или другой наукѣ; имъ кажется, и они утверждаютъ, что юноши, находясь вмѣстѣ въ большомъ числѣ, прививаютъ другъ другу свои пороки, не занимая другъ о друга похвальныхъ качествъ. Внимая воплямъ шаковыхъ легкомысленныхъ судей, надлежало бы закрыть все учебныя заведенія.

*

Но вопли сіи суть свидѣствія необдуманнѣхъ одностороннихъ наблюдѣній и не содержащѣхъ въ себѣ даже и шѣни правды.

Смыло свидѣтельствуюсь всякимъ благороднымъ по сердцу и признашельнымъ пишомцемъ того или другаго обществѣннаго учебнаго заведенія, что доброе Начальство, что любящѣе свое великое дѣло насшавники, неусыпно бодршвуютъ объ исполненіи своего долга, и что въ семъ бодршвованіи управляешъ ими не наемническая гошовность дѣйшвовашъ къ пользѣ заведенія по ожиданію мзды, но нѣжностъ испиинно родишельская, происшекающая отъ душевной увѣренности о важности ихъ званія, нѣжностъ, на каждаго изъ юношей равно раздѣляемая и шѣмъ надежнѣе досшигающая желаемаго успѣха въ общемъ всѣхъ образованіи. И кто бы изъ насшавниковъ посмѣлъ оскудѣшь въ своемъ усердіи? Не должны ли они дать строгій ошчешъ въ дѣлѣ своемъ предъ Государемъ, ошечешвомъ, родишелями, лице которыхъ замѣняютъ, и наконецъ предъ Богомъ и своею совѣстію? — Если предшавляшъ, что гражданинъ можешъ бышъ ревностенъ только въ шомъ единомъ, что имѣешъ ближайшее опношеніе къ нему самому; шо надобно унишожитъ всякую обществѣнную должностъ. Мысль ни съ

чѣмъ несообразная; ее опровергають подви-
гами своими великіе рачители блага оше-
чественнаго на всѣхъ поприщахъ граждан-
скихъ, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ.
Почему же и въ дѣлѣ воспитанія не бышь
подобному усердію ко благу общему? Нѣшь,
оно является, является обыкновенно; и, мо-
жетъ спашься, сія самая обыкновенность
причиною того, что оно не замѣчено; ибо
люди сильно поражаются только рѣдкимъ
и блистательнымъ; полезное, совершаемое
въ тишинѣ и не ослабляющее взоромъ на-
ружностью, никогда не возбуждаешь особен-
наго вниманія; съ него собирають плоды и
оспаются къ нему холодны. Самый искус-
ный врачъ мало находить признавательныхъ:
исцѣленіе приписывается сильной природѣ
больнаго; безуспѣшное пользованіе почти
всегда относитъ къ его недоразумѣнію и
ошибкамъ, или къ его безпечности.

Спеченіе многихъ слушащелей не со-
ставляешь препяшствія къ равномерному
наспавленію въ наукахъ. Сія наука препо-
даются не однимъ лицомъ; каждая, или по-
чти каждая, имѣешь своего наспавника, ко-
шорый обладаетъ ею совершенно. Несвѣду-
щій не можетъ бышь шерпимъ, даже не мо-
жетъ бышь допущенъ Начальствомъ къ на-
спавленію учащихся. Множество слушаще-

лей исполнишь жаромъ наставника, любящаго свой предметъ (а кто не любитъ того, что знаетъ вполнѣ?); рѣчь, произносимая отъ души, съ любовію, всегда сильно дѣйствуетъ на внимающаго ей. Самый безпечный и разсѣянный собираешь въ одну почку, блуждавшія доселѣ мысли свои, обращаешь умъ свой къ слову, возбуждающему глубокое вниманіе въ его сверстникахъ, и мало по малу навывкаешь оспановляться съ другими на одномъ предметѣ, углубляясь въ него, проникаешь его, овладеваешь имъ. Успѣхъ поварищей раждаетъ въ немъ соревнованіе; успѣхъ собственннй въ одной наукѣ, возбуждаетъ въ немъ желаніе приобрѣсти свѣдѣнія въ другихъ; жажда познаній расщепъ и умножается отъ полного упоенія однимъ изъ нихъ. Трудно возбудишь въ юношѣ чистую любовь къ одной наукѣ; преодолевъ сей шрудъ, легко успѣваешь довершишь его наставленіе. Свѣшь, пролившій на него одною наукою, прельщаетъ его и, озаря невѣжесиво его въ прочихъ, показуя сіяніе другихъ свѣдѣній и связь ихъ съ познаніемъ, уже спаяннымъ отъ него, невольно влечешь его и къ симъ послѣднимъ. Но шаковое плодотворное движеніе, изъ многихъ наставниковъ, хошя одинъ, безъ сомнѣнія, успѣешь произвесшь въ умъ са-

жомъ бездѣйственномъ; тогда сей пробуждаешься ошъ дремоты, оживляешься, приходишь въ дѣятельность, достигашь опередившихъ его, спановишься на одной чертѣ съ умами, наиболѣе прочихъ успѣвшими. Можно ли ожидашь сего при ошдѣльномъ наславленіи юноши, гдѣ нѣтъ соревнованія?

Въ общественныхъ заведеніяхъ, кромѣ многихъ иныхъ средствъ, упошребляемыхъ къ возбужденію въ юношахъ благороднаго честолюбія и похвальнаго соревнованія другъ другу въ ученыхъ занятіяхъ, преимущественно служатъ ошкрытыя испытанія и ршанія, оказываемыя успѣшнѣйшимъ въ присущствіи постороннихъ почтеннѣйшихъ особъ, не рѣдко ближнихъ и родиселей, нарочно для того приглашаемыхъ. Изъ множества учащихся, ни одинъ не можешъ оспашься равнодушень, когда восхищенный сверспникъ его увѣнчивается, получаешь награды и другія свидѣтельствва успѣховъ его, во многолюдномъ собраніи, изъ рукъ добраго, безприсрасшнаго и любимаго начальника, или именишаго гостя, при звукахъ шрубъ, при всеобщихъ восклицаніяхъ и привѣствіяхъ, дѣлаемыхъ ему и ошъ ближнихъ и ошъ незнакомыхъ. Ахъ! невинно и сладосшно чувствво, рождаемое въ юной душѣ шаковымъ шоржесствомъ, особенно ра-

догипкими, безмолвными слезами родителей — при наименованіи награждаемаго сына ихъ; дѣйствіе чувствва сего не есть мгновенно; не одинъ награжденный дознаешь на себя силу его и подкрѣпляешься имъ въ шпудяхъ своихъ; оно пошрясаешь сердца безупльщныхъ, испоргаешь ихъ изъ бездѣйствія; они соревнуютъ ошлщившимъ и чрезъ годъ спановишся сами ошлщившими.

Не смѣю думать, чшобы домашнее наспавленіе, производимое добрыми и благоразумными родителами, по крайней шѣрѣ, подъ ихъ непосредшвеннымъ, неусыпнымъ шощрвнємъ, не имѣло своихъ великихъ, неощвенныхъ выгодъ. Вѣрю даже, что оно оказываешь болѣе благошворныхъ дѣйшвій. Слава нѣжныхъ и досшойно чинимыхъ за добродѣтели ошца и машери, глубоко и навсегда впечатлѣваешь въ душъ чувствашпельнаго сына. Примѣръ ихъ смѣлье самаго наспавленія; похвала ихъ оживаешь дѣдшедьность ушщвешную; единый привѣщный взоръ ихъ, составлаешь сладощную награду для юности и ободряешь его въ порывахъ ко всему прекрасному и доброму; укоризна изъ устъ ихъ, даже шѣнь легкаго шегодованія, мелькнувшая по челу ихъ, шщпрѣбляющъ безпечность въ сердца шщасливоща распощоженномъ; единое мановеніе, коимъ

изъявляеши се стороны ихъ неудовольствіе, спрашиваешь сына и останавливаешь его въ понозненіи къ предосудительному. Умный родитель избираетъ себя и пособниковъ умныхъ и благонамѣренныхъ. Но воспитательный, прелестный идеалъ воспитанія, ны рѣдко, рѣдко бываешь выполняемъ на дѣлѣ!

Не многіе родители имѣютъ возможность посвятивъ все свое время наслажденію своего дѣшца: ихъ отвлекаютъ и занятія хозяйственныя, и служба общественная, и — скажу ли? — и шумъ свѣса съ его забавами. И шакъ, въ опеческомъ домѣ, сынъ ввѣряешь надзору чуждаго, и чаще иноплеменика — увы! не всегда испытаннаго въ познаніяхъ и нравственности, не рѣдко пріемлющаго на себя званіе воспитателя не! по любви къ нему, а по единой корысти, изгнавшей его изъ нѣдръ его родины. Благонамѣренные, но къ прискорбію тяжко обманувшіеся родители, вы не похвалишь къ вашей радости, домашнимъ воспитаніемъ дѣшей вашихъ! Вамъ пригодились не гражданъ опечесства, но безнокійныхъ гражданъ свѣса; ибо воспитатели дѣшей вашихъ не принадлежатъ къ сонму нѣхъ великихъ мужей, которыми славяшеши ихъ отраны, и которые для выгоды, вами

объщываемыхъ, не оспавятъ землям опечесшвенной, чшобъ Россіянна содѣлашь досшойнымъ Россіи, шакъ, какъ согражданъ своихъ содѣлывающъ они досшойными земли своей.

Успраняя опгъ мысли дерзкое намѣреніе оскорбляшь опцевъ испинно попечисельныхъ, успѣвающихъ своею неусыпностію досшойно образовашь дѣшей своихъ со шпороны ума и воли, для часшной жизни и общесшвенной, прошивопосшавимъ домашнее воспитаніе прочихъ, копорыхъ число несказанно велико, насшавленію общесшвенному.

Часшное лице не всегда можешъ производшь шпрогій виборъ насшавникамъ. Весьма часшо не позволяющъ сдѣлашь сіе — недосшашокъ въ людяхъ свѣдущихъ, способныхъ, собсшвенное незнаніе судишь о ихъ досшоинсшвахъ, молва — несправедливо дающая, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, предпочшеніе недосшойному передъ мужемъ испинно опшличнымъ. Для Начальсшва общесшвенныхъ учебныхъ заведеній, невыгоды сіи не сущесшвующъ: оно всегда можешъ изъ многихъ пришекающихъ къ нему сомскашелей мѣсша, избирашь, по испышаніи, наиболѣе способныхъ, свѣдущихъ, дѣшесельныхъ, благошравныхъ. При недосшашкѣ лицъ,

съ шаковыми качесшвами, на мѣспѣ заведе-
 нія, вызываешь ихъ изъ другихъ даже ошда-
 ленныхъ краевъ, сносясь съ другими началь-
 сшвами. Оно, при пособіи Прависельсшва,
 можетъ приобрѣшашь для своего заведенія и
 достшойныхъ иноземцевъ. Подъ его неусып-
 нымъ надзоромъ, добрыя качесшва насшавни-
 ка часъ опъ часу болѣе усосершашаюшся; онъ
 не смѣешь ни дѣлашь опущенія по своему
 долгу, ни измѣнишь поведенія, ни опшпу-
 лишь опъ правилъ, ему предписанныхъ, опа-
 саясь за шо взысканія; спрашишь усшу-
 пишь своему шоварищу въ усердіи ко благу
 общему. Въ часшныхъ домахъ, восшашашель,
 приобрѣвъ довѣренносшь родиселей, не рѣд-
 ко злоупошребляешь ею, оскудѣваешь въ
 ревносши своей къ насшавленію пишомца,
 дѣйсшвуешь по своему произволу и усмо-
 прѣнію, не всегда основашельному, и пошо-
 му вредному для учащагося; и сіе шѣмъ лег-
 че бываешь съ нимъ, чѣмъ менѣе опасашелься
 онъ опшвѣсшвенносши.

Въ общесшвенномъ заведеніи порокъ
 юноши, незамѣченный однимъ изъ насшав-
 никовъ, усмашривашелься другимъ; и вошь
 немедленно приняши сильныя мѣры къ его
 исправленію, мѣры, посшоянню и долго, съ
 шерцвнѣемъ упошребляемыя, доколѣ не вос-
 посаѣдуешь совершенное исцѣденіе нравъ,

ственнаго недуга. Домашній воспитатель, будучи одинъ, одинъ на все обращая вниманіе, неизбежно разсѣваешь; много не усматриваешь, въ иномъ оказываешь питомцу своему снисхожденіе, откладывая исправленіе до другаго времени; между тѣмъ пороки множатся, укореняются; питомецъ, возрастая, вдругъ сбрасываетъ съ себя бразды, слабо его удерживавшія; и тогда поздно его обуздывать!

Питомецъ общесѣвенный не видяши около себя слугъ, ему раболѣпствующихъ; онъ окруженъ равными себѣ или высшими его: съ юныхъ лѣтъ пріучаешь онъ однихъ любить и почитать, другимъ съ уваженіемъ повиноваться, и необходимо становящися крошкѣ въ обхожденіи со всеми и покоренъ власнымъ. Въ домъ родительскомъ, чѣмъ онъ богаче и знаменитѣе, юноша тѣмъ болѣе имѣетъ угодинокъ, слѣпыхъ исполнителей воли его, и непримѣнно для него самаго и для его родителей, содвигаетъ горды, опройтивъ, презорчивъ, непериваливъ, непокоренъ всякой законной смѣль, ограничивающей его желанія.

Въ общественномъ заведеніи, юноша не знаетъ блеску и роскоши; его забавы просты; его прихоти не исполняются; онъ пріученъ къ умѣренности. Въ домъ роди-

пельскомъ онъ видишь цыншность, привыкаешь къ ней, не шершишь лдшеній въ удовольствіяхъ, ищешь забавъ многосщующихъ. — Нъшь, никшо не можешь увърншь меня, чшобы, находясь ближе къ свѣшу, сообщаясь съ людьми разныхъ возрасновъ, разныхъ сосщояній, различно чувствующихъ и думающихъ, молодой человекъ имѣлъ менше случаевъ и поводовъ къ соблазну, чѣмъ пребывая между сверстниками близкими къ нему по сосщоянію, по мыслямъ и чувствованиямъ, къ одному стремящимися подъ смощрвнїемъ мужей, удостоенныхъ довѣренности общео и Монаршею, почтенныхъ и по заслугамъ и по личнымъ достоинствамъ. Осмѣливаюсь думать, что если въ воспитанникъ шого или другаго общесщвеннаго заведенія оказывающся слабосщн; шо онъ сущъ несчастныя прививки свѣща, съ которыми сообщается онъ, выходя изъ дому, воспитанія для посщщенія своихъ ближнихъ.

Всякое Государсщвенное званіе шребуешь дѣятельности ощъ проходящаго оное. Юноша, воспитанный въ общесщвенномъ заведеніи, не боишся шруда; онъ, съ дѣшсщва, пріобыкъ провождать дни свои въ непрерывныхъ занятіяхъ, дѣносщъ, праздносщъ и нѣга были ему восщрещаемы. Сверхъ шого, онъ пріобученъ исполнять все безъ ошлага.

шельства, въ срочное время — выгода весьма важная, много содѣйствующая безпрерывному ходу дѣлъ, поручаемыхъ ему въ служеніи.

Чѣмъ важнѣе постъ, занимаемый гражданиномъ въ Государствѣ; тѣмъ болѣе потребны для него, при обширныхъ познаніяхъ, праводушіе и любовь къ истинѣ и справедливости. Воспитаннаго въ заведеніи общественномъ; рѣдко укоряющъ за недоспашокъ сихъ качествъ; напрошивъ, онъ часто обнаруживаетъ ихъ въ такой степени, что лица, пріученныя къ жести и угожденію отъ своихъ свѣтскихъ, расчешливыхъ подчиненныхъ, встрѣшивъ съ его стороны сопротивленіе воли своей, считаютъ оное слѣдствіемъ дерзости и упрямства его, негодуютъ на него, даже преслѣдуютъ его. Онъ осмѣется швердъ; и лучше согласится быть жертвою неправды, чѣмъ участвовать въ неправдѣ, чѣмъ угодишь незаконному желанію сильнаго, въ пригвсненіе согражданъ, или ко вреду опечесства.

Опечесство дороже для него всѣхъ собственныхъ выгодъ; ибо любовь къ нему, вмѣстѣ съ любовью къ Богу, Царю и родителямъ, ему внушаема была, и въ наставленіяхъ и въ примѣрахъ, съ того самаго времени, какъ онъ началъ мыслить и чув-

сповашь. Мало говорили ему, или вовсе ничего не говорили, о выгодахъ личныхъ; своекорыстнѣе предшавляли ему, какъ порокъ низкій, недостойный гражданина. И шакъ, усердіе ко благу общему, любовь къ истинѣ, безкорыстнѣе, душевную правоту, опкровенность и чистосердечіе приносишь онъ въ свѣтъ. Въ первые дни своего служенія, онъ любилъ сокровища сіи и спрашившя ихъ ушрашивъ, по продолжающемуся дѣйствію на него наставленій, имъ полученныхъ. Сличая свое поведеніе съ поспупками людей, прошивно ему чувствующихъ и мыслящихъ, находилъ достоинство и благородство на своей сторонѣ; худшіе примѣры осмашающа безсилны; онъ возмужалъ, съ шѣмъ вмѣстѣ возмужали его добродѣтели, обратились въ неизмѣнный характеръ его; и вошъ возникъ надежный оплошъ Государства. Тщешно низкія спраши враговъ Закона, Вѣры, чести поражающъ его; онъ сполнъ неколебимъ и съ швердосшію ограждаетъ укрывающееся за нимъ.

Если и бывающъ явленія, прошиворѣчашія сказанному мною; шо все нельзя приписывашь ихъ воспитанію; они сущъ порожденія обширной и пагубной для молодыхъ людей школы свѣша и соблазнительныхъ

призреть его, коиорими юное сердце, еще несовершенно утвердившееся въ добрыхъ правилахъ, не въ силахъ противостоять. Мы сіе заспаиваемъ только желаніемъ, чтобы юноша не слишкомъ рано оставалъ домъ своего образованія, чтобы добрыя свѣдѣнія успѣли, съ лѣтами его, укорениться въ его душѣ, на мѣстѣ ихъ насажденія. Но явленію, о кошорыхъ, къ прискорбію, мы должны были упомянуть, рѣше оказавшіяся въ воспитанникахъ общественныхъ, чѣмъ въ возросшихъ среди семействъ своихъ. Сіи послѣдніе, ещесвѣдѣнно болѣе обращая вниманія на свои частныя выгоды, болѣе, нѣжы оказанію, ожидаяють себя опѣ обществу; а посему и нищому своему нечувствительное сообщаютъ болѣе своекорыстія и злоумна. Частно родители, особенно матери, коихъ взоры не всегда, къ сожалѣнію, просвѣрающа даже дѣтей ихъ дома, по нѣжностіи своей твердятъ смну, даже и не вешупающа въ оубы: „сынъ мой, не изнурай себя трудами, не вдавайся силѣ въ оубности, береги себя!“ — Слова любви материнскія, не неопредѣленно выражены; они бывають худо поняты; и оубсея — полугражданинъ, намъ, чѣмъ еще горестнѣе, гражданинъ неостойный. Подобныя мысли не такъ общаються въ заведеніи общественномъ.

Всѣ великія цѣли Государствъ, при мудромъ правленіи народовъ, преимущественно достигающія посредствомъ согласія и единодушія гражданъ. Никакое средство не бываетъ столь сильно къ водворенію въ обществѣ сего согласія, сего единодушія, какъ общественное воспитаніе, мудро устроенное, но единымъ благоразумнымъ и неизмѣннымъ законамъ совершаемое. Не возможно сообщити людямъ совершенно одинаковую волю, совершенно одинаковыя мысли; по природѣ своей, они необходимо должны различаться: однако, при всемъ разнообразіи, славу болѣе, при всей, по видимому, несомнѣнной, противоположности склонностей и дарованій людскихъ, они сближаются во всемъ и навсегда, ежели въ юныхъ лѣтахъ дается имъ, по возможности, одно направленіе; а опъ сего сближенія скрѣпляющіяся и тѣмъ связъ гражданскія. Четыре вѣка непрерывно Спартанцы, были непобѣдимы; ибо общественное воспитаніе приближало къ одной мысли умъ и волю каждаго гражданина. Новѣйшія знаменитыя шоржества Россіи, надъ всю Европою, не суть ли также преимущественно сдѣланіе единодушія вождей и санцеровъ, единодушія, порожденнаго въ нихъ одинаковымъ насущеніемъ въ благородныхъ заведеніяхъ — разсадникахъ

нашихъ героевъ, и сообщеннаго имъ ихъ самымъ просымымъ воинамъ?

Такъ! узы дружества, связующія насъ въ дѣйствіи при воспитаніи, неразрывны, какъ священныя для нѣжныхъ сердець узы крови и родства. Онѣ тѣмъ шверже, что ихъ начала благородны — любви къ истинѣ, любви къ изящному, любви къ Богу, Царю и отечеству. Посмотримъ на соопломцевъ, свидѣвшихся послѣ долговременной разлуки; какая нѣжность въ ихъ обращеніи! Какая взаимность участія въ ихъ общешельствахъ! Какъ сладостна и неспомима ихъ беседа! Дѣйствуютъ ли они совѣстно, по своему званію; труды ихъ быстросо и успешно приводятся къ окончанію, ибо совершаются по одинаковымъ правиламъ, безъ споровъ и прекословіи, съ равнымъ усердіемъ.

И сіи выгоды простираются не только на соопломцевъ, но и на всѣхъ питомцевъ одного и того же заведенія, хотя и въ разное время получившихъ воспитаніе. Юноша является къ своему начальнику по служенію; сей не знаешь его, но знаешь же, гдѣ и онъ, одинаковое получая воспитаніе: для новаго гражданина не нужны ни какія одобренія и предшественельства; его одобреніе — воспитанникъ такого-то заве-

деня; и начальникъ любишь юнаго, своего подчиненнаго, усердно руководствуешь имъ въ дѣлахъ ему несвычныхъ, снисходишь ему при первыхъ неудачахъ, ободряешь хвалою при первыхъ успѣхахъ. Для чести заведенія, въ кошоромъ самъ получишь образованіе, доставляешь ему случаи приспособишь теоретическія познанія къ дѣлу, и, какъ отецъ, веселишься счастливо совершенными отъ него дѣйствіями. Для чести того же заведенія, съ кротостію, но сильнымъ и внятнымъ языкомъ, осановляешь неосторожнаго при первомъ попятновеніи его къ тому, что прошивно долгу. Они скоро поняли другъ друга; сей повинуется безпрекословно, тоишь съ любовію повелѣваешь; и единодушно устремляють они силы свои къ умноженію блага общественнаго. Въ такомъ же отношеніи находятся между собою и всѣ наставленные по однимъ правиламъ.

Очаровательную картину единства и гармоніи представляють всѣ части Государственнаго управленія; дружно движущія многосложныя пружины и колеса сей огромной машины, производящей благоденствіе народовъ; если движители одинаково мыслятъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ, однимъ въ виду — благо согражданъ, славу Царя и отечества, и не уничтожаютъ

* 1.1.

взаимно силъ своихъ пагубными противоположеніями — плодами разномыслія.

И такъ, нѣжныя родилели, копорымъ не дано свыше средствъ къ образованію сыновъ своихъ, или возможности совершенно посвященію себя оному, — довѣренность къ мудрому Правительству, благодарность за его попеченія о вашихъ дѣтяхъ! Приугошляя себѣ добрыхъ гражданъ и подданныхъ, оно приугошляешь и вамъ добрыхъ сыновъ: любящій опечество не можешь не любить отца и матери; сіи чувствованія нераздѣльны.

М. Т.

III

К Р И Т И К А

Андромаха, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. Сочиненіе П. Катенина.

(Окончаніе.)

Первымъ дѣйствующимъ лицомъ сей Трагедіи, какъ и самое заглавіе оной показываетъ, — есть *Андромаха*. Характеръ сего лица — безпредѣльная вѣрность къ на-

мины Гектора, ея супруга, убишаго Ахилломъ, любовь къ сыну своему Аспіанаксу и покорность волаъ боговъ. Въ ней не предполагается ни шредности духа, ни смрастей героическихъ; она есть, какова должна бытъ по преданіямъ исторіи миеологической, играюще горестныхъ случайностей жизни человеческой. Необходимо слѣдующее изъ этого положеія сего лица — бореіе между долгомъ ея къ умершему супругу и ивностію къ сыну, кошораго не можешь она спасти иначе, какъ измѣнивъ вѣрности своей къ праху Гектора, обожаемаго ею и за гробомъ. — Второе по ней лице есть — Пирръ, младый сынъ Ахилла и Царь Эпирскій; подобно отцу своему, онъ гордъ, своеправенъ и весь сложенъ изъ пылкихъ смрастей, кошорымъ произвольно отдаешь во власшь. Любовь къ Андромахъ, есть только слабая и почти впороспеленная причина его дѣйствій; главная причина — желаніе прошивнѣся шягоспной для него власши вождя Царей, Агамемнона, власши, раздражающей его гордостшь. Для сего онъ, вопреки общему приговору вождей Греческихъ, насшоашельно шребуешь, чшобы на долю его изъ всѣхъ Троянскихъ добычь, даны были Андромаха съ сыномъ ея Аспіанаксомъ; для сего же онъ, уже и въ гнѣвъ своемъ на

Андромаху за отказъ ей, вырываетъ силою Астіанакса изъ рукъ Улисса, влекаяго сего младенца на убіеніе. Наконецъ, признавая одну только власть боговъ, Пирръ оставляетъ сына Гекшорова въ рукахъ жреца Калхаса, залогомъ обвѣхъ враждующихъ сторонъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ единоборствомъ кончили споръ свой съ Апридомъ. Только ниспосланная богами смерть Астіанаксу въ громовой снѣгъ — положила конецъ раздорю и укрошила буйный гнѣвъ Пирра, тѣмъ болѣе, что съ общаго согласія, Андромаха была присуждена на его часть. — Агамемнонь, въ Трагедіи Г. Кашенина, соблюдаетъ извѣстный, Гомерическій характеръ Апридовъ: надменъ, властолюбивъ и презорливъ; Улисъ также: онъ лукавъ, витіеватъ и двуязыченъ. Поэтъ весьма удачно придалъ ему новую срасть: ненавившъ къ Пирру, основанную также на піишическомъ преданіи. Вотъ какъ самъ Улисъ говоритъ о ней Агамемнону (*Д. II, Явл. 1.*):

„Повѣрь, не столько Пирръ Апридовъ врагъ, какъ мой.
 Со дня, какъ Грековъ рать оружіе Ахилла,
 Не внемля словъ его, Улиссу присудила,
 Мы воспылали съ нимъ взаимною враждой;
 И если бѣ ослѣпленъ, ей слѣдовалъ одной,
 Съ шобою бѣ на него я въ гнѣвъ ополчался
 И смершью, можешь бышь, раздоръ бы нашъ рѣ-
 шился.“

Для сей-шо ненависти, онъ поджигаетъ злобу Андрядову на Пирра, и вооружаетъ ихъ другъ прошивъ друга, пріемля на себя припворную личину подашея благихъ совшовъ и примиришея. Изъ прочихъ лицъ, должно упомянутьъ объ Астіанаксѣ, кошорый въ дѣшскомъ незлобїи, не предвидишь грозящей ему участи. Въ слѣдующемъ прогашельномъ явленїи (2-мъ третьяго дѣйствїя), сама Андромаха, смяшенная ужасомъ, открываетъ ему о шомъ.

А н д р о м а х а.

Приди, любезный сынъ, къ шебъ зываетъ мать.
Ушъши долгуто съ шобою мнѣ разлуку.
Гдѣ шы, Астіанаксъ?

А с т і а н а к с ѣ.

О мать! подай мнѣ руку:

Пуши не вижу здѣсь.

А н д р о м а х а.

Безъ робости шунай
И ходъ на голосъ мой призывный направлай.
Мой сынъ! и такъ еще я вижуся съ шобою,
Могу обнять шебя ласкательной рукою!

А с т і а н а к с ѣ.

Скази мнѣ, мать, почто одивъ въ гробницъ сей
Я ныцъ заключенъ былъ волею швоей?
Почто я зрѣлъ въ шебъ боязнь необычайну?
Ахъ! ради Гекшора, отърой сію мнѣ шайну.

А н д р о м а х а.

Чшо мнѣ сказать ему?

А С Т И А Н А К С Ъ.

Не въ гнѣвѣ ли на меня,
Ты отвращаешь взоръ въ молчаніи, стена?
Но что! лице швое слезами окропилось!
Повѣдай, машерь, мпѣ, нль горе намъ случилось?

А Н Д Р О М А Х А.

Такъ, сынъ мой, горе намъ!

А С Т И А Н А К С Ъ.

Не плачь, любезна машь;
Коль плачешь, не могу и я не возрыдашь.

А Н Д Р О М А Х А.

Ты нѣжностью своей мнѣ сердце раздраешь.
Ахъ! если бѣ вѣдалъ ты, о чемъ ты вопрошаешь,
Благословлялъ бы ты незнаніе свое.
Но хочешь знашь, скажу; дай слово лишь швое,
Какими я швой слухъ ни поражу бѣдами,
Не возмущаешь меня ни крикомъ, ни слезами,
Вспомнивь, о мой сынъ, что храбрымъ спрала мнѣ,
И что ошъ Гекшора родился ты на свѣшъ.

А С Т И А Н А К С Ъ.

Скажи, я не боюсь.

А Н Д Р О М А Х А.

Чѣмъ мнѣ начашъ несчастной?

А С Т И А Н А К С Ъ.

Ты воспрещала мнѣ и стоишь и плачь напрасной,
А слезы льешь сама.

А Н Д Р О М А Х А.

Ты много разъ, мой сынъ,
Со мною видѣшь мого, Троянскихъ снѣшь съ ер-
шинъ,
Тѣхъ Грековъ дросниныхъ, что деснишь лѣшь войнъ

Опягощая насъ, и осаждаъ Троию,
Къ опшизнѣ наконецъ опшлман на судахъ?

А С Т И А Н А К С Ъ.

Ахъ! дайше боги нмъ погнбушь всмъ въ волнахъ!

А Н Д Р О М А Х А.

Мольбамн мы давно боговъ ожеспочман.

А С Т И А Н А К С Ъ.

Какъ!

А Н Д Р О М А Х А.

Грековъ намъ они на гнбель возвращман.

А С Т И А Н А К С Ъ.

И шакъ, намъ будешъ вновь сражашься деснть лтъ.
Но кшо насъ защнмшь, коль Гекшора ужъ нншь?

А Н Д Р О М А Х А.

Надежды нншь уже, защншы, нн спасенья;
Вконецъ погнбли мы враговъ опъ-ухнщренья,
Меча и пламени добычей спалъ Пергамъ.

А С Т И А Н А К С Ъ.

Чшо слышу, *Боже мой!* но гдъ жъ мой ддъ Пріамъ?

А Н Д Р О М А Х А.

Онъ мершвъ, сыны его подвергмсь шой же долъ,
Супруга, дочери осуждены къ неволь;
Я съ ннмн опшлмву рабынею въ Эпиръ,
И шамъ власнншель мой, сей кровожадный Пирръ,
Кошорога опцемъ далъ твоей опецъ средъ бою,
Кшо днесъ Пріама самъ убнлъ своей рукою,
Угошоваля верхъ несчасшямъ моннъ
Велншь, чшобъ все забывъ, я въ бракъ всшупнла
съ ннмъ.

А С Т И А Н А К С Ъ.

Брегись, о мать, брегись, да бракъ сей не свершншся.

Страшуся: шънъ ошца мнѣ въ гробѣ раздражшся.
 Но какъ противишся возможешъ шы судьбѣ?
 О если бы уже я могъ помочь тебѣ!
 Увы! я малъ еще и силы не имѣю,
 За слезы мстишь твои жестокому злодѣю:
 Пожди, о мать, пожди: какъ буду я великъ,
 Ошмщу ему шогда.

А н д р о м а х а .

Отець въ тебѣ возникъ.

Симъ гордымъ мужествомъ, съ копорымъ шы въ-
 щаетъ,
 Его въ очахъ моихъ, мой сынъ, шы воскрешаетъ.
 Но, мысль смертельная!... и доблестію сей
 Лишь ускоряешъ шы часъ гибели своей.

А с т і а н а к с ъ .

Часъ гибели! о мать, шы мнѣ не все сказала.

А н д р о м а х а .

Не все, мой сынъ!

А с т і а н а к с ъ .

Почто жъ о семъ шы умолчала?
 Иль мнишь, что въ тайнѣ словъ твоихъ не собрегу?
 Молю, скажи мнѣ все.

А н д р о м а х а .

Скажу, коль возмогу.

Разспаться должно намъ: мнѣ несть одной служенье;
 Тебѣ жъ за легку казнь счптаютъ посрамленье,
 И мщеніе враги мнятъ дагѣе простершь.

А с т і а н а к с ъ .

Скажи яснѣе, мать, что суждено мнѣ?

А н д р о м а х а .

Смерть.

АСТІАНАКСЪ.

Смершь! Ахъ!

А Н Д Р О М А Х А.

Не въ силахъ бывъ испишь Гекшору во гробѣ,
 Они хошятъ шебя припестъ на жертву злобѣ ;
 Но бдѣщій о тебѣ отецъ, явившись мнѣ,
 Опасность возвѣснилъ въ ночномъ, предвѣщемъ снѣ.
 Внушенна имъ, тебя убійць я скрыла взору,
 И льщусь, хомя пушей не зрю къ спасенью скору,
 Чшо временемъ... Но шумъ; Клеона къ намъ бѣжись...

Въ семь явленіи, Г. Кашенинъ весьма счастливо преодолялъ одну изъ важнѣйшихъ трудностей въ Трагедіи: онъ заставилъ говорить малолѣтнаго Астіанакса, говорить прилично его лѣтамъ, и не уклонился отъ тона, въ которомъ мы привыкли постигать древнюю Трагедію. Невинные вопросы младенца и отвѣты несчастной его матери, болѣзненно трогаютъ душу зрителя. Отъ сей минуты, положеніе Андромахи болѣе и болѣе поселяетъ въ насъ участія, которое еще усиливается жалостнымъ ея прощаніемъ съ Астіанаксомъ (д. III, явл. 5). Участіе сіе развлекается только иногда буйными порывами Пирра, волнуемаго различными страстями: любовію, местию, гордостію и гнѣвомъ. Когда опшвергшая любовь его Андромаха приходитъ просить его о защитѣ сына ея (д. IV, явл. 4), Пирръ сна-

чала злобно издѣваешся надъ ея горестію, пошомъ переходишь къ жестокимъ упрекамъ, ошъ упрековъ къ угрозамъ, и наконецъ, шакъ сказашь, играя бѣдшвіемъ ея, испоргаешъ изъ нея прошивувольную кляшву. Въ слѣдующемъ явленіи, новыя сшрасни движущъ его душу: здѣсь онъ сосшязаетсѣ съ Агамемнономъ. Вошъ нѣсколько стиховъ изъ сего явленія, въ кошоромъ Герои Гомеровы, жестокими словами спужая другъ другу, напоминаютъ намъ подобныя распри въ Иліадѣ:

А Г А М Е М Н О Н Ъ.

Какъ посмѣюся я, когда падешъ шы мершвой!

П И Р Р Ъ.

Такъ, вѣрно обреченъ одинъ Андъ жершвой.

А Г А М Е М Н О Н Ъ.

И шло я швое ошдамъ на пищу псамъ.

П И Р Р Ъ.

Нѣшъ! прежде дспребовъ корышью будешъ самъ.

Касательнѣо опдѣлки стиховъ, должно сознашья, что это самая слабая спорона въ Трагедіи Г. Кашенина. Въ ней много стиховъ шяжелыхъ и неблагозвучныхъ; всшрѣчаются и шакіе, въ кошорыхъ нарушена чисшоша Русскаго языка. Таковы, напр. слѣдующіе стихи:

Желаетъ ли войти Иеакскому Царю?

. . . . . Разгнѣванная рашъ

Всѣхъ хочешь пѣнниковъ на злую смерть предать.

Въ нѣкоторыхъ стихахъ, мысль Сочинишеля выражена не ясно; напр.

Калхасъ, зря пѣнниковъ ведомыхъ на закланье,
Речь власнную спѣшишь ко воинству простершь;
Вездѣрпимыхъ именовъ ихъ воспрещаетъ смерть,
Доколь въ чревахъ шельцевъ и агицевъ принесенныхъ,
Не узришь ясно *ихъ* благихъ иль раздраженныхъ.

И новаго *тебя супруга* корабль
Съ нимъ понесушь къ брегамъ родной его земли.

Но сіи недоспашки исчезаютъ предъ достоинствомъ цѣлой Трагедіи: правильнымъ ходомъ ея, удовлетворительною развязкою, искусно обрисованными и хорошо выдержанными характерами; наконецъ, живою игрою сцены, которыя выражены сильно въ словахъ и дѣйствіяхъ.

В. Л.....въ.

Мая 20 дня 1827.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Взглядъ на состояніе Великобританіи
въ 1826 году.

Нынѣ, когда превозимая смущенными обстоятельствомъ Англія, находится по видимому въ опасности пасть подъ тяжестью собственнаго своего могущества, для экономистовъ и публицистовъ весьма важно узнать истинное положеніе Британской Имперіи, и разсмотрѣть, можетъ ли сей огромный колоссъ, касающійся всѣхъ частей Земнаго шара, выдержать ударъ, потрясающій необъятную его массу.

Объ Англіи писано много. Удивительное распространеніе ея промышленности, успѣхи въ торговлѣ, чрезвычайное множество ея колоній, обратили на нее взоры всѣхъ, возбудили всеобщее вниманіе, и особенно въ послѣднія десять лѣтъ, ее непрерывно представляющъ въ образецъ всѣмъ Правительствомъ, въ примѣръ всѣмъ народамъ.

Но хорошо ли обсужено ея положеніе? Разсмотрѣны ли всѣ подробности ея могу-

щесива? Можно ли было, по огромности колосса, обозрѣвъ весь его чашти, повѣрить правила, по коимъ онъ образованъ, удостовѣриться въ прочности его оснований?

Принимая на себя такое разсмотрѣніе, мы постараемся показать состояніе Англій, какъ во внутреннемъ, такъ и во внешнемъ отношеніи, не столько разсужденіями, сколько фактами, за достоверность коихъ мы смѣло можемъ ручаться; мы покажемъ ея нужды и средства, которыя она имѣетъ для удовлетворенія онымъ.

Пространство Британскихъ острововъ составляетъ 71,281,907 акровъ или 111,377 квадратныхъ миль, которыя раздѣляются слѣдующимъ образомъ:

З е м л и :

	Пахатной земли.	Луговъ.	Необработан- ной земли.	Всего.
Англія .	10,200,000	14,200,000	7,932,400	32,332,400
Валлісъ	900,000	2,600,000	1,262,000	4,752,000
Шотландія .	2,500,000	2,550,000	17,204,507	22,254,507
Ирландія	—	—	—	11,943,000
				<hr/> 71,281,907.

По переписи 1821 года, на нихъ находилось:

Главныхъ въ Грѣ- Приходовъ. Домовъ.
ствъ городовъ.

Англія	40	9,860	2,036,317
Валлісь	12	833	140,820
Шотландія	33	948	356,536
Ирландія	32	2,224	1,185,490

Всего . 117 13,885 3,719,163

Народонаселенія въ 1821 году было, не считая морскихъ и сухопутныхъ войскъ 20,874,159 душъ (*), а именно:

Двухъ моложе 15 л.

	мужчинъ	женщинъ	муж. п.	жен. п.	Всего.
Англія	3,262,780	3,510,899	2,210,899	2,266,859	11,261,437
Валлісь	202,186	229,125	148,301	157,826	717,438
Шотландія	580,493	718,330	463,039	392,574	2,095,456
Ирландія	1,941,927	2,067,727	1,400,000	1,392,139	6,801,828

И того . 5,987,386 6,526,116 4,172,259 4,188,398 20,874,159
что составляло 4,253,416 семействъ, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ :

	Земледѣль- цвъ	Мануфакту- ристовъ, ре- месленниковъ и торговцевъ	Непродъ- водиль- ныхъ.	Воста.
Англія	773,732	1,118,295	464,690	2,348,717
Валлісь	74,225	41,680	30,801	146,706
Шотландія	130,700	190,264	126,997	447,961
Ирландія	219,529	327,647	764,856	1,312,032
Итого	1,198,186	1,677,886	1,377,344	4,253,416

(*) Перепись 1821 года. Прибавленіе къ Британской Энциклопедіи.

По сему, народонаселение Великобританни, просиравшееся въ 1791 году до 14,181,614 душъ, въ шридацашъ лѣтъ, прошедшихъ съ того времени до 1821, прибавилось 30 на 100, а нынѣ оно составляетъ 22 милліона жителей.

Торговля и промышленность сдѣлали не менѣе успѣховъ въ теченіе послѣднихъ шридацати лѣтъ.

Въ 1790 году привозилось въ Великобританію поваровъ на 16,487,947 фуншовъ шерлинговъ (412,198,675 рублей), а вывозилось изъ оной на 17,732,804 ф. ст. (443,320,100 руб.).

Въ 1800 году ввезено шоваровъ на 30,570,605 фун. шерл. (764,255,125 руб.), а вывезено на 38,120,120 фун. ст. (953,003,000 руб.). Распространеніе торговли увеличивалось и въ 1824 и 1825 годахъ.

В ъ 1 8 2 4 :

Ввезено на 35,937,936 ф. ст. (898,448,400 р.)

Вывезено на 57,845,459 — (1,446,136,475 р.)

В ъ 1 8 2 5 :

Ввезено на 44,137,482 ф. с. (1,103,437,050 р.)

Вывезено на 56,335,514 ф. — (1,408,387,850 р.)

Съ своей стороны Англійскіе фабриканшы, кошорые въ 1800 году упошребляли шолько около 32,000,000 фуншовъ хлопчатой бумаги, 1,024,588 фуншовъ шелку и

8,609,386 фунтовъ шерсти и вывозили сихъ товаровъ только на 13,578,956 фунтовъ шерстинговъ (339,473,900 руб.), съ 10 Октября 1824 до 10 Октября савдующаго года употребили 222,457,616 фунтовъ хлопчатой бумаги, 30,703,682 фунта шерсти, 4,231,673 фунта шелку, а цѣна вывезенныхъ ими сихъ товаровъ составила около 40 милліоновъ фунтовъ шерстинговъ (1,000,000,000 руб.); для обрабошыванія оныхъ употреблены были 2,500,000 человекъ и нѣкоторое число паровыхъ машинъ, замѣнявшее 35 милліоновъ человекъ.

Въ началъ войны прошивъ Французской революціи, Англійская торговля употребила только 16,079 судовъ въ 1,540,145 тонновъ. Въ 1825 употребила она 26,946 судовъ въ 3,471,236 тонновъ, изъ которыхъ только 5,160 въ 684,392 тонна принадлежали другимъ морскимъ Европейскимъ и Американскимъ Державамъ (*).

Въ концъ 1824 года торговый флотъ всѣхъ шрехъ Королевствъ составилъ (**):

(*). Рѣчь Г. Гускинсона въ Нижней Палатѣ, произнесенная въ засѣданіи 12 Мая 1826 года.

(**) Тродгольдъ. *Remarks on steam navigation.*

	Парусныхъ судовъ.	Паро- ходовъ.	Число тонновъ.	Число людей.
Англія . .	16,466		1,981,686	123,332
Шотландія .	2,961		266,975	19,631
Ирландія .	1,376		73,293	6,779
И всего	20,803	160	2,321,953	149,742

Съ распространеніемъ торговли, увеличились доходы Англіи; а вѣдствъ съ доходами сухопутная и морская сила ея. Въ началъ войны съ Франціею, бюджетъ ея простирался только до 18 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (450,000,000 руб.) и 200,000 солдатъ или мапросовъ составляла всю военную ея силу. Въ 1825 году она имѣла дохода 49,552,493 фунта стерлинговъ; сухопутныхъ войскъ на лицѣ 320,000 человекъ; а дѣйствующая морская сила ея состояла изъ 375 кораблей разной величины, и 134 военныхъ бритовъ, на коихъ находилось около 30,000 морскихъ служителей всякаго званія и степеней.

Таковы, во внутреннемъ отношеніи, главные начала могущества Англіи. Въ Государствѣ, она имѣетъ обширныя владѣнія, содержащія въ себѣ болѣе полушора милліона квадратныхъ миль и болѣе ста милліоновъ жителей. Главнѣйшія изъ оныхъ суть :

Въ Европѣ.

Народонаселеніе.

Острова Жерсей, Гернезей, Менъ	92,000
Гибралтаръ	.
Мальша	160,000
Іонійскіе острова	150,000
Ганноверское Королевство	.

Въ Азіи.

Индіа	{	Индѣйцевъ	50,000,000
		Англичанъ	40,000
Иль-де-Франсъ	{	Свободныхъ	23,900
		Невольниковъ	63,700

Въ Африкѣ.

Мысъ Доброй Надежды	{	Свободныхъ	60,000
		Невольниковъ	30,000
Сиерра-Леона	.	.	16,600
Мадагаскаръ	.	.	.

Въ Америкѣ.

Канада (верхняя)	.	.	76,000
Канада (нижняя)	.	.	160,000
Новый Брауншвейгъ	.	.	70,000
Новая Шотландія	.	.	86,000
Островъ Принца Эдуарда	.	.	24,000
Ньюфундлендъ	.	.	.
Западная Индіа	{	Свободныхъ	.
		Невольниковъ	723,500

Въ Австраліи.

Новый Южный Валлисъ	.	.	37,000
Земля Фанъ-Дименова	.	.	7,200

Ко всѣмъ материкамъ присоединяется она передовыми постами, кошорые, говоря словами одного иностраннаго Писателя, бывающъ попеременно, по мѣсцомъ, оцъ кошораго идушъ къ новымъ завоеваніямъ, по мѣсцомъ убѣжища въ случаѣ опсшупленія, и всегда центромъ предпріятей торговли, кошорая не спрашиваетъ никакихъ опасностей и не знаетъ опсдохновения. Островъ Сокошора покоряетъ ей проливъ Бабель-Мандельскій; Гибралтаръ и Мальта, Средиземное море; Корфу — море Адриатическое; Иль-де-Франсъ, Мысъ Доброй Надежды; островъ Св. Елены служатъ перепутьемъ на дорогъ въ Индію; Мадрасъ владычествуешь надъ берегами Коромандельскими; Бомбей надъ берегами Малабарскими, а Мизоръ, опняшый у Типо-Саиба, соединяетъ сіи два владѣнія, коихъ полуденная оконечность защищается островомъ Цейланомъ.

Изъ предъидущаго явспвуетъ, что съ 1790 года народонаселеніе Англій увеличилось цѣлою прешью, что большая часть произведеній мануфактуръ ея умножилась въ шесшери, что вывозная и привозная ея торговля распространилась вшрое, что Государственнй доходъ увеличился слишкомъ вдвое, и что колоніальныя владѣнія ея, кошорыя еще до Французской революціи

были болѣе всѣхъ принадлежавшихъ въ то время другимъ Европейскимъ Государствамъ, приумножились еще разными землями, завоеванными у Франціи, Испаніи, Португаліи, Голландіи и проч.

Теперь спрашивается: всѣ эти завоеванія Англійской промышленности или полишки, увеличили ли истинное могущество метрополія и народное благоденствіе? Уменьшилось ли число нищихъ, содержащихся на щель трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, уменьшилось ли число преступленій, къ несчастію, неразлучныхъ съ нищетою? Упало ли Правительство Государственный долгъ? Обогащали ли Правительство и частныхъ людей, 256 милліоновъ, полученные въ предцѣль пятъ лѣтъ отъ превосходства цѣны вывезенныхъ товаровъ надъ цѣною привезенныхъ (*)?

(*) Въ концѣ минувшаго столѣтія, Англія среднимъ числомъ получала ежегодно барыша 168 милліоновъ франковъ. Миръ 1802 года возвысилъ его до 240 мил. продолжительная война снова понизила, отъ 120 до 150 мил.; во время коншиньшальной блокады, отъ, не считая на взятіе, упала до 96 мил.; съ 1814 по 1822 годъ возросъ до 500,000.

Сборъ въ пользу бѣдныхъ въ Англіи и землѣ Валлисской, въ концѣ минувшаго столѣтія, простирается только до 2 миліоновъ штерлинговъ (50,000,000 руб.). Въ 1812 году 971,913 семействъ, составляющихъ $\frac{1}{3}$ народонаселенія, содержались на счетъ приходовъ, которые платили имъ ежегодно 6,656,105 фунтовъ штерлинговъ (166,402,625 руб.), или соотвѣтствующе 1,061,438 квартеровъ хлѣба. Въ 1824 году въ *полеризмъ*, т. е. въ списокъ нищихъ, считалось около полудшора миліона семействъ, которые стоили Государству суммы, равняющейся цѣнѣ 1,860,000 квартеровъ хлѣба.

Въ 1812 году, число присужденныхъ за преступленія къ разнымъ наказаніямъ, простиралось въ Англіи и Валлисской землѣ до 6,576; въ 1824 до 14,056.

Состояніе массы народа, въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, не улучшилось; ибо хотя число пошребителей умножилось 30 и 40 на сто, и количество вывозимыхъ товаровъ ушло прошивъ того, что было въ то время и удвоилось съ 1800 года; но количество чаю, сахару, вина и проч. ввозимаго въ Англію, осталось почти такое же. Такимъ образомъ, въ 1800 году, во всѣхъ трехъ Королевствахъ пошреблено было 29,358,703 фунта чаю, а въ 1822 23,912,044

фунша. Въ 1807 году сахару привезено было 364,130,900 фуншовъ, а въ 1822 шолько 362,312,200 фуншовъ. Въ 1810 году получено было 9,801,120 галлоновъ вина (392,000 гекшолишровъ), а въ 1812 меньше, именно, 6,918,559 галлоновъ (276,700 гекшолишровъ). Наконецъ на одномъ Смишфильдскомъ рынкѣ въ Лондонѣ, принимая въ соображеніе увеличеніе народонаселенія города, съ 1818 по 1822 годъ продано 36,561 шшуками рогатаго скоша и 52,664 овцами меньше, нежели въ чепыре года, прошекшіе съ 1798 по 1802 годъ.

Увеличеніе *поперизма* въ Англіи доказываетъ, что состояніе бѣднаго класса народа не улучшилось.

Жалкое положеніе рабочаго класса, употребляемаго на мануфактурахъ, возмущеніе его въ Линкольнширѣ, многочисленныя подписки, открытыя въ пользу его во всѣхъ частяхъ Англіи и просширающіяся по сіе время до 150,000 фуншовъ спердинтовъ (3,750,000 руб.) доказываютъ, что увеличеніе дѣятельности Англійской промышленности не послужило въ пользу производительному классу.

Уменьшеніе или совершенное прекращеніе работы на фабрикахъ Блекборнскихъ, Манчестерскихъ, Спичальфильдскихъ, Глас-

говскихъ и проч., ужасное множество банкротствъ въ торговлѣ, случившихся въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ, показываетъ, что мануфактурный и торговый классъ, также не воспользовались огромными барышами, которые они добыли трудами своими.

Долгъ Англійскаго Правительсва, составляющій 893,783,282 фунта шерлинговъ (22,000,000,000 руб.) (*), можешь служить доказательствомъ того, что и оно съ своей стороны не обогатилось въ послѣдніе тридцать пять лѣтъ (**).

Наконецъ выпускъ банковыхъ билетовъ, на сумму около 50 милліоновъ фунтовъ шерлинговъ, очевидно доказываетъ, что суммы, полученныя отъ превосходства вывозовъ предъ привозами, въ Англии не оспались.

(*) Извлечено изъ официальныхъ документовъ Департамента Государственнаго долга; состояніе долга по 5 Января 1826.

(**) Исчислено, что триста человекъ не могли бы снести Государственный долгъ Англии банковыми билетами, въ десять фунтовъ шерлинговъ (250 руб.), кои въ фунтъ заключаются 512: полагая, что долгъ простирается только до 726 милліоновъ ф. с. (18,150,000,000 руб.), оный всиль бы 142,650 фунтовъ; если бы раздѣлили ихъ на триста человекъ, то пришлось бы на каждаго по 476 фунтовъ.

Въ концѣ 1825 года было въ обращеніи билетовъ :

Англійскаго банка 18,200,000 (455,000,000 р.)

Провинціалн. банк. 30,000,000 (750,000,000 р.)

Шестъ тысячъ пятьсотъ милліоновъ, полученныхъ Англійскою торговою съ 1790 года до нашего времени, издержаны были на двадцатипятилѣтнюю войну, кою оруу Ниппъ и Касшелре завели съ Франціею, единственно для выгоды аристократіи, а не съ коммерческими видами, какъ многіе и доселѣ на швердой землѣ думаютъ. Такимъ образомъ Англія была въ соединеніи дославшихъ союзникамъ, въ видѣ вспоможенія, 80 милліоновъ фунт. стерл. (2,000,000,000), платившихъ проценты своего долга и дававшихъ жалованье агентамъ, коихъ содержаніе она во всѣхъ частяхъ Земнаго шара. Сн 6500 милліоновъ, доставленныхъ народу торговлею, перешли, посредствомъ чрезвычайныхъ налоговъ, въ руки Правительсва, а опшуда въ чужіе крад.

Можно однако же полагать, что если бы Англія удержалась въ иномъ положеніи, въ какомъ находилась въ 1824 и 1826 годахъ; то она поддержала бы кредитъ свой, уменьшила бы мало по малу огромный, лежащій на ней долгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличила бы успешвенную важность своей торгов-

ан приведеніемъ въ исполненіе мудрыхъ постановленій, предложенныхъ Г. Гускингономъ. Но рано или поздно надобно будетъ подвергнуться сдѣствіямъ ложнаго начала, если бы уже и начали признавать свое заблужденіе. Такимъ образомъ народъ сей, который во время войны лишился своего золота, посредствомъ вспомогательныхъ денегъ, посланныхъ къ союзникамъ; который съ мира 1815 года, снова выпустилъ оное изъ рукъ своими спекуляціями и оидачею около 210,000,000 ф. с. (5,260,000,000 руб.) въ долгъ въ Европѣ и Америкѣ; народъ сей, говоримъ мы, принужденнымъ нашелся предожать выпускъ бумажной монеты, и количество сей бумажной монеты, вышедшее изъ всякой соразмѣрности съ количествомъ капитала, опредѣленнаго на выкупъ оной, не мало способствовало къ пошрясенію довѣренности и было одною изъ самыхъ сильнѣйшихъ причинъ затруднительнаго положенія, въ которомъ Англія имѣла находиться; положенія, которое уже причинило уменьшеніе Государственныхъ доходовъ въ теченіе первой половины 1826 года, 682,799 ф. стерлинговъ.

Не въ Великобританіи можно описывать способы избавившаго оную отъ опасности, которая Англии угрожаетъ. Доложите мно-

гочисленныхъ ея заморскихъ владѣній еще ненадежныѣе, нежели ея собственное. Колоніи Мыса Доброй Надежды, Сіерра Леона, Южнаго Новаго Валлиса, земли Фанъ-Дименовой, верхней и нижней Канады и проч. досель были въ пягосшь мепрополіи. Западная Индія бѣдна и находится въ дурномъ положеніи, и если правда, что она приносишь казнѣ мепрополіи 5 мил. ф. ст. ежегоднаго дохода (125,000,000 руб.); шо не иначе, какъ извлекая ихъ предваришельно изъ кармана Англійскаго народа, кошорый, по причинѣ двойной пошланы, наложенной на сахаръ Воспочной Индіи и другихъ иностраннхъ колоній, принужденъ покупашъ его на Аншильскихъ островахъ, шакъ сказашъ, по цвнѣ, положенной колонисшами. Наконецъ, Индія, обремененная долгомъ въ 1500 милліоновъ франковъ, могла обогатишь частныхъ людей, но она въ пягосшь большему числу Англійской націи, кошорая, въ слѣдствіе монополіи Остъ-Индской Компаніи, принуждена плашшь за сахаръ, опиумъ и проч. шрешьюю частію дороже жишелей другихъ Государствъ Европы.

Посему Англія не должна ожидашь никакого дѣйствительнаго пособія ошь своихъ колоній. Колоніи обѣднили Испанію, ослабили Португалію и нынѣ еще шблашъ Фран-

цім ежегодно 16 мил. франковъ. При помѣ же Англійскія колоніи могуць опшложиться опъ мешпрополіи, обѣ Канады опшойши къ Соединеннымъ Штатамъ, невольники Западной Индіи получишь свободу, въ кошорой опказываюць имъ господа ихъ. Самые Индійцы, приученные къ войнѣ многочисленными своими пошерями, образованные своими побѣдителями, можешь бышь, получають сознаніе собшвенной своей силы, и знамя Великобританское преспанешъ развѣвашься надъ сею прекрасною часцію свѣта. Правда, шогда Кабинешъ Сен-Джемскій не въ соспо-яніи уже будешъ раздавать богашыхъ Губернапоршвъ свѣей арисшокрашіи, предлагають безчисленныхъ синекуръ празднои часши своего народа, ни раздѣляють множесшва мѣсшъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, кошорые роішся въ его колоніяхъ. Но шакшвая пошеря, не шолько не будешъ истиннымъ несчастіемъ для Англии, но сдѣлаешся для нее благодѣніемъ; и опдѣленіе Западной Индіи умножишь благососшояніе Англійской шорговли, шочно шакже, какъ умножило его опшпорженіе Америки.

Но оппаденіе сіе, какъ бы оно близко ни было, все еще слишкомъ далеко для шого, чшобы избавишь Великобританію опъ передома, ей угрожающаго.

Врачевства отъ спрэданий своихъ должна она искать также отъ себя. Пустьъ возвращитъ она Ирландію промышленности торговой и земледѣльской, уравненіемъ Католиковъ въ правахъ съ Протестантами; пусть снова водворитъ доверенность въ торговлю, посредствомъ благоразумнаго ограниченія выпуска бумажной монеты, и, что всего важнѣе, пусть она возвратитъ произведеніямъ мануфактуръ своихъ прежнее ихъ превосходство, посредствомъ уменьшенія пошлинъ съ предметовъ первой потребности и уничтоженія законовъ, воспрепятствующихъ ввозу иностраннаго хлѣба. Сія послѣдняя мѣра, въ экономичнскихъ обстоятельствахъ, самая важнѣйшая, дасть возможность народу жить дешевле; дозволяетъ уменьшать нашу фабричную, и Англійскимъ торговцамъ поддерживать совѣстительно иностраннаго повара на рынкахъ Стараго и Новаго свѣта. Тогда увеличится дѣятельность торговли и промышленности Великобританіи; тогда откроются для нея новые источники благодѣтельнаго и ежегоднаго дохода въ мил. ф. ст. (725,000,000 руб.) процѣнговъ долга будутъ вѣрною.

Къ несчастью кажетси, что Англія не расположена къ снѣгъ переменамъ. Уравненіе Католиковъ въ правахъ съ Протестантами

имѣешь сильныхъ непріятелей; Банкъ владѣешь привилегіями, къ которымъ, можешь бышь, прикасаться трудно; а уничтоженіе законовъ, воспреещающихъ ввозъ иностраннаго хлѣба, дабы не разорилъ многочисленнаго класса земледѣльцевъ, потребовало бы, вѣроятно, немедленнаго и совершеннаго уничтоженія десятиннаго сбора, въ пользу церкви, со всѣхъ поземельныхъ владѣній въ прехъ Государствахъ.

Всякій человекъ, непричастный національнымъ предубѣжденіямъ и коего виды не оглаживаются событіями одного настоящаго времени, долженъ желать, чтобы Великобританія предупредила послѣдствіями и мудрыми мѣрами переломъ, ей угрожающій. Но чтобы ни ожидало Великобританію, ошвѣщенность по всей справедливости не должно возлагать на Министровъ, которые нынѣ управляють ея судьбами. Виды болѣе частіи изъ нихъ весьма здравы, и поблишка ихъ согласна съ выгодами народа. Къ несчастію, имъ достались въ удѣлъ всѣ затрудненія, накопленныя Министрствами Пинша и Каспелъре.

Пер. —нѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ ПАМЯТЬ КРАСАВИЦЪ.

Съ ея могилы позабышой
 На память сорвалъ я цвѣшокъ,
 Осеннимъ холодомъ убишой.
 Какъ сходенъ ихъ печальный рокъ!
 Родясь подъ бурей и грозою,
 Игрушка спрасши, жертва зла,
 Какъ сей цвѣшокъ, она красою
 Подъ солнцемъ мигъ одинъ цвѣла.
 Опъ равнихъ дней она поимлась
 Желанья пайпаго шоской;
 Въ слезахъ Творцу она молилась:
 „Пошли душъ моей покой!“
 Достигнушый ея моленьемъ,
 Онъ дѣвъ вяшь благоволилъ —
 И Ангель смерти съ умиленьемъ
 Крылами дѣву осѣнилъ...
 Ничто слезою безопрадной
 Не оросилъ забышый прахъ...
 Такъ вянешъ цвѣшь въ пустынь хладной,
 Такъ гаснешъ мсѣра въ небесахъ!

А. Крюковъ.

Оренбургъ, Январ. 1827.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 7.

П у т е ш е с т в і я.

33. *Письма о Восточной Сибири, Алексѣя Мартоса.* М. въ Универс. шип. 1827. 291 стр. въ 8.

(Въ сихъ письмахъ, Г. Мартосъ переноситъ насъ въ *новый свѣтъ*, въ страну, хотя Русскую, но столь еще мало намъ извѣстную, что всякія подробности о ней, особливо для насъ, Русскихъ, чрезвычайно любопытны и занимательны. Сочинитель *Писемъ о Восточной Сибири* прожилъ нѣсколько лѣтъ въ тамошнемъ краю, и самъ занималъ тамъ должность, которая доставляла ему возможность и средства самому обозрѣвъ замѣчательную страну сію и собрать о ней самыя полныя свѣдѣнія. Въ ^дписьмахъ его видѣнъ наблюдательный духъ, ошъ котораго ничто не ускользало, что только могло заслужить вниманіе читателей. Мно-

гіе предметы поражають своєю новостію, швъмъ болѣе, что ихъ никакъ нельзя было надвѣяться найти въ Сибири. Упомянемъ, для примѣра, о богатомъ старовѣрческомъ селеніи Тарбагатаѣ, въ 45 верстахъ отъ Верхнеудинска. Тамъ, переселенные изъ Стародуба, Гомеля и Добрянки старообрядцы, шрудодлюбіемъ и досужествомъ своимъ, нашли возможное на землѣ счастье. „Крестыяне, не довольно зажиточные въ домашнемъ обиходѣ,“ говоритъ Г. Маршось, „держашъ по сошнѣ рогатаго скота, отъ трехъ до пяти сошъ овецъ, по сошнѣ лошадей, коими обрабатываютъ землю. Это отнормисшя къ довольно зажиточнымъ людямъ, но въ сравненіи ихъ, есть еще и богаче.“ Крестыянинъ Федось Ивановъ Заиграевъ, у коего оспанавливался Г. Маршось. являетъ собою въ Сибири образчикъ богатыхъ поселянъ какой-либо изъ образованнѣйшихъ странъ Европы. Въ домѣ его, кромѣ порядка, чистоты, довольства и даже нѣкоторой позволительной по его состоянію роскоши въ домашнихъ уборахъ и пищѣ, пушешественикъ нашъ нашель даже роскошь просвѣщенія — Журналы. „Я снова удивился,“ говоритъ онъ, „увидя передъ собою, въ домѣ крестыянина, за 6500 верстъ отъ столицъ, Пешербургскія политическія и диче-

„рашурныя періодическія изданія. — Хозя-
 „инь давно вышлѣдываетъ ихъ, — говоритъ
 „хозяйка, — и газетны тоже мы исправно
 „получаемъ.“ Колонія Англійскихъ Миссіо-
 неровъ, близъ Селенгинска, не менѣе заслу-
 живаетъ вниманія. Колонія сія состоить
 изъ шрехъ семействъ; глава перваго изъ
 нихъ — Англичанинъ, оба другіе Шотланд-
 цы изъ Глазгова. Они поселились между
 Буряшами, и проповѣдуютъ имъ вѣру Хри-
 стианскую; но, къ сожалѣнію, кажешся, безъ
 значительнаго успѣха. Описаніе кумирень
 Бурятскихъ на Гусинемъ озерѣ, верховна-
 го жреца сихъ язычниковъ Ламайскаго ис-
 повѣданія и духовныхъ ихъ обрядовъ, до Г.
 Маршоса нѣкъмъ еще не было сдѣлано въ
 такой подробности. Чипашели конечно съ
 любопытствомъ прочтуть также и Ки-
 шайское угощеніе, сдѣланное нашему путеше-
 ственнику Джаргучею сей націи въ
 Маймачинѣ, Кишайскомъ городкѣ на Кяхтѣ.
 Подробности сей Кишайской пирушки до-
 казываютъ, что въ *среднемъ царствѣ*
 (такъ Кишайцы называютъ свое отече-
 ство), были также свои Бовиле и Вашели,
 которые не были бы опвергнушы и изба-
 дованнымъ вкусомъ ушоченнаго Европей-
 скаго гастронома. — Желательно, чшобъ
 и Западная Сибирь была къмъ-либо описана

слозь же подробно и занимательно; еще бо-
 лее должно желать, чтобы Г. Мартосъ по-
 дарилъ насъ Исторіею сего любопытнаго
 края. Жаль, что Письма о Восточной Си-
 бири напечатаны не очень исправно, а при-
 ложенныя къ нимъ картинки выгравированы
 весьма посредственно и описаны на дур-
 ной бумагѣ. Картинки сіи представляютъ:
 Китайскаго Чжаргучея въ Маймачинѣ, иже-
 немъ Бо-лоо; видъ Англійской колоніи на
 Седенгѣ; Бурятскій кумирь и видъ Тельми-
 нской фабрики въ 62 верстахъ отъ Иркут-
 ска. Кромѣ сего, при Письмахъ о Восточ-
 ной Сибири находится планъ города Иркут-
 ска и карта дороги отъ Иркутска на Кях-
 ту кругомъ Байкала, чрезъ хребтъ Ха-
 марь-Дабань.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ДРУЖБА НА СЪВЕРЬ.

(*Окончаніе.*)

Наконецъ, въ то время, когда весна уже была въ полномъ ея цвѣтѣ, пришелъ приказъ отъ главнаго Командира. Три печаша на пакетѣ показывали въ тѣло и поспѣшность депеши. Джонъ разпечаталъ ее и пробѣжавъ, какъ бы невольно воскликнулъ: „Чортъ возьми, опасности много, а награды въ виду никакой!“ Потомъ бросилъ ее съ досадою Гольгеру.

„Награда вездѣ, куда зовушь честь и долгъ!“ — отвѣчалъ сей покойно и спалъ чиншашъ приказъ. Въ немъ заключалось двѣшвигельно очень шрудное порученіе: развесити по многимъ береговымъ мѣстамъ запечашанные приказы. Трудность сосполя въ томъ, что на морѣ въ педальномъ разспояніи явилась непріятельская эскадра, хоша и не весьма значительная, но все пре-

вышавшая силу пригошовленныхъ къ защи-
 стъ способовъ. Надлежало не только увер-
 шываться ошъ внимательности и преслѣ-
 дованій непріателя, но можеть бышь, и сра-
 жашься съ его превосходнѣйшими, хошя и
 разсыянными силами. Вся надежда была толь-
 ко на скорый ходъ шкуны. Между шѣмъ бе-
 реговья скалы заспаваляли опасашься, что
 или на быспромъ бѣгъ разобьешся корабль,
 или набѣжишь нечаянно на непріателя: въ
 семъ послѣднемъ случаѣ, весьма вѣрошномъ,
 предписывалось, если шкуна не будеть въ
 соспояніи уклонитья, всшупишь въ бой и
 защищашься до послѣдней крайности, чтобъ
 толькo депеши не попались въ руки непри-
 ятелю; испрѣкъ же ихъ позволялось въ
 самомъ уже крайнемъ случаѣ. Съ шѣмъ вмѣ-
 стѣ велѣно было отправишься непременно
 въ ночь на слѣдующіе сушики, для полученія
 въ извѣстномъ мѣстѣ депешей, по услов-
 ленному сигналу. Ночи были въ то время
 самыя ясныя.

Въ глазахъ Гольгера заблнспала радость
 по проченіи приказа, но на лицѣ Джона
 встрѣшили они угрюмость и досаду. Гру-
 бымъ, повелительнымъ тономъ сказалъ по-
 слѣдній: „гошовься же къ ошѣвзду!“ и от-
 правился на берегъ.

Сей шонъ, давшій замѣшпшь, что съ пѣхъ поръ не будешь шерпимы никакія возраженія, вдругъ распроилъ въ Гольгеръ всю радость его и заснавилъ забышь пламенное снрремленіе въ бой и въ опасности. Слѣдуя глазами за Джономъ, кошорый сошелъ на берегъ въ шомъ самошь мѣспѣ, гдѣ нѣкогда чужимъ оружіемъ выручалась честь его, онъ вообразилъ себѣ всю эту сцену, съ дополненіями, какія узналъ послѣ изъ просподушнаго расказа Мадса. Съ шѣмъ вмѣспѣ невольпо пришли ему на умъ всѣ качества шеперешняго его начальника: заносчивость, криводушіе, кошорыя угрожали флагу, и можешъ бышь, ему самому новою бѣдою; и при шомъ нѣкошорого рѣша опшвѣспвенность въ его поведеніи, вошложенная начальствомъ — все это возбудило горькія чувства въ душѣ Гольгера и привело его въ шакое безпокойство, кошорого не въ силахъ онъ былъ превозмочь. Въ семъ расположеніи духа провелъ онъ весь день, всю ночь и все слѣдующее утро. Тоска его испомила. Онъ вздумалъ еще разъ увидѣшься съ другомъ своимъ и сказалъ о шомъ начальнику шкуны. Между шѣмъ работы еще за нѣсколько дней приведены были къ концу, и мащрозы, можешъ бышь, въ предчувствіи близкаго опшѣзда, желали побывашъ на берегу; по-

чему Гольгеръ распустилъ многихъ изъ нихъ. Это, по видимому, не нравилось Дюну; онъ замѣшилъ, что мало людей оснащено на корабль; а какъ въ то же время просился на берегъ еще одинъ изъ младшихъ офицеровъ, то онъ и сказалъ Гольгеру, что можешь уволить его только на самый короткий срокъ, въ продолженіе котораго самъ побудешь на борту, а потомъ обращаясь къ младшему офицеру, прибавилъ: „прошу не опаздывать. Съ захожденіемъ солнца всѣ должны явиться; ни одной уже щюпки не должно подпускать къ кораблю, и кто бъ на ней ни былъ, не принимаешь его. — Вамъ надобно позаботиться, Лейтенантъ Ан....“ — продолжалъ онъ изсколькo тише, такъ что только офицеры могли его слышать: „чтобъ непременно собрались всѣ во время, ровно въ двѣнадцать часовъ поднимаешь якорь и паруса; не ждай ни минушы, говорю я, хотя бъ и самаго меня еще не было.“

Гольгеръ, вмѣстѣ съ молодымъ офицеромъ, отправился на берегъ и поспѣшилъ къ Вольдемару, которому тотчасъ сообщилъ приказъ, съ усмремленнымъ на него испишующимъ взоромъ, какъ будто въ его глазахъ желя найши себѣ утѣшеніе.

„Наконецъ тебѣ откроюшь пушъ дѣя-
тельность!“ воскликнулъ Вольдемаръ съ жа-
ромъ: „а я все долженъ сидѣть здѣсь на
якорь. Сюда вѣрно и не заглянешь непріа-
тель. Вошь, если бѣ ты былъ начальникомъ
шкуны, то я позавидовалъ бы послѣднему
швоему мапрозу, а теперь — но увидимся
ли мы съ тобою? — ты вѣрно не пережи-
вешь спыда нашего флага.“

— „Нышь!“ отвѣчала Гольгеръ: „но
предотвращу его.“

„Какъ это? развѣ онъ не начальникъ
твой! бѣдный мой другъ! и ты помѣнилася
со мною!“

Гольгеръ едва слушала; душа его погру-
зилась въ мрачное, смущенное чувство. Онъ
явился опять на борть, прежде, чѣмъ во-
ображалъ.

„Какъ ты долго таскался!“ этими
словами встрѣшилъ его Джонъ. „Мнѣ еще
надобно о многомъ похлопотать въ город-
кѣ; при томъ же я пойду на вечеринку къ
одному знакомому, откуда ворочусь передъ
самою полночью; я нарочно хочу это сдѣ-
лать, чѣмъ нѣко и не думалъ, что мы
сегодня же тихохонько уберемъ; почему
знаешь, можешь бышь непріатель имѣеть
шущъ своихъ шпионовъ. Пусть думаютъ,
что я отправляюсь завтра. Шлюпки за

мною не присылай — только, чтобы она спояла на гонимъ у корабля: какъ скоро услышишь нисполешный выспрѣвъ, то пошай ее за мною.“

Гольгеръ кивнулъ молча головою, а между пѣмъ ворчалъ про себя: *тихотонько уберемся*. Эти слова, пруславая предосторожность въ невѣрояшной измѣнѣ, какія-то опасенія, вовсе несвойственныя обыкновенному легкомыслию Джона — все эшо, и въ такое время, когда Гольгеръ охотно бы рассказывалъ всякому радость свою, что наконецъ пойдешь и онъ сражашься, — упало, какъ расплощенный свинець, на грудь его. Темное предчувствіе, кошораго не умыв онъ располоковать себѣ, шакъ сильно имъ овладѣло, что онъ забылъ все вокругъ себя. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Мадса, напѣвающаго воинственную пѣсню — голосъ, повѣдавшій ему нѣкогда гнусное предательство, ему оказанное. Тогда дерзкая мысль, какъ молнія, блеснула въ головѣ его. Онъ подумалъ — планъ его созрѣлъ — онъ скоро рѣшился: „пусти же“ пробормоталъ Гольгеръ: „пусти же онъ самъ опоздаешъ!“

Съ этого мгновенія сдѣлался онъ опять покоенъ. Опять проснулась въ немъ дѣшельность духа, заботливостъ, разговорчи-

вось: только на лицѣ его выразалось что-то суровое.

Въ назначенное время явились на корабль всѣ опущенные люди, съ ними и офицеръ. Начальникъ же, кошорого шайное приказаніе извѣстно было только Гольгеру, все еще былъ въ опсунсшвиі. Всѣ удивлялись; офицеры спали безпокомшсья. Въ одиннадцать часовъ Гольгеръ сказалъ: „я лучше самъ съѣзжу на берегъ“ и взявъ маленькую шляпку, онъ велѣлъ причалить нѣсколько даале обыкновенной приспани, а пошомъ сказавъ машрозамъ, чшобъ они спокойно его дожидались, пошелъ вдоль по берегу. Тушъ въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, близъ городка, спалъ онъ расхаживашъ взадъ и впередъ, пока не услышалъ шороха. Вскорѣ явился Джонъ и съ удивленіемъ опсупилъ назадъ, когда предсшалъ ему Гольгеръ въ полномъ мундирѣ, между шѣмъ, какъ онъ, даже и на кораблѣ, всегда ходилъ въ плашѣ часпнаго чловѣка.

„Что эшо?“ вскричалъ испуганный Джонъ: „зачѣмъ ты здѣсь? какъ могъ опсавишь корабль?“

— „Въ эшомъ дамъ я опшѣшъ главному Начальнику“ — возразилъ Гольгеръ. „Тамъ не могъ бы я говоришь свободно съ шобою,

Джонъ Формеръ — хочу говорить здѣсь. Ты еще не просилъ себя опшавки?”

„Что вамъ вздумалось, г. Лейшенантъ? я вашъ начальникъ!“

— „Къ сожалѣнію, шамъ на кораблѣ и передъ свидѣтелями: испорченный рисунокъ себя имъ сдѣлалъ; но здѣсь между нами, вдали отъ людей, подъ опкрытымъ небомъ, негодяй не можешь бышь начальникомъ честнаго человѣка.“

„Опомнись!“ вскричалъ Джонъ, взбѣсясь: какое швое намѣреніе?”

— „Напомнишь о шамъ обѣщаніи, какое ты далъ мнѣ въ самую рѣшительную для тебя мину.“

„Но шеперь не шо время, чтообъ я могъ его исполнить.“

— „Такъ оно кажешся, но я нахожу эшо возможнымъ; шевѣ сшдишь шолько опоздать.“

„Развѣ не видишь ты, что эшо будетъ еще предосудительнѣе для моей чести?“

— „Чтообъ поддержишь ее, ты можешь агашь, сколько шевѣ вздумается — я не помѣшаю; но здѣсь дѣло важнѣе швоей чести, важнѣе благороднаго желанія, чтообъ никшо изъ посящихъ мундиръ не замаралъ его. Здѣсь дѣло идеть о славѣ опечешства, о чести флага, о храбрости пошавшихся

ему, еще досель неподверженной сомнѣнію. — Не испугаешься ли ты смерти и шамъ, на нашемъ влажномъ пуши, какъ по было здѣсь, на сухомъ? но шамъ ты не за себя одного оправдываешь. Я взялъ порукою въ своемъ поведеніи; но лучше хочу быть порукою въ непреклонности нашего флага. Видишь ли: я могъ пропустить мимо ушей твой сигналъ, мнѣ одному извѣстный, и по собственному своему приказу поднять паруса и отправиться въ полночь; но тогда бы поступилъ я вѣроломно, а я не хочу, даже и передъ собою, не хочу казаться вѣроломнымъ. Ты долженъ опоздать. Ты найдешь для себя много извиненій. Рѣшайся скорѣе; время не терпишь.“

„Нѣтъ, я этого не сдѣлаю!“ сказалъ Джонъ рѣшительно: „и ты не принудишь меня.“ Съ этими словами онъ вдругъ подбѣжалъ къ нему, выхватилъ единственное его оружіе — коршикъ, и мгновенно бросилъ его въ море.

„Гнусный человекъ!“ вскричалъ Гольгеръ: „ты все еще лукавишь!“ Онъ схватилъ его за воротъ, и рука его нечаянно попала на пистолетъ, спрятанный у Джона за пазухой. Онъ въ мигъ его выхватилъ. — „Ты вооруженъ, защищайся же!“

— „У меня только и было одинъ эпюнь писполешъ“ — ошвѣчалъ Джонъ: „и пошь съ холосшымъ зарядомъ, чшобъ дань смгнать. Я не ожидалъ здѣсь нападенія. Лейшенаншъ Ан—, въ память прошедшаго я забуду эшу сцену, но не раздражайте меня.“

„Съ холосшымъ зарядомъ!“ повшорилъ Гольгеръ, и хощя внушри его кипѣло, но съ видомъ хладнокровія ошсшупилъ онъ нѣсколько назадъ, все не оставляя однако свободнаго пуши для Джона, копорый споялъ въ большомъ смущеніи. „Эшо шебъ не можешъ!“ продолжалъ Гольгеръ. „Твоя рука, ошшолкнувши меня, съ болью напомниа мнѣ объ одной вещи. Знаешъ ли шы эпюшь першень?“ спросилъ онъ вынувъ подарокъ Вольдемара, копорый, хощя не былъ уже въ прежнемъ видѣ, но все еще не снимался съ груди его. „Эшо золопо также напоминаешъ объ одномъ изъ швоихъ гнусныхъ дѣлъ. Хочешъ ли, чшобъ оно само за себя ошмшшло?“ — Съ сими словами смялъ онъ кольцо въ зубахъ и сдѣлавъ изъ него комокъ, бросилъ его въ дуло писполеша. „Теперь заряжено!“ сказалъ онъ. — Ну же! ворошисъ назадъ или умрешъ! я знаю, чшо жизнь шебъ очень мила.“

Сказанное о першнѣ еще болѣе поразило Джона. Онъ споялъ нѣмъ, какъ уми-

ченный преступникъ, съ мученіемъ заѣвшихъ воспоминаній въ груди.

„Дай же опвѣщъ!“ вскричалъ Гольгеръ, помолчавъ: „время не шерпишь. Выбирай!“

— „Эшо все равно, чшо кошелекъ или жизнь!“ опвѣчала Джонъ съ пожираемымъ бѣшенствомъ: „шакъ дѣлають одни разбойники.“

Тушь кончилась разсудительность Гольгера. „Негодяй!“ вскричалъ онъ, спусниль курокъ и перспень погрузился въ грудь Джона. Онъ упалъ мершвъ на землю. Гольгеръ, выпуспя невольню писшолешъ изъ руки своей, окинулъ поверженнаго мрачнымъ взглядомъ, испуслиль шяжелый вздохъ и скорыми шагами пошелъ къ шяюпкъ, напѣвая свою любимую арію. „Все еще нѣшь?“ закричалъ онъ машрозамъ. „Ну шакъ съ Богомъ! опшваливайше, намъ нельзя мѣшкашь.“ Лишь шолько вошелъ онъ на корабль, ударило двѣнадцашъ часовъ. На всѣ вопросы офицеровъ качалъ онъ шолько головою, напомнилъ имъ приказъ и собшвенныя слова начальника, а пошемъ, съ ихъ согласія, велѣлъ поднимашъ якорь. „Онъ самъ хопѣлъ шого!“ повторилъ Гольгеръ въ самомъ себѣ, расхаживая взадъ и впередъ на палубѣ. „Теперь я начальникъ; правда, чшо шакимъ образомъ, лучше бы не желалъ имъ бмшъ ни-

когда, но за то не боюсь уже и за честь своего флага.“

Въ назначенномъ мѣстѣ плохая рыбацья лодка привезла на корабль весьма важныя приказанія, копорыхъ исполненіе пребовало крайней разсудительности, отважности и присутствія духа. Съ этою лодкою послалъ онъ крашкій рапортъ о неявкѣ Джона, а пошомъ поднялъ опять паруса, горя неперпвнѣемъ оказалъ пользу ошечеству. Всѣ молодые офицеры одушевлены были тѣмъ же. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль переходилъ онъ изъ опасности въ опасность и на каждомъ шагу дразня непріятеля, превозмогалъ всѣ счастливо. Его дѣятельность помѣшала исполненію многихъ плановъ непріятеля, копорый наконецъ спазъ принималъ всевозможныя мѣры, чшобы погубить его. Однажды вдругъ очутился онъ среди столь великихъ непріятельскихъ силъ, что, казалось, не было спасенія и надлежало спустить флагъ, не выспрѣливъ ни разу. „Нѣтъ!“ вскричалъ Гольгеръ: „лучше пусть будетъ онъ весь изспрѣленъ, но не спущенъ; никто изъ Дашчанъ не рѣшился опрубить священнаго канаша.“

Четыре часа продолжалось упорнѣйшее сраженіе; хошя удалось Гольгеру два непріятельскія судна привести въ бездѣйствіе,

но шкуна его была вся пробиша ядрами и не много оставалось уже рукъ, чшобъ управляшь ею, какъ вдругъ къ вечеру, порывишый въшрь чуднымъ образомъ опнесъ ее въ заливъ между двухъ скалъ. Корабль, гнавшійся за нею, при входѣ въ заливъ, спалъ на мель и сдѣлалъ собою оплошь прошивъ нападенія на нее другихъ. Эшимъ счастиемъ, непоняшнымъ даже и для шѣхъ, кто былъ на шкунѣ, пригнало ее въ самую шу гавань, опкуда она выспунила. Но уже по были почши полько опшашки и корабля и вкипажа. Немногіе спасшися машрозы и офицеры, болѣе или менѣе раненые (въ числѣ посавднихъ и самъ Гольгеръ) явились въ городкъ, упоенные кровью, счастиемъ и побвдою, ибо шакъ должно назвашъ ихъ избавленіе. Тамъ приняи ихъ съ живвѣйшимъ удивленіемъ и усердвѣйшими поздравленіями, ибо весьма многіе изъ жинелей вывзжали на рыбачьихъ лодкахъ смошрѣшь издали на послвднее сраженіе, бывшее въ виду города.

Гольгеръ, съ подвязанною рукою, поспѣшилъ на свиданіе съ Вольдемаромъ. Радость наполняла его душу, и хопя опзывалось въ ней случившееся предъ опѣвдомъ, но онъ надѣялся испребишь мучишельное опомъ воспоминаніе, переливъ въ душу вѣрнаго друга все, что его шревожило; надѣяв-

ся опъ самаго друга получишь удостовѣреніе, что нельзя было иначе дѣйствовать.

Вольдемаръ принялъ его съ шумнымъ, непришворнымъ воспоргомъ. Гольгеръ долженъ былъ рассказать ему всѣ малѣйшія подробности сраженія. Когда же наконецъ, эпошъ разговоръ спалъ ишоощаешь, Гольгеръ спросилъ вдругъ шоскливо: „а Джонъ, что слышно о немъ?“

Не опвѣчая, взялъ Вольдемаръ между бумагами листокъ газетъ и подалъ ему, Гольгеръ прочиталъ:

„По опплышія шкуны, кошорая, согласно полученному приказанію, опправилась въ назначенный часъ, на другой день поушру найдень начальникъ ея на берегу мершвый. Убишь ли онъ измѣннически, или палъ жершвою собственнаго сумашешвія, въ чемъ есмь поводъ подозрѣвашъ, шого рѣшишь не легко.“

„Измѣннически!“ вскричалъ Гольгеръ въ движеніи.

— „Нѣтъ, навѣрное нѣтъ!“ сказалъ Вольдемаръ уныло и угрюмо: „пошому что онъ убишь, какъ я не сомнѣваюсь, швоею рукою.“

„Возможно ли, шы уже знаешь?“ вскричалъ изумленный Гольгеръ.

— „Я не сомнѣвался въ помѣ и нѣ минуш. Твои послѣднія слова при разлукѣ со мною, а еще болѣе скомканное золотое кольцо, которое найдено въ его сердцѣ, меня вполне удостовѣрили. Не смотри на меня шакъ!“ продолжалъ Вольдемаръ, смягчая голосъ: „миѣ удалось отвраиить всякое на себя подозрѣіе. Какъ я оспавался здѣсь главнымъ командиромъ, шо миѣ первому принесли извѣстіе о найденномъ шрупѣ; я засшавилъ, по приняшому обычаю, осмошрѣшь рану; шолько самъ я и хирургъ, нашъ пріятель, были при помѣ. Съ большимъ удивленіемъ подалъ онъ миѣ роковое золотое и удивился еще болѣе, когда увидѣлъ, какъ эшо вдругъ меня поразило. Онъ не могъ не предполагашъ шущъ шайны, но уважилъ мое безмолвіе и оспавилъ миѣ пулю. Въ своемъ свидѣтельствѣ не означилъ онъ, какого мешалла была она, и предосшавилъ миѣ написашъ рапоршъ, какъ я захочу. Черезъ него не можешъ бышъ узнано шо, што я ошкрылъ. Поединокъ, не правда ли? Объясни миѣ непоняшное!“

— „Ну, поединкомъ назвашъ нельзя“ — ошвѣчалъ Гольгеръ нешвердымъ голосомъ. „Я убійца его, если хочешъ, но выслушай!“ И шущъ расказалъ онъ все проишходившее, съ самага зародыша огорченій, произведен-

ныхъ въ немъ Джоношъ, со всѣми мелочами, неизвѣсннми его другу и, не взирая на свою незначительность, повлекшими за собою кровавое окончаніе дѣла, къ кошорому впрочемъ онъ никогда не гошовидся. Поспунилъ ли бы шы иначе на моемъ мѣсшъ?“ Симъ заключилъ онъ свой расказъ.

„Не знаю, другъ мой!“ опивчалъ Вольдемаръ въ мрачномъ размышленіи. „Но мнѣ кажешся едва вѣрояшнымъ, какъ все эщо могло случишся. Впрочемъ я себя не считаю ни шверже, ни лучше шебя.“

— „Лучше!“ повшорилъ Гольгеръ прошажно, устрема на него глаза свои. „Ги! да — шочно! лучше и чище!“ прибавилъ онъ поспѣшно. „Послушай, шы вѣрно изяснишь мнѣ мое недоумвнне, мою внушреннюю борьбу, мнѣ самому непоняшную. Хошя въ эшомъ дѣлѣ, забота о флагѣ руководила мною; но не смотря на шо, не смотря на явную подлость, прошивъ кошорой поднялась рука моя, все шаки возбуждаешся во мнѣ непреодолимое безпокойство. Только громъ пальбы и пороховой дымъ доспавляли мнѣ удовольствіе; пошому, чшо ими заглушались мои чувсшва. Но вопшь, когда пришлось бышь опяшь на покоѣ, — шеперь, — неужели же я въ самомъ дѣлѣ незаслуживаю прощенія?“

„Гольгеръ!“ сказала Вольдемаръ: „я не могу агашь; мнѣ кажется, ты бы долженъ былъ избѣжать этого поступка, и по чelовѣческву, и какъ носящій эшошь мундиръ и подвергающійся его законамъ.“

— „Мундиръ былъ на мнѣ!“ сказала Гольгеръ мрачно.

„Но ушѣшься, другъ мой!“ продолжалъ Вольдемаръ, возвыся голосъ.

— „Ничто не ушѣшишь меня!“ ошвѣчала Гольгеръ, блѣдный, какъ смерть. „Ты выговорилъ по, чего не умѣлъ и не смѣлъ я назвашь словами. Прощай!“

„Ты хочешь уже меня ошавишь?“ спросилъ Вольдемаръ, пораженный внезапною неремъною друга.

„Мнѣ надобно навѣспишь больныхъ и написашь рапоршъ. Ахъ, если бь онъ былъ ужъ написанъ! Но еще одно, дай мнѣ пожа- луста смяшое золошое кольцо....“

„Не ошавишь ли ты его у меня?“ спросилъ Вольдемаръ, ушремя на него про- ницашельный взоръ.

— „Нѣшъ, я не хочу ошавишь у себя вещь, кошорая будешь напоминашь тебѣ о мнѣ моей.“

Гольгеръ ушелъ. Вольдемаръ нѣсколько дней не видалъ его; слышалъ однако, что онъ часто посѣщаетъ лазарешъ и город-

скія присущенныя мѣста; остальное же время проводишь, запершись въ своей комнатѣ и занимаешься письменными дѣлами. Зная, что собственнымъ своимъ безпокойствомъ лишь только распространилъ бы онъ друга, безъ того свиданнаго внутреннею борьбою, Вольдемаръ не захохоталъ мѣшкать ему.

Однажды вечеромъ вошелъ однако Гольгеръ, совсѣмъ неожиданно, къ невѣстѣ Вольдемара, съ кофорою сей въ это время дня любилъ бытъ вмѣстѣ. Онъ былъ угрюмъ, но вмѣстѣ какое-то необыкновенное унылое спокойствіе замѣтно было во всемъ составѣ его.

„Извинише, сударыня“ — сказалъ онъ съ истиннымъ прососердечіемъ: „ушло я ушащу у васъ сегодня моего друга. Вечерь шакъ хорошъ, и мнѣ шакъ хочешся поговорить съ шобою на свободу, Вольдемаръ — мнѣ надобно много съ шобою говорить.“

Вольдемаръ ошкланялся невѣстѣ и послѣдовалъ за другомъ. Рука объ руку пошли они пушемъ, освѣщаемымъ луною, вдоль по берегу. Весьма не много словъ передано было сначала. Вольдемаръ замѣчалъ что-то необыкновенное въ своемъ другѣ. Онъ все давалъ корешкіе только ошвѣны. Наконецъ Гольгеръ ошановился въ одномъ мѣстѣ, по-

чши совсѣмъ замкнуномъ склajo. — „Все ли еще ты меня любишь?“ спросилъ онъ робко.

— „Что за вопросъ! Какъ можешь спрашивать, люблю ли я себя?“

„Но вѣрно не такъ, какъ прежде. Мы какъ-то поспешенно отдавались. Твоя невеста похитила у меня ошчасши швое сердце — мое принадлежишь тебѣ вполнѣ.“

— „Ахъ, Гольгеръ! мнѣ хотѣлось бы, чшобъ и ты узналъ Ангела истинной любви; онъ совсѣмъ другаго рода, нежели Ангель дружесшва, однако они и не враждуютъ между собою — напрошивъ поддерживаютъ, возвышаютъ другъ друга.“

„И такъ“ — продолжалъ Гольгеръ съ горячностію: „все ли еще любишь ты меня, какъ въ шощъ вечеръ, въ шощъ истинно священный часъ, когда мы заключали союзъ брашсшва?“

— „Конечно; вшощъ часъ споль же святъ и для меня.“

„Помнишь ли ты, чшо мы дали клятву другъ другу блюсти чешъ нашего флага, блюсти собшвенную свою чешъ; чшо мы клялись, чшобъ шого изъ насъ, кшо окажется ея недосшойнымъ, другой наказалъ смершію? Помнишь ли ты вшо?“

*

— „Да!“ отвѣчалъ Вольдемаръ въ полголоса, поднявъ превожный взоръ на друга.

„И такъ, Вольдемаръ, я недостоинъ ея; я — шебъ извѣстно все дѣло, какъ мнѣ самому — я совершилъ двойное прошивъ нея преспуаеніе: я убилъ своего начальника, я сдѣлалъ ночное убійство. Не говори, что свѣтъ не узнаешь о шомъ. Не говори мнѣ ничего. Мы знаемъ, я знаю — шого довольно. Могу ли я, кошорый, послъ Бога, всего выше спавлю свое почешное званіе, я, кошорый всегда первый провозглашалъ о шомъ, и смѣло пошелъ на защиту своего флага, могу ли переносить чувшво шого, что впайнѣ дѣйшвовалъ недостоиннымъ его образомъ? Тогда шолько почувшвовалъ я весь ужасъ своего посшупка, когда писалъ свой рапоршъ, въ кошоромъ, какъ ни вершѣлся, а долженъ былъ изрѣчь свою славу. Нашъ, я заслужилъ наказаніе, наказаніе примирешъ и очищаешъ. Однако, что совершилъ я впайнѣ, въ шомъ шайно же могу и покашьяся. Сшрѣлай, Вольдемаръ! засшрѣлай меня!“ вскричалъ онъ, вынувъ пистшолешъ.

„Помилуй, что шы?“ сказалъ Вольдемаръ въ ужасъ.

„Какъ?“ воскликнулъ Гольгеръ: „ни оштшупаешъ? Возьми. Я осквернилъ драгоценный даръ швоей дружбы; — ахъ! не са-

на ли Немезида успрошла ему шакую судьбу! — но пушь же омоешь онъ въ крови моей. Писшодешъ зарядень кольцомъ. Пушь оно, сподъ долго покоившись прежде на груди моей, найдешъ себъ въ ней покой вѣчный.“

— „Нѣшь, я этого не сдѣлаю!“ возразилъ другъ.

„Вольдемаръ!“ продолжалъ Гольгеръ уныло: „помнишь ли, съ какимъ равнодушiемъ, какъ будшо бы шебъ ничего не спшало, для исполненiя шолько опромешчиваго слова, выпрыгнулъ ты въ окно и приобрѣлъ шивъ на вѣкъ мое сердце; а шеперь хочешь нарушишь прежнiй обѣшь!“

— „Тогда было совсѣмъ другое дѣло — я отвѣчалъ шолько за себя. Теперь ты хочешь меня сдѣлашь убiйцею.“

„Не ты мой убiйца, а мой просшупокъ, кошорый ты своимъ опказомъ дѣлаешь для меня еще шяжелѣе. Неужели я недосшонишь ш того, чшобъ умерешъ ошь вѣрной руки швоей? Неужели ты способень выдашь меня и свое званiе на публичное посрамленiе? Да, я клянусь....“

— „Не клянись!“ прервалъ его Вольдемаръ.

„Не буду!“ продолжалъ онъ покойно: „пштому, чшо я уже клялся, а ты знаешъ,

я умѣю держать слово; если ты отвергнешь мою просьбу, завтра же ожидаю я военному суду. Захочешь ли ты подвергнуть друга плахѣ палача, чести своего флага посмѣянію зависши? На козлахъ умоляю тебя, Вольдемаръ, доставь мнѣ утѣшеніе, въ своихъ дружескихъ объятіяхъ испребишь вину свою вмѣстѣ съ жизнью. Вѣдь и ты клялся же.“

„Бышь такъ!“ вскричалъ Вольдемаръ рѣшимельно: „я долженъ все раздѣлять съ тобою, даже и неправое дѣло.“ Тушь обхватилъ онъ лѣвою рукою своего друга и въ первый разъ напечаталъ продолжительный и жаркій поцѣлуй на ушахъ его; правою рукою наложилъ онъ исполень на грудь его и спустилъ курокъ. Гольгеръ, не испутивъ и вдоха, упалъ мертвый въ его объятія.

Окинувъ мрачнымъ взоромъ уединенную дорогу, Вольдемаръ опнесъ шрупъ къ самому почини городку; тушь положилъ еѣ въ кушъ, накрылъ плащемъ и пошелъ въ квартиру Гольгера, гдѣ позвалъ къ себѣ Мадса.

„Твой господинъ“ — шепнулъ онъ ему: „внезапно умеръ. Тише! не надѣлай шуму!“

— „Вошь, не ожидалъ ли я?“ сказала Мадсъ, всплеснувъ руками.

„Какъ вѣщу?“

— „Съ шѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ на берегъ, все не переснавала жаловашья. И не мудро, онъ совсѣмъ о себѣ не заботился; все говорилъ, что онъ долженъ изойти кровью; и духовную свою отдавалъ уже въ Судъ. Гдѣ жъ онъ умеръ?“

„На морскомъ берегу“ — ошвѣчала Вольдемаръ, кошорому слова Мадса пришлось очень къспашу; — „что онъ предвидѣлъ, шо и случилось, хоня кровь его пролила не шакимъ образомъ, какъ шы думаешь. Но если шы доспомнѣ, какъ я полагаю, нашей довѣренности; шо шебѣ довольно, когда я скажу, что онъ скончался въ объшпяхъ моихъ, въ объшпяхъ своего друга: не ломай головы надъ раною, кошорую шолько шы и я увидимъ на груди его. Въ избѣжаніе шолковъ, принесемъ его ночью, черезъ садъ, въ его комнату.“

Такъ и было сдѣлано; сама луна сокрыла свѣшное лице свое при семъ печальномъ шесшвіи. Обгорѣлое плашье шопчасъ сняли и шрупъ положили въ пошпель. Когда Мадсъ оштался одинъ, онъ смолрѣлъ на мершваго и глаза его все болѣе и болѣе наполнялись слезами. „Эдакъ, на берегу!“ сказала онъ наконецъ сквозь зубы: „Слава Богу, что думаешь не мое дѣло, а шо бы мнѣ пришлось съ ума сойти. Тушь что-шо неспросна;

однако, что сказала Лейшенаншъ, я нѣмъ доволенъ, и въ самомъ аду не вырвущу у меня ни словечка.“ На другой день разнеслось вездѣ, что Лейшенанша Ан — нашла мершваго въ постели ошъ изверженія крови; что такъ объявилъ призванный врачъ. Вольдемару надлежало распорядишься объ его наслѣдствѣ и похоронахъ. Изъ Суда сообщили ему Гольгеру духовную, по которой умершій завѣщалъ все свое, довольно значительное имѣнiе невѣстѣ друга.

Въ шестъ же вечеръ явился къ ней Вольдемаръ, блѣденъ какъ смерть, будшо бы сошарясь вдругъ десятию годами. До нее достигла уже печальная вѣсть и сильно ее поразила. Гольгеръ и самъ по себѣ всегда ей нравился, но еще болѣе по дружбѣ его съ женихомъ. Она въ слезахъ бросилась къ нему въ объятія, но когда увидѣла шоль необыкновенную въ немъ перемѣну, шо нервольно испугалась и поблѣднѣла.

„Чего ты пугаешься?“ спросилъ онъ.

— „Твоей печали!“ сказала она съ шрепешомъ. „Ты самъ смощришь, какъ умирающій или желающій смерти.“

„Да!“ отвѣчалъ Вольдемаръ угрюмо, но спокойно: „не скрою, смерть его заставляетъ меня думать и о своей. Пока онъ живъ, я нерѣдко въ швоемъ присутствіи

забывалъ о немъ; но съ шѣхъ поръ, какъ его не стало, образъ его преслѣдуешь меня и гонишь даже изъ своихъ объятий. — Возьми эти бумаги: онѣ упрочивають тебѣ его наслѣдство. Признаюсь, что онѣ шѣмъ очень, очень успокоилъ меня на швой счетъ. Онѣ былъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и здоровья, и вошь — кто знаешь, что и со мной случисься можешь?”

— „Съ шобой? — Избави Богъ!”

„Марія! невѣста война должна быть гошова ко всему; а время не оставишь успокоишь чистаго сердца. Мы были друзья, мы были братья! Мнѣ должно опмститься за смерть его; я узналъ, что ея причиною, скрытная сердечная рана. Къ шому жъ, не все мнѣ оставалось здѣсь въ бездѣйствіи; надобно ийти прошивъ непріятеля.”

Марія, нерѣдко слыхавшая, какъ онъ, любилъ дѣятельности и жаждущій сражений, завидовалъ счастливой участи своего друга, не могла опвѣчать на слова сіи, — она лишь проливала слезы; но когда онъ, начавъ прощаться съ нею, не могъ различиться, отходилъ и возвращался, чтобъ еще разъ напечатлѣвъ прощальный поцѣлуй свой, пока наконецъ не вырвался опъ нея съ видимою борьбою — тогда показа-

лось ей, что она никогда уже его не увидишь.

Однако онъ пришелъ и на другой день; и ходилъ еще нѣсколько вечеро́въ сряду. Казалось даже, будто оспрадное мужество проявляешь угрюмое чело его. Невѣста узнала, что дни проводишь онъ въ величайшей дѣятельности, что не только занимается своей башареей, но и починкою поврежденной шкуны, кошораю, или можешь быть другая подобная, долженствовала вскорѣ перейти подъ команду его. О раненыхъ спутникахъ Гольгера, заботился онъ также съ большимъ усердіемъ; казалось, будто онъ принялъ на себя всѣ заботы его и обязанности, и вездѣ поспѣвалъ онъ, гдѣ только могъ выискать какой-либо предметъ для своихъ попеченій. Но къ вечеру, въ покойные часы, кошорые проводилъ онъ съ невѣстою, какъ будто вдругъ снова обрушалось на немъ все бремя его потерн. Невѣста старалась его развлечь, но едва удавалось ей только измѣнить угрюмость его на жалобное, въ немъ вовсе необыкновенное уныніе.

Между тѣмъ приближался день Гольгера погребенія, для кошораго готовилась большая торжественность. Наканунъ, сообразно съ мѣстными обычаями, выспав-

лень былъ гробъ; въ кошоромъ лежалъ онъ въ полномъ мундирѣ, въ особой залѣ его же кварширы, для того, чшобъ всѣ могли его видѣшь. Почши весь городъ сбѣжался посмошрѣшь на героя, кошораго послѣдней побѣды былъ онъ свидѣшелемъ. Одинъ Вольдемаръ не приходилъ шуда. Онъ даже не видалъ шрупа съ самой роковой ночи. Въ сей же вечеръ былъ онъ, какъ обыкновенно, у своей невѣшты и въ шомъ же расположеніи духа. Онъ сидѣлъ доше прежняго; на башарезъ было объявлено, чшо въ шшу ночь онъ не придетъ. Около полуночи сжалъ онъ Марію крѣпко въ своихъ объашіяхъ и хощѣлъ удалишьса молча.

„Бѣдный Вольдемаръ!“ сказала она: „какой шжелый день шебя ожидаешь! Въ силахъ ли ты будешь провожашь къ могилѣ швоего друга?“

— „Я долженъ!“ отвѣчалъ онъ: „Прощай, Марія! я шеперь пойду къ его гробу; хочу послѣдній видѣшь чершы его.“

Съ крѣпкимъ пошашіемъ руки разшадся онъ послѣшно съ нею и ошправился въ кварширу Гольгера, съ заднихъ дверей, кошгоры вели черезъ садъ къ морскому берегу, гдѣ стояла небольшая шлюпка. Толпа давно ужъ разберлася; Мадсъ погасилъ и свѣчи вокругъ гроба. Только одна горѣла у

изговоря. Онъ шиховько ошошелъ въ сторону, когда явился Вольдемаръ. Долго въ безмолвіи разматривалъ сей послѣдній, со сложенными на-крещъ руками, своего бездыханнаго друга; потомъ сказалъ шихо: „Да, залогъ нашего дружества, погребенный мною въ груди швоей, сильно меня прищигиваетъ. И ты вѣрно не сомнѣвался, Гольгеръ? Я вижу еще, какъ ты сѣдовала за мною по пятамъ; но ты ушелъ впередъ. — Хочешь ли, Мадсъ, оказашъ вмѣстѣ со мною послѣднюю услугу швоему Лейшенаншу?“ спросилъ онъ громко.

— „Чшо прикажете?“

„Принеси мнѣ пару тяжелыхъ камней.“

Мадсъ посмошрѣлъ на него съ изумленіемъ, однако повиновался. Но еще болѣе изумился онъ, когда, возвращаясь, нашелъ гробъ пущымъ, и увидѣлъ, чшо Вольдемаръ, въ боковой комнашъ, завернулъ шрупъ друга своего въ плащъ и положилъ его на кровашъ.

„Положи камни въ гробъ“ — сказалъ Вольдемаръ, входя послѣдншо: „и пособи мнѣ заколошишь его наглухо. Пускай они завтра опусниашъ ихъ въ землю съ пущою пышношцію и обычными почешами, и пущъ благодаряшъ Небо, чшо оспались живы и здоровы, смошря издали на его кровавуш

бшву. — Мы, Мадсъ, найдемъ лучшую для него могилу. Сухая, душная земля всегда была ему прошивна. Я завернулъ его во флагъ, который взявъ былъ шобою со шкуны и положенъ ему подъ голову; въ эшомъ флагъ погрузимъ мы его въ море, въ шо море, которое онъ шакъ любилъ, и которое радосшно восплаещеть, принимая къ себѣ храбрѣйшаго своего сына. — Хочешь ли ты иди со мною — ты одинъ? Маленькая шляпка гошова на берегу въ концѣ сада.“

— „Браво! браво!“ вскричалъ Мадсъ. „Вы угадали желаніе покойника. Пускай же спихія моряка будеть ему и могилою!“

Недолго продолжалась задѣлка гроба. Вольдемаръ, бывшій шушь въ полномъ мундирѣ, снялъ свою саблю и положилъ ее на гробъ. Пошомъ надвинулъ онъ шляпу Гольгера на голову шрупа его, и сшдя, какъ бы онъ былъ еще живъ, опшесли его, Мадсъ и Вольдемаръ, въ ожидающую у берега шлюдку, въ которой послѣдній поставилъ бездыханнаго своего друга на носу, обратя сомкнушыми глазами къ морю, и обнялъ крѣпко, шакъ крѣпко, какъ въ шо давнишнее время, когда шотъ прибѣжалъ спасти его. Между шѣмъ Мадсъ, прежде нежели принялся за весло, сшалъ укрѣплять на древшѣ шайкомъ припасенный имъ флагъ.

„Что ты делаешь, Мадсъ?“ вскричал Вольдемаръ: „вѣдь солнце еще не взошло.“

Мадсъ указалъ на полнолуніе, которое выглядывало изъ-за тучъ, довольно бурливо носившихся въ эту ночь по всему небу. „Мѣсяць естъ солнце мертвыхъ“ — сказалъ онъ, вздохнувши. „Господинъ мой былъ славный морякъ: надобно, чтобы при его погребеніи флагъ развѣвался хоть на маленькомъ древкѣ.“

Шлюпка пустилась по сердишымъ, клубящимся волнамъ, разсѣкая ихъ острыми килемъ своимъ, и все далѣе, далѣе мчалась въ открытое море. Вольдемаръ споялъ покойно на носу, обхвата крѣпко шрунь своего друга, и какъ нѣкогда звучный голосъ Вольдемара, на балу, среди шума гремящей музыки, опзывался въ ухахъ прислушивавшихся дѣвиць, шакъ шеперь, среди визга вѣтровъ и плесканія волнъ, раздавался онъ въ ухахъ Мадса, который и самъ глухимъ припѣвомъ сопровождалъ извѣстныя, слегка измѣненныя слова:

Для Дашчанъ къ чести, слава пушь,
 Ты мрачное, грозное море!
 Вошь другъ! его покойна грудь!
 Ему могилой вѣчной будь
 Ты мрачное, грозное море!
 Онъ смерти радъ: конецъ бѣдамъ!

Онъ свой — шебъ его ошдамъ ;
Ты мрачное , грозное море !

Не успѣли еще послѣднiе звуки умереть въ воздухъ , какъ Вольдемаръ , не разнимаемая рукъ , объявшаго бездушнаго друга , съ нимъ вмѣстѣ бросился въ зыбкую пучину ; валы расплеснулись и въ шошь же мигъ взгромоздились вновь надъ ними. Мадсъ вскочилъ въ испугъ , выпусшя изъ рукъ свои весла. Долго смошрѣлъ онъ приспально на бурливья волны. Наконецъ , не замѣчая и слѣда повергнувшихся въ нихъ молодыхъ людей , ошеръ онъ слезы на глазахъ своихъ , ворча сквозь зубы : „Не мнѣ разсуждашь — какая жъ мнѣ до шого нужда ! Но молчашь я буду , пошому чшо я не глупъ.“

Съ большимъ усилиемъ спалъ онъ грѣши назадъ. Никшо не замѣшилъ непродолжительнаго его ошсушшвiя и онъ молчалъ. Погребенiе было совершено. Всѣ удивлялись и спрашивали , куда дѣвался другъ покойника ; но Мадсъ молчалъ , Долго надѣялись на возвращенiе Вольдемара , шолько не невѣсна его. „Онъ умеръ“ — говорила она съ неколебимою швердосшiю : „умеръ еще въ шу ночь , когда въ послѣднiй разъ со мною видѣлся , но какъ умеръ , я не знаю.“

Спусшя много лѣшъ , когда время исцѣлило ея раны , принудида она Мадса преч

рвашь молчаніе; пошому, что ей сообщени уже были тогда другомъ Вольдемара, хирургомъ, нѣкопорыя бумаги, изъ конхъ она и небольшой кругъ искреннихъ друзей узнали о семъ, дошолъ никому неизвѣстномъ происшествіи.

2.

**О нынѣшнемъ состояніи Нѣмецкаго
Театра и Драматической Литературы.**

(*Изъ Драматургическихъ листовъ Л. Тика.*)

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ наша (Нѣмецкая) сцена взяла шакое направленіе, которое не одобряется не только любителями и знапоками, но и всѣми, кшо только можешь возвышашь голосъ; всѣ шого мнѣнія, что нашъ Театръ приближается къ совершенному упадку. Если это правда, то неизлишне будешь показашь, что причиною зла, — намекнушь, чѣмъ возможно его исправишь; ибо заведеніе общеспвенное, которое, собирая многоядную шолпу, предполагаетъ заняшь ее пріятнымъ развлеченіемъ или усладишь искусшвомъ, для кошораго спрашашся огромныя суммы и воздви-

гающа величественна зданія, о которомъ говорашъ во всѣхъ собраніяхъ, и которое, въ сіи дни мира, едва ли не считаешся одною изъ важнѣйшихъ потребностей націи; заслуживаешъ конечно, чѣшобъ любители искусства не опвергали его, какъ нѣчто недостойное, а обратили на него полное вниманіе.

Однако, если должно войти въ изслѣдованіе, ошъ чего шеашръ (шо ешъ искусство драматическое и актерское) шакъ явно испортился, и если продолжашъ шакое изслѣдованіе до самой глубины; шо знапоку опкроюшся шоль многообразныя причины, чшо онъ едва ли не упомится въ исканіи потерянныхъ нитей, и не бросишъ съ досадою перепушанной шкани.

Когда образовывался нашъ Нѣмецкій шеашръ, онъ шѣмъ наиболее пріобрѣлъ свою силу, чшо предоставленъ былъ самому себѣ. Покровителей было не много, число любителей шакже не велико, и актеры довольствовались шѣмъ, чшо могли существовать, и чшо изрѣдка ободряли ихъ знапоки. Такъ, почти въ уединеніи, образовались таланты великіе, и произошла Нѣмецкая школа, которая Лекеню, Превилю и Гаррику могла прошивоноспавишъ, можешъ бышъ, шоль же совершенныхъ арти-

сновъ. Когда мало по малу шолпа приняла въ шомъ учасіе, когда акшеры болѣе почувствовали самихъ себя, тогда зрители принимали благосклонно все, что было для нихъ понятно, а хвалу и хулу предоставляли кришникъ, знашковыхъ.

Вмѣсто Комедіи и Трагедіи, вскорѣ полюбился Нѣмцамъ особый родъ, кошорый, носясь между обѣими, спарашся изображать житейскій бытъ со всеми его случайностями, и, безъ генія въ смѣнномъ или высокомъ, приводишь въ легко пріобрѣтаемое умиленіе, карщинами, высшавленными почти безъ всякихъ искусственныхъ ракъ. Прѣжняя школа не могла предшавишь много превосходнаго, но она имѣла иное спремленіе, да и не нужно, чтобы школа, какая бы она ни была, въ самомъ основаніи своемъ производила всѣ мастерскія произведенія; уже и того довольно, если ученики знаютъ совершенно пушь, по кошорому надлежишь имъ слѣдовать. Но спрасшь къ умиленію, кошорая столь разишельно характеризируетъ Нѣмца, сильно овладѣла Театромъ, и множество мелочныхъ каршинъ, съ ложною чувствительностью и вяло изображающихъ всю нищету, всю жалкую нравственную низость челоувѣчества, наполнило наши сцены. Такое нововведеніе вышѣснило и самое

основаніе Нѣмецкой школы, такъ что ея надлежало называть сіи самыя мелочныя картины, ибо долгое время онѣ господствовали почти исключительно. Въ нихъ была еще пошль недоспашокъ, что взявши, такъ сказать, въ сырость видѣ изъ жишейшва, онѣ дѣлали акшерское искусство почти излишнимъ, и приучали зришеля довольствоваться самыя обыкновенными, незначительными предметами, безъ всякой ихъ связи съ искусствомъ, и принимашь грубое обольщеніе за истинное. Тогда-шо сдѣлалось легко для толпы, по минушнымъ впечатлѣніямъ, соспавляшь свой приговоръ, и вышла странная кришка, которая шѣмъ болѣе находила достойнаго похвалы, чѣмъ болѣе эши вялые выродки опдалялись отъ всякаго искусства, пренебрегали геніемъ и предъ самую напурою держали шоль худо шлифованное зеркало, что въ немъ являлись шолько чудовища и уроды.

Всякій аршишъ хочешъ, чшобъ его узнали, желашь слышашь голоса, кошорые оправдывали бы его старанія или открывали бы ему лучшіе пути. Многообразная кришка спала усиливашься, съ бѣдшимъ или меньшимъ успѣхомъ, къ удовлетворенію сихъ шребованій. Особые листки именно для сего соспавлялись, ихъ чпшали шоль-

ко актеры и любители театра. Но съ возрастаніемъ охоты къ представленіямъ, въ кошорыхъ конечно болѣе и болѣе спали искомашъ развлеченія шолько, или наполненія времени, умножились и журналы въ каждомъ городѣ, въ шой мѣрѣ, въ какой мучились жаждою чпенія люди, кошорые, при недостаточной образованности для изученія швореній важныхъ, желаюшь однако знашъ о событіяхъ и явленіяхъ свѣта и возбуждашь въ себѣ что-шо похоее на стремленіе къ благородному и прекрасному.

Послѣ многихъ покушеній лучшихъ нашихъ Писателей, заманишь публику въ изслѣдованія объ искусствѣ, послѣ недолговѣчнаго усилія націи одушевишья Философіей и науками, вмѣсто шакого, можешъ бышь, одношпороннаго рвенія, насупила починъ всеобщая сонливость. Всѣми овладѣлъ какой-шо вялый скептицизмъ, кошорый робко усхраняясь отъ каждой истины, какъ и отъ каждаго изслѣдованія, съ дерзкою рѣшительностію проповѣдуешъ объ эффектѣ, все объ одномъ шолько эффектѣ, и не внимаешъ никакому увѣщанію, какъ будто образованность и истинное понятіе объ искусствѣ не опвергаюшь именно шѣхъ вѣщательнѣй, кошорыми шакъ часшо восхищаешся грубая шолпа.

Такія живія полпы, ея хваленія, ея ложныя хулы и поэтическіе вздорцы, въ наше время, находящъ себѣ мѣсто въ тѣхъ безчисленныхъ журналахъ. Не говорю, чшобъ не нашлось въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма похвальныхъ произведеній отличнѣйшихъ Писателей, или чшобъ иные не спремились сами къ лучшей цѣли; однако большее число, не погрѣша, можно отнести къ сору и дразгу нашей Литературы. Сюда пробрались голоса, которые прежде нигдѣ не осмѣлились бы появиться во услышаніе; здѣсь находящъ мѣсто самыя бессольныя повѣсти, самыя жалкія шушки, самыя сбивчивыя мнѣнія, принимающія на себя видъ кришкики. Чишатели пріучающся болѣе и болѣе къ вшому болтанью, и дѣлающся все болѣе неспособными понимать какую нибудь книгу. Слабѣйшее въ этой массѣ, есть безъ сомнѣнія все то, что говорился о разныхъ Нѣмецкихъ театрахъ. Но что сказать о такъ называемыхъ кришикахъ игры актеровъ? Большая часть, при первомъ взглядѣ, обнаруживаешь невѣжество и приспрасіе. Иные хошящъ выказашъ вѣдкую желчь, но большее число разспилаешся въ похвалахъ на всѣ тоны. Горе несчастнымъ актерамъ ошъ такихъ похвалъ и ошъ такой хулы! Но болѣе жалко акшрись! Что имъ дѣлашъ съ

эпими печашными объясненіями въ любви, кошорья шакъ часто появляющся въ шомъ какого нибудь изнывающего сласполюбца? Спыдишься должно бь было по крайней мьрѣ шакого публичнаго волокишства. Замъчашельна разишельная прошивоположностъ въ шомъ, что наша скромностъ шакъ легко оскорбляешся въ шеатрѣ какою нибудь шушкою спараго Сочинишеля, и даже акприсы опказывающся опъ шой или другой роли, въ кошорой прежде не находили ничего неприличнаго, а между шѣмъ наши шонкія чувшва шерпяшъ это гласное обожаніе, кошорое нерѣдко простираешся до нахальства. Удивишельно, что всѣ голоса шакъ громко и шакъ безусловно шребуюшъ юношеской предесши, очаровашельныхъ формъ и ш. д., и всякой забываешъ пришомъ, кажешся, что какаядь Унцельманъ-Бешманъ въ пожилыхъ лѣшахъ превосходно играла роли молодыхъ женищя, а г-жѣ Сиддонсъ, даже въ спаросши ея, удивлялись, когда она являлась дѣвою въ Трагедіи.

И шакъ чувшвеннаго возбужденія мщешъ большая частъ зришелей мужескаго пола въ шеатрѣ, и они не скрывающъ своихъ желаній. Должно ли послѣ шого удивляшся, что акприсы, въ угожденіе намъ, предупреждающъ шакое желаніе? Многія по крайней

мѣръ, даже нѣкошорыя изъ прославляемыхъ, представляющъ природу и шакъ называемую *наивность* въ шакомъ видѣ, что прежде называли бы это неумѣреннымъ кокетствомъ. Сами даже зрители знаютъ и понимаютъ это, но они довольны, если только взволнованы.

Можно ли послѣ того говорить о наслажденіи искусствомъ? По истинѣ, съ этой стороны шеапры и ихъ владѣльцы представляютъ Зелошамъ, кошорыхъ голосъ пробуждается снова, совершенную нагошу.

Когда Александрійскій спихъ, особенно спараніями Лессинга, вышѣсненъ былъ съ шеапра; но мудрѣйшія головы полагали, что много пріобрѣшено въ пользу свободы. Онѣ конечно не могли предусмошрѣшь, что чрезъ нѣсколько времени мелочное, подъ шисудомъ природы, совершенно овладѣеть шеапромъ. Но въ Лессингово время и вскорѣ послѣ него образовались всѣ наши, истинно великіе акшеры. На возснановленной прозѣ основывалось ихъ величайшее достоинство; и какъ они умѣли обращаться съ нею, какъ они говорили, какую имѣли посшупь и осанку, о томъ конечно молодые акшеры и зрители не могутъ сосшавишь себѣ никакого понятія. *Время семейственныхъ картинъ,*

существенно повредило ихъ искусству, но еще болѣе пошъ плодовишый писатель, который какъ будто взялся нарочно искажать природу во всѣхъ ея явленіяхъ. Если вымыслу совершенно недоспашъ природы и истины, то актеръ хотя и можешь прикрывашъ и принарядашъ, чшобъ каррикашуру снова преобразишь въ каршину; однако при долгомъ принужденіи себя къ шакому сомнишельному преобразованію, онъ наконецъ совсѣмъ усыпишь себя, не будешь болясья ни самыхъ рѣзкихъ переходовъ, влюбилъся въ преувеличенія и въ самыя грубыя выходы; а избалованный зритель спашешъ поспешенно убѣждашъся, будто бы это прашворное лице, ешъ истинное явленіе природы, и неудачною похвалою еще вѣрнѣе испортишь представилеля, можешь бышь навсегда.

Но и сіе время уже миновалось. Одинъ великій Певъ прашрѣлъ упадающую сцену, ввелъ на ней снова стихи, и подарилъ насъ отличными явореніями, которые шеперь гораздо болѣе принадлежашъ цвлоѣ націи, нежели всѣ другія Нѣмецкія произведенія. Старые актеры прошивились, болѣе или менѣе; обшкрышо или вшайнѣ, вновь появившимае стихиамъ не пошому, чшобъ не умѣли произносишь ихъ — едва ли будешь

ктонибудь такъ чишашъ ихъ, какъ чишали Шредеръ, Флекъ или Брокманъ — по имъ казалось, что эпимъ ограниченъ свобода дѣйствія, что существенное предшавленіе получили ложное направленіе.

Послѣдствія оправдали ихъ опасенія. Несправедливо было бы утверждать, что Шиллеръ нашъ прежде всѣхъ подалъ къ тому поводъ. Хотя въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ замѣтно приспращіе къ лирическимъ или эпическимъ украшеніямъ, которыя игру и декламацию разобщаютъ (прѣбуютъ отдѣльно той или другой), и почти принуждаютъ актера вырывать мѣста изъ общей связи; но драматическая стихія такъ вездѣ у него господствуетъ, что это не могло бы дѣлать вреднаго вліянія на предшавленіе, если бь онъ не имѣлъ раздражителей. Сии, составляя между собою нѣкоторымъ образомъ, особую школу, нарочно напрягаютъ въ сказанномъ недостаткѣ лучшія свои силы. Актеры, особенно молодые, замѣчая такое усиліе и обманываясь имъ, мерзко дѣлаютъ шеперь изъ многихъ трагедій не что иное, какъ декламаторскій концертъ, а слушатели, привыкшіи уже къ сему совершенному искаженію природы, тѣмъ болѣе восхищаются, чѣмъ болѣе молодой человекъ или какаянибудь красавица

спарается выхватишь изъ цѣлаго и отдѣлишь какое-либо мѣсто, чѣшобы шолько, со спранными кривляньями, прокричаешь его партнеру, не заботясь ни мало о прочихъ, играющихъ въ шже время акшерахъ. Въ слѣдъ за шѣмъ высшупаешь другой, кошо-рый дѣлаешь шже самое, и шакъ продолжаешь всѣми, до шного, чѣшо вовсе забываешь о шеапрѣ и піесѣ, а слышишь шолько выучку крикливыхъ голосовъ, какъ нѣкогда бывало въ школахъ или у начинающихъ учишься декламаціи.

Долго жаловались въ Германіи, чѣшо шакъ мало успроено шеапровъ, и чѣшо имъ не покровительствуютъ. Теперь это есть, и каждый значительный городъ имѣетъ свой собственный шеапръ, а иные и по нѣсколь-ку. Но самый избытокъ, въ какой приведены мы шеперь, нельзя, можешь бышь, назвашъ насшощимъ выигрышемъ. Если не было предусшощрѣно, шо можно видѣшь изъ опыта, чѣшо слишкомъ огромныя и великолѣпныя залы, особливо при большемъ освѣщеніи, совершенно уничтожаютъ предшавленіе. Когда не видно людей и лицъ, когда непонятны тонкіе переходы въ разговоръ, шо игра ошпаешься незамѣченною и нельзя найши никакого удовольствія. Можешь бышь, для оперы выгодны шакіе большіе шеапры; за

по гдѣ они есшъ, шамъ рано или поздно, опера вышѣсншъ предшавленіе шрагедіи или комедіи.

Для ббольшаго блеска зрѣлища, рисуиошъ декорациі, кошорыя шакже выходяшъ шеперь за соошвѣшсшвенный имъ предѣлъ, ибо изъ нихъ хошяшъ дѣлашъ опдѣльными масшерскія произведенія. Пускай бы пользовалась шѣмъ опера, лишь бы другія предшавленія пощажены были. Но чшобъ заманишъ зришелей и какимъ нибудь чувшвеннымъ возбужденіемъ замѣнишъ ушраченное досшоинсшво шепатра, дѣлаюшъ весьма дорогія зрѣлища; лошади — чѣмъ ихъ болѣе, шѣмъ лучше — заглашаюшъ говорящихъ; фейерверки производяшъ духошу и пугаюшъ; необыкновенное освѣщеніе ослѣпляешъ; канашчики и балешы наполняюшъ промежушки, и косшюмы всѣхъ спошвѣшй вышавляюшся на показъ съ дѣшскою ученосшю, чшобъ шолько на всѣ манеры подкупишъ шодпу, и сколько возможно опдалишъ ее ошъ благороднаго умшвеннаго наслажденія: какъ будшо бы не разумѣшся само по себѣ, чшо въ шепатральномъ искушвѣ, какъ въ живописи и ваяніи, одежда и косшюмъ должны служишъ шолько пособіемъ высшимъ цѣлямъ, и для взыскашельнаго знашюка, могушъ бышъ совершенно неправиль-

ны, лишь были бы приличны и соотвѣст-
ственными искусству.

Новѣйшіе стихотворцы, своими произведеніями, очень много способствуютъ такой сумятицѣ. Можешь ли, и должна ли существовать лирическая драма (если она не въ видѣ оперы): это предметъ, неисшодимый для спора. Нѣкоторыя піесы Кальдерона приближающіяся можешь бышь, къ разрѣшенію этой трудной задачи; но ободренные Орлеанскою дѣвою и Мессинскою невѣстою, Вернеръ, Мюльнеръ, Гримальцеръ, Гувальдъ, Раупахъ и другіе, надавали намъ стихотвореній подъ такими спранными формами, что о большей части можно сказать: въ нихъ, во все нѣтъ формы. Самыми гнусными положеніями, такими, въ которыхъ человекъ униженъ передъ звѣремъ, жадающъ многіе возбудишь и поколебашъ истомленное чувство, и это въ такое время, когда всѣ еще гоняющся за идеаломъ нѣжности. Другія подобныя стихотворенія составлены такъ ученически, какъ будто при началѣ драматическаго искусства; когда только еще открыта была *разговорная* форма. Нѣкоторые сочинители нисколько не стыдящся устроивашъ свои піесы для декораций, пустаго шума и бесполезной пышности; а между тѣмъ съ Французскихъ шаши-

ровъ низшаго разбора, переселяющся къ намъ безпрестанно всякаго рода люди, представленіемъ которыхъ, лишь болѣе возмущается чувство.

А наши новыя комедіи! Долго мучили насъ эпиграмматическими пьесками о двухъ или трехъ дѣйствующихъ лицахъ, безъ всякаго дѣйствія въ сущности. Теперь одинъ пресловутый авторъ, опять снабжаетъ насъ представленіями, въ которыхъ мы слушаемъ самыя площадныя рѣчи и шушки, и при которыхъ конечно должны снова желать самыхъ слабѣйшихъ произведеній Коцебу и Гуфланда.

Короче, шрагики и актеры, комедіи, балетъ и декорации, костюмъ и гнусныя испорціи объ убійствахъ, все въ заговорѣ съ поэтами, шанцовщицами и актрисами, и все стремится только къ возбужденію грубой чувственности, какимъ бы то ни было образомъ; а искусство, крипика, благонамѣренная сатира, шушка и насмѣшка не только противъ того безмолствуютъ, но еще другъ друга перемогая въ слабости, оправдываютъ все это безумство своею желчью или хвалою, стихами или прозою.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо изъ Севастополя.

Юня 18 дня 1827.

Ошрышіе развалинь древняго Херсона производихся съ большею дѣяшельностію. На сихъ дняхъ мы посѣщили оныя, но къ сожалѣнію не нашли ничего замѣчательнаго. Гробницъ новыхъ покуда еще не ошкрывали. Рабочіе сказали намъ, что они нашли нѣсколько камней съ цифрами, кои однако уже ошосланы были къ Г. Крузе, завѣдывающему ошрышіемъ.

Ксшаши, сказашъ шеперь нѣсколько словъ объ изданіи пушешествія Г. де Гамбы по Южной Россіи, о появленіи копораго извѣщающъ насъ нынѣ наши Журналы. Сочиненіе сіе конечно весьма пріятный для насъ подарокъ. Оно ознакомишъ Французскую, читающую Публичку съ нашими ошдаленными Южными Провинціями, на кои нынѣ, по случаю войны нашей съ Персією, и шакъ обращены взоры публики. Г. де Гамба не принадлежишъ къ числу шѣхъ обыкновенныхъ пушешественниковъ, кои, не имѣя ничего въ виду, кромѣ своего шщеславія, мало забѣ-

пшясь о справедливости описываемаго ими. Однако и въ его путешешствіе, которое впрочемъ, имѣешь въ виду собственно только торговлю, вкрались, судя по нѣкоторымъ опривкамъ, чшшаннымъ мною въ Журналахъ, небольшія невѣрности. О Севастополѣ онъ говоритъ, что небольшая часть домовъ онаго построена изъ развалинъ [древняго Херсона, и что въ стѣнахъ домовъ, есть многіе камни съ надписями. Первое справедливо, если прибавимъ, что при основаніи Севастополя, построено нѣсколько домовъ изъ развалинъ Херсона; но послѣднее вовсе ложно. Я нигдѣ не видалъ, и даже не слышалъ о шаковыхъ камняхъ. Если бы они существовали, то Гг. флѣшскіе Офицеры, кои суть почти единственные владѣльцы здѣшнихъ домовъ, конечно дали бы имъ мѣсто болѣе приличное ихъ достоинству. Г. де Гамба вѣроятно видѣлъ въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ домахъ Херсонскіе мраморы съ барельефами, части карнизовъ, колонъ и п. п., и изъ сего заключилъ, что между ними осмашками, должны быть и камни съ надписями. Къ сожалѣнію этого нѣтъ.

Г. де Гамба Французскій Шевалье. Въ 1817 и 1818 годахъ путешешествовалъ онъ въ первый разъ по Россіи. Я его видѣлъ на пути изъ Аспрахани. Онъ человекъ весьма уже

пожилой, однако сохранилъ еще всю живость характера, какъ и все его соотечественники. Беседа его и поучительна и пріятна. Его сопровождали одинъ Марсельскій Негоціантъ, человекъ также весьма шарый и ученый, и живописецъ. Я видѣлъ многіе занимательные предметы, снятые послѣднимъ. И теперь еще помню изображеніе Черноморскаго усапаго часоваго на высокой каланчѣ, каковыя находящіяся на военныхъ постахъ, занимаемыхъ Черноморскими казаками по Кубани, для открытія предпріятій Черкесовъ издали. Въ послѣдствіи, видѣлъ Г. де Гамбу въ Тифлисъ, гдѣ шарикъ Негоціантъ и скончался. Мнѣ достались даже съ публичнаго шорга прекрасныя зеленыя очки послѣдняго. Г. де Гамба былъ тогда Французскимъ Консуломъ въ Грузіи. Сказываютъ, что онъ между прочимъ, выписывалъ и Тибетскихъ козъ для фабрикъ своего отечества. При немъ находился и сынъ его, ошпавной Кавалерійскій офицеръ, который скупалъ лошадей для Французскихъ военноконскихъ заводовъ. Къ намъ нынѣ издано путешествіе по Южной Россіи, ошцемъ или сыномъ, мнѣ неизвѣстно.

Тщешно мы разрывали пепель древняго Херсона. Труды наши не увѣнчались никакою любопытною находкою. На берегу моря

видны еще осмашки бывшей площади. Они простираются вдоль берега по прямой линіи. Перпендикулярно къ оной простирающіяся въ море шаковые же осмашки бывшихъ площадей. Судя по сему, гавань сего древняго города находилась на Сѣверо-Западной сторонѣ онаго. Площины складены изъ камня на цеменшѣ. За набережную насыпана земля, смѣшанная съ черепками, стеклышками, костями и проч.: савдОВАтельно она не самаго древняго построения. Не на семь ли мѣсцѣ находился дворець знаменитой Гикии, коей геройскіе подвиги передалъ намъ Конспаншинъ Порфирородный въ письмахъ своихъ? Мы нашли тамъ множество обгорѣлыхъ камней, окалинъ, уголья. Ничего не недоспавало, чшобы предспаВИшь себѣ и дворець ея, обьяшый пламенемъ. Коегдѣ выглядывали изъ обрышаго моремъ берега, опверсія водопочныхъ шрубъ. Оня проводили вѣроятно изъ города всю нечистоту въ море. Обломки разноцвѣсныхъ мраморовъ, камней, кирпичей и черныхъ окалинъ, округленныхъ водою, образовали въ нѣкопрыхъ мѣстахъ на днѣ моря совершенный мозаикъ. Искусство, безъ сомнѣнія, и сіе украшеніе зодчества заимствовало ошь природы! Множество найденныхъ нами тамъ кусочковъ бѣлаго и цвѣснаго мрамор-

ра, конечно также свидѣтельствующъ о великолѣпнѣи шѣхъ зданій, кои здѣсь нѣкогда гордо возвышались къ небу. Кажется, глядя на прорубы нѣкогда славныхъ городовъ и людей, нельзя не чувствовашь всей ничтожности славы и величія! На надгробномъ камнѣ безсмертнаго Героспраша Европы нѣтъ даже надписи! Можешь бышь, и ша сажень земли, кошорую онъ шеперь занимаешь на маленькой скалѣ Св. Елены, будешь перерыша! Тщешно мы переворачивали косши умершаго Херсона. Добыча наша на сей разъ ограничивалась одними черепками. Собранныя нами стеклышки, большею частью прекраснаго темноглубаго и зеленоглубаго (аqua-marina) цвѣшовъ; рѣдко бѣлаго. На иныхъ видны слѣды бывшей амальгамы. Разсматривая уже дома кусочикъ разбишаго сосуда, мною найденнаго, замѣшмалъ я что-то походящее на Ташарскую надпись. Стекля, изъ кошораго состоялъ сосудъ, самое бѣлое, и чистшой опдѣлки. Почши вся поверхность онаго покрыва снушри и снаружи амальгамою, красками и позолошю. На сужающейся шейкѣ онаго, между двумя красными полосками, на голубомъ полѣ, увидѣлъ я письма. Они начертаны золотомъ, но едва примѣшны. Я принялъ фигуры сіи . онаааа за Ташарскую надпись,

однако никто изъ здѣшнихъ Ташарскихъ грамошѣвъ, коихъ впрочемъ весьма здѣсь мало, и шѣ даже весьма не грамошны, не нашли въ нихъ ничего пушнаго. Но мнѣ ни какъ не хочется разстаться съ мыслию, что это почто надпись и даже прелюбопытная. Это для глазъ непріятное маранье, не можешь бышь обыкновеннымъ только украшеніемъ; попому, что прочія украшенія на семь сосудовъ имѣють пріятныя формы. Покуда увѣряю себя, что надпись эта Арабская, а самый сосудъ присланъ изъ Мекки. Если же ученые наши Арабы и съ эшимъ не согласяшся, то оспается мнѣ только сказать, что это Египетскіе іероглифы, что сосудъ хранился прежде въ пирамидахъ, украденъ опшуда Пифагоромъ и послѣ по наслѣдству достался Геронію развалинъ, Гикіи, копорая хранила въ немъ свои благовопія, и спасла его по преданіи своего дворца и съ мужемъ пламени. Я имѣю еще другую достовѣрную догадку въ запасъ, именно, что этошъ сосудъ Финикійской рабобы и, подобно Индѣйской шали Г. Жуи, пошъ съ знаменишою надписью, наконецъ, перешедъ огни и воды, принадлежишь мнѣ.

Найденные нами черепки глиняныхъ сосудовъ, большею частію грубой работы. Лучшіе, покрышы шемно-сизою глазуροю.

Мы нашли одинъ шолько черепокъ весьма нѣжной работы. Онъ покрытъ оранжевою, весьма яркою глазурию. Мнѣ хотѣлось бы признать его за кусочекъ Эрпрусской вазы. Надобно сказать, что крайне затруднительно ходишь по симъ развалинамъ. Онѣ заросли высокою травою и покрыты камнями, кои острыми своими ребрами обращены къверху. На каждомъ шагу спотыкаешься и находишься въ опасности сломишь ногу и даже шею. Кое-гдѣ проложены пропинки; но искатели не должны ходишь по нимъ, если хочешь найсти что-либо любопытное, или по крайней мѣрѣ питаешься надеждою на такую находку. Можешь находишь обыкновенно послѣ дождя. Онъ, смывъ съ нихъ пыль, выславляетъ ихъ наружу. Зимой, куда еще не выросла трава, поiski также болѣе благопріятны.

Нѣкто, нашедъ въ маскарадѣ мантилью, выфилософовывалъ по ней всѣ физическія и душевныя качества той дамы, которая потеряла оную. Послѣ такого сильнаго примѣра, почему же по камешкамъ и черепкамъ не вывеси, въ какомъ состояніи находился прежде Херсонъ? И такъ, судя по развалинамъ его, кои простирающа въ длину верстѣ на 8, можно побожиться, что онъ былъ весьма обширный, а слѣдовательно,

и многолюдный городъ. О швердоспи спѣнь его можно судить по ошпакамъ оныхъ. По направленію развалинь видно, что улицы были въ немъ широкія, прямыя. Мраморы свидѣшельствуюшъ о великолѣпнн зданій онаго; ошпакки плошины о безопасности его гавани, шорговль, судоходствѣ, флотахъ, могуществѣ. По черепкамъ видно, что въ позднѣйшія времена уже не было у Херсонцевъ мзяцныхъ Эршрусскихъ сосудовъ, какъ въ первыя времена существованія онаго, должно предполагашъ основываясь на одномъ мзяцномъ черепкѣ, найденномъ въ насыпи за плошиной; и что, слѣдовашельно, въ послѣдствіи времени у нихъ водворились, вмѣстѣ съ гляннаными горшками, вкусъ грубый и варварскій; и, слѣдовашельно, пали искусствва и науки, кошорыми славилась нѣкогда древняя Эллада, хошя впрочемъ и нѣшь сомнѣнн, что Херсонскіе шоргаши никогда не были Аенянами. Что они имѣли песпрый вкусъ и были непостоянны, явшвуешъ изъ цвѣшныхъ и узорчашыхъ спеклышекъ; а изъ Арабской надписи видно, что и Ташаре жили нѣкошорое время въ Херсонѣ. Справедливоспъ всѣхъ сихъ машемашическихъ выводовъ, подшвердаюшъ и лѣтописцы. Могущество Херсона явшвуешъ изъ особеннаго уваженія, кошорое имѣли къ нему

Римляне и Восточные Императоры. И въ исходѣ прошедшаго тысячелѣтїя былъ онъ еще важнымъ городомъ, ибо обращилъ на себя особенное вниманіе Владиміра. О мужествѣ жителей его и твердости городскихъ стѣнъ, можеше судить потому, что Владиміръ послѣ продолжительной и безплодной осады города, овладевъ имъ только по пресѣченіи воды, въ кошорой нуждался городъ и получалъ оную издали, судя по оспашкамъ водопроводовъ и водохранилищъ. Лѣтописцы вѣщаютъ, что монахъ, посредствомъ предательской стѣны, повергъ согражданъ своихъ къ стопамъ Владиміра. Но какъ зла нѣсть безъ добра, и обратно; то видимъ, что предатель ошечества дѣлаешся сопричиною озаренія Св. Вѣрою безчисленнаго Русскаго народа. Херсонъ имѣлъ правленіе республиканское, или лучше сказашъ аристокраціическое, ибо совершеннаго равенства не было еще отъ сотворенія міра и у всѣхъ народовъ были всегда касты, кои пользовались исключительными правами; слѣдовательно на площадяхъ его было много шума, кривосудовъ, гражданъ-полишниковъ и прочей республиканской черни и — невольниковъ.

Камни, кои видѣлись у Г. Крузе, дѣшвищельно имѣюшъ надписи, но онѣ шакъ

изгладились, что ихъ вовсе нельзя разобрать. Пошеря сія кажется не важна; пошому, что камни сіи не мраморные, но просиные известковые и мягкаго свойства, также обдѣланы весьма грубо, и безъ сомнѣнія принадлежатъ къ временамъ самымъ послѣднимъ существованія Херсона. Кажется даже, что на одномъ камнѣ, судя по сохранившимся лиферамъ **Θ. Д.**, надпись Русская. На другомъ камнѣ начертаны многіе круги, какъ бы означающіе солнечную систему; на другихъ цифры, кресты и другіе шамшвенные знаки. — Вчера вечеромъ принесли мнѣ надпись съ камня, тогда только найденнаго. Мѣстами, кажется, употреблены шипца. Найденныя монеты, хранящіяся, какъ и все прочее, у Г. Круза, еще не очищены, кромѣ одной. Что онѣ всѣ мѣдныя, я уже имѣлъ честь васъ увѣдомить. На очищенной монетѣ изображены, съ одной стороны: Свяшій, судя по сіянію, окружающему главу его, и лифера **Н**; на другой стороны: двое Свяшыхъ, шествъ съ сіяніями, и сверху, по краямъ монеты, надпись, которую однако не могли разобрать.

28 Мая, у насъ въ Севастополѣ была ужаснѣйшая гроза. Молнія ударила въ трубу одной мажорской казармы, убила музыканта, который сидѣлъ возлѣ печи и чи-

свила вѣднующую трубу свою, и оглушила другаго. Три удара, судя по ихъ чрезвычайной силѣ, разразились надъ самимъ городомъ, однако не причинили, кромѣ вышесказаннаго, никакого вреда. Сказываютъ, что это первый случай, что человекъ убитъ здѣсь грозой; кромѣ однако несчастія, постигшаго городъ въ 1820 при проходѣ чрезъ него шифона, который на пуши своемъ причинилъ ужаснѣйшее разрушеніе. 8 числа сего Іюня небо разгнѣвалось опять на Севастополь. Около-обѣда показались на горизонтѣ, съ сѣверо-востока, многія черныя шучи. Въперъ была маленькій; но атмосфера была насыщена электричествомъ; еще накануне упала значительно барометръ; морскія птицы разсѣкали воздухъ съ безпокойствомъ; все предвѣщало грозу, грозу сильную; но природа еще безмолвствовала, какъ бы готовясь къ сильному передому. Вдругъ поднялся ужаснѣйшій вихрь; ошъ пыл и черныхъ шучъ совсѣмъ пошемило. Дождь не падалъ, но лился съ неба и послѣдовало нѣсколько слабыхъ ударовъ грома. Судя по такому ужасному началу, ожидалъ новаго шифона и опустошенія; но вдругъ, все исчезло и насудила самая прекраснѣйшая погода. Сильныя бури, какъ сильныя страсти, только порывисты, но не продолжи-

пельмы. Прекрасная погода послѣ ужасной бури, предстала какъ непорочная дѣва. По-ушру съ 10 на 11 число была у насъ небольшая гроза, но въ то же время постигло Бакчисарай, находящійся въ 32 верстахъ отъ насъ, ужаснѣйшее опустошеніе. Дождь, сопровождаемый сильными ударами грома, лилъ нѣсколько часовъ съ неба. Рѣчка, извинаяся по срединѣ узкаго ущелья, въ коемъ лежишь городъ, вдругъ вышупила изъ своихъ береговъ. Съ окружающихъ высошь стремились почти споль же быстрые потоки, кои увлекали камни и разрушали все на пути встрѣчавшееся. Много ушлахъ Ташарскихъ домиковъ разрушено и снесено. Огороды и сады всѣ попорчены. 17 возовъ съ клажею, но безъ воловъ, унесло; также шрое малолѣтнихъ дѣшей. Болѣе всего пошерпили кожевенные заводы, коихъ весьма много въ городъ. Безчисленное множество сафьяновъ и машинъ унесло водою. Всѣ потери еще не исчислены (*). Поплачу на гробницѣ несчастной соперни-

---

(*) Не знаю, извѣстно ли вамъ, что Ханскій дворець, пришедшій нѣсколько въ вѣхость, исправляется по волѣ покойнаго Императора, однако, такимъ образомъ, что все сохраняется въ прежнемъ видѣ.

ды Заремы и послушную журчаніе фонтана, когда буду въ Бакчисараѣ.

Когда природа безмолвствуетъ, емошрѣ на огромнаго и сѣдогаваго своего сосѣда Чашырдага. Сколь часшо былъ онъ нѣмыми свидѣтелемъ ужасовъ природы! Скольکو различныхъ народовъ, даже историческихъ, существовали у подножія его, рѣзали другъ друга, и исчезли въ безднѣ времянь, какъ искра въ воздухѣ! Самыя слѣды разрушенія исчезли вмѣстѣ съ именемъ ихъ! Скольکو пролило крови человеческой на цвѣшущихъ его окрестностяхъ! сколько учинено злодѣяній! Но здѣсь соспизались въ дружбѣ и Пилар и Орешъ. Однако ни что не нарушило глубокаго его покоя! Гордо взираешь онъ на суешу, злодѣянія и добродѣтели смершнхъ! Все около его многократно измѣнялось, онъ одинъ оспался все пошъ же самый, чѣмъ былъ и прежде! Великаны природы, подобно великимъ смершнымъ, не обуреваются спрашями большой массы. Они спокойно вспрѣчаютъ удары рока, а если иногда и низвергающа, шо и въ самомъ своемъ паденіи велики.

Изъ міра идеальнаго спустимся нечувствительно, какъ и всегда съ нами смершными бываешь, въ міръ физическій, ближайшій слабому нашему ешешву. Опъ чего,

спросилъ я себя, на Чашмырагъ и высокихъ горахъ вообще лежишь снѣгъ и воздухъ холоденъ, и отъ чего, по мѣрѣ ошдаленія отъ поверхности земли, воздухъ ошановишся вообще суровѣе, какъ воздухоплавателемъ утверждаешь? Отъ шого, ошвѣчаешь Физики, что лучи солнечные не ошражаются шамъ уже споль сильно, какъ на шаровидной поверхности земли. Въ справедливости сего я всегда сомнѣвался, хотя и не дмѣлъ въ виду лучшаго объясненія. Но вдругъ пришла мнѣ сзвдующая мысль: земля ошдвляешся отъ солнца атмосферою; лучи, исходящїе изъ солнца, принявъ ее впрочемъ за что угодно, переломляющся на нуши своемъ чрезъ атмосферу къ землѣ; лучи солнца, по мѣрѣ приближенія къ поверхности земли, гдѣ густота атмосферы постепенно увеличивается, сближающся все болѣе и болѣе, и именно, сполько, сколько природа з нужное нашла для прозябенія швъ всѣхъ шрехъ царствъ своихъ; и отъ шого-шо на предметахъ, превышающихъ значительную шаровидную поверхность земли, гдѣ лучи сїи еще не сблизилась надлежащимъ образомъ, воздухъ суровѣе. Словомъ, атмосфера зажигапельное стекло, коего фокусъ поверхность земли. Предоспаваю людямъ, кои далѣ меня видяшь въ области ешественныхъ наукъ,

рѣшишь: на кашопрікѣ ли, или на діопіпрікѣ основано сіе свойство атмосферы.

Изъ Евпаторіи пишушь, что шамъ на берегу моря пославлено уже нѣсколько палатокъ для посѣщителей, кои лѣпомъ берушь шамъ морскія ванны. Плоскій песчаный берегъ весьма благопріятствуетъ шамъ купанью. Въ Севастополѣ почти нѣтъ мѣста на берегу моря, гдѣ бы можно было купаться. Берега обрывисты, дно неровное, каменистое, заросшее густою травою, въ которой бывають копы морскіе, кои наносять весьма опасныя раны людямъ. Приходящіе на Турецкихъ судахъ въ Евпаторійскій карантинъ, мореходцы, съ щеславіемъ выказываютъ успѣхи свои въ Европейской пакшикѣ. Сказываютъ, что оны весьма порядочно выправлены.

Пріѣхавшіе изъ Симферополя сказываютъ, что шамъ продолжается опрышкіе древностей подъ наблюдениемъ ученаго Г. Бларемберга, который, какъ извѣстно, назначень ошъ покойнаго Императора, Начальникомъ Одесскаго и Керченскаго Музеевъ. Онъ довольно часто радуешь опечесшвенную публику своими учеными результатами. Его неушомимыми трудами, древняя Исторія Южной, классической Россіи, все болѣе и болѣе раскрывается. Всю ее, особенно же

Таврію, можно назвашь обширными развалинами древней Греческой Америки. Ольвіополь, Одесса, Симферополь, Севастополь, Судакъ, Феодосія, Керчь, Еникале, Фанагорія составляютъ длинный рядъ Греческихъ колоній. Многое уже извлечено изъ земли, но еще несравненно болѣе осталось сокрытымъ и ожидаетъ руки ученой. Я уже имѣлъ честь уведомить васъ о найденныхъ недавно въ Симферополь развалинахъ и монетахъ. Но Г. Лангъ бросилъ первый философскій взглядъ на сей погребенный временемъ городъ. Онъ сообщилъ мысли свои Губернатору, Г. Нарышкину, а сей опнесся къ Г. Блаарембергу. Кромѣ монетъ, нашли тамъ слѣды весьма обширныхъ развалинъ, и между прочимъ, плиту съ изображеніемъ всадника, по кошорому, не знаю почему, заключаютъ, что это развалины Генуэзскаго города, или что сіи войны-купцы жили тамъ; по крайней мѣрѣ, въ которое время. Вскорѣ прибылъ и Г. Блаарембергъ и опрышіе началось методически. Сказываютъ, что уже опрыта какая-то колоссальная статуя и съ пьедесталомъ. Покуда о семъ новомъ безыменномъ Геркуланѣ выйдеть ученое изслѣдованіе Г. Блааремберга, сообщаемъ вамъ то, что шеперь о немъ рассказываютъ; не ручаюсь впрочемъ за истину, ибо

знаю все полько по наслышкѣ. Весьма шрудно изъ множесшва слуховъ, одинъ другому прошиворѣчащихъ, соспавишь нѣчто правдоподобное. Одни говоряшь, что какой-шо Тапаринъ, ломая камень на горѣ, за госпшалеми, нашель развалины, и 140 серебряныхъ монешъ, довольно древнихъ, ибо онымъ болѣе 1000 лѣшъ, и что продалъ ихъ одному члену Библейскаго Общесшва, извѣснаго шамъ подъ шипломъ Сулшана. Другіе увеличиваюшь древность монешъ до 2 и 3 тысячъ лѣшъ, или оспориваюшь у нихъ и 1000 лѣшъ, а развалины помѣщаюшь за загороднымъ домомъ Губернашора, ш. е. ошсюда по шу спорону Салгира. Въ первомъ случаѣ, можно ихъ признашь за пропавшій безъ вѣспи городъ Гаргазъ, въ послѣднемъ же случаѣ, онѣ ошпаюшся покуда безъ наименованія. Какъ бы шо ни было, но сказки мои носяшь по крайней мѣрѣ шу пользу, что возбуждаюшь читающую публику къ шой развязкѣ, кошорую дашъ намъ Г. Бларембергъ. Т. е., я пишу драму безъ послѣдняго дѣйствія, шоль шруднаго для всѣхъ пишашелей. Да и что можешъ бышь легче, какъ перепушавъ дѣло елико возможно, предоспавишь другимъ ломашъ голову свою надъ шрудною развязкою. Эшо духъ нашего немашемашинческаго вѣка. Мы живемъ нынѣ

на скоро; желаемъ знать лучше что нибудь, да поскорѣе, нежели ничего; оны сего въ годовѣ нашихъ свѣтскихъ людей и собрано несравненно болѣе многоразличныхъ знаній, нежели было ихъ въ библіотекѣ велемудраго Ариспошея.

Х. III.

III;

К Р И Т И К А

Отвѣтъ Г. Толмачеву на второй подарокъ Критику за статью, помѣщенную въ 6 Но Журнала: Сынъ Отечества, 1827 года, на книгу: Военное Краснорѣчіе.

Во впоромъ вашемъ писемѣ ко мнѣ, Г. Сочинитель Подарковъ, вы не соизволили какъ и въ первомъ, употребить шонъ болѣе умѣренный: по вашему ошзыву, и обществу, посвящаемы мною, худы, и самъ я слѣпъ, ничего не вижу, безъ вкуса, безъ головы. А сколько анекдотовъ, для показанія моихъ несовершенствъ! На такіе ваши ошзывы, я далъ слово хранишь молчаніе и пропускаю ихъ безъ вниманія. Но вы указываеше на многія главы *Военнаго Краснорѣчія* и смѣ-

до утверждаете, что ихъ содержаніе есть новость, вамъ однимъ принадлежащая, которой, отъ *Аристотеля* до *Талызина*, никто не сообщалъ въ *Риморикахъ* учащимся. Оставивъ безъ вниманія пакія заслуги, было бы несправедливо; многіе, при моемъ молчаніи, положась на ваши слова и не имѣя досугу повѣришь *Подарки* ваши съ *моими замѣчаніями*, а сіи послѣднія съ *Военнымъ Краснорѣчїемъ*, дѣйствительно почли бы меня завистникомъ, отрицающимъ у генія славу за его открытія; и пошому принужденнымъ нахожусь отвѣчать и на *второй* вашъ *Подарокъ*.

Вы начинаете письмо увѣреніемъ о томъ, что долго томили голову свою разными догадками, почему замѣчанія мои (мои отрадныя вопли, по вашему выраженію), не были напечатаны вполнѣ въ 5 № *Ж. С. Опечесства*. Пришворство! будно вамъ не вѣстно, что въ *Журналахъ* продолжительныя спашьи раздѣляющія на нѣсколько номеровъ? *Г. Издапель С. Опечесства* засвидѣтельствуетъ вамъ, что замѣчанія мои, за годъ до напечатанія, были сообщены ему въ цѣлости, и что онъ, а не я, раздѣлялъ ихъ на двое.

Но вы объ этомъ помленіи головы, со всѣмъ небываломъ, изволили распроспра-

спрания рѣчию для того только, чтобы сказать: „по прочтеніи шестого номера Журнала: Сынъ Ошечества, я увидѣлъ, что продолжать Кришику воспрепятствовало вамъ собраніе.“ (Смр. 4 вшор. Подарка). И здѣсь то (смр. 5, 6 и 7) вы цѣнише моихъ собесѣдниковъ, гаумась на ихъ и мой счетъ способами, извѣстными чинашелямъ по первому Подарку и предосперегая меня опъ худой бесѣды. Нанрасный съ вашей споронь шрудъ: собесѣдники мои, неодобрившіе названія книги вашей — *Военное Краснорѣчіе*, смѣло увѣряю васъ, М. Г. — сушь люди свѣдущіе и въ Краснорѣчїи и во многихъ Наукахъ; я увѣренъ даже, что всякой изъ нихъ многимъ превосходниъ Французовъ, со-синавлявшихъ собраніе, которому взбрело на мысль безъ нужды выдумашъ новую науку, безъ нужды вами приняшую, какъ нѣчто драгоцѣнное. Изъ того, что къмъ либо сѣ-зана шушка на счетъ дѣла спрааннаго, не-льзя еще заключашъ, что онъ худъ и ниче-го не знаешъ. Но у васъ своя Логика: я не угодиъ вамъ замѣчанїями; а вы изъ того вывели, что я посѣщаю худыя обществя!

Смр. 5. вшор. Под. Подразашъ Рускыиъ сказочникамъ, въ смлу вашего совѣща, со-всѣмъ не годилось бы, по той причинѣ, что слово *одинъ*, въ значенїи слова *никотю*.

рый, имиъ вообще всѣми употребляется; и ваша придирка къ словамъ моимъ — *о одномъ собраніи* — кажешся, сдѣлана вами *ошъ нечего сказать*.

Спр. 7. вш. Под. Учтивостейъ въ моихъ замѣчаніяхъ, (спр. 171 и 172, 6 Но С. О.), на копорыя вы жалуешесь, вовсе нѣтъ. Выспавляшь всѣ ваши погрѣшности въ Военномъ Краснорѣчїи я не брался: для сего надлежало бы написать многіе шомы; но кто бы спазъ ихъ читашь? Для разбора книги довольно, ежели доказаны совершенства или недоспашки плана и связи цѣлаго творенія и нѣкоторыхъ болѣе существенныхъ мѣстъ его; а это исполнено мною, относительно къ Военному Краснорѣчїю. Не моя вина, что въ книгѣ нашлось мало достойнаго одобренія. Сказавъ, что въ нашемъ сочиненіи, новомъ по заглавію, содержится *все старое, все общее* другимъ Риторикамъ, я сказалъ правду и докажу ее, по вашему желанію.

Спр. 8, 9, 10 и 11 вш. Под. Доводы ваши, копорыми и здѣсь утверждаете существованіе Военнаго Краснорѣчїя, ни мало не убѣждаютъ. Изъ того, что Краснорѣчіе Церковное, Гражданское, Судебное и пр. сушь въшви общей Словесности, не сѣдуешь, что для нихъ нужны особыя на-

уки. Напрощивъ это самое, что въпиши сѣмъ отъ одного дерева, отъ одного начала происходишь, доказываешь ненужность для нихъ особой науки. Опдѣльная въшь сущесшвовашъ не можешъ; спѣшише снова привиши ее къ дереву, пока жива. Въ отъвъшъ моемъ на первый Подарокъ я замѣшилъ уже, что для показанія особенностей того или другаго вида Краснорѣчя не нужно составлять опдѣльныхъ системъ, довольно нѣсколькихъ словъ. Вы сердитесь на раздѣленія (ср. 17 вш. Под.), когда они всѣми приняты, и когда необходимость ихъ явсшвуешъ изъ самой сущности дѣла; а гдѣ не надобно, шамъ насшомше, что они нужны, ссылаясь въ разсужденіи надобности В. Краснорѣчя только на два, и шо не совсѣмъ удавшіеся опыта.

Особенный характеръ Ораторовъ, принадлежащихъ къ разнымъ сословіямъ (ср. 6 вш. Под.), *особенное свойство предметовъ*, составляющихъ содержаніе рѣчей, и *особенная цѣль*, для которой пишущся или произносающся рѣчи, не могутъ быти подведены подъ правила: сихъ особенностей весьма много, и всѣхъ ихъ предусшомрѣніе невозможно. Нужно, чтобы общія правила были разумишельны, полны и основашельны!

примѣненіе ихъ къ особеннымъ случаямъ сочинитель самъ легко сдѣлаешь. Проповѣдничество характеровъ Проповѣдника и Полководца, вами приводимая (на той же стр. вн. Под.), можешь бышь и на оборотъ, по есмь: Служитель. Вѣры можешь говорить *воспламененно*, даже грозно, какъ бы съ ожесточеніемъ, вопія пропавъ гибельныхъ пороковъ и побуждая къ пораженію сихъ враговъ нашего совершенства. Въ оправданіе сказаннаго мною, слушаешь нѣкощорыя слова *Святаго Іоанна Златоуста, Святаго Амвросія Медиоланскаго, Массимиона, Гедсона* и многихъ другихъ знаменитыхъ провозвѣстниковъ Слова Божія. Воздѣ не рѣдко осмѣиваешь свой суровый характеръ, упошребляешь слово ласковое, привѣтливое, *умиленно*; напр. увѣщавая своихъ воиновъ щадить врага побѣжденнаго, онъ не имѣешь надобности выходить изъ себя; кротосни учаешь съ кротоснію. Поздѣ сего, позволяете не ошвѣчаешь на свидѣтельства, взятыя вами изъ вышесказанныхъ, но необдуманыхъ доводовъ общества ученыхъ вашихъ Французовъ (спр. 9 и 10 Вн. Под.). — Бѣдный Ж. Ж. Руссо! и, тебѣ за меня, погонка! — Очень видно, Г. Сочинитель Подарковъ, чдо вы много читали и все, что можно сказаешь къ оскорбленію

другаго, швердо сберегаеше въ памяти, да-
бы внесши это въ рѣчь свою, хоше бы и
не кшани.

Спр. 11 и до 15. Вш. Под. — Въ про-
живность усилямъ вашими просвѣщеніи цѣ-
на въ слѣпоствѣ, кошорую вамъ угодно при-
писывашъ мнѣ, и кошорая, какъ вы убѣжде-
ны; препяшсшвуетъ мнѣ видѣннѣ *новос* въ
В. Краснорѣчїи, — я все еще не вижу въ
немъ ничего, кромѣ *старого*, *общаго* дру-
гимъ Ришорикамъ, нѣмько несчаешно пере-
оданнаго.

Ваша первая новостъ — *теорїя* (спр.
12) *сложныхъ періодовъ*, *необходимая для*
логической правильности сомненїи, ... съ
Аристотеля до Талыяна, преподается
всякимъ знающимъ свое дѣло наставникомъ,
и находилса во многихъ книгахъ. Вашъ
инрудъ показалса вамъ новымъ пошому, чшо
вы, смѣшавъ нѣсколько наукъ въ одну, шакѣ
называемую вами, есиешему, переведи четве-
роякую связь мислей, на кошорой основаи
происхожденїе періодовъ, изъ Логики въ Ри-
шорикю. Сошворилъ ли есрейшоръ новаго
солдаша, переведи его безъ нужды съ одного
пришина на другой? — Эшого я не вижу.

Вшорая новостъ (шаже спр. Вш. Под.)
— *теорїя происхожденїи троповъ*, — еже-
ли нѣсколько словъ (см. Гд. Д. В. Кр.) мо-

жно починишь оимъ именемъ, — также не ваше изобрѣченіе; не ходя вдалѣ, вы найдете ее въ Крашкѣ Риторикѣ, изданной Г. Мерзалковымъ, или, въ Риторикѣ Эшенбурга, котораѣ нисколько прежде появленія въ свѣтъ *Правилъ Словесности* и В. Красноулича; а по сему не могъ заимствовать ошъ васъ ни одного слова.

Третья новостъ (спр. 13 Вш. Под.) — теорія Лада (rhythmus) была въ Словесности также до васъ, какъ вы и сами пишете; слѣдовательно не есть новостъ, а старое. Во всѣхъ Риторикахъ пишунтъ о явлности слога, ошъ коюрой вашъ ладъ и чѣмъ не отличаетсѣ, развѣ — качествомъ. Вы почиваете новостію то, что основали вашъ ладъ на законѣ соразмѣрности; но у кого есть ладъ безъ соразмѣрности? — И такъ, и сія ваша теорія — старое. Между многими Писателями, Герардъ I. Воссій объясняетъ ладъ въ Риторикѣ своей (*), изданной, въ третій разъ, въ 1640 году. Въ сдѣлшюи мой, мнѣ кажется, что вашъ ладъ походитъ на его rhythmus или numerus, съ

(*) См. его Rhetorices contractae, sive partitionum oratoriarum libri quinti, Capita I, II et III, — editio tertia recognita et aucta — Lugd. Batav. MDCLXII, ex officina Joannis Meiri,

разностию въ порядкѣ изложенія, равно и того, что у него объ этомъ при главы подъ разными наименованіями, и что онъ указываетъ, въ какой части періода лучше оставишь споны: Хорей, Яибъ, Спондей, Пиррихій, Пеаны, Дактиль, Молоссъ и пр. Позвольте при семъ замѣтить, что не соразмѣрность есть явленіе гармоніи, а что гармонія происшекаетъ ось соразмѣрности.

Четвертую (спр. 13 Вш. Под.) и пятую (спр. 14) изъ вашихъ новостей — начало раздѣленія прозаическихъ сочиненій и размѣщеніе въ нихъ военныхъ сочиненій въ систематическій порядокъ, — я не опустил изъ виду, и объ нихъ было уже довольно разсужденій.

Не укоряйте меня, М. Г., что я не видалъ шестой вашей новости (спр. 15) — теории слога, также довольно старой, но искаженной вами. Въ замѣчаніяхъ моихъ, (спр. 170, 6 No С. О.) мною сказано: „разборъ послѣднихъ главъ: общихъ началъ Словесности, (составляющихъ первую часть В. Краснорѣчія) представилъ бы многія важныя погрѣшности; но онъ шакого свойства, что сами бросающа въ глаза чинашеля.“ — Въ этомъ чинѣ я разумѣлъ и шестую вашу новость. Ея доспомнѣше дѣйствитель-

но всякій можешь оцѣнить; ибо легко усно-
пришь, какую пользу принесушь, напри-
мѣръ, выводимые вами изъ разныхъ началъ
и здѣсь (Часть I В. Кр. стр. 133, 134, 135
и 186) *помменованные* — *семьдесятъ два*
слога, къ числу которыхъ присовокупляе-
те вы еще неизвѣстное количество *неиме-*
менованныхъ слоговъ, сказавъ, при исчи-
сленіи названныхъ, *двѣнадцать* *разъ* слово:
и проч.!! — Ни одинъ изъ сихъ слоговъ
не опредѣленъ; къ чему же они годятся?
Объ этой новости мнѣ не разсудилось и
упоминать.

Ваши предположенія (стр. 14 Вш. Под.)
о происхожденіи часней рѣчи (Гл. III В.
Кр. Ч. I), я также видѣлъ и осмѣлился въ
замѣчаніяхъ моихъ назвать ихъ неумѣстными,
каковы они суть дѣйствительно; ибо
помѣщены въ Риторикъ, между иными, какъ
имъ должно быть въ общей Грамматикѣ.
Они не новы; вы заимствовали ихъ отъ
другаго. Новаго въ нихъ что одно, что вы
не кспаша вводите въ нихъ при предне-
ложеніи ваши, относящіяся къ часней
Россійской Грамматикѣ: новость недостои-
ная похвалы! Начавъ говорить вообще, какъ
младенецъ (стр. 10 и слѣд. I Часней В. Кр.)
вводите въ языкъ свой сперва междометія,
пошохъ имена существительныя, за нѣтъ

имена принадежностей, подь кошоркии разумвеше вы и прилагашельныи и глаголы, сказавши — какъ челоувкъ (взрослой, или младенецъ?) соспавляетъ прилагашельныи, глаголы, союзы и предлоги, вы переходите къ соспавленію причаспій и нарвчій, и здвь смвщиваете съ общими сужденіями особенности происхожденія причаспій и нарвчій, количества и времени въ Россійскомъ языкъ. — Общія предположенія ваши ни мало не согласуются ни съ опытомъ, ни съ разумомъ. Во-первыхъ, младенецъ учишся произносишь слова не въ шомъ порядкъ, кошорый вы предспавляете, а въ какомъ позволяете ему сдвлатъ сіе его органъ слова. Части сего органа не у всвхъ двней одинаково развиваются и спавняются способными къ произношенію звуковъ: но у одного прежде укрвпились уша, и ошь прежде, безъ всякаго впрочемъ познанія, произноешъ существешельное — *мама*, или *папа* буквы губныи; другой ранве, ошь рано прорвзываются зубовъ, крвико сжимать десныи и упиратъ въ нихъ языкомъ; и потому прежде выучился произносишь слова изъ буквъ свиспящихъ, напр. *сиси*, равносильное глаголу — *пить*, и шакъ дадв. Во вторыхъ, это много зависитъ ошь наснавленія окружающихъ ребенка, кошорое про-

изводился, извѣстно, безъ всякой системы. И вы дѣла случая, дѣла развитія органовъ, различно бывающаго, дѣла сѣвнаго необдуманнаго насшавленія влнющекъ, хошите подвести подъ общіе законы? Напрасный и все безполезный трудъ, особенно въ Ришорикъ.

Предположенія ваши о происхожденіи Русскихъ причастій и пр. довольно правдоподобны (*); но, какъ сказано выше, не у мѣста. Пущь буденъ все шамъ, гдѣ ему

(*) Нельзя сказать сего о вашихъ вѣрояшностяхъ, помѣщенныхъ на стр. 9, I Части В. Краснорѣчія. — 1) Изъ словъ, оканчивающихся на *тель*, есть много именъ женскаго рода, напр. *добродѣтель*, *обитель*, *мятель*, *постель* и проч.; слѣдовательно слова, ннющія сіе окончаніе не всегда означаютъ *лица мужскаго пола*, что у васъ сказано утвердительно и безъ ограниченія. — 2) Слова на *ость* не всѣ показываютъ *внутреннее существенное качество*; весьма многія изъ нихъ означаютъ *наружное случайное качество*; напр. *жесткость*, *шероховатость*, *гладкость*, *ровность*, *влажность* и проч. Многія существительныя, означающія предметъ, также кончашся на *ость*, напр. *гость*, *трость*, *кость*, *жмолоста* и проч. Бога ради не прибѣгайте къ производству сихъ словъ опъ Греческаго и Латинскаго; я спошрю шолько на означаемыя ими понятія. Если присокупите къ шому кончашіяся на *ость*, шо ихъ наберешся и множешво къ опроверженію вашей вѣ-

должно бышь; почто распушанное другими слова запушывашь.

Смир. 16 Вш. Под. — Главы VIII и XXIII В. Красноярчія шакже не содержашь ничего особеннаго, новаго: все, предлагаемое вами въ нихъ, говорится и въ другихъ Ришорикахъ, хошя не съ шакою распушанностию, можешь бышь, безъ раздѣленія подобнаго вашему. Не смонрише на эшошь разъ только въ Ришорику Талызина, копорая писана для верхнихъ классовъ, гдѣ спалным о *періодахъ*, *устройствѣ ихъ* и *хрилахъ*, бывъ пройдены въ высшихъ классахъ, уже не преподаюшся.

Глава XIII В. Красноярчія ни сколько не нова по содержанию: ибо разсужденія о фигурахъ *ума*, или *разсудка*, о фигурахъ *воображенія*, или *фантазіи* и *страстей*, — разсужденія, соснаваляющія предметъ вашихъ XIII, XIV и XV Главъ, между прочимъ, находяшся у Эшенбурга. Чшо вы ошамчно ошъ другихъ Писателей излагаешь мысли одинаковыя съ ихъ мыслями, — эшо не но-

---

рояшности; и шакъ помедлишь бы помѣщеніемъ ея въ Учебной книгѣ.

О вѣроятности происхожденія словъ на *тель*, *елде*, *остъ* и *отво* не берушь здѣсь ничего рѣшишь; эшо слишкомъ далеко увлекло бы насъ.

вось. Профессоръ скажетъ что нибудь; ученикъ, перепушавъ, повшорилъ сказанное; неужели пошому называшъ его нворцемъ новаго? У всякаго въ сообщеніи мыслей своя воля; а при *самонадьянностіи* (ваши слова изъ 1 Подарка), *подстрекающей самолюбие* Сочинителя, кромѣ своей воли, онъ не знаетъ ниаго закона.

Такъ, М. Г. на страницѣ 15 Втораго Подарка, вы распространяешесь рѣчью о моей слѣпоствѣ; а сами не видите закона, шоль часшо вами же самими предлагаемаго мнѣ, — что чужихъ мыслей показанъ и даже перемѣняшъ не должно. Въ замѣчаніяхъ моихъ написало: „формы двловыхъ бумагъ можно найши во всѣхъ Письмовникахъ“ — (смол. 176 стр. 6 Но С. О.); вы увѣряете, что я говорю, будшо *ваши примѣчанія о сношеніяхъ военныхъ и ихъ формахъ* можно найши во всѣхъ Письмовникахъ! И шакъ, позволяше мнѣ вѣриншъ болѣе моему собственному зрѣнію, нежели вашему. Позвольше замѣшншъ, что проричаній я не дѣлазъ; а пошому на *Кассандру* (стр. 16) шочно шакже, какъ и на рѣзвую *Аглаю* (Под. перв.) ни волосомъ, не шолько мыслями не походъ. Вы, напрошивъ, предрекали мнѣ жалкую неизвѣшнностъ. Но я не спрашусь ея,

лишь бы не умереть бесполезнымъ шрупомъ.

Спр. 16 Вш. Под. — Обращаясь къ началу моихъ замѣчаній въ 6 номеръ С. О. и послѣ выходки противъ Сѣверной Пчелы, вы еще разъ своевольно шлокуете слова мон. Я говорю (спр. 156, 6 No С. О.), что ясное понятіе, не представляя (или не держа въ себѣ) онличительныхъ знаковъ предмета, составляетъ самую низшую степень въ познаніи и что попому, оспаваясь при ономъ, не можно съ шочностию изображать мысли и чувствованія, которыми при семъ понятіи бываемъ еще скудны. Вы же утверждаете, что мнѣ не нравятся ясныя понятія о предметахъ; укоряете меня своею нравіемъ вкуса и шѣмъ, что мнѣ не нравятся также *ясное солнце, ясное небо* и прочіе ясныя предметы. Сказавъ далѣе, что вся природа радуется *свѣтлости* и *ясности*, выключая нѣкоторыхъ живописныхъ, любящихъ мракъ ночи, вы рассказываете анекдотъ изъ Квинтилиана объ одномъ насшавикѣ, приводя Греческое выраженіе сего насшавника — *σκότισον, σκότισον!*

Ошь всего сердца желаю вамъ заслужить за сей удачный оборотъ одобреніе ошь всякаго умнаго и прозорливаго чело-вѣка!

На 17 страницъ вшораго Подарка, вы еще разъ искажаете мои слова; и основавшись на семъ, ушверждаете, что накопленіемъ многихъ *раздробленій* пошемяющъ описываемый предметъ. Объ этомъ накопленіи въ моихъ замѣчаніяхъ нѣтъ ни слова. Тамъ сказано: „богатство мыслей состоитъ въ обильномъ, раздѣльномъ и *подробномъ* (не *дробномъ*, какъ вы говорите) *синтетическомъ* представленіи знаковъ предмета;“ и далѣе „не представляя доспашочнаго, по цѣли, числа ошлчишельныхъ знаковъ предмета, не можемъ исполниться къ нему или прошивъ него должныхъ чувствованій“ (см. в No. С. О. стр. 156). Гдѣ же рѣчь о раздробленіяхъ, охудаемыхъ Блеромъ! Съ вашей стороны *поддѣлка!*

Не защитивъ опредѣленій вашихъ (стр. 22 и 23 I Ч. В. Кр.) словамъ *древнимъ, ис-вымъ, обыкновеннымъ* и *повсемѣстнымъ*, вы совѣщуете мнѣ и Талызину, раздѣляя, по вашему обычаю, мое лице на два, выбросить изъ моей Риторики спашью о Кашегоріяхъ. Ее памъ и нѣтъ. Вамъ замѣчено мною о Кашегоріяхъ; пошому, что вы въ своемъ В. Краснорѣчии, помѣстили предметъ Логики, разсмотрѣніе понашій, предложеній, сужденій и умшвованій, кошорыя

обыкновенно, для вѣрнаго разсмотрѣнія подводятся подъ Категоріи.

Не знаю, М. Г. — пошь ли, кто самъ, и согласно съ новѣйшими великими мужами, разсуждаетъ, похожъ болѣе на савпорожденнаго, вами упоминаемаго (спр. 18 и 19 вш. Под), или пошь, кто обращается къ писателямъ древнимъ, и безъ разбору вѣришь всему ими написанному, если пошь, то не по наслышкѣ знаешь ихъ. Опъ Аристотеля до нашихъ дней прошекло болѣе двухъ тысячъ лѣтъ; въ продолженіе сего времени, Философія, испытавъ многія перемѣны, наконецъ въ наши дни сдѣлала очень замѣтный шагъ впередъ. Честъ и слава изобрѣшателей никогда не померкають; но принимають ихъ изобрѣшенія въ пошь видъ, въ какомъ они вышли изъ ихъ рукъ и отвергаютъ усовершенствованія, сдѣланныя геніями времени позднѣйшихъ, едва ли не значить что-то нежросшительнѣйшее *видѣнія слова за клыкъ*, которое вы шакъ оспроумно приводите. Сверхъ того, я думаю, что не чиншая позднѣйшихъ Философовъ, едва ли можно понять надлежаще Аристотеля. Напрасно вы ссылаешесь на него.

Спр. 20 и 21 вш. Под. Опредѣленія предметовъ ошь имени ихъ всегда бывають недосшашочны, часто ведутъ и къ неавпо-

снѣмъ; надежныѣ исчисляяшь въ нихъ оидичисельные существенные знаки опредѣляемаго; это сказано мною и въ замѣчаніяхъ. Оправдывая опредѣленія ваши *птицы* и *пресмыкающагося* производящемъ словъ *птица* отъ Греческаго *пет-ица* и *петактори*, а *пресмыкающагося* отъ *сомыкаюся* и проч., вы смѣшалие знающихъ *Логикю*; ибо извѣстно, что понатія, означаемыя сими словами, должны бышь опредѣляемы не часино для одного народа, а для всѣхъ; *Логика* и *Риторика* суть науки общія по предметамъ ихъ и по отношенію ихъ къ лицамъ. По вашему, *avis, l'oiseau, der Vogel* и проч. не будушь значить того же, что и *птица*, поелюку ихъ корень не поитъ же глаголь *пет-автори*? Кромѣ того, естѣ птицы, которыя не летаютъ вовсе, или по крайней мѣрѣ не летаютъ *по преимуществу*; куда же вы ихъ отнесете? Онѣ — не птицы? Изъ вашихъ сужденій о *пресмыкающемся* произошли бы подобныя сему странности.

Можетъ ли бышь систематическое размѣщеніе примѣровъ, ежели въ самой наукѣ нѣтъ системы? Больше ничего не смѣю сказать въ отвѣтъ на 23 страницу вѣтор. Подарка.

Рѣчи Амураша III и Мамай не надлежало бы приводить въ образецъ, по той

причинъ, „что ихъ произносяшь предводителя орды, въ поощреніе соучастниковъ ихъ звѣрства къ грабежамъ и убійствамъ; что сіи предводители не знали Военнаго Краснорѣчія, пребудущаго благородныхъ чувствованій и возвышенныхъ мыслей, и что рѣчи ихъ доказывающъ звѣрское ихъ неисповѣдство“ (см. В. Красн. Частъ III, стр. 7). Надѣюсь, что послѣ сего желаннаго объясненія, вы поняли причину, по копорой не одобрено помѣщеніе сихъ рѣчей въ Военномъ Краснорѣчій. Испорикъ и Учитель — два разныхъ лица; что хорошо у Карамзина; но не всегда годится въ Учебной книгѣ.

Рѣчи Дюка Гиза также не слѣдовало бы приводить въ примѣръ пошому, что слова и поступки сего вождя, кѣими усмирять онъ войска свой, хотя сосставляющъ необыкновенное, однако не образцовое, не достойное подражанія, средство дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ. Слово: *рѣчи*, я принялъ не въ качествѣ извѣстнаго прозаическаго рода сочиненій; иначе, я началъ бы его прописною буквою Р; и такъ, вы напрасно обвѣдеша Талызина въ неумѣніи оплывшии рѣчь описанекдоша.

Позвольте надѣяться, что вы прекратите ваши Подарки, спюющіе вамъ, какъ

видно изъ множеству Писателей, призываемыхъ вами на помощь, великихъ усилий; оставьте вашу щедрость ко мнѣ, скажите про себя въ послѣдній разъ Лашинское изреченіе: *satis pro potius recusat!*

М. Т.

Юля 30 дня.

IV.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ПРОГУЛКА ВАТЕРТОНА ПО НЕКОТОРЫМЪ ОБЛАСТЯМЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ (*).

Въ одно прекрасное утро, въ началѣ 1812 года, Карлъ Ващертонъ, родомъ изъ Вальшонъ-Галля, не подалеку отъ Ваконды, весьма богатый дворянинъ Капюлическаго исповѣданія, соскучившись нашими модными

(*) Wanderings in South America, the north-west of the United-States, in the years 1812, 1816, 1820 and 1824. With original instructions for the perfect preservation of birds, etc. for cabinets of natural history. By Charles Waterton, esq. London. 1825.

общеснвами и ничтожными наблюдѣніями о погодѣ, составляющими обыкновенно главный предметъ разговоровъ, оставилъ свое жительство и всѣ пріятности, коими можешь наслаждаться помѣщикъ Горкширскій, не знающій радости семейственной жизни, оставилъ для того, „чтобы спривѣдывашь, какъ говоришь онъ, въ пустыняхъ областей *Демерари* и *Эссеквебо* до границъ Португальской Гвіаны, собранъ извѣстное количество самаго сильного яду, называемаго *сурали* (wougalı), наловить красивыхъ птицъ, коими изобилуетъ сія часть Южной Америки и надѣлать изъ нихъ чучель.“ Разныя предположенія свои, онъ исполнилъ безъ всякихъ неудобствъ и послѣдствій, кромѣ перемажающейся придневной лихорадки, на кошорую, по видимому, онъ обращалъ мало вниманія, хотя она продолжалась еще при года, по прибытіи его въ Англію.

Въ доказательство, что болѣзнь сія не совсемъ расстроила его здоровье, мы видимъ, что онъ весною, въ 1816 году, предпринялъ новое путешествіе въ славные лѣса Гвіанскіе. Проведя тамъ шесть мѣсяцевъ, онъ возвратился на свою родину „съ запасомъ, болѣе двухъ сотъ красивѣйшихъ птицъ разнаго рода, и съ довольно подробными свѣ-

двѣяма о ихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ.“ Сія вторая повѣдка была еще счастливѣе первой, ибо здоровье путешественника, нѣсколько не поспрадало, если исключимъ чепыредневную лихорадку, прекратившуюся почти непосредственно послѣ своего появленія.

Но Г. Вапершонъ не могъ ужиться дома. Гвіана, говоря его выраженіемъ, безпрестанно жужжала въ его ушахъ; онъ отправился въ третій разъ въ Демерари, въ началѣ 1820 года. Спусти нѣсколько мѣсяцевъ, онъ возвратился здоровъ и невредимъ, и привезъ драгоценное собраніе ошличившихъ произведеній прехъ царствъ природы, и много пшичьихъ яицъ, щашательно сохранивъ свѣжестъ ихъ, чшобы можно было вывести изъ нихъ птенцовъ въ Великобританіи, къ обогащенію его *Орнитологіи* новыми видами. Къ несчастію, шаможенный чиновникъ ошановилъ всю коллекцію и продержалъ яйца такъ долго, чшо наконецъ всѣ испортились. Г. Вапершонъ употребилъ много времени на хожденіе по шаможнѣ, и послѣ напрасныхъ шрудовъ, ему наконецъ дозволено было провести безъ пошлянъ шѣ только предметы, кошорые назначалъ для публичныхъ заведеній; но онъ обязанъ былъ плашиться за оставленные для себя.

Сіе не ожиданное огорченіе охладило его горячность до того, что онъ равнодушно смотрѣлъ на кукушку и ласточку, улетающихъ къ спранамъ знойнымъ, не обращая даже глазъ своихъ къ Югу. „Три года, говоришь онъ, провелъ я въ сумрачномъ нашемъ климатѣ, нисколько не думая о новой побѣдѣ.“ Къ счастью для него и для любительей Естественной Исторіи, превосходное швореніе Вильсона, *объ Орнитологии Соединенныхъ Штатовъ*, швореніе, съ копорымъ ни одно изъ сочиненій сего рода въ древнемъ мірѣ не можешь сравниться въ точности и великолѣпін, воспламенило пошухающей жаръ Г. Вапертона, и онъ, въ 1824 году, отправился въ Нью-Йоркъ.

Цѣль путешествія его въ Соединенные Штаты, состояла въ томъ, чтобы заняться изслѣдованіями о шамошнихъ клопахъ, медвѣдяхъ и буйволахъ. Чувствитель, конечно, раздѣливъ поразившее его прискорбіе, когда онъ, вмѣсто сихъ для него дорогихъ живошнихъ, встрѣпилъ и шамъ мушницъ свѣтскихъ и женщинъ прекрасныхъ. И шакъ, онъ успѣшилъ оставивъ спрану столь мало занимательную и отправился въ четвертый разъ въ свои любимые Демаррарскіе дѣса. Онъ снова возвратился въ

добромъ здоровьѣ, съ большимъ и весьма важнымъ приращеніемъ для своего Музея. Не извѣстно еще, пусшился ли въ нушь перелетная сія птица въ нынѣшній разъ, но послѣдняя фраза книги его, каженія, въ шомъ удосшовряешъ :

„And who knows how soon, complaining,
Of a cold and wifeless home
He may leave it, and a gain in
Equinoxial regions goim? (*)“

Чишашель, судя о поспѣшности, съ каковою Г. Вашершонъ оставилъ общество, встрѣченное имъ въ Сѣверной Америкѣ, не долженъ выводилъ заключенія, что онъ недодимъ и угрюмаго нрава. Напрошивъ, всякая страница книги его показываешъ крошосшь и добросшь, шихосшь характера и простосшь сердца, съ коимъ можешъ сравнилъ одно лишь сочиненіе любезнаго Исаака Вальшона, сего шаршиннаго рыбаковъ. Мы можемъ привешти многія мѣста въ доказашедьство иѣжности, кою Вашершонъ шмоль щедро одаренъ ошъ природы. Въ одномъ письмѣ къ *друзу своему читателю*, описывая, какъ сославляшъ собранія живошныхъ для Ешешешвенной Ишторіи, онъ го-

---

(*) И кшо знаешъ, скоро ли, скучая гладнымъ и одинокимъ жилищемъ, онъ оставишъ его, и ошашъ пусшился въ страны разноедешешвенныя?

ворить: „когда застрѣлишь пару голубей, для описанія въ точности ихъ породы; по сдѣлай милость, не убивай прешьяго, единственно изъ удовольствія и хвасповства, что ты искусный стрѣлокъ.“ Видно, нѣтъ ни строгихъ запрещеній, ни спорожей въ наследственныхъ владѣнιάхъ Вальшонъ-Галльскихъ. Наспавленія свои, о сохраненіи пшиць, онъ заключаетъ сими словами: „если бы изложенныя мною правила заспавили испребляшь живошныхъ безъ всякой полезной цѣли; если бы они себя побудили умершвишь юнаго пѣвца, щечечущаго надъ швоими дверями; самку, когда она согрѣваетъ дѣшей своихъ въ гнѣздѣ, или самца, когда приносишь въ носикѣ необходимую для нихъ пищу, то я крайне скорбѣлъ бы, что написалъ оныя!“ Сказавъ собиращелю пшиць, что если ночь засшигнешъ его въ лѣсу; то *сальтлэкъ* (свѣшящійся червь) можешь служишь ему вмѣсто свѣчи, онъ присовокупляетъ: „положи его на швою карманную книжку съ бережливосшію, и онъ будетъ свѣшисъ тебѣ сколько нужно. Когда же минуешь въ шомъ надобносшь, посади его на первую, попавшуюся вѣшочку; шшо будетъ для него лучшею наградою за оказанную тебѣ услугу.“ — Безъ сомнѣнія и самая чувствительносшь нашего дяди

Тоби устыдишься предъ шюю, которая дѣлалась въ слѣдующемъ описаніи.

„Въ продолженіе путешествія водою изъ Буффало въ Квебекъ нашелъ я одного польско клопа, и за всѣмъ шѣмъ не смѣю утверждать, что онъ принадлежишь Соединеннымъ Штатамъ. Плывъ внизъ по рѣкѣ Св. Лавренція на параводъ, я почувствовалъ нѣчто на шеѣ моей, и снявъ рукою, увидѣлъ, что это небольшой худенькій клопъ. Не могу навѣрное сказать, путешествовалъ ли онъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Канаду, или изъ Канады въ Соединенные Штаты, и хотѣлъ ли онъ воспользоваться моими плечами для переправы чрезъ рѣку. Какъ бы то ни было, я однако думалъ о дядѣ моемъ Тоби и его бабочкѣ; и вмѣсто того, чтобы бросить клопа въ воду и положить на него персть мой, я опустилъ его легонько на близъ лежавшія вещи, желая ему, чтобы онъ при первомъ удобномъ случаѣ вышелъ счастливо на берегъ.“

Если нравъ нашего путешественника, какъ видно, нѣсколько спраренъ; то ошибюсь не угрюмъ. Во время пребыванія его въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ находилъ все въ большемъ видѣ, исключая налоговъ. Онъ утверждаетъ, что мысли спрарившаго по сѣмъ спрарамъ, возвышающаго по мѣрѣ со-

зернаемыхъ имъ предметомъ, и вошь какъ
 выражаешь онъ свои мечшавія, когда дер-
 жаль разбивую ногу свою подъ низвергаю-
 щуюся Ніагарою, между шиль, какъ въ Ан-
 гліи принужденъ былъ ставишь ее подъ на-
 сось. „Можешь бышь, присовокупляешь оңъ,
 припишущъ мнѣ непомярную гордоспъ, ко-
 гда скажу предъ цѣлымъ свѣцомъ, что я
 излечилъ себя ошъ ушиба паденіемъ воды,
 коей въ минушу извергаешся до 870,255 бо-
 чекъ.“ — Сія несчастная нога лишила его
 удовольствія, шанцовашъ съ одною прекрас-
 ною Албанскою Дамою, кошорая, казалось,
 произвела на сердце его сильное впечатль-
 ніе. Но болѣе всего онъ былъ разсерженъ
 шѣмъ, что находившіеся у Ніагары мужчи-
 ны и дамы, приняли ушибъ его за подагру.
 Нашъ презвѣй и цѣломудренный путеше-
 ственникъ очѣнь оскорбился шакою клевет-
 ною, припомнивъ сіи стихи:

„Membrifragus Bacchus cum membrifragâ Cythereâ
 Progenerant gnatam membrifragam podagram (*).“

Ксшани лежалъ на сполѣ у него аль-
 бомъ, доставившій ему случай объяснишь

(*) Всеразрушающій Бахусъ съ разрушительною
 Цитерою произвелъ родную имъ членоразрушитель-
 ную подагру.

нашомашую причину его хромоты. Вѣтъ чю онъ пишеиъ:

„Карлъ Вапершюмъ, родомъ Англичанинъ изъ Вальшомъ-Галля, лежащаго въ Грешвъ Йоркскомъ, прибылъ къ водопаду Ниагарскому въ Юль 1824 года; но къ сожалѣнiю:

„He sprained his foot and hurt histoe
On the rough road near Buffalo
Iss quite distresses him to stagger a
Long the sharp rocks of famed Niagara (*).“

Хошя Г. Вапершюмъ худой Поэтъ, и погрѣшаешъ прошивъ снопослуженiя для одной рѣмы, однако онъ весьма любивъ Горациа и, кажешся, съ великимъ удовольствiемъ читалъ его подъ безпредѣльною пѣнiю лѣсовъ Демерарскихъ. Вообще онъ приводивъ мѣста изъ классиковъ весьма удачно. Если мѣста выписываемыя имъ сущъ не рѣдко обыкновенныя, то способъ примѣненiя ихъ единственъ и забавенъ.

Давъ нѣкошорое поняшiе о характерѣ нашего Сочинишеля, спанемъ говоришь шеперь о его книгѣ, кошорая не шолько при-

---

(*) Онъ ударилъ пашою и разбилъ свою ногу на неровныхъ скалахъ Буффальскихъ, отъ чего и должетъ былъ прихрамивать на утѣшительныхъ берегахъ знаменшой Ниагры.

яшна, но 'содержишь въ себѣ много любопытныхъ наблюдений о Естественной Исторіи, главнѣйше же о Зоологіи равноденственныхъ областей южной Америки. Мы нисколько не намѣрены порицать Г. Вагнершона за то, что онъ употреблялъ существующія въ шой спранѣ наименованія или шерминны прешонародныя, вмѣсто принятыхъ Учеными по системѣ Линнеевой; ибо избранныя имъ гораздо вразумительнѣе для большей части чинашелей. Во время пребыванія своего во глубинѣ шѣхъ величественныхъ лѣсовъ, Г. Вагнершонъ воспользовался всѣми случаями для изслѣдованія обычаевъ кичливыхъ и многочисленныхъ ихъ жиншелей и для исправленія распросширанившихся объ нихъ ошибочныхъ понятій. При помощи нѣсколькихъ живописныхъ выражений, онъ весьма искусно изобразилъ блестящія произведенія царства живошнаго; описалъ ихъ свойства и обычныя дѣйствія, и съ проничашельностію изложилъ новыя средства къ сохраненію ихъ по смерти. Онъ упоминаешь слегка о прешерпѣнныхъ имъ добровольно шрудахъ, ни сколько не выславляя своей неуштрашимости, каковую онъ двилъ въ опасносшяхъ, повсюду его встрѣчавшихъ.

(*Продолженіе впередъ.*)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я   К Н И Г И.

1 8 2 7.

34. *Духъ Карамзина, или избранныя мысли и чувствованія сего Писателя, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ обзорныхъ и историческихъ характеровъ.* М. въ типогр. Августа Семена, 1827, въ 8. 2 части (XV—279 и 293 стр.), съ портретомъ Карамзина.

(Подъ симъ заглавіемъ, Г. Иванчинъ-Писаревъ собралъ мысли Карамзина о разныхъ предметахъ Философическихъ, Политическихъ и Литературныхъ, извлеченныя изъ печатныхъ сочиненій сего Писателя. Къ сему, во 2 томъ, присовокупилъ онъ весьма многіе отрывки изъ Исторіи Государства Россійскаго. Мы должны думать, что цѣль сихъ извлеченій была та, чтобы краснорѣчивыми отрывками изъ швореній

Писателя знаменитаго, заманишь людей лъ-
 нивыхъ и считающихъ членіе шрудомъ не-
 преодолимымъ; къ прочтенію всѣхъ двадца-
 тии томовъ сочиненій Карамзина; и въ са-
 момъ дѣлѣ, въ комъ не возбудишься охота
 прочесть все то, что написалъ человекъ,
 умившій шакъ сладко, шакъ убѣдительно
 говоришь уму и сердцу? Кшо будешь рав-
 нодушенъ къ швореніямъ... того Писателя,
 который, подобно искусному и дѣлательному
 обрѣшателю сокровищъ, раскрылъ пе-
 редъ нами все богатштва, всю гибкость
 превосходнаго языка Русскаго? Дешь умо-
 каешь за гробомъ; но удивленіе и благого-
 вѣніе къ заслугамъ истиннымъ мужа слав-
 наго, переживающъ временное его существо-
 ваніе; мы, по чувству и убѣденію, не пе-
 ресшанемъ повторять: Карамзинъ оказалъ
 незабвенныя услуги Россійской Словесности.
 Пусть же юные наши соотечешвенники
 любующая и восхищающая имъ въ изда-
 ныхъ нынѣ опривкахъ; но пусть учащя
 пишеть и чувшвовашь, какъ онъ, изъ под-
 ныхъ его швореній, въ кошорыхъ онъ завѣ-
 щалъ намъ драгоценное наследштво своихъ
 дарованій.)

35. *Госницкій. Историческій Романъ, съ
 описаніемъ нравовъ и обычаевъ Запо-*

рожденъ. Соч. И. Т...ъ. — М. въ имп. Императорскаго Московскаго Театра, 1827. Въ малую 12 д. д. 211 стр.

(Валтеръ-Скоттъ подаютъ Литераторамъ весьма соблазнительный примѣръ — писать историческіе романы, т. е. изъяснить истинныя событія съ вымыслами. Самъ онъ превосходно пишетъ такіе романы, потому что совершенно знаетъ Исторію среднихъ и новѣйшихъ вѣковъ; хорошо выказываетъ въ характеры историческихъ лицъ, и въ выводимыхъ на сцену, еще лучше выказываетъ въ человѣческое сердце; прибавить къ сему, что нравы, обычаи и повѣрья извѣстныя, особливо Шотландіи, его родины, извѣстныя ему во всей подробности; что онъ одаренъ богатыми, пылкимъ воображеніемъ, которое оживляетъ подъ перомъ его лица, давно уже не существующія, происшествія и преданія вѣковъ прежнихъ. Мудрено ли послѣ всего этого, что романы его паче всего воображеніе и обольщаютъ умъ читателей, даже самыхъ образованныхъ? что самые вымыслы въ историческихъ его романахъ, кажутся истинными, или по крайней мѣрѣ вѣроятными? Но, повторимъ, примѣръ такой соблазнительный: надобно имѣть дарованія Валтера Скотта, чтобы успѣть въ семъ трудномъ родѣ сочиненій. Изъ подражаніе-

лей эпо, за исключеніемъ развѣ одного Купера, почти все другіе не достигли и нѣтъ нѣхъ красота, какими обильны романы сего Писателя. Даже самъ Куперъ еще весьма далекъ отъ неподражаемаго образца своего. Чшо же сказать о шощихъ, безцвѣтныхъ ему подражаніяхъ нѣкошорыхъ Французскихъ романистовъ? и наконецъ, чшо сказать о попыскѣ въ семь родѣ романовъ, написанной кѣмъ-то изъ Русскихъ, подъ вышеобъявленнымъ заглавіемъ?... То, чшо сказали бы мы о начинающемъ учиться рисованію, кошорый, едва научась невѣрною рукою дѣлать абрисы, вздумалъ бы вдругъ писать картины въ родѣ Корреджіо или Анибала Караччи: ни композиціи, ни правильности въ рисунокѣ, ни живописи и вѣрности въ колоритѣ, ни умѣнья въ сіяніи свѣта съ тѣнью. Примѣняя сіе уподобленіе къ роману: *Госницкій*, скажемъ, чшо въ семь романѣ нѣтъ ни правдоподобія, ни связи въ произшествіяхъ, ни сколько нибудь ошщѣненныхъ характеровъ, ни удовлетворительной развязки. Не понимаемъ также, почему въ заглавіи сказано: „съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ Запорожцевъ;“ вшого описанія вовсе мы не находимъ въ романѣ, ни ошщѣльно, ни въ связи съ цѣлымъ повѣ-

спивованиємъ. **Законные** **свои** **бочки** **и**
слова **памя** **и** **журоръ**, **не** **могутъ** **сосна-**
вить **описанія** **нравовъ** **и** **обычаевъ** **какого-**
либо **народа.**)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № XVI.

I.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ.

О дѣйстви' Словесности и Искуствъ
на характеръ народа (*).

Между различными общошпельствами, дѣйствующими какъ на характеръ народа, такъ и на славу и благосостояніе его, Словесность, Науки и Искусства имѣють не малую силу. Всѣ народы и племена, о коихъ мы имѣемъ какое нибудь свѣдѣніе,носящъ на себѣ печать религіи и правешельства; но Словесность и Искусства сошпавляютъ особенное и явшвенное оплчїе народа образованнаго. Безъ помощи Словесности, умъ человѣческой распочаетъ или

(*) Изъ книги подъ заглавіемъ: *Considerations on the effects of physical and moral causes on the character and circumstances of nations*, by J. Bigland. London, 1816. (Разсужденїя о дѣйствїяхъ физическихъ и нравственныхъ причинъ на характеръ и обстоятельства народовъ; сочиненїе Г. Бигланда. Лондонъ, 1816).

повреждаетъ понятія, сообщенныя ему для употребленія; благороднѣйшія способности его безъ образцевъ и матеріаловъ, не могутъ обнаружитъ силъ своихъ. Безъ ответственности, ни одинъ народъ никогда не былъ великъ или знаменитъ. Если бы не было Академіи Пашоновой и Лицея Аристошелева, то Аѳины давно уже обречены были бы забвенію.

Одинъ Философъ послѣдняго столѣтія объявилъ свое мнѣніе, что Словесность, Искусства и навыки, ими производимые, будутъ гибельны для Европы, и что просвѣщеніе повреждаетъ нравственность (*). Странное сіе предсказаніе обнаруживаетъ одну слабость въ разсудкѣ Сочинителя и ограниченныя понятія его о жизни и нравахъ человѣческихъ. Одинъ изъ величайшихъ Философовъ и Орашоровъ древности рассматриваетъ сей предметъ совершенно въ другомъ видѣ и превозноситъ просвѣщеніе и Философію самыми громкими хвалами (**). Посредствомъ Словесности мы умножаемъ свою опытность; напущаемыя Словесностію, мы живемъ въ вѣкахъ давно прошекшихъ и въ спранахъ опдаленныхъ; но безъ

(*) Rousseau, Emile, tom. 3. p. 163.

(**) Cicero, Tusc. Quest. 5.

руководства ея, мы ограничиваемся тѣснымъ кругомъ наблюденія и бытіемъ кратковременнымъ. Науками и Искусствами замѣняющася недосташки силъ челоуѣка и способности его увеличивающася почти до безпредѣльности: мы преплываемъ неизмѣримые океаны, воздвигаемъ великолѣпныя зданія и совершаемъ безчисленныя шворенія, о коихъ необразованный варваръ не можетъ имѣть никакого понятія. Созерцая чудеса, производимыя челоуѣческимъ искусствомъ, мы необходимо должны признашь истину Баконова афоризма, что „знаніе есть сила.“ Превосходныя знанія болѣе, нежели превосходная сила, содѣлали Европейцевъ въ столь короткое время владыками новаго свѣта и доставили способы горсти Англичанъ покорить своей власпи столь обширную часть Индіи. Словесность, Науки и Искусства возводящъ людей отъ слабости къ силѣ, и отъ дикаго невѣжества на степень высочайшаго разумѣнія.

Всѣ вообще люди на видныхъ и возвышенныхъ степеняхъ, желающъ оставишь по себѣ памятникъ своего существованія: желаніе естественное и могущее произвести общую пользу. Оно можетъ отвращать отъ порока, усремлять къ добродѣтели и одушевлять правителей міра благородною

ревностію, представляя имъ въ опдаленности память и славу въ попомствѣ. Словесность предаешь дѣянія людей вѣчности и спасаешь имена ихъ отъ забвенія; „но когда глыбы кургана размешаны и надгробные камни низпровержены, то слава дикаго погибаетъ навѣки“ (*). Если мы подумаемъ о множествѣ Царей и Полководцевъ, память коихъ изглажена съ лица земли временемъ, не оставившимъ никакихъ слѣдовъ ихъ существованія въ лѣтописяхъ рода человѣческаго; если мы разсудимъ, что всѣ дѣянія и предпріятія ихъ погребены въ безмолвіи вѣковъ, то мы не можемъ не видѣть доспоинства Словесности и права ея на покровительство и поощреніе (**). Она заслуживаетъ въ равной степени вниманіе Государей и ихъ подданныхъ; ибо повѣштво-

---

(*) Сіе выраженіе почеркнуто изъ Торнеровой Исторіи Англо-Саксовъ (History of the Anglo-Saxons).

(**) *Vixere fortes ante Agamemnona
Multi; sed omnes illacrymabiles
Urgentur, ignotique, longa
Nocte, carent quia vate sacro.*

Hor. Lib. 4. Od. 9.

И прежде Агрида могущіе жили,
Но слава ихъ гаснетъ во мракъ вѣковъ:
Они неоплаканны въ гробъ почли,
Они не имѣли священныхъ пѣвцовъ.

ваніе или воспоминаніе, такъ же какъ и зрѣлище великихъ дѣяній, возвышаешь душу и воспламеняешь благородную ревность. Какъ памятники прошекшихъ временъ и преждебывшихъ героевъ, Исторія и Поэзія имѣють рѣшительное преимущество надъ живописью и вааніемъ: памятники послѣднихъ могутъ существовать въ немногихъ только мѣстахъ; они подвержены различнымъ приключеніямъ; когда время обезобразитъ ихъ или разрушитъ, то трудно возстановитъ ихъ въ первобытное совершенство: но память, преданная попомству Словесностию, избѣгаетъ поражений времени, разливаясь безпредѣльно и возобновляясь непрестанно.

Пѣсни первобытныхъ Поэтовъ были во всѣхъ почти странахъ, исключая, можетъ быть, Египетъ, первоначальнымъ источникомъ и основаніемъ Исторіи (*). Ими темныя преданія великихъ дѣяній и важныхъ событій были ввѣряемы народному воспоминанію и передаваемы отъ поколѣнія къ поколѣнію. Гомера можно почитать какъ первобытнымъ Историкомъ, такъ и древ-

---

(*) Не видно, чтобы у Египтянъ процвѣтала когда либо Поэзія. Смолри Russel's Hist. Ant. Eur. vol. I. p. 117.

нѣйшимъ Поэтомъ Греческимъ. Пришествіе Энея въ Италію и происхожденіе Ромула ось героевъ Троянскихъ, споль превосходно воспѣшья Виргилемъ и споль торжественно описываемья Ливіемъ и другими Римскими Историками, сушь повѣсти, происпекающія изъ преданія сомнительнаго. Саксонъ Грамашикъ, въ своей знаменитой Скандинавской Исторіи, составилъ изъ приключеній, рассказываемыхъ древними Скальдами, изъ надписей на памятникахъ и изъ другихъ неполныхъ и несвязныхъ матеріаловъ, повѣствованіе, коего превосходная ошдѣлка побуждаешъ просвѣщеніе и вкусъ, почти неволью забышь баснословную его основу и хитрое сложеніе. Замѣнивъ собственнымъ своимъ изобрѣщеніемъ недоспашокъ связи и лѣшосчисленія, онъ сочинилъ вымышленную хронологию и подарилъ Даніи знаменитую Исторію, приведенную въ порядокъ двадцати чешырехъ царствованій до Хриспіанскаго лѣшосчисленія. Въ семъ онъ подражалъ Годфриду Монмаушскому (*), ко-

---

(*) Годфридъ Монмаушскій и Саксонъ Грамашикъ были почти современники. Годфридъ кончилъ свою Исторію около 1140 года по Р. Х., а Саксонъ Грамашикъ умеръ 1208 года по Р. Х., итъ онъ роду около семидесяти лѣшъ.

порый собравъ Повмы Шотландскихъ Бардовъ, привелъ ихъ въ правильное повѣствованіе и, съ помощію плодовиатаго воображенія, призывалъ Брупа изъ Трои, чтобы сообщить своему ошечеству блестящее происхождение и священную древность.

Почти въ каждой странѣ Поэзія предшествовала Исторіи. Кельтскіе Барды сопровождали своихъ Царей и Полководцевъ, повѣствуя о ихъ происхожденіи, воспѣвая имъ хвалы и прославляя дѣянія знаменитѣйшихъ мужей. Въ воинскихъ походахъ, кромѣ обязанности ихъ одушевлять ратниковъ, они были употребляемы, какъ Историки бранныхъ подвиговъ; и пѣсни ихъ, въ послѣдствіе времени, были почишаемы вѣрнѣйшими хранилищами историческихъ событій(*). Поэзія существовала у всѣхъ даже варварскихъ народовъ. Готскіе племена мало различествовали одно отъ другаго въ своихъ понятіяхъ и обычаяхъ. Саксонцы, Франки,

---

(*) Корднерово введеніе къ извлеченіямъ изъ Торфел, стр. 124. Фермондъ, Торфей былъ уроженецъ Исландіи, и отличныя его способности доставили ему покровительство Фридерика III, Христиана V и Фридерика IV, Королей Датскихъ. Онъ умеръ около 1720 года по Р. Х., осьмидесяти одного года отъ рожденія.

Датчане и Норманны имѣли своихъ Поэтовъ и арфистовъ (harperz), коихъ пѣсни въ послѣдствіи были измѣняемы общешельствами пѣхъ сиранъ, въ коихорыхъ они водворились. И Англо-Саксы, такъ какъ и Французы, имѣли свои мѣрные романсы (*).

Какъ Поэзія была первою омыраслію Словесности, кою занимался; но она имѣла самое сильное и ловсемѣстное дѣйствіе на умы варваровъ. Всѣ народы ощущали ея дѣйствіе на воображеніе и почти каждый человекъ можетъ быть свидѣтелемъ ея могущества. Но сила оной всегда бываетъ гораздо очевиднѣе у варваровъ, коихорыхъ умственныя способности грубы, коихорыхъ воображеніе живо и пламенно, а страсти легко возбуждаются. Между образованными людьми дѣйствіе ея не столь ощутительно, ибо они пребываютъ болѣе доводовъ и доказательствъ, нежели восторговъ, и разсуживаютъ основательность причинъ и вѣроятность успѣха прежде, нежели рѣшаются дѣйствовать. Впечатлѣнія, производимыя Поэзіею, рождаются не отъ одного спрадательнаго ощущенія изображеній, ею предсавляемыхъ, не отъ чувствій,

---

(*) Ellis' Specimen of English metrical Romance, vol. I. Sect. 1.

ею внушаемыхъ; но оны естественной дѣятельности ума, кою поэзія возбуждаетъ. Поэзія дѣйствуетъ, приводя въ движеніе мысли и чувствованія, пробуждая въ душѣ множество живыхъ волненій (emotions) и расширяя воображеніе творишь различные идеи, почерпнутыя изъ обстоятельствъ житейскихъ и означенныя красками пламенныхъ страстей или срамительныхъ склонностей.

Когда пѣснь Поэта есть опголосокъ знакомыхъ чувствованій, то она разливается въ воображеніи множество прогнательныхъ движеній. Общественныя свѣра употребляли Поэзію какъ для возбужденія народа къ войнѣ, убійству и хищенію, такъ и для воспоминанія о воинственныхъ его подвигахъ; и едва ли могли изобрѣсти они сильнѣйшее орудіе для достиженія своей цѣли. Барды, говорившіе Гиббонъ, привлекали вниманіе всѣхъ покушавшихся изслѣдовать древности Кельтовъ, Германцевъ и Скандинавовъ. Геній и характеръ Бардовъ, такъ какъ и уваженіе, оказываемое званію ихъ, доспачно объяснены. Но мы не можемъ споль легко выразить или даже поняти воинственнаго испуленія, кою они воспламеняли въ сердцахъ людей, пріобыкшихъ къ бранямъ и убійству, и увеселявшихся звукомъ

оружія. У просвѣщеннаго народа вкусъ господствующій въ Поэзіи, служилъ болѣе къ забавѣ воображенія, нежели къ возбужденію душевныхъ спрасшей. Однако, перечислявая въ шихомъ уединеніи битвы, описанныя Гомеромъ и Тассомъ, мы нечувствительнo увлекаемся вымысломъ и предаемся минушному ощущенію воинственнаго жара. Но сколь слабо, сколь холодно ощущение, которое мирная душа получаетъ отъ уединеннаго замятія! Барды же въ часъ битвы или среди побѣднаго пиршества прославляли героевъ времени прошекшихъ, предковъ шѣхъ вождей браннолюбивыхъ, которые съ воспоргомъ внимали ихъ безыскусственной и одушевленной гармоніи. Видъ оружія и опасности усугублялъ дѣйствіе воинственной пѣсни, и спрасши, ею возбуждаемая: жажда славы и презрѣніе смерти, были обыкновенными чувствованіями Германской души (*).“ Върнѣ сего изображенія, ничто не можетъ намъ предсавить разносити впечатлѣній, производимыхъ Поэзією на умы варваровъ и людей образованныхъ.

Съ религією, воинскимъ духомъ, политикою и нравами Скандинавовъ шѣсно соединена была ихъ Поэзія: слава и счастье

(*) Gibbon, Dec. Rom. Emp. Vol. I. сѣр. 9. p. 374.

ихъ были на ней основаны. Сохранишь и продолжишь память бранныхъ подвиговъ за предѣлы крашковременнаго бышя человѣческаго, было дѣломъ самымъ важнымъ у воищелей времянь древнихъ. Надежда, заняшь почешное мѣсто въ памяти грядущихъ поколѣній, одушевляла патріотшовъ и героевъ Греціи и Рима; та же спрасшь владычешвовала во всей своей силѣ надъ Сверхными варварами. Ошь могущешва Поэзіи, ошь рашной пѣсни Скальда, умирающій воищель ожидаль продолженія своей славы, и немногіе народы занимались симъ искусствомъ съ бѣльшимъ восторгомъ, съ бѣльшимъ жаромъ, съ бѣльшею силою, какъ Скандинавы (*).

„The them was glorious war, the dear delight
Of shining best in field and daring most in fight.“

Penrose.

Дышали пѣсни ихъ войной —
Ошрадой сладкою героя,
Кто зашмиваетъ всѣхъ красою
И всѣхъ ошважитъ средь боя.

Дѣйствіе Скандинавской Поэзіи было усилено ея мнимо-небеснымъ происхожденіемъ. Полагали, что божешво ихъ, называемое Брага, обншающее въ чершгахъ Вал-

---

(*) Смощри Mallet's North. Antiq. Томъ I. стр. 225, и пр.

гады, покровительствовало Поэзии и Музыкѣ и одушевляло Скальдовъ, копорыхъ воинскія пѣсни отличались исполинскимъ и дикимъ величіемъ, соотвѣтствующимъ свирѣлой и кровавой ихъ религіи. Ни одинъ воинъ не отправлялся въ походъ безъ своихъ Скальдовъ, копорыхъ обязанность была воспѣвать его подвиги и одушевлять его ратниковъ (*). Воинскимъ пѣснямъ ихъ Скандинавскій герой былъ обязанъ своею славою; и дабы сплести такое поэтическое безмерное вмѣстѣ съ ожидаемымъ блаженствомъ въ чертогахъ Одина, онъ жертвовалъ своею жизнью съ изнеурядицею и неуспрашимостію, въ новѣйшія времена неизвѣстными.

Послѣ того, какъ сѣверные народы были обращены къ Христіанству и оказали нѣкоторыя успѣхи въ образованіи, нравы ихъ сдѣлались менѣ суровы и кровожадны. Поэзія ихъ приняла также нѣжнѣйшія краски ошъ измѣненія гражданскихъ обстоятельствъ. Дикое и ужасное величіе Поэмъ Скандинавскихъ замѣнено было привлека-

---

(*) Bartholinus. De Causa Contemp. Mortis a Danis. lib. I. cap. 8. Бартолинъ сохранилъ одну изъ древнихъ пѣсней, копорыми Скандинавы одушевляли своихъ воиновъ и возбуждали ихъ къ отважнымъ подвигамъ.

пеленѣйшими прелестями пѣснопѣнія (minstrelsy). Но укоренившіеся обычаи не скоро испреблѣются и древнія понятія не легко изглаживаются. Минспрели (пѣвцы) среднихъ вѣковъ, подобно Кельшскимъ Бардамъ и Скандинавскимъ Скальдамъ, находясь при Государяхъ и феодалныхъ вождяхъ, обязаны были не только выводить происхожденіе ихъ, прославлять подвиги и воспѣвать имъ хвалы, но и возбуждать мужество воиновъ и Вассаловъ. Галлиферъ, знаменитый Минспрель, сопровождалъ Вильгельма Завоевателя во время Гасингской битвы и предводилъ споводалъ Норманскими войсками, воспѣвая пѣснь въ честь Карла Великаго, Роланда и Оливера (*). Двенадцатое и тринадцатое столѣтія были самою блистательною эпохою Минспрелей; но они процвѣтали и въ продолженіе нѣсколькихъ послѣдующихъ вѣковъ (**). Однако обычаи времени и духъ Поэзіи были измѣнены успѣхами образованія и благошворнымъ дѣйствіемъ Христіанства. Великодушіе начали соединять съ мужествомъ, и состраданіе по-

---

(*) Ellis' Specim. Eng. Metrical Romance, vol. 1. sect. 1.

(**) Морлаки до сего времени имѣютъ своихъ пѣвцовъ, а безъ нихъ не бываетъ никакого праздника. Смори Cassa's travels, part. 1.

чишапъ неразлучнымъ спутникомъ храбро-
сти. Хотя пѣснь Минспреля гремѣла угроза-
ми врагамъ повелишела его, но вмѣстѣ съ тѣмъ
вдыхала чувствованія милосердія къ покор-
нымъ и не представляла ни одной изъ тѣхъ
ужасныхъ каршинъ ненасытнаго убійства,
хищничества и опустошенія, кошорыя ош-
личають Поэзію Скандинавскую.

Барды и арфисты (harpers) Валлійскіе,
Ирландскіе и Шотландскіе носили то же
звание и исполняли ту же должность, какъ
Минспрели въ Англии и на швердой землѣ.
Изъ нихъ Валлійскіе Барды приобрѣли вели-
чайшую знаменишость. Съ помощію прори-
цаній Мерлина, они возбуждали своихъ со-
отечественниковъ къ успѣшному сопроти-
вленію въ ущеліяхъ родныхъ горъ Саксон-
скому, а въ послѣдствіи Норманскому мо-
гуществу до тѣхъ поръ, пока Эдуардъ I не
покорилъ ихъ своей власти (*). Пѣсни ихъ,
шакже и Минспрелей, были смягчены ду-
хомъ Христіанства, и не представляли уже
кровавыхъ каршинъ первоначальной Кельт-
ской Поэзіи, но были довольно воинствен-
ны, чтобы одушевить народъ всѣмъ жаромъ
мужества и любви къ отечеству.

(*) Г. Джонсъ отвергаетъ обще принятое мнѣніе,
что Эдуардъ I предалъ смерти всѣхъ Валлійскихъ
Бардовъ. Hist. Врескноск, vol. 1. chap. 8.

Дѣйствія Поэзіи и музыки на умы горныхъ Шотландцевъ (Highlanders) были замѣчены многими Писателями. „Не возможно вообразишь, говоришь Г-жа Мюррай, какое дѣйствіе Гальская музыка имѣешь на горныхъ Шотландцевъ; когда они гребутъ веслами, молотятъ, валяютъ сукна, или занимающа другими шрудными работами, по ихъ пѣвьямъ и пѣсни, кажется, придають силу всѣмъ мускуламъ ихъ шва (*).“ Звуки и понятія производятъ самое сильное впечатлѣніе на душу, когда они совершенно постигаются разумомъ и имѣють связь съ знакомыми обстоятельствомами или занимательными происшествіями; Поэзія же горныхъ Шотландцевъ принадлежитъ къ шакому роду.

Всѣ разумныя существа, кажется, подлежатъ силѣ сопряженія понятій, и отъ сего источникъ происшекаетъ дѣйствіе Поэзіи и музыки на страсти и склонности. Изображенія, которыя находятъ зеркало въ каждой душѣ, и чувствованія, обрѣтающія въ каждой груди отголосокъ, должны непременно произвестъ глубокое впечатлѣніе. Отъ такихъ изображеній и отъ такихъ

(* Mrs. Murray's Scotland, vol. 2. p. 365. Смотри также Mrs. Craint's Highland. vol. 2. p. 135.

чувствованій, соединенныхъ съ знакомыми и родными зрѣлищами, знаменитая пѣсня: *Renz de Vaches*, получила свое дѣйствіе на умы Швейцарскихъ солдатъ, находящихся въ иноспранной службѣ. Сіе пѣщическое произведеніе, хотя оно исполнено живыхъ и прогашельныхъ картинъ, не возбуждаетъ въ обитателей другой страны особеннаго душевнаго движенія (*emotion*); но дѣйствіа пѣсни на Швейцарскихъ солдатъ въ земляхъ иноспранныхъ, особенно на молодыхъ рекрутъ, шоль разительны, что передъ Французскою революціею запрещено было пѣть ее въ Швейцарскихъ полкахъ, служившихъ Франціи. Каждый разъ, когда пѣсколко молодыхъ солдатъ увеселялись пѣніемъ сей прогашельной пѣсни, замѣчаемо было, что непремѣннымъ послѣдствіемъ сего были или побѣги, или нѣкошорый родъ шоски по родимой сторонѣ. Сей родъ душевнаго недуга, кошорый Французы называють: *Maladie du pays*, часто не иначе можешь бышь исцѣляемъ, какъ дозволеніемъ юному воину еще насладиться взглагомъ на опечетшенную сторону и на мѣста, бывшія свидѣтелями юношеской его жизни. Сія знаменитая пѣснь, кошорая шоль длинна, что здѣсь нельзя помѣспитъ ее въ цѣлости, начинается слѣдующимъ образомъ:

Quand reverrai-je en quelque jour
 Tous les objets de mon amour?
 Nos clairs ruisseaux,
 Nos coteaux,
 Nos hameaux,
 Nos montaignes,
 Et l'ornement de nos montaignes
 La gentille Isabeau?
 A l'ombre d'un ormeau,
 Quand danserai-je au son du chalumeau, etc.

То есть:

Когда я увижу въ родной сторонѣ
 Опять всё предмешы, споль милые мнѣ?
 Наши долины шелковы;
 Наши ручьи и дубровы,
 Хвины наши и горы,
 Гдѣ, горь красота, Изабелла цвѣшетъ?
 Когда я съ подругой спыдливой
 Вышажусь плясать въ круговой хороводѣ,
 Подъ швнню вяза, при зеркалѣ водѣ,
 Подъ звуки свирѣли игривой? и пр.

Изъ сего образца чашашель ясно усмо-
 пришь главный характеръ сей умилишель-
 ной пѣсни, въ кошорой повсюду открыва-
 ющая шѣ же живописныя каршины и ша
 же сила романшическаго чувства. Но жи-
 шель другой спраны не легко пойметъ, съ
 какимъ могущесшвомъ поражаетъ она въ
 нѣкошорыхъ случаяхъ воображеніе Швей-
 царца.

Это, можешь быть, единственный пример, чтобы новейшая Поэзия могла производить столь сильные и чудные действия. Могущество ее, кажется, происходит от мистических свойств страны, к которой она относится, и от обстоятельств общественной жизни обитателей оной. Швейцария сходствует с горною частью Шотландии; но виды ее величественнее; многие из округов ее, огражденные со всех сторон ужасными горами, ревущими водопадами и всеми высокими явлениями природы, представляются как бы отдельными от прочего мира. От привычек обычаев домашней жизни, в сих уединенных пристанищах, жители получают особенные понятия и характер. Когда Швейцарский рекрут пересунает во Францию, то очаровательные картины родных долин исчезают от очей его, но остаются впечатанными в память и воображении и тесно сопрягаются с воспоминаниями семейственными. Ограничения, также и строгая подчиненность военного сословия, весьма отличны от простого и непринужденного образа жизни, проведенной им в юности, и заставляют его сильнее чувствовать удаление от общества. Посему песнь, представляющая картины,

списанныя съ явленій прежней его жизни, и исполненная родныхъ чувствованій, попрясаешь всѣ струны души его и производишь въ умъ его глубокое впечатлѣніе.

Народныя пѣсни составляютъ родъ Повзін, кошорый въ каждой странѣ имѣеть самое сильное и обширное дѣйствіе. Онѣ распространились между всеми сословіями народа: онѣ одушевляють мореходца на корабль, ремесленника въ мастерской его и поселянина, слѣдующаго за своимъ плугомъ. Пѣсни и баллады какой нибудь страны имѣють, вѣроятно, такое дѣйствіе на нравы и обычаи и даже на правила обитателей ея, какое только можешь имѣть постороннее обстоятельство. Каждый, кто имѣлъ случай, долженъ былъ замѣтить, сколь много безстыдныхъ и вакхическихъ пѣсней людей развратныхъ, способствующихъ поселенію охоты къ гнусному распутству, и сколь сильно священные гимны возбуждають душу къ благоговѣнію. Не болѣе, какъ за полстолѣтія предъ симъ, народныя пѣсни: *The Highland Laddie*, (Шотландская барыня), *Over the Water to Chailey* (Черезъ воду къ Карлу) и другія, столь же возмущительныя, содѣйствовали къ подкрѣпленію духа Якобинскаго скопища, кошораго безумные поборники мечтали низринуть самую благодѣтельную

изъ всѣхъ династій, царствовавшихъ надъ Англіею, и возспамовишь на престолъ докъ, бывшій всегда враждебнымъ правамъ Англійскаго народа. Вѣрнопопдадническія и патріотическія сочиненія God save the King (Боже, спаси Царя), Rule Britannia (Управли Британніею), и проч. свидѣтельствуютъ и возбуждаютъ привязанность Британцевъ къ своему Монарху и Опечеству. Марсельскій гимнъ и одушевленная пѣсня Ça ira, съ другими республиканскими аріями и пѣснями, содѣйствовали къ воспламененію народа мятежной (revolutionary) Франціи на всякое дерзновенное предпріятіе и всякое злодѣштво (*).

Драматическая Поэзія, хошя и менѣе распространенная, нежели народныя баллады, имѣетъ сильное дѣйствіе на значительную часть общества. Театральныя представленія, получающія въ какой-либо странѣ величайшую народность, не только служатъ довольно вѣрнымъ признакомъ народнаго вкуса, но способствуютъ также къ образованію народнаго характера. Во

(*) Занимательно было бы и не бесполезно перечислять собраніе пѣсень, бывшихъ во всеобщемъ употребленіи у различныхъ народовъ въ продолженіе послѣднихъ потрясеній.

Франціи, передъ началомъ революціи; драматическія сочиненія мѣли, по большей части, свойство враждебное Монархіи; и изсшупленное рукоплесканіе, возбуждаемое республиканскими характерами Греціи и Рима, показывало соспояніе общественнаго духа. Въ продолженіе республиканскаго періода, сцена находилась совершенно подъ распоряженіемъ Правительства; и многочисленныя театры Парижскіе служили къ одушевленію собиравшихся тамъ зрителей чувствами вѣчной непріязни къ Королямъ. Императорская власть Наполеона произвела другую перемѣну; и всѣ предметы республиканскаго свойства были изгнаны со сцены. Всякая перемѣна въ Правительствѣ Франціи, была непосредственно предшесшвуема или послѣдуема соопвѣшшсшвующимъ оной измѣненіемъ въ драмѣ.

Поззія производить самое сильное впечатлѣніе, когда бываетъ сопровождаема музыкою. Сія послѣдняя доставляла ей новую силу возбуждать душу къ возвышеннѣйшимъ ощущеніямъ. Лирическія произведенія Грековъ, кромѣ возвышенности и красоты ихъ, которыми они поражали душу и плѣняли сердце, пользовались еще содѣйствіемъ музыки (musical accompaniments), удивительно приспособленной къ усиленію одушевленія,

ими воспламененнаго. И они обыкновенно раздавались среди торжественныхъ празднествъ и общественныхъ увеселеній, гдѣ блескъ, шумъ и величіе зрѣлища способствовали къ возбужденію самыхъ сильныхъ чувствованій патриотизма.

Могущество звуковъ извѣстно между всеми народами, какъ дикими, такъ и образованными. Способъ дѣйствія ихъ есть таинственная задача въ Физикѣ; но впечатлѣніе, ими производимое, дослѣдочно извѣстно и сильно ощущается; очевидно, что природа соединяетъ съ ними извѣстные душевныя движенія (emotions), которыми возбуждаются или утѣшаются всѣ спраски души. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ простиыя звуки производятъ столь же сильное дѣйствіе, какъ и самыя обработанныя сочиненія. Дикіе Американцы возбуждаются къ сраженію и убійству воинскимъ крикомъ, такъ какъ древніе Кельты и Скандинавы были къ тому воспламеняемы бранными пѣснями своихъ Бардовъ и Скальдовъ. Ошъ сего-шо происходитъ, что всѣ образованные народы имѣютъ военную музыку, столь одушевляющую солдата, между пѣмъ, какъ дикія племена замѣняютъ спрашными волями недослѣпокъ музыкальныхъ орудій и искусствва.

Между просвѣщенными и образованными народами, Поэзія и всякаго рода Словесность производящъ могущественное, но вообще благошворное дѣйствіе. Словесность, кромѣ того, что передаетъ попомощву знаменитыя имена и благородныя дѣянія, служащъ еще хранилищемъ искусствъ и наукъ, распространяетъ ихъ до безпредѣльности и облегчаетъ постоянное ихъ усовершенствованіе, собирая и увѣковѣчивая опшкрывшя и опшшность нѣсколькихъ поколѣній.

Словесность, подѣ руководствомъ генія, просшираетъ свое дѣйствіе по всему одушевленному міру. „Сколь невѣроятно,“ говоритъ Юнгъ, „могущество великихъ дарованій! Сколь многія женщины, прелестныя, какъ Лаура, были любимы споль же нѣжно; но, не имѣя Петрарки къ прославленію нѣжнаго чувства, жили и умерли въ забвеніи, между тѣмъ, какъ штысячи людей, одушевленные строками его, необреченными смерши, и чувствованіями, копорыя шокмо геній возбудишь можеть, смѣшивающъ мысленно свои помные вздохи со вздохами Поэша, посвятившаго оспашки сіи безсмершю.“ (*) Тотъ же писатель, говоря о Во-

---

(*) A. Young's Travels in France, jour. August 29, 1788.

кляузскомъ ишочникъ и о развалинъ, кошорую прошой народъ называетъ le Château de Petrarque (ш. е. Пешраркинъ замокъ), дѣлаешь основательное и показывающее вкусъ замѣчаніе объ очарованіи, сообщаемомъ словесными дарованіями неодушевленными предметамъ. „Зрѣлище,“ говоришь онъ, „величественно; но его дѣлаешь истинно занимательнымъ знаменіемъ, сообщенная ему великими дарованіями. Очарованіе скалъ, воды и горъ, въ ихъ разительнѣйшихъ чертахъ, оспанавливая вниманіе и наполняя сердце прогательными ощущеніями, не протискаешь ошь неодушевленной природы. Чшобы сообщить силу такимъ ощущеніямъ, она должна получить одушевленіе ошь шворческаго прикосновенія живительной мечшы. Описанная Поэтомъ, или соединенная съ пребываніемъ, дѣяніями, спрасшями или занятіями великаго генія, она оживаетъ, какъ бы олицетворенная дарованіями, и пріобрѣтаетъ занимательность, кошорая дышетъ во всѣхъ мѣстахъ, посвященныхъ сла-
вѣ (*).“

Геній и дарованія часто пребують живительнаго пособія ошь изобилія и могущества, особенно на зарѣ своего появленія,

---

(*) Young's Travels, ibid.

въ вѣкахъ несовершенно просвѣщенныхъ и въ странахъ, гдѣ обществѣнный вкусъ не сподобъ образованъ, чшобы могъ дославимъ имъ сильное покровительство и возбудишь соревнованіе. „Сколь много Машемашиковъ и людей, ошличныхъ во всѣхъ опраслашь познаній,“ говоришь одинъ знаменишый Писатель, „произвела Франція съ шѣхъ поръ, какъ начали шамъ ободрять и цѣнишь знанія. Множество людей и въ другихъ странахъ возбудилось бы къ досниженію знаній при обстоятельстввахъ, равно благопріятныхъ (*).“ Цицеронъ шакже замѣчаешь, что „чесшь пишаешь искушва, и что любовь къ славъ ешь сильное побужденіе къ занятіямъ Словесношю (**).“ Усовершенствованіе Словесноши и Искусшвъ долженшвуешь бышь однимъ изъ главнѣйшихъ попеченій всякаго Правительшва и народа. Два гениа сосшавляюшь обильнѣйшій источникъ народной славы, нежели самыа блистательныа шоржешва побѣдныа. Творенія ума переходяшь изъ вѣка въ вѣкъ съ незашивающимся блескомъ. Аѣсны были менѣе богашы, нежели Кароагемъ, менѣе воин-

(*) Kirwan's essay on Human Happiness, p. 187.

(**) *Honos alit artes omnesque incenduntur ad Studia gloriâ. Cicero Tusc. Quæst. I.*

сшвенны, нежели Спарша; но Аенны были нбаромъ Словесности и Искусствъ, и пошюму приобрьли знаменитость въ позднемъ потомствѣ.

Правишельство не можешь создашь генія; но можешь споспѣшествовашь развишю его и поощряшь его къ двяшельности. Въ Англіи познанія всякаго рода были уважаемы при дворахъ Елисаветы и преемника ея Іакова I, и были ободряемы какъ покровишельствомъ, такъ и примвромъ сяхъ Государей. Слѣдствія сего ободренія были довольню ошунительны. Въ продолженіе крашкатаго періода семидесяти лѣтъ, прошекшихъ ошъ средины Елисаветина царствованія до возсшановленія (*) (restoration), славились многіе изъ величайшихъ мужей; какихъ когда-либо произвела Англія. Шекспиръ, Баконъ, Спенсеръ, Сидней, Гукеръ, Тайлоръ, Наньеръ, Мильшонъ, Кудворць и многіе другіе сущъ имена, которыя принесли бы честь каждому вѣку и народу. Однако сін Писатели ошличались болѣе образцовымъ геніемъ, глубокими и блестящими мыслями, силою выраженія, основательною ученостью, нежели правильностью и красошю слога.

(*) Т. е. до возведенія на Англійскій престоль Карла II. *Прим. Перев.*

Возстановленіе ввело: новый вкус въ Словесность и слогъ болѣе обработанный и классическій. Карлъ II былъ Государь, вмѣстѣ съ познаніями соединявшій природный гений и изящный вкусъ. Онъ и приближенные его, во время продолжительнаго своего изгнанія, приобрѣли на швердой землѣ, и особенно при дворѣ Французскомъ, правильность слога; совершенно оплячкую опъ небрежнаго роскошества, обнаруживаемаго Англійскими Писателями того вѣка. Знаменитѣе Писатели, покровительствуемые Лудовикомъ XIV, поселяли въ Англійскихъ духъ соревнованія; и слогъ, введенный при возстановленіи, будучи усовершенъ Драйденомъ, Попомъ, Аддисономъ и другими, которые были увлечены первымъ побужденіемъ, заставляешь почищать осьмнадцатое столѣтіе Августовымъ вѣкомъ Бришанской Словесности. Успѣхи наукъ шли наравнѣ съ успѣхами Словесности. Галлей, Фламстидъ и другіе сдѣлали важныя открытія въ Астрономіи; и великій Исаакъ Ньютономъ, утвердивъ теоріи притяженія и тяготѣнія, также свѣта и цвѣтновъ, превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ Естественной Философіи.

Словесность и Искусства суть источники непоколебимой славы народа. Чесно-

любивый полищик можешь мечташь, что блескъ безсмерціа будешь окружашь ния его; но, по испеченіи немногихъ лѣтъ, предначершанія его и самъ онъ погребушся во прахъ. Вскорѣ послѣ смерти Александра, Государство его раздѣлилось; но зданіе, основанное Аристоцелемъ, существовало почти двадцашь сподвѣтъ; и до пробужденія Наукъ, онъ былъ Дикшапоромъ умовъ въ Европѣ. Медицисы Флореншинскіе снискали болѣе знаменитости отъ участія, которое принимали они въ споспѣшествованіи успѣхамъ Словесности и Искусствъ, нежели отъ несмѣшнаго богатства, ния пріобрѣшеннаго; и имя Льва X прославилось наиболѣе покровительствомъ, которе онъ всегда оказывалъ генію. Ободреніе и пособіе, которыя Лудовикъ XIV доставлялъ познаніямъ, съ издержкою немногихъ только тысячъ, проляли несравненно болѣе блеска на его память и на Французскій народъ, нежели всѣ военныя его предпріятія, сповншія ему въ десятихъ крашъ сполько же миллионъ. Его опустошительныя войны испощили пособія его опечества и навлекли на него досшойное проклятіе Европы; но покровительствво, оказанное нмъ Словесности, покрыло ния его сіяніемъ славы, котораго никакая шуча зависти не можешь помра-

чтшь, никакая сила забвенія никогда погасить не можешь. Дѣйствіе Словесности, Наукъ и Искусствъ на славу Государей, на характеръ и обшьятельство народовъ, и на общее благо рода человѣческаго, столь обширно и могущественно, что исчислить его не возможно. По всей справедливости, оно должно быть признано одною изъ главнѣйшихъ дѣйствующихъ силъ (agents) въ образованіи людей: высшая степень умственной усовершенія — вошь причина политическаго превосходства, которымъ обладаетъ Европа надъ прочими частями земнаго шара.

Съ Англ. Ф. Созоновичь.

II.

ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИЗЪВРАЖЕНІЕ САНСКРИТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Изъ книгъ: *Monuments littéraires de l'Inde, ou mélanges de littérature Sanscrite, par A. Langlois. Paris. 1827.*)

Около полувѣка тому назадъ, Писатель знаменитый въ своихъ сочиненіяхъ, не только не Философическихъ, но и полныхъ без-

вѣрїя, вразумишь Европу о существованїи книгъ древнихъ Браминовъ. Съ изумленїемъ свѣдала она, что памятники письменные уцѣлѣли отъ разрушительности вѣковъ, и что языкъ, мертвый съ давнихъ временъ, еще жилъ въ творенїяхъ, сохраненныхъ набожностїю ученыхъ Индійцевъ. Тогда нѣкоторые хопѣли отыскать неизвѣстное дошодъ ученїе ихъ вѣры — и открыли цѣлую Липерашуру. — Ее возвѣстили свѣшу мисіонеры; открыли ее купцы-властелины Индіи. Уже Джонсы и Вилькинсы изумили современниковъ своихъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ и рѣдкою проницательностїю, обнаруженною ими въ своихъ переводахъ; и удивительными повѣстями, которыми они рассказывали о народахъ незнаемыхъ, въ шипинѣ безмолвія изъ вѣка въ вѣкъ передававшихъ пошомкамъ своимъ писанїя первыхъ своихъ законодательей; изящныя творенїя своихъ Поэшовъ и возвышенныя мечшанїя своихъ Философовъ (*). Но вдругъ опорванные отъ Липерашурныхъ заняшїй смушами гражданскими, Французы были отвлечены отъ созерцанїя временъ древнихъ — настоящимъ

(*) Въ сіе время уже существовали въ переводахъ Джонсовомъ: Законы Мани и Драма *Sacuntalá*; и въ Вилькинсовомъ *Bhagavad-Gita*.

зрѣлищемъ собщвенныхъ бѣдъ, и когда вы-
свободясь изъ яростной бури подишической,
они могли бы и сами слѣдовашъ за вели-
кимъ сильнымъ движеніемъ, сообщеннымъ
наукъ — тогда силою пѣхъ непоспиджи-
мыхъ событій, конхъ память сохранился
въ лѣтописяхъ нашихъ, — они были при-
гвождены, прикованы къ предѣламъ Европы,
кошорую проходили съ шоржествомъ побѣ-
дителей, но какъ бы будучи осуждены ос-
тававшись чуждыми пѣмъ завоеваніямъ Ли-
шерашурнымъ, кошорыя въ другихъ обла-
стяхъ безъ нихъ совершались.

Между пѣмъ, одинъ изъ мужей ученыхъ
Франціи, одаренный опъ природы проница-
тельностію чрезвычайною, шервнїемъ уди-
вительнымъ; симъ чувствомъ шонкимъ и
нѣжнымъ, кошорое ощущаешь шрудности и
ихъ разрѣшаешь; симъ инстинктомъ несоцѣ-
неннымъ, кошорый угадываетъ шайныя дѣй-
ствія мысли въ механизмъ языковъ, сей
ученый въ шининѣ окружалъ себя всѣми не-
полными пособіями, какія Франція могла
доставишь ему. Какъ будшо предопредѣлен-
ный основашъ у насъ изученіе Словесности
Санскритской, Г. Шези продолжалъ свои
удиненные шруды; и когда возвращеніе за-
конныхъ поведителей нашихъ, наконецъ намъ
снова раскрыло міръ, дошодъ намъ неизвѣ-

спный, тогда онъ явился на славномъ поприщѣ (*) достойный сосязатель съ Карейями, Кольбруками, Вильсонами, Гамильтонами, кошорме вмѣстѣ съ Джонсомъ и Вилькинсомъ, благородно поддерживали сей ученый шрудъ.

Но чѣмъ опличается эша Литерашура, древняя, но являющаяся намъ юною, по своей новоспи и неизвѣспноспи? Намъреніе мое пеперь: изслѣдовать, что она шакое еспь, что она произвела; въ какую эпоху она по видимому процвѣшала: при задачи, по моему мнѣнію заслуживающія нѣкошорыи внимашельноспи; и я почишаю бесполезнымъ предупреждашь чишателя, что несправедливо было бы судишь объ Индійцахъ, по вкусу нашего вѣка, по привычкамъ нашей школы, по шребованіямъ нашей образованоспи.

Литерашура, какъ было уже сказано, еспь выраженіе общесшва. Дабы узнашь характеръ Санскришской Литерашуры, разсмошримъ характеръ Индійца. Вопросишь нравы и обычаи сего народа, никогда неиз-

---

(*) Ученыя Записки (Mémoires) Кольбрука во многомъ служили мнѣ при составленіи сего сочиненія. Они помѣщены въ Asiatic Researches.

иѣняшагося: они покажутъ намъ, каковы должны бытъ духъ его Писателей.

Представте себѣ Индїйца кропкаго и пихаго оиъ природы; миролюбиваго и умьреннаго въ правилахъ; покорнаго своимъ законамъ, Индїйца, кошорый правила полиптики почитаетъ предписанїями своей вѣры; кошорый не сполько учаснникомъ, сколько хладнокровнымъ зрителемъ присуществуешъ при великихъ Государственныхъ переворотахъ: не измѣняя его нравовъ, перевороты сіи проносятся надъ націею всегда неизмѣнною, какъ благословенная земля, ее питающая, какъ живописорное солнце, ее освѣщающее. Такимъ образомъ отдѣленный оиъ міра своими обычаями и богослуженїемъ, поставленный въ движенїи всеобщей гражданственности и образованности; чуждый и шѣмъ успѣхамъ, и шому упадку нравовъ, кошорые именуютъ духомъ вѣка — Индїецъ живешъ полько самъ съ собою. Удаленный оиъ развлеченїй политическихъ, шѣсно заключенный въ границахъ своей касы, слѣпо подчиненный законами гражданскими и религиозными ярму, кошорое, кажется, должно подавлять разумъ; онъ, не смотря на шо, не лишенъ шѣхъ спрасшей пылкихъ, шого пламеннаго воображенїя, шой безпрерывно возрождающейся пошребности новыхъ ощу-

щений, кошорыя соспавляють неизмѣнное достояніе чѣловѣческой природы. Окруженный всѣми очаровашельносціями калмаша, всѣми оболъспшительными призраками языческаго веселаго богослуженія; разгоряченный образами Мѣтеологіи спрасшной, онъ не можешъ избѣгнушь любви. Онъ спарашешъ волненіями сердечными разрушишь однообразіе жизни всегда ровной и одинаковой, или же, находя для способностей чѣловѣческой воли упражненіе благороднѣйшее, поспавляешъ свое услажденіе въ преодоленіи спрасшей, въ порабощеніи природы немовѣрною суровосцію жизни, и въ погруженіи души, воспоржешествовавшей такимъ образомъ надъ шѣломъ, въ созерцаніе испшии Философическихъ.

Впрочемъ безразсудныя заблужденія юности или пламенность строгой набожности не всѣ умы занимають собою. Веселыя пиршества, пріятныя зрѣлища, пѣсни пошовой чарують досуги народа, счастливаго въ своей беззабошности; но эти удовольствія всегда облечены въ покровъ языческой религіи. Пиршества суть только довершеніе жертвоприношеній. Благословеніе Брамина начинаешъ зрѣлище, въ кошоромъ дѣйствующи жрицы боговъ; и повѣствованіе Поэты, рассказывающаго событія спаринны, заглаж-

даешь пресшупленія его благочеспивыхъ слушашелей. Таковы обыкновенія, шакость вообще характеръ Индійцевъ: сшасшливое смѣшеніе милой беззаботности и поспоянства, силы и преданности; прелести ума и важности нравовъ; сшранности и прощоты; рвенія къ истинѣ, и любви къ баснямъ и вымысламъ. Таковъ былъ эшотъ народъ, славный своими искусствами и науками, и которыи никогда не славился между народами-завоевашелями.

Эшотъ характеръ долженъ былъ напечатлать на его Литературъ. Чшо касаетсѣ до идей, шот легко понять, чшо въ Индіи поле, предоставляемое для дѣятельности ума, не можешь быть весьма обширно; и дѣйствительно религіозное вліяніе Брахмановъ превратило всю Поззію въ одни почти рассказы о жизни боговъ и чествуемыхъ героевъ; нравоченіе превратило въ правило сшрогой жизни, а науку Философическую въ изсшупленіе. Въ формахъ слога замѣшно шот же сліяніе: сладость и благозвучіе въ изложеніи, однообразіе въ идеяхъ; обиліе, перерождающееся иногда въ зашутанность; воображеніе богатое и расточительное въ своихъ вымыслахъ; но въ подробностяхъ не разнообразное; изобрѣшенія необыкновенныя, выраженія всегда правильныя и вѣрныя; си-

да въ чувствованіяхъ, глубокость въ мысляхъ, извѣженность и даже небрежность въ словосочиненіи, — шаковы должны бытъ у этого покореннаго и отдѣленнаго народа качества слога, вообще проспаго и естествовеннаго; но большею частію просподошнаго, иногда величественнаго, рѣдко порывистаго и сильнаго. Часто даже странность ихъ изобрѣшеній составляетъ удивительную прошивоположность съ образомъ ихъ существованія. Можно сказать, что Писатели Индійскіе, какъ бы пробудившіеся опъ долгаго сна, описали еспранныя свои сновидѣнія.

Не должно удивляться, если между отвлеченностями Метафизическими ихъ Философовъ и произведеніями ихъ Поэтовъ находишь великій промежутокъ, въ кошоромъ напрасно мы спали бы искать швореній важныхъ, шѣсно сопряженныхъ съ полншикою; если въ этой Литературѣ, Исторія и краснорѣчіе, нѣкоторымъ образомъ, лишены своего наслѣдія. Для Историка потребно зрѣлище великое; для Вишіи нужно ораторское мѣсто, *forum*; безъ этого не могутъ бытъ Историки и Философы, а развѣ только составители лѣтописей и временниковъ; только умные правоучители или риторы. Не взирая на недосташокъ сего рода сочи-

неній, письмена Индійскія не менше того богаты Писателями полезными и замѣчательными. У сихъ удивительныхъ Липерашоровъ ихъ, религія есть единственная мысль; Поэзія почти всегда ихъ языкъ; и это менше поразительно у націи, которая все облекаетъ въ стихи, начиная отъ выкладокъ Астронома до сухихъ наставленій Грамматиковъ и до словоисчисленій Лексикографовъ.

Но какого рода прелесть въ состояніи привлечь насъ къ изученію сихъ Писателей? Почерпнемъ ли мы въ нихъ какія нибудь новыя знанія, и по крайней мѣрѣ труды наши вознаграждаются ли какимъ нибудь наслажденіемъ умственнымъ?

Людамъ, ищущимъ фактовъ точныхъ и жаждущимъ извѣстій положительныхъ, для которыхъ открытіе вѣрнаго числа какого нибудь происшествія или имени историческаго есть счастливая находка; имъ я откровенно признаюсь, что починаю весьма сомнительнымъ, чтобы здѣсь успѣлія ихъ были увеличаны успѣхомъ; хотя и согласенъ, что подъ облаченіемъ басней и аллегорій, можно бы отыскать истину, но она всегда будетъ шашкою и нешвердою. Между тѣмъ, съ другой стороны изученіе языка обильнаго, благозвучнаго, ученаго, представляюща-

го разительныя соотвѣшвенности съ нашими Европейскими языками, древними и новѣйшими, — общаешь истинныя удовольствія шѣмъ, копорые любяшь изучаешь народы въ самомъ ихъ языкѣ, копорые умношь цѣнишь выраженіе правильное, образъ невинный и просмый, мысль прелестную; шѣмъ, копорые ищущъ сладостныхъ ощущеній въ вѣрныхъ изображеніяхъ нравовъ и спрасшей; шѣмъ, копорые не брезгають блуждають въ темныхъ мечпаніяхъ Философіи, по ихъ мнѣнію возвышенной. Пожалуй, я соглашусь, что эта Липература, можешь показаться слабою, когда сравниваешь ее съ Липературою Греческою и Латинскою, съ нѣкопорыми изъ нашихъ новѣйшихъ Липературъ, возрожденныхъ знакомствомъ съ писателями Греческими и Римскими. Но сія сила, недостающая народу, копорый всему, кажешся, научился самъ собою, можешь бышь плодомъ взаимнаго сообщенія націй, плодомъ того умшвеннаго ссшззанія, копорое возникаетъ между націями, вступающими въ соперничество на благородномъ поприщѣ искусствъ. Ободраемый иногда перкровишельствомъ своихъ Государей, Писатель Индійскій никогда не знавалъ возбужденія спрасшей политическихъ. Но за шо другія качества ушѣщають насъ въ недо-

снискать силы и швердосши, копорыхъ имѣнь ему не возможно было. Сколькo живописи въ описаніяхъ! Сколькo прелести въ мысли! Какія счастливыя выраженія въ сихъ звучныхъ фразахъ, гдѣ одно слово, искусно сошпавленное, являетъ полную картину. Съ какимъ удовольствіемъ обрѣшаемъ мы въ повѣствованіяхъ древнихъ Поэтовъ шѣ же самыя подробности домашнихъ нравовъ, шѣ же явленія частной жизни, копорыя и нынѣ намъ изображаются новѣйшими путешественниками! Для вѣка, жаждущаго пріятныхъ новостей, какое счастливое открытіе должна предшпавлять Миеологія веселая, остроумная, не столь сумрачная, какъ Миеологія Сѣвера, копорыя однакоже также привлекають наше дѣшельное любопытство. Какая свѣжесть, какая очаровательность въ сихъ разнообразныхъ метафорахъ; въ сихъ сравненіяхъ, заимствованныхъ ошъ природы, намъ совершенно чуждой, ошъ круга идей, намъ мало знакомыхъ, ошъ міра, вовсе намъ неизвѣснаго!

Впрочемъ надлежитъ замѣнить, что шущь новыя шолько формы рѣченій, копорыя повсюду измѣняются обстоятельствоми природы и общества. Въ самыхъ мысляхъ, копорыя постоянно одинаковы во всѣхъ климатахъ, во всѣ времена, ничто

не измѣнялось, всегда видимъ мы того же чловѣка, съ его чувствованіями, съ его спраспями, съ его заблужденіями. Какъ въ мѣрѣ физическомъ шло всегда оспашеся одно и шоже, между шѣмъ, какъ одно одѣніе можешъ перемѣнящся: такъ въ мѣрѣ умшвенномъ измѣчиво одно выраженіе, кошорое естъ облаченіе мысли, мысль же, какъ и самъ чловѣкъ во внушреней его прирдѣ, всегда пошоянна. Но это еще не все: пошавленные на обоихъ прогнвоположноспяхъ земнаго шара люди, вшпрѣшались не шолько въ ошношеніи къ истинѣ, кошорая едина, — но и въ ошношеніи къ заблужденіямъ, кошорыя являющся въ сподѣ безчсленныхъ формахъ. Какимъ образомъ шѣ же самыя мечшанія Мешафизическія, шѣ же злоупошребленія могущешвенныхъ способноспей воображенія и мышленія; почему шѣ же ошибочныя уклоненія ума Философическаго, кошорыя изумляющъ насъ на Западѣ, — вшпрѣчающся и на Востоку? — Съ другой спороны, взирая на успѣхи, сдѣланныя мышленіемъ въ Индіи въ вѣкахъ, весьма ошдаленныхъ, и на спешень нами нынѣ еще занимаемую, — мы успыжаемся безсмлія чловѣческаго ума; намъ невѣришся безкочечное совершешшвованіе чловѣка, и мы принуждены признашъ, что его умшвенныя

способности ограничены, какъ и способности телесныя. Всюду одаривъ его одинакими органами, Творецъ всюду ограничиваетъ его одинакимъ кругомъ идей. Кажется, будто онъ рекъ ему: иное мышленіе простирается только досель. — Въ то самое мгновеніе, когда человекъ возмнитъ, что перешагнешь предѣлы, ему предписанныя, и силою души своей разорветъ всѣ завѣсы, насмѣяешь событіе великое: пошопъ, наводненіе дикихъ племенъ; твореніе ума уничтожается и человекъ, на новыхъ основаніяхъ, снова воздвигнешь другое зданіе, совершенно прежнему подобное.

Теперь мы приступимъ къ изображенію богатствъ Санскритской Липерашуры. Это есть рудникъ, безъ сомнѣнія, обильный, но который еще мало разрабошанъ. Если нѣкоторые ученые, какъ напр. Джонсъ, Вилькинсъ, Кольбрукъ, Вильсонъ не хотѣли заниматься переводами, которые требуютъ почти цѣлой человеческой жизни; но другіе непрерывно старались изобрѣшашь системы всякаго рода, не предшавляя на судъ читателей всѣхъ документовъ, служащихъ въ ихъ защиту. Есть довольно долгія исчисления Санскритскихъ сочиненій; но досель мы дѣйствительно знаемъ только малое число оныхъ. Однако же можно предша-

вишь обзоръ сей Литературы, который покажешь и сокровища уже открытыя, и шъ, кои открыты еще можно надѣяться.

Оставляя раздѣленія на роды, предлагаемыя нашими курсами Литературы, я буду слѣдовать ходу и расположенію идей самихъ Индійцевъ. Такимъ образомъ мнѣ будетъ возможно упоминашь и о такихъ твореніяхъ, которыя не могли бы имѣть мѣста въ нашей классификаціи.

Все, чему мы можемъ научиться, наука (*vidyā*) дѣлился Индійцами на восемнадцать частей. Четыре первыя, суть четыре *veda* (1) творенія весьма древнія, почитаемыя ошъ нихъ откровенными, и заключающія въ себя ученія о Естественнѣмъ Божіемъ и о служеніи внѣшнемъ и внутреннемъ, коиъ человекъ ему обязанъ. Онѣ составляютъ смѣшеніе стиховъ и прозы. Досель нашъ извѣстны только отрывки оныхъ; и ими мы обязаны учености Кольбука (2) и рвенію Брахмана Раммохундрю (*Rāmānandana rājā*). Нѣсколько оныхъ разсѣяны также въ книгахъ называемыхъ *Upanishad*, и переведен-

---

(1) Слово *veda*, означаетъ *познаніе*, и въ селъ словъ, можно замѣшшь корень Латинскаго слова *videre*, и даже Русскаго *видѣть*.

(2) См. 7 и 8 томъ *Asiat. Research*.

ныхъ Анкепилемъ подѣ именемъ *Upekhat*. Но кажется, что Ezur-Vedam, которое выдаютъ намъ за переводъ *Yadjur-Veda*, есть швореніе совершенно сомнительное (3).

За сими чешырьма часями, савдуюшъ чешыре другихъ, именуемыхъ *Uraveda* (4); въ коихъ заключающа: въ первой, искусство познавать и лѣчить болѣзни; во второй, правила музыки; въ третьей, образъ приговора и употребленія воинскихъ оружій и снарядовъ и въ четвертой, сужденія о довольно значительномъ числѣ искусствъ и ремеслъ. Книги сіи, говорятъ, утрачены; но мы не менѣ того будемъ удивляться этому раздѣленію, въ которомъ ученіе въры непосредственно предшествовало у Индійцевъ наукамъ, наславляющимъ въ средствахъ сохранять, украшать, защищать и поддерживать жизнь.

Но чтобы бытъ посвященнымъ въ таинства сихъ восьми вѣдъ науки, надлежало обогащаться напередъ нѣкоторыми познаніями, приобретаемыми въ шести другихъ, называемыхъ *Anga* (5) или *Vedānga*,

---

(3) См. 14 томъ *As. Re.*

(4) Это слово *Ura*, прибавленное къ слову *veda*, означаетъ присоединеніе, прибавленіе.

(5) *Anga* значить членъ; *Vedānga*, членъ ведъ, дополняющій весь составъ, все цѣлое ведъ.

и которыя научали искусству произношенія, Грамматикъ, просодіи, шлокованію словъ шемныхъ и необыкновенныхъ въ *Véda*; Астрономіи, необходимо связанной съ Математикою; наконецъ обрядамъ, какія должно наблюдать при священныхъ шоржествахъ. Изъ сихъ швореній извѣстны: просодія, коей сочинитель есть *Pingala*, и Грамматика, коей шворецъ *Pânini*. — Чрезвычайно замѣчательныя по отношенію къ крапкой, сложной учености, въ нихъ находящейся, онѣ для ясности и пониженности шребующъ пособія многочисленныхъ комментаторовъ, испышывавшихъ надъ ними свою проникаемость. Писаны онѣ стихами, какъ и разсужденіе объ Астрономіи, которое называешся *Sûryya*. Долгъ Повзін былъ бошественнымъ языкомъ своимъ описатьъ чудеса небснаго свода. Въ семь родѣ есть еще нѣсколько и другихъ славящихся швореній; но между ними, въ отношеніи къ наукѣ и слогу, преимущественно ошлмчается сочиненіе, называемое *Lelâvati*, принадлежащее *Bhâscaraçhârûya*, ученому XII или XIII вѣка, который равно знаменитъ, и какъ Поэтъ и какъ Астрономъ.

Четыре послѣднія части, именуемыя *Uránga*, и содержащія въ себѣ Логіку, нравственную Философію, Юриспруденцію и

Исторію, довершали цѣлость всего соспава Науки.

Логика (*nyāya*) и нравственная Философія (*mīmāṃsā*), были поприщемъ слишкомъ тѣснымъ для созерцательнаго духа Индійцевъ. У нихъ, какъ у Грековъ, въ началѣ являющіяся семь мудрецовъ знаменитыхъ; за ними слѣдуетъ рядъ мужей, коихъ имена и шворенія, называемыя *Smṛiti* (6), сохранены въ шакъ называемыхъ священныя ихъ книгахъ; послѣ того, постепенно образовались семь философскихъ школъ, подъ общимъ именемъ *Darsana* (7). Древнѣйшимъ начальникомъ секпы, именующъ мудреца *Capila*; онъ основалъ *Sāṅkhya*, или Философію числъ; и *Pātandjali* систему *Yoga*, или соединеніе съ богомъ, которая по его имени названа *Pātandjala*. Другія два ученія были созданы двумя мудрецами *Gotama* и *Canāda* на осно-

---

(6) *Smṛiti* для Индійцевъ есть то, что мы разумемъ подъ словомъ *преданіе*, *Srouti*, что мы означаемъ словомъ *Св. Писаніе*.

(7) Впрочемъ неизвѣстно, какая самая древняя изъ оныхъ *Darsana*. Ихъ располагали шакте въ слѣдующемъ порядкѣ: *Vêsechica*, *Nyāya*, *Mīmāṃsa*, *Sāṅkhya*, *Pātandjala* и *Vedānta*.

Слово *darsana* значить *видѣ*, *видѣніе*, или *зеркало*.

ваніяхъ Логикѣ; одно называлось *Nyáya*, другое *Vésechica* (8). Эша въшвъ Философіи произвела шакже двѣ школы, которыя отличались другъ ошъ друга наименованіемъ первой и послѣдней или высшей, и которыя учреждены, одна: мудрымъ *Djémini*, а другая *Vyása*, насшавникомъ перваго, смель же великимъ Философомъ, какъ и славнымъ Поэтомъ; первая служишь какъ бы введеніемъ ко второй, кошорая шакже называется *Vedánta* (9).

Нѣкошорые хошвли сравнивать сіи различныя секшы, съ секшами, нѣкогда существовавшими въ Греціи. Въ приверженцахъ ученія *Nyáya* находили Перипатетиковъ, въ приверженцахъ *Vésechica* — Философовъ Іонійскихъ; послѣдователемъ обѣихъ школъ *Mímánsa* напоминали школу Платонову, *Sánkhya* — секшу Италійскую, а *Yoga* — Стоиковъ; шакимъ образомъ въ эшомъ сравненіи *Gotama* предшавлялъ бы Аристотелемъ; *Canáda* — Фалеса; *Djémini* — Сократомъ;

---

(8) *Vésechica* происходишь ошъ слова, значащаго *разлѣчїе*. Одни говорятъ, что эша система названа симъ именемъ, по причинѣ разности ея ошъ *Nyáya*; другіе, пошому, что основатель оной *Canáda* признавалъ чешыре рода *отдѣльныхъ* ашомовъ.

(9) *Vedánta* значишь *конецъ, цѣль вѣды*.

Vyāsa — Платона; *Capila* — Пифагора; а *Pātandjali* — Зенона. — Я сомнѣваюсь, чтобы сравненіе всегда было самое строгое; при томъ же довольно трудно различать ошибки, коими разнялся другъ отъ друга шесть *Darsana*. Обыкновенными предметами ихъ Философическихъ разсужденій суть: вѣчность вещества, дѣйствіе первой причины, существованіе Бога, почитаемого отъ нихъ душою вселенной; ученіе объ ашумахъ; созданіе міра; ученіе о судьбѣ; переселеніе существъ; перевороты созданной природы; такъ называемое всепоглощеніе въ Бога, который, по ихъ понятію, есть великая всецѣлость. — Но сіи великіе вопросы разсматриваются только въ многочисленныхъ комментаріяхъ (*Upadarsana*), изданныхъ приверженцами древнихъ Философовъ (10); и дабы дать понятіе о Наукѣ сихъ первыхъ наставниковъ, говорили: что они соединяютъ болѣе тысячи учениковъ. Объ ученіи ихъ нельзя судить по ихъ собственнымъ сочиненіямъ, которыя суть не иное что, какъ афоризмы (*Sutra*) (11). Разсужденія ихъ,

(10) Для большей подробности см. сочиненіе Варда: *A view of the history, literature and mythology of the Indoos*. Том I. p. 313.

(11) *Capila Sutra* или подлинныя изрѣченія мудреца *Capila*, писаны прозою и весьма брѣзки; изрѣ-

впрочемъ весьма темныя и непонятныя, заключающъ въ себѣ только нѣкотораго рода анализъ, который болѣе сходствуешь съ оглавленіемъ, нежели правильнымъ изложеніемъ цѣлаго ученія. Впрочемъ *Vyāsa*, который объяснялъ мнѣнія мудреца *Patandjali*, развилъ и собственныя свои идеи въ Поэмѣ *Mahābhārata*; и въ послѣдствіи самъ имѣлъ въ знаменитомъ *Sankarācaryya* исполкователя искуснаго и уважаемаго. Теперь преимущественно придерживаются *Nyaya Darśana*; пошому, что сіе ученіе наиболѣе свободно отъ подробностей изспуленнаго ученія о Богѣ, которыми прочія наполнены.

Впрочемъ, каковы ни были бы различія, существующія между сими школами, всѣ онѣ имѣють одну общую точку соединенія. Слѣдуя системѣ спиритуализма — сіи Философы усшремляють всѣ свои усилія къ одной цѣли — къ своей религіи. У Буддистовъ, раздѣленныхъ также на шесть сектъ, мы можемъ, какъ утверждають, найти ученіе матеріализма и правила Скептиковъ,

---

ренія Философа *Patandjali* составляютъ 198 строкъ; изреченія Фил. *Gotama* 462; Философа *Canāda* 550 афоризмовъ; *Mimānsā* Философа *Djémini*, содержащъ въ себѣ 12 главъ въ чешырехъ отдѣленіяхъ; въ *Fedānta Sutra* находится 498 стиховъ.

мѣнѣе Эпикура и мысли Пиррона. Они, если вѣришь Брахманамъ, ихъ прошивникамъ, — участь вѣчности міра; они ушверждающъ, что нѣшь духа и будущей жизни, что душа вещественна; впрочемъ справедливость пребуешь замѣшить, что и учене самихъ обвинителей можешь и должно бышь оспориваемо; покоряясь но видимому правиламъ Ведъ, они, кажешся, часто имъ прошиворѣчащъ въ своихъ теоріяхъ; и не одно изъ ихъ положеній, если слѣдовашъ за оными неуклонно, привело бы насъ къ шакому же заключенію, каково и заключеніе безбожника Діагора.

Есть еще нѣсколько другихъ сектъ, извѣстныхъ подъ наименованіями: *Sâtвата*, *Pauranica*, *Tchandana*. Основатель сей послѣдней есть Князь *Sú Narcha*, съ коимъ мы вскорѣ познакомимся, какъ съ Поэтомъ. Покровительствуя знаніямъ, онъ заплашилъ за Поэму пѣвца *Dhavaka* подаркомъ во 100 тысячъ рупій. Нѣсколько позже Царь города *Dhârá* (12), *Bhodja Deva*, не успѣдился шолковашъ учене Философа *Patandjali*.

---

(12) *Dhârá* находится въ области *Málava*, равно какъ и *Oudjdjayaní*, вѣроятно это одинъ и тотъ же городъ, подъ разными названіями.

Эта система Философа *Ratandjahi*, называемая *Yoga*, была, как я сказала уже, исправлена мудрецомъ *Vyāsa*, который составилъ изъ оной секшу, названную *Vedānta. Rāmohunroy* (Rāma mohana rādja), о которомъ я уже упоминала, представилъ намъ сокращеніе сего ученія, которое имѣеть цѣлю: доказашь, что предметъ книгъ *Veda* есть единство Бога, и что посредствомъ политеизма, поклоняющагося ему подъ именемъ *существъ метафизическихъ*, представляющихъ различные его свойства, (атрибушны).

Съ высокою Философію, нисходя къ правиламъ и формуламъ законовѣднія (*dharma*), мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ рѣдкое Либерашурное явленіе; полное уложеніе законовъ и установленій, въ 12 книгахъ, украшенное всѣми цвѣтами и богатствомъ Поэзіи. Я говорю о книгахъ законодателя *Manou* — древнемъ памятникѣ гражданственности весьма необыкновенной (13). Не знаю, могутъ ли стихи сообщитъ болѣе ясности словамъ законовъ, по крайней мѣрѣ они должны доставитъ имъ болѣе поспоянности, и такова цѣль, которой хо-

---

(13) Мы имѣемъ два изданія сего шворенія, съ переводомъ Джонса. Самымъ новѣйшимъ изданіемъ, мы обязаны ученому Гавтону (Hawghton).

тѣмъ достигнуть, и которой достигли сіи древніе законодатели. Литераторъ, уже восхищенный эпитомъ знакомъ уваженія къ Поэзіи, узнаешь съ удовольствіемъ, что среди сего сухаго и безплоднаго однообразія, свойственнаго предмету, иногда встрѣчаются и разбросанные члены Поэта.

Кромѣ сей книги законовъ, которая украшена именемъ почитаемаго оупъ Индійцевъ родоначальникомъ человѣческаго племени, *Manou*, приводятся многія другія, которыя, не будучи священными для нихъ, какъ первая, не менѣе того весьма уважаются: таковы очень древнія шворенія славящагося *Yadjnaalkya*; и болѣе новѣйшее, приписываемое *Djmtavahana*, разсужденіе о наследствѣхъ. Но мы оставимъ сей предметъ, для того, чтобы перейти къ другому, совершенно Литературному: я разумью Исторію.

Послѣ сказаннаго уже мною выше, никто конечно не будетъ ожидать у Индійцевъ Исторіи такой, какую мы понимаемъ ее: Исторіи, очищенной здоровою крипикою; освобожденной оупъ баснословій, и чуждой преувеличеній. Весьма возможно, что нѣкогда откроютъ у Индійцевъ собраніе древнихъ происшествій, составленное правильно и съ надлежущею важностію, подобно

той Истории *Кашмира* (Cachmir), которую нынѣ обнаруговалъ ученый Вильсонъ. Доселѣ преданія ихъ суть только сборъ басней, расположенныхъ ихъ Поэтами. Такъ Исторія проическихъ временъ Греціи является намъ скрашеною обманчивыхъ воображеніемъ.

Воспомянанія временъ первобытныхъ находяща перемѣшанными такимъ образомъ въ восемнадцати большихъ Поэмахъ, называемыхъ: *Purana* (14). Намъ извѣстно только весьма малое число ошривковъ. Последняя Поэма, называемая *Bhagavata*, сообщена намъ въ совершенно обезображенномъ видѣ, въ переводѣ искаженномъ и неполномъ, который даже сдѣланъ не съ оригинала. Впрочемъ вѣроятно, что сіи творенія не представляють весьма большаго разнообразія; будучи облечены въ форму повѣствованій, рассказываемыхъ различными разговаривающими лицами, они всѣ начертаны по одному плану; влишешъ, придаваемый имъ великимъ твореніемъ (*Panchalakshana*) указываетъ, что они должны заключать въ себѣ пять главныхъ предметовъ: созданіе міровъ, по понятію Индійской Космогоніи; ихъ разрушеніе и возснатовленіе; родосло-

---

(14) Это слово значить: древняя Исторія.

віе боготь и ироевь ; царшвованія различ-
ныхъ *Мали* или ихъ родоначалниковъ , и
двянія ихъ пошомковъ.

(*Продолженіе впрядь.*)

III.

К О М М Е Р Ц І Я.

Вліяніе законовъ на торговлю (*).

Законы, охраняющіе свободу и безопас-
ность шорговли, суть существенныя усло-
вія ея преуспѣнія. Хошите ли знашь про-
спраншво благодѣшельнаго ихъ вліянія ?
Взгляните на Ошпоманскую Имперію : она
обладаетъ обширною спраною, наилучшимъ
климашомъ въ свѣтѣ, произведеніями шро-
ликовъ и умѣренной полосы, и одно Евро-
пейское ея народонаселеніе равняется насе-
ленію Съверо-Американскихъ Соединенныхъ
Областей, а все вообще не менѣ самой
Франціи. Положеніе Турецкой столицы ша-

(*) Изъ книги: *Le commerce au dix-neuvième siècle*, par Alex. Moreau de Jonnés. Paris. 1825. (Со-
чиненіе, по разсмотрѣнію Марсельской Академіи,
удостоенное чрезвычайной награды).

ково, что Имперія сія одарена всеми выгодами, коими процвѣщаетъ торговля и разливается богатство и счастье — всеми, исключая благошворныхъ законовъ; и пошумо-шо всѣ блага, коими надѣлила ее природа, оспающа безполезными и даже гибельными. Верховная власть, коей предѣловъ и употребленія не опредѣляютъ законы, служилъ цѣлю кровавыхъ переворошовъ; некому охранять безопасности лицъ и имуществъ, прошивъ посягательства низкихъ страсшей; насилія и жадность необузданы судебными успановленіями; торговля оспаается добычею грабительству, и самая язва ежегодно можешъ возобновлять свои опусношенія, не находя никакого предяшствія въ заботливости Правительствва.

Хопише ли, напрошивъ, сообразныя дѣйствія, производимыя на торговлю покровительстввомъ законовъ, подкрѣпленнымъ постоянною заботливостію правительствва? Разсмоприте безмѣрные успѣхи Великобританніи, возьмите въ исторіи ея шо время, когда были положены первыя основанія ея благосостоянія; вы найдете, что ея раздѣющаяся промышленность была предметомъ внимательныхъ и неусыпныхъ попеченій ея Государей; выгоды торговли занимали пер-

вое мѣсто въ народныхъ совѣщаніяхъ, и важнѣйшіе Государственные люди избирали предметомъ своихъ размышленій изученіе народнаго богатства и средствъ его умноженія.

Чтобы показать связь дѣйствій и причинъ, означимъ наскоро сокращеніе торговыхъ узаконеній Великобританніи.

Съ 1225 года находятъ одинъ законъ Генриха III, коимъ купцы получили, непосредственно послѣ Бароновъ, первое мѣсто между свободными людьми. Въ его царствованіи устроилась одна суконная фабрика и установлено, чтобы во всемъ Государствѣ была одинаковая мѣра. Въ 1331 году Эдуардъ III вызвалъ Фламандскихъ ремесленниковъ въ Англію, для того, чтобы они научили своимъ мастерствамъ туземныхъ обитателей. Въ 1337 году Парламентъ остановилъ вывозъ Англійской шерсти, снабжавшей Фландрскія фабрики и воспретилъ ввозъ суконъ съ пвердой земли на шотъ конецъ, чтобы обезпечить выгоду совершеннаго сбыта своеземныхъ произведеній сего рода; онъ даровалъ вольности иностраннымъ рабочимъ, дозволивъ имъ селиться въ Англіи. Въ 1381 году положено начало акту мореплаванія въ одномъ законѣ Ричарда II, коимъ дозволено всѣмъ Королевскимъ под-

даннымъ ввозишь и вывозишь всякой новаръ шолько на корабляхъ, снаряжаемыхъ съ Королевскаго дозволенія, т. е. исключая иностранцевъ. Многіе законы того же царствования покровительствуютъ рыбной ловлѣ, ограничивающъ дѣйствія исключительнаго шорга (монополіи), учрежденнаго обществами и дозволяющъ всякому Англичанину вольной вывозъ хлѣба изъ Государства. Генрихъ VII ограничилъ вредныя преимущества обществъ, уменьшилъ множество безполезныхъ служителей, находившихся при домахъ вельможъ; облегчилъ уступку имъній, бывшихъ до того во владѣніи малаго числа Бароновъ и покровительствовалъ раздробленію земель и увеличенію поземельныхъ откуповъ. Генрихъ VIII ободралъ обработку конопли и льну, повелѣлъ вымощить улицы и утвердилъ закономъ денежный ростъ въ 10 процентовъ. Эдуардъ VI вызвалъ многія тысячи иностранцевъ для усовершенствованія Англійскихъ ремеслъ; онъ старался увеличить рыбную ловлю около Ирландіи, Новой Земли и Исландіи; отвратилъ спачки работниковъ къ возмущенію заработной платы; наказывалъ обманъ, вкрадывавшійся въ торговлю и покровительствовалъ фабрики, искавъ способовъ къ выгодному снабженію ихъ сырими

веществами, нужными для работы. Огораживаніе полей, запрещенное акномъ Генриха VIII, разрѣшено въ 1549 году, какъ полезное для земледѣлія, не смотря на неудовольствіе черни. Съ 1285 года Эдуардъ I разпространилъ дороги, посредствомъ коихъ сообщались разные шорговые города; а закономъ Филиппа и Маріи, поставлена въ обязанность каждому обывателю чешырехдневная въ теченіе года работа, для содержанія сихъ дорогъ; въ послѣдствіи, при Карлѣ II, узаконенія сіи дополнены уснановленіемъ пошлины за провѣздъ, коею производилась плата дорожнымъ рабочникамъ. Елисавета ввела въ употребленіе награды для плѣхъ, кои построили корабли во 100 тонновъ; а наследникъ ея Іаковъ I, увеличилъ сіе поощреніе; онъ принялъ надлежащія мѣры противъ моровой язвы; покровительствовалъ промышленности противъ исключительнаго шорга; обезпечилъ земледѣльческую собственность; даровалъ всякому Англичанину безъ различія права свободнаго шорга съ Испанією, Португалією и Францією. Карлъ I давалъ награжденія въ пять фуншовъ шерлинговъ всякому, построившему корабль въ 200 тонновъ; онъ понизилъ денежный ростъ до 8 со ста, и покровительствовалъ населенію Сѣверной Амери-

ки и Аншильскихъ острововъ. По возста-
новленіи Королевскаго Правленія, внутрен-
няя торговля облегчаема была улучшеніемъ
дорогъ, открытіемъ каналовъ и опмѣною
цѣнностей, тяжоспсныхъ налоговъ; разны-
ми законами умножаемо было число ко-
раблеспронзелей и торговыхъ мореходцевъ,
и введены въ Великобританіи новыя спо-
собы обрабатыванія земли и рукодѣлій.
Вильгельмъ III принялъ Французскихъ вы-
ходцевъ, которые усовершенствовали фаб-
рики шелковыя и писчей бумаги, въ осо-
бенности же выдѣлку шифты. Англійскій
Банкъ, основанный въ 1694 году, распро-
странилъ обращеніе народнаго богатства,
рыбная ловля и полотняныя фабрики полу-
чали выгоды, которыя способствовали ихъ
разширенію. Производство перелива монетъ
облегчало внутреннюю и вѣнскую торгов-
ли. Въ царствованіе Королевы Анны, Ан-
глія продолжала пользоваться переселеніемъ
и промышленностію Французскихъ Протес-
тантовъ; присоединеніе Шотландіи увели-
чило ея могущество.

Георгъ I понизилъ законный ростъ до
5 со спа; онъ въ 1716 году основалъ непре-
мѣнный капиталъ, опредѣленный къ посте-
пенному погашенію Государственнаго долга
и заключилъ торговый союзъ съ Испанією;

въ 1718 году запретилъ оны всякому Англійскому подданному производить торговлю въ Индіи подъ чужезыраннымъ флагомъ и освободилъ оны всѣхъ ошвозныхъ пошлинъ пологна, выдѣланныя въ Англии; оны разсыпалъ награды заводамъ желѣзнымъ, бронзовымъ и другихъ металловъ; увеличилъ поощреніе за шелковыя издѣлія. Чшобы докончить, какъ говаривалъ оны, благодѣянія своимъ торговцамъ, усилилъ законами 1672 и 1700 годовъ, и дозволилъ всѣмъ иностранцамъ вывозить безпошлинно произведенія Великобританіи, исключая предметовъ продовольствія. Въ царствованіе Георга II, укоренены многіе иностранцы, искусныя въ кшсовой ловлѣ; въ 1754 году основано общество поощренія искусствъ, рукодѣлій и торговли, а Бриганскія поселенія въ Западной Индіи и Сѣверной Америкѣ увеличились селеніями, приобращенными оны Франціи. Наконецъ въ продолжительное, бурное и доспопамашное царствованіе Георга III возрасли дѣйствія Бриганскихъ узаконеній, благопріятствовавшихъ торговлѣ, множествомъ покровительствельшвелныхъ распоряженій, какихъ только можно ожидать оны вѣка просвѣщеннаго и народа, способнаго пользоваться онышностію прошедшихъ временъ. Въ 1773 году постановлены правила на возмшеніе цѣны

хлѣба и способовъ запрещенія привозной и отвозной торговли оными; въ печеніи токмо 14 лѣтъ, постановлено 700 законовъ объ огораживаніи земель, осушеніи болотъ, раздѣлѣ и приведеніи въ лучшее состояніе помѣстьевъ, дошовъ необработанныхъ и бесплодныхъ. Въ 14 Парламентскихъ засѣданій издано 452 закона о строеніи и улучшеніи дорогъ, и 90 о прорытіи каналовъ и приспособленіи рѣкъ къ судоходству. Своеземныя издѣлія ободрены изысканіями, денежными наградами и отвлеченіемъ ввоза обработанныхъ иностранныхъ произведеній, кромѣ сырыхъ, посредствомъ запрещеній и чрезвычайнаго возвышенія таможенныхъ пошлинъ. Въ продолженіе 25 лѣтъ, выбито на 825 милліоновъ золотой и серебряной монеты, и совокупностію сихъ мѣръ, или содѣйствовавшихъ событіямъ или породившихъ оныя, Великобританія достигла слѣдующаго состоянія:

Въ началѣ восемнадцатаго вѣка вывозъ ея ограничивался по десятильпшней сложности 156 милліоновъ франковъ. Съ 1793 по 1812 годъ составлялъ онъ, не смотря на войну, 738 милліоновъ; а съ 1815 по 1822, возвысился при посредствѣ мира до 1294 милліона. Слѣдовательно Англія, при покровительствѣ законовъ, увеличила свою отвозъ:

ную торговлю въ девять разъ съ шрешью прошивъ того, какъ она была за 110 лѣтъ.

Мореплаваніе, какъ истинное мѣрило успѣховъ торговли, предсавляетъ пропорцію, не менѣе чрезвычайную. Въ 1347 году было 125 купеческихъ кораблей, отправалявшихъ всю Англійскую торговлю. Въ 1615 году, считалось только 884 корабля, изъ коихъ половина служила для перевоза каменнаго угля изъ Нью-Касшля. Въ 1754 году, вѣшняя торговля занимала 2000 кораблей въ 170 тысячъ тонновъ; шаковое же число судовъ было для прибрежнаго плаванія, что все сосавляло около 320 тысячъ тонновъ груза. Съ 1819 по 1821 годъ, среднее число груза записанныхъ купеческихъ кораблей, возвысилось до 2,600,000 тонновъ; грузъ кораблей пришедшихъ сосавлялъ 2,300,000, а ошшедшихъ 2,200,000 тонновъ.

Изъ новѣйшихъ свѣдѣній видно, что грузъ всякаго рода шоваровъ, ошпущенныхъ изъ Англійскихъ портовъ, былъ:

въ 1823 году 2,610,000 тонновъ.

— 1824 — 3,182,000 — —

Число кораблей, ошшедшихъ подъ Англійскимъ флагомъ, въ продолженіе чешырехъ лѣтъ было слѣдующее:

1821 года 9111. 1822 года 9173.

1823 — 9251. 1824 — 11731.

Изъ числа ихъ, купеческіе корабли, построеныя на Англійскихъ верфяхъ, имѣли слѣдующее количество груза:

въ 1823 году	780	кораблей	67,144	тонн.
— 1824 —	847	— —	86,028	— —
— 1825 —	1011	— —	100,000	— —

И такъ, не восходя далѣе 66 лѣтъ, достаточно сего періода, чтобы показать увеличеніе количества груза Англійскихъ кораблей, превосходящаго въ семь съ половиною разъ изчисленное въ 1754 году. Количество же груза купеческихъ кораблей, построенныхъ въ 1825 году, почти половиною превосходитъ количество груза кораблей, сооруженныхъ въ 1823 году.

Сѣверо-Американскія Соединенныя Области, слѣдуя торговымъ учрежденіямъ и законамъ Великобританіи, получили, кажется, еще большія выгоды, когда разсудимъ, что выгоды сіи приобрѣнены только въ 40 лѣтъ. По словамъ славнаго Бурке, вся цѣна опвозныхъ товаровъ въ Англійскихъ Сѣверо-Американскихъ селеніяхъ, простиралась въ 1775 году до 24 милліоновъ франковъ. Въ 1818 году, она возвысилась до 369,272,000. Грузъ купеческихъ судовъ простирался до 1,350,000 тоннъ, изъ коихъ 1.250,000 были въ дѣлѣ и занимали 62 тысячи матрозовъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе ме-

нве нежели полувѣка, изъ когото прешья чассть была подвержена бѣдспвенному вліанію войны, Соединенныя Обласши, при благопріятствѣ торговаго ихъ законоположенія и ечастливыхъ обстоятельствъ, увеличили свою опвозную торговлю 345 миліонами, ш. е. въ 15 разъ болѣе, нежели имѣли вначалѣ.

Законы, содѣйствовавшіе раскрытію безвѣрныхъ успѣховъ Великобританіи и Соединенныхъ Обласшей, не совершенно различны въ сущности своей отъ законовъ, изданныхъ въ пользу торговли и промышленности во Франціи. Таковыя уснановленія по началу своему болѣшею частію принадлежали Французамъ (*), и суть благодѣянія вѣка Лудовика XIV и творческаго ума Кольберта. Французы въ Государственныхъ своихъ законахъ, имѣють вѣрныя ручательства, безъ коихъ торговля была бы подавлена по произволу монополіи, банкротства и шайнаго провоза шоваровъ. Въ ихъ гражданскомъ образованіи есть всѣ уснановленія, коихъ нужду доказалъ опытъ. Консульскіе агенты надзирають въ отдаленныхъ странахъ за торговыми предпріятіями Фран-

---

(*) Вспомнимъ, что Сочинитель сей статьи Французъ. *Прим. Изд.*

цузскихъ подданныхъ; союзные и дружественныя договоры завѣряють въ благопріятномъ приѣмѣ; предварительная извѣстность тарифныхъ пошлинъ, дозволяетъ расчисляваніе вѣроятности успѣха, не опасаясь притѣсненій; судманца Французскія сшрогамъ и безприсрасшнымъ правосудіемъ соглашають выгоды, обуздываютъ злоупотребленія и охраняють порядокъ и довѣріе. Въ затруднительныхъ случаяхъ, торгующія гильдіи совѣщаются между собою и представляютъ чрезъ просвѣщенныхъ торговцевъ свои разсужденія, которыя приемяются, какъ совѣты мудрости. Наконецъ, Правительство въ Верховномъ Совѣтѣ своемъ приводитъ въ порядокъ всѣ свѣдѣнія, могущія увеличить богатство торговли, и совѣщанія сія удостоиваются предсѣдательствомъ самаго Монарха. Какіхъ же еще благодѣтельныхъ установленій недостаешь Французской торговлѣ? Въ семъ отношеніи, Французы имѣють все, что можеть принести пользу; и свѣдѣнія о гражданскомъ ихъ устройствѣ, представляють одну изъ самыхъ высшихъ степеней, до какой только образованіе можеть достигнуть. Совокупность же сего устройства есть одинъ изъ наилучшихъ памятниковъ, коими человеческій разумъ можеть хвалиться и при нѣкоторыхъ во-

выхъ мѣрахъ и пособіяхъ, безъ всякой впрочемъ опшвны въ законоположеніи, съ швердою увѣренностію должно ожидать всякой защиты, нужной къ усовершенствованію земледѣлія и промышленности и къ успѣхамъ торговли.

IV.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ПРОГУЛКА ВАТЕРТОНА ПО НѢКОТОРЫМЪ ОБЛАСТЯМЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ И СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

(*Продолженіе.*)

„Для распространенія познаній въ Естественной Исторіи, я скипался по самымъ дикимъ мѣстамъ равноденственныхъ странъ Южной Америки. Я атаковалъ и убилъ новѣйшаго *пифона*, ѣздилъ верхомъ на крокодилѣ, и былъ въ положеніи совершенно прошивномъ какому нибудь щеголю, разъѣзжающему на конѣ предъ красавицами въ Гайдъ-Паркъ. Босой и одинокой, я вызвалъ спрашную змѣю изъ ея поры; взлѣзалъ на высочайшія деревья, чшобы наловишь разнаго

рода лешучихъ мышей, скрывающихся въ шрецинахъ. При палащемъ зноѣ, или во время проливнаго дождя, часто заходилъ въ чащу дремучихъ лѣсовъ, для опысканія естественныхъ произведеній, каковыхъ еще я не имѣлъ. Преслѣдовалъ самыхъ любуемыхъ звѣрей по горамъ и долинамъ, по оврагамъ и болотамъ; и вечеромъ, изнуренный усталостію и голодомъ, возвращался на свою койку, съѣсть нѣсколько грубой и сухой пищи.“ А какъ испребленіе новѣйшаго пѣфона и поѣздка на крокодила, безъ сомнѣнія, сильно возбуждающъ любопытство чинашеля, то мы спѣшимъ къ удовольствію его рассказать о сихъ необыкновенныхъ происшествіяхъ. Многие, можешь быть, изъявлять свою недоувѣрчивость, хотя въ этомъ нѣтъ ничего совершенно не возможнаго. Кардиналь Рець говоришь, что одни только возвышенные умы способны различать трудное отъ неудобноисполнимаго. Умы посредственные, напрошивъ, почишающъ невозможнымъ все, что выходитъ изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ. При повѣствованіи о богатырствѣ Г. Вашертона, мы будемъ употреблять почти всегда собственныя его выраженія.

Съ великимъ неперпнѣемъ желалъ онъ увидѣть змѣю *кулаканару* (*soulacana*), мѣющую не рѣдко отъ восемнадцати до двад-

наши фушовъ въ длину и ширину чрезвычайную. Однажды старый негръ уведомилъ его, что нашелъ такую змью въ пещерѣ. Надлежало употребить нѣсколько времени для очищенія кусковъ и расчѣній, заграждавшихъ входъ въ оную. Два негра, находившіеся при Г. Вашерпонтѣ, убѣждали его умертвить змью, но онъ хотѣлъ взять ее живою, дабы, нисколько неповредивъ кожи, содрать оную, пока еще будешь свѣжа. Онъ приближался между двумя неграми, изъ коихъ одинъ держалъ копье, а другой былъ съ ножомъ, и оба шептались отъ страха. Чудовище лежало свернувшись во многія кольца, и голова его, выходившая изъ подъ вправо сгиба, покоилась на землѣ, въ положеніи весьма благопріятномъ намѣренію Г. Вашерпонта. Тихо подкрался онъ съ Неграми, ужась коихъ еще болѣе усугубился; онъ схватилъ копье, ударилъ змью возлѣ головы и такимъ образомъ, пригвоздилъ ее къ землѣ.

Тотчасъ, говоритъ онъ, Негръ, стоявшій возлѣ меня ближе, взялъ у меня копье и крѣпко держалъ оное въ прежнемъ положеніи, а я вползъ въ пещеру, чтобы схватить змью за хвостъ.

Когда она почувствовала, что была припкнута желѣзомъ, то зашипѣла такъ страшно, что собака моя отъ ужаса убѣ-

жала съ воемъ. Мнѣ должно было выдержанъ весьма трудную борьбу въ пещерѣ. Я бросился на хвостъ чудовища, но будучи не въ силахъ удержанъ его, позвалъ другаго Негра, и приказалъ ему лечь на меня. Сія удвоенная тяжесть оказала мнѣ великую помощь, я наконецъ схватилъ его крѣпко за хвостъ. Послѣ двухъ жестокихъ попрысеній, змѣя, чувствуя превосходство нашей силы, усмирѣла. Тупъ мы ободрились. И между нѣмъ, какъ одинъ изъ моихъ Негровъ по прежнему держалъ копье, а другой сидѣлъ на мнѣ, я кое-какъ доползъ до ея пасти и связалъ оную моими помочами, кои не безъ труда могъ снятъ.

Змѣя, находясь въ мучительномъ положеніи, принималась снова бишься, но была уже совершенно въ нашихъ рукахъ. Она обвилась наконецъ вокругъ копья, и мы повесили ее изъ лѣсу. Я крѣпко подхватилъ голову змѣи подъ свою мышку, между нѣмъ, какъ одинъ Негръ поддерживалъ ея брюхо, а другой хвостъ. Такимъ образомъ, шли мы медленно къ моему жилищу, и пока прибыли на мѣсто, оспанаваивались для ошдыха разъ десятъ, ибо змѣя была очень тяжела, и мы не могли перенести ее безъ ошановки.“

Сіе чудовище имѣло чашыринадцать фушовъ длины, а шолщину двадцати чепырехъ фушоваго удава. День склонялся къ вечеру и нельзя было занимашься сдираніемъ кожи, а попому и оставили до другаго дня, съ шрудомъ уложивъ его въ большой мѣшокъ.

„Не могу сказашь, чѣтобы я провелъ ночь спокойно. Койка моя расположена была въ избѣ, надъ самымъ шѣмъ мѣспомъ, гдѣ змѣя брошена была подъ полъ; а какъ оный былъ весьма вѣщъ и непошень, шо ничто и не ограждало меня ошъ нея. Она безпрешанно ворочалась. Если бы сама Медуза была моею женою, шо и шогда спальня моя не боѣе была бы оглашаема непрерывнымъ и ужаснымъ шипѣніемъ. На разсвѣтѣ послалъ я за десяшью Неграми, рубившими лѣсъ. Хоша шакое число людей было излишне, но благоразуміе шребовало взять сію предоспорожность, дабы удержашь змѣю, если бы она покусилась уйши при раскрышій мѣшка.“

Однако же ничего не случилось; голову ей опрубили и кровь полилась какъ изъ быка. Спустия нѣсколькo времени пупешеспвенникъ нашъ имѣлъ новое дѣло съ молодою кулаканарою, на кошорую набрелъ онъ, когда ползала въ лѣсу.

„Я смѣкнулъ, что она не шакъ смѣла, чшобы смѣшь мою руку, если бы обвинлась вокругъ нея. Не должно было шеряшь ни минушы. Я спалъ на колѣно, схватилъ за хвостъ ея лѣвою рукою, а правую подшавилъ шляпу на подобіе щипа. Змѣя шощасъ оборотилась, какъ бы вопрошая меня, какъ смѣлъ я посшупашъ съ ея хвостомъ шакъ дерзко. Я позволилъ ей прошянушь голову свою на два фуса ошь моего лица, и шогда со всей силы ударилъ ее кулакомъ въ челюсть. Оглушивъ ее шакимъ образомъ и не давая ни сколько опомнишься, схватилъ ее за горло шакъ, чшобы не могла меня укусишь. Тогда позволилъ ей обвиншься вокругъ моего шѣла и пошелъ впередъ съ сею добычею, какъ бы съ шріумфомъ. Она сжимала меня крѣпко, не причиняя впрочемъ сильного безпокойства.“

Теперь посмошримъ, какимъ образомъ нашъ пушешешвенникъ развѣзжалъ верхомъ на крокодилѣ. При шрешей шокмо его повздкѣ опшважился онъ на сіи два предуріишя, достойныя новаго Геркулеса. „Я провель, говоришь онъ, девашъ лѣшь при осадѣ Трои и ничего еще не могу сказашъ пріятнаго Греціи; *nil decimo nisi dedecus anno.*“ Новый подвигъ неушрашимости его случился на берегахъ Эссеквебо.

„Солнце давно уже закатилось. Небо было чисто и луна разливала вокругъ меня свѣтъ яркій и прѣсный. Въ воздухѣ не было примѣшно ни малѣйшаго движенія вѣтра. Рѣка текла тихо и предсказывала видъ большаго озера рпуши. Ошь времени до времени раздавались стоны нешопырей, смѣшавшіеся вскорѣ съ рыканіемъ тигра. По цомъ воцарилась прежняя тишина и безмолвіе, какъ въ полночь.

„Я могъ различать попеременно голоса крокодиловъ ошь криковъ *ягуара* (*), совы и лягушекъ. Шумъ первыхъ необыкновененъ и ужасенъ. Онь былъ подобенъ глухому воплю и раздавался въ воздухѣ мгновенно: гулъ его шакъ сиденъ, чшо можно слышать оный за милою. Сперва одинъ подавалъ сей спрашннй голосъ, а попомъ другіе ошавчали ему. Смотри на лица моихъ спутниковъ, я ошкрывалъ надежду увидѣшь *каимана* (**) въ еію же ночь.“

Г. Вашершонъ нацѣнилъ на уду большую рыбу, кошорую каиманъ пожиралъ сряду чешыре ночи, но за уду не взялся. Не получивъ успѣха въ своемъ намѣреніи, пушешественникъ перенравился чрезъ рѣку и

(*) Американскій шигрь.

(**) Крокодилъ Американскій.

встрѣшилъ нѣсколько Индѣйцевъ. Онъ показалъ одному изъ нихъ уду свою, но сей, покачивая головою, усмѣхнулся. „Вѣроятно, думалъ Г. Вашершонъ, сей бѣдный жишель лѣсовъ знаешь другой способъ, лучше моего, что и оправдалось на самомъ дѣлѣ. Индѣецъ сдѣлалъ родъ якоря изъ четырехъ кусковъ швердаго дерева съ вѣшками, и прикрѣпилъ къ нему веревку длиною въ тридцать аршинъ, привязавъ другой конецъ ея къ сполбику на берегу. Онъ нацѣпилъ на сію уду кусокъ *акурнаго* (*d'acougi*) мяса и повѣсилъ ее на длинный пестъ, цѣлымъ шумомъ выше поверхности воды.“

Когда все было готово, Индѣецъ началъ стучать келешункою по раковинѣ морской черепахи. Г. Вашершонъ спросилъ его, къ чему такой шумъ? онъ ошвѣчалъ: „чтобы возбудить вниманіе камбана.“ Всѣ ушли спать, кромѣ Индѣйца; самъ Г. Вашершонъ отсправился на свою койку. На разсвѣтѣ, Индѣецъ поднялъ крикъ, что крокодилъ схватилъ уду. Тогда всѣ бросились къ мѣсту дѣйствія. „Товарищество наше, говоритъ Вашершонъ, состояло изъ четырехъ дѣлкіе изъ Южной Америки, два Африканскіе Негра, одинъ Креоль изъ Тринидада и я, бѣлый человекъ изъ Йоркшира.“ Вся трудность заключалась въ шумѣ, чтобы вынуть

каимана изъ воды, не повредивъ его чешуи. Индѣйцы не хотѣли вышаскивать его на землю живымъ; говоря, что онъ расперзаетъ ихъ на части и предлагали пустишь въ него десятокъ стрѣлъ. „Но, по словамъ нашего путешественника, это уничтожило бы всѣ труды. Я прошель болѣе прехъ сошь миль, чшобы получить каимана въ хорошемъ видѣ, а не изуродованнаго.“ Онъ сообразилъ, что если возьмешь изъ челнока мачшу, имѣвшую восемь фушовъ въ длину, и бросясь на колѣно; успавишь ее, какъ создашь шпыхъ, то можешь вонзить оную въ горшанъ крокодила, когда сей кинется на него съ разверстою пастию.

„Признаюсь, я чувствовалъ себя тогда не совсемъ въ пріятномъ положеніи. Люди мой вышянули каимана на поверхность воды; но когда опустили нѣсколько веревку, онъ погрузился съ яростию. Однако жъ я успѣлъ увидѣшь его сполько, чшобы пльнишь имъ совершенно. Послѣ сего, я сказалъ, что гошовъ подвергнушь всякой опасности, лишь бы вышацишь его на землю. Работники послушались; и я узрѣлъ: *monstrum horrendum, informe, ingens* (*). Минуша восхишительная! Я споялъ по-

(*) Чудовище, страшное, безобразное, огромное.

койно и разсмащивае его мръснато и со вниманіемъ.

„Крокодилъ лежалъ опъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ. Я замѣнила, что онъ былъ въ нѣкоторомъ смятеніи и страхѣ, а потому бросилъ мачшу, и вскочилъ къ нему на хребетъ. Проползши по чешуѣ его, я наконецъ успѣлъ довольно выгодно. Помощью схватилъ его чешыре лапы и, завернувъ на спину, и употребилъ ихъ вмѣсто поводовъ.

„Казалось, онъ опомнился, и видя себя не совсемъ въ пріятельской бесѣдѣ, началъ жестоко биться по песку, разбрасывая оный огромнымъ хвостомъ своимъ. Къ счастью, я сидѣлъ у самой головы, въ безопасности отъ его ударовъ. Съ великимъ трудомъ удержался я на немъ, во время жестокаго его бійенія. Зрѣлище сіе было бы любопытно и для самаго равнодушнаго зришеля.

„Люди мои отъ радости подняли крикъ, и до того разшумѣлись, что нѣсколько минушь я не могъ допроситься, чтобы подвинули меня съ живошнымъ на песокъ даље. Опасно было, что веревка оборвется и я непременно упаду въ нору, вмѣстѣ съ моимъ кайманомъ. Тогда участь моя была бы бѣдшвеннѣе, нежели морская повѣдка Аріона.

Delphino insidens, uada caerulea sulcat Arion (*).

„Насъ прошаули по землѣ на сорокъ аршинъ. И могу сказать, что я первый и послѣдній разъ вздиръ верхомъ на крокодилѣ.“

Мы едва прочитали шесть страницъ книги Г. Вапершона, и уже находимъ, что сочиненіе сіе заслуживаетъ особенное вниманіе. Хотя слогу его нѣсколько страненъ, какъ и его характеръ, однако заключаешь въ себѣ большія достоинства. Но главнѣйшую прелесть его повѣствованія составляетъ сіе сердободіе, которое побудило его съ такою внимательностію разсматривать живошныхъ, занимающихъ послѣднюю степень существъ, и которое руководствовало къ открытію въ самыхъ опшрашенѣльнѣхъ и презрѣннѣхъ, по видимому, шваряхъ, права на нашу благосклонность. Г. Вапершона должно признавать Естественнышамелемъ, высоко уважающимъ красоты природы. Любовь къ истинѣ, есть также сильное чувство его души: она-шо подвигла его сдѣлаться защитникомъ качествъ многихъ живошныхъ, нами поносимыхъ или презирае-

---

(*). Сидя на Дельфинѣ, Аріонъ разскаеть снѣтъ волны.

мыхъ. Такъ оправдываетъ онъ *дятла* (*charpentier*), *полунощника* (*engoulevent*) (*), *тлеходо* (*paressesux*), опшываясь довольно выгодно даже о коршунѣ. Тъ изъ чипашелей, кои спанушъ издѣваются надъ жаркимъ усердіемъ, съ какимъ онъ принялъ ихъ сторону, не поражаясь нисколько искусствомъ его доказательствъ, и не уважая чувствованій доброты, побудившихъ его бытъ ихъ заступникомъ, не должны чипашъ предлагаема нами выписки. Что касается до насъ, то скажемъ рѣшительно, что если бы даже похвалы его пихоходу, были единственныиъ плодомъ *прогулокъ* его въ Южной Америкѣ; то и тогда оказалъ бы онъ услугу Естественныиъ чипашелямъ и самой Природѣ, представивъ въ насъ видъ одно изъ ея твореній, самое жалкое и весьма мало нами уважаемое. Сей мнимый образецъ лѣности, есть, напрошивъ, какъ докажемъ имъ, весьма дѣятельное живошное. Оно уподобляется въ нѣкопрыхъ опношеніяхъ швъ горнымъ жившелямъ, кои пипающа скудною и грубою пищею и находяшъ удовольствіе, предаваясь безпокойствамъ, и ходя по дорогамъ каменнымъ и труднымъ. Слѣдующее описаніе, сдѣланное нашимъ путеш-

---

(*) *Carpimulgus*.

свивенникомъ, ешь образецъ искусства и пріятности, съ каковыми онъ сообщаетъ наблюденія свои въ области Естественной Исторіи :

„Страна сія ешь опечество *Тихохода*. Онъ какъ будто вдругъ стараешся возбудишь состраданіе ваше своими взглядами, движеніями и голосомъ. Это сущь единственныя орудія, данныя ему природою для защиты. Между шѣмъ, какъ другія животноя, соединясь въ стада или стаи, бродяшь вмѣстѣ по симъ дикимъ и величественнымъ пустынямъ, *Тихоходъ* шаищя въ уединеніи и почти неподвиженъ, лишенный даже возможности ошь васъ уйши. Говоряшь, что жалобные стоны его, смягчаюшь даже и самага шигра. Ахъ! не будеще же вы жестокосерднве! не стрѣляйше, въ него изъ ружья, не пускайше въ него ядовитой стрѣлы, ибо онъ ешь животное самое миролюбивое, никогда не нападающее на другаго!

„Нѣсколько лиспьевъ весьма обыкновенныхъ и грубыхъ, соспавляюшь всю его пищу. Сравнивъ *Тихохода* съ другими животными, органы его окажутся вмѣстѣ и недоспашочными и излишними. У него нѣшь переднихъ зубовъ; и хошя имвешъ чешыре желудка, но не находимъ у него длинныхъ кишокъ, каковы бываюшь у животныхъ съ

жвачкою. У Тихохода, какъ и у пшницъ, одинъ только нижній проходъ. Ноги его безъ плесны, и онъ не можеть шевелишь своими пальцами порознь. Шерсть на немъ гладкая и похожа на дернь, изсушенный змянмъ въпромя. Лапы весьма корошкія и, по необыкновенному соединенію съ швомъ, весьма безобразны; по видимому, онъ можеть служишь ему только для ползанія по дереву. Онъ имветь сорокъ шесть реберь, между швмъ, какъ у слона только сорокъ; когти его величины несоразмърной. Если бы вы захошълн показашь описишельныя превосходства четвероногихъ живошныхъ; шо сіе неспройное и жалкое швореніе, вьрояшно, пославлено будеть послвднее на послвдней степени.

„Писавшіе о семъ спранномъ живошномъ полагали, что въ медленности его движенія нвшь ему подобнаго, и что оно бываеть какъ будшо приковано къ одному мвспу; что съввши всь лисшья на деревъ, на кошорое всползло, оно свершываешся въ клубокъ и бросаешся съ него на землю. Все это не вьрно.

„Когда бы Ешешшвоиспышатели, общившіе изввшеіе о Тихоходъ, изслвдовали его качества и двшствія въ пустынь; шо конечно не написали бы ничего подобнаго

вышесказанному. Они убѣдились бы, что ежели всякое другое животное, должно быть описываемо, во время его отдыха на землѣ, то упоминаемое нами надлежитъ разсматривать на пѣвншомъ деревѣ.

„Сей чудный звѣрокъ живешь во глубинѣ дремучихъ лѣсовъ, въ коихъ водятся ужасныя змѣи, а также муравьи и скорпионы, не менѣе опасныя, и куда загражденъ входъ образованному человѣку болошами и колючимъ кустарникомъ. Чипая, въ Естественной Истории, описаніе Тихохода, легко можно замѣтить, что сочинявшіе оное не проникали для изслѣдованія свойствъ его въ обитаемая имъ пущины, и слѣдовательно не видѣли, точно ли сіе животное, кажущееся намъ такъ жалкимъ, споль худо сложеннымъ и до такой степени неспособнымъ пользоваться благами, щедро излитыми на всѣ существа, есть погрѣшность самой природы. Мы уже сказали, что у него нѣтъ плесны на ногахъ; а потому, когда спаряешься пройти по землѣ, то бываешь въ великомъ затрудненіи и, смотря на вась, кажешься, говоришь: *пожалйте обо мнѣ, я достоинъ вашего состраданія.*

„Тихоходовъ ловящъ Негры и Индѣйцы и дославляющъ ихъ бѣлымъ. Изъ сего можно заключить, что ошибочныя о немъ

расказы, соснавлены были не съ тѣмъ намѣреніемъ, чшобы обманывать читателя, или занимашь его описаніями необыкновенными; но что сіи недоразумѣнія произошли единственно отъ того, что Тихоходъ былъ разсмаприваемъ въ шакихъ мѣстахъ и въ шакомъ положеніи, кои не согласны съ его врожденными качествами.

„Но вошь мы шеперь въ его ошечествѣ. Человѣкъ рѣдко заходитъ въ сіи густыя и величественныя лѣса, окружающіе меня на шполь большее пространство. Это настоящее время для наблюдений о Тихоходѣ. Разсмотримъ сначала устройство его органовъ, и тогда мы лучше поймемъ обыкновенныя его дѣйствія въ мѣстахъ, назначенныхъ ему природою. Переднія лапы кажутся самымъ длиннымъ, между шѣмъ, какъ заднія очень коротки и имѣють нѣкошорое сходство со шшопоромъ. Толь шпанное образование ногъ причиною, что онъ не могутъ дѣйствовать перпендикулярно, и поддерживать его, подобно прочимъ чешвероногимъ. Посему, когда бываешь онъ на землѣ, брюхо его всегда до нея касается. Но если бы лапы его не были такимъ образомъ расположены, то шѣмъ съ большимъ шрудомъ могъ бы онъ держаться на нихъ; ибо ноги его безъ плесны, когти же длинны, остры и загнуты,

накъ, что когда онъ споншь, то поддер-
живаешь одними ихъ оконечностями, по-
добно чловѣку, кошорый вздумалъ бы опе-
реться на койцы своихъ пальцевъ, на ру-
кахъ и ногахъ. Если бы земля была совер-
шенно ровна, то Тихоходъ не могъ бы сой-
ти съ мѣста; но какъ поверхность оной
вообще кочковата и усѣяна камнями и ку-
спиками шравы, а пошому онъ протяги-
ваетъ свои лапы въ разныя стороны; пока
за что нибудь не уцѣпится; и тогда уже
подаешь впередъ, но съ такою медленно-
стію и неловкостію, что это самое заста-
вило дать ему названіе *Тихохода*. Нечаль-
ные взгляды и вздохи его показываютъ въ
то время всю шрудность его положенія.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Имянные Англійскіе Министры.

Въ Gazette de France отъ 11 Августа, No 235, помѣщены слѣдующія извѣстія о живыиныхъ Англійскихъ Министрахъ, собранныя изъ жизнеописаній, Лондонскихъ Газетъ и разговоровъ съ Англійчанами:

Министры Члены Палаты Лордовъ:

Лордъ Годричъ, (извѣстный прежде отъ его подья именемъ Робинсона) первый Лордъ Казначейства, имѣетъ 42 года отъ роду, меньшій сынъ Лорда Грашама, женатъ на сестрѣ Маркизы Лондондерри, вдовы Министра. Лордъ Годричъ началъ подиптическое свое поприще, вступленіемъ въ миссію Лорда Кастельре, при Шашильонскомъ Конгрессѣ въ 1814 году; въ послѣдствіи его назначили Казначеемъ Морскихъ силъ и Вице-Президентомъ Коммерческаго Департамента. Въ 1822, онъ наименованъ Канцлеромъ финансовъ, и по удаленіи Лорда Ливерпуля, возведенъ въ достоинство Перова. Вся хваля въ немъ умѣренность, кошорая въ немъ

нѣшнемъ его положеніи, конечно еще увеличился; онъ всегда былъ расположенъ въ пользу уравненія Каптоликовъ въ правахъ съ Протестантами.

Лордъ Дудлей и Вардъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, имѣетъ оупъ роду 40 лѣтъ. Умѣренные Виги нѣкогда помѣщали его имя въ своемъ списокѣ; со времени кончины его ошца, последовавшей за чепыре года предъ сямъ, онъ принадлежишь къ партіи Тори. Онъ любиятъ Словесность и всегда подавалъ голосъ въ пользу Каптоликовъ.

Лордъ Амдгурстъ, главный Канцлеръ; оупъ роду ему 43 годъ; онъ былъ въ молодости своей отличнымъ адвокатомъ. Онъ родился въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; ошець его былъ славный Живописецъ Коплей. Онъ вступилъ въ Министрство при Лордѣ Каспелере, и не расположенъ въ пользу дарованія правъ Каптоликамъ.

Герцогъ Портландъ; имѣетъ 54 года оупъ роду; Президентъ Совѣща, вмѣсто Лорда Гарробея. Онъ женатъ на сестрѣ покойнаго Г. Каннинга, и принадлежалъ къ числу умѣренныхъ Виговъ. Его ошець былъ Министромъ во времена Пизша и Персеваля. Онъ расположенъ въ пользу Каптоликовъ.

Лордъ Карлейль, 47 лѣтъ отъ рожденія; Хранитель печати. Вигъ увѣренный. Расположенъ въ пользу Католиковъ, женатъ на сестрѣ Леди Гренвилъ, супруги Посланника при Парижскомъ Дворѣ, и только теперь вступилъ на поприще политики.

Лордъ Бекслей, Канцлеръ Ланкастерскій, извѣстный подъ именемъ Вансшарпа, весьма свѣдущъ въ Финансахъ; онъ былъ Канцлеромъ Департамента Финансовъ послѣ Г. Персеваля, умершваемаго въ 1812 году, и правилъ сію должность до 1822 года, когда его смѣнилъ Г. Робинсонъ, чшо нынѣ Лордъ Годричъ. Г. Вансшарпъ наименованъ былъ Перомъ, съ оставленіемъ его Членомъ Министерства. Отъ рожденія имѣетъ онъ 64 года. Онъ рѣшишельный Торъ, но всегда подавалъ свой голосъ въ пользу Католиковъ. Лорду Бекслею приписываютъ много опытности въ дѣлахъ Финансовыхъ.

Маркизь Лансдаунъ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, имѣетъ 47 лѣтъ отъ роду, Вигъ увѣренный, и сынъ знаменитаго Маркиза Лансдауна, извѣснаго въ 1761 году Министра, подъ пшпломъ Лорда Шельборна. Маркизь Лансдаунъ уже на 26 году отъ рожденія былъ Канцлеромъ Казначейства, въ краткое Министерство Фокса 1806 года; тогда назывался онъ Сиръ Генри Пеш-

лей. Старшій его братъ былъ тогда живъ и пользовался шипломъ Маркиза. Сей Министръ всегда поддерживалъ претребованіи Ирландскихъ Католиковъ.

Маркизь Англези, имѣешь 50 лѣтъ ошъ роду, знамениый кавалерійскій Генераль, прозванный *Мюратомъ* Англійской арміи. Онъ смѣнилъ Герцога Веллингтона въ званіи Генераль-Фельдцейгмейстера. Онъ рѣшительный Тори, и пропившися дѣлу Ирландскихъ Католиковъ.

Министры члены Нижней Палаты:

Г. Геррисъ, Канцлеръ Казначейства, Тори рѣшительный, имѣешь ошъ рожденія 48 лѣтъ, племянникъ знамениаго Банкира сего имени; онъ началъ службу въ Казначействѣ. Въ 1807 году онъ назначень былъ чашцинымъ Секретаремъ Г. Персеваля. По смерти сего Министра, его опредѣлили въ Провіантмейстеры арміи. По заключеніи мира, сія должность прекратилась, и Г. Геррисъ помѣщенъ былъ по гражданской частци. По смерти Маркиза Лондондерри, его опредѣлили Секретаремъ въ Казначействѣ и избрали въ Члены Парламента. Онъ имѣешь обширныя свѣдѣнія по частци Финансовъ и Политической Экономіи. Онъ обучался въ Германіи, и перевелъ на Англійскій языкъ все сочиненія Г. Генца: о Финансахъ Англій. Во

время послѣднихъ преній по дѣлу Ирландскихъ Кашоликовъ, Г. Геррисъ подавъ голосъ прошивъ ихъ.

Г. Гускиссонъ, Бигъ умѣренный, Министръ колоній, имѣешь ошъ роду 62 года. Всѣ отдающъ полную справедливостъ его познаніямъ по всѣмъ частямъ Финансовъ, Коммерціи и Экономіи Политической. Онъ сынъ Дуврскаго аптекаря, и въ 1791 году прибылъ въ Парижъ, для изученія Хирургіи, находился въ сей столицѣ во время владычества Якобинцевъ и дѣлалъ важныя наблюденія. Г. Пиншъ имѣлъ случай ошлачить его уже съ сего времени, и лишь только началась война, онъ употребленъ былъ сямъ Министромъ. Онъ былъ вторымъ Секретаремъ Министерствъ Колоній и Иностранныхъ Дѣлъ. Когда Г. Каннингъ, бывшій всегда его другомъ, вступилъ въ Министерство, въ 1807 году, Г. Гускиссонъ назначенъ былъ Секретаремъ въ Казначействѣ; но онъ оставилъ оше мѣсто, когда Каннингъ вышелъ изъ Министерства послѣ поединка съ Лордомъ Касельере. Въ 1826, Г. Каннингъ снова вступилъ въ Министерство Управляющимъ Остъ-Индскими дѣлами, и Г. Гускиссонъ опредѣлился Комиссаромъ дѣловъ. По смерти Маркиса Лондондерри, его наименовали Президентомъ Де-

першаго министра Коммерціи и Членомъ Совѣта. Онъ всегда былъ убѣжденъ въ пользу Ирландскихъ Каполиковъ.

Г. Вейнъ, Президентъ Департамента Индійскихъ Дѣлъ, смѣнилъ Г. Каннинга въ 1821 году. Онъ въ родствѣ съ семействомъ Гренвилль, которая имѣетъ сильное вліяніе въ Министерствѣ. Онъ Тори рѣшительный и расположенъ въ пользу Каполиковъ.

Лордъ Пальмерстонъ, Секретарь Военнаго Министерства, имѣющій обширныя свѣдѣнія по сей части управленія. Тори, убѣжденный въ пользу Каполиковъ.

Г. Стюрджъ-Бурнъ, богатый помѣщикъ и другъ покойнаго Каннинга. Тори рѣшительный, но приверженный къ дѣлу Каполиковъ. Онъ Коммисарь лѣсовъ. Онъ доселѣ никогда не былъ въ Министерствѣ. Его дѣятельность ограничивалась попеченіемъ о пособіи бѣднымъ и о человеколюбивыхъ заведеніяхъ.

Г. Тирней, 64 лѣтъ отъ рожденія, Директоръ Монетнаго двора. Въ продолженіе 30 лѣтъ онъ участвовалъ во всѣхъ преніяхъ Нижней Палаты о разныхъ предметахъ Финансовъ. Въ 1787 онъ имѣлъ поединокъ съ Г. Пипшомъ. Въ то время онъ придерживался партіи Виговъ, но когда въ 1800 году Лордъ Аддингтонъ (Лордъ Сидмунъ) смѣ-

ялъ Г. Пишпа, Г. Тирней, былъ опредѣленъ Казначеемъ Морскихъ силъ. Онъ оставилъ сію должность съ возвращеніемъ въ Министерствѣ Г. Пишпа, и былъ смѣненъ Г; Каинингомъ. Онъ не принадлежалъ къ Министерствѣ Фокса. Будучи ошатнымъ орашоромъ, онъ почти всегда придерживался партіи Виговъ и подавалъ голосъ въ пользу уравненія Каполиковъ.

Г. Грантъ, бывший Вице-Президентъ, нынѣ Президентъ Департамента Коммерціи, Тори рѣшищельный. Съ 1817 по 1822 годъ, онъ былъ Спашсъ-Секретаремъ Ирландскихъ Дѣлъ; онъ явный приверженецъ Ирландскихъ Каполиковъ. Хвалитъ его свѣдѣнія по части Финансовъ.

Изъ сего явствуетъ, что въ числѣ пятнадцати Членовъ Министерства, находящагося только пять Виговъ, и четверо дѣйствующихъ противъ сравненія Ирландскихъ Каполиковъ съ Протестантами.

VI.

С М Ъ С Ь.

Ж у р н а л и с т и к ъ (*)

„Порока и глупости не должно представлять въ увеличительныя зеркала: имъ это по рукъ. Они скажутъ: „мы себя здѣсь не узнаемъ“ — и ваши исправительныя мѣры останутся безъ усѣха. — Лучше допрогивайтесь слегка, но задирайте всегда за живое, п. с. за испинос.“

См. М. Т. 1827 года No 3, стр. 237.

„Какъ непостоянно счастье сего міра! какъ ни скоро оно достигаетъ своего любимца, но все кажется скорѣе, или лучше сказать мгновеннѣе его оставяешь, и припомъ въ ту самую минушу, когда счастливецъ думаешь вознестись на верхъ онаго,“ мысленно повторилъ я это шаринное правило, сидя подъ окошкомъ и дымясь въ вахшшафъ. — Небольшой спукъ заставилъ меня оглянуться, и я съ удивленіемъ увидѣлъ вошедшаго ко мнѣ шариннаго моего знакомца, Г. Б. . . . — Его посѣщеніе, смирен-

(*) Журналистами называются люди, ничего не читающіе кромѣ нѣкоторыхъ Журналовъ, и ничего не знающіе, кромѣ того, что написано въ нѣкоторыхъ Журналахъ.

ная поспушь и приходъ пѣшкомъ, меня крайне удивили. — Бывало Б. . . . являлся всюду съ шумомъ, крикомъ, входилъ въ комнату не снимая шляпы, кобенился, ложился на диванъ, хоша ири дамахъ; кашался на лихой чепвернѣ въ новомодномъ ландо, или мчался на ухарскомъ рысакѣ въ кабриолетѣ, сопровождаемый Англійскимъ жокеемъ; а теперь, пѣшечкомъ пришелъ ко мнѣ шакъ смиренно, что я не примѣшилъ, какъ онъ вошелъ въ комнату, — все это шѣмъ боате меня изумило, что я не видалъ его у себя съ шѣхъ поръ, какъ проказница фортуна нарядила его въ куцой фракъ и снабдила рысаками и кабриолетомъ. — „Здравствуй, любезный другъ, сказала мнѣ печально Б. . . , я виновашъ предъ тобою; смѣшное шщеславіе, которое называюшъ приличіемъ свѣша, побудило меня разнакомннться съ тобою.“ Виша не велика, ошвѣчалъ я, не ты первый, не ты послѣдній, — серднншься мнѣ не за что, что ты, сидя въ раззолоченной каретѣ, не замѣчалъ, или лучше сказать ошворачивался въ сторону, увидя меня, шшко идущаго по трошурару; — скажи мнѣ шолько, ошъ чего въ тебѣ такая перемѣна?

Б. Увы, мой другъ! счастье бросило меня; я ошнншь спалъ по прежнему бадень, шолько спалъ богаче прежняго долгами!

А. Онь чего такъ скоро все переи-
нилось?

Б. Тебѣ извѣстно, что старая Брига-
дирша Н... была мнѣ родственница, я къ
ней всячески старался поддѣлываться; на-
конецъ успѣлъ такъ вкрасѣться къ ней въ
любви и довѣренности, что она взяла меня
къ себѣ жить; будучи сама больна, поручи-
ла мнѣ въ управленіе все свое имѣніе и до-
ходы, обѣщая по смерти сдѣлать полнымъ
своимъ наследникомъ. — Тутъ-шо я зажилъ
ухарски! мой экипажъ, лошади, ливрея, бы-
ли извѣстны цѣлому городу. — Пришелей
у меня была куча: поэмы и прозаики, пси-
вые охотники и игроки, всѣ толпою вали-
лись ко мнѣ; Шампанское лилось у меня
рѣкою; уже по милости моей четверки гнѣ-
дыхъ меня принимали вездѣ въ шонныхъ до-
махъ, называли *jeune hotte, comme il faut*;
маменьки и дочки, начинали имѣть свои
виды на меня, и не одна красавица, любясь
подъ Новинскимъ моимъ экипажемъ, желала
нѣкогда вздѣшь въ немъ со мною, какъ Г-жа
Б. . . .; уже и самъ я надѣялся назваться сво-
ею одну изъ Княженъ Т. . . .скихъ; но Г-нот-
те пророче, Dieu dispose. Оглушенный виномъ
и похвалами друзей, я не забоиhsя о бу-
дущемъ, не старался устроиhsя свои дѣла,
полагая, что моя благодѣтельница безсмерт-

на, какъ вдругъ, сверхъ чаянiя она впала въ шяжку болѣзнь и чрезъ недѣлю умерла, не успѣвъ сдѣлать въ пользу мою духовнаго завѣщанiя, безъ кошораго я не имѣю ни малѣйшаго права бытъ ея наследникомъ.

А. Признаюсь ошккровенно, хоня шы и не заслуживаешь сожалѣнiя; но я все таки о тебѣ сожалѣю. Привыкнувъ жить пышно, и вдругъ впася въ нищету, имѣя при томъ кучу долговъ и не имѣя средства заплашить ихъ, а можешь бытъ кончишь жизнь въ шюрмѣ, безъ сомнѣнiя ужасно. Да скажи мнѣ пожауй, много ли шы долженъ?

Б. Болѣе 140 тысячъ рублей.

А. Какимъ же образомъ, и для чего шы задолжалъ такую сумму?

Б. Сначала, когда еще я только что начиналъ поддѣлываться къ своей родшвенницѣ, не надѣясь на скорый успѣхъ моего предпрiятiя, я хопѣлъ, между прочимъ, попытать счастья въ карточной игрѣ, а для сего мнѣ нужны были деньги. — Наличными мнѣ никто не вѣрилъ, и я принужденъ былъ покупать вещи на заемныя письма дорого, и продавалъ ихъ дешево на чистыя деньги; шакъ напр. купилъ я у барышника пару рысаковъ, далъ заемное письмо ему въ 12 тысячъ рублей, а рысаковъ насилу сбывъ за 2 тысячи рублей. Подобныя сей спеку-

ляціи запушали меня въ долги; пріобрѣши же довѣренность моей родственницы, я не забоишся съ ними распахшиться; пошому чшо заплашишь всѣмъ кредиторамъ разомъ я не имѣлъ средствъ, а начашъ удовлетворяшъ по одному, невозможно пошому, чшо эшо подало бы поводъ другимъ настояшельнѣе требовашъ съ меня плашы; къ шому же шолпа кредиторовъ въ прихожей, по жалкому мнѣнію модниковъ, придаешъ вѣсь молодому чедовѣку, желающему бытъ извѣстнымъ въ свѣтѣ.

А. Эхъ! жишъ бы шебъ посщеценнѣе, не ѣздишъ бы въ модныхъ кабриолешахъ.

Б. Ахъ! не говори объ эшомъ прокляшомъ кабриолешѣ; воспоминаніе о немъ сильнѣно меня тревожишъ!

А. Чшо шакое?

Б. Кабриолешъ эшошъ купленъ мною на нѣкѣ деньги, кошорыя я получилъ ошъ покойной моей родственницы, для раздачи ея людямъ на жалованье, кошораго они и по сіе время не получали; жалобы и прокляшія ихъ преслѣдующъ меня всюду.

А. Вопшъ до чего довело шебя швое удаальство!

Б. Неужели въ момъ пошупкахъ ешъ удаальство?

Я. Конечно, какъ же назвешь ихъ? Плушовсшво, шакъ ты обидишься; впрочеиъ удалъсшво и наушовсшво, чушь ли не сио-нимм.

Б. И шакъ мнѣ оснаешся ушвшаиися шѣмъ, что я по крайней мѣрѣ Поэтиъ!

Я. Почему же?

Б. Да въ No 10 М. Т. на сир. 119 ска-зано: „гдѣ естѣ удалъсшво, тамъ свидшвен-но естѣ и Поэзиа.“

Я. Прекрасная Логика! превосходный ком-плиментъ нашимъ Поэтамъ; ежели по мнѣию М. Т. всякой удалецъ естѣ Поэтиъ, то нѣчего намъ жаловаться на недосшашокъ въ Поэ-шакъ: спомнишь заглянушь въ смиришельные доми, то нѣкуда будешь двашься оти нихъ... Пославъ этого, пожалуй, онъ и нвое искусство барышничашь лошадыи назовешь похвалыныиъ.

Б. А что ты думаешь? да! „лучше все-го барышничашь и цыганишь лошадыи: въ этомъ ремеслѣ, хоши и не совершенно без-грѣшномъ, все естѣ какое-шо удалъсшво, и свидшвенно Поэзиа!“

Я. Это кто тебѣ сказаъ?

Б. Все шакъ 10 No М. Т. сир. 119-я. Да что съ шобою говоришь о Лшперашу-рѣ! ты профанъ, ничего не знаешь; какой ты любишель просвѣщенiа! я думаю, ты не

видна и Поэмы Пушкина Цыганъ, напеча-
шанной на пергамина?

А. Нѣтъ.

Б. Вошъ и видно, что имъ не библио-
графъ и не охотникъ до типографическихъ
рѣдкостей.

А. Что имъ хочешь сказать элими?

Б. А вошъ что: въ No 7 М. Т. на стр.
235, извѣщаетъ Издашель Библиографовъ и
охотниковъ до типографическихъ рѣдко-
стей, что одинъ экземпляръ Поэмы: Цыга-
ны, напечатанъ на пергамина.

А. Очень вѣрю, что канечатать можно
всякую книгу на пергамина; но только это
совсемъ не рѣдкость. — Пергамина для По-
эмы Цыганы, довольно на 2 рубля, а шрифтъ,
вѣроятно для одного экземпляра не былъ
выписанъ особенный, — типографу все
равно, что печатать одинъ экземпляръ, что
600; ибо плата типографу берется за на-
боръ, а не за печать. Издашель Телеграфа
вѣрно сказалъ, что книги, писанныя и пе-
чатанныя на пергамина, дорого цѣнятся, по-
думалъ, что причиною этому пергамина, а
не древность книгъ, которыхъ до изобреще-
нiя бумаги изъ шривалъ, обыкновенно писа-
лись и печатались на пергамина.

Б. Не можешь спашься, чтобы Г. Из-
дашель М. Т. не зналъ этого; онъ человекъ

ученийшій , знаешь даже Санскришкїй языкъ.

Я. Воля швоя, чшо хочешь говори, а я никогда не повѣрю, чшобы Г. Издашель М. Т. зналъ по-Санскришски.

Б. Почему же?

Я. Пошому, чшо не у кого, было ему учинься вшому языку; а самоучкою выучишься не возможно даже и по-Французски; объ вшомъ самъ Г. Издашель М. Т. много разъ *рѣшительно* ушверждалъ въ своемъ Журналь.

Б. Эшо вамъ; но инымъ — все возможно. Напримѣръ, шы, я думаю, не повѣришь, чшо можно списашь норшрешъ съ одного и шого же человека, конорый будешъ и похожъ и не похожъ?

Я. Какое прошиворвчїе! можетъ ли вшо бышь? Должно бышь чшо нибудь одно: сходшво или несходшво.

Б. Нѣшь! можешъ бышь шо и другое вмѣстѣ. Ссылаюсь на No 9 М. Т. на стр. 33.

Я. Чшо жъ тамъ написано?

Б. А шо, чшо норшрешъ Пушкина, написанный Г. Тропкиннымъ, и похожъ и не похожъ; а вошь доказашельства: „сходшво норшреша съ подлинникомъ поразительво,“ Сказовашельно поршрешъ похожъ?

Я. Кажешся вшо ясно.

Б. Далѣе о томъ же портретѣ сказано: „Художникъ не могъ совершенно схватить быстрой взгляда и живаго выраженія лица Поэта.“

А. Такъ стало портретъ не похожъ?

Б. Тамъ же напечатано: „Физиогномія Пушкина, столь опредѣленная, выразительная, что всякій хорошій живописецъ можетъ схватить ее.“

А. Слѣдовательно всякій, знающій свое дѣло живописецъ, можетъ написать портретъ Пушкина удачно?

Б. Казалось бы такъ, но въ слѣдъ за симъ Телеграфъ говоритъ, что физиогномія Пушкина „такъ измѣнчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы одинъ портретъ Пушкина могъ дать о ней истинное понятіе.“ И такъ, видишь ли, что я правъ, сказавши, что есть портретъ, который вмѣстѣ похожъ и не похожъ на того, кого онъ изображаетъ.

А. Ну, братъ, все это похоже на пары зыбкаго идеологизма, носящагося въ окрестности безпредѣльности.

Б. Не щеголай чужими-то фразами: объ всякомъ парѣ точно такъ сказано въ № 3 М. Т. на стр. 239.

А. Пожалуй, ежели конешъ, я еще сделаю сравненіе: описаніе въ М. Т. портрета

Пушкина, подобно *свѣтлу дню, проникающему нечувствительно, или лучше сказать, неизслѣдуемо и туда, гдѣ неощутительно, неочевидно непосредственно дѣйствіе лучей его.*

Б. И это не швое: объ этомъ неощутительномъ и нечувствительномъ свѣтѣ почто такъ напечатано въ No 7 М. Т. на стр. 195.

А. Слѣдовательно, кто теперь ни скажетъ какую нибудь несообразность, ты вѣрно назовешь ее *заимствованною* и укажешь пошчасъ на кошорую нибудь страницу М. Т., гдѣ она уже напечатана?

Б. Нѣтъ! тамъ несообразностей не печатаютъ; въ М. Т. на каждой страницѣ видна *возвышенная стачка гениевъ.*

А. Ужъ и эту стачку ты нашелъ не въ Телеграфѣ ли?

Б. Именно, въ No 7 на стр. 195. Да что мнѣ спорить съ тобою; мы съ Телеграфомъ любимъ рѣшиительно утверждать, а не спорить; ибо въ спорѣ нужны доказательства, а мы ихъ не шерпимъ. Знаешь ли ты, что Пушкинъ не только знаменитый Поэтъ; но онъ даже и знаменитый воинъ?

А. Знаю, что Пушкинъ превосходный Поэтъ, но въ первый разъ слышу, что онъ

вѣннъ; пошому чшо онъ никогда и не служилъ въ военной службѣ.

Б. Въ М. Т. въ No 10 на стр. 115 сказано, чшо „Пушкинъ въ удачномъ завоеваніи присвоилъ себѣ племя Цыганъ съ оригинальною ихъ физиогномією и покорила оное владычеству Поэзи.“

Я. Я очень радъ, чшо наконецъ эти бродяги попались въ добрыя руки, авось ихъ приучашь занимашься чѣмъ-либо полезнымъ.

Б. Видишь ли, правду говоришь Издашель Телеграфа въ No 10 на стр. 122, чшо „Пушкинъ можешь еще плышь далѣе въ глубь и поноводіе.“

Я. Безъ сомнѣнія для новыхъ завоеваній?

Б. Конечно, онъ ошличившій Поэшъ; скажи, кшо ему равенъ?

Я. Не говоря о древнихъ, можно назвашь себѣ ошличившыхъ Поэшовъ, жившихъ въ наши времена, напр. Шиллеръ.

Б. Хошя въ No 1 М. Т. на стр. 58 сказано, чшо: „Шиллеръ всегда ошличный Поэшъ, испинный пророкъ изящнаго,“ — но далѣе доказываешься, чшо всѣ его шрагедіи не хороши.

Я. Какъ же это такъ? Шиллеръ писашель ошличный, а сочиненія его дурны? Это

брашъ прошиворъчїе! Напримѣръ, его трагедїя Разбойники; не ужели не хороша?

Б. Въ М. Т. No 8 на стр. 294 сказано: что „въ ней бѣдиость дѣйствїя, несообразности характеровъ и много промаховъ врѣшивъ правдоподобїя.“

Я. Ну, а Заговоръ Фїеска?

Б. М. Т. въ No 8 на стр. 295, говоритъ, что эта трагедїя не хороша пошому, что „въ ней Веррино осшавилъ Бершу совершенно одну, даже безъ какой-нибудь старухи, которая бы могла закричать: караулъ.“ А пришомъ характеръ Фїеска *спасалъ* Шлааеромъ съ Димитрія Самозванца Сумарокова.

Я. Славныя доказательства! Что же ты мнѣ скажешь о трагедїи: Коварство и любовь?

Б. М. Т. въ No 8 на стр. 299 говоритъ, что она „не есть трагедїя, пошому что ходъ ея не правдоподобенъ и невѣроушенъ.“

Я. Уже ли и Донъ Карлосъ не хорошъ?

Б. М. Т. въ No 6 на стр. 300 и 301, говоритъ, что „въ Донъ Карлосъ, Шлааеръ слишкомъ заговорился, что оный увидѣлъ нравственный характеръ Донъ Карлоса, представлялъ его сантиментальнымъ любовникомъ, котораго любовь *испаряется въ словахъ и оздохатъ*.“

А. Ты вѣрно, являя, говоришь, что это напечатано въ М. Т., потому, что всѣ твои сужденія о трагедіяхъ Шиллера суть подражаніе сужденію о классикахъ Г. Поппелла въ Вольперовомъ Кандидѣ.

Б. Нѣтъ, все сказанное мною, я читала въ М. Т. сего 1827 года. Да мало ли есть намъ новаго; напримѣръ: „многіе Гете, но какому-то: *темному слуху*, называютъ величайшимъ гениемъ, съ которымъ нельзя сравнить Шиллера.“

А. Почему же?

Б. М. Т. въ № 1 на стр. 59 говоритъ: „я думаю, нельзя потому, что не должно.“

А. Только потому?

Б. Чего же тебѣ больше? Гете потому только хвалятъ въ Германіи, какъ говорится въ М. Т. № 6 на стр. 93, что „уши Нѣмцевъ уживчивѣе.“

А. Помилуй! неужели у Нѣмцевъ нѣтъ человека, который бы могъ справедливо оцѣнить произведенія своихъ соотечественниковъ; на пр. Шлегель, который показалъ отличный образецъ своихъ сужденій, не только о Нѣмецкомъ, но даже и о Французскомъ театрѣ?

Б. М. Т. въ № 6 на стр. 92 говоритъ, что „Шлегель судитъ о Французскомъ те-

апрѣ, не какъ знашокъ, или охошникъ, но какъ заимодавецъ подъ вещи.“

Я. Послѣ такихъ приговоровъ Шиллеру, Гете и Шлегелю, ничего ожидашь добраго и Вальшеру Скопшу.“

Б. М. Т. въ No 11 на стр. 256 говоришь, „что Вальшеръ Скопшъ носитъ желтыя очки, и что онъ, воюя съ непріа-шелемъ, хочешь, бишь его чѣмъ ни попало, и дѣдовскимъ копьемъ и кухоннымъ сковородникомъ.“

Я. Это съ чего взялъ швой М. Т.?

Б. Какъ съ чего? Издашель Телеграфа хорошо знаетъ Ангаійскій языкъ; онъ читалъ сочиненія В. Скопша въ подлинникъ, а не въ Русскомъ переводѣ, простианномъ сквозь рѣшето Французской прозы.“

Я. Гдѣ ны доспалъ это рѣшето Французской прозы?

Б. Все таки въ М. Т. No 11 на стр. 257. Да ны, брашець, я вижу приспращенъ къ иноспранцамъ, въ шебъ вовсе нѣтъ *краснаго патриотизма*, изобрѣшеннаго въ No 11 М. Т. на стр. 232. Я думаю, шебъ не повра-вишся, что въ No 7 М. Т. на стр. 199 ска-зано, что Элегія Барашынскаго сушь „ни-что иное, какъ яркое лишье искусной зо-лошопвейки.“

Я. Помилуй, какъ можно Пювша сравни-
вашь съ золошошвейкою? гдѣ шупь истина?

Б. М. Т. Но 7 на спр. 197 говорить,
что „истина брошена долу на драку мелоч-
нымъ спраспямъ.“

Я. Признаюсь, я это въ первый разъ
слышу.

Б. Мало ли чего ты не слышалъ? Из-
вѣстно ли тебѣ, какъ сказано въ Но 7 М.
Т. на спр. 193, что „Мицкевичъ, Польскій
Пювшъ, задираетъ насъ оболъстительною
въжливостію.“

Я. Какимъ же образомъ?

Б. „Печашая свои сонешы въ Москвѣ.“

Я. Что жъ шупь удивительнаго? Миц-
кевичъ живеть въ Москвѣ, сѣдовашельно,
ему удобнѣе напечашашь свои сонешы въ
Москвѣ, нежели посылашь ихъ для напеча-
шанія въ Варшаву.

Б. Это тебѣ неудвишельно; а М. Т.
въ Но 7 на спр. 191 называетъ это печашаніе
„явленіемъ необычайнымъ и удовле-
творительнымъ.“

Я. Издашель М. Т. естъ геній, дивю-
щій свой покрой, свое чутье изящнаго (*).“

(*) Сія выраженія замисшвованы въ сочиненіи
Князя П. А. Виземскаго, напечатанныхъ въ Дам-
скомъ Журналѣ Князя П. И. Шаликова.

Б. А знаешь ли ты, какъ М. Т. въ No 1 на стр. 59 опредѣляетъ гений?

А. Не знаю.

Б. Онъ говоритъ, что „гений есть не квадратная миля.“

А. Вѣрно М. Т. хочетъ мѣрить гений аршинами; можно ожидать, что онъ скоро начнетъ размѣнивать славу?

Б. Не только начнетъ, а уже началъ; ибо въ No 2 М. Т. на стр. 158 сказано: „въ нашъ вѣкъ литературная слава размѣнивается на мелочь.“

А. Поздравляю тебя съ пріобрѣщеніемъ такихъ познаній; удивляюсь только тому, какъ ты самъ не вздумаешь издавать Журнала, или не завербуешь въ содрудники къ какому нибудь Журналисту; при твоихъ разспрѣденныхъ дѣлахъ это лучшее средство. Почему знать? Можешь быть; тебѣ удалось бы заплатить свои долги журнальнымъ рапоборствомъ.

Б. Да чѣмъ же я худой содрудникъ? Журналъ будетъ у насъ славный: я буду завѣдывать полемикою; а М...скій повзлею, и въ шляпѣ дѣло. — Прощай! пора мнѣ домой. Спасибо тебѣ за совѣтъ.

А. Желаю тебѣ успѣховъ; только смотри пиши крѣпки своеобразіе; и М...

скому скажи, чтобы онъ не зажигалъ Фель-
болью огарка.

Пустынникъ.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1827.

П о з в і я.

35. *Братья разбойники, соч. А. Пушкина*
(писано въ 1820 году). М. въ типогр.
Августа Семенова, 1827, въ 8, 15 стр.

(Повзвѣ и Музыка производятъ очарова-
тельное, можно даже сказать чудное дѣй-
ствіе на душу человека. Первая возбуж-
даетъ въ насъ иногда соучастіе къ лицамъ
и предметамъ, кои, въ обыкновенномъ о нихъ
понятіи, болѣе способны внушать намъ не-
годование, даже отвращеніе, нежели какое
либо чувство доброжелательства; вторая,
нерѣдко-выражая звуками нестройно, пѣ-
ваетъ намъ гармонію самаго разногласія.
Таково волшебство Изыщныхъ Искусствъ!

Они насматриваются душу на шопъ ладъ, на который хопъль ее навесни своеправный геній. Поява или Сочинителя Музыки. Мы негодуемъ на пороки дѣйствующаго лица Поэмы — и невольно удѣляемъ ему вздохъ сожалѣнія; досадуемъ на нѣкоторыя звуки, оскорбляющіе нашъ слухъ, — и не можемъ себѣ дать отчета, почему въ цѣломъ они намъ нравятся? Небольшая Поэма Пушкина: *Братья разбойники*, служишь новымъ подкрѣпленіемъ сей задачи. Въ сей Поэмѣ, разбойникъ, недавно завербовавшійся въ шайку развратной вольницы, рассказываетъ удаю свою жизнь, набѣги, грабежи и убійства: ни одна добрая наклонность, ни одно доброе дѣло не искупаюшь пороковъ его и злодѣйствъ. Наконецъ онъ, вмѣстѣ съ брашомъ своимъ и шоварищемъ въ разболахъ, попадающа въ руки правосудія, закованы и брошены въ шюрму, ожидая достойной мзды своихъ преступленій. Братъ его, младшій годами, не могъ перенести узничества; онъ впалъ въ шаякую болѣзнь, и въ бреду горячки, между устрашающими его призраками, видитъ нѣкогда зарѣзаннаго ими шарца и умоляетъ брата пощадить сѣдны его.

„Но молодость свое взяла:

болѣной выздоравливаетъ. Братьямъ разбой-

никакъ удаешь обманушь своихъ спиражей; они переплывають черезъ рѣку, отбывающиса отъ погони и уходящя. Но тушь младшій снова впадаешь въ недугъ—и умираешь. Старшій предаешь бездушный шрупъ земль, совершивъ надъ нимъ грѣшную молитву и снова отправляешь на промысль. Не та уже для него жизнь; нѣшь прежней, буйной радости: „могила брата все взяла“ говоришь онъ, и послѣдняя жалость замерла въ его сердць.

„Но иногда щажу морщины:
Мнѣ жалко рѣзашь старика;
На беззащитныя сѣдины
Не поднимаешь рука.“

И эшимъ онъ плашишь дань памяти своего брата, который умоляль его въ пюръмъ за старца. — Въ характеръ сего разбойника, при всей его жестокости и развратности, видимъ одно господствующее чувство природы — любовь брашскую: она, за недостаткомъ добродѣтели, за опсушпвиемъ совѣсти, сдерживаешь иногда въ немъ порывы кровожадности; и она-то, выраженная очаровательными стихами Пушкина, пробуждаешь въ насъ минувное чувство жалости, даже къ разбойнику. Вошь нравствен-ная спорона сей Поэмы, изъ которой можно вывести послѣдствіе, что человекъ, да-

же въ крайнемъ униженіи своемъ , не возсе
еще опмешаетъ шѣ чувствованія, которыя
Милосердый Проясль влилъ въ душу его
при самомъ рожденіи.)

КОНЕЦЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ЧАСТИ

VIII. Восточная Литература.

Изображеніе Санскритской Литературы . 321

IX. Коммерція.

Вліяніе законовъ на торговлю 347

X. Современная Исторія и Политика.

Нынѣшніе Англійскіе Министры 376

XI. Стихотворенія.

1. Воспоминанія о роднѣ 88

2. Въ память красавицъ 192

XII. Современная Русская Библиографія 92

193

288

399

XIII. Смѣсь.

Журналистикъ 383

Опечатки въ 15 книжкѣ С. О.

Стран.	Стр.	Напечатано:	Читай:
241	2	всякаго рода люди	злѣди
—	14	Гуфланда.	Ифланда.
—	25	оправдывашь	оправдываютъ.

